

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 520. Ноябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 520. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Влавацкая М.В. Комбинаторная паремиялогия: образование новых паремий с совмещёнными гендерными маркерами в английском языке	5
Заваркина М.В. Метаутопия А. Чаянова в жанровой стратегии А. Платонова	18
Киселев В.С. Переписка Г.Н. Потанина: проблемы источниковедческого описания и машинной атрибуции	29
Олицкая Д.А. Современные форматы переводной множественности	41
Петроченко Е.В. Компоненты слухового образа в процессе восприятия вокально-музыкальной фразы	49
Чермошенцева К.А. Прецедентные феномены как когнитивная база для метафор (на примере современного англоязычного дискурса беременных)	57

ФИЛОСОФИЯ

Грязнова Е.В., Нестеров А.И. Праксиология православной теологии в предметном поле философии науки	69
Кузнецова О.В., Смолина Н.С., Кускова О.Е. Мастера духовности: профессионализация и экспертность	78
Лященко М.Н. Одиночество как бытие-не-со-действие на пути к спасению человека в концепции экзистенциальных «экстремумов» С. Кьеркегора	90
Сидорова Т.А. Ускользание жизни в моральной философии. Казус антинатализма	98

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Дунбинский И.А., Аванесова Е.Г., Кашпур В.В., Хрущева П.Д., Марушенко Д.А. Сравнительный анализ моделей традиционных российских ценностей и их репрезентация в молодежной политике университетов Российской Федерации	107
Ильиных С.А. Технологии искусственного интеллекта в высшем образовании: инструментальный и ценностно-этический аспекты	116

ИСТОРИЯ

Абдуманов Р.А. Киргизы в письменных источниках периода правления эмира Тимура	125
Грибовский М.В. Научное сообщество, власть и предпринимательство в России второй половины XIX – начала XX в.: «Тройная спираль» по-позднеимперски	133
Глущенко А.А., Глущенко Н.А. Кадровые ресурсы ЗАТО Железногорск: источники и механизмы формирования (вторая половина XX в. – начало XXI в.)	143
Казаква-Апкаримова Е.Ю. Уральская общественность и первые Всероссийские съезды по борьбе с пьянством и алкоголизмом: эволюция трезвенного движения в Пермской губернии в начале XX в.	152
Степнов А.О., Шилова М.В., Некрылов С.А. Научно-образовательная система, регионально-промышленное разнообразие и государственная политика в Российской империи: опыт разработки исторической геоинформационной системы	161
Тиникова Е.Е. Исторические судьбы поселков городского типа республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период	173

CONTENTS

PHILOLOGY

Vlavatskaya M.V. Combinatorial paremiology: Creating new paremias with combined gender markers in English	5
Zavarkina M.V. Meta-utopia of A. Chayanov in the genre strategy of A. Platonov	18
Kiselev V.S. Correspondence of G.N. Potanin: Problems of source study description and machine attribution	29
Olitskaya D.A. Contemporary formats of retranslation	41
Petrochenko E.V. Components of auditory image in vocal-musical phrase perception	49
Chermoshentseva K.A. Precedent phenomena as a cognitive basis for metaphors (based on the example of contemporary English-language discourse of pregnant women)	57

PHILOSOPHY

Gryaznova E.V., Nesterov A.I. The praxeology of Orthodox theology in the subject field of philosophy of science	69
Kuznetsova O.V., Smolina N.S., Kuskova O.E. Masters of spirituality: Professionalization and expertise	78
Lyaschenko M.N. Loneliness as being-not-co-acting on the path to human salvation in the concept of existential "extremes" by S. Kierkegaard	90
Sidorova T.A. The escape of life in moral philosophy: The casus of antinatalism	98

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Dubinsky I.A., Avanesova E.G., Kashpur V.V., Marushchenko D.A., Khrushcheva P.D. Comparative analysis of models of traditional Russian values and their representation in the youth policy of Russian universities	107
Ilynykh S.A. Artificial intelligence technologies in higher education: Instrumental and value-ethical aspects	116

HISTORY

Abdumanapov R.A. The Kyrgyz in written sources of the reign of Emir Timur	125
Gribovskiy M.V. The scientific community, government and entrepreneurship in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: The "triple helix" in late imperial style	133
Glushchenko A.A., Glushchenko N.A. Human resources of the closed city of Zheleznogorsk: Sources and mechanisms of formation (second half of the 20th – early 21st century)	143
Kazakova-Apkarimova E.Yu. The Ural community and the first all-Russian congresses on combating drunkenness and alcoholism: The evolution of the temperance movement in Perm province at the beginning of the 20th century	152
Stepnov A.O., Shilova M.V., Nekrylov S.A. Scientific and educational system, regional industrial diversity and state policy in the Russian Empire: Experience of developing a historical geographic information system	161
Tinikova E.E. Historical destinies of urban-type settlements in the republics of Siberia and the Far East during the post-Soviet period	173

ПЕДАГОГИКА

Брель Е.Ю., Курносова С.А., Беляева С.С., Герчес Н.И., Соловьева О.Ю. Структурные детерминанты профессиональных предпочтений обучающихся классов психолого-педагогической направленности: интегративный психологический анализ	182
Вепрева Т.Б., Печинкина О.В. Обучение незрячих в университетах России: вызовы и решения (на примере английского языка)	190
Глухов А.П., Абакумова Н.Н., Червонный М.А., Патраков М.С. Готовность системы общего образования к применению технологий искусственного интеллекта: методологические вызовы регионального внедрения	198
Назмиева Э.И., Андреева Е.А. Формирование профессиональных и иноязычных компетенций у студентов-историков средствами CLIL	206
Поздеева Е.А., Фролова Н.Н., Козлова М.Г. Ритмическая гимнастика: история, тенденции, опыт	214
Стрелкова О.А., Маклакова Н.В., Хованская Е.С. Трансформация педагогической этики в эпоху искусственного интеллекта: этические ориентиры педагога	223

ПРАВО

Габдрахманов А.Р. Защита цифровых прав в гражданском праве Российской Федерации: от понятий к механизмам реализации	233
Гуторова А.Н., Балашов К.Г. Нормативная регламентация использования беспилотных летательных аппаратов в военных целях через призму международного права	240
Зубарев С.М. Правовые формы публичного управления в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз	250
Мезинов Д.А. Понятие и функции мотива и мотивации в поведении и личности лица, подвергаемого уголовному преследованию	259
Овчинников А.И., Селиванова Е.С., Конопиц А.С., Ширинских П.И. Приоритеты и направления международно-правовой политики в сфере обеспечения безопасного использования искусственного интеллекта	270

PEDAGOGICS

Brel E.Yu., Kurnosova S.A., Belyaeva S.S., Gerches N.I., Solovyeva O.Yu. Structural determinants of professional preferences of students in psychology and pedagogy classes: An integrative psychological analysis	182
Vepreva T.B., Pechinkina O.V. Teaching blind students in Russian universities: Challenges and solutions	190
Glukhov A.P., Abakumova N.N., Chervonny M.A., Patravkov M.S. The readiness of the general education system to apply artificial intelligence technologies: Methodological challenges of regional implementation	198
Nazmieva E.I., Andreeva Ye.A. Formation of professional and foreign language competencies of history students using CLIL	206
Pozdeeva E.A., Frolova N.N., Kozlova M.G. Rhythmic gymnastics: History, trends, experience	214
Strelkova O.A., Maklakova N.V., Khovanskaya E.S. Transformation of pedagogical ethics in the age of artificial intelligence: Ethical guidelines for educators	223

LAW

Gabdrakhmanov A.R. Protection of digital rights in civil law of the Russian Federation: From concepts to implementation mechanisms	233
Gutorova A.N., Balashov K.G. Normative regulation of the use of unmanned aerial vehicles for military purposes through the lens of international law	240
Zubarev S.M. Legal forms of public administration in the system of public law support for the internal state sovereignty of the Russian Federation in the context of new challenges and threats	250
Mezinov D.A. The concept and functions of motive and motivation in shaping the behavior and personality of criminally prosecuted individuals	259
Ovchinnikov A.I., Selivanova E.S., Konopiy A.S., Shirinskikh P.I. Priorities and directions of international legal policy in the field of ensuring the safe use of artificial intelligence	270

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 398.91
doi: 10.17223/15617793/520/1

Комбинаторная паремиология: образование новых паремий с совмещенными гендерными маркерами в английском языке

Марина Витальевна Влавацкая¹

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, vlavatskaya@list.ru

Аннотация. Исследуются трансформации узуальных паремий в новые паремии (антипословицы) под влиянием экстралингвистических факторов, связанных со взаимоотношениями мужчин и женщин в англоязычном сообществе. Разработан алгоритм проведения исследования: рассмотрение паремиологических единиц как элементов лингвокультуры; определение терминов «традиционная паремия» и «новая паремия»; выявление трансформационных механизмов образования новых паремий; выделение комбинаторно-семантических характеристик английских антипословиц с параллельным языковым выражением маскулинного и феминного указателей; построение семантико-когнитивной модели отражения современного представления о взаимоотношениях мужчин и женщин, а также выявление корреляций в сознании носителей английского языка как результата динамического процесса в англоязычной картине мира.

Ключевые слова: антипословицы, трансформация пословиц, маскулинный и феминный указатели, комбинаторная лингвистика, принцип языковой комбинаторики; языковые репрезентации гендерных связей, взаимоотношения представителей противоположных полов, эволюция гендерных отношений, корреляции во взаимоотношениях мужчины и женщины, новая антропоцентрическая парадигма

Для цитирования: Влавацкая М.В. Комбинаторная паремиология: образование новых паремий с совмещенными гендерными маркерами в английском языке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 5–17. doi: 10.17223/15617793/520/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/1

Combinatorial paremiology: Creating new paremias with combined gender markers in English

Marina V. Vlavatskaya¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, vlavatskaya@list.ru

Abstract. This study is conducted within the framework of combinatorial paremiology – a branch of combinatorial linguistics that examines new paremias (transformations of traditional ones), specifically their structural, semantic, functional, cognitive and other changes. It thereby aims to identify the extralinguistic causes of these transformations as a result of rejecting stereotypes established in national-cultural worldviews. A combined gender marker is understood as the simultaneous reference within a single paremiological unit to both a man and a woman, for example *Gentlemen prefer blondes* → *Blondes prefer gentlemen with money*. To achieve the research aim – identifying new manifestations of the anthropocentric paradigm in the modern English-speaking world as reflected in new English paremias – a research algorithm was developed. This includes: considering paremiological units as elements of linguoculture; defining the concepts of "traditional paremia" and "new paremia"; identifying structural mechanisms for forming new paremias (addition, implication, substitution, blending, combination, and the paremic model); isolating the combinatorial-semantic features of English new paremias with combined gender markers; and, on this basis, constructing a semantic-cognitive model of contemporary perceptions of male-female relations. This model covers, first, marital relations; second, relations between men and women in general; and third, mercantile-pragmatic relations concerning the extraction of benefits, material and other advantages from gender interactions. The model demonstrates dynamic semantics conditioned by extralinguistic factors and the evolution of cognitive consciousness among representatives of English-speaking culture regarding men and women. The study established that structural transformation and semantic modification of a paremiological unit occur according to the principles of linguistic combinatorics and acquire new functions within the newly formed unit. The novelty of the work lies in substantiating and conducting a comprehensive combinatorial-dynamic study, the stages of which are combinatorial-semantic analysis, semantic-cognitive analysis, and cognitive interpretation. The constructed semantic model, which represents contemporary perceptions of male-female relations as reflected in new English paremias, contains important characteristics of gender interaction. This research shows that language periodically incorporates new attitudes related to male-female relations, driven by extralinguistic realities. New paremias verbalize these relations and introduce important correlations into language in accordance with the demands of the new anthropocentric paradigm. Thus, new paremias as units of linguaculture project an updated human attitude toward the world and the

roles of men and women within it, while also expanding the scope of scientific description of their interrelations in the English-speaking cognitive worldview.

Keywords: anti-proverbs, transformants of proverbs, masculine and feminine signifiers, combinatorial linguistics, combinatorial-semantic analysis, cognitive-dynamic analysis, principle of linguistic combinatorics, linguistic representations of gender relations, relationships between representatives of opposite sexes, evolution of gender relations, correlations in relationships between men and women, new anthropocentric paradigm

For citation: Vlavatskaya, M.V. (2025) Combinatorial paremiology: Creating new paremias with combined gender markers in English. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/1

Введение

Статья посвящена изучению структурно-семантического и когнитивно-динамического преобразования традиционных паремий в новые паремии вследствие экстралингвистических причин и, соответственно, когнитивных изменений в ментальном сознании представителей англоязычного сообщества. Исследование проводится в рамках комбинаторной паремиологии, изучающей способы трансформации паремий, включая их языковое преобразование как результат отрицания сложившихся в обществе стереотипов [1].

Язык – постоянно изменяющаяся коммуникативная система. Единицы языка, включая слова, коллокации, фразеологизмы, паремии и т.п., находятся в непрерывном движении: они ежедневно используются человеком и в процессе своего функционирования нередко изменяют свой «облик», приобретая новый смысл. Для изучения культуры и менталитета народа богатым материалом традиционно считаются паремиологические единицы, или особые единицы языка, которые передают национально-специфическую информацию, обозначают типичные жизненные ситуации и нравственные ценности этноса. В последние десятилетия объектом особого научного интереса стали новые паремии (антипословицы), т.е. «распространенные в речи выражения, опровергающие либо пародирующие пословичную мудрость, а также отражающие в шутильной или ироничной форме современное осмысление жизни человека и окружающей его действительности» [2. С. 111]. Иначе говоря, это «трансформанты традиционных паремий, порождающие иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирующие новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [3. С. 143].

В рамках настоящего исследования важно разграничивать новые паремии и авторские модификации пословиц, которые различаются как по целям, так и по способам образования. Использование модифицированных пословиц, например в литературном произведении, преследует двойную цель: во-первых, чтобы достичь определенного эмоционального эффекта читателя, а во-вторых, чтобы выразить авторскую оценку в отношении описываемых фактов, событий или персонажей. Авторские модификации пословиц делают высказывание необычным, нестандартным во избежание шаблонности [4]. Например, пословица *A bird in the hand is worth two in the bush* / *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* в контексте романа Джона Голсуорси «Over the River» *He complained to Fleur that the book dealt with nothing but birds in the bush* переводится как

Он пожаловался Флер, что в книге нет ничего, кроме пустых обещаний. Антипословицы – это искаженные и переделанные пословицы с ироническим или саркастическим подтекстом, цель которых – разрушить языковые и семантические стереотипы, вводя в паремии нехарактерные для них элементы, включая жаргон, сленг, табуированную лексику [5]. Например, пословица *Curiosity killed the cat* / *Любознательство убило кошку* трансформируется в несколько антипословиц: *Curiosity killed the cat*; *lack of curiosity killed the report*, *Curiosity killed this startup*; *Curiosity killed the idiot* и т.д., которые зафиксированы в официальных лексикографических справочниках и которые именуются как «anti-proverbs», «modern proverbs» или «quotes». Данный факт свидетельствует о том, что в нашем исследовании в качестве языкового материала используется именно эти типы единиц под общим термином «новые паремии».

Не менее важный термин «гендер» относится к полу – мужскому и женскому. Гендерный маркер – это ряд языковых признаков, на основе которых происходит разделение мира человека на две категории: «мужское» и «женское» (*man, woman, he, she, him, her, John, Ann* и др.) или каких-либо присущих им характеристик, свойств, качеств (*to give birth to a baby*) и т.п. В английской лингвокультуре насчитывается много новых паремий, в которых содержится одновременное указание и на мужчину, и на женщину. Для обозначения данной категории единиц представляется целесообразным выделить новые паремии с совмещенными гендерными маркерами, т.е. с параллельным языковым выражением маскулинного и феминного признаков в одной паремиологической единице, например *A man's home is his wife's castle* / *Дом мужчины – это дом его жены*.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения структуры и семантической эволюции новых паремий с гендерными указателями, т.е. трансформантов традиционных пословиц, в которых отражается неприятие общества относительно сложившихся гендерных стереотипов, а также содержится ирония, касающаяся появления новых жизненных ситуаций в современных социально-экономических и культурно-исторических условиях.

Цель исследования – выявление комбинаторно-динамической обусловленности образования новых паремий с совмещенными гендерными маркерами в английском языке в соответствии с новыми проявлениями антропоцентрической парадигмы современного англоязычного общества.

Для достижения цели необходимо: рассмотреть паремиологические единицы как элементы языка и культуры; изучить понятие «новая паремия» и выделить

способы образования данных единиц; выявить комбинаторно-семантические особенности английских новых паремий с совмещенными гендерными маркерами; построить семантико-когнитивную модель, отражающую современные представления об отношениях мужчины и женщины в англоязычной картине мира; определить экстралингвистические причины и процессы эволюционной семантики в языке, результатом которых стало преобразование традиционных пословиц и поговорок в новые паремии.

Теоретической базой исследования стали работы по описанию:

1) паремиологических единиц Э.В. Браташовой [6], М.А. Бредис и др. [7], В. Есеншек [8];

2) новых паремий как трансформантов традиционных паремий Ю.В. Бутко [3], З.К. Бедановой и О.И. Гусевой [9], М.В. Влавацкой и З.М. Зайкиной [1], А.В. Дегальцевой и М.А. Кормилицыной [10], З.М. Зайкиной [11], А.А. Константиновой [12];

3) новых паремий с гендерным маркером в английском языке Е.В. Ивановой [13, 14], М.А. Сташковой [15], М.А. Кирсановой [16], Е.А. Демидкиной [17], М.В. Влавацкой и Я.В. Пуниной [18];

4) проведения семантико-когнитивного анализа и когнитивной интерпретации в лингвокогнитивных исследованиях И.А. Стернина [19].

Научная новизна заключается в обосновании и верификации проведения комбинаторно-динамического анализа с целью выявления структурно-семантических механизмов и когнитивно-динамических процессов при образовании новых паремий с совмещенными маскулинным и феминным маркерами в соответствии с новыми проявлениями современной антропоцентрической парадигмы в английской языковой картине мира.

Материалом исследования послужила выборка из собраний антипословиц В. Мидера [20, 21], В. Мидера и А. Литовкиной [22], Т. Литовкиной [23], а также словарей английских пословиц [24, 25], и лексикографических интернет-источников [26–36]. Всего в исследовании задействовано около 100 паремиологических единиц.

Методология исследования

Основным методом исследования образования новых паремий является комбинаторно-динамический анализ, направленный на выявление лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на трансформацию узуальных паремий, которые обладают назидательным характером, в новые паремии как проявление разрушения устаревших стереотипов. Данный анализ содержит 3 этапа:

1) комбинаторно-семантический анализ, определяющий способ трансформации узуальных паремий в новые паремии;

2) семантико-когнитивный анализ, позволяющий перейти от семантики единиц языка к мыслительным единицам, т.е. выявляющий главные семантические признаки новых паремий с целью распределения этих единиц по соответствующим семантическим группам;

3) динамический анализ, который направлен на выявление корреляций (т.е. модификаций посредством противопоставленности или сближения единиц языка по определенным свойствам), обусловленных изменением англоязычного сознания под влиянием эволюции взаимоотношений мужчин и женщин за последние десятилетия и отражающих в новых паремиях реалии современной антропоцентрической парадигмы.

Комплексный анализ сопровождается когнитивной интерпретацией – «смысловым обобщением полученных результатов описания значений языковых единиц для формирования когнитивных признаков, представляемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц» [19. С. 65].

Кроме того, в работе использованы методы дефиниционного и структурного анализа, семантической интеграции и семантико-когнитивного моделирования, а также прием сплошной выборки антипословиц из вышеназванных источников [20–36].

Обсуждение и результаты

Гендерные исследования, изучающие социокультурные аспекты, связанные с приписыванием человеку определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола, стали относительно новой областью гуманитарных наук [37]. Большинство из них посвящено изучению гендерных стереотипов. Так, работа Е.А. Аносова посвящена выражению гендерных стереотипов в языке и анализу того, как гендер отражается в речи и сознании людей, а также насколько эти стереотипы влияют на мышление человека и культуру общества [38]. И.В. Полева изучает стереотипы речевого поведения мужчин и женщин с учетом социальных факторов (пол, возраст и уровень образования), которые влияют на формирование этих стереотипов в реальной коммуникации [39]. М.Ю. Товкес посвящает свои труды анализу и моделированию гендерных стереотипов как когнитивного инструмента структурирования гендерно-маркированных областей языкового знания в рамках современной коллективной интерпретации. В них гендерный стереотип рассматривается как культурно значимый прототипический концепт и когнитивная схема, которая организует тематическое содержание в процессе его языковой репрезентации [40, 41]. В начале третьего тысячелетия наблюдается значительное ускорение процессов глобализации и усиление формирования глобальной идентичности. В области гендерной лингвистики началось внедрение конструктивистской методологической парадигмы, в рамках которой впервые был проведен анализ гендерных особенностей устной научной коммуникации в форме дискуссии, исследованы концепты маскулинности и фемининности, а также детально изучен феномен русской фемининности в контексте фразеологии [42]. Анализируя гендер через социальный конструктивизм и объясняя лингвистический выбор значимых аспектов гендерной идентификации, Е.С. Гриценко описывает динамику концептуализации гендера в англоязычном

контексте, определяя стратегию «дегендеризации коммуникации» и поставив под сомнение отклонение гендерного поведения от нормы [43, 44]. Научный интерес также представляет выявление особенностей текстов в контексте взаимосвязи языка, культуры и гендера. И.Е. Герасименко рассматривает гендерные модели и их отражение в семантике литературных произведений А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Автор характеризует особенности индивидуального стиля этих писателей с гендерной точки зрения [45]. Особый интерес в последнее время вызывают гендерные исследования в рамках комбинаторной паремиологии. Так, исследование А.А. Иониной посвящено анализу развития паремий в современном английском языке в последние два десятилетия. В нем рассматриваются старые истины с новым смысловым содержанием, а также антипословицы, которые отражают новые реалии глобального мира [46]. Исследователь делает акцент на типах отношений традиционных и новых паремий, механизмах их трансформации, а также на аналогичном процессе в современном русском языке.

Настоящее исследование так же посвящено трансформациям узуальных паремий в новые паремии под влиянием экстралингвистических факторов, связанных с особенностями жизни и отношениями между мужчинами и женщинами в англоязычном сообществе. Известно, что паремии – это устойчивые единицы языка, представленные пословицами, поговорками, афоризмами, загадками и антипословицами – единицами, которые относятся к элементам лингвокультуры, т.е. культуры, закреплённой в знаках языка.

Главной функцией паремий как языковых единиц является краткое образное вербальное выражение традиционных ценностей и взглядов, в основе которых лежит жизненный опыт народа. Такие языковые единицы, по мнению ученых, являются репрезентацией языковой картины мира человека, под которой понимается совокупность знаний о мире, отражённых в языке и выраженных в тексте; сюда относится национальное сознание, которое называют ментальностью. Так как, помимо языковой, паремии несут и национально-культурную информацию, они являются лингвокультурными единицами [6–8, 11].

В течение времени традиционные паремии нередко претерпевают изменения в своей структуре и семантике под воздействием причин нелингвистического характера, в основном связанных со сменой устоев жизни, традиций, культурных норм и т.д. Результатом коллективного преобразования когнитивного сознания в рамках одной лингвокультуры становятся новые паремии – модифицированные паремии, образованные путём изменения структурно-семантического состава традиционных паремий [1–3, 9–18] или же впервые созданные единицы по имеющимся паремическим моделям – формулам построения пословиц, включая псевдо-, или антипословицы [12. С. 27].

В английской лингвокультуре наблюдается тенденция к появлению и активному использованию новых паремий, которые одновременно репрезентируют и мужскую, и женскую гендерную специфику. Это явление представляет собой важный феномен в контексте изучения языковых и культурных трансформаций, происходящих в современном обществе [13–16].

Так, появление новых паремий обусловлено экстралингвистическими факторами, влияющими на отношение носителей языка к определённому явлению, факту, ситуации и т.п., следствием которых является структурно-семантическая трансформация традиционных паремий, в основе которой лежит языковая комбинаторика в виде подстановки, замены, расширения, усечения и комбинирования компонентов паремии [1, 11, 18]. Трансформация фразеологических единиц – это активное речевое явление [10. С. 394].

В комбинаторной паремиологии выделяют следующие типы комбинаторных механизмов образования новых паремий: структурный, семантический, функциональный, а также структурно-семантический [11]. Структурный механизм осуществляет замену, дополнение, устранение, перестановку компонентов паремий; семантический механизм модифицирует их традиционные значения; функциональный – реализует экстралингвистическую цель и, как правило, содержит оценочную функцию, а также может создавать комический эффект с иронией или сарказмом. В ряде случаев действуют структурный и семантический типы одновременно [10; 11. С. 52–65]. Рассмотрим способы трансформации традиционных паремий в новые паремии более подробно.

1. Субституция – замена одного или нескольких компонентов в исходной паремии, например пословица *A woman's place is in the home* [24] / *Место женщины – в доме* трансформируется в новую паремию – *A woman's place is in the car* [20. С. 26] / *Место женщины – в автомобиле* посредством замены компонента *home* на *mall, car* и т.д., в результате чего изменяется и семантика: женщина больше не считается домохозяйкой, а ее излюбленным местом становится автомобиль, торговый центр, салон красоты и т.п. При этом новая паремия содержит иронию.

2. Аддиция (экспликация) – расширение лексического состава прототекста, т.е. к традиционной паремии добавляется слово, словосочетание или предложение, которое «выворачивает наизнанку» смысл первой части, например пословица *Two can live as cheaply as one* [24] / *Вдвоем можно жить так же экономно, как и одному* расширяется за счёт добавления целого предложения... *but wives work because they don't care to live that cheap* и образуется новая паремия *Two can live as cheaply as one, but wives work because they don't care to live that cheap* [22] / *Вдвоем можно жить так же экономно, как и одному, но жены работают, потому что они не хотят жить так экономно*.

3. Импликация – сокращение компонента паремии. Например, традиционная паремия *Women are the devil's nets* [23. С. 6] / *Женщины – это сети дьявола* меняет значение, трансформируясь в новую паремию *Women are devils* [20] / *Женщины – дьяволы* путём исключения компонента *nets*, что придает единице безапелляционную категоричность.

4. Контаминация – соединение двух паремий или их частей в одну: *Practice makes perfect* и *Nobody is perfect* [24]. Новая паремия *If practice makes perfect and nobody is perfect, why practise?* [25] / *Если практика – путь к идеалу, но никто не идеален, то зачем практиковаться?* получает новое значение. Помимо контаминации в данном случае используется аддиция *If..., why practice?*

5. Комбинированный тип образования (комбинация) – это одновременное применение нескольких способов трансформации традиционных паремий, например: *Behind every great woman there is an even greater man* [26] / За каждой великой женщиной стоит еще более великий мужчина образована от известной пословицы *Behind every great man, there's a great woman* [27] / За каждым великим мужчиной стоит великая женщина. В данном случае мы наблюдаем аддицию (*even*) и замену компонентов (*man* → *woman*), т.е. субституцию. Более того, прилагательное *great* приобретает сравнительную степень *greater*.

6. Паремические модели – структурные схемы новых паремий, которые «созданы по традиционным структурно-семантическим моделям часто с использованием традиционных пословичных стилистических маркеров и выражают суждение обобщающего характера» [12. С. 27], например *Before going out with a new date, you should google her* [28] / Перед тем как пойти на свидание, погугли о ней.

Как можно заметить, большое количество новых паремий содержит гендерный указатель, что свидетельствует об актуальности данной темы и исследовательском интересе к отражению маскулинных и феминных взаимоотношений в данном типе паремий [13–16, 19].

Причиной таких модификаций является изменение в течение времени когнитивного сознания носителей языка под влиянием экстралингвистических факторов, усугубивших условия жизни людей и заметно изменивших их отношение к определенным обстоятельствам. Важно также подчеркнуть, что структурная трансформация и, следовательно, семантическая модификация паремиологической единицы происходит по принципу языковой комбинаторики, когда данная единица приобретает новое значение в составе преобразованной единицы.

Так, изучение новых паремий в языке способствует знакомству с культурно-национальной самобытностью народа, с его менталитетом, и впоследствии позволяет выявить характеристики, свидетельствующие о сходствах и различиях национального характера разных этносов.

При помощи семантико-когнитивного анализа, следуя принципу семантической интеграции, мы распределили новые паремии с совмещенными гендерными маркерами в две семантические зоны.

В первую зону вошли новые паремии о семейных или **супружеских отношениях – мужа и жены**. В этих единицах прежде всего фигурируют лексемы *husband*, *wife*, *mother-in-law*, а также *daughter* и *relatives*. Обычно брачные отношения занимают особое место в языковой картине мира любого этноса, в том числе британцев и американцев. Как и в традиционных паремиях, скептическое отношение к браку находит свое отражение и в новых паремиях. В данном семантическом секторе выделяются следующие группы антипословиц с совмещенными гендерными маркерами (далее они выделены жирным шрифтом):

а) новые паремии с когнитивным признаком «муж и жена – два сапога пара», например: *The wife who makes*

a mountain out of a molehill probably has a husband who makes a molehill out of a mountain [23. Р. 77] / У жены, которая превращает гору в кротовую нору, вероятно, есть муж, который превращает гору в кротовую нору. В основе новой паремии лежит идиома *Make a mountain out of a molehill* [24] / Делать из мухи слона, которая модифицируется при помощи пространной аддиции (*The wife who... probably has a husband who...*);

б) новые паремии с когнитивным признаком «в семье главная – жена»: *An man's home is his wife's castle* [23. Р. 106] / Дом мужчины – это дом его жены. Новая единица образована от пословицы *An Englishman's home is his castle* [21. Р. 25] / Дом англичанина – его замок путем комбинирования – аддиции (*wife's*) и субституции (*Englishman's* → *man's*).

Сюда же относится новая единица *A man's castle is his home, and his wife has the keys to all the rooms* [20. Р. 18] / Замок мужчины – это его дом, а у его жены есть ключи от всех комнат, образованная от той же пословицы и тем же комбинированным способом – субституции (*home* → *castle*) и аддиции (*and his wife has the keys to all the rooms*).

Основой антипословицы *To most husbands: a word from the wives is sufficient* [20. Р. 28] / Для большинства мужей: достаточно одного слова жены выступает пословица *A word to the wise* [24] / Умный понимает с полуслова. Способ образования антипословицы – комбинированный: аддиция (*To most husbands: ... is sufficient*) и субституция (*to the wise* → *from the wives*). Кроме того, в трансформации задействована параномазия (*wise* → *wives*), создающая эффект сближение фонетически похожих слов при частичном совпадении их морфемного состава для достижения комического эффекта;

с) новые паремии с когнитивными признаками «беспечность мужей и интуиция жён»: *A little knowledge is a dangerous thing, especially when your wife has it* [23. Р. 111] / Недостаточное знание – опасная вещь, особенно когда оно есть у твоей жены. Основой для образования послужила паремия *A little knowledge is a dangerous thing* [24] / Немного знаний – опасная вещь, её русский эквивалент – *Всякое полужнание хуже незнания*. Новая паремия образована путём аддиции (*...especially when your wife has it*).

Антипословица *There are two sides to every man: the side his wife knows, and the side he thinks she doesn't know* [23. Р. 115] / У каждого мужчины есть две стороны: сторона, которую знает его жена, и сторона, которую, как он думает, она не знает в своей основе содержит поговорку *There are two sides to every question* [24] / У каждого вопроса есть две стороны. Новая паремия образована комбинированным способом посредством аддиции (*...the side his wife knows, and the side he thinks she doesn't know*) и субституции (*question* → *man*);

д) новые паремии с когнитивным признаком «двойная жизнь мужей»: *What every wife wants to know: how the other half lives* [23. Р. 115] / Что хочет знать каждая жена: как живёт её вторая половина. Подтекст новой паремии – мужья скрывают от жены часть своей жизни. Источником её образования является

название известной работы журналиста Джейкоба Рииса «How the Other Half Lives» [29] / «Как живёт другая половина», рассказывающая о суровых условиях жизни в трущобах Нью-Йорка в конце XIX в. Новая паремия образована путём аддиции (*What every wife wants to know...*) и направлена на достижение комического эффекта.

Как можно заметить, описанные выше новые паремии отражают полное или частичное превосходство жён над мужьями, а также указывают на снисходительное сопротивление мужчин подчиняться своим жёнам. Все эти паремии представлены в юмористическом ключе и затрагивают весьма важные аспекты взаимоотношений между супругами.

В новых паремиях нередко отмечаются неприятные с точки зрения мужчины моменты супружеских отношений. Традиционно считается, что хранителем долгих супружеских отношений является женщина и, исходя из этого, именно она обвиняется во всех неурядицах и бедах в семье. Далее выделим:

е) новые паремии с когнитивным признаком «всегда виновата жена»: *If at first you don't succeed, blame it on your wife* [21. Р. 27] / Если с первой попытки у вас ничего не получилось, то вините в этом свою жену. Новая паремия образована от пословицы *If at first you don't succeed, try, try again* [27] / Если сразу не добился успеха, то не отчаивайся и продолжай пытаться при помощи субституции главного предложения (... try, try again → ... blame it on your wife);

ф) новые паремии о том, что «мужа тяготят узы брака»: «*Every little helps*» - as the **captain** said when he threw **his wife** overboard to lighten the ship [30] / «Каждая мелочь помогает», – сказал капитан, когда бросил свою жену за борт, чтобы корабль стал легче. Антипословица образована от поговорки *Every little helps* [24] / Каждая мелочь помогает при помощи пространной аддиции (...as the captain said when he threw his wife overboard to lighten the ship).

Излюбленная тема в новых паремиях, которая не так часто фигурирует в традиционных паремиях, – это измена одного из супругов (обычно мужчины):

г) новые паремии с когнитивным признаком «муж – изменник»: *Opposites attract: many a man has a brunette wife and a blonde sweetheart* [20] / Противоположности притягиваются: у многих мужчин есть жена-брюнетка и возлюбленная – блондинка. В основе образования новой единицы лежит поговорка *Opposites attract* [24] / Противоположности притягиваются, которая дополняется пространной аддией (...many a man has a brunette wife and a blonde sweetheart).

Антипословица *Boys will be boys, particularly when they're away from their wives* / Мальчики остаются мальчиками, особенно когда они вдали от своих жён основана на пословице *Boys will be boys* [24] / Мальчики останутся мальчиками, способ ее образования – аддиция (...particularly when they're away from their wives).

В основе антипословицы “*Business before pleasure*,” as the **man** said when he kissed **his wife** before calling on his **sweetheart** [23. Р. 158] лежит пословица *Business before pleasure* [24] / Дело важнее удовольствия; способ

образования – пространная аддиция (...as the man said when he kissed his wife before calling on his sweetheart).

Очень часто людей волнуют финансовые проблемы, поэтому актуальными становятся:

h) новые паремии с когнитивным признаком «финансовые проблемы мужа или отца», часто из-за жены и/или дочери: *A married man and his money are soon parted* [23] / Женатый мужчина и его деньги вскоре расстаются. Данная единица образована от пословицы *A fool and his money are soon parted* [24] / Дурак и его деньги скоро расстаются при помощи комбинированного способа, состоящего из аддиции (*married*) и субституции (*fool* → *man*).

Антипословица *Behind every man who lives within his income is a wife who doesn't* [23. Р. 112] / За каждым мужчиной, живущим по средствам, стоит жена, которая этого не делает. Основа – известное изречение *Behind every great man there is a woman* [27] / За каждым великим мужчиной стоит женщина. Способ образования – комбинированный – аддиция (*who lives within his income...*) и субституция (*woman* → *wife*).

В основе *No man can serve two masters, unless he has a wife and grown-up daughter* [23. Р. 83] / Никто не может служить двум господам, если у него нет жены и взрослой дочери лежит пословица *No man can serve two masters* [24] / Никто не может служить двум господам и способ образования – пространная аддиция.

Иногда жены берут на себя инициативу и помогают мужу достичь успеха в его карьере или бизнесе, следовательно, необходимо выделить:

и) новые паремии с когнитивным признаком «жена – мудра и инициативна» в достижении успеха мужа отражает антипословица *Behind every successful man is a wife who tells him what to do, and a secretary who does it* [23. Р. 107] / За каждым успешным мужчиной стоит жена, которая говорит ему, что делать, и секретарша, которая это делает. Паремия-источник – *Behind every great man there is a woman*, способ образования новой паремии – комбинированный: пространная аддиция (...who tells him what to do, and a secretary who does it) и субституция (*woman* → *wife*).

Еще один стереотип в супружеских отношениях – неприязненное отношение мужа к родственникам его жены, поэтому появились:

l) новые паремии с когнитивным признаком «неприязненные отношения мужа к родным его супруги»: *There's no place like home, especially when your wife wants you to go with her to visit her relatives* [23. Р. 137] / Нет лучшего места, чем дом, особенно когда ваша жена хочет, чтобы вы поехали с ней навестить её родственников. Основа – известная пословица *There's no place like home* [24] / Нет места лучше дома. Новая паремия образована путём пространной аддиции (... especially when your wife wants you to go with her to visit her relatives).

Особое внимание при этом уделяется неприязненным отношениям мужа и тещи: *Behind every successful man there stands an amazed mother-in-law* [23. Р. 136] / За каждым успешным мужчиной стоит изумлённая теща. Эта единица создана на основе той же посло-

вицы *Behind every great man there is a woman* посредством комбинированного способа – аддиции (*amazed*) и субституции (*woman* → *mother-in-law*).

Антипословица *Man proposes, and a mother-in-law opposes* [23. Р. 135] / *Мужчина предлагает, а теща возражает* основана на пословице *Man proposes, God disposes* [24] / *Человек предполагает, Бог располагает* и субституции (*God disposes* → *mother-in-law opposes*).

Другая антипословица *No man is a hero to his mother-in-law* [23. Р. 136] / *Ни один мужчина не является героем для своей тещи* образована на основе пословицы *No man is a hero to his valet* [24] / *Ни один человек не является героем для своего камердинера* путём субституции (*valet* → *mother-in-law*).

Это только часть тщательной аналитической работы с корпусом антипословиц, содержащих совмещенные гендерные маркеры.

Вторая семантическая зона включает новые паремии, которые отражают **взаимоотношения между представителями противоположных полов**. В отличие от первой области в представленных ниже антипословицах маркируются не лексемы *husband* и *wife*, а *man* и *woman*, *boy* и *girl* и т.п. в разных сферах жизни и деятельности, поэтому важно выделить:

а) новые паремии, в которых подчеркивается превосходство мужчин над женщинами: *Boys will be boys, but girls these days run after them a second later* [21] / *Мальчики останутся мальчиками, а девочки в наши дни поспевают за ними на секунду позже*. Основа – *Boys will be boys* [24]. Способ образования новой паремии – пространная аддиция (...*but girls these days run after them a second later*). В другой интерпретации пословицы так же при помощи аддиции мы говорим о том, что: *Boys will be boys and girls will be girls, but not forever* [23. Р. 84] / *Мальчики останутся мальчиками, а девочки – девочками, но не навсегда*;

б) новые паремии с когнитивным признаком «женщина свободна в выборе своих желаний», в которых подчеркивается, что женщина может сама решать, чего она хочет, т.е. налицо изменение традиционного поведения женщин в семье, например: *A woman's place is in the mall (delicatessen store, the beauty salon)* [23. Р. 67] / *Место женщины – в торговом центре (магазине деликатесов, салоне красоты)*. Антипословица содержит в своей основе пословицу *A woman's place is in the home* / *Место женщины – в доме*, преобразованную посредством замены компонента *home* на *mall*, *car* и т.д.

Женщины часто оказываются теми, кто навязывает мужчине принятие того или иного решения, что отражается:

с) в новых паремиях с когнитивным признаком «женская настойчивость и навязчивость»: *Behind every successful man there is a woman who makes it necessary for him to make money* [20. Р. 51] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая заставляет его зарабатывать деньги*, способ образования – пространная аддиция (...*who makes it necessary for him to make money*).

Антипословица *Man proposes, woman imposes* [23. Р. 73] / *Мужчина предлагает, женщина навязывает* основана на пословице *Man proposes, God disposes* [24] / *Человек предполагает, Бог располагает*. Трансформация осуществляется путём субституции (*God disposes* → *woman imposes*).

Кроме того, в отношениях с мужчинами женщины нередко принижают их достоинства и хитростью провоцируют их на успех, поэтому выделим:

д) новые паремии с когнитивным признаком «женщина – провокатор»: *Behind every successful man is a woman who keeps reminding him that she knows men who would have done even better* [20] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая постоянно напоминает ему, что она знает мужчин, которые добились даже большего успеха*. Источник создания новой паремии – всё та же пословица *Behind every great man there is a woman*, способ образования – пространная аддиция (...*who keeps reminding him that she knows men who would have done even better*). Другой вариант новой паремии с этой же основой *Behind every successful man there's a woman sneering that she knows a man who's more successful* [24] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая с насмешкой говорит, что она знает и более успешного мужчину*. Способ ее образования – пространная аддиция (...*sneering that she knows a man who's more successful*).

В жизни бывает, что женщина любыми способами стремится заполучить мужчину – холостого или женатого, что засвидетельствовали:

е) новые паремии с когнитивным признаком «женщина – охотница»: *Behind every successful man there's a woman trying to catch him* [22] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая пытается его заполучить*. Трансформация осуществляется посредством аддиции (...*trying to catch him*) и субституции (*great* → *successful*). Похожая новая паремия *Behind every married man there's a woman – and she often catches him too* [21] / *За каждым женатым мужчиной стоит женщина – и она тоже часто заполучает его* образована так же комбинированием аддиции (...*and she often catches him too*) и субституции (*great* → *married*).

В этих новых паремиях мужчина часто предстает подневольным вследствие какой-либо связи с женщиной. И можно заметить, что в них отражается ирония как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине.

В следующую семантическую группу входят новые паремии о том, насколько мужчины и женщины зависят друг от друга, т.е.:

ф) новые паремии о том, что партнеры находят друг друга как по характеру, так и по интересам, предпочтениям, вкусам и т.п.: *A woman is known by the man she keeps* [22] / *Скажи мне, кто твой мужчина, и я скажу, что ты за женщина*. Антипословица создана по образцу традиционной пословицы *A man is known by the company he keeps* [24] / *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты* посредством тройной субституции (*man* → *woman*, *company* → *man*, *he* → *she*);

г) новые паремии с когнитивным признаком «женщина самодостаточна»: *A woman without a man is like a handle without a pan* / *Женщина без мужчины как ручка без сковородки*. / *Женщина без мужчины – всё равно что рыба без велосипеда*, а также *A woman without a man is like a moose without a hatrack* [27] / *Женщина без мужчины – всё равно что лось без шляпы* свидетельствуют о том, что женщина способна жить полной и

независимой от мужчины жизнью. Источник – высказывание американской журналистки-феминистки Глории Стейнем: *A woman without a man is like a fish without a bicycle* [31. Р. 280] / *Женщина без мужчины как рыба без велосипеда*. Эти антипословицы образованы при помощи субституции лексем, наполняющих синтаксическую структуру N1+without+N2+is (*a fish without a bicycle* → *a handle without a pan / a moose without a hatrack*).

В то же время есть подтверждение тому, что иногда мужчинам бывает трудно обходиться без женщины. На это указывают:

h) новые паремии о зависимости мужчин от женщин: *A man without a woman is like a ship without a sail* [27]. *Мужчина без женщины, как корабль без паруса*. В основе этой антипословицы лежит та же модель и тот же способ образования – субституция (*man* ↔ *woman*; *a fish without a bicycle* → *a ship without a sail*).

Далее можно привести и другие сравнения: *A man without a woman is like a boat without a rudder, a fish without a tail* или *a wreck upon the sand* [32] / *Мужчина без женщины подобен кораблю без руля, лодке без руля, рыбе без хвоста или кораблекрушению на песке*.

По нашему мнению, важно выделить ещё одну группу:

i) новых паремий, в которых проводятся параллели между мужчинами и женщинами и акцентируется внимание на их возрастных характеристиках, внешнем облике и т.п., где превалирует всегда женщина: *A man is only as old as the woman he feels* [23. Р. 62] / *Мужчине столько же лет, сколько он чувствует лет его женщине*. Новая паремия образована на основе пословицы *A man is as old as (...) he feels* [24] и аддиции *the woman* / *Мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует*.

Основой образования антипословицы *A man is as old as he looks before shaving, and a woman is as old as she looks after washing her face* [20. Р. 15] / *Мужчине столько лет, на сколько он выглядит до бритья, а женщине – на сколько она выглядит после мытья лица* служит контаминация пословиц *A man is as old as he feels* и *A woman is as old as she looks* [24], а также комбинирование аддиции (...before shaving и after washing her face) и субституции (feels → looks).

Новая паремия *Every man has his price, and every woman has her figure* [23. Р. 68] / *У каждого мужчины есть своя цена, а у каждой женщины – своя фигура* построена на трансформации пословицы *Every man has his price* / *У каждого мужчины есть своя цена*, а также при помощи аддиции и синтаксического параллелизма.

В антипословицах нередко фигурируют ситуации, связанные с фортуной или неудачами мужчин, в которых определенную роль играют женщины, поэтому следует выделить:

к) новые паремии с когнитивным признаком «неудачи мужчин связаны с женщинами»: *Behind every successful man there is a woman – And behind every unsuccessful man, there are two* (Mark Twain) [33] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, а за каждым несчастным – две* отражает прямо противоположные смыслы. Этими двумя женщинами могут

быть не только жена и любовница, но и жена и мать или теща или же просто две женщины, которых мужчина любит, уважает и мнением которых он дорожит. Главный посыл заключается в том, что подобные отношения выматывают мужчину изнутри, так как требуют постоянного напряжения в быстрых принятиях важных решений. Способ образования данной единицы – комбинированный: пространная аддиция (*there are two*), включающая синтаксический параллелизм (*And behind every unsuccessful man*), и субституция (*successful* → *unsuccessful*). В целом новая паремия содержит ироническую окраску.

В то же время создание новых паремий часто связано с тем, что благосостояние, приобретенное мужчиной, нередко полностью зависит от мудрости и рассудительности женщины, тогда:

l) новые паремии с когнитивным признаком «успех или достаток мужчины – заслуга женщины», в том числе и его жены, на что указывает использование прошедшего времени глаголов *Behind every successful man is a woman, who didn't have jewelry, a mink coat, and an expensive home* [23. Р. 68] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, у которой не было ни драгоценностей, ни норковой шубы, ни дорогого дома*. Среди других антипословиц: *Behind every successful man is a strong woman* [21] / *За каждым успешным мужчиной стоит сильная женщина*. *Behind every successful man is a woman who makes it necessary for him to make money* [23. Р. 70] / *За каждым успешным мужчиной стоит женщина, которая заставляет его зарабатывать деньги*. В основе всех этих антипословиц лежит уже известная пословица, которая трансформируется в многочисленные новые паремии посредством аддиции и замены.

Нетривиальный успех мужчины заложен в следующем высказывании: *Behind every successful man there is no woman. Rather, behind almost every successful man, are very many unsuccessful years. And if he had focused on women in those years, his present success would not have manifested* (Reno Omokri) [34] / *За каждым успешным мужчиной не стоит женщина. Скорее, за плечами почти каждого успешного мужчины – множество неудачных лет. И если бы он в те годы сосредоточился на женщинах, его нынешний успех не проявился бы так, как сейчас*. Способ образования этой авторской модификации – комбинирование: субституция, пространная аддиция с синтаксическим параллелизмом.

Часто встречаются новые паремии не только о финансовом достатке, но и других материальных благах, а также о корыстных интересах, вытекающих из взаимоотношений мужчины и женщины, поэтому целесообразно выделить их отдельно. Таким образом, по когнитивным признакам они будут разделяться на следующие группы:

m) новые паремии о прагматичных интересах женщин в выборе себе партнёра: *For the modern girl, opportunity doesn't knock. It parks in front of her home and honks the horn* [23. Р. 84] / *Для современной девушки счастье не стучится – оно паркуется перед её домом и сигналит*. Местоимение *It* посредством олицетворения приобретает образ состоятельного молодого человека. Основой для трансформации послужила цитата американского комика Милтона Берла *If opportunity doesn't*

knock, build a door [35] / Если счастье к вам не стучится, постройте дверь. Новая паремия образована путём пространной аддиции (*For the modern girl, ...It parks in front of her home and honks the horn*).

Основа антипословицы *Give a man enough rope and he skips; give a woman enough rope, and she makes a marriage knot* [23. Р. 87] / Предоставьте мужчине свободу действий, и он сорвётся; предоставьте женщине свободу действий, и она завяжет брачный узел – идиома *Give someone enough rope / предоставит свободу действий, в итоге приводящих к собственному падению*. Способ образования – пространная аддиция.

Другая единица *Blondes prefer gentlemen with money* [23. Р. 68] / Блондинки предпочитают джентльменов с деньгами создана на основе названия фильма о Джеймсе Бонде «Gentlemen Prefer Blondes» / «Джентльмены предпочитают блондинок» посредством комбинированного способа образования – перестановка компонентов (*gentlemen* → *blondes*, *blondes* → *gentlemen*) и аддиции (*with money*).

Еще одна антипословица, указывающая на меркантильность женщин, принадлежит американской актрисе Лане Тернер: *A successful man is one who makes more money than his wife can spend. A successful woman is one who can find such a man* [36] / Успешный мужчина – это тот, кто зарабатывает больше денег, чем может потратить его жена. Успешная женщина – это та, которая может найти такого мужчину, которая была образована по паремической модели [*A man is ..., a woman is...*], например: *A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks* с использованием синтаксического параллелизма.

В данных единицах отражено корыстное желание женщин иметь по возможности все материальные блага, которые, по их мнению, им должен предоставить мужчина. Однако часто бывает и наоборот, поэтому следует выделить группу:

п) новых паремий с когнитивным признаком «корысть со стороны мужчины», например: *Opposites attract—that's why so many men are attracted to girls with money* [23. Р. 90] / Противоположности притягиваются – вот почему многих мужчин привлекают девушки с деньгами, где поговорка *Opposites attract* дополняется пространной аддицией. Или *If at first you don't succeed, date the boss's daughter* [23. Р. 90] / Если с первого раза не получилось, назначьте свидание дочери начальника. Основа – уже знакомая пословица *If at first you don't succeed, try, try again* [24], способ образования – субституция.

Как можно заметить, концепт ДЕНЬГИ занимает важное место в новых паремиях с гендерными компонентами и тесно связан с концептом БРАК. По этой же модели были образованы:

о) новые паремии с когнитивным признаком «женщина бывает опасна», если: *Behind every successful man there's a woman competing for his job* [21] / За каждым успешным мужчиной стоит женщина, претендующая на его должность. Способ образования – аддиция.

Итак, проведенный комбинаторно-семантический анализ позволил нам, во-первых, определить способы структурной трансформации традиционных паремий английского языка в новые паремии с совмещенными

маскулиным и феминным маркерами, среди которых аддиция, субституция, контаминация, комбинированный способ и паремическая модель, и, во-вторых, выявить их семантико-когнитивную модификацию.

Полученные результаты легли в основу семантико-когнитивной модели, обусловленной влиянием экстралингвистических причин и эволюцией национального сознания представителей англоязычной культуры.

Таким образом, проведенный анализ позволил выделить в данных антипословицах такие семантические зоны, как 1) брачные отношения и 2) взаимоотношения между представителями противоположных полов. При их сравнении были обнаружены некоторые совпадения в обеих областях: 1) муж и жена – два сапога пара = мужчина и женщина – родственные души и 2) муж успешен благодаря своей жене = мужчина успешен благодаря своей женщине.

Как показало исследование, с течением времени язык принимает новые установки и оценки современного представления носителя языка об отношениях мужчин и женщин в семье и в обществе в целом. Это проявляется и в антипословицах, или новых паремиях, которые эксплицируют эти отношения и устанавливают корреляции в соответствии с новыми аспектами современной антропоцентрической парадигмы [17].

Так, в отношении мужчин были выявлены следующие корреляции в паремиологических единицах как результат отрицания сложившихся в англоязычном обществе стереотипов:

- несопротивление подчиняться своим жёнам: *To most husbands: a word from the wives is sufficient*;
- обвинение жён в семейных невзгодах: *If at first you don't succeed, blame it on your wife*;
- утрата ценностей супружеской жизни: *Every little (bit) helps» – as the captain said when he threw his wife overboard to lighten the ship*;
- оправдание супружеской неверности: *Opposites attract: many a man has a brunette wife and a blonde sweetheart*;
- введение двойной жизни как нормы: *There are two sides to every man: the side his wife knows, and the side he thinks she doesn't know*;
- доверие к рекомендациям супруги и следование ее советам: *Behind every successful man is a woman, who didn't have jewelry, a mink coat, and an expensive home*;
- разрыв отношений с родственниками жены: *Man proposes, and a mother-in-law opposes*;
- прагматичный выбор партнерши: *Opposites attract—that's why so many men are attracted to girls with money* и т.д.

В отношении женщин были обнаружены следующие корреляции:

- полное удовлетворение своих желаний: *A woman's place is in the mall (car, delicatessen store, the beauty salon) и т.п.*;
- владение инициативой в отношениях с мужчиной: *Man proposes, woman imposes*;
- смещение семейных акцентов в пользу супруги: *A man's home is his wife's castle*;
- проявление женской самодостаточности: *A woman without a man is like a moose without a hatrack*;

– принижение достоинств мужчин с целью мотивации его на достижение успеха: *Behind every successful man there's a woman sneering that she knows a man who's more successful*;

– проявление прагматичных интересов в выборе партнера: *For the modern girl, opportunity doesn't knock. It parks in front of her home and honks the horn*;

– стремление женщины сделать своего мужа (мужчину) успешным: *Blondes prefer gentlemen with money* и т.д.

Кроме того, было установлено, что и мужчины, и женщины в процессе совместной жизни приобретают не только схожие привычки *The wife who makes a mountain out of a molehill probably has a husband who makes a molehill out of a mountain*, но и общие интересы *A woman is known by the man she keeps*, а также и финансовые проблемы *A married man and his money are soon parted*.

Заключение

Новые паремии проецируют обновленное отношение человека к миру и роли в нем мужчины и женщины, а также отражают новые проявления взаимоотношений двух гендеров. Комплексный анализ новых паремий с совмещенными гендерными маркерами, включающий комбинаторно-семантический, когнитивно-динамический анализ и когнитивную интерпретацию, способствовал выявлению основных семантических зон и корреляций, касающихся ценностных и

антиценностных установок в отношениях между представителями двух полов, в рамках современной антропоцентрической парадигмы.

Было обнаружено, что женщине в современном англоязычном обществе отводится значимая роль, так как основные проблемы и заботы лежат именно на ней. В то же время ей свойственно желание максимально получать от мужчины материальные блага, удовлетворяя свои прихоти и уходя от прямых домашних обязанностей. Нередко в английских новых паремиях отмечается зависимость мужчины от женщины, особенно в семье, когда жена становится главой, а муж в силу каких-либо причин оказывается в подчиненном положении. Построенная нами семантическая модель репрезентации современного представления об отношениях между мужчиной и женщиной, отраженного в новых паремиях английского языка, содержит важные характеристики взаимодействия между полами. В основе трансформации традиционных паремий в новые паремии лежит принцип языковой комбинаторики.

Проведенное исследование показало, что язык время от времени принимает новые установки, связанные с гендерными взаимоотношениями и обусловленные реалиями современного общества. Новые паремии отражают эти отношения и вносят в язык важные корреляции, соответствующие требованиям новой антропоцентрической концепции. Их изучение способствует лучшему пониманию глубоких когнитивных процессов и изучению скрытых ментальных структур носителей языка.

Список источников

1. Владацкая М.В., Зайкина З.М. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11 (89). Ч. 1. С. 88–92.
2. Иванов Е.Е., Боровая И.И. Типы русских антипословиц // Субстандартные варианты славянских языков : избранные статьи / hrss. A. Bierich. Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH Europaeischer Verlag der Wissenschaften, 2009. С. 111–122.
3. Бутько Ю.В. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 142–153.
4. Ефимова С.В. Типы индивидуально-авторских трансформаций пословиц и поговорок // Русистика. 2009. № 3. С. 88–91.
5. Тарасова О.Д. Функционирование антипословиц в газетном тексте английского и русского языков: сопоставительный анализ // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). URL: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.51> (дата обращения: 05.10.2025). doi: 10.18454/RULB.2023.40.51
6. Браташова Э.В. Отражение национального характера в пословицах и поговорках английского и русского языков // Вестник ЧелГУ. 2020. № 1 (435). С. 29–38.
7. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 25–58.
8. Jesenšek V. Pragmatic and Stylistic Aspects of Proverbs // Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Warsaw ; Berlin : De Gruyter Open Ltd, 2014. P. 136–161.
9. Беданова З.К., Гусевская О.И. Категория эвocatивности семиотической формы: потенциал антипословицы // Русский язык: система и функционирование. К 80-летию филологического факультета БГУ : материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 окт. 2019 г. / И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 70–75.
10. Дегальцева А.В., Кормилицына М.А. Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе // Медиалингвистика. 2023. Т. 10, № (3). С. 394–406.
11. Зайкина З.М. Универсальные и идиотизмические особенности паремиологического поля «труд»: контрастно-динамический и комбинаторно-семантический аспекты (на материале паремиологических единиц русского, английского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 279 с.
12. Константинова А.А. Окациональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348. С. 24–28.
13. Иванова Е.В. Мужчина и женщина в английских антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 1. С. 47–67.
14. Иванова Е.В. Мужчина и женщина в английских антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 1. С. 43–46.
15. Сташкова М.А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 23с.
16. Кирсанова М.А. Антипословицы с гендерным компонентом в современном английском языке // Наука и школа. 2014. Вып. 1. С. 91–95.
17. Демидкина Е.А. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких паремиях и антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67) : в 2 ч. Ч. 1. С. 91–94.

18. Влавацкая М.В., Пунина Я.В. Новые паремии с маскулинным маркером в английском языке: комбинаторно-семантический аспект // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2023. Т. 17, № 1. С. 15–22.
19. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65–69.
20. Mieder W. Twisted Wisdom Modern Anti-Proverbs. Hobart, Tasmania (Australia) DeProverbio.com, 2002. 260 p.
21. Mieder W. Anti-proverbs and mass communication: The interplay of traditional and innovative folklore // Acta Ethnographica Hungarica. 2007. Т. 52, № 1. С. 17–45.
22. Mieder W., Litovkina A. Twisted Wisdom: Modern Anti-proverbs. Burlington, 1999. 254 p.
23. Litovkina A. Women through Anti-Proverbs. Palgrave MacMillan, 2019. 221 p.
24. Dictionary of English World Proverbs and Sayings. URL: <https://www.daimon.org/lib/proverbs/proverbs-a.htm> (дата обращения: 29.07.2025).
25. English Proverbs and Proverb Humor. URL: <http://www.cogweb.ucla.edu/Discourse/Proverbs/English.html> (дата обращения: 29.07.2025).
26. Behind every great woman is an even greater man... apparently. URL: <https://themanitoban.com/2016/08/behind-every-great-woman-is-an-even-greater-man-apparently/28738/> (дата обращения: 29.07.2025).
27. The Penguin Dictionary of Proverbs / ed. by R. Fergusson, J. Law. London : Penguin Books Ltd., 2000. 365 p.
28. Should you Google someone you meet online before going on a date? URL: <https://www.cnet.com/culture/should-you-google-someone-you-meet-online-before-going-out-on-a-date/> (дата обращения: 29.07.2025).
29. How the Other Half Lives. URL: <https://www.historyonthenet.com/half-lives-jacob-riis> (дата обращения: 29.07.2025).
30. Random thoughts on 'Every little helps'. URL: <https://random-idea-english.blogspot.com/2014/05/random-thoughts-on-every-little-helps.html> (дата обращения: 29.07.2025).
31. Clay D.Ch., Mieder W. The Dictionary of Modern proverbs. Yale Press, 2012. 312 p.
32. Grieving Gardener. URL: <https://grievinggardener.com/2021/08/22/a-man-without-a-woman/> (дата обращения: 30.07.2025).
33. AZ Quotes. URL: <https://www.azquotes.com/quote/700255> (дата обращения: 30.07.2025).
34. Motherhood in style. URL: <https://motherhoodinstyle.net/2022/03/12/there-is-no-woman-behind-every-successful-man-reno-omokri-shares-his-viewpoint/>
35. AZ Quotes. URL: <https://www.azquotes.com/quote/25023> (дата обращения: 30.07.2025).
36. AZ Quotes. URL: <https://www.azquotes.com/quote/298265> (дата обращения: 31.07.2025).
37. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–132.
38. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2005. 405 с.
39. Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, 28–29 ноября 2019 г. М. : Моск. международная академия, 2019. С. 23–24.
40. Аносов Е.А. Лингвистическая репрезентация константных / динамических гендерных стереотипов в русской и англоязычной лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2013. 23 с.
41. Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 109–147. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147
42. Товкес М.Ю. Гендерный стереотип как формат знания (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2023. 279 с.
43. Товкес М.Ю. Моделирование структуры групповой интерпретации концептов МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА в русской лингвокультуре // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 151–165. doi: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-151-165
44. Полевая И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 23 с.
45. Герасименко И.Е. Гендерные модели в текстах русской лингвокультуры. Praha : Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2020. 96 с.
46. Ионина А.А. Трансформация паремнологических единиц в современном английском языке начала XXI века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 196–201. doi: 10.30853/filnauki.2020.1.39

References

1. Vlavatskaya, M.V. & Zaykina, Z.M. (2018) Kombinatornaya paremiologiya kak oblast' izucheniya novykh paremiy [Combinatorial Paremiology as a Field of Study of New Proverbs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11 (89). Pt. 1. pp. 88–92.
2. Ivanov, E.E. & Borovaya, I.I. (2009) Tipy russkikh antiposlovits [Types of Russian Anti-Proverbs]. In: Bierich, A. (ed.) *Substandartnye varianty slavyanskikh yazykov: izbrannye stat'i* [Substandard Variants of Slavic Languages: Selected Articles]. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH Europaeischer Verlag der Wissenschaften. pp. 111–122.
3. But'ko, Yu.V. (2008) Assotsiativnyy kontekst i ego realizatsiya v novykh paremiyakh [Associative Context and Its Implementation in New Proverbs]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6. pp. 142–153.
4. Efimova, S.V. (2009) Tipy individual'no-avtorskikh transformatsiy poslovits i pogovorok [Types of Individual Authorial Transformations of Proverbs and Sayings]. *Rusistika*. 3. pp. 88–91.
5. Tarasova, O.D. (2023) Funktsionirovanie antiposlovits v gazetnom tekste angliyskogo i russkogo yazykov: sopostavitel'nyy analiz [The Functioning of Anti-Proverbs in English and Russian Newspaper Texts: A Comparative Analysis]. *Russian Linguistic Bulletin*. 4 (40). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.51> (Accessed: 05.10.2025). doi: 10.18454/RULB.2023.40.51
6. Bratashova, E.V. (2020) Otrazhenie natsional'nogo kharaktera v poslovitsakh i pogovorkakh angliyskogo i russkogo yazykov [Reflection of National Character in English and Russian Proverbs and Sayings]. *Vestnik ChelGU*. 1 (435). pp. 29–38.
7. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S. & Lomakina, O.V. (2020) Paremiy v sovremennoy lingvistike: podkhody k izucheniyu, tekstoobrazuyushchiy i lingvokulturologicheskiy potentsial [Proverbs in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguo-Culturological Potential]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 11 (2). pp. 25–58.
8. Jesenšek, V. (2014) Pragmatic and Stylistic Aspects of Proverbs. In: *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies*. Warsaw; Berlin: De Gruyter Open Ltd. pp. 136–161.
9. Bedanokova, Z.K. & Gusevskaya, O.I. (2019) Kategoriya evokativnosti semioticheskoy formy: potentsial antiposlovitsy [The Category of Evocativity of the Semiotic Form: The Potential of the Anti-Proverb]. In: Rovdo, I.S. et al. (eds) *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie. K 80-letiyu filologicheskogo fakul'teta BGU* [Russian Language: System and Functioning. On the 80th Anniversary of the BSU Philological Faculty]. Proceedings of the VIII International Conference. Minsk. 16–17 October 2019. Minsk: BSU. pp. 70–75.
10. Degal'tseva, A.V. & Kormilitsyna, M.A. (2023) Priemy transformatsii frazeologizmov v sovremennoy presse [Techniques of Phraseological Unit Transformation in the Modern Press]. *Medialingvistika*. 10 (3). pp. 394–406.
11. Zaykina, Z.M. (2018) *Universal'nye i idioetnicheskie osobennosti paremiologicheskogo polya "trud": kontrastivno-dinamicheskiy i kombinatorno-semanticheskiy aspekty (na materiale paremiologicheskikh edinits russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Universal and Idioethnic Features

- of the Paremiological Field "Labor": Contrastive-Dynamic and Combinatorial-Semantic Aspects (Based on Paremiological Units of the Russian, English and German Languages)]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
12. Konstantinova, A.A. (2011) Occasional Transformation of Anglo-American Proverbs in Light of the Cognitive-Discursive Approach in Linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 348. pp. 24–28. (In Russian).
 13. Ivanova, E.V. (2019) Muzhchina i zhenshchina v angliyskikh antiposlovitsakh [Men and Women in English Anti-Proverbs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (1). pp. 47–67.
 14. Ivanova, E.V. (2019) Muzhchina i zhenshchina v angliyskikh antiposlovitsakh [Men and Women in English Anti-Proverbs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (1). pp. 43–46.
 15. Stashkova, M.A. (2015) *Funktsionirovanie poslovits i antiposlovits s gendernym komponentom v sovremennom angliyskom yazyke* [Functioning of Proverbs and Anti-Proverbs with a Gender Component in Modern English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
 16. Kirsanova, M.A. (2014) Antiposlovitsy s gendernym komponentom v sovremennom angliyskom yazyke [Anti-Proverbs with a Gender Component in Modern English]. *Nauka i shkola*. 1. pp. 91–95.
 17. Demidkina, E.A. (2017) Rerezentatsiya intellektual'nykh kachestv cheloveka v nemetskikh paremiyakh i antiposlovitsakh [Representation of Human Intellectual Qualities in German Proverbs and Anti-Proverbs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (67): in 2 pts. Pt. 1. pp. 91–94.
 18. Vlavatskaya, M.V. & Punina, Ya.V. (2023) Novye paremii s maskulinnyim markerom v angliyskom yazyke: kombinatorno-semanticheskiy aspekt [New Proverbs with a Masculine Marker in the English Language: A Combinatorial-Semantic Aspect]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. 17 (1). pp. 15–22.
 19. Stermin, I.A. (2004) Kognitivnaya interpretatsiya v lingvokognitivnykh issledovaniyakh [Cognitive Interpretation in Linguo-Cognitive Research]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 65–69.
 20. Mieder, W. (2002) *Twisted Wisdom Modern Anti-Proverbs*. Hobart, Tasmania: DeProverbio.com.
 21. Mieder, W. (2007) Anti-proverbs and mass communication: The interplay of traditional and innovative folklore. *Acta Ethnographica Hungarica*. 52 (1). pp. 17–45.
 22. Mieder, W. & Litovkina, A. (1999) *Twisted Wisdom: Modern Anti-proverbs*. Burlington.
 23. Litovkina, A. (2019) *Women through Anti-Proverbs*. Palgrave MacMillan.
 24. *Dictionary of English World Proverbs and Sayings*. [Online] Available from: <https://www.daimon.org/lib/proverbs/proverbs-a.htm> (Accessed: 29.07.2025).
 25. *English Proverbs and Proverb Humor*. [Online] Available from: <http://www.cogweb.ucla.edu/Discourse/Proverbs/English.html> (Accessed: 29.07.2025).
 26. Themanitoban.com. (2016) *Behind every great woman is an even greater man... apparently*. [Online] Available from: <https://themanitoban.com/2016/08/behind-every-great-women-is-an-even-greater-man-apparently/28738/> (Accessed: 29.07.2025).
 27. Fergusson, R. & Law, J. (eds) (2000) *The Penguin Dictionary of Proverbs*. London: Penguin Books Ltd.
 28. Cnet.com. (n.d.) *Should you Google someone you meet online before going on a date?* [Online] Available from: <https://www.cnet.com/culture/should-you-google-someone-you-meet-online-before-going-out-on-a-date/> (Accessed: 29.07.2025).
 29. Historyonthenet.com. (n.d.) *How the Other Half Lives*. [Online] Available from: <https://www.historyonthenet.com/half-lives-jacob-riis> (Accessed: 29.07.2025).
 30. Random-idea-english.blogspot.com. (2014) *Random thoughts on 'Every little helps'*. [Online] Available from: <https://random-idea-english.blogspot.com/2014/05/random-thoughts-on-every-little-helps.html> (Accessed: 29.07.2025).
 31. Clay, D.Ch. & Mieder, W. (2012) *The Dictionary of Modern proverbs*. Yale Press.
 32. *Grieving Gardener*. (2021) [Online] Available from: <https://grievinggardener.com/2021/08/22/a-man-without-a-woman/> (Accessed: 30.07.2025).
 33. *AZ Quotes*. [Online] Available from: <https://www.azquotes.com/quote/700255> (Accessed: 30.07.2025).
 34. *Motherhood in style*. (2022) [Online] Available from: <https://motherhoodinstyle.net/2022/03/12/there-is-no-woman-behind-every-successful-man-reno-omokri-shares-his-viewpoint/> (Accessed: 30.07.2025).
 35. *AZ Quotes*. [Online] Available from: <https://www.azquotes.com/quote/25023> (Accessed: 30.07.2025).
 36. *AZ Quotes*. [Online] Available from: <https://www.azquotes.com/quote/298265> (Accessed: 31.07.2025).
 37. Kirilina, A.V. & Tomskeya, M.V. (2005) Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic Gender Studies]. *Otechestvennye zapiski*. 2. pp. 112–132.
 38. Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a Means of Constructing Gender]. Philology Dr. Diss. N. Novgorod.
 39. Gritsenko, E.S. (2019) O sovremennykh tendentsiyakh v lingvisticheskom izuchenii gendera, ego kontseptualizatsii i reprezentatsii (na materiale angliyskogo yazyka) [On Current Trends in the Linguistic Study of Gender, its Conceptualization and Representation (Based on the English Language)]. *Tezisy Chetvertoy mezhdunarodnoy konferentsii "Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya"* [Abstracts of the Fourth International Conference "Gender: Language, Culture, Communication"]. Moscow. November 28–29, 2019. Moscow: Mosk. mezhdunarodnaya akademiya. pp. 23–24.
 40. Anosov, E.A. (2013) *Lingvisticheskaya reprezentatsiya konstantnykh / dinamicheskikh tendentsiy v russkoy i angloyazychnoy lingvokul'turakh* [Linguistic Representation of Constant / Dynamic Gender Stereotypes in Russian and English Linguocultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
 41. Kirilina, A.V. (2021) Gender i gendernaya lingvistika na rubezhe tret'ego tysyacheletiya [Gender and Gender Linguistics at the Turn of the Third Millennium]. *Voprosy psikholingvistiki*. 3 (49). pp. 109–147. doi: 10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147
 42. Tovkes, M.Yu. (2023) *Gendernyy stereotip kak format znaniya (na materiale russkogo yazyka)* [Gender Stereotype as a Knowledge Format (Based on the Russian Language)]. Philology Cand. Diss. N. Novgorod.
 43. Tovkes, M.Yu. (2022) Modelirovanie struktury gruppovoy interpretatsii kontseptov MUZHCHINA/ZHENSCHINA v russkoy lingvokul'ture [Modeling the Structure of Group Interpretation of the Concepts MAN/WOMAN in Russian Linguoculture]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 20 (3). pp. 151–165. doi: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-151-165
 44. Polevaya, I.V. (2014) *Rechevye gendernye stereotipy i ikh realizatsiya v rossiyskom analiticheskom televizionnom diskurse (na materiale tok-shou "Dialog" i "V fokuse" telekanala RBK-TV)* [Speech Gender Stereotypes and Their Implementation in Russian Analytical Television Discourse (Based on the Talk Shows "Dialog" and "V Fokuse" of the RBC-TV Channel)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
 45. Gerasimenko, I.E. (2020) *Gendernye modeli v tekstakh russkoy lingvokul'tury*. Praha: Publishing House "Education and Science" s.r.o.
 46. Ionina, A.A. (2020) Transformatsiya paremiologicheskikh edinit v sovremennom angliyskom yazyke nachala XXI veka [Transformation of Paremiological Units in Modern English at the Beginning of the 21st Century]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 13 (1). pp. 196–201. doi: 10.30853/filnauki.2020.1.39

Информация об авторе:

Влавацкая М.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: vlavatskaya@list.ru. ORCID ID: 0000-0001-5619-9416

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Vlavatskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vlavatskaya@list.ru. ORCID ID: 0000-0001-5619-9416.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2025;
одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 20.05.2025;
approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"
doi: 10.17223/15617793/520/2

Метаутопия А. Чаянова в жанровой стратегии А. Платонова

Марина Владимировна Заваркина¹

¹ Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, mvnikulina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено влияние «Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. Чаянова на повесть А. Платонова «Впрок». Повести характеризуются сложной субъектной и внесубъектной организацией. Заключается, что иронический пафос, столкновение разных точек зрения, эффект двойного авторства, использование замещенной точки зрения и фигуры ненадежного рассказчика свидетельствуют о сложной повествовательной стратегии писателей и заставляют выбирать термин «метаутопия» при уточнении жанра произведений.

Ключевые слова: Платонов, Чаянов, жанр, повесть, хроника, утопия, антиутопия, метаутопия, авторская позиция, точка зрения

Для цитирования: Заваркина М.В. Метаутопия А. Чаянова в жанровой стратегии А. Платонова // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 18–28. doi: 10.17223/15617793/520/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/2

Meta-utopia of A. Chayanov in the genre strategy of A. Platonov

Marina V. Zavarkina¹

¹ Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, mvnikulina@mail.ru

Abstract. The influence of A. Chayanov's *My Brother Alexei's Journey to the Land of Peasant Utopia* (1920) on A. Platonov's short novel *For the Future* (1931) is considered. The similarity begins at the level of genre modification, which cannot be unambiguously defined as utopia or dystopia – a characteristic already manifested in the subjective organization of the texts. Drawing on the works of B. Korman and B. Uspensky, the author of the article concludes that in *For the Future* the views of the "spiritual poor man," the narrator, and other characters on collectivization sometimes coincide and at other times diverge, shaping popular and authorial doubt within the narrative. Platonov employs a first-person narrator and narrative, and also chooses the tactic of "mediation," positioning several characters between the biographical author and the reader. Chayanov uses a third-person narrator and narrative but resorts to the figure of a "fictitious author," onto whom the real author shifts responsibility. All this testifies to the complex narrative organization of the texts and necessitates the term "meta-utopia" in clarifying their genre. Both writers also make use of irony, while Platonov additionally employs the narrative strategy of the anecdote. As a result, all hope is placed on the reader, but the reader is "conceptualized" (B. Korman), understanding and entering into the idea. In Chayanov's work, the short novel begins and ends as a dystopia, while its central part acquires the features of a utopian treatise on the economic structure of a new society. In Platonov, the balancing act between dystopia and utopia, satire and hope, takes place within a single scene. The description in *For the Future* is tied to the spatial-temporal position of the "spiritual poor man." However, in the scene depicting the "Agricultural Artel named after the Awarded Heroes" – in which A. Fadeev was the first to see the "embodied Chayanov utopia" – Platonov resorts to the tactics of a "substituted" point of view (B. Uspensky): the distrust of the "spiritual poor man" is replaced by the hope of the narrator, and then by that of the author. Thus, Platonov attempts to combine the interests of the people, their ideas of happiness, and the state's goals in the course toward collectivization. Chayanov looks further, depicting society after the reforms, though many issues remain unresolved for his hero. Chayanov's meta-utopia plays an important role in Platonov's genre strategy, which can be described as a strategy of synthesis. The writer combines features of different genres in *For the Future*: the short novel, essays, chronicles, utopia, and dystopia. As a result, the interweaving of artistic and essayistic-chronicle forms, as well as of lyrical and satirical pathos, proved unacceptable to the ideologists of Soviet art. Platonov found himself on the periphery of the literary process of his time, and his work, like Chayanov's, received the undeserved label of "kulak literature."

Keywords: Platonov, Chayanov, genre, short novel, chronicle, utopia, dystopia, meta-utopia, author's position, point of view

For citation: Zavarkina, M.V. (2025) Meta-utopia of A. Chayanov in the genre strategy of A. Platonov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 18–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/2

Современник А. Платонова – А.В. Чаянов (1888–1937) – один из основателей кооперативного движения в России. Он проявил себя не только как яркий представитель аграрной науки начала XX в., социолог, историк и искусствовед, но и как писатель. Интересы Чаянова и Платонова совпадали: оба размышляли о роли крестьянства в новом советском государстве и искали пути включения крестьянина и крестьянской семьи в большую «советскую семью», которую строил И. Сталин. Особое место в наследии Чаянова занимает научно-фантастическая повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), подписанная псевдонимом Ив. Кремнев.

В начале 1920-х гг. повесть, как и научные труды Чаянова о кооперации, высоко оценил Ленин, тоже занимавшийся этим вопросом. Мнение о повести изменилось к концу 1920-х гг., когда отношение со стороны государства и партии к любым утопическим мечтам и проектам, кроме «генерального плана», стало резко негативным. Одним из этапов развития утопического социализма в России XIX в. ученые называют народническую теорию «“русского”, общинного, крестьянского социализма» [1. С. 34]. Чаянова обвинили в том, что он является продолжателем этих идей и представителем «неонароднического» направления в сельскохозяйственной науке и «идеологом кулацкой кооперации» [2. С. 5]; см. также: [3. С. 310]¹. В работах «Организация крестьянского хозяйства» (1925), «Краткий курс кооперации» (1925), «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1927) Чаянов предлагал взамен «государственной коллективизации» осуществлять в стране – по природе своей преимущественно крестьянской – «кооперативную коллективизацию» [5]². Несмотря на то, что Чаянов считал «трудовое крестьянское хозяйство эффективнее» капиталистического [6. С. 403] и в его теории не было никакого политического подтекста, а лишь глубоко научный подход, такая позиция не могла устраивать Сталина. Установка на ускоренную индустриализацию, на реализацию пятилетнего плана в четыре, а то и в три года, требовали вложений, которые можно было получить, только эксплуатируя деревню.

Научные разработки Чаянова, как и его «Путешествие...», стали одним из идеологических контекстов творчества Платонова. Однако о близости взглядов Платонова и Чаянова на коллективизацию исследователи пишут мало (см.: [3, 7–9, 10³, 11]). Между тем «чаяновский след» позволяет уточнить авторскую позицию, выраженную, в частности, в повести-хронике «Впрок» (1931), написанной после выхода статей Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» и «Ответ товарищам колхозникам». В этих статьях Сталин признавал «перегибы», допущенные в процессе проводимой насильственными методами коллективизации, но всю вину перекладывал на местных активистов, которые якобы неправильно трактовали директивы из центра. Повесть Платонова вызвала жесточайшую критику вождя, а редактор «Красной нови» А. Фадеев, пропустивший повесть в печать, вынужден был написать разгромную статью, в которой провел несколько литературных параллелей, в

том числе с «чаяновской кулацкой утопией» [12. С. 277].

Повесть Чаянова изучалась, прежде всего, как отражение экономических и политических взглядов автора. Второй аспект, который интересует исследователей, – жанровая природа произведения (см.: [13]). Анализируется «вторая природа» жанра повести Чаянова, и звучат разные определения: утопия, антиутопия, метаутопия и даже контрутопия (например, как «контрутопию» по отношению к «Красной звезде» А. Богданова рассматривают «Путешествие...» Л. Геллер и М. Нике [14. С. 197]). В научной литературе выделяется несколько значений термина «утопия», идущих еще от Т. Мора: у-топия как место, которого нет, и как хорошее место (разница в греческих приставках *ou-* и *eu-*); какотопия – как плохое, злое место; дистопия – как описание результатов реализации утопии; ентопия (от греческого *εν* – «здесь») как место, противоположное утопии; экотопия – экологическая утопия; квазиутопия – подделка под утопию (см.: [15. С. 18; 16; 17. С. 135; 18; 19]). В последнее время принято рассматривать утопию и антиутопию как единый жанр. Отталкиваясь от понятия «метажанр»⁴, исследователи называют утопию и антиутопию «явлениями одной жанровой природы при всей разности их структур» и называют это образование метаутопией (см.: [21. С. 3; 22]).

Впервые термин «метаутопия» предложил Г. Морсон в работе «The Boundaries of Genre: Dostoevsky's *Dairy of Writer* and the Traditions of Literary Utopia» (1981): «Исследуя творчество Достоевского, Морсон определяет термином “метаутопия” такой тип текста, который принципиально открыт и в котором утопические и антиутопические элементы, сталкиваясь, сосуществуют, и при этом ни один из них не доминирует. Утопия пародируется антиутопией, и наоборот. Морсон не упоминает Платонова в своей книге, но, пожалуй, именно платоновские тексты представляют собой наилучшую иллюстрацию понятия “метаутопия”» [23. С. 156]. Таким образом, метаутопия (от греч. *μετά*- между, после, через + утопия) – субжанровое явление, означающее переход от одного состояния (утопии) к другому (антиутопии) в пределах одного текста. Эта двойственность, или амбивалентность, метаутопии, как и механизм перехода утопии в свою противоположность, заложены уже внутри самого жанра: ведь попытки реализовать утопию вызывают сопротивление и порождают антиутопию, которая, как это ни парадоксально, превращается в новую утопию, так как приобретает основные ее черты – критику настоящего и мечту о лучшем будущем. Чтобы отразить «диалектику противодействующих тенденций» внутри жанровой структуры произведений Платонова [24. С. 11], исследователи и употребляют термин «метаутопия» (см.: [23. С. 156; 25. С. 162–177; 26. С. 252]). Этот же термин звучит и в случае с Чаяновым.

Так, статья К. Соливетти называется «Утопия или метаутопия? Текст, метатекст и паратекст в “Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии” А. Чаянова», что характеризует основные подходы исследователей к проблеме жанра данного произведения [27]. Как метаутопию повесть Чаянова определяет и О.А. Павлова [28]. Другие исследователи,

хоть и не используют термин «метаутопия», но подразумевают, судя по всему, именно его. По мнению Дж. Джиганте, «в утопическом романе Чаянова есть пассажи, очевидно связанные с классическим мифом о Золотом веке и его переосмыслением у Достоевского, с идеями социалистов-утопистов и русским общинным (“крестьянским”) социализмом Герцена», однако при этом утопия Чаянова постепенно становится антиутопией [29. С. 62–63]. Н.В. Михаленко считает, что в «Путешествии...» писатель «проводит литературный эксперимент с утопической моделью, показывая ее сильные и слабые стороны» [30. С. 17]. Антиутопией называет повесть Чаянова В. Васильев, отмечая, однако, при этом ее «жизнерадостность», что характерно больше для жанра утопии [3. С. 305]. Сравнивая повесть Чаянова и роман «Чевенгур» Платонова, А.М. Никулин делит писателей-утопистов на две категории: «канцлер-утопист» и «бродяга-утопист» [11. С. 258–259]. К первым исследователь относит Т. Мора, Ф. Бэкона и А. Чаянова, ко вторым – Ф. Кафку, Д. Оруэлла и А. Платонова. Ученый определяет жанр произведения Чаянова как «иронически-патетический политический памфлет» (что также отражает поэтику метаутопии), а произведений Платонова, в частности романа «Чевенгур», – как «сатирически-элегический эпос, вобравший в себя мотивы самых удивительных, фантастических народных мечтаний и чаяний» [11. С. 262], что не отрицает возможности использования термина «метаутопия».

В платоноведении нет однозначного мнения о жанровой природе повести «Впрок». М. Геллер называет ее «пародийно-гротескной хроникой» [31. С. 290], И. Роднянская – «типичным утопическим <...> странствованием» [7. С. 336]. О «второй природе» жанра размышляет и Н.М. Малыгина, которая считает, что писатель объединил «утопию светлого будущего, рукотворного земного рая и реалистическое изображение действительности» [32. С. 60]. Подробнее на жанровом анализе произведения останавливается В.П. Скобелев, который находит в повести принципы «романного мышления» и считает, что в ней сталкиваются две эстетические концепции: «монологическая нормативная завершенность утопических построений и диалогическая незавершенность, открытость мышления», свойственная жанру романа, что ведет к противоречию в позиции «душевного бедняка» и «концептированного автора» [33. С. 205, 216]. В своем понимании термина «концептированный автор» Скобелев отталкивается, скорее всего, от научных разработок Б.О. Кормана, который, в свою очередь, развивал и дополнял идеи М.М. Бахтина. Согласно Корману, автор и повествователь в произведении не совпадают: авторская позиция шире позиции повествователя (и тем более героя-рассказчика) и выражается «не отдельным субъектом речи, как бы близок он ни был автору, а всей субъектной и внесубъектной организацией произведения» [34. С. 102–103]. К субъектной организации текста Корман относит совокупность точек зрения⁵ в произведении, а к внесубъектной – сюжетное и композиционное построение. Развивая идеи Б.О. Кормана, Н.Л. Лейдер-

ман предложил модель жанра, состоящую из элементов жанрового содержания и жанровой формы, в которой «первым носителем жанра» является «субъектная организация художественного мира»: «Субъектная организация – это самая универсальная структура, призывающая все уровни художественного произведения» [20. С. 119].

Повесть «Впрок» характеризуется сложной субъектной и внесубъектной организацией, что приводит к противоречивым исследовательским концепциям творчества Платонова⁶. Так, «концептированного автора», наиболее приближенного к самому писателю, В.П. Скобелев увидел в образе повествователя, что привело исследователя к скоропалительному выводу о том, что Платонов одобряет «“сплошную коллективизацию” вместе с раскулачиванием», а также ведет «спор с религией» [33. С. 209]. Действительно, «образ автора прежде всего проявляется в способе повествования» [38. С. 3], а «субъект речи тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем» [34. С. 102]. Однако необходимо разграничивать субъект речи и субъект сознания: «Субъект речи – тот, кому приписана речь в данном отрывке текста. Субъект сознания – тот, чье сознание выражается в данном отрывке текста» [34. С. 135–136]. В случае с Платоновым нельзя однозначно сказать, что авторская точка зрения «слита» с точкой зрения не только главного героя-рассказчика, но и повествователя. Отказавшись от очерковой формы освещения событий от автора (в первом варианте повесть «Впрок» представляла собой цикл очерков), Платонов обратился к образу рассказчика – «душевного бедняка», которого периодически «сменяет» в тексте неперсонифицированный повествователь⁷, комментирующий события, т.е. речь рассказчика встроена в более сложную конструкцию. Однако перед нами не просто «рассказ в рассказе», а полифония разных точек зрения, так как количество рассказчиков с развитием действия увеличивается. Писателю важно было выразить народное многоголосье, поэтому огромное значение приобретает в повести разговор «душевного бедняка» с каждым встречным, в результате чего диалог у Платонова приобретает статус сюжетного события. В этом отличие повести Платонова от других произведений советской литературы, для которой, по словам Н.А. Кожевниковой, характерно прямое выражение авторской позиции, вследствие чего повествование, связанное с воспроизведением «чужой речи», «чужой точки зрения», становится не актуальным и «обычно не принимается во внимание» при анализе произведения, а относится к особенностям творческой манеры писателя [39. С. 137, 147].

По мнению Н.В. Барковской, «когда повествование ведется от лица рассказчика, исчезает иллюзия эпической объективности и всеведения автора» [40. С. 19]⁸. Однако выбор повествования от первого лица (я/мы) у Платонова не может в полной мере свидетельствовать и о *субъективности* повествования, о чем писатель предупредил в небольшом вступлении: «Если мы в дальнейшем называем путника как самого себя (“я”), то это – для краткости речи...» [41. С. 7]. Наоборот,

смену «точки зрения» (от автора очерков – к рассказчику повести) писатель объяснил в предисловии «От составителя», оставшемся в первой редакции произведения, – как желание дать «свободу движению фактов», т.е. *объективную* картину происходящего⁹. При этом итоговая авторская оценка остается «за кадром», так как введением рассказчика – непосредственного свидетеля событий – Платонов как бы снимает с себя ответственность¹⁰. Однако используя при этом фигуру повествователя, чья точка зрения шире, чем у героя-рассказчика, но уже авторской, Платонов снова возвращается на «минное поле». В итоге взгляды «душевного бедняка», повествователя и других персонажей на коллективизацию в тексте «Впрок» то совпадают, то расходятся, оформляя в нарративе народное и авторское «со-мнение», что, конечно же, не мог не заметить главный читатель страны – И. Сталин¹¹. Получался эффект матрешки, при котором, чтобы добраться до авторской позиции, необходимо было преодолевать несколько повествовательных слоев, «вложенных» друг в друга. Сложная субъектная организация создавала в тексте «Впрок» *коллективную* точку зрения на проводимую в стране *коллективизацию* (подробнее о коллективной точке зрения в художественном тексте см.: [38. С. 249–260]). Носителем же именно *авторской* точки зрения нередко становятся у Платонова второстепенные, эпизодические и даже комически обрисованные персонажи. Прием смещения точки зрения из центра на периферию характерен для кино и изобразительного искусства [44. С. 28] – эта композиционная установка была знакома Платонову, так как над киносценариями писатель работал параллельно с прозой.

У Чаянова мы также наблюдаем сложную субъектную и внесубъектную организацию. Путешествие Алексея по утопической стране начинается с того момента, когда он, разочарованный и угнетенный жизнью в советской России периода «военного коммунизма», фантастическим способом (в духе Гофмана) под именем Чарли Мен попадает в крестьянскую республику 1984 г. Республика – результат свершившейся в 1934 г. «крестьянской революции», в ходе которой города с населением свыше 20 тыс. были упразднены, а остальные стали выполнять функции социальных и культурных узлов [4. С. 34]. Судя по заголовкам газет, которые читает герой, он попал в мир, где «кооперативный коллективизм» одержал победу над «государственным коллективизмом» [4. С. 26], о чем мечтал сам Чаянов. При этом по иронии Кремнев в прошлом был «душителем крестьянского движения в России» [4. С. 66], т.е. писатель заведомо выбирает персонажа, настроенного критически. Для перемещения своего героя во времени Чаянов обращается к традиционному для русской утопии и фантастики сюжетному приему сновидения (по мнению Н.Г. Митиной, это «объясняется подцензурным характером литературы» [17. С. 139]), в отличие от Платонова, использовавшего более реалистичную мотивировку событий и героя, настроенного в целом положительно: его «душевного бедняка» заставляет пуститься в путешествие по родине «забота за всеобщую действительность» [41. С. 7]. Однако из точки в точку, из колхоза в колхоз, героя Платонова приводит

какой-то определенный персонаж, служащий «проводником» по разным вариантам нового «крестьянскогорая». Героя Чаянова по новой «крестьянской» Москве 1984 г. также «водят» – представители семейства Мининых. Таким образом, Чаянов показывает, что *будет*, если восторжествует «кооперативный коллективизм», а Платонов – что *стало*, когда победил коллективизм «государственный».

При этом Платонов выбирает тактику двойного и даже тройного «опосредования», когда между биографическим автором и читателем находятся несколько героев: герой-рассказчик – «душевный бедняк»; повествователь (именно повествователь, как и подзаголовок повести – «бедняцкая хроника», – вводит рассказчика), а также другие герои, рассказывающие свои истории вступления в колхоз. Если Платонов использует фигуру рассказчика и повествование от 1-го лица, то Чаянов – фигуру всеведущего повествователя и повествование от 3-го лица, но прибегает при этом к эффекту «двойного авторства»¹² или к фигуре «подставного автора», на которого «подлинный автор как бы перекладывает ответственность за достоверность повествования» [46. С. 30–31]. Так, повесть Чаянова была опубликована под именем Ив. Кремнев, героем же «Путешествия...» является его брат Алексей. Наконец появляется в произведении и третий «невидимый» персонаж – Чарли Мен, под именем которого Алексей Кремнев попадает в крестьянский рай. Безымянному «душеному бедняку» Платонова у Чаянова противопоставлен герой с безликой фамилией «Мен» (человек – в переводе с английского). У Чаянова так же, как и у Платонова, появляется в тексте несколько персонажей со своими взглядами на происходящее (Никифор Алексеевич, Алексей Александрович, Параскева и Катерина Минины). Все это свидетельствует о сложной повествовательной организации обоих текстов и заставляет нас выбирать термин «метаутопия» при уточнении жанровой природы произведений.

В то же время однозначная авторская позиция характерна не только для таких публицистических жанров, как очерк¹³ или хроника (жанровый подзаголовок повести Платонова), но и для жанра «чистой» утопии (термин, входящий в название повести Чаянова), где автор прямо, «без обиняков», описывает идеальное общество. Определенность и ясность авторской позиции характерны и для жанра антиутопии. По мнению Д.С. Лихачева, повесть как жанр тоже изначально нацелена на то, что читателя в ней ведет по преимуществу автор – его голос необходим повести, так как создает цельность произведения [47. С. 3]. Если говорить о повестях Платонова и Чаянова, то в их случае все усложняется тем, что у Чаянова повесть приобретает черты публицистического трактата о сложившемся экономическом укладе нового общества, а у Платонова – черты хроники: именно хроникальность сюжета (повесть как бы пишется по ходу коллективизации, по ее горячим следам) делает произведение Платонова максимально приближенным к настоящему времени, несмотря на то, что повесть традиционно – это повествование о том, что уже произошло (весть о прошлом).

Поэтому исследователь Скобелев и увидел в ней черты жанра романа. Однако сложная субъектная организация текста, при которой автор не дает однозначного ответа, вследствие чего вся надежда возлагается на читателя, превращает хронику обратно в повесть – в художественное произведение. Оба писателя надеются при этом на читателя понимающего, по Корману – «концептированного» [34. С. 209]), а значит, образ читателя/слушателя тоже входит в авторский замысел. Важен этот «концептированный образ читателя» и при анализе субъектной организации текста, так как «читатель совмещается с субъектом сознания в разнообразных точках зрения: прямооценочной, пространственной, временной, фразеологической» [34. С. 210]. По мнению Г.А. Белой, в зрелом периоде творчества Платонова «опора на восприятие читателя стала одним из ведущих стилеобразующих факторов» [48. С. 205]. Задача читателя, в свою очередь, усложняется тем, что в платоновском тексте нет резко выраженных стилистических границ между словом героя-рассказчика и повествователя – они совпадают во фразеологической точке зрения. Можно даже сказать, что Платонов не предоставляет «авторитетного рассказчика», а наоборот, делает его «ненадежным», что ведет к «дезориентации читателя» [49. С. 61], с одной стороны, и к усилению его роли – с другой.

Термин «ненадежный рассказчик» был введен У. Бутом в монографии *“The Rhetoric of Fiction”* («Риторика вымысла», 1961). Как указывает А.В. Жданова, анализирующая эту работу, без фигуры читателя невозможна фигура «ненадежного рассказчика», «ненадежной» же можно назвать такую повествовательную стратегию, когда «нормы нарратора и имплицитного автора не совпадают», или когда «имплицитный автор устраняется от прямого говорения и вынесения оценок», при этом «один и тот же голос может рассказывать историю с разных точек зрения и одна и та же точка зрения может доноситься до читателя разными голосами» [50. С. 151–152, 155]. Отгалкиваясь от термина «фокализатор», введенного Ж. Женнетом, исследователь различает «ненадежного рассказчика» и «ненадежного фокализатора», первый – «лжец», второй – «ребенок» [50. С. 155]. В свете этого можно уточнить, что в повести «Впрок» мы имеем дело не столько и не только с «ненадежным рассказчиком», сколько с «ненадежным фокализатором»: «душевный бедняк» Платонова и есть тот самый наивный ребенок, глазами которого мы видим проводимую в стране коллективизацию. Такими же наивными детьми являются и другие герои, рассказывающие свои истории колхозной жизни. Так, при посещении первого сельскохозяйственного коллектива «Доброе начало» душевный бедняк наблюдает смешную и трогательную картину: каждый член колхоза считал другого «дураком» и по привычке все делал собственноручно. В итоге, один из участников заявляет: «Ведь я все кулачество по найму прошел, а так сроду не мотался» [41. С. 12]. Повествователь же делает вывод, который и определяет рассказчика как наивного ребенка: «Правда, было в таком явлении что-то трогательное и смешное, но это была трогательная неуверенность детства, опережающего тебя, а не падающая ирония гибели» [41. С. 16].

Снисходительная ирония переходит в жесткую сатиру в тех случаях, когда Платонов обращается к общему воплощению политических директив, в частности – цитат из статей Сталина. Тогда писатель прибегает к «фразеологическому использованию чужой точки зрения», что придает тексту «иронический или издевательский оттенок» [44. С. 72], именно такой сатирический эффект возникает, например, в следующих словах повествователя: «...перегибы при коллективизации не были сплошным явлением, были места, свободные от головокружительных ошибок, и там линия партии не прерывалась и не заезжала в кривой уклон» [41. С. 20]. В данном случае повествователь рассказывает историю середняка Евсеева, который при составлении описи кулацких драгоценностей забрал себе половину и тем самым «обидел советскую власть», в результате чего «прославился как разгибщик – вопреки перегибщику» [41. С. 20]. Для усиления комического эффекта Платонов использует также коммуникативную стратегию анекдота¹⁴, для которой характерен «сдвиг точек зрения», когда «все происходящее воспринимается сначала с одной точки зрения, а потом неожиданно оказывается, что воспринимать надо было с совершенно другой (то есть рассказчик стоит на другой позиции)» [44. С. 211]. Так, на нарративной стратегии анекдота построена история про кулака Верещагина, который морил голодом своих лошадей, чтобы получать за них страховку и покупать новых. В итоге, пытаясь обхитрить государство, но будучи пойманным, Верещагин провозгласил лошадей «оппортунистами», мешающими техническому обеспечению деревни, а в их смерти обвинил «божью волю» [41. С. 19]. Смещение в речи Верещагина новых слов, вычитанных им из советских газет, и исконно-народной, крестьянской, лексики¹⁵, а также противоречие в поступках и выводах придают сцене анекдотический смысл, который, конечно же, не могли не почувствовать первые критики повести, увидевшие в произведении выражение четкой авторской позиции. Д.С. Лихачев в статье «“Ложная” этическая оценка у Н.С. Лескова» заметил, что читатель всегда «чувствует» точку зрения автора, как бы он ее ни маскировал [52. С. 158].

У Платонова и Чаянова субъектная организация выводит на жанровый уровень, который тоже непосредственно связан с авторской позицией, авторским взглядом на описываемые события. Так, центральное место в «крестьянской утопии» Чаянова занимает образ новой Москвы 1984 г., превратившейся в город-сад [4. С. 30]. Страна же, согласно описанию, представляла собой раскинувшееся «на сотни верст сплошное сельскохозяйственное поселение» [4. С. 38]. Казалось бы, произошло то, о чем мечтал Чаянов в своих научных работах. Однако при более внимательном чтении становится понятно, что это описание мнимого крестьянского рая. Так, исследователи подмечают, что у Чаянова нет изображения конкретного крестьянина или крестьян, хотя страна и называется крестьянской, – описания «крестьян создают лишь некий абстрактный фон» [11. С. 264–265]. Чаянов только показывает, что для России характерна «многоукладная экономика», где кооперация играет главную роль и продуктивно

«сотрудничество между собой государства, капитализма, крестьянских семейных экономик» [11. С. 269–270], но окончательное решение о правомерности такого сотрудничества остается, как и у Платонова, за читателем. В первый день Алексей Кремнев предполагает несколько вариантов развития событий (что не характерно для жанра утопии, известного своим дидактизмом и монологизмом) и задается вопросом, какое политическое устройство его ждет в новом мире: «царство социализма», «дивная анархия», «капитализм» или «новая, неведомая ранее социальная система» [4. С. 24]? В конце недописанной повести напуганный фанатизмом обитателей республики, не признающих никакую государственную власть и исповедующих радикальный анархизм, Кремнев оказывается персоной попугая в утопическом крестьянском эдеме, где – как в любом тоталитарном государстве – нет свободы слова. Таким образом, повесть начинается и заканчивается как антиутопия.

У Платонова балансирование между антиутопией и утопией, сатирой и надеждой происходит в пределах одной сцены. Точки зрения рассказчика и повествователя не всегда совпадают в идеологическом и пространственно-временном плане (подробнее об этих планах см.: [44. С. 22–23, 100]): например, повествователь иногда не разделяет оптимизма своего героя, т.е. дает другую оценку, или знает, что было раньше и в другом месте, т.е. имеет более широкую пространственно-временную точку зрения. Однако, как было сказано выше, повествователь и герой-рассказчик в повести «Впрок» говорят на одном языке, языке утопии, и в плане фразеологии их точки зрения не различаются. В то же время, по мнению Б. Успенского, «в определенных случаях план речевой характеристики (то есть план фразеологии) может быть *единственным* планом в произведении, позволяющим проследить смену авторской позиции» [44. С. 36], чего у Платонова как раз и не происходит. Это привело к тому, что в описании «С.-х. артели имени Награжденных героев» А. Фадеев увидел воплощенную «чаяновскую утопию» [12. С. 277], а В. Скобелев, наоборот – сатиру [33. С. 211].

Артель, как следует из повествования, была учреждена в 1923 г., после окончания Гражданской войны и в разгар НЭПа. В ней все держится на трудолюбии и единстве интересов: «Десятки новых и отремонтированных хозяйственных помещений в плановом разумном порядке были расположены по усадьбе; три больших жилых дома находились несколько в стороне от служб, вероятно, для лучших санитарно-гигиенических условий. Если раньше эта усадьба была приютом помещику, то теперь не осталось от прошлого никакого следа <...>. Члены артели героев, устроенной по образцу якобы коммуны, имели спокойный чистоплотный вид <...>, в артели было всего два трактора. Все работы совершались вековыми старинными способами; хорошие же результаты объяснялись крайним трудолюбием, дружной организацией и скупостью к своей продукции артельщиков...» [41. С. 53–56]. Основанная красноармейцами артель отличается от колхозов тем, что не желает принимать новых членов, могущих нарушить уже установившуюся для них «тишину

истории», что вызывает в итоге недоверие «душевного бедняка» и подозрение, что перед ним «тайные кулаки» [41. С. 54]: «Чем больше я жил в этой артели, тем больше убеждался, что ее идеология – ханжество, несмотря на значительное общее достояние, несмотря на крупные производственные успехи <...>. Но откуда же это ханжество, эта хитрая скрытая борьба с партией и бедняками за сохранение только для себя своего удела?» [41. С. 55].

Как видим, в ханжестве зажиточных мужиков артели уличает у Платонова герой-рассказчик (от которого автор в начале повести «открестился»), в то время как Фадеев обвиняет здесь в лицемерии самого писателя: «...идиллия, описываемая Платоновым, выглядит прямо каким-то кулацким оазисом в пустыне бесплочности и сумятицы» [12. С. 278]. Сложность субъектной организации текста подтверждает и тот факт, что надежда, которая слышится в подводящем итог описанию артели голосе повествователя, действительно, подчеркивает общий критический ход рассуждений «душевного бедняка»: «...эти качества (трудолюбие и дружная организация. – М.З.) должны остаться и тогда, – рассуждает повествователь, – когда эта ханжеско-делаческая артель станет большевистской. Что же будет в артели, если снабдить ее тракторами, удобрениями, приложить к ее угольям, вместо сухого рачительства, ударный труд, сменить имущественного скопца на большевика и агронома, и, главное, сделать артель действительно трудовым товариществом крестьян-бедняков?» [41. С. 56]. В данном случае метаутопическая двойственность субъектной организации текста является сознательной установкой писателя на неоднозначность смысла, предоставляющей читателю право самому судить о происходящем и делать выводы.

Как указывает Б. Успенский, точка зрения автора может быть «двойной»: автор может «смотреть и оценивать» сразу «с нескольких позиций» [44. С. 27]. При этом точка зрения автора «замещается» точкой зрения повествователя или главного героя, а также точкой зрения других, второстепенных, персонажей. Чаще всего это касается оценочного, идеологического, плана произведения¹⁶. По мнению Б. Успенского, это самое «сильное влияние авторского слова на слово персонажа» [44. С. 79, 199]. Так, несмотря на то, что описание в повести «Впрок» в целом привязано к пространственно-временной позиции «душевного бедняка», в сцене с описанием «С.-х. артели имени Награжденных героев» Платонов прибегает к тактике «замещенной» точки зрения, когда недоверие «душевного бедняка» сменяется надеждой повествователя, а затем и автора. Используя «замещенную» точку зрения, Платонов пытается объединить две позиции: интересы народа, его представления о «мужицком счастье» и «идеальное» целеполагание государства с его курсом на коллективизацию. И Платонов, и его герой, в котором присутствует ряд автобиографических черт, связывали с коллективизацией свои социальные чаяния, коллективизация входила в планы писателя по поиску смысла «отдельного и общего существования». Но то, какими методами и с какой скоростью она проводилась, заставляло Платонова «сомневаться» в истинности происходящего. Так, один из героев заключает: «– Потому что,

молодой человек, вы только приказываете верить, что общественное хозяйство лучше единоличного, а почему лучше – не показываете...» [41. С. 24].

Идеал Чаянова – сильная и самостоятельная деревня, где не будет командно-административных методов регулирования, быстрого и бездумного собирания крестьян в колхозы, уничтожения кулака как класса. Чаянов делал ставку на личный труд большой крестьянской семьи – семейной фермы, которая далека как от капиталистической фирмы, где главной мотивацией является прибыль, так и от государственного колхоза, где единственной мотивацией служит директива начальства. В «Путешествии...» эти мысли вложены в слова Алексея Александровича Минина, объясняющего Кремневу, чем их система отличается от коммунистической: «Система коммунизма посадила всех участников хозяйственной жизни на штатное поденное вознаграждение и тем лишила их работу всяких признаков стимуляции» [4. С. 59]. Чаянов призывает с уважением относиться к психологии крестьянина – той психологии собственника, которой так опасались советские идеологи, лишая хозяина своего имущества, земли, а тем самым и заинтересованности в работе. Как писала В. Чапликова, «сплошная коллективизация выкорчевывала мечту о крестьянском рае, о заветном мужицком Беловодье, раем был объявлен колхоз» [25. С. 20].

Платонов сближался со взглядами Чаянова на коллективизацию как постепенный, проводимый с уважением к народным традициям процесс подключения советской деревни к происходящим в 1930-е гг. преобразованиям. В то же время он отходит от Чаянова в своем понимании сущности коллективизации. В теории Чаянова исследователи находят противоречия и недоработки, видел их и сам автор: неслучайно, доведя в повести до абсурда дорогие для него идеи, он прервал повествование практически на полуслове, видимо, не зная, как выйти из утопического тупика. Но тогда, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., Чаянову вменялось то, что он не увидел опасности в усилении крестьянских семей, которое в итоге привело бы к развитию капиталистических отношений в деревне. Платонов же мечтал о крестьянском будущем технически вооруженном современной наукой и техникой (в этом солидаризируясь с Чаяновым и приближаясь к его модели «города-сада»), но в котором не будет «своего» и «чужого», а земля станет «общим существом существования».

Ключевая для Чаянова мысль о роли традиционной семьи в становлении личности, общества и государства художественно-философски раскрыта им в «Путешествии...» в образе усадьбы (подробнее см.: [54]). Жители фантастической крестьянской республики мечтают возродить помещичью культуру XIX в., «подарившую миру Пушкина» [4. С. 74], недаром в начале повести Кремнев среди книг находит прекрасно изданного «Медного всадника» [4. С. 26]. Получается, что в повести Чаянова показано общество, в котором бедный Евгений как бы одержал победу над Петром – народ, а шире крестьянство – победу над государством и городом. Платонов же, наоборот, искал пути совмещения двух жизненных интенций: стихии (которую

всегда для советских идеологов олицетворяло крестьянство) и сознательности (которая находит свое воплощение в государственной идее). Опоры в решении этой коллизии писатель будет так же искать в творчестве А.С. Пушкина. В 1937 г. Платонов предложит свою трактовку «Медного всадника», согласно которой России «нужны оба»: и Евгений, олицетворяющий естественное, природное, патриархальное начало, и Петр, который своим «вдохновением жизни» и «стремлением к дальним целям истории» [55. С. 13] не может не вызывать симпатии¹⁷.

Сравнительный анализ повести А. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и повести-хроники А. Платонова «Впрок» позволил уточнить авторскую позицию в тексте Платонова, точнее обозначить его идеал советской деревни. Влияние Чаянова на Платонова проявилось не только в идеологическом плане, но и в структурно-типологическом – в жанре произведения. Сходство обоих произведений начинается на уровне жанровой модификации, которую нельзя однозначно определить как утопию или антиутопию, что проявилось уже в субъектной организации текста. Диалог точек зрения в повести Платонова, переходящий в полифонию, а иногда и какофонию, с одной стороны, выражает позицию «причастного», но «внеаходимого» автора, с другой – позволяет ему скрывать свое истинное лицо, «облечься в молчание»¹⁸. У каждого рассказчика в повести «Впрок» своя правда, но истину должен установить сам читатель. Усложняет ситуацию диалог между утопией современной, антиутопическими настроениями автора и его собственным утопическим сознанием, который определяет повествовательную и жанровую стратегию как Платонова, так и Чаянова. Совмещая разные точки зрения на описываемые события, создавая в повести панораму коллективизации, Платонов пытался не только охватить по возможности все проблемы современной деревни, но и показать социалистический потенциал крестьянской цивилизации. Чаянов смотрит дальше и изображает общество уже после проведенных реформ, но при этом многие вопросы так и остаются для его героя нерешенными. Оба писателя сходились в одном: коллективизация, без учета традиций и интересов народа, может привести к инфантилизации [31. С. 295] и даже гибели крестьянства.

Метаутопия А. Чаянова играет важную роль в жанровой стратегии Платонова, которую можно обозначить как стратегию синтеза. Откликаясь на идеи современников и их произведения, Платонов создал собственный художественный мир, в котором нашлось место разным точкам зрения, разным взглядам на происходящие в стране изменения. Синтез идей позволил писателю объединить в повести «Впрок» черты разных жанров: повести, очерка, хроники, утопии и антиутопии. В результате взаимосвязь художественной и очерково-хроникальной форм, а также лирико-сатирического пафоса оказалась неприемлемой для идеологов советского искусства. Платонов оказался на периферии современного ему литературного процесса, а его повесть, как и повесть Чаянова, незаслуженно полу-

чила наименование «кулацкая». Горячее желание автора и его героя поведать о том, как много можно взять «впрок» для дела социализма из опыта народной жизни, было оценено как антисоветская пропаганда.

Примечания

- ¹ Так, герой Чаянова попадает в утопический мир будущего, читая книжку Герцена [4. С. 20].
- ² В качестве одного из источников экономической системы Чаянова исследователи называют столыпинскую аграрную реформу по укреплению фермерского (хуторского, отрубного) крестьянского хозяйства. Однако Чаянов разрабатывал свою теорию в то время, когда реформа не дала нужных результатов, а наоборот – привела к разрушению крестьянской общины и усилению зажиточных семей. Чаянов же предлагал вместо общины кооперацию, суть которой – в объединении крупных и мелких крестьянских хозяйств. По мнению В. Васильева, «Чаянов как бы реформировал русскую общину, сохранив в ней жизнеспособные здоровые начала...» [3. С. 315].
- ³ В настоящей статье мы провели дальнейшую разработку темы, начатую в предыдущих наших работах.
- ⁴ Разные трактовки этого термина см.: [20. С. 328].
- ⁵ Под «точкой зрения» мы, вслед за Н.Д. Тмарченко, понимаем такое «положение «наблюдателя» (*повествователя, рассказчика, персонажа*) в изображенном мире (*во времени и пространстве*, в социально-идеологической и языковой среде), которое определяет его кругозор – как в отношении «объекта» (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого, и выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [35. С. 430].
- ⁶ Существует несколько работ на тему субъектных и внесубъектных способов выражения авторской позиции в произведениях Платонова (см.: [36, 37]).
- ⁷ Как указывает Н.Д. Тмарченко, ««посредничество» повествователя помогает читателю прежде всего получить более достоверное и объективное представление о событиях <...>. «Посредничество» рассказчика позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на событие глазами персонажей» [35. С. 287].
- ⁸ По мнению Б. Кормана, «рассказчик не только строит рассказ, но и стремится навязать читателю открыто заявленное понимание этого «строения»» [34. С. 248].
- ⁹ Первая редакция повести «Впрок» / ст. и публ. Н. Умрюхиной // Архив А.П. Платонова. Кн. 1. М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 87.
- ¹⁰ Б. Корман полагал, что чем больше «субъект речи становится определенной личностью, тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию» [34. С. 102].
- ¹¹ По словам Ц. Тодорова, высказанным им в работе «Поэтика», «один и тот же факт, изложенный с разных точек зрения, – это уже два разных факта» [42. С. 69]. Сталин, естественно, не стал углубляться в тонкости поэтики художественного текста и прочитал только то, что очевидно лежало на поверхности. В то же время слова самого Платонова свидетельствуют о четкой авторской позиции: «Мне все равно, что другие будут говорить. Я писал эту повесть для одного человека (для тов. Сталина), этот человек повесть читал и по существу мне ответил. Все остальное меня не интересует» [43. С. 283].
- ¹² Об «эффекте двойного авторства», например в «Повестях Белкина», пишет В.И. Тюпа [45. С. 104].
- ¹³ В очерке авторская позиция проявляется прежде всего в отборе фактов.
- ¹⁴ По мнению С. Красовской, анекдотический и иронический «дискурс Платонова был реакцией на онтологический и политический, бюрократический абсурд действительности» [51. С. 36].
- ¹⁵ По мнению С.С. Аверинцева и И.Б. Роднянской, «автор-повествователь у Платонова как бы налагает запрет на гладкое олитературное слово, ибо сочувствует самобытному мыслителю усилию своего героя» [46. С. 33]. Язык, на котором говорят и рассказчик, и повествователь, а также другие герои повести, охарактеризован у Платонова так: «...бедняки, завтрашние строители новой великой истории», вынуждены говорить «на чужом двусмысленном, кулацко-бюрократическом языке», так что «иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически» [41. С. 52].
- ¹⁶ Ученый ссылается при этом на работу В.Н. Волошинова, который называет «замещенной прямой речью» тот случай, когда «автор говорит за своего героя» [53. С. 163–164].
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: [56].
- ¹⁸ Подробнее см.: [45. С. 95, 195; 57. С. 290].

Список источников

1. Володин А.И., Шахматов Б.М. Утопический социализм в России. 1833–1883 (краткий очерк) // Утопический социализм в России. М., 1985. С. 5–75.
2. Струве Г. О Чаянове и его утопии // [Чаянов А.В.] Ив. Кремнев. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Нью-Йорк : Серебряный век, 1981. С. 5–13.
3. Васильев В. Судьбы деревни и культуры (футурологическая проза) // Молодая гвардия. 1999. № 3–4. С. 304–348.
4. [Чаянов А.В.] Ив. Кремнев. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Нью-Йорк : Серебряный век, 1981. 95 с.
5. Чаянов А.В. Государственный коллективизм и крестьянская кооперация // Кооперативная жизнь. 1920. № 1–2. С. 6–12.
6. Кузнецов И.А. Российская аграрно-экономическая мысль в Тюненовской перспективе (1875–1925) // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2013. С. 376–411.
7. Роднянская И. «Сердечная озадаченность» // Андрей Платонов: мир творчества. М. : Современный писатель, 1994. С. 330–354.
8. Малыгина Н., Матвеева И. Комментарии // Платонов А.П. Эфирный тракт: повести 1920-х – начала 1930-х годов / под ред. Н.М. Малыгиной, сост. Н.В. Корниенко. М. : Время, 2011. С. 511–558.
9. Заваркина М.В. «Кулацкая утопия» А. Чаянова и «кулацкая хроника» А. Платонова // Пушкинские чтения–2013 : материалы XVIII Междунар. науч. конф. Пушкин, 2013. С. 41–48.
10. Заваркина М.В. Повесть-хроника А. Платонова «Впрок» в литературно-политическом контексте времени // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2013. № 3 (132). С. 78–81.
11. Никулин А.М. Грезы Русской революции в утопиях Александра Чаянова и Андрея Платонова // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 256–290.
12. Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии. М. : Современный писатель, 1994. С. 272–278.
13. Шушпанов А.Н. А.В. Чаянов и утопия 1920-х годов: проблема жанра // Потаенная литература: исследования и материалы. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2000. Вып. 2: Приложение. С. 74–80.
14. Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб. : Гиперион, 2003. 310 с.
15. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск.; общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1990. 456 с.
16. Морсон Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М. : Прогресс, 1991. С. 223–251.
17. Митина Н.Г. Утопический дискурс. Механизмы генерации русской утопии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3 ч. Тамбов : Грамота, 2011. № 2 (8), ч. 2. С. 135–141.

18. Сычев А.А. Экоутопия и мораль // Вестник прикладной этики. 2018. № 52. С. 47–62.
19. Шадурский М.И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 160 с.
20. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург, 2010. 900 с.
21. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Саратов, 2009. 48 с.
22. Гарипова Г.Т., Костылева И.А. Метапоэтика художественных антиутопий рубежа XIX–XX веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 20–29.
23. Будин П.-А. Библейское, мифическое, утопическое: анализ повести Платонова «Джан» // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб. : Наука, 2008. Кн. 4. С. 149–156.
24. Гюнтер Г. По обе стороны утопии: контексты творчества А. Платонова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
25. Чаликова В.А. Утопия рождается из утопии: эссе разных лет. London : Overseas Publ. Interchange, 1992. 216 с.
26. Гюнтер Г. Жанровые проблемы утопии и антиутопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М. : Прогресс, 1991. С. 252–276.
27. Соливетти К. Утопия или метаутопия? Текст, метатекст и паратекст в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. Чаянова // Вторая проза. Trento : Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. С. 297–314.
28. Павлова О.А. «Путешествие...» А.В. Чаянова как метаутопия: синтез мифологии Просвещения и Ренессанса // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2005. Вып. 4. С. 30–38.
29. Джиганте Дж. Творчество Александра Чаянова – уникальное явление русского Модернизма // Contemporary Issues of Literary Criticism X Modernism in Literature Environment, Themes, Names Proceedings of International Symposium (The symposium dedicated to the 125th anniversary year of the birth of Galaktion Tabidze). Тбилиси : Ivane Javakishvili Tbilisi State University Press, 2017. Vol. 1. P. 57–64.
30. Михаленко Н.В. «Утопическое начало в русской литературе 1920–1930-х гг. («Путешествие...» А.В. Чаянова в контексте эпохи) // Russian Peasant Studies. 2021. Vol. 6, № 4. P. 6–20.
31. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Paris : YMCA-PRESS, 1982. 404 с.
32. Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М. : Теис, 2005. 334 с.
33. Скобелев В.П. В надежде на живые души (повесть «Впрок» в контексте жанровых исканий писателя) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М. : Наследие, 1994. С. 204–217.
34. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2006. 552 с.
35. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец, В.Е. Хализева, С.Н. Бройтмана и др. М., 1999. 556 с.
36. Сун Ю.Ю. Способы выражения авторской позиции в прозе А. Платонова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 165 с.
37. Поляков А.В. Принципы и приемы выражения авторской оценки в произведениях Андрея Платонова конца 1920-х – начала 1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 170 с.
38. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 2024. 336 с.
39. Кожевникова Н.А. О типах повествования в советской прозе // Вопросы языка современной русской литературы. М. : Наука, 1971. С. 97–163.
40. Барковская Н.В. Типы повествования и их анализ // Филологический класс. 2004. № 11. С. 16–25.
41. Платонов А. Впрок // Платонов А. Сочинения. М. : ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4: 1928–1932. Кн. 1: Повести. С. 7–68.
42. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 69–113.
43. Шенталинский В. Рабы свободы: в литературных архивах КГБ. М. : Парус, 1995. 390 с.
44. Успенский Б. Поэтика композиции. СПб. : Азбука, 2000. 352 с.
45. Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб. : Алетейя, 2021. 270 с.
46. Аверинцев С.С., Роднянская И.Б. Автор // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. Стлб. 28–34.
47. Лихачев Д.С. Нравственно-художественная проза // Кузьмин А.И. Повесть как жанр литературы. М. : Знание, 1984. С. 3–4.
48. Белая Г.А. Закономерности стилистического развития советской прозы двадцатых годов. М. : Наука, 1977. 254 с.
49. Меерсон О. Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова. М. : Гранат, 2016. 256 с.
50. Жданова А.В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 2. С. 151–164.
51. Красовская С.И. Художественная проза А.П. Платонова: жанры и жанровые процессы. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. 392 с.
52. Лихачев Д.С. «Ложная» этическая оценка у Н.С. Лескова // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л. : Сов. писатель, 1981. С. 158–165.
53. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л. : Прибой, 1929. 188 с.
54. Михаленко Н. Миф об усадьбе в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А.В. Чаянова // Духовно-нравственное воспитание. 2019. № 1. С. 21–26.
55. Платонов А. Сочинения. М. : ИМЛИ РАН, 2023. Т. 6: 1936–1941. Кн. 3: Литературная критика. Публицистика. 1136 с.
56. Заваркина М.В. «Социализм и злодейство – две вещи несовместимые»: статья А. Платонова о Пушкине // Филологический класс. 2025. Т. 30, № 2. С. 38–47. doi: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-38-47
57. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. 958 с.

References

1. Volodin, A.I. & Shakhmatov, B.M. (1985) Utopicheskiy sotsializm v Rossii. 1833–1883 (kratkiy ocherk) [Utopian Socialism in Russia. 1833–1883 (A Brief Outline)]. In: *Utopicheskiy sotsializm v Rossii* [Utopian Socialism in Russia]. Moscow. pp. 5–75.
2. Struve, G. (1981) O Chayanove i ego utopii [On Chayanov and His Utopia]. In: [Chayanov, A.V.] Iv. Kremnev. *Puteshestvie moego brata Aleksey v stranu krest'yanskoy utopii* [My Brother Alexei's Journey to the Land of Peasant Utopia]. New York: Serebryanyy vek. pp. 5–13.
3. Vasil'ev, V. (1999) Sud'by derevni i kul'tury (futurolgicheskaya proza) [Fates of the Village and Culture (Futurological Prose)]. *Molodaya gvardiya*. 3–4. pp. 304–348.
4. [Chayanov, A.V.] Iv. Kremnev. (1981) *Puteshestvie moego brata Aleksey v stranu krest'yanskoy utopii* [My Brother Alexei's Journey to the Land of Peasant Utopia]. New York: Serebryanyy vek.
5. Chayanov, A.V. (1920) Gosudarstvennyy kollektivizm i krest'yanskaya kooperatsiya [State Collectivism and Peasant Cooperation]. *Kooperativnaya zhizn'*. 1–2. pp. 6–12.
6. Kuznetsov, I.A. (2013) Rossiyskaya agrarno-ekonomicheskaya mysl' v Tyunenovskoy perspektive (1875–1925) [Russian Agrarian-Economic Thought in the Thünen Perspective (1875–1925)]. In: *Istoriya mysli. Russkaya myslitel'naya traditsiya* [History of Thought. The Russian Thought Tradition]. Moscow. pp. 376–411.
7. Rodnyanskaya, I. (1994) "Serdechnaya ozadachennost'" ["Heartfelt Bewilderment"]. In: *Andrey Platonov: mir tvorchestva* [Andrey Platonov: A World of Creativity]. Moscow: Sovremennyy pisatel'. pp. 330–354.

8. Malygina, N. & Matveeva, I. (2011) Kommentarii [Commentaries]. In: Malygina, N.M. (ed.) *Efirnyy trakt: povesti 1920-kh – nachala 1930-kh godov* [Ethereal Path: Stories from the 1920s – Early 1930s]. Moscow: Vremya. pp. 511–558.
9. Zavarkina, M.V. (2013) "Kulatskaya utopiya" A. Chayanova i "kulatskaya khronika" A. Platonova [A. Chayanov's "Kulak Utopia" and A. Platonov's "Kulak Chronicle"]. In: *Pushkinskie chteniya–2013* [Pushkin Readings 2013]. Proceedings of the XVIII International Conference. Pushkin. pp. 41–48.
10. Zavarkina, M.V. (2013) Povest'-khronika A. Platonova "Vprok" v literaturno-politicheskom kontekste vremeni [A. Platonov's Chronicle-Story "For the Future" in the Literary-Political Context of the Time]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 3 (132). pp. 78–81.
11. Nikulin, A.M. (2018) Grezy Russkoy revolyutsii v utopiakh Aleksandra Chayanova i Andrey Platonova [Dreams of the Russian Revolution in the Utopias of Alexander Chayanov and Andrei Platonov]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 17 (3). pp. 256–290.
12. Fadeev, A. (1994) Ob odnoy kulatskoy khronike [On One Kulak Chronicle]. In: *Andrey Platonov: vospominaniya sovremennikov. Materialy k biografii* [Andrei Platonov: Memories of Contemporaries. Materials for a Biography]. Moscow: Sovremennyy pisatel'. pp. 272–278.
13. Shushpanov, A.N. (2000) A.V. Chayanov i utopiya 1920-kh godov: problema zhanra [A.V. Chayanov and the Utopia of the 1920s: The Problem of Genre]. In: *Potaennaya literatura: issledovaniya i materialy* [Hidden Literature: Research and Materials]. Iss. 2. Ivanovo: ISU. pp. 74–80.
14. Geller, L. & Nikke, M. (2003) *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. St. Petersburg: Giperion.
15. Shatskiy, E. (1990) *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition]. Trans. from Polish. Moscow: Progress. 456 p.
16. Morson, G. (1991) Granitsy zhanra. Antiutopiya kak parodiyunnyy zhanr [The Boundaries of Genre. Dystopia as a Parodic Genre]. In: *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and Utopian Thinking: An Anthology of Foreign Literature]. Moscow: Progress. pp. 223–251.
17. Mitina, N.G. (2011) Utopicheskiy diskurs. Mekhanizmy generatsii russkoy utopii [Utopian Discourse. Mechanisms of Generating Russian Utopia]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. In 3 pts. 2 (8), pt. 2. pp. 135–141.
18. Sychev, A.A. (2018) Ekotopiya i moral' [Ecotopia and Morality]. *Vedomosti prikladnoy etiki*. 52. pp. 47–62.
19. Shadurskiy, M.I. (2007) *Literaturnaya utopiya ot Mora do Khaksl: problemy zhanrovoy poetiki i semiosfery* [Literary Utopia from More to Huxley: Problems of Genre Poetics and Semiosphere]. Moscow: Izd-vo LKI.
20. Leyderman, N.L. (2010) *Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [Theory of Genre: Research and Analyses]. Yekaterinburg.
21. Vorob'eva, A.N. (2009) *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI vekov v kontekste mirovoy antiutopii* [Russian Dystopia of the 20th – Early 21st Centuries in the Context of World Dystopia]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
22. Garipova, G.T. & Kostyleva, I.A. (2019) Metapoetika khudozhestvennykh antiutopiy rubezha XIX–XX vekov [Metapoetics of Literary Dystopias at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (178). pp. 20–29.
23. Budin, P.-A. (2008) Bibleyskoe, mificheskoe, utopicheskoe: analiz povesti Platonova "Dzhan" [The Biblical, the Mythical, the Utopian: An Analysis of Platonov's Story "Dzhan"]. In: *Tvorchestvo Andrey Platonova: issledovaniya i materialy*. St. Petersburg: Nauka. Kn. 4. pp. 149–156.
24. Gunther, H. (2012) *Po obe storony utopii: konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of A. Platonov's Work]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
25. Chalikova, V.A. (1992) *Utopiya rozhdaetsya iz utopii: esse raznykh let* [Utopia is Born from Utopia: Essays from Different Years]. London: Overseas Publ. Interchange.
26. Gunther, H. (1991) Zhanrovyye problemy utopii i antiutopii i "Chevengur" A. Platonova [Genre Problems of Utopia and Dystopia and A. Platonov's "Chevengur"]. In: *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury*. Moscow: Progress. pp. 252–276.
27. Solivetti, K. (1995) Utopiya ili metautopiya? Tekst, metatekst i paratekst v "Puteshestvii moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoy utopii" A. Chayanova [Utopia or Meta-Utopia? Text, Metatext and Paratext in A. Chayanov's "The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia"]. In: *Vtoraya proza* [Second prose]. Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche. pp. 297–314.
28. Pavlova, O.A. (2005) "Puteshestvie..." A.V. Chayanova kak metautopiya: sintez mifologii Prosveshcheniya i Renessansa [A.V. Chayanov's "Journey..." as a Meta-Utopia: A Synthesis of the Mythologies of the Enlightenment and the Renaissance]. *Vestnik VolGU. Seriya 8*. 4. pp. 30–38.
29. Gigante, G. (2017) Tvorchestvo Aleksandra Chayanova – unikal'noe yavlenie russkogo Modernizma [The Work of Alexander Chayanov – A Unique Phenomenon of Russian Modernism]. In: *Contemporary Issues of Literary Criticism X Modernism in Literature Environment, Themes, Names Proceedings of International Symposium (The symposium dedicated to the 125th anniversary year of the birth of Galaktion Tabidze)*. Vol. 1. Tbilisi: Ivane Javakishvili Tbilisi State University Press. pp. 57–64.
30. Mikhailenko, N.V. (2021) "Utopicheskoe nachalo v russkoy literature 1920–1930-kh gg. ("Puteshestvie..." A.V. Chayanova v kontekste epokhi) [The Utopian Principle in Russian Literature of the 1920s–1930s (A.V. Chayanov's "Journey..." in the Context of the Era)]. *Russian Peasant Studies*. 6 (4). pp. 6–20.
31. Geller, M. (1982) *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrei Platonov in Search of Happiness]. Paris: YMCA-PRESS.
32. Malygina, N.M. (2005) *Andrey Platonov: poetika "vozvrashcheniya"* [Andrei Platonov: Poetics of "Return"]. Moscow: Teis.
33. Skobelev, V.P. (1994) V nadezhde na zhivye dushi (povest' "Vprok" v kontekste zhanrovyykh iskanii pisatelya) [In Hope for Living Souls (The Story "For the Future" in the Context of the Writer's Genre Explorations)]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* [Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creativity]. Moscow: Nasledie. pp. 204–217.
34. Korman, B.O. (2006) *Izbrannyye trudy. Teoriya literatury* [Selected Works. Theory of Literature]. Izhevsk: In-t komp'yuternykh issledovaniy.
35. Chernets, L.V., Khalizev, V.E., Broymann, S.N. et al. (eds) (1999) *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnyye ponyatiya i terminy* [Introduction to Literary Studies. Literary Work: Basic Concepts and Terms]. Moscow.
36. Sun, Yu.Yu. (2005) *Sposoby vyrazheniya avtorskoy poizitsii v proze A. Platonova* [Ways of Expressing the Author's Position in A. Platonov's Prose]. Philology Cand. Diss. Moscow.
37. Polyakov, A.V. (2009) *Printsipy i priemy vyrazheniya avtorskoy otsenki v proizvedeniyakh Andrey Platonova kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [Principles and Techniques of Expressing Authorial Evaluation in Andrei Platonov's Works of the Late 1920s – Early 1930s]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
38. Kozhevnikova, N.A. (2024) *Tipy povestvovaniya v russkoy literature XIX–XX vv.* [Types of Narration in Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Moscow.
39. Kozhevnikova, N.A. (1971) O tipakh povestvovaniya v sovetskoy proze [On Types of Narration in Soviet Prose]. In: *Voprosy yazyka sovremennoy russkoy literatury* [Issues of the language of modern Russian literature]. Moscow: Nauka. pp. 97–163.
40. Barkovskaya, N.V. (2004) Tipy povestvovaniya i ikh analiz [Types of Narration and Their Analysis]. *Filologicheskii klass*. 11. pp. 16–25.
41. Platonov, A. (2020) Vprok [For the Future]. In: Platonov, A. *Sochineniya* [Writings]. Vol. 4: 1928–1932. Bk. 1 Moscow: IWL RAS. pp. 7–68.
42. Todorov, Ts. (1975) Poetika [Poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: pros and cons]. Moscow: Progress. pp. 69–113.
43. Shentalinskiy, V. (1995) *Raby svobody: v literaturnykh arkhivakh KGB* [Slaves of Freedom: In the Literary Archives of the KGB]. Moscow: Parus.
44. Uspenskiy, B. (2000) *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. St. Petersburg: Azbuka.
45. Tyupa, V.I. (2021) *Gorizonty istoricheskoy narratologii* [Horizons of Historical Narratology]. St. Petersburg: Aleteyya.
46. Averintsev, S.S. & Rodnyanskaya, I.B. (1978) Avtor [Author]. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia]. Vol. 9. Moscow. Col. 28–34.

47. Likhachev, D.S. (1984) *Neravnodushnaya proza* [Engaged Prose]. In: Kuz'min, A.I. *Povest' kak zhanr literatury* [The novella as a literary genre]. Moscow: Znanie. pp. 3–4.
48. Belaya, G.A. (1977) *Zakonomernosti stilevogo razvitiya sovetskoj prozy dvadtsatykh godov* [Patterns of Stylistic Development of Soviet Prose in the 1920s]. Moscow: Nauka.
49. Meerson, O. (2016) *Apokalipsis v bytu. Poetika neostraneniya u Andrey Platonova* [Apocalypse in Everyday Life. The Poetics of Defamiliarization in Andrei Platonov]. Moscow: Granat.
50. Zhdanova, A.V. (2009) *K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoy narratsii* [Towards the History of the Literary Phenomenon of Unreliable Narration]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 2. pp. 151–164.
51. Krasovskaya, S.I. (2005) *Khudozhestvennaya proza A.P. Platonova: zhanry i zhanrovye protsessy* [A.P. Platonov's Literary Prose: Genres and Genre Processes]. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU. 392 p.
52. Likhachev, D.S. (1981) "Lozhnaya" eticheskaya otsenka u N.S. Leskova ["False" Ethical Evaluation in N.S. Leskov]. In: Likhachev, D.S. *Literatura – real'nost' – literatura* [Literature - reality - literature]. Leningrad: Sov. pisatel'. pp. 158–165.
53. Voloshinov, V.N. (1929) *Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language. The Main Problems of the Sociological Method in the Science of Language]. Leningrad: Priboy.
54. Mikhaleiko, N. (2019) *Mif ob usad'be v "Puteshestvii moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoy utopii"* A.V. Chayanova [The Myth of the Estate in A.V. Chayanov's "The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia"]. *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie*. 1. pp. 21–26.
55. Platonov, A. (2023) *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 6: 1936–1941. Bk. 3. Moscow: IWL RAS.
56. Zavarkina, M.V. (2025) "Sotsializm i zlodeystvo – dve veshchi nesovmestimy": stat'i A. Platonova o Pushkine ["Socialism and Villainy are Two Incompatible Things": A. Platonov's Articles on Pushkin]. *Filologicheskij klass*. 30 (2). pp. 38–47. doi: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-38-47
57. Bakhtin, M.M. (2003) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Информация об авторе:

Заваркина М.В. – канд. филол. наук, специалист Международного центра изучения Достоевского, старший научный сотрудник Управления научных исследований Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: mvnikulina@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7972-2265

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Zavarkina, Cand. Sci. (Philology), specialist, senior research fellow, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: mvnikulina@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7972-2265

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья
УДК 821.161+519.6
doi: 10.17223/15617793/520/3

Переписка Г.Н. Потанина: проблемы источниковедческого описания и машинной атрибуции

Виталий Сергеевич Киселев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru*

Аннотация. Предпринимается опыт источниковедческого описания эпистолярного наследия ведущего общественного и культурного деятеля Сибири второй половины XIX – начала XX в. Г.Н. Потанина. Дается обзор состава переписки. Реконструируется история потанинского архива и приводится перечень хранилищ, содержащих переписку ученого. Обозревается история публикации документов переписки. Намечаются ключевые источниковедческие проблемы и определяется роль машинных методов в их решении (атрибуция писем).

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, переписка, эпистолярное наследие, источниковедческое описание, машинная атрибуция

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 22-68-00066 «Культурное наследие России: интеллектуальный анализ и тематическое моделирование корпуса рукописных текстов».

Для цитирования: Киселев В.С. Переписка Г.Н. Потанина: проблемы источниковедческого описания и машинной атрибуции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 29–40. doi: 10.17223/15617793/520/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/3

Correspondence of G.N. Potanin: Problems of source study description and machine attribution

Vitaly S. Kiselev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru*

Abstract. The article attempts to provide a source study description of the epistolary heritage of G.N. Potanin, a leading public and cultural figure of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. An overview of the correspondence is given (about 1,400 letters from the scientist and about 7,000 letters addressed to him). The history of Potanin's archive is reconstructed: most of it was transferred to the Institute for the Study of Siberia and then to the library of Tomsk University (1920). There it was sorted in 1931 and systematized in the 1980s. The second part of the archive fell into the hands of V.I. Anuchin and was then sold by him to the State Literary Museum (now kept in the Russian State Archive of Literature and Art). The third part went to N.N. Kozmin and, after his death, was transferred to the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. The article provides a list of archival repositories containing the scientist's correspondence (26 archives in total, located in Moscow, St. Petersburg, and the regions – Tomsk, Omsk, Irkutsk, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Minusinsk, Barnaul, Khabarovsk, Kazan, Elista, Ulan-Ude). The history of the publication of correspondence documents, which began during Potanin's lifetime, is reviewed. Of the scientist's own letters, about 400 remain unpublished to this day; of the letters addressed to the Siberian regionalist, only about 500 have been published so far. In addition, the most voluminous publication – *Letters of G.N. Potanin* in 5 volumes, comprising 731 published letters – offers an extremely meager source study apparatus; some of its indications proved unreliable upon verification (many archival references for the letters were inaccurate). The results of textual comparison also revealed that most of the letters had been distorted (omissions of text, reformulation, additions of non-authorial text, incorrect readings, etc.), which significantly discredits the value of the Irkutsk edition. Key source study problems are outlined: further archival research, compiling a list of addressees and correspondents, preparing biographical information about them, dating undated letters, and textual preparation of the entire corpus of correspondence. The role of machine methods in their solution is determined – specifically, the attribution of a set of letters from unidentified persons (89 documents in total) held in the Manuscripts and Book Monuments Department of the TSU Research Library, IRLI, RGALI, and the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. The appendix contains a list of G.N. Potanin's addressees, indicating the archives where letters to them are stored.

Keywords: G.N. Potanin, correspondence, epistolary heritage, source description, machine attribution

Financial support: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-68-00066: Cultural Heritage of Russia: Intellectual Analysis and Thematic Modeling of the Corpus of Handwritten Texts.

For citation: Kiselev, V.S. (2025) Correspondence of G.N. Potanin: Problems of source study description and machine attribution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 29–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/3

Григорий Николаевич Потанин – одна из самых значимых фигур в культурной жизни Сибири конца XIX – начала XX в. Он навсегда оставил свое имя в истории «литературы и общественной мысли как выдающийся человек высоких нравственных требований к себе, как гуманист и просветитель, который верой и правдой, честно и искренне служил России, своей Родине, при любых поворотах ее истории» [1. С. 32].

Помимо обширного научного, публицистического и литературно-критического наследия Потанин оставил богатейший эпистолярный. В ходе архивных и источниковедческих разысканий было установлено, что его объем составляет около 1 400 писем лидера сибирского областничества и около 7 000 писем, адресованных ему. Целью настоящей статьи является обзор эпистолярного наследия Потанина и оценка степени его введения в научный оборот, что может служить индикатором современного состояния регионоведческих (и конкретно сибиреведческих) исследований. Из писем Потанина на сегодняшний день опубликовано около 1 000. До сих пор не опубликованными остаются около 400 – среди них, в частности, интереснейшие письма к Л.Н. Майкову, В.И. Семевскому, В.А. Обручеву, И.С. Кубасову, А.А. Карасеву, А.А. Корнилову, Е.Н. Вагнер, Т.М. Фарафоновой, В.П. Сукачеву, Д.Н. Анучину, Н.М. Мендельсону и многим другим адресатам. Причем большие нарекания есть и к корпусу уже опубликованных писем Потанина, в частности, вошедших в его пятитомное собрание, выпущенное в Иркутском университете в 1987–1992 гг. и включившее 731 письмо [2]. Помимо того, что в него вошла лишь половина существующих писем, издание предлагало крайне скудный источниковедческий аппарат, часть указаний которого при проверке оказалась недостоверной (многие архивные данные писем). Н.В. Серебрянников, ведущий специалист по литературе сибирского областничества, еще в начале 2000-х гг. констатировал, что и сам опубликованный текст писем пятитомника наполнен искажениями и лакунами. «Затруднения возникают и в связи с безответственным отношением к источникам. <...> Своеобразные итоги областниковедения – четыре тома “Литературного наследия Сибири” (Новосибирск, 1979–1986), пятитомник писем Потанина (Иркутск, 1987–1992) и биобиблиографический справочник (Томск, 2001) – более подтверждают мнение о запущенности проблем, чем опровергают. <...> в подавляющем большинстве материалы поданы без комментариев и подчас с обширным и тяжким купированием текста в несколько страниц, иногда не указанным. Перечень всех извращений текста в пятитомнике вырос бы в отдельный том» [3. С. 27–28]. По результатам проведенного текстологического сравнения выяснилось, что искажению подверглась большая часть писем (пропуски текста, его перепеформулирования, добавления неавторского текста, неправильные прочтения и т.п.), что существенно дезавуирует ценность иркутского издания.

Для понимания судьбы эпистолярного наследия Потанина важна реконструкция судьбы его архива в целом, пока еще изученная далеко не полностью и содержащая интереснейшие моменты. Основная сюжетная линия здесь связана с Томском.

В 1919 г. в Томске был создан Институт исследования Сибири, благодаря которому избежали гибели библиотека и архив Потанина, часть которого ныне хранится в Отделе рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета.

Целью Института, согласно положению, принятому на съезде 25 января 1919 г., было «планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического развития» [4. С. 124]. Для ее реализации планировался ряд мероприятий, включая создание музеев и архивов. Эта инициатива была поддержана организациями, а также отдельными гражданами, которые направили в Институт различную литературу о Сибири.

В числе первых был и Потанин. «В начале 1920 г. в библиотечную комиссию Института был передан список книг, принадлежащих ученому, для рассмотрения его на предмет приобретения их для библиотеки. Вероятнее всего, что этот вопрос был поднят друзьями Г.Н. Потанина, поскольку состояние его здоровья в это время серьезно ухудшилось» [5. С. 96]. Полученный материал был оценен М.К. Азадовским и А.И. Милутиным в 40 000 руб. и выкуплен самим Институтом, для которого этот материал был бесценным и самым объемным в коллекции. На базе полученных документов был сформирован отдельный фонд Потанина, который состоял из «3 210 книг и периодических изданий, 187 пачек рукописей (12 811), а также 12 пачек рисунков и фотографий» [6. С. 13]. Опознавательные знаки Института (прямоугольная печать библиотеки; буквы «Пт.», располагающиеся рядом с шифром) позволяют современным исследователям с точностью определить историю анализируемого источника.

Несмотря на первые успехи Институт просуществовал недолго, и уже в начале июля 1920 г. был закрыт. Материалы Института были переданы объединенным научным секциям университета и Технического института. Отдельный фонд Потанина в полном объеме получила Научная библиотека Томского государственного университета, 21 декабря 1920 г. все документы находились уже в библиотеке. В первую очередь были разобраны книги, «их сверяли на дублетность, отсутствовавшие в фонде библиотеки книги и журналы записывали в основной фонд, а дублетные экземпляры были определены на хранение в резервно-дублетный фонд» [5. С. 97]. Стоит упомянуть, что в 1922 г. библиотекой были получены также материалы Сибирского научного кружка (1 273 книги, портреты сибирских деятелей, картины, карты и т.д.). Наиболее

ценными из них были личные вещи Потанина. В это время родилась идея о создании музейной комнаты ученого в библиотеке, но, несмотря на поддержку руководства университета, идея так и не реализовалась.

Рукописное наследие Потанина было разобрано лишь спустя десять лет в апреле 1931 г. Для этого была организована комиссия, которая на протяжении 5 дней работала с полученными материалами, разбитыми на 28 разделов. Членами комиссии было принято решение разделить архив. В библиотеке остались письма, все рукописи, газеты и рисунки, «небольшая часть фотографий, а также портрет Потанина, выполненный художницей М. Мокиевской, картина художницы Л. Базановой “Алтайка”» [5. С. 99]. Часть архива была направлена в этнолого-археологический музей университета (фотографии, картины, портреты, циркули и бюсты), а часть в краевой музей (домашние вещи). Со временем, благодаря инициативе библиотечных работников ТГУ, материал подвергался разбору и упорядочиванию. Л.А. Панова и В.В. Лобанов составили «Алфавитный указатель корреспондентов Потанина». Г.И. Колосова, работавшая с архивом с конца 1970-х гг., сгруппировала письма по корреспондентам, ею были найдены не обработанные ранее письма Потанина к А.Н. Седельникову (24 письма).

Г.И. Колосова распределила все документы, хранящиеся в фонде Потанина, «по следующим разделам:

1. Материалы, касающиеся научной и общественной деятельности, составляют большую часть архива и включают более 5 600 л. документов. <...>

2. В отдельный раздел выделены документы биографического характера. Общий объем этого раздела около 850 л. <...>

3. Достаточно крупный раздел составляет переписка, хронологический охват которой 1873–1919 гг. В нем зарегистрировано 2 730 писем, телеграмм и визитных карточек от 597 корреспондентов объемом в 4 711 л. <...>

4. Следующий раздел представляют рисунки, фотографии, гравюры, фоторепродукции (их более 600 л.). <...>

5. В отдельный раздел выделены документы (около 2 000 л.), которые были собраны Потаниным. <...>

6. Отдельно собраны документы родственников, их около 2 150 л., хронологический охват которых с 1849 по 1916 г.» [7. С. 32].

Следует сказать и о личной библиотеке Потанина, которая находится в Научной библиотеке ТГУ. Ее выделение из общего фонда было начато в 1990-е гг. и продолжается по настоящее время. На данном этапе все выявленные экземпляры книг (1 028) занесены в электронный каталог Научной библиотеки ТГУ.

Документы потанинского архива в основном попали в библиотеку ТГУ. Однако часть документов, главным образом письма, досталась его друзьям и коллегам. Как именно это произошло, еще предстоит изучить. Большой блок рукописей попал в руки Василию Ивановичу Анучину, ученому и общественному деятелю с неоднозначной репутацией. Он родился в 1875 г. в с. Базаиха Красноярского уезда. Образование получил в Красноярском духовном училище и Том-

ской духовной семинарии. В 1897 г. поступил в Петербург, где познакомился со многими учеными-этнографами, в том числе и с Потаниным. В столице Анучин возглавлял Красноярское студенческое землячество, которое было частью «союза сибирских землячеств». В начале 1900-х гг. он обосновался в Красноярске, где занимался издательской и просветительской деятельностью, с 1904 по 1906 г. возглавлял Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела РГО. В 1911 г. Анучин переехал в Томск, где продолжил свои публичные лекции и публицистическую деятельность. В эти годы ученый стал частью «потанинского кружка». Однако произошел скандал. 7 мая 1917 г. А.В. Адрианов опубликовал статью «Кто такой В.И. Анучин» в газете «Сибирская жизнь», редактором которой он являлся [8]. Статья была направлена на разоблачение фальсификаторской деятельности ученого и его афер и манипуляций.

Наступление эпохи революционных перемен сгладило актуальность этого конфликта. Вдобавок в 1923 г. Анучин был выслан в Казань, будучи обвинен в прошлой «контрреволюционной деятельности». В 1928 г. он в поисках убежища переехал в Самарканд и начал работу в педагогическом институте. Анучин увез с собой в Среднюю Азию значительную часть переписки Потанина, доставшейся ему в конце 1910-х гг., а потом в начале 1930-х гг. продал ее Государственному литературному музею (сейчас это собрание хранится в РГАЛИ).

Другая крупная часть потанинского архива досталась Николаю Николаевичу Козьмину, историку и этнографу. Он родился в 1872 г. в Красноярске, закончил гимназию в Иркутске и продолжил обучение в Петербурге на историко-филологическом факультете. В столице Козьмин познакомился с областниками и стал частью сибирского землячества. В конце 1890-х гг. он вернулся в Сибирь, где под руководством Потанина собирал на территории южной Сибири «материалы по археологии, этнографии и истории региона, в том числе и аборигенных этносов: хакасов, бурят, тувинцев, тунгусов. Под псевдонимами Ландарма, Номчи, Андра, Алиен, Н. К. его материалы появляются в сибирских газетах, выходят научные работы, посвященные различным вопросам колонизации региона в XVII–XVIII вв.» [9]. Став авторитетным сибирским историком, Козьмин в 1903–1906 гг. руководил Восточно-Сибирским отделом РГО, а после – Красноярским подотделом. В 1917 г. он основал в Красноярске организацию областников-автономистов, был председателем Енисейской губернской земной управы, участником областных съездов в Томске. Козьмин выступал экспертом по аграрному вопросу в обществе областников. В 1919 г., заняв крупную должность в Министерстве земледелия Всероссийского Совета министров, он выступал с проектом об учреждении Сибирской областной думы и Сибирского областного совета. В 1920-е гг. он обосновался в Иркутске, где занялся просветительской деятельностью. В 1937 г. по обвинению в шпионаже был арестован УНКВД Восточно-Сибирской области.

Скончался Козьмин в больнице в 1938 г., после смерти обвинения были отменены. К счастью, семья сохранила бумаги Потанина, которые затем оказались переданы вместе с бумагами Козьмина в Красноярский краевой краеведческий музей, где хранятся и поныне.

Стоит отдельно отметить также Институт русской литературы, где хранится ряд бумаг Потанина периода его работы в «Камско-Волжской газете» (1872–1874 гг.). Она издавалась в Казани под руководством Н.Я. Агафонова. Для Потанина этот орган печати был принципиально важен, он стал первой областнической газетой, чему способствовал главный редактор: «Агафонов обещал нам широкую свободу на страницах своей газеты, – вспоминал Потанин, – рассчитывая, что наше участие в газете и наши статьи по специальным сибирским вопросам доставят газете лишние подписчиков из Сибири. Мы с радостью приняли приглашение» [1. С. 139]. В фонде Агафонова в ИРЛИ отложилась переписка Потанина с разными лицами по вопросам издания газеты.

На данный момент эпистолярное наследие Потанина, включая материалы, находившиеся у Н.Я. Агафонова, Н.Н. Козьмина и В.И. Анучина, рассредоточено по 26 архивам Российской Федерации:

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург).
2. Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург).
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
4. Рукописный отдел Института русской литературы (Санкт-Петербург).
5. Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
6. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
7. Архив Российской академии наук (Москва).
8. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
9. Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
10. Государственный архив Российской Федерации (Москва).
11. Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва).
12. Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста).
13. Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (Казань).
14. Отдел рукописей и книжных памятников научной библиотеки (а также некоторые материалы Музея археологии и этнографии Сибири) Томского государственного университета (Томск).
15. Томский областной краеведческий музей (Томск).
16. Государственный архив Новосибирской области (Новосибирск).
17. Исторический архив Омской области (Омск).
18. Омский государственный историко-краеведческий музей (Омск).

19. Иркутский областной художественный музей (Иркутск).

20. Государственный архив Иркутской области (Иркутск).

21. Красноярский краевой краеведческий музей (Красноярск).

22. Государственный архив Красноярского края (Красноярск).

23. Минусинский краеведческий музей имени Н.М. Мартынова (Минусинск).

24. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул).

25. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

26. Хабаровский краевой музей (Хабаровск).

Писем самого Потанина сохранилось мало. Это объясняется тем, что, несмотря на огромный масштаб переписки ученого, о котором дает представление список корреспондентов из почти 1 500 лиц и учреждений, не все его адресаты были людьми известными. Их личные бумаги, среди которых находились письма Потанина, за XX в., полный историческими катаклизмами, в большинстве погибли или затерялись. Лишь архивы 183 адресатов Потанина сохранились полностью или частично (см. список адресатов и мест архивного хранения писем к ним в приложении к настоящей статье). Это, как можно предположить, лишь десятая часть всех написанных ученым на протяжении жизни писем.

Некоторые из них были напечатаны еще при жизни Потанина. Основной корпус был издан в журнале «Известия Российского географического общества» с 1877 по 1900 г., в него вошли письма к И.И. Вильсону [10], В.И. Срезневскому [11], В.П. Сукачеву [12] и А.А. Григорьеву [13–17]. В газете «Сибирская жизнь» от 2 октября 1902 г. было опубликовано письмо к П.И. Макушину от 1 октября 1902 г. [18]. В 1917–1918 гг. в журнале «Сибирские записки» были изданы письма Н.М. Ядринцева к Потанину [19].

Большая часть писем была опубликована уже после смерти Потанина. В 1928 г. под редакцией А.А. Достоевского был издан сборник статей, посвященных жизни и деятельности П.П. Семенова-Тян-Шанского, в который вошли письма Потанина 1898 г. и 1910 г. [20. С. 98–100]. В 1948 г. в томском альманахе было опубликовано письмо к Н.И. Наумову 1859 г., найденное в одной из книг Томского областного краеведческого музея [21].

В 1961 г. в «Известиях Академии наук СССР» было опубликовано 6 писем Потанина к В.А. Обручеву, которые были предоставлены его сыном В.В. Обручевым [22]. В 1968 г. вышло собрание сочинений В.В. Валиханова, где было напечатано 21 письмо (14 писем к Потанину и 7 писем самого Потанина, касающихся посмертного издание трудов Ч.Ч. Валиханова) [23]. В 1969 г. была издана взаимная переписка А.В. Бурдукова и Потанина [24. С. 297–329], 7 писем Бурдукова были извлечены из фондов РГАЛИ, 18 писем Потанина напечатаны по рукописям из личного архива Бурдукова, ныне хранящегося в Архиве востоковедов ИВР РАН (Санкт-Петербург).

Самый большой корпус потанинских писем был издан учеными источниковедческой лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. В коллектив вошли: известный ученый Алексей Григорьевич Грумм-Грижайло, которым были составлены тома; научный руководитель лаборатории С.Ф. Коваль; профессор Томского университета Я.Р. Кошелев; писатель и литературовед Н.Н. Яновский. В 1977 г. ими была предпринята первая попытка публикации писем, планировалось издание 4-томного собрания, но после первого тома [25] издание приостановили, и лишь спустя 10 лет оно было возобновлено. На протяжении 1970–1990-х гг. ученые работали над выявлением и описанием писем Потанина. Коллективом был определен круг адресатов, «в числе их такие видные ученые, писатели и общественные деятели, как П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.Н. Майков, А.В. Григорьев, В.И. Срезневский, В.А. Обручев, Н.И. Веселовский, Д.Н. Анучин, В.В. Радлов, В.И. Ламанский, С.Ф. Ольденбург, И.И. Вильсон, М.Н. Сперанский, В.И. Семевский, В.Г. Короленко, Л.Ф. Пантелеев, Э.К. Пекарский, А.И. Иванчин-Писарев, А.Н. Пыпин, Н.М. Ядринцев, К.В. Лаврский, Д.Ф. Кобеко и многие другие» [2. Т. 1. С. 7].

В результате многолетней работы коллективу ученых удалось собрать воедино разрозненный по многочисленным архивам и изданиям эпистолярный, который был опубликован с 1987 по 1992 г. Было издано 5 томов, в которые вошло 731 письмо, написанное в период с 1859 по 1919 г. При этом исследователи не заявляли о том, что это полное собрание писем, в частности, из известных редакционной коллегии источников не был задействован архив, хранящийся в Научной библиотеке ТГУ, не были перепечатаны письма Потанина А.В. Бурдукову, которые на тот момент были уже изданы. В результате неполноты учета источников в издание вошло менее половины существующих писем. О погрешностях источниковедческого аппарата и текстологической подготовки писем в данном издании мы уже говорили в начале статьи.

Параллельно подготовке пятитомного собрания в альманахе «Сибирь» в 1985 г. А.Д. Фатьяновым по автографам из Иркутского краеведческого музея были опубликованы письма к В.П. Сукачеву [26].

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. активно реализовывалось одно из важных направлений исследовательской деятельности отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ – «введение в научный оборот той эпистолярной части архива, которая еще не опубликована» [7. С. 33]. Коллективом отдела была издана значительная часть писем. В 1998 г. в журнале «Вестник Томского государственного университета» были опубликованы письма А.В. Адрианова, подготовленные Н.В. Васенькиным [27], и письма В.В. Лаврского к Г.Н. Потанину, подготовленные Н.В. Серебренниковым [28]. В 2007 г. издательством Томского государственного университета был опубликован третий том серии «Сибирский архив», подготовленный Н.В. Васенькиным, в который вошли 86 писем А.В. Адрианова в период с 1875 по 1917 г., 84 из которых были адресованы Г.Н. Потанину (оригиналы 35 писем хранятся в

отделе рукописей и книжных памятников НБ ТГУ в архиве Потанина) [29]. В 2000 г. Г.И. Колосовой были опубликованы письма сибирских художников к Потанину [30]. В 2004 г. сотрудниками отдела была подготовлена и опубликована переписка Потанина с поэтессой М.Г. Васильевой (с 1911 г. его женой) [31]. Книга включила 251 письмо (183 принадлежали перу Потанина). «Первое письмо было послано Г.Н. Потаниным в Барнаул 3 января 1901 г. из Петербурга, а последнее – 9 августа 1914 г. из Томска. <...> Строки писем полны внимания, заботы и теплоты, большой человечности и любви, в них также нашла свое отражение общественная, политическая и культурная жизнь не только Томска, но и Сибири в целом, поскольку есть письма, посланные Г.Н. Потаниным из Красноярска, Бийска, Онгудая, Аноса и др. По сути, они являются свидетельством духовной и материальной жизни сибиряков начала XX в., что делает их ценнейшим памятником сибирской истории» [31. С. 9]. Впервые часть писем к М.Г. Васильевой была опубликована в 1995 г. в альманахе «Сибирская старина» [32], в который также были включены и письма В.Я. Шишкова к Потанину [33].

В 2009 г. в № 11 альманаха «Тобольск и вся Сибирь: Нарым» Г.И. Колосовой была опубликована статья «Патриот Сибири и заступник», в которую вошли два письма от 15 марта 1916 г. из Нарыма от политических ссыльных и от 15 июня 1917 г. из села Кетское от граждан села и соседних деревень и сел [34]. В 2010 г. в Яснополянском сборнике (г. Тула) ею же были обнародованы два письма В.Ф. Булгакова к Потанину, хранящиеся в НБ ТГУ. Первое письмо датировано 1 мая 1908, второе без даты [35].

Отрывки писем ряда корреспондентов (А. Высоцкого, П.А. Городцова, Н. Добродеева, В. Петрова, О.Я. Московской, А.В. Нечетовой, Н.В. Григорьева, В.А. Морозова, А. Масловой, П.Б. Яшерева, Ф. Матасова, Б.Г. Герасимова) к Потанину были опубликованы Е.В. Сизовой в журнале «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г. [36]. Как отмечала исследовательница, «письма западносибирских корреспондентов Г.Н. Потанина являются ярким отражением общественной, политической и культурной жизни Западной Сибири XX в.» [36. С. 75].

В 2020 г. в журнале «Начало века» Н.В. Серебренниковым были опубликованы письма Потанина к Н.М. Ядринцеву, В.И. Семидалову и Николаю II, подлинники писем находятся в Томском областном краеведческом музее [37]. В 2021 г. сотрудником отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ И.А. Голевым в журнале «Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение» было опубликовано письмо Потанина к В.П. Сукачеву от 3 октября 1882 г. [38], а в 2022 г. там же два письма бурятского тайши П.П. Баторова к Потанину от 16 апреля 1889 г. и 23 апреля 1916 г. [39].

Помимо Томска изданием эпистолярного наследия Потанина занимались и в других частях Сибири. В 2008 г. издательством Алтайского государственного университета был подготовлен и издан в Барнауле сборник «Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений» [40], в который вошли письма Г.Д. Гребенщикова, его «газетные заметки, статьи, написанные к

80-летию юбилею «большого сибирского дедушки», и воспоминания «На склоне дней его» (1923). В книге была осуществлена подборка фрагментов из обзоров Г.Н. Потанина о культурной жизни Томска начала 1910-х гг. и рецензий на ранние произведения Г.Д. Гребенщикова» [40. С. 2].

Объемная часть материалов Г.Н. Потанина, хранящаяся в Красноярском краевом краеведческом музее, была издана местными исследователями. В 2010 г. в пятом выпуске альманаха «Енисейская провинция» Т.С. Комаровой были опубликованы письма Д.А. Клеменца к Потанину [41]. В 2014 г. А.В. Бродневой напечатаны письма к нему В.М. Крутовского и его жены Л.С. Крутовской [42]. В 2020 г. Н.А. Ореховой в коллективной монографии «Буддизм Ваджраяны в России. Актуальная история и социокультурная аналитика» были представлены публике письма к Потанину, как-либо касающиеся этой восточной религии [43]. В статью вошли 2 письма С.Я. Раппопорта из Парижа от 29 октября 1898 г., из Гусиноозерского дацана (без даты) и 2 письма А.Д. Руднева из Гусиноозерского дацана от 1901 г. и Санкт-Петербурга от 1902 г., а также 2 письма Б.Р. Рабданова со ст. Маньчжурия (одно письмо от 9 июня 1910 г., второе без даты). В 2020 г. Е.А. Берман и Н.А. Ореховой были опубликованы в журнале «Вестник Томского государственного университета» хранящиеся в Красноярском краевом краеведческом музее 10 писем к Потанину иркутского общественного раввина С.Х. Бейлина в период с 14 сентября 1901 г. по 30 мая 1910 г., а также была перепечатана рецензия ученого на книгу Бейлина «Странствующие, или Всемирные повести и сказания в древнераввинской письменности», впервые изданная в газете «Сибирская жизнь» в 1909 г. [44].

Наконец, 18 сентября 2024 г. на сайте Красноярского краеведческого музея Т.С. Комаровой было опубликовано письмо П.П. Семенова-Тян-Шанского на имя Потанина от 16 февраля 1896 г. [45], а в декабре 2024 г. Д.Н. Шевелев и К.А. Конев произвели источниковедческий анализ и опубликовали небольшие фрагменты писем различных корреспондентов к Потанину за революционные 1917–1920 гг. [46].

Таков на сегодняшний день полный перечень публикаций эпистолярного наследия Потанина, далеко не исчерпывающий архивного материала. Если из писем самого ученого неопубликованными остаются, как мы уже отмечали, около 400, то из более 7 000 писем к сибирскому областнику на сегодняшний день опубликовано лишь около 500. Принимая во внимание высочайшую значимость потанинского наследия для понимания культурных и исторических процессов не только в Сибири, но и в России на рубеже XIX–XX вв., можно говорить о назревшей необходимости ввести его как можно полнее в научный оборот.

Это ставит перед исследователями целый комплекс проблем, пока разрешенных лишь частично. В первую очередь укажем на необходимость более широких архивных разысканий. Если в ряде архивов письма Потанина и ответные письма учтены и выявлены достаточно полно, если не исчерпывающе (АВ ИВР РАН, ОР РНБ, АРАН и СПбФ АРАН, ОР РГБ, РГАЛИ,

ГАРФ, ГЛМ, НА КИГИ РАН, ОРиРК НБ КФУ, ОРиРК НБ ТГУ, ОГИКМ, ИОХМ, КККМ, МКМ, ГМИИКА, ЦВРиК ИМБТ, ХКМ), то в других предстоят еще поиски. В этих хранилищах в основном сосредоточены различные деловые документы научных, административных и судебно-полицейских учреждений, в том числе содержащие обращения Потанина и ответы, адресованные ему. Так, большой комплекс еще не обследованных конволютов 1868–1912 гг. содержится в Научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге, требуют разысканий отдельные фонды РО ИРЛИ, в РГИА хранится целый ряд дел, в основном полицейского ведомства, еще никогда не привлекавшихся к исследованию в плане биографии и общественной деятельности ученого, в подборках документов Потанина, в 1931 г. переданных в Томский областной краеведческий музей, остаются еще отдельные не просмотренные единицы-конволюты. Особую проблему составляют региональные архивы, их исторические фонды, требующие кропотливого обследования. Таковы Государственный архив Новосибирской области, Государственный архив Иркутской области, Государственный архив Красноярского края и Исторический архив Омской области, где в еще не проверенных конволютах документов научных обществ, изданий и общественных организаций присутствуют рукописи ученого.

Параллельно с архивным поиском необходимо проведение источниковедческого анализа, подразумевающего уточнение списка адресатов и корреспондентов Потанина, который, подчеркнем, по своим масштабам чрезвычайно велик (сейчас он включает 1 559 позиций) и включает в себя большинство представителей культурной элиты Сибири второй половины XIX – начала XX в. Его разработка, составление справок об адресатах/корреспондентах, иногда малоизвестных, уточнение биографических деталей составляет отдельную исследовательскую задачу, решение которой позволит реконструировать персонифицированную эпоху, включая итерации разных лиц, весьма важный для активно передвигавшихся по России и Сибири ученых, купцов, инженеров, учителей и врачей, земских деятелей, чиновников и администраторов, революционеров, священников, да и просто грамотных крестьян или мещан.

Биографическое осмысление позволит решить еще одну важную проблему, касающуюся датировки писем и установление их сквозной хронологии. В целом Потанин и его корреспонденты были достаточно аккуратны в переписке и выставляли даты и места написания, процент недатированных писем весьма невелик – менее десятой части всего объема. В большинстве и недатированные письма содержат достаточно упоминаемых реалий, позволяющих их локализовать, однако остается комплекс коротких записок, в основном отравленных в пределах одного города, для которых можно определить максимум широкий временной период.

В решении источниковедческих проблем, связанных с потанинским эпистолярием, важную роль могут сыграть машинные методы. В хорошо разобранным и атрибутированном архивистами материале содержится, тем не менее, небольшой комплекс писем сомнительного персонального статуса.

Среди писем Потанина таких посланий неустановленным адресатам совсем мало – это письмо некоему Александру Александровичу из ОР НБ ТГУ (Ф. 1. Оп. 2. № 622), по одному письму к неустановленным лицам в ОР ИРЛИ (Ф. 123. Оп. 1. № 696) и КККМ (ОФ 7928/16), три записки к неустановленным лицам из РГАЛИ (Ф. 381. Оп. 1. № 231). После текстологической подготовки эти пять документов, несомненно, будут атрибутированы по упоминаемым реалиям. Однако писем с неустановленным авторством среди адресованных Потанину несравненно больше (всего 89), и они составляют серьезную проблему в связи с большим кругом возможных претендентов. Вручную сопоставить почерк этих писем с образцами почерка почти 1 500 точно установленных корреспондентов ученого – почти неразрешимая задача. Найти инструменты для ее решения, однако, представляется крайне важным.

С этой целью было решено использовать методику, разработанную для машинной атрибуции рукописей В.А. Жуковского в подборках графических файлов (сканов) с помощью сиамских нейронных сетей. Ее особенности мы уже описывали в отдельной статье [47]. Для адаптации и проверки методики был сформирован большой массив графических изображений, содержащий сканы автографов писем с образцами почерка большинства корреспондентов Потанина

(711 корреспондентов, 2 600 писем). На этих образцах должно было произойти научение нейронной сети. Второй массив был сформирован из сканов автографов неустановленных лиц (из ОР НБ ТГУ (Ф. 1. Оп. 2. № 649, 686, 687), из ИРЛИ (Ф. 13. Оп. 1. № 355), из РГАЛИ (Ф. 381. Оп. 1. № 30) и из КККМ (40 писем с индивидуальными шифрами)). Обученная нейронная сеть должна определить, с какими образцами почерка имеет максимальный процент близости каждый из сканов второй подборки. В настоящее время заканчивается данный комплекс исследований, результаты которого мы планируем представить в отдельной публикации и затем использовать при подготовке к печати атрибутированных эпистолярных документов (после дополнительного этапа ручной перепроверки).

Таким образом, синтез информатики и источниковедения получит наглядное воплощение и внесет существенный вклад в научное структурирование такого большого комплекса данных, которым является эпистолярное наследие Потанина, – тем самым приблизив его к полномасштабному введению в научный и культурный оборот. В свою очередь, это отразится на решении ряда назревших проблем, связанных с цифровизацией культурного наследия России и Сибири, со степенью представленности сибирского материала в сетевых архивах, с вопросами цифровой палеографии.

Приложение

Адресаты Г.Н. Потанина

1. Агафонов Николай Яковлевич (НБ КФУ).
2. Адрианов Александр Васильевич (ОР НБ ТГУ, первая публикация).
3. Академия наук (АРАН).
4. Анучин Василий Иванович (СПБФ АРАН).
5. Анучин Дмитрий Николаевич (НИОР РГБ).
6. Арсеньев Владимир Клавдиевич (ХКМ).
7. Баитов Григорий Борисович (ГАНО).
8. Бакунин Михаил Александрович (ИАОО, РГАЛИ).
9. Басов Иван Александрович (ОР НБ ТГУ).
10. Березовский Вениамин Николаевич (ИАОО).
11. Березовский Михаил Михайлович (АВ ИВР).
12. Бихнер Евгений Александрович (СПБФ АРАН).
13. Булгаков Валентин Федорович (РГАЛИ).
14. Бурдуков Алексей Васильевич (АВ ИВР, НА КИГИ РАН).
15. Вагин Всеволод Иванович (ГАИО).
16. Вагнер (Дзвонкевич) Екатерина Николаевна (СПБФ АРАН, ГАРФ).
17. Вагнер Юлий Николаевич (СПБФ АРАН).
18. Васильев Василий Павлович (ОР НБ ТГУ).
19. Васильева Агния Евгеньевна (ОР НБ ТГУ).
20. Васильева (Потанина) Мария Георгиевна (ОР НБ ТГУ, АРАН).
21. Ватман (Орлова) Евлалия Георгиевна (ГМИИКА, ГАНО).
22. Ватсон Мария Валентиновна (РГАЛИ).
23. Вейнберг Борис Петрович (ИРЛИ).
24. Вейнберг Мария Евгеньевна (ИРЛИ).
25. Вейнберг Петр Исаевич (ИРЛИ).
26. Венгеров Семен Афанасьевич (ИРЛИ, ОР НБ ТГУ).
27. Вернадский Владимир Иванович (АРАН).
28. Веселовский Александр Николаевич (ИРЛИ).
29. Веселовский Николай Иванович (НА РГО, РГАЛИ).
30. Вильсон Иван Иванович (НА РГО, первая публикация).
31. Виташевский Николай Алексеевич (РГАЛИ).
32. Гацисский Александр Серафимович (ОФ ГЛМ).
33. Герценштейн Соломон Маркович (СПБФ АРАН).
34. Главное управление казачьих войск (КККМ).
35. Глинский Борис Борисович (РГАЛИ, ИРЛИ).

36. Гольцев Виктор Александрович (НИОР РГБ).
37. Гомбоев Николай Иванович (ОР НБ ТГУ).
38. Гондатти Николай Львович (ОР НБ ТГУ).
39. Грамматчикова Людмила Федоровна (ИРЛИ).
40. Гревс Иван Михайлович (СПБФ АРАН).
41. Григорьев Александр Васильевич (СПБФ АРАН, НА РГО, ОР НБ ТГУ, первая публикация).
42. Грудинин Дмитрий Афанасьевич (КККМ, ОР НБ ТГУ).
43. Гуляев Степан Иванович (СПБФ АРАН).
44. Достоевский Андрей Андреевич (СПБФ АРАН, НА РГО).
45. Дыбовский Бенедикт Иванович (СПБФ АРАН).
46. Жерनावков Григорий Иванович (ГАНО).
47. Загоскин Михаил Васильевич (ГАИО).
48. Залеман Карл Германович (СПБФ АРАН).
49. Засодимская Александра Николаевна (ИРЛИ).
50. Засодимский Павел Владимирович (ИРЛИ).
51. Зверев Дмитрий Иванович (АРАН).
52. Златовратский Владимир Иванович (РГАЛИ).
53. Знаменский Михаил Степанович (РГАЛИ).
54. Зубашев Ефим Лукьянович (КККМ).
55. Зубашева Ольга Васильевна (КККМ).
56. Иванчин-Писарев Александр Иванович (ИРЛИ).
57. Игнатов Павел Григорьевич (НА РГО).
58. Истомин Федор Михайлович (НА РГО).
59. Кавелин Константин Дмитриевич (РГАЛИ).
60. Казанский Порфирий Алексеевич (РГАЛИ).
61. Казнаков Николай Геннадьевич (ТОКМ).
62. Карасев Алексей Алексеевич (ГАРФ).
63. Кассини Артур Павлович (НА РГО).
64. Кауфман Александр Аркадьевич (ГАРФ).
65. Кашкаров В.А. (ОР НБ ТГУ).
66. Киселев Александр Александрович (НИОР РГБ).
67. Киселев, полковник (ОР НБ ТГУ).
68. Кларк (ОР НБ ТГУ).
69. Клеменц Дмитрий Александрович (ГАИО, АВ ИВР, ОР НБ ТГУ).
70. Клеменц Елизавета Николаевна (АВ ИВР).
71. Клер Онисим Егорович (ОР НБ ТГУ).
72. Кобеко Дмитрий Фомич (ОР НБ ТГУ, ОР РНБ).
73. Ковалевский Максим Максимович (СПБФ АРАН).
74. Коковин Михаил Александрович (ОР НБ ТГУ).
75. Кокошкин Федор Федорович (ОР НБ ТГУ).
76. Колосов Евгений Евгеньевич (КККМ).
77. Корнилов Александр Александрович (ГАРФ).
78. Корнилова Наталья Антиповна (ГАРФ).
79. Короленко Владимир Галактионович (НИОР РГБ).
80. Костюрин Виктор Федорович (ОГИКМ).
81. Красноженова Мария Васильевна (КККМ).
82. Кубасов Иван Степанович (АРАН, НА РГО).
83. Кузнецов Николай Иванович (НА РГО).
84. Курлов Михаил Георгиевич (первая публикация).
85. Курский Михаил Онисифорович (АРАН).
86. Лаврский Валериан Викторович (ОР НБ ТГУ).
87. Лаврский Константин Викторович (ИРЛИ, ОР НБ ТГУ).
88. Ламанский Владимир Иванович (СПБФ АРАН).
89. Лесевич Лидия Парменовна (ГАИО).
90. Литке Константин Фёдорович (НА РГО).
91. Личков Леонид Семенович (ОР НБ ТГУ).
92. Ломоносов Александр Михайлович (НА РГО).
93. Лопарев Хрисанф Мефодиевич (СПБФ АРАН).
94. Ляцкий Евгений Александрович (ИРЛИ).
95. Майков Леонид Николаевич (ИРЛИ, НА РГО, ОР РНБ).
96. Макеров Яков Антонович (КККМ).
97. Маковецкий Николай Емельянович (ГАИО).
98. Максимович Карл Иванович (СПБФ АРАН).
99. Макушин Петр Иванович (ОР НБ ТГУ, первая публикация).
100. Марков Михаил Павлович (ОР НБ ТГУ).
101. Мартынов Николай Михайлович (МКМ).
102. Мельгунов Сергей Петрович (НИОР РГБ).
103. Мендельсон Николай Михайлович (НИОР РГБ, АРАН).

104. Миллер Всеволод Федорович (РГАЛИ).
105. Минаев Иван Павлович (ИРЛИ).
106. Миролубов Виктор Сергеевич (ИРЛИ).
107. Михайловский Николай Константинович (ИРЛИ).
108. Морозов Николай Александрович (АРАН, ОР НБ ТГУ).
109. Мушкетов Иван Васильевич (ОР РНБ).
110. Мяо (ОР НБ ТГУ).
111. Наумов Николай Иванович (ОР НБ ТГУ, ТОКМ).
112. Наумов Павел Иванович (ГАРФ).
113. Наумова Татьяна Христофоровна (ОР НБ ТГУ).
114. Николай II, император (ОР НБ ТГУ).
115. Новониколаевский союз кредитных обществ (ОР НБ ТГУ).
116. Обручев Владимир Афанасьевич (АРАН).
117. Общество археологии и этнографии при Казанском университете (ОР НБ ТГУ).
118. Окулич Николай Иванович (КККМ).
119. Ольденбург Сергей Федорович (СПБФ АРАН).
120. Остен-Сакен Федор Романович (ОР НБ ТГУ).
121. Ошурков Василий Александрович (ГАИО).
122. Павлинов Николай Михайлович (ИАОО).
123. Палибин Иван Владимирович (СПБФ АРАН).
124. Пантелеев Лонгин Федорович (РГАЛИ).
125. Пантелеева Серафима Васильевна (ИРЛИ).
126. Паркер (ОР НБ ТГУ).
127. Пекарский Эдуард Карлович (СПБФ АРАН).
128. Пирожков Сократ Александрович (ИАОО).
129. Пичугин Андрей Прокофьевич (ГАРФ).
130. Попов Иван Иванович (ГАИО, ОР НБ ТГУ, НИОР РГБ).
131. Потанина Александра Викторовна (КККМ, ОР НБ ТГУ).
132. Проскуряков Павел Степанович (КККМ).
133. Пыпин Александр Николаевич (ОР РНБ, РГАЛИ).
134. Рабданов Будда Рабданович (ОР НБ ТГУ).
135. Радлов Василий Васильевич (СПБФ АРАН).
136. Редакция газеты «Еженедельник» (ИРЛИ).
137. Редакция газеты «Сибирская жизнь» (ОР НБ ТГУ).
138. Редакция газеты «Сибирь» (ГАИО).
139. Редакция газеты (циркулярное письмо) (КККМ).
140. Романовский Евгений Осипович (СПБФ АРАН).
141. Руднев Андрей Дмитриевич (СПБФ АРАН).
142. Седельников Александр Никитич (ОГИКМ, ОР НБ ТГУ).
143. Семевский Василий Иванович (АРАН, ОРФ ГЛМ).
144. Семенов Виктор Федорович (ИАОО).
145. Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович (АРАН, СПБФ АРАН).
146. Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (ГАРФ, ИРЛИ, НА РГО, ОР НБ ТГУ, первая публикация).
147. Семидалов Владимир Иванович (НИОР РГБ, ТОКМ).
148. Серебрянников Иван Иннокентьевич (ГАИО).
149. Сиверс Петр Александрович (ГАИО).
150. Смирнов Василий Дмитриевич (ОР РНБ).
151. Соболев Афанасий Гаврилович (ОР НБ ТГУ).
152. Совет Императорского Русского географического общества (НА РГО).
153. Сперанский Михаил Нестерович (СПБФ АРАН).
154. Срезневский Вячеслав Измайлович (НА РГО, первая публикация).
155. Стакле Мэри А. (ОРФ ГЛМ).
156. Станюкович Константин Михайлович (ИРЛИ).
157. Стасов Владимир Васильевич (ИРЛИ).
158. Сукачев Владимир Платонович (ИОХМ, ОР НБ ТГУ, РГАЛИ, первая публикация).
159. Тихонравова Наталья Андреевна (СПБФ АРАН).
160. Тихонравова Раиса (ОР НБ ТГУ, СПБФ АРАН).
161. Токкель Яков (НИОР РГБ).
162. Томская городская дума (ОР НБ ТГУ).
163. Усов Федор Николаевич (ИАОО).
164. Уткин Леонид Антонович (НА РГО).
165. Фарафонтова Таисия Михайловна (ОРФ ГЛМ).
166. Федоров-Омулевский Иннокентий Васильевич (ИАОО).
167. Фохт Андрей Густавович (АВ ИВР).
168. Хангалов Матвей Николаевич (ЦВРК ИМБТ СО РАН).
169. Черемшанский Александр Евграфович (ОРФ ГЛМ).
170. Чешихин (Ветринский) Василий Евграфович (РГАЛИ, ОРФ ГЛМ).
171. Шайтанов Александр Дмитриевич (ИАОО).

172. Шалашников Константин Николаевич (ГАИО).
173. Шашков Серафим Серафимович (ИРЛИ).
174. Шибанов Павел Петрович (НИОР РГБ).
175. Шишкин Иван Иванович (ОР РНБ).
176. Шишмарев Яков Парфеньевич (НА РГО).
177. Шостакович Владимир Болеславович (ГАИО).
178. Штильке Василий Константинович (ГАНО).
179. Штраух Александр Александрович (СПБФ АРАН).
180. Щеголев Павел Елисеевич (СПБФ АРАН).
181. Шукин Николай Семенович (ИАОО).
182. Ядринцев Николай Михайлович (ОР НБ ТГУ, ТОКМ).
183. Ядринцева Аделаида Фёдоровна (ТОКМ).
184. Яковлев (Богучарский) Василий Яковлевич (ОРФ ГЛМ, СПБФ АРАН).
185. Неустановленное лицо – Александр Александрович (возможные адресаты: Киселев, Корнилов, Штраух) (ОР НБ ТГУ).
186. Неустановленное лицо (ИРЛИ).
187. Неустановленное лицо (КККМ).
188. Неустановленные лица (3 письма, РГАЛИ).

Список источников

1. Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. 339 с.
2. Письма Г.Н. Потанина : в 5 т. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987–1992.
3. Серебrenников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 308 с.
4. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск : Тип. Сиб. т-ва печ. дела и Дома трудолюбия, 1919. 460 с.
5. Колосова Г.И. Истории поступления научного наследия Г.Н. Потанина в библиотеку Томского университета // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со рождения выдающегося ученого-естествоиспытателя, путешественника, общественного деятеля и писателя Григория Николаевича Потанина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 95–99.
6. Васенькин Н.В. А.В. Адрианов – его жизнь и деятельность (По материалам архива Г.Н. Потанина) // Вузовские библиотеки Западной Сибири: Опыт работы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. 22. С. 13–18.
7. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 29–33.
8. Адрианов А.В. Кто такой В.И. Анучин // Сибирская жизнь. 1917. № 97. 7 мая. С. 4.
9. Шиловский М.В. Козьмин Н.Н. // Земля Томская: краеведческий портал. URL: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/33/>
10. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : В тип. В. Безобразова и комп., 1877. Т. 13. С. 460.
11. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : В тип. В. Безобразова и комп., 1879. Т. 15. С. 152, 428–432.
12. Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск : Тип. Н.Н. Синецкина, 1885. Т. 16. С. 321–327.
13. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1884. Т. 20. С. 573–578.
14. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1885. Т. 21. С. 86–93, 242–248, 357–360, 444–448, 576–579.
15. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1886. Т. 22. С. 220–221, 330, 339–346, 672–675.
16. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1893. Т. 29. С. 80–81, 169, 296–297, 454–455, 592–593.
17. Известия Императорского Русского географического общества. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1900. Т. 36. С. 540–541.
18. <Потанин Г.Н.> Письмо в редакцию // Сибирская жизнь. 1902. № 214. С. 3.
19. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину // Сибирские записки. 1917. № 1–6. 1918. № 2–4.
20. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, его жизнь и деятельность : сб. ст. по поводу столетия со дня его рождения. Л. : Издание Гос. Рус. Геогр. общ-ва, 1928. 269 с.
21. Письмо Г.Н. Потанина Н.И. Наумову // Томск: Альманах. Томск : Тип. № 1 Полиграфиздата, 1948. Вып. 3. С. 116–118.
22. Обручев В.В. Письма Г.Н. Потанина к В.А. Обручеву // Известия АН СССР. Серия географ. 1961. № 6. С. 111–113.
23. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Изд-во Акад. Наук Каз. ССР, 1968. Т. 4. 782 с.
24. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М. : Наука, 1969. 419 с.
25. Письма Г.Н. Потанина : в 4 т. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1977. 198 с.
26. Фатьянов А.Д. Письма Г.Н. Потанина к В.П. Сукачеву // Сибирь. 1985. № 4. С. 75–79.
27. Васенькин Н.В. Письма А.В. Адрианова к Г.Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 33–41.
28. Серебrenников Н.В. Последние письма В.В. Лаврского к Г.Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета. 1998. № 266. С. 41–46.
29. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
30. Колосова Г.И. Г.Н. Потанин и томские художники: Дополнительные источники для изучения художественной жизни Томска в начале XX в. // Художественная жизнь Сибири начала XX в. : к 90-летию Томского общества любителей художеств : материалы региональной научно-практической конференции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 195–209.
31. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть своей любовью»: Переписка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
32. Письма Г.Н. Потанина к М.Г. Васильевой // Сибирская старина. 1995. № 10 (15). С. 16–18.
33. Письма В.Я. Шишкова Г.Н. Потанину // Сибирская старина. 1995. № 10 (15). С. 21–24.
34. Колосова Г.И. Патриот Сибири и заступник // Тобольск и вся Сибирь: альманах. 2009. № 11. С. 325–327.
35. Колосова Г.И. Знаковые встречи: Г.Н. Потанин и Л.Н. Толстой в судьбе В.Ф. Булгакова // Яснополянский сборник 2010 : статьи, материалы, публикации. Тула : Изд. дом «Ясная поляна», 2010. С. 366–376.
36. Сизова Е.В. Письма западносибирских корреспондентов Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 71–76.
37. Серебrenников Н.В. Письма Г.Н. Потанина // Начало века. 2020. № 2. С. 124–129.
38. Голев И.А. Г.Н. Потанин: письмо В.П. Сукачеву // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 336–337. doi: 10.17223/22220836/44/27
39. Голев И.А. Два письма бурятского тайши к Г.Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 48. С. 325–327. doi: 10.17223/22220836/48/27
40. Г.Д. Гребенчиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 212 с.

41. Комарова Т.С. Письма Д.А. Клеменца к Г.Н. Потанину // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск : Литера-принт, 2010. Вып. 5. С. 89–96.
42. Броднева А.В. Кто вы, доктор Крутовский? Красноярск : Литера-принт, 2014. 278 с.
43. Орехова Н.А. Буддизм в переписке Г.Н. Потанина по материалам Красноярского краевого краеведческого музея // Буддизм Ваджраяны в России. Актуальная история и социокультурная аналитика. М. : Алмазный путь, 2020. С. 137–149.
44. Берман Е.А., Орехова Н.А. Письма иркутского общественного раввина С.Х. Бейлина Г.Н. Потанину (из фондов Красноярского краевого краеведческого музея) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 85–93. doi: 10.17223/19988613/64/11
45. Комарова Т.С. Письмо П.П. Семенова-Тян-Шанского на имя Г.Н. Потанина // Красноярский краевой краеведческий музей, 2024. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/stati-i-publikacii/rubrika-byloe/pismo-pp-semenova-tyan-shanskogo-na-imya-gn-potantina>
46. Шевелев Д.Н., Конев К.А. Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 212–222. doi: 10.17223/15617793/509/23
47. Киселев В.С., Кропотов Д.А., Пронина Н.М. Сямская сеть, машинная атрибуция почерка и неизвестный Жуковский // Имагология и компаративистика. 2024. № 22. С. 156–179. doi: 10.17223/24099554/22/10

References

1. Anon. (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-sib. kn. izd-vo.
2. Potanin, G.N. (1987–1992) *Pis'ma G.N. Potanina*: v 5 t. [Letters of G.N. Potanin: in 5 vols]. Irkutsk: ISU.
3. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [The Experience of Forming Regionalist Literature]. Tomsk: TSU.
4. Anon. (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the Organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tip. Sib. t-va pech. dela i Doma trudyubiya.
5. Kolosova, G.I. (1995) *Istoriya postupleniya nauchnogo naslediya G.N. Potanina v biblioteku Tomskogo universiteta* [History of the Acquisition of G.N. Potanin's Scientific Heritage by the Tomsk University Library]. In: *Doklady regional'nykh mezhvuzovskikh "Potaninskikh chteniy", posvyashchennykh 160-letiyu so rozhdeniya vydayushchegosya uchenogo-estestvoispytatelya, puteshestvennika, obshchestvennogo deyatelya i pisatelya Grigoriya Nikolaevicha Potanina* [Reports of the regional inter-university "Potanin Readings" dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding natural scientist, traveler, public figure and writer Grigory Nikolaevich Potanin]. Tomsk: TSU. pp. 95–99.
6. Vasen'kin, N.V. (1995) A.V. Adrianov – ego zhizn' i deyatel'nost' (Po materialam arkhiva G.N. Potanina) [A.V. Adrianov – His Life and Work (Based on Materials from the G.N. Potanin Archive)]. In: *Vuzovskie biblioteki Zapadnoy Sibiri: Opyt raboty*. Tomsk: TSU. Vyp. 22. pp. 13–18.
7. Kolosova, G.I. (2011) *Fond G.N. Potanina v Nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The G.N. Potanin Collection in the Research Library of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal. History*. 2 (14). pp. 29–33.
8. Adrianov, A.V. (1917) Kto takoy V.I. Anuchin [Who is V.I. Anuchin]. *Sibirskaya zhizn'*. 97. 7 May. p. 4.
9. Shilovskiy, M.V. (n.d.) *Koz'min N.N.* [N.N. Kozmin]. [Online] Available from: <https://kraeved.lib.tomsk.ru/page/33/> (Accessed: 22.03.2026).
10. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society]. (1877) St. Petersburg: V tip. V. Bezobrazova i komp. Vol. 13. p. 460.
11. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. (1879) St. Petersburg: V tip. V. Bezobrazova i komp. Vol. 15. pp. 152, 428–432.
12. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society]. (1885) Irkutsk: Tip. N.N. Sinitsyna. Vol. 16. pp. 321–327.
13. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. (1884) St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina. Vol. 20. pp. 573–578.
14. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. (1885) St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina. Vol. 21. pp. 86–93, 242–248, 357–360, 444–448, 576–579.
15. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. (1886) St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina. Vol. 22. pp. 220–221, 330, 339–346, 672–675.
16. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. (1893) St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina. Vol. 29. pp. 80–81, 169, 296–297, 454–455, 592–593.
17. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. (1900) St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i komp. Vol. 36. pp. 540–541.
18. [Potanin, G.N.] (1902) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the Editor]. *Sibirskaya zhizn'*. 214. p. 3.
19. Pis'ma N.M. Yadrintseva k G.N. Potaninu [Letters of N.M. Yadrintsev to G.N. Potanin]. (1917–1918) *Sibirskie zapiski*. 1–6 (1917); 2–4 (1918).
20. Anon. (1928) *Petr Petrovich Semenov-Tyan-Shanskiy, ego zhizn' i deyatel'nost': sb. st. po povodu stoletiya so dnya ego rozhdeniya* [Pyotr Petrovich Semenov-Tyan-Shansky, His Life and Work: A Collection of Articles on the Centenary of His Birth]. Leningrad: Izdanie Gos. Rus. Geogr. obshchva.
21. Potanin, G.N. (1948) Pis'mo G.N. Potanina N.I. Naumovu [Letter from G.N. Potanin to N.I. Naumov]. In: *Tomsk: Al'manakh* [Tomsk: Almanac]. Iss. 3. Tomsk: Tip. No. 1 Poligrafizdata. pp. 116–118.
22. Obruchev, V.V. (1961) Pis'ma G.N. Potanina k V.A. Obruchevu [Letters of G.N. Potanin to V.A. Obruchev]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograf.* 6. pp. 111–113.
23. Valikhonov, Ch.Ch. (1968) *Sobranie sochineniy*: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols]. Vol. 4. Alma-Ata: KazSSR AS.
24. Burdukov, A.V. (1969) *V staroy i novoy Mongolii. Vospominaniya. Pis'ma* [In Old and New Mongolia. Memoirs. Letters]. Moscow: Nauka.
25. Potanin, G.N. (1977) *Pis'ma G.N. Potanina*: v 4 t. [Letters of G.N. Potanin: in 4 vols]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
26. Fat'yanov, A.D. (1985) Pis'ma G.N. Potanina k V.P. Sukachevu [Letters of G.N. Potanin to V.P. Sukachev]. *Sibir'*. 4. pp. 75–79.
27. Vasen'kin, N.V. (1998) Pis'ma A.V. Adrianova k G.N. Potaninu [Letters of A.V. Adrianov to G.N. Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266. pp. 33–41.
28. Serebrennikov, N.V. (1998) Poslednie pis'ma V.V. Lavrskogo k G.N. Potaninu [The Last Letters of V.V. Lavrsky to G.N. Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266. pp. 41–46.
29. Adrianov, A.V. (2007) "Dorogoy Grigoriy Nikolaevich...": pis'ma G.N. Potaninu ["Dear Grigory Nikolaevich...": Letters to G.N. Potanin]. Tomsk: TSU.
30. Kolosova, G.I. (2000) G.N. Potanin i tomskie khudozhniki: Dopolnitel'nye istochniki dlya izucheniya khudozhestvennoy zhizni Tomska v nachale XX v. [G.N. Potanin and Tomsk Artists: Additional Sources for the Study of Artistic Life in Tomsk at the Beginning of the 20th Century]. In: *Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri nachala XX v.: k 90-letiyu Tomskogo obshchestva lyubiteley khudozhestv: materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Artistic life of Siberia at the beginning of the 20th century: on the 90th anniversary of the Tomsk Society of Art Lovers]. Proceedings of the Regional Conference. Tomsk: TSU. pp. 195–209.
31. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) "Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' svoey lyubov'yu": *Perepiska* ["I Want to Serve You, Clothe You with My Love": Correspondence]. Tomsk: TSU.
32. Potanin, G.N. (1995) Pis'ma G.N. Potanina k M.G. Vasil'evoy [Letters of G.N. Potanin to M.G. Vasilieva]. *Sibirskaya starina*. 10 (15). pp. 16–18.
33. Shishkov, V.Ya. (1995) Pis'ma V.Ya. Shishkova G.N. Potaninu [Letters of V.Ya. Shishkov to G.N. Potanin]. *Sibirskaya starina*. 10 (15). pp. 21–24.
34. Kolosova, G.I. (2009) Patriot Sibiri i zastupnik [Patriot of Siberia and Advocate]. *Tobol'sk i vsya Sibir': al'manakh*. 11. pp. 325–327.

35. Kolosova, G.I. (2010) Znakovye vstrechi: G.N. Potanin i L.N. Tolstoy v sud'be V.F. Bulgakova [Significant Encounters: G.N. Potanin and L.N. Tolstoy in the Fate of V.F. Bulgakov]. In: *Yasnopolyanskiy sbornik 2010: stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana Collection 2010: articles, materials, publications]. Tula: Izd. dom "Yasnaya polyana". pp. 366–376.
36. Sizova, E.V. (2011) Pis'ma zapadnosibirskikh korrespondentov G.N. Potanina v Nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Letters of West Siberian Correspondents of G.N. Potanin in the Research Library of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal. History*. 2 (14). pp. 71–76.
37. Serebrennikov, N.V. (2020) Pis'ma G.N. Potanina [Letters of G.N. Potanin]. *Nachalo veka*. 2. pp. 124–129.
38. Golev, I.A. (2021) G.N. Potanin: A Letter to V.P. Sukachev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 44. pp. 336–337. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/44/27
39. Golev, I.A. (2022) Two Letters from a Buryat Taisha to G.N. Potanin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 48. pp. 325–327. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/48/27
40. Anon. (2008) *G.D. Grebenshchikov i G.N. Potanin: dialog pokoleniy (pis'ma, stat'i, vospominaniya, retsenzii)* [G.D. Grebenshchikov and G.N. Potanin: A Dialogue of Generations (Letters, Articles, Memoirs, Reviews)]. Barnaul: AltSU.
41. Komarova, T.S. (2010) Pis'ma D.A. Klements k G.N. Potaninu [Letters of D.A. Klements to G.N. Potanin]. In: *Eniseyskaya provintsia. Al'manakh* [Yenisei Province. Almanac]. Iss. 5. Krasnoyarsk: Litera-print. pp. 89–96.
42. Brodneva, A.V. (2014) *Kto vy, doktor Krutovskiy?* [Who Are You, Doctor Krutovsky?]. Krasnoyarsk: Litera-print.
43. Orekhova, N.A. (2020) Buddizm v perepiske G.N. Potanina po materialam Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya [Buddhism in G.N. Potanin's Correspondence Based on Materials from the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore]. In: *Buddizm Vajrayany v Rossii. Aktual'naya istoriya i sotsiokul'turnaya analitika* [Vairāyāna Buddhism in Russia: Current History and Sociocultural Analysis]. Moscow: Almaznyy put'. pp. 137–149.
44. Berman, E.A. & Orekhova, N.A. (2020) Letters of Irkutsk Public Rabbi S.Kh. Beilin to G.N. Potanin (from the Collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal. History*. 64. pp. 85–93. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/64/11
45. Komarova, T.S. (2024) *Pis'mo P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo na imya G.N. Potanina* [Letter from P.P. Semenov-Tyan-Shansky to G.N. Potanin]. [Online] Available from: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/stati-i-publikacii/rubrika-byloe/pismo-pp-semenova-tyan-shanskogo-na-imya-gn-potanina> (Accessed: 22.03.2026).
46. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2024) G.N. Potanin and His Circle of Acquaintances During the Era of Wars and Revolutions: Based on Correspondence Materials from 1917–1920. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. (In Russian). pp. 212–222. doi: 10.17223/15617793/509/23
47. Kiselev, V.S., Kropotov, D.A. & Pronina, N.M. (2024) Siamese Network, Machine Attribution of the Handwriting, and the Unknown Zhukovsky. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 22. pp. 156–179. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/22/10

Информация об авторе:

Киселев В.С. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2025;
одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 28.07.2025;
approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 81'25: 82
doi: 10.17223/15617793/520/4

Современные форматы переводной множественности

Дарья Александровна Олицкая¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, d.olitskaya@mail.ru*

Аннотация. На материале работ зарубежных и отечественных исследователей рассматривается качественно новый этап развития категории переводной множественности в переводоведении 2010–2020-х гг. Выявляется тенденция применения семиотической методологии, направленной на изучение данной категории с точки зрения ее полилингвального, интертекстуального и интерсемиотического (интермедиального и мультимодального) потенциала. Анализируются актуальные концепции переводной множественности, способствующие значительному расширению границ этого понятия.

Ключевые слова: переводная множественность, повторный перевод, интерсемиотический перевод, интертекстуальность, интермедиальность, мультимодальность

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Олицкая Д.А. Современные форматы переводной множественности // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 41–48. doi: 10.17223/15617793/520/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/4

Contemporary formats of retranslation

Daria A. Olitskaya¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, d.olitskaya@mail.ru*

Abstract. Translational multiplicity, a fundamental category in literary translation theory, remains a highly relevant field of study, as demonstrated by the substantial body of work published on the topic in Russia and abroad over the past twenty-five years. Since 2000, the dominant concept of translational multiplicity in both domestic and international scholarship has been the "retranslation hypothesis." However, recent translation studies have actively criticized it as insufficient for describing the phenomenon. This calls for new theoretical and methodological frameworks for a deeper and more detailed understanding of the processes behind the emergence, functioning, and reception of multiple literary translations. Recent research shows a trend among translation scholars toward using a semiotic methodology to study translational multiplicity from the perspective of its polylingual, intertextual, and intersemiotic potential, thereby significantly expanding the concept's boundaries. The analysis of contemporary research on translational multiplicity reveals two main conceptual directions. The first direction seeks to expand the traditional comparativist paradigm by incorporating intertextual analysis, which foregrounds such an understudied aspect as the interconnections and mutual influences between literary (re)translations across different target cultures, thereby substantiating the need for a cross-cultural perspective. The second direction broadens the scope of translational multiplicity to include not only interlingual translations but also intersemiotic (intermedial, intermodal) translations of a literary work. The analysis of translational multiplicity in this sense aims to identify "chains" of retranslations within the target culture(s), encompassing both intrasemiotic and intersemiotic translations, and to develop a methodology for analyzing how various semiotic codes interact within these chains to produce new meanings. The theoretical concepts considered here not only challenge but, more significantly, expand and deepen the "retranslation hypothesis" that dominated early 21st-century translation studies. They illustrate the rich potential of interdisciplinary approaches to reveal new dimensions of translational multiplicity, thereby integrating the concept into the context of contemporary communication formats.

Keywords: retranslation, intersemiotic translation, intertextuality, intermediality, multimodality

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2025-0016.

For citation: Olitskaya, D.A. (2025) Contemporary formats of retranslation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 41–48. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/4

В науке о переводе XXI в. широко используется междисциплинарный подход, что связано с необходимостью (пере)осмысления роли и статуса перевода/переводчика в контексте проблем развития современного общества – возрастающей глобализации, технологизации и цифровизации, постколониальной миграции и др. Подготовленные культурным и социологическим «поворотами» в переводоведении конца XX в., развиваются новые концепции и направления, охватывающие гендерные, идеологические, политические, экономические, этические и другие аспекты перевода [1]; изучается влияние цифровых технологий на перевод [2]. Междисциплинарные связи переводоведения обусловлены сегодняшним «представлением о переводе как естественной составляющей любого дискурса» [3. Р. 2].

Применение междисциплинарных методов также способствует дальнейшему развитию основных категорий теории художественного перевода, к которым, безусловно, относится переводная множественность. Актуальность изучения проблем переводной множественности (повторного перевода)¹ подтверждается количеством исследований, опубликованных за два с половиной десятилетия XXI в. Данной теме посвятили свои специальные выпуски все наиболее значимые международные журналы по переводу [4–9], она также многосторонне освещалась в научных монографиях и сборниках [10–13]. Вместе с тем исследователи отмечают, что существенный объем выявленных и описанных кейсов повторного перевода в литературах разных стран, отвечающих на вопросы «кем?», «когда?», «что?», «почему?» и «как?» переводилось, требует концептуального обобщения, которое возможно только при условии более глубокой теоретической разработки категории переводной множественности. Актуальным также признается вопрос о «метаметодологии» применительно к исследованию переводной множественности [14. Р. 31].

В отечественном переводоведении категория переводной множественности получила развернутое научное описание в конце 1990-х – начале 2000-х гг. [15–17]. В предложенных исследователями положениях нашли отражение основные признаки явления переводной множественности, под которой понимается возможность существования нескольких переводов одного художественного текста конкретной культуры на один или более иностранных языков. Множественные переводы рассматриваются как текстовые синонимы оригинала, расширяющие его образно-понятийный мир и демонстрирующие его неисчерпаемый смысловой потенциал; взаимно дополняющие друг друга и конкурирующие в рамках определенного культурно-исторического контекста. Переводная множественность обнаруживает субъективность выбора переводческих решений, предоставляет возможность их сопоставления, оценки и типологии; имеет диахроническое и синхроническое измерение.

В зарубежном переводоведении развитие данной категории осуществлялось более динамично. Отправной точкой здесь стали некоторые идеи французского историка и теоретика перевода, переводчика А. Бермана о роли первого и повторных переводов художественного произведения в его иноязычной рецепции.

Рассматривая в своей работе «*La retraduction comme espace de traduction*» (1990) перевод как процесс, который никогда не может быть завершен, Берман высказал предположение, что каждый последующий перевод в силу накопления культурной и академической традиции восприятия все более приближается к оригиналу, тогда как первый перевод, выполняя функцию ознакомления читателя с произведением и автором, вынужденно трансформирует оригинал в целях приемлемости в чужой культуре. Согласно такой логике понастоящему «великими» становятся в первую очередь повторные переводы, которые, восполняя лакуны первых, доносят истинную суть оригинала на языке перевода. Несовершенство перевода, его устаревание в одном или нескольких аспектах выдвигалось в качестве одного из основных факторов развития переводной множественности [18].

В 2000 г. А. Честерман облек эти идеи Бермана в форму исследовательской модели – «гипотезы повторного перевода» [19], которая получила апробацию в работах переводоведов, активно использовавших социологический подход. Ее результаты во многом определили современное понимание феномена повторного перевода, зафиксированное, в частности, в «Энциклопедии переводоведения» академического издательства «John Benjamins Publishing Company» [20]. Авторы статьи «*Retranslation*» финские переводоведы К. Коскинен и О. Палопоски исходят из определения повторного перевода как «второго или последующего перевода одного исходного текста на тот же целевой язык» [20. Р. 294] и отмечают, что в исследованиях, выполненных на материале различных национальных литератур, была выявлена более сложная картина функционирования повторных переводов, чем ее способна объяснить предложенная гипотеза. Обнаруженный нелинейный (rhizomatic) характер отношений между текстами первого и последующих переводов художественного произведения делает необходимым обращение к целому ряду контекстов в каждом случае повторного перевода [20. Р. 296–297].

В фокусе внимания исследований 2000-х гг. находился вопрос о причинах появления повторных переводов, а также о их месте в процессе формирования литературного канона, так как объектом анализа в большинстве случаев выступали тексты классической литературы. Было установлено, например, что различные агенты литературного поля могут быть заинтересованы в сохранении статус-кво более ранних переводов, так как они способствуют укреплению канона зарубежной литературы в принимающей культуре через формирование в сознании читателя устойчивой связи между классическим произведением литературы и его каноническим переводом. В то же время критика предшествующих переводов может реализовывать стратегию позиционирования нового перевода в различных паратекстах (рецензиях, предисловиях и т.д.), но не воплощаться в качестве новой интерпретации оригинала или преодоления критикуемых недостатков в тексте перевода, то же часто происходит с переизданиями или редакциями переводов, которые всегда составляют конкуренцию повторным переводам. Предложенный

Берманом принцип последовательного увеличения степени объективности восприятия текста оригинала с развитием переводной множественности, как показали исследования, подвержен значительному влиянию ценностных и идеологических установок, а также социально-экономических факторов, в связи с чем влияние фактора устаревания переводов является довольно относительным [20. Р. 296]. В целом можно говорить о том, что в исследованиях данного периода на первом плане оказалась «внешняя», социокультурная перспектива изучения проблемы переводной множественности, связанная с идеей доминирующего влияния норм целевой культуры на перевод.

На этом основании в 2000–2010-е гг. вокруг идей Бермана разворачивается дискуссия, в которой осуществляется их переоценка с учетом «культурного поворота» в переводоведении. Прежде всего она затронула представления об эволюционном характере развития переводной множественности. Как пишет И. Гамбье, бермановская идеалистическая точка зрения, основанная на логике движения к «великому переводу», игнорирует вопрос об отношениях, связывающих тексты множественных переводов в целевой культуре, вопрос о системе их «контактов и разрывов», ведь создать повторный перевод означает привести его в соприкосновение с более ранними и, в воображаемой проекции, с более поздними текстами. В явлении повторного перевода помимо исторического присутствует социокультурное измерение: «Мы переводим необязательно потому, что перевод “устарел”, или потому, что оригинал “изменился”. Мы переводим заново, потому что изменился способ прочтения этого текста (или этих текстов, если учитывать также предыдущие переводы). Изменились и те, кто его читал» [21. Р. 57]. В зависимости от исторической дистанции, отделяющей каждый перевод от оригинала, и функций, выполняемых им в принимающей полисистеме литературы (термин И. Эвен-Зоха), повторные переводы могут восприниматься по-разному, им может быть приписана различная значимость и причинно-следственная связь.

Отсюда появляется взгляд на переводную множественность как пространство сосуществования переводов в целевой культуре, которое определяется не динамикой замен, а динамикой дополнений, способствующей формированию сложной «сети» взаимодействующих текстов – (пере)прочтений/(пере)созданий оригинала и предшествующих переводов [22. Р. 49].

Насколько позволяют судить исследования последних полутора десятилетий, в настоящее время категория переводной множественности переживает еще один виток своего развития. Уже на уровне заголовков обнаруживается очевидная тенденция ее «пересмотра», «переосмысления», «расширения», поиска новых методологических направлений в ее изучении [23–26]. В частности, отмечается, что, несмотря на критику «гипотезы повторного перевода», до сих пор не было предложено другой концепции, раскрывающей специфику этого феномена.

Как показал анализ этих исследований, новые подходы к категории переводной множественности фор-

мируются на основе использования междисциплинарной методологии, направленной на изучение данной категории с точки зрения ее полилингвального, интертекстуального и интерсемиотического потенциала.

Так, В. Алевато Де Амарал, заявляя, что категория переводной множественности нуждается в дальнейшем развитии и разработке концептуального содержания, подвергает критике ее наиболее распространенную узкую трактовку, в которой ситуация появления и функционирования повторных переводов ограничивается пространством одного целевого языка и, соответственно, одной целевой культуры. В противовес такой установке исследователь предлагает выделить в качестве ключевых характеристик переводной множественности «полиглоти́зм»² (polyglotism) и интертекстуальность [28. Р. 246], тем самым совмещая два подхода к этой переводоведческой категории – с позиции компаративистики и с позиции постструктуралистской семиотики.

Концепция переводной множественности, полагает Алевато Де Амарал, не может ограничиваться рамками двух языков, а должна стремиться к охвату сложных (эстетических, культурных, исторических, лингвистических, философских) вопросов перевода, ориентируясь на методологические установки компаративистики, в которой используются более комплексные стратегии исследования, и, в зависимости от целей сравнения, формируются не только двуязычные, но и многоязычные корпусы текстов. Аргументируя свою точку зрения, исследователь возвращается к идеям А. Бермана, ранее не вошедшим в широко обсуждаемую «гипотезу повторного перевода». В бермановском понимании множественность переводов изначально подразумевала совокупность текстов, репрезентирующих оригинал художественного произведения на разных языках: «перевод происходит в повторном переводе или, вернее, в повторных переводах, последовательных или синхронных, не только в пространстве данного целевого языка и культуры, но и в других языках и культурах» [29. Р. 84].

Такого рода «полиглоти́зм» обеспечивает более глубокий и концептуальный взгляд на переводную множественность при рассмотрении потенциальных «транстекстуальных связей» оригинала художественного произведения и его множественных версий, так как важная функция первого перевода заключается в том, что он не только создает предпосылки для появления новых, в нем берут начало обширные интертекстуальные связи с другими переводами того же текста на разные языки.

Анализируя в своей работе произведения Дж. Джойса в переводе на французский, немецкий, итальянский, португальский (бразильский), испанский, каталанский языки, Алевато Де Амарал рассматривает их как «транслингвальный метатекст» и раскрывает на этом материале некоторые возможные аспекты взаимосвязей повторных переводов на разные целевые языки и на различных интертекстуальных уровнях. Так, во французском переводе «Дублинцев» (1926), который стал первым переводом произведения

на романские языки, берет свое начало традиция передавать в них заглавие произведения как «Gens de Dublin», а не «Dublinois», хотя последнее представляет собой более точный перевод. В дальнейшем наиболее последовательно она прослеживается в итальянских переводах (из десяти рассмотренных в исследовании девять озаглавлены как «Gente di Dublino»), но также присутствует в переводах на португальский и испанский языки. Потенциальные интертекстуальные связи текстов немецкого перевода «Улисса» Г. Гойерта (1927) и французского перевода О. Мореля (1929) обусловлены фактом значительного участия в их создании самого Джойса. Многочисленные отсылки к раннему французскому переводу О. Мореля в испаноязычной версии романа, созданной М. Забалой в 2015 г., вероятны в связи с тем, что, по признанию переводчика, он обращался к нему в случаях разночтений между несколькими имеющимися редакциями текста оригинала. Следуя логике автора исследования, отличительным признаком повторного перевода во всех перечисленных случаях будет наличие текстовых связей, а не общего целевого языка.

Таким образом, в русле теории интертекстуальности в предлагаемой расширенной трактовке понятия переводной множественности постулируется, что суть этого явления выражается не только и не столько в факте многократного перевода одного и того же текста, сколько в процессе формирования особых диалогических отношений текстов множественных переводов, в результате которых виртуальное (потенциально многоязычное) пространство интертекстуальных связей оригинала постоянно разрастается [28. Р. 254].

Развитие концепции переводной множественности в этом же направлении находим в интертекстуально-полифонической модели перевода, представленной в исследовании Лаури А. Нисканена, также посвященном восприятию джойсовского «Улисса», но уже на материале шведских и финских переводов [30].

Лаури А. Нисканен, как и его предшественник, опирается на идею Бермана, согласно которой все переводы, как первые, так и повторные, на один целевой язык или любые другие языки, а также окружающие их паратексты являются частью одного и того же процесса трансфера (transfer) произведения в новую культуру, однако для описания характера этого процесса в исследовании дополнительно вводится понятие диалога-полифонии М. Бахтина.

Очевидно, что все аспекты интертекстуальности такого романа, как «Улисс», не могут быть раскрыты в одном переводе, любой переводчик расставляет свои приоритеты, формирующие эстетику, цель и стратегию перевода (в терминологии Бермана – «горизонт переводчика»). Этот выбор в любом случае обуславливает появление дальнейших повторных переводов, независимо от того, будут ли они развивать заданное направление или обращаться к другим аспектам, восполняя ранее утерянное, так как каждый последующий переводчик неизбежно оказывается включенным в непрерывный многоязычный герменевтический процесс – процесс комментирования, перечитывания и переписывания оригинала. Развивая интертекстуальную

концепцию переводной множественности, Лаури А. Нисканен на примере анализа шведско-финского макротекста переводов «Улисса» показывает, как исходный текст и более ранние переводы «скрываются “под поверхностью” нового перевода» [30. Р. 4].

Бахтинская идея полифонии используется исследователем, чтобы преодолеть еще одно существующее ограничение, а именно выйти в анализе переводной множественности за рамки привычной дихотомии «верность оригиналу (автор) / адаптация к целевой культуре (читатель)», зафиксированной в противопоставлении стратегий доместикации и форенизации, совместив для этого две исследовательские оптики, поскольку в предлагаемой модели «полифоническая позиция» учитывает «как полифонический контекст, в котором переводчик (как и любой читатель) создает новую и уникальную интерпретацию исходного текста произведения в соответствии со своим культурным происхождением и эстетикой» (активный «голос» переводчика), так и «полифонический контекст, в котором переводчик воссоздает целевой текст для своей аудитории» (паратекстуальные «голоса» и «голоса» предшествующих переводчиков) [30. Р. 220]. Подчеркнем, что выстраивая свою модель на вполне конкретном материале, исследователь считает возможным экстраполировать ее на явление переводной множественности в целом, считая любой перевод художественного произведения полифоничным по своей природе, а повторные переводы умножающими полифонический контекст.

Таким образом, в предложенной концепции переводная множественность понимается как особая форма диалога, «полифонический шум голосов» или «хор конкурирующих, взаимодополняющих голосов», что, по словам Лаури А. Нисканена, привлекает внимание к недостаточно изученному аспекту взаимосвязей и взаимовлияний текстов переводов и перепереводов, даже если они созданы в разных целевых культурах. Отметим, что, помимо этого, использование интертекстуального анализа в изучении переводной множественности способствует развитию кросс-культурной перспективы ее изучения.

В центре внимания исследователей находится также вопрос о включении в понятие переводной множественности наряду с иноязычными иносемиотическими интерпретациями текста вербального оригинала. Как справедливо отмечает В.А. Разумовская, меняющаяся категориальная парадигма переводоведения позволяет рассмотреть функционирование оригинала произведения не только в полилингвальном и поликультурном, но также и в более широком пространстве – межсемиотическом, мультимодальном и поликодовом [31. С. 40].

Опираясь на разработанную Р. Якобсоном типологию перевода, а также теорию сверткостекста и вторичных текстов, исследователь вводит по отношению к «сильным» текстам культуры, к которым в первую очередь относится мировая классическая литература, понятие «центр переводной аттракции», представляющий собой гетерогенную совокупность текстов различной семиотической природы, где в качестве ядра

выступает вербальный текст оригинала, окруженный полем переводимости, – активными, пассивными и потенциальными множественными вторичными версиями: от межъязыкового перевода до экранизаций, постановок, балета и оперы, книжных иллюстраций, компьютерных игр, мемов и др. [31, 32]. Переводная множественность, таким образом, моделируется как сложный семиотический объект, организованный по принципу сверхтекста. Множественные иноязычные и иносемиотические переводы создают «целостное культурное пространство для экспликации имеющихся смыслов «сильного» оригинала и генерирования новых» [31. С. 44].

В таком понимании переводная множественность приобретает еще одну существенную характеристику – она обеспечивает многомерность восприятия эстетической информации, заложенной в текст оригинала, так как сверхтексту свойственна поликодовость. Тем самым расширяются границы переводимости «сильных» текстов и увеличивается степень их культурной сохраняемости. Важным представляется вывод исследователя о том, что в условиях поликодовости сверхтекста оригинал может утрачивать свою примарность восприятия для читателя перед множественными вторичными текстами [31. С. 44]. Также акцентируется, что полимодальность интерсемиотических версий оригинала возникает в результате последовательного или синхронного осуществления разных видов перевода, определяя и «полиформатность» переводной множественности, которая требует более комплексных методик анализа. Так, в случае оперы и мюзикла могут быть задействовано три вида перевода: перевод оригинального вербального текста произведения литературы на «язык» музыки (интерсемиотический), создание (с опорой на текст оригинала или без нее) нового вербального текста либретто (внутриязыковой), а при постановке оперы или мюзикла в зарубежных странах – межъязыковой перевод [31. С. 43].

Зарубежные исследования также показывают высокий интерес к мультимодальности³ как категории, характеризующей изменение парадигмы текста в современной гуманитаристике. Она активно входит в переводоведение [33, 34] и формирует один из актуальных ракурсов исследования переводной множественности, о чем свидетельствует выпуск журнала «The Translator», специально посвященный этой теме [8].

Как следует из вступительной статьи, его концептуальной рамкой стала идея выработки такого понимания переводной множественности, которое не было бы ограничено лингвоцентрическим подходом к тексту и его переводу: «Повторный перевод осуществляется на различных уровнях текста, ограничиваться в его рассмотрении только межъязыковой формой означало бы отказываться от более глубокого постижения процессов производства смыслов в сегодняшнем мире, в котором мы окружены изображениями и звуками, распространяемыми с помощью самых различных коммуникационных каналов» [8. Р. 1]. Очевидно, что авторы опираются здесь на положения социальной семиотики о мультимодальности знаковой деятельности: «Все чаще мультимодальные знаковые композиции вытесняют

привычные, в большинстве своем исключительно письменные тексты» [35. С. 79]. Как следствие, в центре внимания оказывается интерсемиотический перевод, который, по мнению исследователей, изучен гораздо хуже межъязыкового. В частности, возникает вопрос, насколько применимы для описания этого вида перевода традиционные понятия и метаязык теории перевода [36. С. 130].

Ставшая классической трехчастная семиотическая типология перевода Р. Якобсона имеет своим ядром межъязыковой перевод, при описании видов перевода, в том числе межсемиотического, ее фокус находится на вербальном исходном тексте. Однако сегодня на ее основе разрабатываются новые таксономии перевода, которые охватывают все возможные варианты интерпретации знаков вербальных и невербальных семиотических систем, и предлагают тем самым инструмент для анализа интерсемиотического перевода. Так, К. Кайндль предлагает учитывать в типологии важные для анализа перевода мультимодальных текстов категории модуса и медиа и различать внутри- и интермодальный (intramodal/intermodal translation) и внутри- и интермедиаальный (intramedial/intermedial translation) виды перевода, подчеркивая, что они могут также образовывать «гибридные формы» [34. Р. 261–262].

С учетом этих методологических установок закономерно, что в обсуждаемой авторами журнала концепции переводной множественности она обретает свою максимально широкую трактовку и понимается как преобразующий (потенциально интермодальный и интермедиаальный) процесс воссоздания в диахронической или синхронической перспективе уже переведенного ранее текста любой семиотической природы. Этот процесс может осуществляться посредством использования другого языка, других модусов и медиа, а также их комбинаций. В анализе разнообразного материала усиленное внимание исследователей обращается при этом на выявление так называемых цепочек повторных переводов (retranslation chains) в целевой культуре (культурах), включающих в качестве этапов как перевод в пределах одного семиотического ряда, так и интерсемиотический перевод; а также на разработку методики анализа способов взаимодействия в них различных семиотических кодов, обуславливающих появление новых смыслов.

Например, Л.-М. Спотурно основную задачу своего исследования видит в том, чтобы изменить представление о переводной множественности как явлении, «ограниченном культурными, географическими или лингвистическими нормами», «заключенном в рамки вербальных письменных медиа», и показать, что практики повторного перевода могут быть как меж- и внутриязыковыми, так и многоязычными, интертекстуальными, интермодальными и интермедиаальными, так как повторные переводы – это тексты, которые функционируют не только во времени, но и в различных модусах и медиа [37. Р. 3]. Настаивая на том, что в основу категории переводной множественности должна быть положена расширительная семиотическая концепция текста, исследователь предлагает попытку комплексного анализа межъязыковой и интерсемиотической

форм перевода (театральная постановка) текста франкоязычной пьесы «Башир Лазар» канадской писательницы Эвелин де ла Шенелье.

Цель такого анализа – расширить область применения понятия повторного перевода и раскрыть «диалогическую и гетерогенную природу» этого процесса [37. Р. 12]. Чтобы ответить на вопрос, какие смыслы конструируются или изменяются посредством взаимодействия семиотических кодов на каждом из этапов (пере)перевода, Л.-М. Спотурно последовательно анализирует сначала текст перевода пьесы на испанский язык, выполненного в целях ее постановки, и выявляет межъязыковые трансформации, связанные с переориентацией исторического, политического, социального и идеологического контекстов оригинала на реалии другой страны. Затем осуществляется анализ адаптации испаноязычной версии пьесы в драматургический текст моноспектакля и, наконец, в текст театрального перформанса как «двух отдельных и дифференцированных этапов в цепочке повторного перевода», при этом основное внимание уделяется «способам интермодальной и интермедальной реконтекстуализации смыслов», в том числе возникших или преобразованных в результате предшествующих этапов перевода. Один из главных выводов, который делает Л.-М. Спотурно из своего анализа, касается нестабильности «так называемого исходного текста», характерной для переводной

множественности, так как при рассмотрении «цепочек» повторных переводов становится очевидным, что исходным в них часто выступает уже переведенный текст, а не оригинал. Как считает исследователь, это подвергает сомнению общепринятое определение повторного перевода как перевода *одного и того же текста* (курсив мой. – Д.О.) [37. Р. 11].

Подводя итог, отметим, что дискуссии вокруг категории переводной множественности / повторного перевода в исследованиях отечественных и зарубежных переводоведов последних полутора десятилетий свидетельствуют о фазе ее активного развития, связанной с поисками теоретических и методологических оснований, которые могли бы обеспечить более глубокое и детальное понимание процессов появления, функционирования и восприятия множественных переводов текстов художественной литературы. Рассмотренные в данной статье теоретические концепции, в определенной степени опровергающие, но в значительной большей развивающие и углубляющие «гипотезу повторного перевода», доминирующую в понимании этого феномена в переводоведении с начала XX в., дают представление о богатом потенциале междисциплинарных подходов, открывающих такие новые измерения переводной множественности, как кросс-культурное, интертекстуальное, интерсемиотическое (интермедальное, мультимодальное), и включающих, таким образом, это понятие в контекст современных форматов коммуникации.

Примечания

¹ Термины «переводная множественность» и «повторный перевод» (retraduction, retranslation) используются в данной статье как синонимичные, обозначающие в отечественном и зарубежном переводоведении одно и то же явление применительно к переводной художественной литературе.

² Polyglotism – «the use of many languages» (многоязычие) [27].

³ Термин «мультимодальный» используется в международном научном обороте для обозначения смешанного текста, тогда как в отечественной науке существует традиция обозначать его как «поликодовый».

Список источников

1. Басснетт С. Истоки и развитие переводоведения в 1975–2016 гг. / пер. с англ. Т. Казаковой // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 31–43.
2. Cronin M. Translation in the Digital Age. London; New York : Routledge Publ., 2013. 174 p.
3. Brodzki B. Can These Bones Live? Translation, Survival and Cultural Memory. Stanford, 2007. 272 p.
4. Milton J., Torres M.-H. Apresentação // Cadernos de Tradução. 2003. Vol. 1, № 11. P. 9–17.
5. Bensimon, Coupaye D. (Eds.). Pourquoi retraduire? // Palimpsestes. 2004. № 5.
6. Alvstad C., Assis Rosa A. Voice in retranslation: An overview and some trends // Target. 2015. № 27 (1): Voice in Retranslation. P. 3–24.
7. Van Poucke P., Sanz Gallego G. Retranslation in Context // Cadernos de Tradução. 2019. № 39 (1). doi: 10.5007/2175-7968.2019v39n1p10
8. Albachten O.B., Gurcaglar S.T. Retranslation and multimodality: introduction // The Translator. 2020. Vol. 26 (1). P. 1–8. doi: 10.1080/13556509.2020.1755944
9. Gurcaglar S.T. Introduction // TransCultuAl: Journal of Translation and Cultural Studies. 2020. Vol. 12, № 1 (2020): Discourses on Retranslation. P. 1–8. doi: 10.21992/tc29467
10. O'Driscoll K. Retranslation through the centuries. Jules Verne in English. Oxford [etc.], 2011. 288 p.
11. Berk Albachten Ö., Tahir Gürçağlar Ş. (Eds.). Perspectives on Retranslation Ideology, Paratexts, Methods. New York, 2018. 246 p.
12. Cadera S.M., Walsh A.S. (Eds.). Literary retranslation in context. Oxford [etc.], 2017. 242 p.
13. Deane-Cox S. Retranslation. Translation, literature and reinterpretation. London, 2014. 224 p.
14. Paloposki O., Koskinen K. Reprocessing texts. The fine line between retranslating and revising // Across Languages and Cultures. 2010. № 11 (1). P. 29–49.
15. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. Магадан, 2001. 211 с.
16. Лысенкова Е.Л. Поэзия Р.М. Рильке в русских переводах. Магадан, 2012. 193 с.
17. Шерстнева Е. С. Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода : дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2009. 213 с.
18. Berman A. La retraduction comme espace de traduction // Palimpsestes. 1990. № 4. С. 1–7.
19. Chesterman A. A Causal Model for Translation Studies // Olohan M. (Ed.). Intercultural faultlines: Research models in translation studies // Textual and cognitive aspects. Manchester, 2000. P. 15–28.
20. Paloposki O., Koskinen K. Retranslation // Handbook of Translation Studies. Volume 1 / Ed. by Yves Gambier and Luc van Doorslaer. Company Amsterdam / Philadelphia, 2010. P. 294–298.
21. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis // Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder. Paris, 2011. P. 49–66.
22. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent // Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava. 2015. № 23. P. 41–51.

23. Desmidt I. (Re) translation revisited // *Meta*. 2009. № 54 (4). P. 669–683.
24. Massardier-Kenney F. Toward a Rethinking of Retranslation // *Translation review*. 2015. № 92 (1). P. 73–85.
25. Mesić V. Revisiting the Retranslation Hypothesis: A case study of two Croatian translations of James Joyce's *Ulysses* // *Hieronymus: Časopis za istraživanja prevodenja i terminologije*. 2020. № 7. P. 6–36.
26. Martín González D. Revisiting the retranslation hypothesis supported by insights in cognitive linguistics and language complexity // Kristiansen G., Franco K., De Pascale S., Rosseel L., Zhang W. (Eds.). *Cognitive sociolinguistics revisited*. Berlin, Boston, 2020. P. 534–543.
27. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/polyglotism> (дата обращения: 25.09.2025).
28. Alevato Do Amaral V. Broadening the Notion of Retranslation // *Cadernos de Tradução*. 2019. № 39 (1). P. 239–259.
29. Berman A. *Pour une critique des traductions: John Donne*. Paris, 1995. 276 p.
30. Niskanen L.-A. *A Hubbub of Phenomenon. The Finnish and Swedish Polyphonic Translations of James Joyce's Ulysses* : Ph. D. diss. University of Helsinki. Helsinki, 2021. 264 p.
31. Разумовская В.А. Текст художественной литературы на языках кино и музыки: возможности и пределы перевода // *Исследования языка и современное гуманитарное знание*. 2023. Т. 5, № 1. С. 38–46.
32. Разумовская В.А. «Гиперпалимпсест» перевода: множественность «сильного» детективного текста // *Казанский лингвистический журнал*. 2021. Т. 4, № 1. С. 48–62.
33. Pérez-González L. *Multimodality in Translation and Interpreting Studies* // Bermann S., Porter C. (Eds.). *A Companion to Translation Studies*. Chichester, 2014. P. 119–131.
34. Kaindl K. *Multimodality and Translation* // Millan C., Bartrina F. (Eds.) *The Routledge Handbook of Translation Studies*. London, 2013. P. 257–269.
35. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности / пер. с англ. Т.Ш. Адильбаева, И.В. Фомина // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 77–100.
36. Полубиченко Л.В. Межсемиотический перевод в семиотически гетерогенных текстах // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 4. С. 130–144.
37. Spoturno M.-L. Bashir Lazhar on paper and stage or retranslation from a multimodal, intermedial perspective // *The Translator*. 2020. № 26 (1). P. 1–14.

References

1. Bassnett, S. (2016) Istoki i razvitie perevodovedeniya v 1975–2016 gg. [Origins and Development of Translation Studies in 1975–2016]. Trans. from English by T. Kazakova. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 4. pp. 31–43.
2. Cronin, M. (2013) *Translation in the Digital Age*. London; New York: Routledge.
3. Brodzki, B. (2007) *Can These Bones Live? Translation, Survival and Cultural Memory*. Stanford.
4. Milton, J. & Torres, M.-H. (2003) Apresentação [Presentation]. *Cadernos de Tradução*. 1 (11). pp. 9–17.
5. Bensimon, & Coupaye, D. (eds) (2004) Pourquoi retraduire? [Why Retranslate?]. *Palimpsestes*. 5.
6. Alvstad, C. & Assis Rosa, A. (2015) Voice in retranslation: An overview and some trends. *Target*. 27 (1): Voice in Retranslation. pp. 3–24.
7. Van Poucke, P. & Sanz Gallego, G. (2019) Retranslation in Context. *Cadernos de Tradução*. 39 (1). doi: 10.5007/2175-7968.2019v39n1p10
8. Albachten, O.B. & Gurcaglar, S.T. (2020) Retranslation and multimodality: introduction. *The Translator*. 26 (1). pp. 1–8. doi: 10.1080/13556509.2020.1755944
9. Gurcaglar, S.T. (2020) Introduction. *TransculturAl: Journal of Translation and Cultural Studies*. 12 (1): Discourses on Retranslation. pp. 1–8. doi: 10.21992/tc29467
10. O'Driscoll, K. (2011) *Retranslation through the centuries. Jules Verne in English*. Oxford [etc.].
11. Berk Albachten, Ö. & Tahir Gürçaglar, Ş. (eds.) (2018) *Perspectives on Retranslation Ideology, Paratexts, Methods*. New York.
12. Cadera, S.M. & Walsh, A.S. (eds) (2017) *Literary retranslation in context*. Oxford [etc.].
13. Deane-Cox, S. (2014) *Retranslation. Translation, literature and reinterpretation*. London.
14. Paloposki, O. & Koskinen, K. (2010) Reprocessing texts. The fine line between retranslating and revising. *Across Languages and Cultures*. 11 (1). pp. 29–49.
15. Chaykovskiy, R.R. & Lysenkova, E.L. (2001) *Neischerpaemost' originala: 100 perevodov "Pantery" R.M. Ril'ke na 15 yazykov* [The Inexhaustibility of the Original: 100 Translations of R.M. Rilke's "The Panther" into 15 Languages]. Magadan.
16. Lysenkova, E.L. (2012) *Poeziya R.M. Ril'ke v russkikh perevodakh* [The Poetry of R.M. Rilke in Russian Translations]. Magadan.
17. Sherstneva, E.S. (2009) *Perevodnaya mnozhestvennost' khudozhestvennoy prozy kak problema teorii perevoda* [The Multiplicity of Translations of Literary Prose as a Problem of Translation Theory]. Philology Cand. Diss. Magadan.
18. Berman, A. (1990) La retraduction comme espace de traduction [Retranslation as a Space of Translation]. *Palimpsestes*. 4. pp. 1–7.
19. Chesterman, A. (2000) A Causal Model for Translation Studies. In: Olohan, M. (ed.) *Intercultural faultlines: Research models in translation studies // Textual and cognitive aspects*. Manchester. pp. 15–28.
20. Paloposki, O. & Koskinen, K. (2010) Retranslation. In: Gambier, Y. & van Doorslaer, L. (eds) *Handbook of Translation Studies*. Volume 1. Company Amsterdam / Philadelphia. pp. 294–298.
21. Gambier, Y. (2011) La retraduction, ambiguïtés et défis [Retranslation, Ambiguities and Challenges]. In: Monti, E. & Schneyder, P. (eds) *Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes*. Paris. pp. 49–66.
22. Mattos, T. (2015) Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent [Defining and Redefining Retranslation: From Antoine Berman to the Present]. *Atelier de traduction*. 23. pp. 41–51.
23. Desmidt, I. (2009) (Re)translation revisited. *Meta*. 54 (4). pp. 669–683.
24. Massardier-Kenney, F. (2015) Toward a Rethinking of Retranslation. *Translation Review*. 92 (1). pp. 73–85.
25. Mesić, V. (2020) Revisiting the Retranslation Hypothesis: A case study of two Croatian translations of James Joyce's *Ulysses*. *Hieronymus: Časopis za istraživanja prevodenja i terminologije*. 7. pp. 6–36.
26. Martín González, D. (2020) Revisiting the retranslation hypothesis supported by insights in cognitive linguistics and language complexity. In: Kristiansen, G., Franco, K., De Pascale, S., Rosseel, L. & Zhang, W. (eds) *Cognitive sociolinguistics revisited*. Berlin, Boston. pp. 534–543.
27. Merriam-Webster Dictionary. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/polyglotism> (Accessed: 25.09.2025).
28. Alevato Do Amaral, V. (2019) Broadening the Notion of Retranslation. *Cadernos de Tradução*. 39 (1). pp. 239–259.
29. Berman, A. (1995) *Pour une critique des traductions: John Donne*. Paris.
30. Niskanen, L.-A. (2021) *A Hubbub of Phenomenon. The Finnish and Swedish Polyphonic Translations of James Joyce's Ulysses*. Ph. D. diss. University of Helsinki. Helsinki.
31. Razumovskaya, V.A. (2023) *Tekst khudozhestvennoy literatury na yazykakh kino i muzyki: vozmozhnosti i predely perevoda* [Literary Text in the Languages of Cinema and Music: Possibilities and Limits of Translation]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe humanitarnoe znanie -- Language Studies and Modern Humanities*. 5 (1). pp. 38–46.
32. Razumovskaya, V.A. (2021) "Giperpalimpsest" perevoda: mnozhestvennost' "sil'nogo" detektivnogo teksta [The "Hyperpalimpsest" of Translation: The Multiplicity of the "Strong" Detective Text]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal -- Kazan Linguistic Journal*. 4 (1). pp. 48–62.

33. Pérez-González, L. (2014) Multimodality in Translation and Interpreting Studies. In: Bermann, S. & Porter, C. (eds) *A Companion to Translation Studies*. Chichester. pp. 119–131.
34. Kaindl, K. (2013) Multimodality and Translation. In: Millan, C. & Bartrina, F. (eds) *The Routledge Handbook of Translation Studies*. London. pp. 257–269.
35. Kress, G. (2016) *Sotsial'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti* [Social Semiotics and the Challenges of Multimodality]. Trans. from English by Adil'baev, T.Sh. & Fomin, I.V. *Politicheskaya nauka -- Political Science*. 3. pp. 77–100.
36. Polubichenko, L.V. (2021) *Mezhsemioticheskiy perevod v semioticheski geterogennykh tekstakh* [Intersemiotic Translation in Semiotically Heterogeneous Texts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4. pp. 130–144.
37. Spoturno, M.-L. (2020) Bashir Lazhar on paper and stage or retranslation from a multimodal, intermedial perspective. *The Translator*. 26 (1). pp. 1–14.

Информация об авторе:

Олицкая Д.А. — канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Olitskaya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.07.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 28.07.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 811'34
doi: 10.17223/15617793/520/5

Компоненты слухового образа в процессе восприятия вокально-музыкальной фразы

Елена Викторовна Петроченко¹

¹ Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, petrochenko@mail.ru

Аннотация. Исследуется характер перцептивного опыта при восприятии вокальной речи. Устанавливается, что он проявляется в интонационной направленности слуха: в идентификации интонации родного языка и вербальной оценке его эмоциональных смыслов. Описывается психолингвистический эксперимент с различными профессиональными группами аудиторов на материале вокальной формы песенного фольклора. Выявлено наличие единого инвентаря перцептивных доминант и социально обусловленное расширение объема эмоциональных вариантов перцепта.

Ключевые слова: восприятие, вокальная речь, интонация, психолингвистика, перцепт, слух носителя языка

Для цитирования: Петроченко Е.В. Компоненты слухового образа в процессе восприятия вокально-музыкальной фразы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 49–56. doi: 10.17223/15617793/520/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/5

Components of auditory image in vocal-musical phrase perception

Elena V. Petrochenko¹

¹ Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, petrochenko@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of researching vocal-musical phrase perception. Vocal music is regarded as one of the forms of speech, which has its standards and images in the perceptual base of a native speaker. The paper presents data on the native speaker's perceptual experience of vocal speech. The case study was based on the following material: 1) vocal phrases (a cappella) from traditional Russian and Western European song folklore: *M. Balakirev. Russian Folk Songs* (13 phrases) and songs of French-German origin *Lieder vom Volkslied* (4 phrases); 2) verbal reactions of Russian speakers with humanities (60 people) and technical (60 people) backgrounds to the vocal phrases. A psycholinguistic experiment was conducted to obtain information about the components of the auditory image in the mind of a native Russian speaker. The method was developed at the Scientific and Methodological Phonetic Center of Voronezh State University (headed by Prof. L.V. Velichkova). The study involved 120 participants. In Experiment 1, the participants listened to a vocal phrase and recorded their reactions in a protocol, choosing one of three options: "Russian folk song," "Not a Russian song," or "I can hardly say." In Experiment 2, the participants named the emotion conveyed by the vocal phrase they perceived. A mental set was created in the form of a set of lexical units denoting basic emotions (based on E.N. Vinarskaya). A total of 6,480 responses were obtained from the participants. Their analysis allows the author to draw the following conclusions. The perception of vocal speech is nationally marked in terms of intonation and emotion, and differs depending on the level of auditory differentiation among various categories of native speakers. A vocal phrase is perceived at the level of sensations united into an auditory image, or percept. This percept includes the following components: 1) native or non-native language intonation, 2) vocal and speech genre, and 3) emotional features. The percept "Russian folk song" exhibits high auditory activity in the linguistic consciousness of native speakers. A unified inventory of perceptual dominants and a socially conditioned expansion of the range of emotional variants of the percept have been identified. The proportion of participants who identified their native language intonation ranged from 52% to 98% for particular phrases. The most frequent evaluations of emotional meaning accounted for 57% to 72% of responses. An emotion is identified within the same modality zone, confirming the existence of common mental codes for the formation of the "Russian folk song" percept. The inventory of perceptual dominants is broader among humanities students and those with additional musical education. They demonstrate an expanded range of emotional variations of the percept. Emotional meanings such as "praise" and "reproach" are present in the percepts of individuals with humanities backgrounds as well as those with musical experience.

Keywords: perception, vocal speech, intonation, psycholinguistics, percept, native speaker's hearing

For citation: Petrochenko, E.V. (2025) Components of auditory image in vocal-musical phrase perception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 49–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/5

Введение

Проблемы восприятия вокальной музыки, вокальной речи традиционно изучаются в ряде научных направлений – в общей психологии, музыкальной психологии и музыковедении и почти не рассматриваются в языкознании. После известных трудов отечественных психологов (Б.Г. Ананьева, Б.М. Теплова, Е.В. Назайкинского, В.М. Морозова) о специфике музыкального слуха (преимущественно звуковысотного, ладового) в отношении речевого (тембрового, фонематического) с тезисом о безусловном влиянии речевого опыта на слуховое восприятие музыки [1–4] время от времени появляются работы, в которых ученые обосновывают глубинные онтологические и когнитивные связи музыки и языка, функционирование единых интонационных средств [5–8]. Экспериментальное изучение перцепции вокально-музыкальной речи до сих пор представлено исключительно работами музыковедов и психологов, среди которых значимое место занимают исследования академика В.М. Морозова. В его недавних экспериментах [9] главным образом выявляется степень различимости (чувствительности) мелодического и эмоционального слуха музыкантов и людей разных профессий при восприятии вокального голоса. Настоящее исследование представляет собой попытку рассмотреть восприятие вокально-музыкальной материи как явления речевого, а значит, лингвистического.

Наметившийся в лингвистике поворот к исследованию звучащей речи, подразумевающий получение экспериментальных данных о воспринимаемых качествах и значениях, объясняет интерес к изучению музыкальных явлений в реальном акте восприятия. Вокальная музыка как одна из форм речи, имеющая свои *эталоны* и *образы* в перцептивной базе носителя языка [10], заслуживает специального изучения в различных аспектах. *Вокальная форма* языка – общее понятие для звучащего текста вокальной музыки различной протяженности, предложенное нами для введения в метаязык лингвистики, психолингвистики и речеведения [11]. *Вокально-музыкальная фраза* выступает как речевая порция данной формы языка, с которой на фонетическом уровне соотносятся тактемы и мелодемы. **Объектом** настоящей работы является вокально-музыкальная фраза в акте восприятия носителем языка. Сведения о характере восприятия, о результатах перцептивного процесса возможно получить с применением методов психолингвистического эксперимента [12–14].

Изучение антропофонического аспекта вокальной речи [4, 5, 15, 16] убеждает в том, что перцептивно-слуховой опыт человека – слышать *интонацию* голоса, или *тон* родного языка как некий пучок тональных признаков (мелодии, интервалов, лада, регистра, тембра, ритма) – сформировался в процессе слухового восприятия форм национального фольклора. В этой связи наиболее подходящим источником для получения данных о компонентах восприятия голосовых фраз, интонаций и эмоций родной речи представляется вокальная музыка традиционного, преимущественно крестьянского фольклора устной традиции [5, 17].

Данная вокальная форма представляет интереснейший в *интонологическом* плане объект для исследователя-языковеда. Лингвистически значимые сведения, опосредованные интерпретирующей функцией языкового сознания в процессе слухового восприятия вокальных фраз национального фольклора двух языковых культур (русской и западноевропейской, франко-немецкой), выступают в качестве **предмета** настоящего исследования.

Задачи настоящего исследования состояли в том, чтобы 1) установить наличие музыкально-языковой связи в акте перцепции вокальной фразы, которая обеспечивает стабильный/нестабильный отклик слушателя на интонацию родного/неродного языка, и 2) сравнить объем смысловых компонентов, различаемых группами *наивных* носителей языка гуманитарных и технических сфер профессиональной деятельности. С помощью **метода** психолингвистического эксперимента предстояло выяснить, зависит ли объем инвентаря различаемых эмоциональных смыслов от факта наличия у реципиента специального музыкального образования (в частности, практики музицирования).

Полезными в психолингвистическом плане представляются философские музыкально-психологические теории интонации (Б.В. Асафьева [17], А.В. Тороповой [18], Н.М. Гариповой [19] и, в частности, термин «перцепт». Понятие *перцепт*, разработанное на восприятии визуальном [20], с недавних пор стало применяться к восприятию (вокальной) музыки. Перцепт трактуется как целостный музыкально-слуховой образ, возникающий в результате «фильтрации» и «осознания» характеристик звукового сигнала, основой которых являются физиологические ощущения (высоты звука, его продолжительности, динамики, тембра и пространственной локализации) [19]. На уровне языка перцепт выступает как психолингвистическая категория.

В основе психолингвистического подхода к исследованию звучащей речи, сформулированного Л.В. Величковой, лежат два тезиса. Первый относится к факту акустической природы языка, из чего вытекает, что единицы порождения и восприятия речи, отличаясь между собой, имеют общую акустическую природу. Далее: воспринимая речь, мы прежде всего регистрируем комплекс признаков, характеризующих говорящего и его состояние, что говорит о первичности экспрессивной функции средств звучащей речи [21]. Эти положения, очевидно, приложимы к вокальной музыке. В нашем понимании перцепт материи музыкально-речевого жанра – это некий обобщенный образ певческого (вокально-музыкального) звучания голоса, существующий в языковом сознании большой группы людей, объединенных одним языком и одной культурой. Структура перцепта имеет зонный, динамический, эмоциональный и, вероятно, *нелинейный* характер.

Цель настоящей работы – представить данные психолингвистического эксперимента, свидетельствующие об интонационной направленности слуха при восприятии вокальной речи, проявляющейся в идентификации национально специфического тона родного языка и вербальной оценке его эмоциональных смыс-

лов. Интонационная направленность слуха (первоначально термин Б.В. Асафьева) понимается в современной психологии как закономерное действие механизмов сенсорики при восприятии музыкального сигнала, выраженное в неосознаваемом мышечно-моторном *соинтонировании* и целостной смысловой обработке ощущения психикой [18]. Логично полагать, что мышечная моторика реагирует на движение тона вокальной речи – целостного континуума звучания, соотносимого в сознании со звучанием родного (не родного) языка.

В качестве *материала* служили : 1) вокальные фразы (в акапельной форме) из традиционного русского и западноевропейского фольклора: «М. Балакирев. Русские народные песни»¹ («Сидит наша гостинька», «Винный наш колодезь», «Не спасибо те, игумену, тебе» и др., всего 13 фраз) и франко-немецкого происхождения из электронного песенного архива «Lieder von Volkslied»² («Ich stehe auf einem hohen Berg», «Der Winter ist vergangen» и др., 4 фразы), 2) вербальные оценочные реакции носителей русского языка гуманитарных (60 человек) и технических профессий (60 человек) на вокальные фразы (всего 6 480 оценок).

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют методы психолингвистического эксперимента, в которых производится анализ вербальных реакций испытуемых на возникшие слуховые ощущения от звучания и использование представлений и образов памяти из прежнего опыта (А.А. Леонтьев, Л.В. Выготский), понимание ведущей роли интонационных параметров и первичности восприятия эмоциональных смыслов (работы Е.Н. Винарской, Л.В. Величковой). Слуховая система, как известно, выполняет действия по первичному анализу звукового сигнала, а в речевой зоне Вернике происходит перевод перцептивных качеств в целый ряд смыслов, важнейшими из которых выступают эмоциональные и грамматические (коммуникативные). Предметом интонологического интереса, согласно постулатам А.А. Леонтьева, становится не «статистический коррелят» интонационной единицы в психике носителя языка, а «речевая операция» [12]. Применительно к рассматриваемой нами вокальной форме предметом исследования является *акт интерпретации* параметров вокальной фразы, результатом которого является *перцептивный образ*, несущий языковой смысл. Перцептивный образ, возникающий на основе слуховых ощущений и деятельности целого ряда сенсорных анализаторов, являясь *слуховым образом* по своей психофизиологической природе, формируется в процессе естественной когниции, понимаемой как механизм использования предзнаний, опыта, навыков, т.е., ментальных действий. Перцепт является обобщенным образом, неким абстрактным образцом возможных в данной музыкальной и языковой культуре звучаний тона голоса.

По мнению отечественного нейролингвиста Е.Н. Винарской, воспринимаются не объективные зна-

чения, а субъективные личностные смыслы, или производные основных (базовых) эмоций, представляя динамичную *зону* субъективного ощущения эмоции [22]. Первичность эмоций по отношению к грамматическим единицам и *нелинейные* свойства слуха позволяют допустить предположение, что структура перцепта не сводится к мелодической форме.

Музыкальность *речевого* слуха заложена в человеке от природы. Однако, с одной стороны, следует признать наличие «сенсорных доминант» (понятие А.В. Тороповой) в музыкально-языковом сознании различных социальных групп, имеющих не одинаковый по составу интонационный «словарь» или «фонд» (в теории интонации Б.В. Асафьева). С другой стороны, очевидно, что носитель языка (в норме) слышит все в интонации родной речи – и эмоциональные смыслы (радость, печаль, угроза и пр.), и грамматические признаки коммуникативных типов высказывания (утверждение, вопрос, побуждение, незаконченное высказывание), только анализ этот им не осознается. В условиях эксперимента становится возможным перевести восприятие интонации с бессознательного уровня на уровень сознания.

Анализ данных настоящего психолингвистического эксперимента проводился в следующей последовательности: 1) наблюдение над первоначальной реакцией испытуемого на звучащую речь (вокальную фразу без слов), выраженной в уверенном/неуверенном узнавании вокально-речевого жанра; 2) анализ ответов на определение испытуемым национально-языковой принадлежности вокальной фразы на основе слухового ощущения; 3) анализ воспринятой испытуемым эмоции в прозвучавшей вокальной фразе; 4) соотношение воспринятой эмоции с семантикой песенного мотива; 5) установление наборов перцептов у различных категорий носителей русского языка и представление тенденций в математических величинах.

Исследование и результаты

Материал эксперимента. Испытуемые. Применялась методика, разработанная и апробированная в целом ряде психолингвистических экспериментов по восприятию звучащей речи в Научно-методическом фонетическом центре Воронежского государственного университета [21, 23]. Звучащие фразы представляли собой вокальную форму (далее – ВФ) в виде мотива песни, реализованного женским голосом (альт) без артикуляции, закрытым ртом. Данная ВФ, в которой снято влияние лексических и грамматических единиц, сохраняет в сигнале значимые параметры вокально-речевой интонации. Отобранные для эксперимента народные песни (см. выше) не входят в репертуар знакомых и часто исполняемых песен, например, городского фольклора (как говорится, они не на слуху), их не содержат традиционные программы музыкальных учебных заведений, что виделось существенным условием для включения их в экспериментальный корпус.

В эксперименте приняли участие 120 человек в возрасте от 23 до 58 лет:

Таблица 1

**Инвентарь эмоциональных смыслов
ВФ «русская народная песня»**

Базовые	Вторичные	Базовые	Вторичные
радость ↑	веселье ↗ хвала ↗ похвальба ↗	гнев ↑ горе↑	укор ↘ страдание ↘ грусть ↘
эмоциональный модус «мажор»		эмоциональный модус «минор»	

Примечание: ↑ высокая субъективная ценность эмоции, ↗ восходящая и ↘ нисходящая субъективная ценность эмоции.

– информанты с гуманитарным образованием (всего 60 человек), из них 30 человек не имели музыкального образования и 30 человек с музыкальным образованием (группа ИГ и группа ИГ/м);

– информанты с техническим образованием (всего 60 человек), из них 30 человек без музыкального образования и 30 человек с музыкальным образованием (группа ИТ и группа ИТ/м). Участники эксперимента, обозначенные как испытуемые с музыкальным образованием, обучались в детстве в музыкальной школе, посещали музыкальную студию, пели в хоре, занимались с профессиональным педагогом вокалом или игрой на музыкальном инструменте, т.е. имели специальное отношение к музыке. В процессе занятий музыкой формируются навыки дискретного слышания мелодии, развивается пассивный музыкальный слух (присущий практически всем людям), складывается и расширяется «музыкальная библиотека». В настоящем эксперименте предстояло выяснить, в какой степени дополнительные музыкальные навыки проявляются при восприятии вокально-музыкальной речи.

Эксперимент состоял из двух этапов, каждый из которых включал два отдельных сеанса. На *этапе 1* испытуемому предлагалось прослушать вокальную фразу (аудиозапись) вначале без задания, а затем с просьбой отметить в протоколе свое ощущение, выбрав один из трех ответов: «Русская народная песня» (А), «Не русская песня» (В), «Затрудняюсь сказать» (С). Вокально-музыкальный материал этапа 2 составили десять песен, которые большинством испытуемых во всех группах были обозначены как «русская народная». Испытуемый получал задание обозначить эмоцию, воспринятую им в вокальной фразе. Была создана ментальная установка в виде набора лексических единиц, обозначающих базовые и производные от базовых эмоций (по Е.Н. Винарской). Перечень эмоций был уточнен и дополнен на основе данных отдельного слухового анализа вокального материала, произведенного двумя профессиональными музыкантами – педагогами отделения народного хорового пения (табл. 1). Согласно нейролингвистической концепции Е.Н. Винарской, эмоции представляют иерархию регуляторных механизмов мозга, которая складывается в результате физиологической динамики мотивационно-активационных состояний человека. Интенсивность мотивации связана со степенью выраженности эмоции и характеризуется нарастающей напряженностью, восходящей субъективной ценностью (↗мажорный модус) или убывающей напряженностью, нисходящей регрессивной субъективной ценностью (↘минорный модус). Исследования речевого онтогенеза и речевой патологии показали наличие трех базовых эмоций (↑радость, гнев/страх, горе), они универсальны и имеют высокую субъективную ценность. Остальные эмоции, получившие в языке многочисленные лексические обозначения, являются производными от базовых, или вторичными. Характерные для русской народной песни эмоциональные смыслы, такие как укор (в обрядовых свадебных), хвала (песни о ратных подвигах, солдатские), похвальба (в молодецких игровых) были отнесены нами к вторичным.

Ход эксперимента. Этап 1. Эксперимент носил индивидуальный характер. Задание испытуемому, не знакомому с целями эксперимента, формулировалось следующим образом: «Прослушайте запись. Что Вы услышали?» Если после первого предъявления фрагмента ответ не содержал указания на жанр и язык, а испытуемый отвечал, например, «женщина поет», экспериментатор спрашивал: «Что она поет?», затем предлагались возможные варианты, отмеченные в протоколе 1 (А, В, С – см. выше). Материал первого этапа включал 17 вокальных фраз, 13 русских и 4 франко-немецких мотивов в перемешанном порядке. Предлагалось не более двух прослушиваний. Части испытуемых требовались одно-два дополнительных предъявления. Между двумя мотивами делался перерыв (не менее 4–5 мин.), чтобы избежать эффекта удержания предшествующего сигнала. Второй сеанс проводился не ранее чем через 3 дня. Во втором сеансе заполнялся новый протокол. Целью первого этапа стало определение первой перцептивной реакции носителя русского языка на звучащую вокальную фразу. Мы предполагали, что испытуемые с музыкальным образованием и музыкальной практикой будут верно идентифицировать единицы русской народной песни и достаточно уверенно отличать их от нерусских, в отличие от других категорий испытуемых.

Этап 2. Второй этап эксперимента был направлен на выявление интерпретационной функции языкового сознания при восприятии эмоционального смысла в звучащей вокально-музыкальной фразе. Вокально-музыкальный материал составили десять мотивов, которые большинством испытуемых были восприняты как вокальные фразы «русских народных песен». Испытуемый получал задание определить, какой смысл выражен в звучащей фразе. Вопросы экспериментатора формулировались следующим образом: «О чем говорит/поет женщина? Как звучит эта фраза? Какое настроение во фразе?» Ответы пилотного эксперимента («она поет о себе», «фраза звучит светло», «настроение задумчивое» и пр.) убедили нас в необходимости создать установку в виде лексической опоры. После двух предъявлений испытуемый отмечал в протоколе ту эмоцию, какую он воспринял в вокальном фрагменте. Протокол включал базовые и вторичные эмоции (см. табл. 1) без дополнительных обозначений. Испытуемый мог указать другую эмоцию, если, по его мнению, в протоколе нет подходящей единицы. Данный этап также включал два сеанса.

Полученные данные. Выводы. По сумме двух сеансов на двух этапах эксперимента были получены 280 протоколов и проанализированы 6 480 реакций.

Как представлялось изначально, следовало ожидать проявление довольно ясной градации слуховой чувствительности в восприятии музыкально-речевого сигнала у выделенных категорий испытуемых. Очевидно, что инвентарь, или «фонд» перцептов вокальной музыки у различных социальных групп носителей одного языка не совпадает ни по количественному составу, ни по объему (музыкальных) перцептивных характеристик. Это объясняется целым рядом объективных и субъективных факторов: возрастом, индивидуальными качествами слуха, наличием певческого опыта, приобретенного в процессе обучения (в музыкальной школе, студии) или домашнего музицирования, а также эмоциональным и коммуникативным настроением в момент эксперимента, психологическим складом личности и другими факторами.

Анализ данных свидетельствует о наличии в перцептивной базе носителя языка *интонационных* эталонов, определяемых сознанием как музыкально-речевая фраза «своего», родного, или, наоборот, «чужого», неродного, языка. Уже при первом предъявлении вокальной фразы большинство респондентов отреагировали: «*русская народная песня*». Из 13 ВФ русскоязычного фольклора 10 фраз-мотивов были идентифицированы большинством испытуемых всех четырех групп как «*русские*»: доля случаев «слышания» русской интонации в мотиве составила от 52 до 98% по отдельным единицам. При этом половина мотивов (пять ВФ) несколько больше узнавалась группой гуманитариев и половина (пять других ВФ) группой испытуемых с техническими специальностями.

Согласно количественным данным, испытуемые, имеющие специальный музыкальный опыт, составили заметно более высокую долю идентификации родного языка в звучащей ВФ – на 15% выше, чем испытуемые без музыкального опыта. Существенной разницы в восприятии гуманитариев и людей с техническими профессиями не наблюдается. Мотивы ВФ иноязычного фольклора в целом были услышаны всеми группами испытуемых с долей оценки «*не русский*» от 50 до 88% по отдельным текстам. Оpozнание «не родного» звучания интонации в группе гуманитариев имело несколько большую частотность (70–85%), чем у испытуемых технических профессий (50–73%). У испытуемых с музыкальным опытом доля идентификации составила от 73 до 88%.

В целом выявляется общая тенденция к разделению слухом «родного» и «чужого» в музыкально движущемся сигнале (тон голоса), что доказывает наличие образца, единого *доминантного эталона* данного жанра речи и его вариантов, в языковом сознании, который и обуславливает возникновение перцепта. Понятие сенсорного образца, сенсорного эталона вокальной формы сродни термину перцептивной фонетики. Эталон суть абстрактная фонетическая (интонационная) единица, представленная в перцептивной базе комплексом дифференциальных и интегральных признаков [10]. Эталон вокальных форм следует отличать от хранящихся в памяти конкретных мелодий. Это скорее абстрактный образец возможных в данной музыкальной и языковой культуре звучаний тона голоса. «Сенсорные доминанты» музыкально-языкового сознания (термин концепции интонирующей психики

А.В. Тороповой) имеют культурно-типический и индивидуальный характер [18], их набор не одинаков у различных категорий носителей языка. На уровне перцепции предпочтительнее использовать термин *доминантный эталон*. Эталон в составе эталонов интонационных средств и единиц в перцептивной базе человека «отзывается» на сигнал вокальной фразы – эталон звучания русской фразы в вокальной форме. Вариантами интонационного эталона родного языка являются мелодические формы, тональные признаки минорных и мажорных эмоциональных смыслов, мужских и женских тембров, оперного и бытового стиля фonaции и, возможно, других. Описание формальных признаков (акустических, перцептивных, ладомелодических) воспринимаемых смыслов вокальной фразы – задача отдельного фонетического и психолингвистического исследования.

В эксперименте второго этапа перцептивное ощущение называлось испытуемым лексической единицей языка, обозначающей одну из эмоций. При отсутствии словесного текста музыкальная речь – это не что иное, как интонационно выраженная эмоция (согласно концепции Е.Н. Винарской). Логично предполагать, что эмоциональная составляющая выступает ведущей в структуре возникающего перцепта. При указании воспринятой эмоции некоторые испытуемые, выбрав одно из лексических обозначений, дополнительно указывали: «*светлая грусть*», «*беззаботность*», «*жалоба женщины*», «*игривость*» и др. Данные вербальные единицы не изменяют кардинально обозначение эмоционального характера звучания, являясь лексическими вариантами (синонимами) для называния ощущений, производных от базовых эмоций. Во втором сеансе в нескольких мотивах (от двух до пяти ВФ из десяти) слушатель выбирал другую лексическую единицу. При этом субъективная оценка в большинстве случаев не выходила за границу минорной/мажорной зоны, в которой была отмечена ранее эмоциональная реакция (сеанс 1); ощущение (в данный момент перцепции) получало направленность либо в сторону усиления степени напряженности (например, от «радости» к «похвальбе» или «веселью»), либо, наоборот, в сторону ослабления (от «горя» к «страданию» или «грусти»). По данным анализа названных эмоций выявилась определенная направленность в восприятии вокальной речи (табл. 2, 3). Картина тенденций сложилась по преимущественным показателям. В случае возможного разброса вербальных оценок по девяти эмоциям (табл. 1), возникающего под влиянием различных факторов, существенным представляется количество одинаковых реакций у 30% слушателей. Наиболее частотные оценки эмоционального смысла в шести из десяти мотивов (ВФ 07, ВФ 09, ВФ 10, ВФ 13, ВФ 15 и ВФ 16) составили от 57 до 72% ответов, с учетом двух самых частотных показателей, когда одна или две эмоции были отмечены от 69 до 86 раз в полученных 240 ответах по каждому отдельному мотиву.

Тенденция, выраженная в математических величинах, установлена в нашем эксперименте с участием 120 представителей языкового коллектива, восприятие которых демонстрирует общекультурный слой музыкально-языкового сознания.

Как видно из табл. 2 и 3, у испытуемых всех четырех групп возникали однонаправленные ощущения эмоционального характера, за исключением одного мотива (ВФ 01).

Таблица 2
Восприятие эмоции в ВФ мажорного модуса
по группам испытуемых

№ ВФ	Семантика ВФ	ИГ	ИГ/м	ИТ	ИТ/м
09	Игровая, трудовая, молодецкая	радость (1)	веселье (1) похвальба (2)	веселье	веселье
02, 04, 16	Игровая свадебная, вечерочная	радость (1) веселье (2)	радость (1) похвальба (2)	веселье (1) радость (2)	похвальба (1) радость (2)

Примечание. ВФ – вокальная форма, ИГ – испытуемые с гуманитарным образованием, ИГ/м – испытуемые с гуманитарным и музыкальным образованием, ИТ – испытуемые с техническим образованием, ИТ/м – испытуемые с техническим и музыкальным образованием. Эмоция (1) – преимущественный количественный показатель ($\Sigma = 72 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 72 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 30% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение; эмоция (2) – второй по частотности показатель ($\Sigma = 60 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 60 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 25% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение.

Таблица 3
Восприятие эмоции в ВФ минорного модуса
по группам испытуемых

№ ВФ	Семантика ВФ	ИГ	ИГ/м	ИТ	ИТ/м
07, 01	Женские страдания, свадебная	грусть (1) страдание (2)	грусть (1) страдание (2)	грусть (1) радость (2)	грусть (1) радость (2)
10	Хороводная лирическая	грусть	грусть (1) укор (2)	грусть	грусть
11	Хороводная игровая, корильная	гнев	укор (1) похвальба (2)	страдание	грусть
13, 15	Девичьи страдания	страдание	страдание (1) грусть (2)	грусть (1) страдание (2)	страдание (1) грусть (2)

Примечание. ВФ – вокальная форма, ИГ – испытуемые с гуманитарным образованием, ИГ/м – испытуемые с гуманитарным и музыкальным образованием, ИТ – испытуемые с техническим образованием, ИТ/м – испытуемые с техническим и музыкальным образованием. Эмоция (1) – преимущественный количественный показатель ($\Sigma = 72 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 72 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 30% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение; эмоция (2) – второй по частотности показатель ($\Sigma = 60 + 2^n$), где Σ – суммарное количество одинаковой оценки по отдельному мотиву (ВФ), 60 – минимальное количество однозначной оценки, составляющее 25% от 240 ответов, 2^n – количество однозначной оценки, превышающее минимальное значение.

Наблюдается определенное различие в восприятии вокальной речи. Испытуемые с музыкальным опытом в мажорных мотивах с семантикой игровых молодецких песен обозначали наряду с базовой эмоцией «ра-

дость» и эмоцию «похвальба», называя ее также «хвастовство», «бахвальство». В минорных игровых корильных песнях гуманитарии с музыкальным образованием значительно чаще других участников слышали «укор». Эти данные могут свидетельствовать, вероятно, о несколько более широком наборе интонационных образцов (и, как следствие, возникающих перцептов) в музыкально-языковом «словаре» людей, имеющих более близкое практическое отношение к музыке.

Однако в целом данные эксперимента свидетельствуют о едином интонационном восприятии двух различных социальных (профессиональных) групп. Несмотря на влияние целого ряда факторов, о которых было сказано выше, носители языка воспринимают вокальную музыку как речь, транслирующую знакомые эмоциональные смыслы. Само восприятие слушающего носит эмоциональный характер. Распознавание эмоции происходит в одной зоне, а количественные показатели совпадающих реакций значимы с точки зрения психолингвистики. Выбор вербального обозначения эмоционального смысла в одной зоне модальности свидетельствует о функционировании общих ментальных кодов, формирующих один из интонационных перцептов, хранящихся в языковом сознании. Такие эмоциональные смыслы, как «похвальба» и «укор», вероятно, социально обусловлены, их сенсорные эталоны содержат интонационный инвентарь («интонационный фонд») людей гуманитарных профессий и имеющих музыкальное образование, что подтверждает ранее полученные результаты в эксперименте с профессиональными музыкантами [23].

Заключение

Проведенные эксперименты доказывают, что восприятие звучания в комплексе акустических параметров тона имеет национально интонационную направленность, несмотря на субъективность эмоциональной оценки и размытость граней между ощущениями от звучания. Реализуемая голосом мелодия (без артикуляции) интонируется психикой (по выражению А.В. Тороповой) слушателя. Процесс восприятия обусловлен культурно-этническим характером психических механизмов и действиями музыкально-языкового сознания. Это ощущение движущегося тона голоса оценивается в отношении принадлежности к национальной культуре и языку, о чем свидетельствуют уже первые вербальные реакции испытуемых, например, такие как «Типично русская народная песня», «Моя бабушка любит такие песни», «Прям русская душа поет!», «А эта не русская что ли?», «Как будто не русская народная» и др. То есть с высокой долей уверенности опознается (вокально-речевой) жанр и интонация родного языка. На данном этапе исследования можно утверждать, что существенных различий в восприятии музыкального сигнала «русская народная песня» у людей разных профессиональных категорий нет.

Возникновение перцепта обусловлено эмоциональным характером мотива, связанным с жанровой семантикой песни.

Так, народные песни «женские страдания», «девичьи лирические» вызывают у слушателя эмоции минорного модуса «страдание», «укор», «грусть», «горе». Вокальные формы жанров «игровая свадебная молодецкая», «игровая вечорочная», «трудовая» определяются как эмоции «радость», «веселье», «похвальба». Музыкально-языковое сознание носителей языка с гуманитарным или техническим образованием отличается набором перцептивных доминант. Их несколько больше у гуманитариев в сравнении с людьми технических профессий, что позволяет говорить о социальной основе объема перцепта. У слушателей с музыкальным опытом доля доминант еще более расширена. Перцепт «похвальбы» возникает при восприятии мотивов с мажорной семантикой. В минорных вокальных формах у гуманитариев с музыкальным опытом активируется также интонационный перцепт «укора», помимо общих для всех носителей языка перцептивных

доминант «страдания», «грусти», «горя». Вербальная характеристика служит доказательством наличия перцепта, имеющего для носителей языка смысл «русская народная песня».

Перцепт «русская народная песня» имеет высокую аудиальную активность в языковом сознании носителей языка. В составе слухового образа (перцепта) являются следующие компоненты: интонация родного/неродного языка, вокально-речевой жанр и признаки, характеризующие эмоцию.

Подчеркнем, что сделанные обобщения основаны на данных от испытуемых, составляющих категорию «неотобранные популяции» (термин в психологии), что выступает одним из основных принципов психолингвистического эксперимента. В дальнейших исследованиях планируется выяснить, соотносится ли перцепт вокальной формы с коммуникативными типами предложения.

Примечания

¹ М. Балакирев. Русские народные песни. М. : Музгиз, 1957.

² Lieder von Volkslied // Alojado Lieder Archiv. URL: http://lieder-archiv.de/texte_von-volkslied-pid6571.html

Список источников

1. Ананьев Б.Г. Слуховые ощущения // Теория ощущений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 202–243.
2. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей // Избранные труды : в 2 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1985. С. 42–222.
3. Назайкинский Е.В. О психологии музыкального восприятия. М. : Музыка, 1972. 383 с.
4. Морозов В.П. Биофизические основы вокальной речи. М. : Наука, 1977. 232 с.
5. Алексеев Э.Е. Раннефольклорное интонирование. М. : Советский композитор, 1986. 240 с.
6. Ланглебен М. Вокальная мелодия в плену языка // Музыка и невсвучающее / под ред. Вяч.Вс. Иванова, Е.В. Петмякова, Т.В. Цивьян. М. : Наука, 2000. С. 91–116.
7. Торопова А.В. Феномен интонирования как знаковая функция // Развитие личности. 2012. № 1. С. 136–151.
8. Потапова Р.К., Потапов В.В. Синкретический дуализм музыки и речи как особый семиотический феномен бытия человека // Человек: Образ и сущность. 2018. № 3 (34). С. 52–71.
9. Морозов В.П. Язык эмоций и эмоциональный слух. М. : Ин-т психологии РАН, 2017. 560 с.
10. Джапаридзе З.Н. Перцептивная фонетика (основные вопросы). Тбилиси : Мецниереба, 1985. 118 с.
11. Величкова Л.В., Петроченко Е.В. «Вокальная форма» как музыкально-фонетический речевой жанр: аспекты изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 133–143.
12. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 2003. 287 с.
13. Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М. : Языки славянских культур, 2006. 496 с.
14. Хитина М.В. Использование перцептивно-слуховой информации для определения фонетических и обликовых характеристик диктора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 15 (754). С. 216–224.
15. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М. : Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. 370 с.
16. Чаплин В.Л. Физиологические основы формирования певческого голоса в аспекте регистровой приспособляемости. М. : ИнформБюро. 2009. 179 с.
17. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1, 2. М. : Ленинград; Музыка, 1971. 376 с.
18. Торопова А.В. Феномен интонирования в генезисе музыкально-языкового сознания // Развитие личности. 2015. № 3. С. 54–63.
19. Гарипова Н.М. О механизмах когнитивных процессов психики при восприятии музыки // Когнитивные исследования на современном этапе (КИСЭ – 2017) : материалы Всероссийской конференции. Казань : Изд-во Казанского федерального ун-та, 2017. С. 323–331.
20. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М. : Смысл, 1998. 685 с.
21. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Иванова В.Ю., Серикова О.Н. Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования / под общ. ред. Л.В. Величковой. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2010. 136 с.
22. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). 2-е изд. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2003. 172 с.
23. Петроченко Е.В. Восприятие мелодии народной песни как результат действий ментальных кодов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 93–101.

References

1. Anan'ev, B.G. (1961) Slukhovye oshchushcheniya [Auditory Sensations]. In: *Teoriya oshchushcheniy*. Leningrad: LSU. pp. 202–243.
2. Teplov, B.M. (1985) Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey [Psychology of Musical Abilities]. In: *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 42–222.
3. Nazaykinskiy, E.V. (1972) *O psikhologii muzykal'nogo vospriyatiya* [On the Psychology of Musical Perception]. Moscow: Muzyka.
4. Morozov, V.P. (1977) *Biofizicheskie osnovy vokal'noy rechi* [Biophysical Foundations of Vocal Speech]. Moscow: Nauka.
5. Alekseev, E.E. (1986) *Rannefol'klornoe intonirovanie* [Early Folklore Intonation]. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
6. Langleben, M. (2000) *Vokal'naya melodiya v plenu yazyka* [Vocal Melody in the Captivity of Language]. In: Ivanov, Vyach.Vs., Petmyakov, E.V. & Tsiv'yan, T.V. (eds) *Muzyka i nevsuchashchee* [Music and the silent]. Moscow: Nauka. pp. 91–116.
7. Toropova, A.V. (2012) *Fenomen intonirovaniya kak znakovaya funktsiya* [The Phenomenon of Intonation as a Sign Function]. *Razvitie lichnosti*. 1. pp. 136–151.

8. Potapova, R.K. & Potapov, V.V. (2018) Sinkreticheskiy dualizm muzyki i rechi kak osobyi semioticheskiy fenomen bytiya cheloveka [The Syncrgetic Dualism of Music and Speech as a Special Semiotic Phenomenon of Human Existence]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'*. 3 (34). pp. 52–71.
9. Morozov, V.P. (2017) *Yazyk emotsiy i emotsional'nyy slukh* [The Language of Emotions and Emotional Hearing]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
10. Dzhaparidze, Z.N. (1985) *Perceptual Phonetics (Basic Issues)* [Perceptual Phonetics (Basic Issues)]. Tbilisi: Metsniereba.
11. Velichkova, L.V. & Petrochenko, E.V. (2021) "Vokal'naya forma" kak muzykal'no-foneticheskiy rechevoy zhanr: aspekty izucheniya ["Vocal Form" as a Musical-Phonetic Speech Genre: Aspects of Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 20 (2). pp. 133–143.
12. Leont'ev, A.A. (2003) *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl.
13. Potapova, R.K. & Potapov, V.V. (2006) *Yazyk, rech', lichnost'* [Language, Speech, Personality]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
14. Khitina, M.V. (2016) Ispol'zovanie pertseptivno-slukhovooy informatsii dlya opredeleniya foneticheskikh i oblichevykh kharakteristik diktora [The Use of Perceptual-Auditory Information to Determine the Phonetic and Facial Characteristics of the Speaker]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 15 (754). pp. 216–224.
15. Zhinkin, N.I. (1958) *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of Speech]. Moscow: USSR Academy of Pedagogical Sciences.
16. Chaplin, V.L. (2009) *Fiziologicheskie osnovy formirovaniya pevcheskogo golosa v aspekte registrovoy prispoblyаемости* [Physiological Foundations of Singing Voice Formation in Terms of Register Adaptability]. Moscow: InformByuro.
17. Asaf'ev, B.V. (1971) *Muzykal'naya forma kak protsess* [Musical Form as Process]. Books 1, 2. Moscow: Leningrad; Muzyka.
18. Toropova, A.V. (2015) Fenomen intonirovaniya v genezise muzykal'no-yazykovogo soznaniya [The Phenomenon of Intonation in the Genesis of Musical-Linguistic Consciousness]. *Razvitie lichnosti*. 3. pp. 54–63.
19. Garipova, N.M. (2017) O mekhanizмах kognitivnykh protsessov psikhiki pri vospriyatii muzyki [On the Mechanisms of Cognitive Processes of the Psyche in Music Perception]. In: *Kognitivnye issledovaniya na sovremennoy etape (KISE – 2017)* [Cognitive Research at the Current Stage (KISE – 2017)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kazan: KFU. pp. 323–331.
20. Vekker, L.M. (1998) *Psikhika i real'nost': edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov* [Psyche and Reality: A Unified Theory of Mental Processes]. Moscow: Smysl.
21. Velichkova, L.V., Abakumova, O.V., Ivanova, V.Yu. & Serikova, O.N. (2010) *Ekspressivnye sredstva rechi: psikholingvisticheskie issledovaniya* [Expressive Means of Speech: Psycholinguistic Studies]. Voronezh: Izd-vo VSU.
22. Vinarskaya, E.N. (2003) *Vyrazitel'nye sredstva teksta (na materiale russkoy poezii)* [Expressive Means of the Text (Based on Russian Poetry)]. 2nd ed. Voronezh: VSU.
23. Petrochenko, E.V. (2023) Vospriyatie melodii narodnoy pesni kak rezul'tat deystviy mental'nykh kodov [Perception of Folk Song Melody as a Result of Mental Code Actions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 8 (876). pp. 93–101.

Информация об авторе:

Петроченко Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии, специалист Научно-методического фонетического центра Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: petrochenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Petrochenko, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: petrochenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.02.2025;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 08.02.2025;
approved after reviewing 05.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 881'42
doi: 10.17223/15617793/520/6

Прецедентные феномены как когнитивная база для метафор (на примере современного англоязычного дискурса беременных)

Ксения Александровна Чермошенцева¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
kchermoshenceva@hse.ru / k-chermoshentseva@mail.ru

Аннотация. Продemonстрирована эффективность применения прецедентных феноменов в качестве когнитивной базы для концептуальной метафоры в дискурсах о беременности для описания интероцептивных ощущений. Объектом исследования послужили метафорические переносы, содержащие отсылки к общеизвестным прецедентным феноменам в современной англоязычной культуре. В качестве материала исследования были использованы мемуарные нарративы женщин, отличительными чертами которых являются сильная эмоциональная окраска и, как следствие, обильное наличие метафорических образов.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный феномен, концептуальная метафора, прецедентная метафора, интероцептивный дискурс, пренатальный дискурс, дискурс о беременности

Для цитирования: Чермошенцева К.А. Прецедентные феномены как когнитивная база для метафор (на примере современного англоязычного дискурса беременных) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 57–68. doi: 10.17223/15617793/520/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/6

Precedent phenomena as a cognitive basis for metaphors (based on the example of contemporary English-language discourse of pregnant women)

Ksenia A. Chermoshentseva¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
kchermoshenceva@hse.ru / k-chermoshentseva@mail.ru

Abstract. Precedent as a linguistic phenomenon is complex: it can create a comprehensive image with minimal linguistic costs due to an extensive cognitive base. The mechanism involved in the use of precedent phenomena is similar to the process of metaphorization, since two cognitive spheres are involved, one of which serves as a resource base for describing the other. Thus, the aim of the study is to describe the features of the mechanism of transferring aspects from one domain to another in order to represent somatic experience, using modern pregnancy discourse as an example. To achieve this aim, the following objectives were formulated: to examine the nature of aspect transfer in the use of precedent phenomena, to demonstrate the effectiveness of using precedent as a tool for describing bodily experience, and to show the decisive influence of precedent on the final choice of linguistic means when describing the matrix of somatic gestation processes. Narrative memoirs from modern English-language pregnancy discourse were chosen as the material for the study, as they exhibit dense metaphorical saturation. This genre is characterized by a low level of social control and a high emotional background, which accounts for the metaphorically rich language of the narratives. When collecting the material, the method of continuous sampling was used; semantically and logically holistic contextual passages were selected as samples, the volume of which allowed for a deeper interpretation of precedent metaphors. In the process of interpretation, discourse analysis was used in combination with contextual analysis. The study examines the nature of precedence, which is based on the mechanism of transferring features from one cognitive sphere of knowledge to another – a mechanism identical to the process of metaphorization. Thus, we can argue for the existence of precedent metaphors. Furthermore, in analyzing pregnancy discourse, it was revealed that in addition to metaphorization, the mechanism of metonymization is also involved due to the close connection of the discourse with the physiological aspect of gestation; i.e., the precedent metaphor is metaphonymic in its essence. The analysis of empirical material demonstrates that speakers use various precedent phenomena as a basis for metaphorical images: films, books, myths, fairy tales, household items, and so on. The diversity of the precedent source base allows for a more accurate description of the interoceptive sensations of pregnancy using conceptually rich linguistic units.

Keywords: precedence, precedent phenomenon, conceptual metaphor, precedent metaphor, interoceptive discourse, allusion

For citation: Chermoshentseva, K.A. (2025) Precedent phenomena as a cognitive basis for metaphors (based on the example of contemporary English-language discourse of pregnant women). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 57–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/6

Введение

Процессы метафоризации и передачи соматических переживаний в рамках дискурсов телесности стали крайне обширным полем для исследований в когнитивной лингвистике XX и XXI вв. Произошло это благодаря ставшей уже хрестоматийной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live By» (1980), в которой была сформулирована Теория концептуальной метафоры. Авторы обосновали значимость метафоры и как познавательного концептуализирующего механизма, и одновременно как объекта исследования. Постулируется невозможность анализа метафоры в отрыве от лингвистического, социального и культурного контекстов при исследовании лингвистических манифестаций соматического опыта в разнообразных дискурсах [1]. Несмотря на бурный научный интерес к данной тематике, многие дискурсивные практики остаются на современном этапе мало изученными, например дискурс о беременности. Будучи подробно описанным с точки зрения медицины, социологии, психологии, антропологии, дискурс демонстрирует низкий уровень исследовательского интереса к системе метафорических образов периода гестации, созданных самими женщинами в мемуарных нарративах, что объясняет научную новизну и актуальность данного микроисследования.

Беременность – время всеохватывающих изменений в жизни женщины. Пренатальный период сопровождается комплексом трансформаций на физиологическом, психологическом и социально-культурном уровнях. За относительно короткий временной промежуток женщина переживает множественные метаморфозы организма и психики, заново переоценивает свой социальный статус [2. Р. 4–5]. Беременность считается «стимулирующим состоянием» (*enabling state*) [2. Р. 5], которое подталкивает к самопознанию, переосмыслению своей роли в обществе и поиску новых векторов развития личности [3].

Гестация как социокультурный феномен представляет собой сочетание различных аспектов человеческого бытия – опыта телесной трансформации, повышенной акцентуации психоэмоциональной сферы и комплекса общественных представлений. При одинаковой схеме протекания беременности, «интерцептивный дискурс» [4. С. 12], тем не менее, у каждой женщины уникален, что находит свое отражение в языке и тех метафтонимических прецедентных феноменах, которые используются для репрезентации опыта и профилирования его определенных значимых аспектов.

В качестве материала исследования была выбрана мемуарная проза, отражающая индивидуальный характер психосоматических и эмоциональных переживаний беременной женщины. Выбранным нами нарративным мемуарам также свойственна детальная языковая репрезентация соматики, поскольку в рамках подобных дискурсивных практик женщины испытывают меньшее давление социокультурных ограничений, и, следовательно, у них более четко сформирован аппарат описания интероцептивных ощущений [4. С. 34].

Красочное языковое выражение соматики беременного женского тела находит свой выход через метафору, а точнее через ее более узкую разновидность – прецедентные феномены, где прослеживаются не только метафорический перенос, а видна четкая метонимическая природа, укорененная в телесном опыте. Прецедентные феномены не случайно являются частым гостем в индивидуальных нарративах. Прецедентность представляет собой отсылку к историко-культурологическому опыту определенного языкового сообщества в сочетании с метонимической связью с телесным опытом. В связи с обращением к социокультурному наследию данный тип концептуальной метафоры представляет пространство для когнитивного простора как в создании образа автором, так и его интерпретации читателем.

В совокупности данные факторы открывают новые горизонты для лингвистических исследований дискурса беременных. Прецедентные феномены как разновидность концептуальной метафоры являются неотъемлемой частью современного англоязычного дискурса беременных, придавая ему уникальные черты.

Методические основы

В данном исследовании при изучении процесса конвертации соматики в языковую оболочку мы опираемся на принципы междисциплинарности [5] и используем данные из психологии, философии, социологии и культурологии, что позволяет говорить о работе как лингвокультурологической. В исследовании используются методы дискурсивного и контекстуального анализа с последующим лингвистическим и культурологическим комментарием. Все данные актуальны для англоязычного лингвокультурного пространства.

В процессе выборки эмпирического материала единицей анализа мы определили как логически целостные контекстуальные отрывки, где прецедентный феномен является центральным связующим дискурсивным элементом. Поскольку в рамках исследования прецедентная метафора анализировалась как двусторонняя ментальнолингвальная единица, то при определении границ учитывался когнитивный смысловой аспект, который определял границы метафорического переноса на уровне языковой репрезентации.

Задачи данного исследования: 1) продемонстрировать метафтонимическую природу прецедентных феноменов; 2) показать эффективность использования прецедентных феноменов для сознания «объемного» образа при передаче телесного опыта; 3) продемонстрировать влияние социокультурного обрамления на интероцепцию дискурсивных практик беременных. Перечисленные задачи были реализованы в теоретическом разделе, посвященном описанию метафтонимии как когнитивной базы для метафорического переноса, и в процессе анализа эмпирического материала, демонстрирующего актуальное речеупотребление прецедентных метафор в современном англоязычном дискурсе о беременности.

Метафтонимическая природа прецедентности и прецедентных метафор

Понятие прецедентности было сформулировано российскими учеными-лингвистами и получило широкое распространение в отечественном научном пространстве. «Первопроходцем» стал Ю.Н. Караулов, который ввел термин «прецедентный текст» в научную практику в своей работе «Русский язык и языковая личность» (1987). В монографии было выделено три признака прецедентности: эмоциональный отклик и когнитивная значимость; известность в определенном лингвокультурном сообществе; многократная воспроизводимость в различных дискурсах. Данные признаки были экстраполированы на все прецедентные феномены и их элементы – имена, названия произведений, авторы произведений, имена персонажей, цитаты, известные исторические прецеденты и пр. Также автор подчеркивает, что одной из особенностей прецедентности является семиотический способ донесения информации до реципиента, т.е. отсылка к оригинальному тексту производится намеком, который позволяет включить всю ситуацию или ее фрагмент в канву повествования, обеспечивая, таким образом, донесение культурно и эмоционально окрашенного пласта информации в сжатом виде [6. С. 255].

Идея нашла отклик в научной среде и в дальнейшем была развита российскими лингвистами и филологами. Помимо Ю.Н. Караулова среди исследователей можно перечислить следующих лингвистов, сделавших крупный вклад в изучение тематики: Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева В.Г. Костомаров, Г.Г. Слышкин, Л.И. Гришаева, Е.А. Нахимова, А.Е. Супрун и др.

В.В. Красных разделила прецедентные феномены на четыре типа: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация. Стоит отметить, что между вышеперечисленными явлениями не всегда можно провести четкую границу, они могут переходить друг в друга, контекст может включать в себя сразу несколько разновидностей прецедентного феномена [7. С. 72]. Д.Б. Гудков в своих системных исследованиях определил, что прецедентные феномены обладают разной степенью изменчивости, например, прецедентные высказывания практически всегда функционируют в исконном виде, другие феномены могут носить «динамический характер» и изменяются в зависимости от дискурсивной ситуации [8. С. 29–30]. Прецедентные феномены существуют в «когнитивном пространстве» (форма хранения культурной информации в сознании человека) и образуют иерархическую структуру с центральными и периферическими элементами, где знания из ядра известны большинству носителей культурного кода. Стоит отметить, что система концептов, существующая в когнитивном пространстве, изменчива: допускается существование индивидуальных инвариантов трактовки элементов системы знаний. Таким образом, можно говорить о существовании «индивидуальных когнитивных пространств», на которые «надстраивается» общее когнитивное пространство [8. С. 30–32],

что закладывает базу для лингвокреативного потенциала будущих метафорических образов.

Удобство и частота употребления прецедентных феноменов в качестве когнитивной базы для формирования метафорических образов объясняется несколькими присущими им свойствами: 1) «изменение плотности информационного потока»; 2) «имманентные свойства... в силу их общеизвестности в культуре»; 3) помощь в «перспективизации активируемых и со-активируемых сведений, их профилированию»; 4) «аксиологическая категоризация» – использование прямой и косвенной номинации; 5) разнообразие процессов, лежащих в основе, в том числе «концептуальная интеграция, концептуальная метафора, сравнение, аксиологическая категоризация, парольная функция» [9. С. 91].

Из вышеперечисленных свойств вытекают функции прецедентных феноменов в дискурсе. Выделяются семь таких функций: 1) функция оценки – эмоциональная эвалюация объекта или события; 2) моделирующая – формирование модели концептуализации; 3) прагматическая – воздействие на когнитивную картину реципиента; 4) эстетическая – форма восприятия отражения опыта аналогична восприятию метафоры; 5) парольная – обнаружение схожести культурологической базы автора и читателя; 6) людическая – введение элемента языковой игры при расшифровке прецедентного феномена; 7) эвфемистическая – смягчение эмоционального высказывания. Также важно подчеркнуть, что вышеперечисленные функции реализуются совокупно [10]. Из приведенной информации можно сделать вывод, что в большинстве случаев функционально применение в дискурсе прецедентных феноменов совпадает с концептуальной метафорой. В частности, метафора является инструментом концептуализации, объективизации и структуризации опыта, воздействия на оппонента, «упаковки» впечатлений в оригинальную языковую форму и др. [11. С. 242–243].

Как видно из природы и свойств прецедентных феноменов, процессы, лежащие в их основе, сходны с механизмом метафоризации, что дает нам основание рассматривать их как одну из разновидностей метафоры в рамках нашего микроисследования, как это делают и другие отечественные исследователи. Разнятся аспекты исследования. Существуют исследования, посвященные анализу общих закономерностей корреляции механизмов, лежащих в основе функционирования прецедентных феноменов и метафор, прецедентное имя маркируется как «свернутая метафора», позволяющая завернуть объемный социальный и культурный контекст в компактную языковую обертку [12]. В другом исследовании прецедентной метафоре придается статус интертекстуального элемента, испытывающего сильное влияние социального фактора [13]. Также рассматривается аксиологическая сторона метафоры и отмечается ее манипулятивный потенциал в медиадискурсе [14]. Примечательно, что в данных исследованиях случаи переноса признаков при использовании прецедентных феноменов обозначаются как «прецедентные метафоры» в силу схожести механизмов. В нашем исследовании мы сосредоточимся на

особенностях процесса переноса салиентных признаков в прецедентной метафоре в рамках дискурса.

Поскольку концептуальная метафора и прецедентные феномены используются для описания прежде всего физиологического опыта беременности в выбранном нами для изучения дискурсе, то в данном случае участвует еще один механизм – метонимизация. Таким образом, прецедентность не просто метафорична, а метафтонимична благодаря крепкой связи с социокультурным опытом и интероцептивными переживаниями.

Понятие метафтонимии было введено в научный оборот Л. Гуссенсом. Под ним понимается процесс взаимодействия и корреляции двух механизмов концептуализации телесного опыта при помощи метафорических и метонимических переносов [15]. Появление данного термина обусловлено «желанием обеспечить более системное, холистическое видение когнитивных механизмов, задействованных в процессе понимания и концептуализации мира» [16. С. 128]. На современном этапе существует множество работ, исследующих данный процесс, и ученые могут по-разному оценивать процентное взаимоотношение двух компонентов, например A. Barcelona, D. Geeraerts, G. Radden и др. Изучение метафтонимии расширяет классическую теорию концептуальной метафоры Дж. Лаккофа и М. Джонсона о переносе признаков из домена-источника в домен-цели.

Для дальнейшего понимания стоит описать несколько подробнее те механизмы, которые лежат в основе метафтонимических прецедентных переносов пренатальных дискурсивных практик. Метонимия ближе к телесному опыту, нежели метафора, поскольку метонимия – это отношение смежности в рамках одного домена, «... это нечто, что мы видим; мы не придумали ее...» [17. Р. 4]. Метафора же соединяет в единую когнитивную сущность аспекты из двух разных доменов. Таким образом, метонимия создает базис для дальнейшей концептуализации пережитого соматического и эмоционального опыта посредством метафорического переноса. Наличие метафтонимических процессов коррелирует с современной трактовкой происхождения языкового значения, согласно которой на его формирование на когнитивном и языковом уровнях влияют социальный, культурный и телесный контексты [18, 19].

Метафтонимическая природа прецедентности имеет тесную связь с социальным и культурным факторами. Среда навязывает выбор средств, т.е. культура и социум влияют на формирование «матрицы интероцептивных ощущений» [4. С. 34]. Многие метафорологи подчеркивают не только укорененность метафорических и метонимических переносов в телесном опыте, но и моделирующую функцию социолингвистических и культурных факторов [1, 20]. Особенности взаимосвязи культуры, телесного опыта, метафоры и метонимии были представлены Н.Ю. в виде следующего последовательности перехода соматики в абстрактные ментальные единицы: телесный опыт – метонимия – метафора – абстрактные понятия [21]. Схема подходит для описания и анализа процесса кон-

цептуализации психосоматического опыта и его языковых репрезентаций выделенных нами контекстуальных отрывков. Также схема дает представление о целом и неделимом процессе концептуализации интероцептивных ощущений, потому что «...без восприятия целого нам бы и в голову не пришло отмечать подобие или смежность его элементов...» [22. С. 41].

Насыщенность прецедентными метафорами с метафтонимической основой может быть свойственна многим типам дискурсов. Так, в современном англоязычном дискурсе о беременности наблюдается употребление большого количества метафорических образов для описания физиологических аспектов процесса, поскольку гестация приравнивается к медицинским состояниям со сложно прогнозируемым результатом, что вызывает иррациональный стиль мышления с преобладанием метафорических моделей [23].

Дискурсивное сообщество беременных является сформированным с точки зрения культурных и социальных представлений, с уже заданным набором представлений репрезентаций соматического и эмоционального опыта в период гестации. Таким образом, существующий доминантный дискурс предопределяет конечный вид языковых репрезентаций в нарративах [24. Р. 261].

Исследователи отмечают дуальную природу восприятия феномена беременности в современном англоязычном лингвокультурном сообществе. Явление трактуется не только как физиологический процесс, но и социальный, что нашло свое отражение в существовании терминологической пары «физиологическая беременность»/«социальная беременность» (physical pregnancy/social pregnancy) [25].

Стоит отметить, что для современного пренатального дискурса в англоязычном лингвокультурном сообществе характерен ряд отличительных черт, которые определяют ландшафт прецедентной метафорики. Первое, что стоит отметить, – доминирование практик описания физиологических аспектов гестации [26], причиной чего является «медиализация» (medicalization) дискурса, произошедшая поступательно вместе с развитием акушерского дела и методов пренатальной диагностики [27]. Вторая особенность дискурса находит свое отражение в высоком уровне социального контроля над действиями беременной женщины, что связано напрямую с расширившимися возможностями медицинской сферы [28]. Благодаря технологическому и научному прогрессу процесс беременности стал более прозрачным и контролируемым, а следовательно, увеличился и список рекомендаций и предписаний для беременных. Логичным видится появление таких концептов, как «осознанная беременность» (mindful pregnancy) и «wellness-стратегии» для будущих матерей, которые задают общие рамки поведения и требуют от женщин сильной эмоциональной вовлеченности и достаточно глубоких знаний о гестационном процессе [29, 30].

Из изложенного материала становится понятно, что беременность как объект описания и репрезентации в языке, несомненно, имеет сильный физиологический

базис. Соматические ощущения переводятся в объективную языковую реальность при помощи прецедентных феноменов, имеющих ярко выраженную метафизическую природу. В процессе важную роль играют социальные установки, регулирующие выбор соответствующих средств для вербализации телесного опыта.

Далее мы рассмотрим примеры эмпирического материала, демонстрирующего употребление прецедентных метафор для передачи соматических переживаний в различных контекстах и коммуникативных ситуациях.

Примеры применения прецедентных феноменов для профилирования соматического и эмоционального аспектов опыта в метафорике дискурса о беременности

Выбор прецедентного феномена в качестве сферы-источника зависит напрямую от тех аспектов гестационного опыта, которые подвергаются метафоризации. Эмоционально-соматический опыт беременности отличается разнообразием сопутствующих физиологических и психологических трансформаций. Для профилирования обилия аспектов гестационного опыта в языке подбираются подходящие согласно контексту явления, реалии, события и персоналии из общей культурной и когнитивной базы.

В качестве анализируемого материала нами были выбраны мемуарные нарративы, авторами которых являются женщины, пережившие опыт беременности и родов. В современном англоязычном сообществе жанр мемуарной прозы приобрел широкую популярность как среди известных личностей, так и среди обывателей. Данный пласт дискурсивных практик, реализуемых беременными и родившими женщинами, является мало изученным. Книги за счет своего формата подробно и красочно отображают широкий спектр соматических и эмоциональных переживаний. В большинстве случаев содержание нарративов покрывает период непосредственно от зачатия до первых месяцев после родов. За счет отсутствия жесткого социального контроля и наличия возможности выражать свои переживания в более свободной форме язык мемуаров насыщен метафорическими образами и репрезентациями.

Среди мемуарных нарративов о беременности и родах есть популярные и распространенные среди читателей книги, которые достаточно сильно повлияли на жанр и аудиторию. В большинстве случаев они принадлежат перу известных медийных личностей. В нашем исследовании представлены две такие книги. Первая, J. McCarthy. *Belly Laughs* (10th anniversary edition) (2005), написана известной в США актрисой и моделью Дженнифер Маккарти. Книга произвела неизгладимое впечатление на аудиторию за счет крайне откровенного описания физиологии беременного тела и ярких метафорических образов, что было достаточно смело на тот момент. Работу на начальных этапах отвергли несколько издательств прежде, чем она была опубликована, и можно утверждать, что она определила многие последующие дискурсивные практики жанра и

выйдя за рамки только лишь пренатального дискурса [31].

Вторая книга P.C. Emese «*To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond*» (2023) написана магистром в области здравоохранения, специалистом в перинатальной психиатрии и сертифицированной медсестрой. Благодаря достаточно всестороннему образованию в сфере ведения беременности и акушерства автор представляет общественности личную метафорическую трактовку своего опыта гестации. Обилие подробных описаний физиологических аспектов – общая черта обоих изданий, но цель воздействия и языковые воплощения отличаются. Очевидно, что первая книга писалась ради эпатирования аудитории, привлечения внимания, тогда как у вторая была создана ради просвещения аудитории с помощью красочных метафорических описаний и обилия нужной для беременной информации.

Обе книги достаточно популярны в своем жанре и «задают моду» на когнитивные и языковые паттерны метафоризации гестационного опыта. Несмотря на существенную разницу в восемнадцать лет между годами издания книг, присутствуют сходные способы физиологического и эмоционального опыта беременности: концепты в основе метафор (ПУТЕШЕСТВИЕ, ВОЙНА, СПОРТ и др.), развернутые метафорические сравнения, наличие большого количества окказиональных метафор, использование прецедентных метафор, естественных для англоязычного языкового сообщества.

В исследовании представлен материал из книг не столь известных авторов в англоязычном пространстве, но, несомненно, представляющий исследовательскую ценность. В них также обнаруживаются метафорические образы, свойственные дискурсу в целом. Авторы также достаточно подробно описывают физиологию гестации, и языковые метафорические репрезентации, являясь частью общепринятых дискурсивных практик, отличаются лингвокреативностью.

В рамках исследования пренатального дискурса мы отобрали 54 книги и собрали обширную базу примеров метафорических репрезентаций. Выделенные метафоры за счет частой воспроизводимости разными авторами формируют доминантный дискурс. Среди обилия образцов мы смогли выделить большую группу прецедентных метафор, используемых для описания физиологических ощущений. В данном исследовании мы представили наиболее демонстративные из них в качестве распространенной языковой практики в выбранном дискурсе.

В основе отобранного материала лежит использование концептуального потенциала прецедентности как для описания комплексных образов, так и дискретных аспектов беременности. За счет информационной плотности прецедентных феноменов в обоих случаях создается когнитивно и концептуально многослойная языковая репрезентация соматических переживаний, что позволяет при экономии языковых средств создать комплексную ментальную картину у читателя.

Известные произведения и книги всегда входят в общую культурную базу каждого развитого лингвокультурного сообщества и являются источником для множества отсылок. Так, для англоговорящих произведения Льюиса Керролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» входят в общую когнитивную базу англоязычного сообщества. Отсылки к прецедентным феноменам данных произведений используются в разнообразных дискурсах [32]. Не стал исключением дискурс беременных. Хрестоматийный образ кроличьей норы используется женщинами, испытывающими смущение, тревогу для обозначения сложных запутанных ситуаций, что демонстрируется в приведенных ниже трех примерах. В первом отрывке с помощью образа норы передаются физиологические ощущения от сильного потрясения через образ эха при падении после слов врача. В другом примере количество проблем во время гестации измеряется глубиной норы, что реализуется на языковой úrovне через предикат *fall down* и усиливающий ощущение глубины повтор слова *further*. В третьем случае нора модифицируется номинативной конструкцией с предложением *of* (*the rabbit hole of infertility options*) для уточнения эмоционального состояния женщины, которая поставлена перед выбором способа лечения бесплодия. Сомнение в эффективности предложенных методов выражено через сравнение с «кроличьей норой набора методов лечения бесплодия». Картину дополняет предикат *tumble*, подобранный из-за своего значения специально для ситуации. Женщина из-за своего эмоционального состояния не может остановить свой выбор на каком-то одном методе. Поэтому не падает в нору, а барахтается там. Ср.:

A few moments later, caught up in my own reverie, I could not make sense of what the doctor was trying to tell me; I could only register the fact that my baby might fall out of my uterus at any moment. My vision began to blur and both Chris and the doctor seemed far away, her voice echoing like she was down a rabbit hole (A. Weintraub. *Knocked Down: A High-Risk Memoir* (American Lives). P. 33).

"I know, Ed, obviously the girls' safety is our first priority," I glared at him. This was unbelievable. We were falling further and further down the rabbit hole with these bizarre high-risk occurrences (C. Duffy. *Twin to Twin: From High-Risk Pregnancy to Happy Family*. P. 72).

I launched Project Baby, tumbling down the rabbit hole of infertility options. Alternative treatments, Chinese herbs, western drugs, surgical procedures, IVF, sperm donors domestic and international, egg donors domestic and international—you name it, I encountered it (S. Kowalski. *Motherhood Reimagined: When Becoming a Mother Doesn't Go as Planned: A Memoir*).

Другим не менее известным прецедентным именем из романа «Алиса в Зазеркалье» является Шалтай-Болтай. Яйцо, как домен-источник описания формы живота, встречается в нарративах беременных. Соотнесение с известным персонажем придает сравнению большую «плотность» образа: важно не только подчеркнуть форму живота, но и указать на хрупкость тела, а если применить фантазию, то можно стать и наложницей в гареме Шалтая-Болтая. Ср.:

I've been pregnant for 30 weeks now. That's quite a long time, especially if I think of it as 210 days, or even 5,040 hours. As I glance at my Humpty-Dumpty shadow skimming the sidewalk, I realize I sometimes can't even remember who I was those 302,400 minutes ago (E. C. Parker. *To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond*. P. 210).

Dressing Like a Concubine in Humpty Dumpty's Harem (H. B. Armstrong. *It Sucked and Then I Cried: How I Had a Baby, a Breakdown, and a Much Needed Margarina*. P. 46).

Другим известным и резонансным произведением современной англоязычной литературы, тоже ставшим обширной ресурсной базой для отсылок, является роман американского писателя Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Основной сюжет и обстановка психиатрической больницы стали хрестоматийными, а персонажи – архетипическими. Одна из главных идей произведения используется в мемуарах женщинами для описания скуки, царящей в больничных палатах, которая может довести до сумасшествия. В любой больнице может работать такая же деспотичная медсестра, как Милдред Рэтчед. Использование прецедентных имен в нижеизложенных случаях при минимальных языковых усилиях предоставляется возможность читателю выстроить комплексный образ переживаний беременной. Ср.:

Right after I'd discovered I was pregnant, and I would get through this too. I wasn't about to let this experience drive me One Flew Over the Cuckoo's Nest. I refused to become a prisoner of my own mind. I would create a schedule—a daily routine—and perform my job (C. Duffy. *Twin to Twin: From High-Risk Pregnancy to Happy Family*. P. 130–131).

I felt myself approaching the state of One Flew Over the Cuckoo's Nest. I was well aware that mothers are usually a bit emotional and hormonal; they get a case of the "baby blues" after giving birth. This was different (C. Duffy. *Twin to Twin: From High-Risk Pregnancy to Happy Family*. P. 277).

Suddenly, so many red lights are flashing and sirens sounding that I half expect someone in charge to pick up the infamous red telephone and order a launch of the missiles. In flies Nurse Ratched. She yanks me by the arm, lays me on my side, covers my face with an oxygen mask, and straps on a blood pressure cuff (A.H. Hall. *The Mornings After: A Memoir of a Single, Pregnant Professional*).

Некоторые произведения имеют настолько сильное культурное влияние на лингвокультурное сообщество, что использование одного его названия в качестве метафониимического образа формирует объемную картину у читателя. Роман «Алая буква» Натаниэля Готорна в свое время вызвал огромный общественный отклик, поскольку был посвящен вопросам морали, непорочности, ханжества и отношению к изменам в пуританском обществе XVII в. Сюжет стоит вокруг главной героини, Эстер Прин, которая зачала ребенка в период отсутствия мужа дома. Она подвергается общественному ostracism и вынуждена в знак измены носить красную вышитую литеру «А» на одежде (от английского *adulteress* – изменщица). Женщина, автор

современного мемуара, переживает развод с мужем во время беременности, сравнивает себя с героиней романа и считает, что ее будут осуждать за беременность вне брака. Ср.:

My uterus is omnipresent, and I'm not the only one who sees it. Pregnancy is so public. I've come to think of it as my Scarlet Letter. Everyone knows I've had sex, and they all assume it was done under the tent of holy matrimony (A.L. Hall. The Mornings After: A Memoir of a Single, Pregnant Professional).

Некоторые популярные персонажи классических произведений становятся нарицательными и используются в качестве метафорических образов, обладающими яркими запоминающимися салиентными признаками, благодаря которым они и попадают в общую культурную базу. Образ Шерлока Холмса, известного сыщика из произведений Артура Конана Дойла, стал таким прецедентным именем. От женщины ожидается достаточно глубокое понимание процесса беременности, поэтому в некоторых случаях приходится прикладывать достаточные умственные усилия, чтобы найти требуемую информацию. Образ сыщика может уточняться посредством использования концептуального потенциала данного феномена, например, за счет использования метафорической лупы сыщика, что расширяется и дополняет прецедентную метафору. Ср.:

Become a pregnant Sherlock Holmes. Just think how adorable you'll look when you hold up that magnifying glass to your eye. And after you've posed at the photo booth, do your detective work—don't just go off hearsay. Once you've compiled a list of potential maternity care providers, check out their websites and call their offices to see if they (1) are accepting new patients and (2) take your insurance (P. C. Emese To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 32).

Now, Sherlock, let me take the pressure off a bit by reminding you that picking a maternity care provider doesn't mean you're committed for life (P.C. Emese To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 32).

Широко используемыми прецедентными домнами-источниками являются сказки и мифы. Можно использовать «целиком» всю сюжетную линию, а можно взять только отдельный салиентный признак, который, тем не менее, отсылает читателя к целостному сценарию для более глубокой интерпретации описываемой ситуации. Сравнение себя с принцессой на горошине хорошо подходит для описания проблем со сном в период гестации, получается очень образное описание психологических и физиологических мучений через сравнение с испытаниями принцессы, когда даже такая мелочь, как горошинка, может доставлять физический дискомфорт. Ср.:

Last night I tossed and turned, the same way I've always imagined the leading character in "The Princess and the Pea" would as she tries to sleep atop a pile of mattresses. No single sleeping position felt adequate or remotely comfortable, and I don't think I even had a pea wedged underneath me (P. C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 177).

В некоторых случаях достаточно употребить лишь один метафтонимический аспект сказочного сюжета, что дает возможность описать отдельный элемент соматического опыта. Так, для обозначения маленького размера плода идеально подошло сравнение с Дюймовочкой. Данная отсылка позволяет женщине и представить размер плода, и олицетворить будущего ребенка. Ср.:

What about now that she's lemon-sized? She's quite a bit bigger than Thumbelina—which is a relief, considering I'd like to hug her one day and not just put her in my pocket or carry her along in my palm (P. C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 138).

This is exactly what's supposed to happen. Babies grow and so bellies bloom. Wasn't I the one who said I'd prefer a life-size baby to a pocket-size Thumbelina? Well, this is part of it (Emese P. C. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 138).

Некоторые сказки дают плодотворную салиентную почву для метонимических и метафорических переносов при описании физиологических процессов в нарративах беременных. Дискомфорт в спине на седьмом месяце беременности порождает образ лепрекона из ирландского фольклора, преследующего женщину с кинжалом в руках и спотыкающегося в своих туфлях на высоком каблуке. Своеобразным продолжением «сказки» является другой образ. Лепрекона можно обмануть и избежать болевых ощущений. Чтобы получить свою награду в виде горшочка золота на конце радуги, нужно лишь поддерживать хорошую физическую форму и делать комплексы упражнений, разработанных для беременных. Ср.:

The trouble at this stage of pregnancy was that we were unprepared for how difficult it was being completely exhausted at seven months pregnant in the dead of a Florida summer (with gestational diabetes and lower-back pain that felt like a leprechaun was following me around with little daggers in his hands, continuously tripping on his own hooked shoes and shouting, "Oops! Oh, sorry again, m'lady!"). In addition to this, other people didn't understand how I was feeling (E. Salem. Finding Inner Peas: My Sometimes-Hilarious Story of Infertility, High-Risk Pregnancy, and Finding out That I Control Absolutely Nothing).

In addition to these awesome perks for you, studies have shows that when pregnant mothers exercise, it also benefits their babies in amazing ways. ... Basically, it's like finding a pot of gold at the end of a rainbow (well, almost) (P.C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 71).

Греческие мифы тоже относятся к прецедентным феноменам с многослойной структурой и узнаваемыми салиентными аспектами, позволяющими красочно живописать соматический опыт. Герои мифов и их подвиги являют собой прекрасные примеры метафтонимического описания физических и физиологических трудностей и испытаний периода гестации. Выносливость беременной женщины и молодой матери может ассоциироваться с силой Атланта, способного держать на своих плечах земной шар. Упоминание нескольких мифологических персоналий в одном контекстуальном отрывке придает «метафорическую плотность» нарративу и будит в воображении читателя целые мифологические сценарии. Беременная женщина

часто может испытывать как приливы сил и быть амазонкой, так и сильную усталость, что уподобляет даже обычные бытовые дела геркулесовым подвигам. Ср.:

*I am huge. Just f***** ginormous. Whose body is this, anyway? How big can I actually get? Most days I feel like a sensual Amazon of fertility, but sometimes I am just not up to lugging it all around. Part of it is that my counts are still so low. The anemia is making normal activities downright Herculean. This morning it was all I could do to wash a load of clothes, scramble some eggs, and answer a few e-mails. Then I had to take a nap.* (W. Rebecca. Baby Love. P. 119).

Much to my surprise, however, she came. On time, even. This woman was way tougher than I thought. How do people like her do this? Motherhood has apparently blessed her with the complimentary backbone stronger than Atlas (P. C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 93).

В собранном нами эмпирическом материале есть интересные примеры смешанного употребления прецедентных метафор, что позволяет описать разнообразные, порой противоречащие друг другу, аспекты гестационного опыта. Некоторые образы «наслаиваются» один на другой и органично дополняют друг друга, эффективно профилируя опыт через метафоры и создавая тем самым яркую картинку в воображении читателя. В следующем случае можно обнаружить сразу три отсылки к разным источниковым сферам англоязычной культуры: кинофильму «Звездные войны: возвращение джедая», сказочной повести Джеймса Барри «Питер Пэн» и народной сказке «Джек и бобовый стебель». Упоминаемые герои (народ Эвоки, фея Динь-Динь и паренек Джек) позволяют с большой точностью описать недостаток физических сил и быструю утомляемость во время беременности, дискомфорт от маленького роста, который препятствует выполнению многих задач, и желание иметь такие же сказочные способности и возможности, как и у перечисленных персонажей. Ср.:

Don't get me wrong, the hike through the damp paths was beautiful. The trees towered above us like nature's own skyscrapers, and every time we ducked into or under them, I felt like a child, an Ewok, or an aspiring fairy tale character. If only I could have sprouted wings like Tinker Bell. Flight just seems so effortless compared to trudging along on the ground. If I had the energy, I would have climbed up, higher and higher, like Jack scaling his beanstalk. I would slowly escape everything around—until I found a jolly green giant waiting for me, or better yet, God. (P. C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond. P. 138).

Другим плодотворным источником для создания ярких прецедентных образов является кинематографическая продукция англоязычного сообщества. Выразительным примером применения различных прецедентных феноменов является сопоставление образов главных персонажей кинофильма «Чужой» Эллен Рипли и пришельца с русской матрешкой. На ранних этапах беременности женщина только начинает осознавать происходящие с ней перемены, и материнско-фетальная привязанность проходит начальный этап формирова-

ния, т.е. пока не проявляется выражено в психике. Поэтому часто можно встретить отсылки к образу чужеродного организма, захватившего тело будущей матери. Ближе к родам связь крепнет, и происходит постепенное осознание себя и ребенка как единого целого – матрешки, которая разбивается на половинки во время родов, чтобы дать существование двум независимым личностям. Ср.:

I feel like Sigourney Weaver in Alien. I can't help poking the foot or the fist a little when it shoots out. I'm starting to love this. I find myself staring for hours at my stomach (H. McNish. Nobody Told Me. P. 49).

Now that work is finished for a while and I get to sit by myself and actually take this in – take you in – I realise I already have a baby living beneath my flesh who I will meet soon. A stranger inside my body. I am not Sigourney Weaver in Alien, I am a real-life Russian doll (H. McNish. Nobody Told Me. P. 59).

The Russian doll is split. We came as one. We are now two separate humans and I still don't know her name. But she is happy lying on me, which is good. Maybe I'll wait till she can talk, then I'll ask her what her name is. I feel a bit weird choosing someone else's name for her (H. McNish. Nobody Told Me. P. 75).

Современные культурные и социальные реалии могут также служить плодотворной почвой для создания развернутых и объемных образов в нарративах беременных. Например, канадская компания Cirque du Soleil, известная красочными театрализованными цирковыми представлениями, стала сферой-источником для описания движений ребенка в теле беременной. Ребенок представляется цирковым артистом, акробатом, а тело матери – ареной для выступления. Само сравнение растягивается на несколько абзацев и представляет собой прекрасный образец развернутой прецедентной метафоры с большим разнообразием детальных салиентных признаков, расширяющих концептуальную основу образа. В данном случае наблюдается крайне неконвенциональная реализация контейнерной метафоры: тело женщины ассоциируется с цирковой ареной, ее лоно – с батутом, на котором выступает ребенок, мешая своими активными движениями спать будущей матери. Ребенок и пинается, что ассоциируется с выполняем артистом сальто. Из-за отсутствия возможности уйти с представления, женщина становится зрителем, захваченным в плен и вынужденным досматривать представление до конца. Ср.:

The troupe surely hosted a night to remember, to say the least—one almost as memorable as the night before. If I could shrink the enthralling Cirque du Soleil experience down into a one-square-foot aquatic tank, I'd end up with whatever my baby was doing then. She kicked, somersaulted, and moved so much inside of me that I really could, in no way, think about sleeping.

I became her stage.

I was a captive audience in my own body. She was giving me the ride of my life, my womb her red trampoline, causing mighty earthquakes from inside out. But she must have misunderstood; I would have been perfectly satisfied attending only one Cirque du Soleil performance.

All I wanted was a good night's sleep, not a circus act. (E.C. Parker. *To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond*. P. 235).

Как мы убедились, из всех вышеприведенных примеров, прецедентные феномены, в качестве отдельного вида метафтонимического переноса, за счет своей «плотной» информационной структуры способны создавать многослойные сюжетные образы.

Среди выделенного нами материала наблюдается и множественное количество случаев использования прецедентных феноменов для профилирования одичных салиентных признаков. Такая тактика способствует более точному описанию выделенного явления и привлечению внимания читателя к задуманному образу. Выделение дискретных элементов опыта посредством акцентирования какого-то одного аспекта прецедентного феномена позволяет придать образу лаконичность. Особо выделяются среди всего многообразия физиологических ощущений те, что связаны с неизбежным набором веса. Источниками могут служить различные сферы: кинофильмы, книги, религия, бытовые, культурные и исторические реалии. В качестве сферы-цели описания зачастую служат физиологические изменения, связанный с ними дискомфорт и необходимость адаптации.

Обычный для любой беременности набор веса может вызывать определенные трудности с перемещением в пространстве. В следующем примере изменение веса и габаритов тела сравнивается с дирижаблем известной фирмы Goodyear, производящей шины. В данном случае внимание акцентируется на увеличении в размере за расширения тела изнутри. Ср.:

This is a good time to get all your stuff done before you turn into the Goodyear blimp, like registering and decorating your nursery, because when that last trimester begins, guess what comes back? You got it ... the sandman, and he brings a shitload of sand! (J. McCarthy. *Belly Laughs* (10th anniversary edition). P. 124).

В другом случае, для большего колорита был выбран образ актрисы Рене Зеллвегер и сыгранной ею героини кинофильма «Дневник Бриджит Джонс», как в нижеприведенном примере. Актриса ради роли в фильме пошла на достаточно сложный шаг для современной западной женщины и набрала вес, чтобы соответствовать образу. Ср.:

Lately, every second lasts forever, and I'm so ready for it to be over. Just as exasperation is really starting to take its toll, however, I'm gaining weight like I'm Renée Zellweger preparing to play Bridget Jones. I add about three pounds every week (A.L. Hall. *The Mornings After: A Memoir of a Single, Pregnant Professional*).

Сопровождающая набор веса отечность непривычна и вызывает к жизни интересный образ маскота фирмы «Мишлен» уже с другой целью, для описания образа «надутого» человека, которого носит по океану благодаря воздуху внутри. Увеличение объема тела увеличивает схожесть с маскотом, а также маркирует приближение родов. Ср.:

You may feel as though you're carrying around the Pacific Ocean, but take comfort in the knowledge that the more you resemble the Michelin Tire man the closer you

are to bringing your baby into the world (J. McCarthy. *Belly Laughs* (10th anniversary edition). P. 104).

У многих женщин возникают трудности с адаптацией к новому размеру тела, поэтому сравнения могут быть вызваны бытовыми объектами, что позволяет объективизировать и категоризировать свой опыт в более привычных и понятных понятиях. Например, известная марка внедорожников «Хаммер», известная своими большими размерами, дает точное описание ощущения собственного тела женщиной на последних сроках беременности. Ср.:

I kept hearing that the second trimester was the best trimester because, hey look! No more morning sickness! Also, you're not yet as big as a Hummer! (H.B. Armstrong. *It Sucked and Then I Cried: How I Had a Baby, a Breakdown, and a Much Needed Margarita*. P. 35).

С набором веса связана и другая физиологическая особенность – тело может быстро перегреваться или меняется температура комфортности для женщины. Здесь уместны сравнения с миниатюрной печкой «Easy Bake», которые используются в быту для приготовления небольшого объема пищи. Метафтонимический образ расширяется за счет использования внутреннего доменного потенциала – упоминания приборов и инструментов, располагающихся на мини-печке: термостата и таймера. Использованные аспекты метафоры передают степень дискомфорта от измененного теплообмена во время беременности. В данном случае оригинальная контейнерная метафора, репрезентуемая в языке через образ бытового прибора, комплексно передает различные аспекты физиологии: тело как мини-печка; степень перегрева через зашкаливающий термостат; темпоральный аспект температурного воздействия передан посредством сломанного таймера. Ср.:

The bigger the baby got inside me, the more my thermostat overheated. I kept referring to my body as the Easy Bake oven, but my timer wasn't going to go off for another six weeks. The closer I got to my delivery date, the more miserable I got (J. McCarthy. *Belly Laughs* (10th anniversary edition). P. 84).

В связи с изменением веса, естественно, меняется и походка. Например, движения таза описываются как покачивания желе фирмы Jell-o. Ср.:

Seeing any of these would make me feel better now that I've carted my suitcase up a flight of stairs and found my pelvis popping and shifting around like Jell-o (E.C. Parker. *To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond*. P. 162).

При дальнейшем развитии беременности ребенок тоже растет и его движения становятся все более заметными. Необычные физиологические ощущения заслуживают не стандартных сравнений с порханием крыльев бабочки, а со вскрытой бутылкой газировки производства Martinelli. Ср.:

Thinking of names and the size of my little one has nudged me in the right direction, but it was not until today that the first bit of affection for my resident bubbled up within me like freshly uncorked Martinelli's—a surge like the cold fizz that cascades down the side of the bottle and the mist that sprays your cheeks—startling and strangely refreshing (E.C. Parker. *To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond*. P. 76).

Активные и сильные движения ребенка можно сравнить с персонажем комиксов Невероятным Халком, который отличается огромной физической силой:

The next day I stood up from the couch and felt a pain in my lower abdomen so incredible that I was pretty sure either my appendix had ruptured or my baby was The Incredible Hulk. I didn't want to alarm Phillip, who was still sitting on the couch, so I did the "Ooo!" noise and tried to hide my winces by looking out the window (E. Salem. Finding Inner Peas: My Sometimes-Hilarious Story of Infertility).

Из приведенного эмпирического материала видно, что прецедентные феномены обладают схожим с концептуальной метафорой механизмом сравнения и описания соматического опыта посредством переноса салиентных признаков из сферы источника в сферу цели. Прецедентные феномены обладают тесной и глубокой связью с телесным опытом, что отражает метафизическую природу явления. Перечисленные факторы позволяют выделить прецедентные феномены в качестве особой разновидности концептуальной метафоры, которая позволяет при минимальных языковых затратах создать комплексное и многослойное сравнение.

Заключение

Данное микроисследование показывает, что прецедентные феномены служат хорошим когнитивным подспорьем для образования метафорических образов для более точной и описательной передачи интероцептивного опыта в дискурсах о беременности. Также мы показали, что в пренатальных нарративах, глубоко укорененных в телесности, прецедентные метафоры обладают метафизической природой. Общая для носителей англоязычного лингвокультурного сообщества когнитивная база в данном случае выступает как

фильтр или призма, проходя через которые, непосредственные лингвистические репрезентации обретают свое конечное и неповторимое воплощение в частных нарративах.

Результаты анализа эмпирического материала демонстрируют, что современные англоязычные женщины часто обращаются к прецедентным феноменам в качестве концептуальной базы для образования необычных и запоминающихся языковых репрезентаций соматического опыта гестации. Мемуарные нарративы позволяют авторам развернуть описание события на протяжении продолжительного времени и выстроить систему образов и средств их лингвистических манифестации. В результате получаются сложные, многоаспектные ментальнолингвальные метафорические картины.

В фокус метафоризации попадают физиологические процессы, телесные изменения и неразрывно связанные с ними эмоциональные переживания. Прецедентные метафоры могут носить комплексный характер и манифестировать посредством одного прецедентного феномена целый набор признаков одного явления, для чего на языковом уровне используется широкое разнообразие средств. Также были выявлены случаи, когда прецедентная метафора была использована для профилирования единичного аспекта соматического опыта с целью привлечения внимания читателя в одной специфической черте, которая произвела сильное впечатление на автора.

Дискурс о беременности и родах содержит в себе исследовательский потенциал, заслуживающий внимания ученых. Использование прецедентности как когнитивного источника метафорических образов – одно из средств перевода в объективную языковую реальность ощущений внутреннего мира человека. В данной статье мы продемонстрировали особенности его применения на примере пренатального дискурса в современном англоязычном лингвокультурном сообществе.

Список источников

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1980. 256 p.
2. Gross H., Pattison H. Sanctioning pregnancy: A psychological perspective on the paradoxes and culture of research. London : Routledge, 2007. 192 p.
3. Wiles R. 'I'm not fat, I'm pregnant': The impact of Pregnancy on Fat Women's Body Image // S. Wilkinson and C. Kitzinger (eds). Women and Health: Feminist Perspectives. London : Taylor & Francis, 1995. 16 p.
4. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: вербалика внутрителесных ощущений. М. : ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
5. Salter L., Hearn A. Outside the lines: Issues in interdisciplinary research. Quebec : McGill-Queen's University Press, 1996. 220 p.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Галлея-Принт, 2015. 264 с.
7. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 82–93.
8. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М. : Едиториал УРСС, 2020. 152 с.
9. Гришаева Л.И. Когда прецедентные феномены предпочтительнее первичных номинативных средств? // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 91–100.
10. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : УрГПУ, 2007. 207 с.
11. Нагорная А.В., Смирнова А.Г., Цыгунова М.М., Чермошнцева К.А. Метафорика субъективного опыта в современной англоязычной культуре / отв. ред. А.В. Нагорная. М. : ЛЕНАНД, 2023. 248 с.
12. Попадинец Р.В. Прецедентное имя как свернутая метафора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 94–99.
13. Епифанцева Н.Г., Ахренов А.В., Молчанова М.А. Прецедентная метафора "batalla" в текстах испаноязычной прессы: особенности перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 27–38.
14. Заботкина В.И., Коннова М.Н. Прецедентные метафоры как инструмент языковой манипуляции в англо-американском медиадискурсе: аксиологический аспект // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 367–382.
15. Goossens L. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (3). P. 323–340.
16. Нагорная А.В. Метафизичность в сфере концептуализации эмоций в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29), ч. II. С. 128–134.
17. Berger H. Figures of a changing world: Metaphor and the emergence of modern culture. New York : Fordham University Press, 2015. 160 p.
18. Gibbs R.W. Embodiment and Cognitive Science. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 338 p.

19. Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. Chicago : University of Chicago Press, 2007. 328 p.
20. Kövecses Z. Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge University Press, 2005. 314 p.
21. Yu N. The Relationship Between Metaphor, Body and Culture // Body, Language, and Mind / ed. by R.M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, E. Bernardez. Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2008. Vol. 2: Sociocultural Situatedness. P. 387–407.
22. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М. : Ювента; Наука, 1999. 608 с.
23. Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С. Обыденные представления как фактор, опосредующий поведение в ситуации болезни // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 243–245.
24. Freed A.F. Communities of practice and pregnant women: Is there a connection? // Language in Society. 1999. № 28 (2). P. 257–271.
25. Neiterman E. Doing Pregnancy: Pregnant Embodiment as Performance // Women's Studies International Forum. 2012. № 35. P. 372–383.
26. Houvouras S.K. Negotiated boundaries: conceptual locations of pregnancy and childbirth, The Qualitative Report. 2006. Vol. 11, Is. 4. P. 665–686.
27. Davis-Floyd R.E. The technocratic body: American childbirth as cultural expression // Social Science & Medicine. 1994. № 38 (8). P. 1125–1140.
28. Brooks-Gardner C. Pregnant Women as Social Problem // Social Problems: Constructionist Readings. New York : Aldine De Gruyter, 2003. P. 188–195.
29. Smith H. Your Body Is Magic: Wellness Strategies for a Healthy Pregnancy and Birth. HLZZ Books, LLC, 2022. 469 p.
30. Beach S.R. Your Mindful Pregnancy: Meditations and practices for a stress-free, happy, and healthy pregnancy Paperback. CICO Books, 2021. 128 p.
31. Tropp L. A Womb with a View; America's Growing Public Interest in Pregnancy. Preager, 2013. 208 p.
32. Webber E., Feinsilber M. Merriam-Webster's dictionary of allusions. Merriam-Webster, 1999. 592 p.

References

1. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago; London: University of Chicago Press.
2. Gross, H. & Pattison, H. (2007) *Sanctioning pregnancy: A psychological perspective on the paradoxes and culture of research*. London: Routledge.
3. Wiles, R. (1995) 'I'm not fat, I'm pregnant': The impact of Pregnancy on Fat Women's Body Image. In: Wilkinson, S. & Kitzinger, C. (eds) *Women and Health: Feminist Perspectives*. London: Taylor & Francis.
4. Nagornaya, A.V. (2014) *Diskurs nevyrazimogo: verbalika vnutritel'snykh oshchushcheniy* [Discourse of the Inexpressible: Verbalization of Interoceptive Sensations]. Moscow: LENAND.
5. Salter, L. & Hearn, A. (1996) *Outside the lines: Issues in interdisciplinary research*. Quebec: McGill-Queen's University Press.
6. Karaulov, Yu.N. (2015) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Galleya-Print.
7. Krasnykh, V.V. et al. (1997) Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i kommunikatsii [Cognitive Base and Precedent Phenomena in the System of Other Units and Communication]. *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*. 3. pp. 82–93.
8. Gudkov, D.B. (2020) *Pretsedentnye imena i problemy pretsedentnosti* [Precedent Names and Problems of Precedent]. Moscow: Editorial URSS.
9. Grishaeva, L.I. (2021) Kogda pretsedentnye fenomeny predpochitel'nee pervichnykh nominativnykh sredstv? [When Are Precedent Phenomena Preferable to Primary Nominative Means?]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 4 (47). pp. 91–100.
10. Nakhimova, E.A. (2007) *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent Names in Mass Communication]. Yekaterinburg: UrSPU.
11. Nagornaya, A.V. et al. (2023) *Metaforika sub"ektivnogo opyta v sovremennoy angloyazychnoy kul'ture* [Metaphorics of Subjective Experience in Modern English-Language Culture]. Moscow: LENAND.
12. Popadinets, R.V. (2017) Pretsedentnoe imya kak svernutaya metafora [Precedent Name as a Condensed Metaphor]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 7 (4). pp. 94–99.
13. Epifantseva, N.G., Akhrenov, A.V. & Molchanova, M.A. (2023) Pretsedentnaya metafora "batalla" v tekstakh ispanyazychnoy pressy: osobennosti perevoda [The Precedent Metaphor "batalla" in Spanish-Language Press Texts: Features of Translation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 3. pp. 27–38.
14. Zabotkina, V.I. & Konnova, M.N. (2022) Pretsedentnye metafory kak instrument yazykovoy manipulyatsii v anglo-amerikanskom mediadiskurse: aksiologicheskiy aspekt [Precedent Metaphors as a Tool of Language Manipulation in Anglo-American Media Discourse: Axiological Aspect]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 3 (62). pp. 367–382.
15. Goossens, L. (1990) Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. *Cognitive Linguistics*. 1 (3). pp. 323–340.
16. Nagornaya, A.V. (2013) Metaftonimiya v sfere kontseptualizatsii emotsiy v sovremennoy angliyskom yazyke [Metaphonymy in the Conceptualization of Emotions in Modern English]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11 (29), Pt. II. pp. 128–134.
17. Berger, H. (2015) *Figures of a changing world: Metaphor and the emergence of modern culture*. New York: Fordham University Press.
18. Gibbs, R.W. (2006) *Embodiment and Cognitive Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Johnson, M. (2007) *The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding*. Chicago: University of Chicago Press.
20. Kövecses, Z. (2005) *Metaphor in culture: Universality and variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Yu, N. (2008) The Relationship Between Metaphor, Body and Culture. In: Frank, R.M., Dirven, R., Ziemke, T. & Bernardez, E. (eds) *Body, Language, and Mind*. Vol. 2: Sociocultural Situatedness. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. pp. 387–407.
22. Merlo-Ponti, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Moscow: Yuventa; Nauka.
23. Tkhostov, A.Sh. & Nelyubina, A.S. (2008) Obydennye predstavleniya kak faktor, oposreduyushchiy povedenie v situatsii bolezni [Everyday Ideas as a Factor Mediating Behavior in Illness Situations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta -- Tomsk State University Journal*. 317. pp. 243–245.
24. Freed, A.F. (1999) Communities of practice and pregnant women: Is there a connection? *Language in Society*. 28 (2). pp. 257–271.
25. Neiterman, E. (2012) Doing Pregnancy: Pregnant Embodiment as Performance. *Women's Studies International Forum*. 35. pp. 372–383.
26. Houvouras, S.K. (2006) Negotiated boundaries: conceptual locations of pregnancy and childbirth. *The Qualitative Report*. 11 (4). pp. 665–686.
27. Davis-Floyd, R.E. (1994) The technocratic body: American childbirth as cultural expression. *Social Science & Medicine*. 38 (8). pp. 1125–1140.
28. Brooks-Gardner, C. (2003) Pregnant Women as Social Problem. In: *Social Problems: Constructionist Readings*. New York: Aldine De Gruyter. pp. 188–195.
29. Smith, H. (2022) *Your Body Is Magic: Wellness Strategies for a Healthy Pregnancy and Birth*. HLZZ Books, LLC.
30. Beach, S.R. (2021) *Your Mindful Pregnancy: Meditations and practices for a stress-free, happy, and healthy pregnancy Paperback*. CICO Books.
31. Tropp, L. (2013) *A Womb with a View; America's Growing Public Interest in Pregnancy*. Preager.
32. Webber, E. & Feinsilber, M. (1999) *Merriam-Webster's dictionary of allusions*. Merriam-Webster.

Информация об авторе:

Чермошенцева К.А. – менеджер, приглашенный преподаватель Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: kchermoshenceva@hse.ru / k-chermoshentseva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ks.A. Chermoshentseva, manager, visiting lecturer, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: kchermoshentseva@hse.ru / k-chermoshentseva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 05.05.2025;
approved after reviewing 11.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 101; 167/168
doi: 10.17223/15617793/520/7

Праксиология православной теологии в предметном поле философии науки

Елена Владимировна Грязнова¹, Алексей Иванович Нестеров²

¹ Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород, Россия, egik37@yandex.ru

² Кресто-Воздвиженский приход города Костерёво, Владимирская обл. Александровская епархия, Костерево, Россия, al.nes2013@yandex.ru

Аннотация. С включением теологии в номенклатуру научных специальностей возникает необходимость осмысления современных проблем данной науки в рамках философского знания. Особо остро стоят вопросы разработки курсов для светских и духовных учебных заведений, которые предъявляют разные требования и предоставляют разные возможности в подготовке специалиста-теолога на основе единых стандартов. Данная статья служит продолжением цикла работ авторов, в которых проводится анализ философского осмысления теологии как науки, ее места и роли в системе научного знания и результатов апробации многолетней деятельности в подготовке теологов на базе светского вуза.

Ключевые слова: философия науки, теология, православная теология, социальная теология, экономическая теология, политическая теология, философия теологии

Для цитирования: Грязнова Е.В., Нестеров А.И. Праксиология православной теологии в предметном поле философии науки // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 69–77. doi: 10.17223/15617793/520/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/7

The praxeology of Orthodox theology in the subject field of philosophy of science

Elena V. Gryaznova¹, Alexey I. Nesterov²

¹ Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, egik37@yandex.ru

² Exaltation of the Holy Cross Parish, Alexandrov Eparchy, Kosteryovo, Russian Federation, al.nes2013@yandex.ru

Abstract. Philosophy of science, as a field situated at the intersection of specific scientific knowledge and philosophy, studies not only the essence and forms of science but also addresses the problems that arise in particular spheres of society and are solved by certain types of science. The specificity of theology as a science – lying in its ideological nature, ecclesiastical character, complex historical fate in our country, and the difficult socio-cultural and spiritual situation of our time – leads to ongoing scholarly debates regarding its place and role in the system of the humanities and in modern society. The purpose of this article is to examine the main directions and trends in the development of modern Orthodox theology in Russia as a field of scientific knowledge, and to identify the range of urgent problems in which theology provides scientific advancement, offering alternative options relative to other branches of social and humanitarian knowledge. The main research methods are analytical review, comparison, generalization, the sphere approach, as well as dialectics and its principles. This work is a continuation of the authors' research aimed at a philosophical understanding of the place and role of theology in modern society. In this work, emphasis is placed on studying the role of theological knowledge in solving problems that arise in various spheres of public life. The practical significance lies in the possibility of using its results to develop sections of the discipline "Philosophy of Science" for graduate students and undergraduates in theological specialties. In the course of the study, the authors show that the practice of implementing the teachings of Orthodox theology in Russia is being realized in all spheres of public life. Today we can speak of a significant sector of social activity of the Russian Orthodox Church, the cooperation of religious organizations with the state and authorities at all levels based on the Orthodox tradition, the influence of Orthodox teaching on improving the system of social governance, the integration of Orthodox foundations of pedagogy into the educational process, the application of Orthodox traditions in anthropological, psychological, economic, natural and technical sciences, the development of digitalization based on Orthodox culture and ethics, and more. As a result of the development of Orthodox theology as a complex of scientific knowledge, its main relevant directions are being formed: the development of Orthodox teaching and its adaptation to the conditions of modern science, culture and education; the development of forms and mechanisms of Orthodox social and church governance; the improvement of the social ministry of the Russian Orthodox Church in accordance with the Orthodox tradition and the modern conditions of civil society and the state; the development of Orthodox economic

teaching in accordance with the current economic situation in Russia and the world; the development of Orthodox ecology programs; the ethical problems of modern science and technology; and the training of personnel for service in religious organizations and for work in state and municipal institutions.

Keywords: philosophy of science, theology, Orthodox theology, social theology, economic theology, political theology, philosophy of theology

For citation: Gryaznova, E.V. & Nesterov, A.I. (2025) The praxeology of Orthodox theology in the subject field of philosophy of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 69–77. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/7

Введение

История и философия науки сегодня изучается в аспирантурах и магистратурах, входит в кандидатский минимум. Спецификой этой дисциплины является включение в ее структуру истории и проблематики разных наук, технических, социальных, гуманитарных, естественных. Сегодня наступило время осмысления и теологии в рамках истории и философии науки.

В современной России произошли серьезные изменения в номенклатуре научных специальностей, которые затронули и теологию. Так, в последней редакции Приказа от 11 мая 2022 г. № 445 «О внесении изменений в номенклатуру научных специальностей...» выделяется область науки «5. Социальные и гуманитарные науки», далее определяется группа научных специальностей «5.11. Теология» и на следующем уровне даются шифры научной специальности, согласно которым теология делится на «5.11.1. Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм); 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм); 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм)».

Приобретение теологией статуса научной светской специальности дает возможность защищать диссертации не только выпускникам светских, но и конфессиональных вузов на равных основаниях. Однако существует определенная разница в подходах к изучению теологии со стороны представителей духовных академий и светских университетов [1].

Во множестве современных публикаций обосновывается положение о том, что православная теология в современной России занимает прочные позиции в системе социально-гуманитарного знания и становится важным элементом предметного поля философии науки [2].

Тем не менее ощущается определенный дефицит учебных пособий, курсов лекций, учебно-методических материалов для проведения занятий с аспирантами и магистрантами по современным проблемам теологии для курсов по истории и философии науки, методологии научного знания и др. В данной работе авторы представляют материал для построения подобных курсов, разработанный на основе изучения современных научных публикаций и диссертационных исследований, посвященных современным философским проблемам православной теологии.

Теоретико-методологическая основа исследования

Изучение истории развития православной теологии потребовало применения методологии аналитического обзора работ таких авторов, как В.В. Зеньковский, Александр Мень, митр. Макарий (Булгаков) и др. Для выделения и обоснования основных исторических этапов развития теологии авторы обратились к работам зарубежных и отечественных историков, богословов, теологов, религиоведов и философов: Б. Хеглунда, Д. Деннета, К. Доусона, Л.Е. Шапошникова, Д.В. Шмонина, Д.В. Пивоварова, Н.В. Суховой, С.С. Аверинцева, А.М. Прилуцкого, М.С. Теплых и др.

При исследовании закономерностей и специфики формирования русского православия авторы изучили работы русских религиозных философов и богословов: В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и др. Исследование современного состояния дискуссий по поводу научного статуса теологии потребовало изучения трудов, посвященных вопросам соотношения веры и науки, религии и философии, теологии и науки, исследователей (К.О. Польсков, С.С. Хоружий, Х. Ян-нарас, В.И. Несмелов, С.Л. Франк) и богословов (святитель Феофан Затворник, протоиерей О.В. Давыденков, иеромонах С. Троицкий).

Сегодня теология является одним из основных элементов культурного ядра как духовно-нравственный, мировоззренческий компонент. Исследуя предметное поле православной теологии на основе паспорта научной специальности, можно видеть, что она включает в свой предмет все области современного социально-гуманитарного знания, изучая реальность православной традиции, опыт православной религии, дополняя недостающие фрагменты научной картины мира.

Намечая исследование перспектив и тенденций развития православной теологии в современной России, мы будем исходить из тех направлений, в которых теология сегодня дает приращение научному знанию: исследование религиозного опыта православной традиции в духовной, экономической, политической и социальной жизни человека как форм его бытия.

Такой подход является одним из вариантов философского осмысления проблем современной науки и апробирован многолетним опытом построения курсов философии науки, но недостаточно апробирован применительно к теологии, что и составляет новизну исследования.

Философия науки в изучении теологии как научного знания

Современная философия науки отличается определенной строгостью, методологической разработанностью в исследованиях собственного предметного поля. За годы существования в академической среде в нашей стране она выработала свой собственный подход в систематизации философского знания о науке. Выстраивая учение о сущности, принципах, формах бытия науки в обществе философия науки не перестает быть плюралистичной, обосновывая законы и принципы развития научного знания с различных точек зрения, учитывая и факт того, что само по себе это знание является динамичной системой. Наиболее распространенная матрица изучения науки, которая применяется сегодня, – это структура, лежащая в основе всего философского знания: онтология, гносеология, аксиология, праксиология, социальная философия, философия культуры и др. [3]. Признание теологии в нашей стране научной специальностью позволяет изучать данный вид знания, раскрывая его специфику, соотношение в нем религиозного и светского компонентов, форм бытия и существования его в мировоззрении отдельно взятой личности, культуры, социума, цивилизации. В рамках данной статьи мы, конечно, не сможем раскрыть весь спектр проблем православной теологии как науки. Здесь мы сосредоточим внимание на практической стороне теологической науки – как сферы деятельности православной церкви в современной России, которая на практике реализует теоретические положения богословия, доказывая тем самым их перспективность для духовного возрождения современного общества. Такой подход вполне оправдан, ибо наука как номологический вид мировоззрения направлена на открытие и изучение законов. Научное знание имеет ряд основных критериев – наличие своего предмета, своей методологии, своего категориального аппарата и выход на практику. Во множестве современных научных публикаций и диссертационных работах по философии науки исследователи обосновывают наличие этих критериев у теологии. К наиболее интересным из них мы будем обращаться в ходе исследования. Философия, наука и теология ищут ответы на извечные вопросы: проблема начала, сущность человека, дальнейший путь развития вселенной и т.д. Каждая из них в данном поиске выстраивает определенный вид картины мира, давая и разные ответы на многие вопросы. Разной оказывается и практическая реализация основных идей научных теорий, философских концепций и теологических учений. Теология как наука изучает не только взаимоотношения человека с Богом, но и результаты деятельности человека в таком взаимодействии, давая им оценку, наставляя и просвещая его, формируя для него идеалы в этой деятельности. Неслучайным стало и выделение в новой номенклатуре такой специальности, как «5.11.3. Практическая теология». Для светской науки эти вопросы также актуальны, так как светское право, медицина, образование, воспитание и все сферы общественной жизни исторически имеют религиозные корни, когда система управления общественной жизни

формировалась при непосредственном участии церкви. Если представители конфессии изучают данные вопросы внутри нее, то светская наука имеет возможность выхода за конфессиональные пределы и может решать проблемы в других аспектах. Например, вопросы брачного права, биоэтики, искусственного интеллекта и другие требуют интеграции усилий представителей богословия и светской теологии. Можно видеть такие направления реализации теологического знания, как практическое богословие, церковное право, политическая теология, социальная теология, теология образования, просвещение и воспитание, церковное искусство, теологическая культурология и др.

Все представленное многообразие проблем и вопросов в теологии объединено единым смыслом – мысль о Боге, выраженная в теоретическом, историческом и практическом аспектах. Следует говорить, что на современном этапе развития теологии она представлена как учение о Боге, основанием которого является церковная история, теория и практика. Теология сегодня – это комплекс научного знания, представленный несколькими уровнями теоретического, методологического и практического аспектов, неразрывно связанный со всем комплексом социально-гуманитарных, естественно-научных и технических наук.

Православная теология в системе сфер общественной жизни

Сферный подход является одним из основных научных подходов, позволяющих исследовать философские проблемы различных явлений в социуме. В частности, он предполагает деление общества на сферы общественной жизни на основе определенного вида деятельности и анализ диалектических отношений ее элементов как внутри выделенной сферы, так и между элементами разнородных сфер. В данной статье мы будем использовать уже достаточно апробированную модель системы сфер общественной жизни в философских исследованиях, представленную четырьмя основными из них: духовная, экономическая, политическая и социальная [4].

Говоря о духовном мире, деятельности, сфере, реальности и других категориях духовного, мы будем опираться на категориальный аппарат и методологию теологии, богословия, всего спектра социально-гуманитарных наук, его разрабатывающих, включая и социальную философию. Для начала обратимся к историческим фактам. Известно, что в XIX в. в российском научном сообществе сформировались две противоположные позиции, одна из которых заключалась в том, что свержение самодержавия и православия дадут возможность прогрессивному развитию страны. Вторая же, напротив, считала, что такой подход приведет к ее гибели. История доказала правоту первой позиции, учитывающей, что в развитии страны не менее важными оказываются духовные и нравственные факторы бытия человека, а не только материальные. Этот опыт подтверждается не только Россией, но и многими другими цивилизациями, погибшими в силу изначальной духовной коррозии общества.

Данная взаимосвязь между неблагополучием в духовной сфере, приводящая к нравственному падению, а затем и к социальным бедам, отражена в источниках православной традиции. Эта тенденция отражена и в исторических источниках, и в литературе, что получило научное подтверждение в социогуманитарных исследованиях [5].

Православная теология, исследуя причины и результаты социальных конфликтов, показывает, что они возникают на разных уровнях, между разными субъектами и проявляются в разных формах [6]. Одним из наиболее опасных из них является война, которая может быть территориальной, экономической, политической и т.п. Однако в основе любой из них находится война духовная. Это определяется тем фактом, что успех любой войны определяется разрушением духовной основы противника. Духовная сфера общества сегодня достаточно широка и включает информационную, идеологическую, мировоззренческую, религиозную, ценностную, научную, образовательную и другие составляющие, каждая из которых является источником соответствующего вида кризиса, конфликта, войны. Яркий пример – наша страна, которая в XXI в. оказалась с ослабленными духовными основаниями в сфере науки, образования, идеологии, системы ценностей, традиций и т.п., что и привело к развязыванию против нее как ослабевшего противника мировой санкционной войны, а затем и открытого военного конфликта [7].

В силу сказанного следует определить одну из основных тенденций развития современной православной теологии в России – это ее становление как науки в системе социально-гуманитарного знания. Ее задача заключается в познании духовного мира человека и общества в ряду гуманитарных наук, дополняя их потенциал знанием веры, традиции, церковной жизни и практики. Вторая прямая задача православной теологии – познание сферы нравственности современного общества, адаптация ее к православной традиции в условиях современных реалий. По словам Патриарха Кирилла, разрушение нравственного закона, данного Богом, приводит к распаду общества, государства, семьи и других социальных организмов [8]. Именно поэтому так важно знание православной теологии, правильная интерпретация ее традиции современным научным языком, понятным как для представителей светской науки, так и всех членов общества. Необходимо развитие категориального аппарата православной теологии, способного адаптировать положения православной традиции к условиям современной культуры. Третья задача православной теологии – это развитие сферы образования и воспитания, направленное на подготовку высококвалифицированных кадров, способных работать не только в сфере церковной или религиозной деятельности, но и в светских учреждениях и организациях, активно участвуя в жизни государства и гражданского общества в условиях цифровой культуры [9].

Вторую тенденцию в развитии православной теологии можно обозначить как встраивание ее в экономическую сферу общества. Экономическая сфера

жизни – это сфера, в рамках которой реализуются различные производные хозяйственной деятельности, например производство, предпринимательство, распределение, финансовая деятельность и т.п. Они присутствуют в каждом социуме вне зависимости от уровня его развития. Уровень развития экономики определяет количество и качество производных хозяйственной деятельности в социуме. Православная теологическая экономика как вид научного знания становится сегодня источником новых экономических учений. Так, в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви (ОСК РПЦ) говорится: «Труд – это творческое раскрытие человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и со-работником Господа. Однако после отпадения человека от Творца изменился характер труда» [10]. Труд становится средством обеспечения жизнедеятельности человека.

Основная линия в Священном Писании прослеживается в том, что человек должен творить и создавать новое в труде своем в согласии с Богом. Однако в современной цивилизации человек создает оружие массового уничтожения, технические системы и технологии, способные изменить дух и тело человека. Задача теологии как науки заключается в том, чтобы разъяснить данную позицию и раскрыть механизмы ее адаптации к условиям современной цивилизации. Человек современной культуры при всем желании не сможет слепо следовать Писанию, так как в этом случае он будет обречен на потерю здоровья или смерть. Другой вопрос заключается в том, что, следуя истинам православия, человек в трудовом творчестве не должен стремиться к достижению эгоистических целей, для унижения и порабощения других людей. Но как этого добиться? У экономики свои законы – законы прибавочной стоимости и прибыли, у теологии – свои – труд во благо одинаково ценен и должен быть вознагражден. Современная же экономика привела к социальному неравенству граждан многих стран, особенно это наглядно прослеживается в России. Так, самым незащищенным и низкооплачиваемым слоем населения оказываются работники бюджетной сферы – педагоги, медики, ученые, т.е. те, на чьих плечах, собственно, и держится вся социальная сфера, на совершенствование которой и направлены Основы социальной концепции РПЦ.

Согласно современному российскому законодательству религиозные организации являются некоммерческими, имеющие право на предпринимательскую деятельность. Однако финансовое расслоение и экономическое неравенство затрагивает и РПЦ, проявляясь в большом разрыве между экономическим положением, например, приходов Москвы и российской глубинки. Одной из серьезных экономических проблем является финансовая деятельность РПЦ. Исследуя данный вопрос, И.Р. Павлушков отмечает: «...формальная неопределенность социального-экономического статуса ведет к появлению у церкви теневого капитала, что усиливает неблагоприятные политические риски и ведет к деформации общественных процессов» [11. С. 239]. Исторически экономическая наука и естественная теология тесно взаимосвязаны [12]. Сегодня

спектр экономических проблем православной теологии расширяется за счет развития цифровой экономики, требующей разработки соответствующих нравственных и моральных норм и правил ведения экономической деятельности. К решению нравственных проблем экономических отношений широко привлекаются теологические исследования.

Исследование актуальных проблем православной теологии показывает, что в ее предметное поле входят и вопросы экологии [13]. Экологическая сфера жизни – это деятельность, ее цель – достижение баланса в отношениях между природой и социумом. Она распадается на четыре направления: сохранение природы, восстановление ее ресурсов, совершенствование природных объектов и защита человека от негативных природных воздействий. Эта деятельность имеет место быть в любом социуме, на любой стадии его развития. В данной сфере мировое сообщество аналогично экономической сфере разрабатывает универсальные критерии мониторинга.

Становление православной экологии можно обозначить как еще одну тенденцию развития православной теологии. Она обусловлена участием теологического знания в поисках решений выхода из существующего экологического кризиса. Это особенно важно, ибо до сих пор дискуссионными остаются такие вопросы, как признание нанесения вреда экологии грехом; должна ли церковь заниматься мирскими делами или ее задача – только спасение души и т.п. Данная проблематика возникает на основе противоречия, заключающегося в том, что интерпретация православных традиций может осуществляться по-разному. Например, понимание природы как «служанки» человеку полностью отвергает экологические аспекты его деятельности. Так, по мнению А. Тойнби, Т. Розака, например, Священное писание отводит человеку роль хозяина природы, давая ему психологическую свободу в отношении эксплуатации природы. Поэтому задача современной православной теологии как науки заключается в том, чтобы разъяснять смыслы экологической деятельности, содержащиеся в священных текстах, и адаптировать их к современной действительности. В этом аспекте теология опирается как на собственную методологию научного знания, развивая такие направления, как православная экономика и экология, так и на методы таких социально-гуманитарных наук, как герменевтика, лингвистика, социальная экология, антропология, социальная философия и др.

Пожалуй, одной из самых важных, исторически сложившихся тенденций развития православной теологии является ее роль в исследовании и разработке концепции социального служения церкви. Сегодня православная теология направлена на изучение механизмов сохранения традиции в сферах социально-гуманитарной деятельности, которая реализуется Русской православной церковью. РПЦ активно занимается не только развитием теоретических основ социальной деятельности, но и практикой. Глава РПЦ ежегодно отчитывается на Архиерейском соборе об итогах социальной работы. Для православной теологии социаль-

ная сфера общества является особым предметом изучения. В этих вопросах она опирается на методологию социальной философии, социологии, социальной психологии, социальной педагогики, философской антропологии и т.п. Специфика исследований в данной области заключается в ее практической реализации. Наиболее актуальной проблемой здесь можно назвать проблему готовности религиозных организаций к реализации новых форм работы в рамках социального служения [14]. Данная деятельность исследуется православной теологией с позиции исторического аспекта, направленного на изучение опыта социального служения церкви [15]. В современных условиях социальная деятельность РПЦ направлена на работу по поддержке семьи, с молодежью, на службу в различных медицинских и образовательных учреждениях, реабилитационных центрах (социальную, психологическую, консультационную, духовную, а также материальную, включая финансовую поддержку и т.д.).

Особенно это касается вопросов мотивации данного вида деятельности [16]. Действительно, в условиях современной культуры становится очень сложно определить и развести светскую социальную работу, проводимую за вознаграждение, заработную плату, и ту деятельность православного человека или церкви, побуждением к которой является вера и верность православной традиции.

Современные представители РПЦ вынуждены вести данный вид служения в двух ипостасях – и как социальный институт, и как духовный, так как без сотрудничества с государством и гражданским обществом такую работу провести достаточно сложно. Поэтому положение в православных текстах о том, что помощь нуждающимся не должна осуществляться напоказ, в современных условиях выполнить достаточно проблематично. В епархиях созданы службы, отделы, которые отвечают за социальную работу. Это значит, что они обязаны вести документацию, отчетность перед обществом и государством и готовить специалистов по социальной работе. Вероятно, данное противоречие и не позволяет оставаться церкви только в качестве «тела Христова», а все больше превращает ее в социальный институт как благотворительную организацию или организацию по социальной работе.

В социальном служении специфика заключается в том, что оно, по сути, есть истинный, постоянный путь оказания помощи нуждающимся. Однако такой подход требует от человека не только душевных, физических сил, но и материальных затрат. В этом и есть основное расхождение в понимании социального служения и социальной работы [17].

Духовная, экономическая, социальная тенденция развития православной теологии законосообразно замыкается таким направлением ее развития, как сфера управленческой деятельности, которая входит в систему политической сферы общества. Управленческая сфера объединяет в себе такие виды деятельности, как правовая, политическая, социальное управление и т.п. Ее задача заключается в регулировании отношений между субъектами социума. Конфликтотенность соци-

ума является одним из основных показателей устойчивого развития. Однако таких показателей в существующих моделях практически нет. В публикациях отражены показатели эффективности, например, управления регионом, муниципалитетом, но не фиксируется такой критерий, как социальная напряженность, социальное неравенство, социальная справедливость и т.д. Очень мало исследований роли религии и теологии как видов социального управления в устойчивом развитии социума, отсутствуют критерии его измерения.

В научном знании религия всегда признавалась механизм управления наравне с политикой, правом, законом, моралью и другими формами общественного сознания [18]. Сегодня научное знание изучает такие направления социального управления, как политика, право, военная и государственная служба, СМИ и т.д. В документе ОСК РПЦ эти сферы отражены в таких разделах, как «Церковь и нация, Церковь и государство, Церковь и политика, Война и мир, Преступность, наказание, исправление, Церковь и СМИ» [10]. Современная светская наука в данных направлениях продвинулась далеко вперед, разрабатывая новые стратегии и уровни социального управления.

В сфере православной теологии существует своя специфика церковного управления, отраженная в категориальном аппарате и принципах управления. Одной из актуальных проблем в этом направлении является согласованность принципов социального и церковного управления. Так, например, предлагаются варианты решения проблем диалога между Русской православной церковью и протестантскими церквями: «...во-первых, продуктивный диалог возможен между двумя церквями, если он будет направлен на реализацию задачи “служить” обществу, а не обращать “в свою веру”. Во-вторых, обеим сторонам диалога следует учитывать на современном этапе развития межконфессиональных отношений существование “русского протестантизма”, который отличен от западного и является неотъемлемой частью исторического и культурного развития страны. В-третьих, предлагается выстраивать конструктивные взаимоотношения с помощью духовной дипломатии, базирующейся на общности христианских взглядов и нравственных начал» [19. С. 30]. Актуальными остаются и проблемы взаимоотношений православных церквей [20].

Не менее актуальной для современной православной теологии оказывается и проблема «православного меча», от интерпретации и понимания которой зависит не только стратегия военных действий, но и выстраивание мирных отношений. Одним из видных философов, раскрывающих данную проблему, был И.А. Ильин, чьи труды в данной сфере активно исследуются современными теологами [21].

Для современной теологии остаются актуальными для исследования и такие вопросы, как деятельность церковных судов, правовая и нормативная база этой деятельности: «В частности, отмечается отсутствие четкой нормативной базы права церковных наказаний, проблемы в сфере публикации решений церковных судов разных инстанций, в вопросах состава церковного суда и в механизме продления полномочий церковных

судей, ставится вопрос о введении определенных требований и гарантий для них, отмечается необходимость устранения недостатков церковного законодательства, в частности, в целях приведения его в соответствие с иными документами Русской Православной Церкви» [22. С. 305].

В данном направлении теологами исследуются и вопросы взаимодействия православной теологии с органами внутренних дел: «Автор приходит к выводу о созидательно-творческом потенциале православного нравственного богословия на уровне личности, который возможно и целесообразно использовать в контексте формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел» [23. С. 145].

Современная православная теология поднимает и такие проблемы, как взаимодействие православной церкви с гражданским обществом. В частности, исследователи высказывают противоречивые мнения о перспективах согласованности деятельности двух типов власти – светской и духовной. Разбирая положения ОСКРПЦ, Н.В. Асонов приходит к следующим заключениям: «Глава “Церковь и государство” дает нам понять, что, хотя правовой суверенитет принадлежит государственной власти, она вторична по отношению к духовной, ибо только Церковь является богоустановленной реальностью. Значит, светская власть в лице правового государства и гражданского общества не должна себя абсолютизировать. Тем самым косвенно указывается на то, что действующая система управления противоречит православному пониманию государства, власти и общества» [24. С. 56]. Иными словами, речь идет о скрытом конфликте между церковью, государством и гражданским обществом.

Взаимосвязь с государством и гражданским обществом современная РПЦ осуществляет на основе широкого спектра СМИ. Для православной теологии данный аспект представляет определенное поле для исследований. Например, актуальнейшей проблемой здесь является стиль, язык, методы обращения к гражданам представителей РПЦ в СМИ. Как отмечают исследователи, неадаптированный к реалиям современной культуры богословский язык остается непонятым для граждан, не обладающих определенным уровнем теологического или богословского образования. Второй аспект в данном вопросе – это проблема просветительской деятельности в СМИ, направленной на духовное оздоровление общества. Теология должна разработать новые принципы этой деятельности в интеграции с такими науками, как психология, педагогика, антропология, социология и др. Третий немаловажный аспект – это вопросы ведения диалога, полемики, критики тех или иных ситуаций, связанных с церковной жизнью, деятельности самой РПЦ. В данном случае православная теология ставит проблемы лингвистического и дипломатического плана, требующие адекватного понимания, толерантного отношения и воспитания, терпимости, грамотности, научной подготовленности субъектов, вступающих в такой диалог. В данном направлении получает развитие современная отрасль журналистики – православная журналистика.

Четвертый теологический аспект обращения к СМИ – это достоверность информации, публикуемой на страницах журналов, газет, в социальных сетях, телевидении и т.д. В православной теологии существует актуальная проблема подготовки кадров для работы в СМИ.

Выводы

Проведенное исследование современных актуальных философских проблем православной теологии в России, имеющее выход на практическую реализацию, позволяет заключить, что в качестве основных тенденций развития православной теологии можно назвать следующие направления:

1. Встраивание православной теологии в систему экономических наук, развитие православной экономической теологии, направленной на развитие экономических учений РПЦ в условиях глобализации на основе православной традиции.

2. В сфере наук об управлении происходит развитие политической и правовой теологии, где перспектива православной теологии раскрывается в разработке нормативных основ соработничества с государством в условиях развития правового государства и гражданского общества и новых моделей социального управления на основе православной традиции.

3. В рамках социальных наук православная теология развивается как социальное учение о жизни человека в обществе согласно православной традиции, как научное осмысление социального служения РПЦ в условиях современной культуры.

4. В сфере гуманитарных наук православная теология развивается как учение о православной традиции и опыте в историческом, теоретическом и практическом аспектах. Она становится основой развития системы православной науки и образования в России как интеграции светского и религиозного компонентов, приобретая институциональный статус, выполняя задачу подготовки кадров на всех уровнях и всех форм образования для всех отраслей народного хозяйства современного общества. Православная теология становится мировоззренческим ядром всего спектра социально-

гуманитарного знания, его морально-этическим основанием, формируя особый и важный элемент научной картины мира.

5. Актуальными проблемами современной православной теологии являются: разработка форм и механизмов православного социального и церковного управления; совершенствование социального служения РПЦ в соответствии с православной традицией и современными условиями гражданского общества и государства; разработка православных экономических учений в соответствии с условиями современной экономической ситуации в России и мире; развитие программ православной экологии; изучение и адаптация текстов православных учений к условиям современной культуры; этические проблемы биотехнологий; подготовка кадров для службы в религиозных организациях и работы в государственных и муниципальных учреждениях.

6. Основными тенденциями развития современной православной теологии являются: формирование православной теологии как комплекса научного социально-гуманитарного знания; интеграция светского и религиозного компонентов в научном познании и образовании; интеграция с комплексами социально-гуманитарного знания: экономикой, философией, социологией, культурологией, правом, психологией, политическими науками, историческими науками, педагогикой, филологией.

7. Современная православная теология – это социально-гуманитарная наука, имеющая свой предмет исследования, свою методологию исследования, свой категориальный аппарат, свои законы и выход на практику. Современное научное знание обращается к православной теологии как к мировоззренческому ядру, системе традиций и нравственных положений, как к теоретическим фундаментальным основам и религиозному опыту в сфере духовной, экономической, политической и социальной деятельности. Православная теология в составе всего комплекса теологического знания в перспективе дополнит недостающий элемент современной картины мира как реальности отношений Бога и человека. Православная теология – динамичная, а не статичная система знаний, способная адаптироваться к изменениям культуры, не теряя своей сущности – традицию, что и отличает ее от любой другой науки.

Список источников

1. Паламаренко Е.В. Теология как отрасль науки: промежуточные итоги становления (2015–2022) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 174–180. doi: 10.17223/15617793/488/17
2. Шмонин Д.В. Теология и философия науки: проблемы идентификации // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 197–207. doi: 10.21146/0042-8744-2022-1-197-207
3. Лебедев С.А. Современная философия науки: объект, предмет, структура // Гуманитарный вестник. 2022. № 3 (95). doi: 10.18698/2306-8477-2022-3-780
4. Gryaznova E.V., Goncharuk A.G., Maltseva S.M., Pronina S.V., Lobastov D.K. Spherical Model in the Studies of Sustainable Development of Society: The Relevance of the Philosophical Approach // Popkova E.G., Sergi B.S. (Eds) ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes. Springer, Cham, 2023. P. 191–198. doi: 10.1007/978-3-031-46525-3_21
5. Майоров Д.Н. Проблема отыскания методологии научных исследований концепции духовного возрождения в русской духовной культуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 4 (438). С. 17–20.
6. Ильин И.Ю. Оцерковление общества изнутри, а не извне: рецепция идей протоиерея Сергия Булгакова в двух современных проектах политической теологии // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 48. С. 51–74. doi: 10.25803/26587599_2023_48_51
7. Париков О.В. Русская консервативная философия второй половины XIX века о сущности терроризма // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 4 (49). doi: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-15
8. Речь Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии присуждения степени honoris causa Московского государственного университета // Официальный сайт Московского Патриархата. 28.09.2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html>

9. Smirnova Zh.V., Cherney O.T., Kutepova L.I. et al. Digital Innovations in Education for Training Human Resources in Society // *Lifelong Learning in Central Asia : Relevance of the Fourth Industrial Revolution*. Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2025. P. 123–131. doi: 10.1007/978-981-96-1941-2_12
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 09.06.2008. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>
11. Павлушков А.Р. Особенности социально-экономического статуса Русской православной церкви // *Социально-экономическое развитие России : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Чебоксары, 27 ноября 2020 года*. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2020. С. 239–242.
12. Студенцов В.Б. Естественная теология как союзница экономической науки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 9. С. 112–120.
13. Lobazova O.F. Actualization of Orthodox asceticism in conditions of the ecology and morality crisis // *International Research Journal*. 2021. № 1-3 (103). P. 141–144. doi: 10.23670/IRJ.2021.103.1.080
14. Социальное служение Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы : материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 4 июня 2021 года. СПб. : Центр развития культуры, 2021. 178 с.
15. Михайлов П.Б. Историческая теология как направление научных исследований : история, теория, метод : автореф. дис. ... д-ра теологии. М., 2024. 40 с.
16. Социально-педагогическое служение Русской Православной Церкви: проблемы, практики, перспективы : материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17 июня 2022 года. СПб. : АНО ДПО «Центр развития культуры и социального образования», 2022. 196 с.
17. Бакулина А.С. Современные проблемы социального служения // *Язык и личность в поликультурном пространстве : сб. ст. / под ред. И.Н. Авдеевой*. М. : Перо, 2017. С. 36–46.
18. Грязнова Е.В. Диалог теологии и права в российской науке и образовании // *Государство и право*. 2024. № 4. С. 186–191. doi: 10.31857/S1026945224040177
19. Карасев И.В. Проблемы диалога Русской православной церкви и протестантских церквей в современной России и возможные пути решения // *Научное мнение*. 2021. № 4. С. 30–37.
20. Воробьева И.А. Проблемы во взаимоотношениях Православных Церквей в современном мире // *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2020. № 3. С. 412–429.
21. Катречко С.Л. Проблема православного меча и ее решение в христианском богословии // *Философско-богословское осмысление Великой Победы: онтологический и ценностный аспекты : сб. материалов круглого стола в рамках XXVIII Междунар. Рождественских образовательных чтений*, Москва, 29 января 2020 года. М. : Летний сад, 2020. С. 5–16.
22. Ведяев А.В. Нормативное регулирование деятельности церковного суда в Русской Православной Церкви: история, современное состояние, проблемы и перспективы // *Христианское чтение*. 2021. № 3. С. 305–320.
23. Долин В.А. Православное нравственное богословие как концептуальная основа формирования антикоррупционной компетенции сотрудника органов внутренних дел: постановка проблемы // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2021. № 3 (93). С. 145–150.
24. Асонов Н.В. Проблема соответствия православной церкви гражданскому обществу // *Власть*. 2022. Т. 30, № 1. С. 54–57.

References

1. Palamarenko, E.V. (2023) Theology as a Branch of Science: Interim Results of Formation (2015–2022). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 174–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/17
2. Shmonin, D.V. (2022) Teologiya i filosofiya nauki: problemy identifikatsii [Theology and Philosophy of Science: Problems of Identification]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 197–207. doi: 10.21146/0042-8744-2022-1-197-207
3. Lebedev, S.A. (2022) Sovremennaya filosofiya nauki: ob'ekt, predmet, struktura [Modern Philosophy of Science: Object, Subject, Structure]. *Gumanitarnyy vestnik*. 3 (95). doi: 10.18698/2306-8477-2022-3-780
4. Gryaznova, E.V., Goncharuk, A.G., Maltseva, S.M., Pronina, S.V. & Lobastov, D.K. (2023) Spherical Model in the Studies of Sustainable Development of Society: The Relevance of the Philosophical Approach. In: Popkova, E.G. & Sergi, B.S. (eds) *ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. Environmental Footprints and Eco-design of Products and Processes*. Springer, Cham. pp. 191–198. doi: 10.1007/978-3-031-46525-3_21
5. Mayorov, D.N. (2020) Problema otyskaniya metodologii nauchnykh issledovaniy kontseptsii dukhovnogo vrozozhdeniya v russkoy dukhovnoy kul'ture [The Problem of Finding a Methodology for Scientific Research of the Concept of Spiritual Revival in Russian Spiritual Culture]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (438). pp. 17–20.
6. Il'in, I.Yu. (2023) Otkerkovlenie obshchestva iznutri, a ne izvne: retseptsiya idey protoiereya Sergiya Bulgakova v dvukh sovremennykh proektakh politicheskoy teologii [Ecclesialization of Society from Within, Not from Without: The Reception of the Ideas of Archpriest Sergius Bulgakov in Two Contemporary Projects of Political Theology]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*. 48. pp. 51–74. doi: 10.25803/26587599_2023_48_51
7. Parilov, O.V. (2024) Russkaya konservativnaya filosofiya vtoroy poloviny XIX veka o sushchnosti terrorizma [Russian Conservative Philosophy of the Second Half of the 19th Century on the Essence of Terrorism]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 12 (4). doi: 10.26795/2307-1281-2024-12-4-15
8. Patriarchia.ru. (2021) *Rech' Svyateyshego Patriarkha Kirilla na tseremonii prisuzhdeniya stepeni honoris causa Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Speech of His Holiness Patriarch Kirill at the Ceremony of Awarding the Honoris Causa Degree of Moscow State University]. 28 September. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html> (Accessed: 22.03.2026).
9. Smirnova, Zh.V., Cherney, O.T., Kutepova, L.I. et al. (2025) Digital Innovations in Education for Training Human Resources in Society. In: *Lifelong Learning in Central Asia: Relevance of the Fourth Industrial Revolution*. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. pp. 123–131. doi: 10.1007/978-981-96-1941-2_12
10. Patriarchia.ru. (2008) *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. 9 June. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (Accessed: 22.03.2026).
11. Pavlushkov, A.R. (2020) Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo statusa Russkoy pravoslavnoy tserkvi [Features of the Socio-Economic Status of the Russian Orthodox Church]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Socio-economic development of Russia]. Conference Proceedings. Cheboksary. 27 November 2020. Cheboksary: Izdatel'skiy dom "Sreda". pp. 239–242.
12. Studentov, V.B. (2018) Estestvennaya teologiya kak soyuznitsa ekonomicheskoy nauki [Natural Theology as an Ally of Economic Science]. *Mirovaya ekonomika i mezhduнародnye otnosheniya*. 62 (9). pp. 112–120.
13. Lobazova, O.F. (2021) Actualization of Orthodox asceticism in conditions of the ecology and morality crisis. *International Research Journal*. 1-3 (103). pp. 141–144. doi: 10.23670/IRJ.2021.103.1.080
14. Anon. (2021) *Sotsial'noe sluzhenie Pravoslavnoy Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy* [Social Service of the Orthodox Church: Problems, Practices, Prospects]. Proceedings of the Conference. St. Petersburg. June 4, 2021. St. Petersburg: Tsentr razvitiya kul'tury.
15. Mikhaylov, P.B. (2024) *Istoricheskaya teologiya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy: istoriya, teoriya, metod* [Historical Theology as a Direction of Scientific Research: History, Theory, Method]. Abstract of Theology Dr. Diss. Moscow.

16. Anon. (2022) *Sotsial'no-pedagogicheskoe sluzhenie Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: problemy, praktiki, perspektivy* [Social-Pedagogical Service of the Russian Orthodox Church: Problems, Practices, Prospects]. Proceedings of the Conference. St. Petersburg. June 17, 2022. St. Petersburg: ANO DPO "Tsentr razvitiya kultury i sotsial'nogo obrazovaniya".
17. Bakulina, A.S. (2017) *Sovremennye problemy sotsial'nogo sluzheniya* [Contemporary Problems of Social Service]. In: Avdeeva, I.N. (ed.) *Yazyk i lichnost' v polikul'turnom prostranstve: sb. st.* [Language and personality in a multicultural space: collection of articles]. Moscow: Pero. pp. 36–46.
18. Gryaznova, E.V. (2024) *Dialog teologii i prava v rossiyskoy nauke i obrazovanii* [Dialogue between Theology and Law in Russian Science and Education]. *Gosudarstvo i pravo*. 4. pp. 186–191. doi: 10.31857/S1026945224040177
19. Karasev, I.V. (2021) *Problemy dialoga Russkoy pravoslavnoy tserkvi i protestantskikh tserkvey v sovremennoy Rossii i vozmozhnye puti resheniya* [Problems of Dialogue between the Russian Orthodox Church and Protestant Churches in Modern Russia and Possible Solutions]. *Nauchnoe mnenie*. 4. pp. 30–37.
20. Vorob'eva, I.A. (2020) *Problemy vo vzaimootnosheniyakh Pravoslavnykh Tserkvey v sovremennom mire* [Problems in the Relations between Orthodox Churches in the Modern World]. *Ekonomicheskie, sotsial'no-politicheskie, etnokontsional'nye problemy afro-aziatskikh stran*. 3. pp. 412–429.
21. Katrechko, S.L. (2020) *Problema pravoslavnogo mecha i ee reshenie v khristianskom bogoslovii* [The Problem of the Orthodox Sword and Its Solution in Christian Theology]. In: *Filosofsko-bogoslovskoe osmyslenie Velikoy Pobedy: ontologicheskii i tsennostnyy aspekty* [Philosophical and theological understanding of the Great Victory: ontological and value aspects]. Collection of materials from the round table within the framework of the XXVIII International Christmas Educational Readings. Moscow. January 29, 2020. Moscow: Letniy sad. pp. 5–16.
22. Vedyayev, A.V. (2021) *Normativnoe regulirovanie deyatel'nosti tserkovnogo suda v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: istoriya, sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy* [Normative Regulation of the Activities of the Church Court in the Russian Orthodox Church: History, Current State, Problems and Prospects]. *Khristianskoe chtenie*. 3. pp. 305–320.
23. Dolin, V.A. (2021) *Pravoslavnoe npravstvennoe bogoslovie kak kontseptual'naya osnova formirovaniya antikorrupsionnoy kompetentsii sotrudnika organov vnutrennikh del: postanovka problemy* [Orthodox Moral Theology as a Conceptual Basis for the Formation of Anti-Corruption Competence of an Internal Affairs Officer: Problem Statement]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 3 (93). pp. 145–150.
24. Asonov, N.V. (2022) *Problema sootvetstviya pravoslavnoy tserkvi grazhdanskomu obshchestvu* [The Problem of the Correspondence of the Orthodox Church to Civil Society]. *Vlast'*. 30 (1). pp. 54–57.

Информация об авторах:

Грязнова Е.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия). E-mail: egik37@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3093-2602

Нестеров А.И. – магистр теологии, настоятель Кресто-Воздвиженского прихода города Костерёво, Владимирская обл. Александровская епархия (Костерёво, Россия). E-mail: al.nes2013@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Gryaznova, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: egik37@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3093-2602

A.I. Nesterov, Master of Theology, rector of the Exaltation of the Holy Cross Parish in Kosteryovo, Vladimir Oblast, Alexandrov Eparchy (Kosteryovo, Russian Federation). E-mail: al.nes2013@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 21.03.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 13+101.3+37.017+32.001+316.722
doi: 10.17223/15617793/520/8

Мастера духовности: профессионализация и экспертность

Олеся Васильевна Кузнецова¹, Наталья Сергеевна Смолина², Ольга Евгеньевна Кускова³

^{1,2} Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

³ Центр научных и аналитических исследований Ассоциации участников технологических кружков, Москва, Россия

¹ olesyakzn@yandex.ru

² smolina-n@yandex.ru

³ o.e.kuskova@gmail.com

Аннотация. В поле духовности можно обнаружить признаки профессионализации деятельности ее акторов. Контекстуальные условия позволяют гипотетически говорить о профессии «мастер духовности». Теоретической рамкой исследования выступили концепции духовности, поля, функциональный, неовеберинский подходы к профессии. Выявлены особенности происходящего процесса профессионализации, в том числе в силу дискурса экспертности мастеров духовности, сделан вывод о возможности интерпретации их деятельности как квазипрофессиональной.

Ключевые слова: мастер духовности, духовность, профессионализация, квазипрофессия, профессия, экспертность, поле духовности, терапевтическая культура, неолиберализм

Для цитирования: Кузнецова О.В., Смолина Н.С., Кускова О.Е. Мастера духовности: профессионализация и экспертность // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 78–89. doi: 10.17223/15617793/520/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/8

Masters of spirituality: Professionalization and expertise

Olesya V. Kuznetsova¹, Natalia S. Smolina², Olga E. Kuskova³

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

³ Center for Scientific and Analytical Research, Association of Participants of Technological Circles, Moscow, Russian Federation

¹ olesyakzn@yandex.ru

² smolina-n@yandex.ru

³ o.e.kuskova@gmail.com

Abstract. In the field of spirituality, there are indications of the professionalization of practitioners' activities. Contextual conditions allow for the hypothetical consideration of a distinct occupation, tentatively referred to as the "master of spirituality." This study investigates the nature of the masters' activities as a form of professional practice, as well as the foundations of their expert status. The theoretical and methodological framework of the study is based on a synthesis of neo-Weberian and functionalist approaches to professions; P. Bourdieu's and B. Verter's theories of social fields and symbolic capital; and theories of spirituality and non-denominational religiosity. The contextual conditions of the activities of masters of spirituality are analyzed through the lenses of neoliberalism and therapeutic culture. The activities of masters of spirituality are examined in terms of their possession of "professional" education, specialized knowledge and skills, participation in formal and informal professional associations, adherence to professional culture, provision of services mediated by professional-client relationships, and self-identification as professionals. Spirituality is considered a field with a certain reproducible structure, which is maintained, among other factors, through spiritual practices carried out by masters in a competitive environment. Existing associations of masters, although differing from classical professional associations, serve both as gateways into the field and as professional communities. Attaining the status of a master typically results from completing training in spiritual centers and/or from the individual's recognition of their supernatural abilities. Professional self-identification among spiritual masters is closely linked to trust and recognition of their expert status by their disciples. A master's expertise is constructed in relation to their followers and validated through the achievement of stages of spiritual development and access to the broader community of masters. Processes of commercialization and managerialization are observed in the activities of masters of spirituality, which inevitably affect both internal and external dimensions of their practice. The study concludes that the activities of masters of spirituality, as key actors within the field, exhibit characteristics of professional practice. On the one hand, this ongoing professionalization is interpreted as a result of the influence of neoliberal and therapeutic culture; on the other hand, it is shaped by the specific features of the spiritual field itself – its eclecticism, fragmentation, and the absence of monopolistic actors or institutions. The expertise of actors within the field of spirituality is viewed as the most significant basis of their status. While their expert authority is built upon classical principles of professional power, it is substantially transformed under the influence of neoliberal values and therapeutic culture, conforming to the logic of personalization, commercialization, and mediatization.

Given the fragmented nature of professionalization, the activity of masters of spirituality may be described as quasi-professional.

Keywords: master of spirituality, spirituality, professionalization, quasi-profession, profession, expertise, field of spirituality, therapeutic culture, neoliberalism

For citation: Kuznetsova, O.V., Smolina, N.S. & Kuskova, O.E. (2025) Masters of spirituality: Professionalization and expertise. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 78–89. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/8

Введение

Деятельность мастеров духовности все чаще рассматривается участниками духовных практик в логике профессионала, обладающего экспертным знанием. Означает ли это, что в их деятельности есть признаки, характерные для традиционных видов профессиональной деятельности, способствующие формированию статуса профессионала, доверию к результатам его деятельности и к его экспертным оценкам. Можно ли говорить о профессионализации духовной сферы в полной мере, как интерпретировать используемые акторами инструменты и механизмы формирования статуса, которые весьма близки традиционным помогающим профессиям (врач, учитель, психолог, социальный работник)? Почему логика «профессиональной деятельности» так легко «встраивается» в деятельность мастеров и ее переформирует? Какое значение в этом процессе занимает экспертность?

Теоретические основания исследования

Исследование проблематизации экспертности мастеров духовности и процесса профессионализации их деятельности строится на ряде следующих концепций.

Во-первых, это концепции, обосновывающие влияние неолиберализма в XX в. на социальные институты и явления, в том числе на взаимоотношения человека с сакральным. Так, Хайди Римке [1] определяет неолиберализм не только как экономическую программу, но и как способ управления, который распространяет рыночные принципы конкуренции, приватизации, индивидуальной ответственности и самооптимизации на все аспекты человеческой жизни. Неолиберальная рациональность подразумевает индивидуальную и личную ответственность человека за свои успехи или неудачи. Используемое Римке понятие «психоцентризм» позволяет выстроить предположение, что все человеческие проблемы лежат внутри индивидуального разума и/или тела или являются их следствием, а не продуктом и выражением социальных, политических, исторических и экономических проблем. Так как человеческие проблемы рассматриваются как индивидуальные проблемы, соответственно, и их решение подразумевает индивидуальную работу над собой, а не изменение социальных институтов и программ.

Исследователями обосновывается влияние неолиберализма на появление терапевтической культуры – культуры самопомощи и существенное влияние и того, и другого на появление и распространение духовных практик. Индустрия самопомощи, которая включает в себя огромное разнообразие жанров, медиаресурсов, дискурсов и практик, выступает в качестве ключевого

средства распространения неолиберальных ценностей. Дискурс самопомощи патологизирует и деполитизирует страдание, оно рассматривается как личная неудача, с которой необходимо бороться с помощью самодисциплины, терапии и личностного роста. В этом нарративе самосовершенствование счастья как противоположность страдания становится «мерилом достойно прожитой жизни как в моральном, так и в психологическом плане» [2. С. 200–201].

Во-вторых, концепции, обосновывающие сущность и происхождение духовных практик, которые, фиксируя значительные трансформации религии и ее форм в XX в., позволяют не только определить основные факторы этих изменений, в том числе процессы секуляризации и десекуляризации и распространяющуюся неолиберальную культуру, но и проследить процесс возникновения и становления рынка религий, новых религиозных движений и внеконфессиональной религиозности: Р. Ватноу [3], Д. Джордан [4], А. Поссамаи [5], П. Хилас [6], Б. Хусс [7]. В основе новых явлений лежит и распространение стратегий поиска ответов на экзистенциальные вопросы вне традиционных религиозных систем, что само по себе обусловлено изменением индивидуалистических представлений, представлений о религии. Все эти описываемые процессы позволили исследователям говорить о появлении «лоскутной религиозности» и категории людей, которые стали обозначать себя как «духовные, но не религиозные» (*spiritual but not religious, SBNR*), а само явление обозначить понятием «духовность», определяемым скорее как внеинституциональное явление, предполагающее институциональный поиск смыслов (Хилас [6], Руф [8]). Если в религиозной модели отношения с сакральным основываются на авторитете иерархической власти (отраженной в легитимном институте), то в духовности они строятся на свободе выбора индивида, который сам устанавливает границы этих отношений, их регулярность и интенсивность (Джордан [4]), что приводит к отсутствию институциональных границ духовного поиска, к эклектичности и плюралистичности духовности. Такие теоретические послы позволяют включать в духовность различные религиозные, психологические, культурные традиции и практики, основным актором которых выступает мастер (учитель, коуч) как человек, достигший высокого уровня в своем деле, наставник в духовных практиках.

Мастер – это центральная фигура в духовности, сочетающая в себе функции учителя и организующего начала; он обладает теоретическим и практическим мастерством, которое передается ученикам в ходе обучения духовным практикам. В силу того, что структурно духовность предстает в виде кратковременных сообществ с достаточно беспрепятственным доступом в них,

мастер и становится тем субъектом, что способствует их возникновению и воспроизводству, являясь одновременно организатором духовных практик, осуществляемых в рамках неформальных или формальных структур, так называемых спиритуальных центров.

Упомянутое выше взаимовлияние неолиберализма, терапевтической культуры и духовности приводит к появлению специфических практик и трансформации их содержания: такие практики – осознанность, медитация и йога – переосмысливаются как инструменты управления эмоциями, способствующие оптимизации индивидуальной деятельности, а не коллективной духовной трансформации [1]. Этот процесс критически проанализирован Персером и другими исследователями [9], полагающими, что когда-то направленные на освобождение от эго и страданий практики теперь используются для повышения корпоративной эффективности, управления стрессом и отвлечения внимания от структурной эксплуатации работников [10]. Карретт и Кинг [11] подчеркивают, что в капиталистическом неолиберальном обществе духовность превращается в корпоративную технологию, воспринимаемую скорее как способ максимизировать человеческий капитал, чем как способ духовного освобождения или достижения социальной справедливости.

Для многих исследователей влияние неолиберализма на духовные практики является определяющим. Так, согласно Карретту и Кингу [11], оно выражается в том, что духовность переосмысливается в логике товара. Религиозные и духовные символы, часто заимствованные из разных культур, «переупаковываются» для простоты восприятия потребителями на глобальном рынке, лишаясь содержательной глубины. Кроме того, в своей ориентации на индивидуализацию опыта духовность становится именно личным самосовершенствованием, институциональная религиозная принадлежность становится вторичной по отношению к приобретаемому личному духовному опыту.

В-третьих, для оценки деятельности мастеров как акторов, «воспроизводящих духовные практики», важными для нас являются теоретические послы Пьера Бурдьё. С одной стороны, его теория религиозного поля, с другой – теория символического капитала. Концепция религиозного поля как «относительно замкнутой и автономной системы социальных отношений», возникшей вследствие прогрессирующего общественного разделения сил [12], выводит на первый план вопрос о его участниках, отношениях между ними и механизмах воспроизводства порядка и позволяет проблематизировать вопрос оснований власти того или иного актора этого поля, обладающего возможностями влияния на социальный порядок.

В работе 1982 г. «Разложение религиозного» П. Бурдьё пытается осмыслить различия между двумя – старым и новым – состояниями религиозного поля [13. С. 149]. Формирование религиозного поля, по П. Бурдьё, является результатом монополизации корпорацией служителей культа права на сношения со сверхчувственным миром, а также результатом разделения религиозного труда и концентрации религиоз-

ного капитала в руках некоторой группы. Этот же процесс лежит и в основе процесса становления профессионального духовенства. Первое состояние поля религии хорошо описано в работах М. Вебера [14]. В таком поле есть духовное лицо (священник), выступающее доверенным лицом всего духовенства, и есть церковь, которая владеет монопольными средствами на спасение, делегирование и подконтрольное распределение священного внутри церковной организации. Религиозное поле, как и другие поля, воспроизводит порядок неравноправных социальных отношений. Именно в рамках этого поля встречается «идеальный» тип профессии – священник. Образование религиозного специалиста служит доступом к сакральному капиталу института (например, именно так происходит в церкви). Церковное образование разделяет людей на мирян, обладающих практическим мастерством, и на религиозных специалистов, имеющих монополию на знания и благодать/спасение, что позволяет говорить о иерархической структуре как характеристике религиозного поля. Религиозный институт санкционирует, охраняет и контролирует религиозные знания, а важным механизмом контроля и воспроизводства знания выступает образование, являющееся одним из способов легитимации существующего порядка и одновременно проявлением религиозного капитала в одной из своих форм. А единственными производителями религиозного капитала являются религиозные акторы, капитал которых позволяет им конструировать представления о социальном порядке. Церковное образование, на котором основывается авторитет должности в религиозном поле, отменяет необходимость постоянно завоевывать и утверждать свою власть.

Второе состояние поля религии проявляется в современную эпоху, когда происходит «новое определение границ поля религии, растворение религиозного в более широком поле, сопровождающееся утратой монополии на лечение душ в старинном смысле» [13. С. 151]. Постепенный неощутимый переход, как формулирует Бурдьё, «от духовенства по-старому (с цельным континуумом внутри него) к членам сект, психоаналитикам, психологам, врачам (психосоматическая медицина, медленная терапия), сексологам, профессорам по “выразительности тела”, по восточным единоборствам, консультациям по “жизненным проблемам”, социальным работникам» [13. С. 151] свидетельствует о появлении новых агентов поля, чей статус требует анализа в заданных теоретических рамках.

В-четвертых, важными для осмысления процессов, происходящих в поле духовности, становятся теории профессий: функционалистские, неовеберовские, теории власти в профессии, теории переосмысления традиционных подходов. Рамочными для данного исследования являются функционалистский и неовеберовские подходы. Суть первого подхода заключается в рассмотрении общественной функции профессии и определении «идеального» типа профессии. Данный подход берет свои истоки в работах М. Вебера [14] и имеет свое продолжение в исследованиях У. Гуда [15], Р. Павалко [16], Дж. Миллерсона [17] и др.

Стоит отметить, что характерными «идеальными» типами для данного подхода являются профессии врача, учителя, ученого, священника (все они смоделированы исследователями на западноевропейском материале).

Функционалисты стремились разграничить профессии и занятия (*occupation*). К профессиям были отнесены высокостатусные и общественно важные работы, которые характеризуются престижем, высокой оплатой, самоуправлением и незначительным вмешательством государства; ко вторым отнесли все прочие занятия. Статус профессионала основывался на образовании, подтвержденном сертификатами о квалификации, а доверие к ним общества базировалось на профессиональной автономии и профессиональной этике. Профессионализация в рамках такого подхода рассматривается как ответ на потребности общества со стороны профессионалов. Для неовеверианского подхода к профессии и профессионализму характерно помещение в центр исследовательского внимания проблемы борьбы за расширение профессиональной власти, создание институциональных и экспертных барьеров, мобильность профессиональных групп, механизмы монополизации на рынке труда и услуг [18–20], а также представление о процессе профессионализации как о действиях профессиональных групп по контролю над условиями труда и монополизации рынка услуг.

Новые реалии (потребности современных обществ, глобализация рынков труда, фриланс и прекариат и т.п.) вошли в диссонанс с существующими теориями профессий, которые главным образом были сконцентрированы на группах, чей социальный статус сильно зависел от высшего образования и принадлежности к традиционным профессиональным группам (к тем самым упомянутым выше идеальным типам – врач, ученый, священник и т.п.). Р.Н. Абрамов отмечает, что в фокус исследователей все чаще попадают «занятия, которые появились относительно недавно и стали претендовать на профессиональный статус, но которые по своим характеристикам не укладываются в привычные модели профессионализма» [21. С. 6]. В религиозном поле современности происходят аналогичные изменения: так, появилась группа людей, предлагающих духовные услуги и позиционирующих себя в качестве профессионалов. При этом в отличие от духовенства институциональных религий мастера духовности обосновывают свою экспертность и профессионализм не на классической модели религиозного образования и опыта внутри института.

В-пятых, теория капитала как возможное обоснование влияния, власти, конструирования социального порядка и его воспроизводства в профессиональной деятельности. Теория капитала Бурдьё (социального, символического, религиозного) позволяет понять механизмы формирования престижа и авторитета мастеров духовности, воспринимаемых участниками духовных практик акторов, обладающих экспертным знанием и опытом. Наличие такого капитала – условие передачи опыта другим. Символический капитал, в том числе религиозный, влияет на позицию агента в поле,

объем его материального и нематериального капиталов задает его возможности конструирования, легитимации определенного социального порядка, его позиции в нем, в том числе как эксперта, обладающего уникальным духовным знанием и опытом.

Дальнейшее развитие теории капитала происходит в работах Б. Вертера. Он предлагает рассматривать духовные компетенции, предпочтения и знания как ценные активы в экономике символических товаров, духовные предпочтения – как форму культурного капитала и как маркер статуса в борьбе за доминирование в различных контекстах [22; 23. Р. 152]. Теоретические послы Вертера позволяют в то же самое время обосновать переплетение разных полей, например религиозного поля и поля духовности, за счет чего происходит взаимный обмен как знанием, так и практиками и другими составляющими капитала. На основании принципиального разделения религиозного капитала и духовного можно говорить и о разделении полей: «духовный капитал можно рассматривать как широко рассеянный товар, управляемый более сложными моделями производства, распределения, обмена и потребления» [23. Р. 152].

Еще одним важным для нас тезисом является идея П. Бурдьё и Б. Вертера о конкуренции за капитал, которая связана с позицией актора в поле. Акторы изначально не находятся в равных позициях в поле и не обладают равными преимуществами, не существует раз и навсегда зафиксированного преимущества в поле. Позиция индивида определяется его действиями, и здесь теория капитала позволяет рассматривать практики мастеров духовности как действия, которые позволяют актору занять определенное преимущественное положение, обосновывающее его возможность влияния на поле, его власть внутри поля.

Власть акторов в поле духовности будет интерпретироваться нами с позиции идей М. Фуко [24]. Его концепция власти позволяет интерпретировать возможности властного воздействия, в том числе через знание мастера духовности. Экспертное знание тесно переплетено с властью. Например, общественное научное знание оказывает, по его мнению, формирующее влияние на людей с претензией на экспертное знание. Дэвид Гарланд так суммирует понимание власти Фуко: власть «отнесена к различным формам господства и подчинения и асимметричному балансу сил, имеющему место там и тогда, где и когда существуют социальные отношения... общественную жизнь стоит мыслить не как то, что происходит в рамках единого всеохватного “общества”, но как происходящее в пространстве множества силовых полей, иногда связанных, а иногда не связанных друг с другом» [25. С. 130].

Власть как всепроникающий аспект общественной жизни, одновременно репрессивный и продуктивный, формирует действия индивидов и использует их телесные силы в своих целях. Власть укоренена во множестве микропрактик, в том числе в повседневной сфере. Точно также она укоренена и в духовных практиках – центральном феномене сферы духовности.

Власть через действия мастеров «производит» порядок, формирует других «субъектов» поля, нормализуя этот порядок и представления субъектов о нем, делая их способными придерживаться определенных норм. Так, мастер, воспроизводя определенный социальный порядок во время духовной практики, одновременно «производит» этот порядок и за ее пределами, оказывая воздействие, например, и на сферу частной жизни участников духовных практик.

Субъект, по мнению Фуко, складывается активно, через практики самости. Эти практики «не являются тем, что изобретает сам индивид... это схемы, которые он находит в своей культуре и которые предлагаются, внушаются и навязываются ему его культурой, его обществом и его социальной группой» [24. С. 256]. Такое управление через практики самости осуществляется работодателями, административными инстанциями, социальными работниками, родителями, школьными учителями, медицинским персоналом и экспертами всех мастей [25. С. 141].

Знание, в том числе экспертное, в концептуальных построениях Фуко становится одновременно инструментом и проявлением власти. Актор, обладающий знанием и одновременной возможностью определять границы знания, наделяется властью. Пока оставим за скобками вопрос, на чем эта власть основана. Экспертное знание формируется властными субъектами, в нем могут быть определены критерии истинности знания, используемые другими субъектами, ими же некоторое знание может помечаться как опасное, вредное, неистинное. Эксперты могут задавать системы классификации объектов/информации разного рода и устанавливать индивидуально или группой (например, через профессиональное сообщество) механизмы контроля над действиями (насколько они соответствуют установленным стандартам, что характерно для определенных видов профессиональной деятельности), могут также устанавливать монополию на производство знания (например, знание в формате школьных учебников). Практики могут регулироваться, конституироваться экспертами или производимым ими знанием.

До Фуко о роли знания и экспертов, обладающих подобным знанием, писал еще Макс Вебер. Но в его понимании власть эксперта строится на легитимном статусе субъекта и бюрократических процедурах, закрепляющих этот статус. Роль знания в такой ситуации возрастает. Экспертное знание само по себе является специализированным, требует профессиональной подготовки субъекта, контроля со стороны экспертов. В основе статуса и знания и эксперта лежит их престиж или символический капитал (в терминологии П. Бурдьё).

В-шестых, конструкционистские социальные теории. Символический капитал, являющийся основанием власти мастера духовности, выводит нас на вопрос о механизме действия этого капитала. Теории социального конструирования показывают возможность не только воспроизводства социального порядка, но и производства представлений о социальном порядке, в том числе в публичном пространстве, и роли взаимодействия и интеракций в поддержании и изменении существующего социального порядка,

например, путем институционализации социального явления [26, 27].

Деятельность акторов поля духовности может быть оценена на соответствие определенным признакам профессии, что позволит проблематизировать процессы профессионализации как на индивидуальном уровне, так и на уровне всего поля духовных практик. Ключевыми для нас являются следующие признаки профессии [19, 28]: 1) наличие специализированных знаний и навыков, получаемых в ходе специального образования и/или практики; 2) наличие формальных и неформальных профессиональных объединений, сообществ, которые контролируют вход в профессию и регулируют стандарты профессиональной этики; 3) самоопределение/самоидентификация как профессионалов; 4) наличие профессиональной культуры, включающей нормы, ценности, традиции и этику профессии, институт репутации и особый язык; 5) наличие отношений, опосредованных услугой, оказываемой профессионалом или профессиональным сообществом другим субъектам [29].

Профессионализация будет пониматься нами как процесс, который предполагает конструирование деятельности мастеров духовности в логике профессии, включающей наличие определенных признаков, способствующих повышению статуса «профессионала», получению признания, повышению уровня доверия к самому актору и его деятельности, что способствует формированию представлений об экспертной силе мастера духовности [30]. Профессионализация может оцениваться как на уровне актора, и в таком случае речь идет скорее о процессе социализации субъекта в определенном профессиональном поле, так и на уровне поля в целом – и тогда она предполагает и изменение поля, и «воспроизводство» определенного символического порядка.

Методология исследования опирается на теоретический синтез различных подходов к анализу деятельности мастеров духовности и процессов профессионализации, происходящих в поле духовности: теории происхождения духовности и внеконфессиональной религиозности (П. Хилас [6], Д. Джордан [4]); теории, обосновывающие влияние неолиберализма на распространение терапевтической культуры (Х. Римке [1], П. Арансон [31], Е. Иллуз [2]); функционалистский и неовеберианские подходы к профессиям (У. Гуд [15], Р. Павалко [16], Дж. Миллерсон [17]); теории, концептуализирующие основания экспертности мастеров духовности как системообразующих акторов (теория знания М. Вебера, теория поля и социального капитала П. Бурдьё, теория поля Б. Вертера, теория власти М. Фуко, конструкционистские теории П. Бергера, Т. Лукмана, С. Хилгартнера, Ч.Л. Боска). Такой выбор теоретической рамки позволяет рассматривать процессы «профессионализации» деятельности мастеров духовности, с одной стороны, как динамику властных отношений в поле духовности, с другой – как проникновение в поле духовности других процессов и сопутствующее влияние на деятельность участников поля со стороны экономики, терапевтической культуры, одновременно сопровождаемое психологизацией и эмоционализацией культуры.

Теоретический синтез сопровождается уточнением ключевых понятий для поля духовности – «профессионализация», «экспертность», «мастер духовности» с целью их операционализации в контексте таких глобальных тенденций, как распространение неолиберализма и терапевтической культуры.

Результаты

Деятельность мастеров духовности и характерные для нее стратегии профессионализации представлены в рамках следующих основных сюжетов: структура поля духовности, условия и особенности приобретения или повышения «профессионального» статуса мастера духовности, самоидентификация мастеров, основания их экспертности и влияние коммерциализации на профессионализацию деятельности мастеров духовности. Такой фокус позволяет оценить конструирование деятельности системообразующего актора сферы духовности в логике «профессионализации», способствующей формированию статуса мастера как профессионала, обладающего определенным уровнем экспертности. Такое конструирование происходит в определенных контекстуальных условиях (неолиберальный социальный порядок, сопровождаемый распространением постсекулярной и терапевтической культуры с акцентом на индивида).

1. Структура поля. Духовность рассматривается нами как специфическое поле, включающее участников, обладающих разным социальным капиталом: во-первых, это духовные центры, в условиях которых мастера духовности осуществляют духовные практики для учеников или других «практикующих», во-вторых, это объединения или ассоциации мастеров или самих духовных центров, задающих границы поля, определяющих тематические сегменты для поля (например, практики прогнозирования будущего; практики исцеления; практики духовного самопознания и расширения своих возможностей; практики увеличения благосостояния; практики развития женского начала; практики, направленные на решение семейных проблем), в-третьих, тематические информационные порталы, выступающие своего рода «агрегаторами» информации для всех участников поля, позволяют информировать о событиях, происходящих внутри поля.

Строгие рамки для поля духовности невозможны в силу его подвижности и динамичности, постоянного обновления направлений и практик, предлагаемых духовными центрами или мастерами. Само поле обладает определенной специализацией, в него попадают акторы, разделяющие идеи духовного развития вне институциональной религии и ее догматических схем; представления о сверхъестественных силах; идеи приоритета практического поиска духовности над теоретическим; идеи важности концентрации на своем «Я» как на главном инструменте управления внутренним и внешним миром человека; идеи приоритета настоящего и повседневности; идеи холизма, эклектичности и плюралистичности духовных поисков и возможность индивидуального поиска содержания, смысла и цели человека.

Для поля характерны разные способы попадания участников внутрь: самостоятельный духовный поиск, вовлечение в практики другим значимым субъектом, вовлечение через рекламу и другие способы распространения информации о духовных практиках, через поиск досуговых практик с последующим вовлечением в духовные, участие в фестивалях и ярмарках духовных практик. Любой новый участник поля проходит неформализованную процедуру легитимации своего статуса полем и его наиболее властными акторами. Например, такое признание новичок может получить, участвуя в крупных фестивалях духовных практик, становясь активным участником информационных площадок и медиа мастеров и духовных центров, регулярным участником духовных практик, в конечном счете – активным участником сообщества, возникающего вокруг конкретного мастера духовности или духовного центра.

Все участники поля находятся в конкуренции за свою позицию. В некоторых случаях это приводит к тиражированию практик, когда один мастер берет за основу востребованные практики других мастеров, способствуя тем самым их распространению. Конкуренция за аудиторию, за учеников способствует как обновлению практик, так и распространению индивидуального подхода мастера к своим ученикам. В публичном поле такая конкуренция способствует презентации практики в превосходной степени: «лучшая...», «самая популярная...», «эффективная...».

Объединения мастеров духовности или духовных центров выступают профессиональными сообществами, выполняющими функции контроля и стандартизации. Например, такие сообщества задают критерии значимости того или иного вида символического капитала участников поля (значимости духовного опыта мастера, наличия у них определенного количества учеников и последователей), критерии верификации статуса мастера (наличия документа об обучении у наиболее авторитетного мастера, участия в наиболее значимом духовном событии и др.). С другой стороны, сообщества акторов, наделенные властью, становятся тем субъектом, который определяет разного рода рамки как извне поля, так и внутри него (отчасти рамки поля могут сдвигаться публичными действиями таких сообществ, сегменты поля могут получать свои очертания подобными способами). Объединения сообществ задают правила для осуществления конкретных практик, выполняя тем самым свою стандартизирующую функцию (подобным образом, например, профессиональные сообщества строителей могут договориться о правилах работы строительных бригад при совместной коттеджной застройке). И, наконец, сообщества мастеров духовности могут устанавливать этические нормы взаимодействия с учениками и другими участниками духовных практик точно также, как это делают профессиональные объединения представителей классических помогающих профессий (например, объединения социальных работников, врачей, учителей или психотерапевтов).

Однако, несмотря на наличие подобных объединений, мы настаиваем на наличии определенных барьеров

ров как в их деятельности в целом, так и для вступления определенных участников поля. Такие барьеры становятся возможны в силу эклектичности поля, наличия очень разных сегментов и направлений внутри поля, для которого, скорее, характерна дифференциация, чем универсализация любых аспектов деятельности. Барьером для конкретного участника может выступать размер членских взносов, который, с одной стороны, отсеивает «сомневающихся», случайных участников поля, с другой – тех, в деятельности которых нет явной коммерческой доминанты.

Язык поля духовности отличается эклектичностью, что для нас является признаком взаимопереплетения полей: например, терапевтического поля и религиозного. Мастера духовности используют сложно вербализуемые понятия («энергия», «душа», «гармония», «духовный рост»). Для каждого из полей характерна эмоционализация языка («быть в ресурсе», «эмоциональный подъем», «баланс», «подъем сил», «трэш», «токсичность», «личные границы», «депрессия» и др.). В языке духовности преобладают термины, в том числе привнесенные из науки, например, психологии, нейропсихологии. Термины языка поля духовности составляют взаимосвязанную логическую систему, отражающую специфику поля [32]. В целом языковые стратегии мастеров способствуют легитимации их деятельности, конструированию их экспертности. Однако подобный язык не отличается конкретностью, способствует описанию субъективных ощущений или духовного опыта участников, понимание терминов и понятий может отличаться у разных участников поля, более того, термины используются активно, но без их строгого определения и наполнения. Дискуссионным остается вопрос, насколько имеющийся язык способствует конструированию деятельности мастеров духовности в логике профессиональной деятельности.

2. Условия и особенности приобретения или повышения «профессионального» статуса мастера духовности. Можно выделить две основные модели приобретения «профессионального» статуса мастера духовности. Первая модель – «призыв» или обнаружение в себе сверхъестественных способностей. За этим следует погружение в изучение религиозных, мистических и эзотерических традиций, часто сопровождаемое участием в деятельности уже состоявшихся мастеров духовности и/или религиозных организаций. Со временем происходит рефлексия о мире, человеке и смыслах, которые его окружают, и формируется желание поделиться своим духовным опытом, основать собственное духовное сообщество. Вторая модель – это получение образования и документальное подтверждение квалификации. Полученная квалификация и подтверждающий ее документ считаются достаточными основаниями для «профессиональной» деятельности – выпускник может выходить на рынок труда. Таким образом, обе модели приобретения статуса мастера являются традиционными для нашего общества. Первая модель типична для большинства религиозных традиций, вторая модель – тоже классический вариант приобретения статуса профессионала в светском обществе. Стоит заметить,

что первая и вторая модели могут оставаться в чистом виде, однако регулярно смешиваются, взаимодополняя друг друга.

Если говорить о специфике обучения духовным практикам, можно зафиксировать несколько распространенных представлений о том, кто может стать мастером духовности. Считается, что «при должном старании, и в разной степени компетентности, овладеть духовными практиками может каждый... требуется “работа”, понимаемая средой как опыт личного развития и преобразования, обучение разным духовным практикам или специализация на одной-нескольких, природные способности (мистические, интеллектуальные и прочие)» [22. С. 153]. Духовный опыт в виде накопленного практического и теоретического мастерства является прологом для деятельности индивида в качестве мастера. Еще одно представление, характерное для духовности, – это представление о необходимости постоянного развития как ученика, так и мастера. Это приводит к тому, что мастеру приходится осваивать новые области духовного знания и практик («двигаться вширь») либо специализироваться на одной – нескольких духовных практиках, переходя с одного уровня на другой («двигаться вглубь»). Ограничений по полу и возрасту для желающих стать мастерами духовности как таковых нет, что можно объяснить следующими причинами: 1) половые и возрастные ограничения воспринимаются духовной средой как рамки, которые препятствуют личному развитию; 2) критерий опытности мастера располагается не в области возраста и пола, а в области синтетически накопленного опыта; 3) в поле духовности нет монопольных властных субъектов, способных устанавливать жесткие половозрастные рамки для желающих стать профессиональными служителями культа (например, как в православии, католичестве).

3. Самоидентификация мастеров духовности. Самоидентификация мастеров духовности имеет определенные особенности. Сфера их деятельности может пересекаться с другими видами деятельности (например, психолог, коуч, священник, учитель, инструктор, наставник и т.д.), но самоидентификация актора духовности как профессионала основана на претензии на более узкую и конкретную область (энергетическое здоровье, эмоциональное исцеление и др.) и одновременно на эксклюзивность применяемой методики или знания в этой области. В связи с почти полным отсутствием государственного регулирования и институционализации поля духовности, публичное признание мастеров становится результатом признания легитимности и авторитета среди клиентов и последователей мастера. Таким образом, профессиональная самоидентификация мастеров духовности во многом связана с признанием, доверием и наличием экспертного статуса. Более того, как отмечал Эндрю Эбботт, претензия на профессиональный статус связана в первую очередь с претензией на юрисдикцию (*claim to jurisdiction*), т.е. право действовать в определенной области знаний. Это требование предполагает и установление когнитивной власти над совокупностью знаний и методов в определенной сфере и общественное признание этой власти [19. Р. 59–60].

Мастера духовности используют современные медиаресурсы для провозглашения собственного «профессионального» статуса (социальные сети, собственные сайты и др.) и демонстрации своего опыта в формате CV (*“curriculum vitae”*). Как правило, это площадки с открытым доступом и возможностью продажи и продвижения товаров и услуг (VK, avito, profi и др.). Статус мастера подкрепляется активностью пользователей медиаресурсов: отзывы клиентов составляют цифровое «портфолио» мастера, похожее на портфолио любого представителя традиционной профессии. При этом подобное публичное конструирование статуса и его продвижение значимо скорее для частнопрактикующих специалистов.

Мастера могут использовать рекламно-сувенирную продукцию для собственного продвижения на рынке духовных практик (фирменные материалы, визитки и др.). В некоторых случаях мастером может создаваться целая эстетика профессионального перформанса для конструирования собственного статуса. Часто мастера выстраивают бренд на основе личной истории, заявляя о собственном трансформационном опыте на пути овладения уникальными знаниями и методами.

С одной стороны, стратегии самопрезентации задаются неолиберальной логикой, правилами рынка или правилами использования инструментов, которые выбираются мастерами (например, правилами маркетинговых кампаний и др.). С другой стороны, такие условия неизбежно влияют и на содержание деятельности мастеров духовности, что обусловлено изначальной эклектичностью, индивидуализацией и свободой выбора индивида в поле духовности.

4. Экспертность мастера. В контексте упомянутого нами выше влияния неолиберализма на духовность и задачи переосмысления экспертности мастеров духовности полагаем, что в поле духовности авторитет переходит от религиозных организаций к индивидуальным акторам, которые действуют в логике предпринимателей: позиционируют себя как бренды, предлагая личную аутентичность и успех в качестве источника своей легитимности.

Мастер воспринимается как актер, обладающий определенной экспертностью, а ученики в некоторой степени верят в экспертную силу мастера. С одной стороны, экспертность мастеров духовности основана на их духовном опыте и опыте практикования, на принадлежности сообществу. С другой стороны, в поле духовности нет каких-либо институциональных структур, которые могли бы закреплять статус экспертности или верифицировать его. Для духовности характерна стратегия эпистемологической легитимации, предполагающая создание или реконструирование системы духовных знаний как древней традиции, аутентичной или универсально значимой [33]. Например, мастера духовности могут опираться на «потерянное» или скрытое знание Атлантиды, Лемурии, Древнего Египта, Тибета или встраивать в уже существующую систему конструкты восточных философских традиций (буд-

дизм, даосизм, индуизм), однако часто в очень упрощенном виде. Так, например, Олав Хаммер показывает, как формируется духовный авторитет на основе реконструирования традиций в упрощенной или деконтекстуализированной форме. Эпистемологический авторитет без поддержки институтов в рамках духовности становится результатом процессов, близких тем, что происходят в новых религиозных движениях. Возможно несколько стратегий: 1) обращение к личному опыту: «я знаю, что это работает, потому что я это прочувствовал»; 2) харизматическое лидерство; 3) эзотерическая передача знания: знание преподносится как скрытое или доступное только духовно подготовленным, избранным; 4) признание другими мастерами.

Экспертность мастеров, помимо самоопределения мастера как эксперта духовности, может подтверждаться прохождением определенных ступеней духовного развития, что одновременно может быть условием доступа к «профессиональной» группе. Так, например, в духовных практиках право преподавать появляется с достижением определенного уровня – своего рода профессионального фильтра для доступа к элитарному кругу мастеров духовности. Статус эксперта становится основанием публичного признания мастера как среди других мастеров, так и среди учеников, такое признание может проявляться в приглашении принять участие в мероприятиях других мастеров, в деятельности других духовных центров. Более того, сами центры могут повышать свой авторитет, приглашая известных мастеров духовности.

Статус мастера духовности конструируется через звания, свидетельствующие о «профессионализме», что позволяет говорить о пересечении дискурсов «профессионализма», «авторитетности» и «экспертности». Эти звания часто присваиваются самостоятельно или неформальными сертифицирующими органами. Звание здесь – вид символического капитала мастера, необходимый ему для завоевания доверия у аудитории, и одновременно – форма самоидентификации в сообществе. Использование терминов «сертифицированный» и «лицензированный» способствует конструированию дискурса авторитетности, аналогичному терапевтическому или медицинскому дискурсу. Многие мастера отделяют себя от «ненастоящих профессионалов», подчеркивая свою авторитетность, опытность и экспертность в определенных вопросах, однако границы «профессионализма» в поле духовности размыты и не артикулированы. Все это сближает деятельность мастеров с любыми другими классическими профессиями, где профессионал – всегда эксперт в своей области.

В неолиберальной логике для подтверждения своего авторитета и статуса мастера духовности часто включаются в совместные проекты, в том числе на медиaplatformах, что позволяет не только распространять информацию о себе и своей деятельности, но и публично провозглашать себя как часть экспертного сообщества, одновременно с этим подтверждать статус эксперта.

Конструированию статуса эксперта способствуют и риторические стратегии, используемые мастерами духовности: обращаясь к научной терминологии, переформулируя духовные цели в психологические (терапевтические) и заявляя об универсальности знания, мастера словно присоединяются к науке и одновременно экстраполируют авторитет науки на поле духовности и себя. Отсылка к научным теориям и использование квазинаучного языка связаны также и с высоким уровнем доверия к науке в целом.

5. Влияние коммерциализации деятельности мастеров духовности на профессионализацию. Для оценки профессионализации в сфере духовности определены стратегии деятельности мастеров, наиболее значимой из которых является стратегия коммерциализации, отчасти включающая брендинг мастера духовности или духовного центра. Традиционные стратегии профессионального развития, построения профессиональной карьеры, профессионального роста присутствуют в поле духовности опосредованно. Дискуссионным является вопрос, что можно считать «профессиональным» достижением мастера. Формальная оценка достижений, характерных для традиционных видов профессиональной деятельности, предполагающая регламентированную процедуру с конкретными критериями и субъектами оценивания, невозможна в поле духовности.

Эклектичность поля способствует появлению акторов, признаваемых другими мастерами как более значимыми в узких сегментах поля, что позволяет им наделять властными полномочиями повышать статус других, относящихся только к этому сегменту.

Центры духовности или индивидуальные мастера стремятся создать свои бренды, ориентированные на определенную репутацию и аудиторию. Таким образом, желая посетить тренинг, человек выбирает тот центр, который больше всего соответствует его представлениям о самом себе, ожиданиям, социальному статусу и финансовым возможностям. Действительно, финансовый аспект деятельности спиритуальных центров присутствует, отсюда правомерно говорить о «духовных супермаркетах», а также рассматривать духовность как спиритуально-коммерческое движение [5, 9, 34, 35]. Мастера духовности становятся поставщиками услуг, часто связанных с личностной трансформацией или исцелением. Потребители таких услуг могут выбирать элементы духовной практики для потребления, как продукты на рынке, не вовлекаясь во всю практику целостно.

В деятельности мастеров и центров духовности определенно наблюдается и процесс менеджериализации: так, духовный продукт (услуга или товар) упаковываются в коммерческую форму; есть ключевые показатели эффективности деятельности мастеров и центров; активное ведение социальных сетей в целях рекламы и продаж; духовные практики зачастую продвигаются в публичном пространстве как коммерческий продукт и т.п. [22]. Однако присутствие экономической логики, коммерциализация и менеджериализация деятельности мастеров могут быть рассмотрены и как

контекстуальная рамка, свойственная разным явлениям современной жизни, в том числе неолиберальному обществу, нацеленному на экономическую эффективность и рациональность. Вопрос коммерциализации как признак профессионализации деятельности мастеров тоже дискуссионен. Во-первых, оплата за труд свойственна не только профессиям, но и занятиям. Во-вторых, сама упаковка духовного продукта в коммерческую оболочку по существу не изменяет содержание данного продукта. В-третьих, возникает необходимость сочетать компетенции духовного наставника, маркетолога, администратора, менеджера по продажам. Однако это все не основные функции мастера: именно они могут быть делегированы другим акторам.

Заключение

Анализ деятельности мастеров духовности демонстрирует наличие в ней признаков профессиональной деятельности: в духовности существуют специализированные знания и навыки, приобретаемые мастерами в процессе погружения в поле и получения духовного опыта; в поле духовных практик существуют объединения и сообщества, специализирующиеся по направлениям духовности, которые стремятся к контролю самой деятельности, вырабатывают стандарты деятельности, не имеющие статуса обязательных, но признаваемые в некоторых сегментах поля; сами мастера оценивают себя как определенного рода «профессиональных» субъектов, что позволяет одновременно получать признание и выступать экспертами в духовных вопросах; в духовности сложился определенный неартикулируемый этос, воспроизводимый в ритуалах и устоявшихся практиках, поддерживаемый специфической лексикой; для духовности характерны классические отношения между мастером и его клиентом, опосредованные той услугой, которую мастер оказывает.

Профессионализация деятельности мастеров духовности происходит под воздействием неолиберализма и терапевтической культуры; происходит размытие границ поля духовности, сближение деятельности в сфере духовности, популярной психологии и самопомощи; контекстуальные условия развития духовных практик определяют их индивидуализацию, сосредоточенность на эмоциональных аспектах (счастье, гармония, баланс), коммерциализацию и менеджериализацию услуг духовных мастеров, возможность осуществления духовных практик вне институциональных структур (например, как частнопрактикующий мастер).

Профессионализация поля духовности задается в то же самое время спецификой самого поля, его эклектичностью и сегментированностью, не способствующих возникновению крупных монопольных акторов или институтов, обладающих властными полномочиями задавать «правила игры» в пределах поля; одновременно содержание услуг мастеров духовности задает ориентацию акторов на постоянное обновление,

расширение практик и смену узкой специализации мастера, в том числе под влиянием коммерческой составляющей духовности.

Наиболее значимым основанием статуса «профессионала» в поле духовности становится экспертность актора, которая строится как на классических принципах (наличие знания и опыта, институциональная верификация статуса, закрытость экспертного статуса и элитарность), позволяющих получить актору признание и доверие со стороны учеников или других акторов (других экспертов/институтов), так и на неолиберальных принципах, предполагающих в том числе заимствование языка науки для повышения доверия к актору, медиатизацию деятельности, конструирование индивидуального бренда мастера; статус эксперта духовности в неолиберальной логике скорее является приватизированным и персонализированным, не зависящим от традиционных институтов, определяющих

рамки и процедуры присвоения статуса. Для участников поля ключевым основанием экспертности является индивидуальный невоспроизводимый духовный опыт мастера, который позволяет его оценивать как уникального специалиста, отличающегося от всех других специалистов.

Деятельность мастеров духовности может быть рассмотрена и как квазипрофессиональная деятельность, так как происходящая профессионализация не затрагивает все аспекты этой деятельности, носит фрагментарный характер. Ключевыми основаниями для признания деятельности как квазипрофессиональной могут выступать следующие основания: отсутствие формального образования, значительное влияние индивидуальных особенностей мастера и его духовного опыта, проблема отсутствия формальных процедур легитимации статуса мастера и институциональных структур, ее осуществляющих.

Список источников

1. Rimke H. Self-help, therapeutic industries, and neoliberalism // *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures* / J.B. Rubin, S. Matthews, N. Malhotra (Eds.). London : Routledge, 2020. P. 37–50.
2. Иллуз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь / пер. с англ. А.В. Рахманько. М. : АСТ; Лёд, 2023. 352 с.
3. Wuthnow R. *After Heaven: Spirituality in America since the 1950s*. Berkeley : University of California Press, 1998. 286 p.
4. Giordan G. Spirituality // *Handbook of Sociology of Religion* / D. Yamane (Ed.). Cham : Springer, 2016. P. 197–216.
5. Possamai A. Alternative Spiritualities and the Cultural Logic of Late Capitalism // *Culture and Religion*. 2003. Vol. 4, № 1. P. 31–45. doi: 10.1080/014383003020807
6. Heelas P. The Spiritual Revolution: From Religion to Spirituality // *Religions in the Modern World* / L. Woodhead, P. Fletcher, H. Kawanami, D. Smith (Eds.). London; New York : Routledge, 2002. P. 417–436.
7. Huss B. Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular // *Journal of Contemporary Religion*. 2014. Vol. 29, № 1. P. 47–60. doi: 10.1080/13537903.2014.864803
8. Roof W.C. Religion and Spirituality: Toward an Integral Analysis // *Handbook of the Sociology of Religion* / M. Dillon (Ed.). Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 137–148.
9. Purser R.E. *McMindfulness: How mindfulness became the new capitalist spirituality* // *Journal of Global Buddhism*. 2021. Vol. 22, № 1. P. 251–258. doi: 10.5281/zenodo.4727641
10. Chachignon P., Le Barbenchon E., Dany L. Mindfulness research and applications in the context of neoliberalism: A narrative and critical review // *Social and Personality Psychology Compass*. 2024. Art. № e12936. doi: 10.1111/spc3.12936
11. Carrette J., King R. *Selling Spirituality: The Silent Takeover of Religion*. London : Routledge, 2005. 210 p.
12. Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // *Социальное пространство: поля и практики*. М. ; СПб. : Алетеия, 2007. С. 554–576.
13. Бурдьё П. Разложение религиозного // *Начала*. Choses dites. М., 1987.
14. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 645–706.
15. Goode W.J. Community within a Community: The Professions // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22, № 2. P. 194–200.
16. Pavalko R.M. *Sociology of Occupation & Profession*. Itasca, IL : F.E. Peacock Publishers, 1971. 231 p.
17. Millerson G. *The Qualifying Associations: A Study in Professionalisation*. London : Routledge & Kegan Paul, 1964. 272 p.
18. Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании // *Профессиональные группы интеллигенции* / отв. ред. В.А. Мансуров. М. : Ин-т социологии РАН, 2003. С. 61–79.
19. Abbott A. *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago : University of Chicago Press, 1988. 435 p.
20. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // *Социологические исследования*. 2002. № 6. С. 36–46.
21. Абрамов Р.Н. Социология профессий и занятий: история становления и основные идеи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2017. 400 с.
22. Кузнецова О.В. Феномен духовных практик в современной России: организационные формы и основные участники : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург : УрФУ, 2022. 254 с.
23. Verter B. Spiritual Capital: Theorizing Religion with Bourdieu Against Bourdieu // *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21, № 2. P. 150–174. doi: 10.1111/1467-9558.00182
24. Фуко М. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. 320 с.
25. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кыржелева. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
26. Бергер П.Л., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания* / пер. с англ.; науч. ред. В.И. Добренко. М. : Моск. философский фонд, 1995. 322 с.
27. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем // *Социальная реальность*. 2008. № 2. С. 73–94.
28. Freidson E. *Professionalism: The Third Logic*. Chicago : University of Chicago Press, 2001. 214 p.
29. Аникин В., Соловьёв Р. Попрошайничество как (квази)профессия // *Профессии социального государства* / под ред. В.А. Мансурова. М. : ИС РАН, 2013. С. 328–349.
30. Hoyle E. Teaching as a Profession // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences* / N.J. Smelser, P.B. Baltes (Eds.). Oxford : Pergamon, 2001. P. 15472–15476. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/02450-5
31. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности / под ред. П. Аронсон. М. : Individuum, 2022. 288 с.
32. Малюга Е.Н. Основные характеристики профессионального языка // *Вестник Самарского государственного университета*. 2011. № 82 (1–2). С. 133–138.
33. Hammer O. *Claiming Knowledge: Strategies of Epistemology from Theosophy to the New Age*. Leiden; Boston : Brill, 2001. 547 p.
34. Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие. М. : Инфра-М, 2011. 224 с.

35. Grishaeva E.I., Kuznetsova O.V. Alternative spirituality as a phenomenon of consumer society // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 7, № 7. P. 1137–1144.

References

- Rimke, H. (2020) Self-help, therapeutic industries, and neoliberalism. In: Rubin, J.B., Matthews, S. & Malhotra, N. (eds) *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures*. London: Routledge. pp. 37–50.
- Illouz, E. & Cabanas, E. (2023) *Fabrika schastlivykh grazhdan: kak industriya schast'ya kontroliruet nashu zhizn'* [The Happy Citizen Factory: How the Happiness Industry Controls Our Life]. Trans. from English by Rakhman'ko, A.V. Moscow: AST; Lyod.
- Wuthnow, R. (1998) *After Heaven: Spirituality in America since the 1950s*. Berkeley: University of California Press.
- Giordan, G. (2016) Spirituality. In: Yamane, D. (ed.) *Handbook of Sociology of Religion*. Cham: Springer. pp. 197–216.
- Possamai, A. (2003) Alternative Spiritualities and the Cultural Logic of Late Capitalism. *Culture and Religion*. 4 (1). pp. 31–45. doi: 10.1080/01438300302807
- Heelas, P. (2002) The Spiritual Revolution: From Religion to Spirituality. In: Woodhead, L., Fletcher, P., Kawanami, H. & Smith, D. (eds) *Religions in the Modern World*. London; New York: Routledge. pp. 417–436.
- Huss, B. (2014) Spirituality: The Emergence of a New Cultural Category and its Challenge to the Religious and the Secular. *Journal of Contemporary Religion*. 29 (1). pp. 47–60. doi: 10.1080/13537903.2014.864803
- Roof, W.C. (2003) Religion and Spirituality: Toward an Integral Analysis. In: Dillon, M. (ed.) *Handbook of the Sociology of Religion*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 137–148.
- Purser, R.E. (2021) McMindfulness: How mindfulness became the new capitalist spirituality. *Journal of Global Buddhism*. 22 (1). pp. 251–258. doi: 10.5281/zenodo.4727641
- Chachignon, P., Le Barbenchon, E. & Dany, L. (2024) Mindfulness research and applications in the context of neoliberalism: A narrative and critical review. *Social and Personality Psychology Compass*. Art. no. e12936. doi: 10.1111/spc3.12936
- Carrette, J. & King, R. (2005) *Selling Spirituality: The Silent Takeover of Religion*. London: Routledge.
- Shmatko, N.A. (2007) "Sotsial'nye prostranstva" P'era Burde [The "Social Spaces" of Pierre Bourdieu]. In: *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Moscow; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 554–576.
- Bourdieu, P. (1987) Razlozhenie religioznogo [The Decomposition of the Religious]. In: *Nachala. Choses dites*. Moscow.
- Weber, M. (1990) Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation and Profession]. In: Veber, M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress. pp. 645–706.
- Goode, W.J. (1957) Community within a Community: The Professions. *American Sociological Review*. 22 (2). pp. 194–200.
- Pavalko, R.M. (1971) *Sociology of Occupation & Profession*. Itasca, IL: F.E. Peacock Publishers.
- Millerson, G. (1964) *The Qualifying Associations: A Study in Professionalisation*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Saks, M. & Allsop, J. (2003) Sotsiologiya professiy: gosudarstvo, meditsina i rynek v Velikobritanii [Sociology of Professions: State, Medicine and Market in Great Britain]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Professional'nye gruppy intelligentsii*. Moscow: Institute of Sociology, RAS. pp. 61–79.
- Abbott, A. (1988) *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mansurov, V.A. & Yurchenko, O.V. (2002) Sotsiologiya professiy. Istoriya, metodologiya i praktika issledovaniy [Sociology of Professions. History, Methodology and Research Practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 36–46.
- Abramov, R.N. (2017) *Sotsiologiya professiy i zanyatii: istoriya stanovleniya i osnovnye idei* [Sociology of Professions and Occupations: History of Formation and Main Ideas]. Sociology Dr. Diss. Moscow.
- Kuznetsova, O.V. (2022) *Fenomen dukhovnykh praktik v sovremennoy Rossii: organizatsionnye formy i osnovnye uchastniki* [The Phenomenon of Spiritual Practices in Modern Russia: Organizational Forms and Main Participants]. Philosophy Cand. Diss. Yekaterinburg: UrFU.
- Verter, B. (2003) Spiritual Capital: Theorizing Religion with Bourdieu Against Bourdieu. *Sociological Theory*. 21 (2). pp. 150–174. doi: 10.1111/1467-9558.00182
- Fuko, M. (2006) *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power]. Pt. 3. Moscow: Praksis.
- Lyuks, S. (2010) *Vlast': radikal'nyy vzglyad* [Power: A Radical View]. Trans. from English by Kyrzhelev, A.I. Moscow: HSE.
- Berger, P.L. & Lukmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Trans. from English. Ed. by Dobrenkov, V.I. Moscow: Mosk. filosofskiy fond.
- Hilgartner, S. & Bosk, C.L. (2008) Rost i upadok sotsial'nykh problem [The Rise and Fall of Social Problems]. *Sotsial'naya real'nost'*. 2. pp. 73–94.
- Freidson, E. (2001) *Professionalism: The Third Logic*. Chicago: University of Chicago Press.
- Anikin, V. & Solov'ev, R. (2013) Poproshaynichestvo kak (kvazi)professiya [Begging as a (Quasi)Profession]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Professii sotsial'nogo gosudarstva*. Moscow: IS RAS. pp. 328–349.
- Hoyle, E. (2001) Teaching as a Profession. In: Smelser, N.J. & Baltes, P.B. (eds) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Oxford: Pergamon. pp. 15472–15476. doi: 10.1016/B0-08-043076-7/02450-5
- Aronson, P. (ed.) (2022) *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoy real'nosti: ot ab'yuzha do toksichnosti* [Complex Feelings. Phrasebook of the New Reality: From Abuse to Toxicity]. Moscow: Individuum.
- Malyuga, E.N. (2011) Osnovnye kharakteristiki professional'nogo yazyka [Main Characteristics of Professional Language]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 82 (1–2). pp. 133–138.
- Hammer, O. (2001) *Claiming Knowledge: Strategies of Epistemology from Theosophy to the New Age*. Leiden; Boston: Brill.
- Egil'skiy, E.E., Matetskaya, A.V. & Samygin, S.I. (2011) *Novye religioznye dvizheniya. Sovremennye netraditsionnye religii i ezotericheskie ucheniya* [New Religious Movements. Contemporary Non-Traditional Religions and Esoteric Teachings]. Textbook. Moscow: Infra-M.
- Grishaeva, E.I. & Kuznetsova, O.V. (2014) Alternative spirituality as a phenomenon of consumer society. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 7 (7). pp. 1137–1144.

Информация об авторах:

Кузнецова О.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: olesyakzn@yandex.ru

Смолина Н.С. – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: smolina-n@yandex.ru

Кускова О.Е. – директор Центра научных и аналитических исследований Ассоциации участников технологических кружков (Москва, Россия). E-mail: o.e.kuskova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: olesyakzn@yandex.ru

N.S. Smolina, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: smolina-n@yandex.ru

O.E. Kuskova, director of the Center for Scientific and Analytical Research, Association of Participants of Technological Circles (Moscow, Russian Federation). E-mail: o.e.kuskova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 21.06.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 130.3
doi: 10.17223/15617793/520/9

Одиночество как бытие-не-со-действие на пути к спасению человека в концепции экзистенциальных «экстремумов» С. Кьеркегора

Максим Николаевич Лященко¹

¹ Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, megamax82@rambler.ru

Аннотация. Представлена реконструкция модели одиночества в аспекте авторского осмысления философской концепции С. Кьеркегора. Новая интерпретация одиночества как бытия-не-со-действия представляет собой радикальный пересмотр традиционной парадигмы, в рамках которой данное состояние отождествлялось исключительно с изоляцией. Заключается, что это переосмысление вызывает необходимость пересмотра существующих теоретических моделей и методологических подходов в области философии, поскольку оно предполагает расширение концептуального аппарата и углубление анализа данного явления.

Ключевые слова: одиночество, С. Кьеркегор, экзистенциальные «экстремумы», Бог, свобода, ничто, страх, грех, изоляция

Для цитирования: Лященко М.Н. Одиночество как бытие-не-со-действие на пути к спасению человека в концепции экзистенциальных «экстремумов» С. Кьеркегора // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 90–97. doi: 10.17223/15617793/520/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/9

Loneliness as being-not-co-acting on the path to human salvation in the concept of existential "extremes" by S. Kierkegaard

Maxim N. Lyaschenko¹

¹ Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, megamax82@rambler.ru

Abstract. One of the most pressing issues in modern Kierkegaard studies is the question of how to understand the meaning and essence of loneliness in the context of the Danish philosopher's conceptual constructions. The matter is further complicated by the fact that, judging by some passages from his works – especially in the treatise *Fear and Trembling* – loneliness can be identified with isolation ("loneliness = isolation"). The aim of this article is to reconstruct the model of loneliness based on an analysis of Kierkegaard's concept of existential "extremes." The author, as is traditionally customary in Kierkegaard studies, begins his analysis with a critique of Kierkegaard and Hegel, while taking into account the ambiguous influence of the latter on the former. Attention is drawn to Kierkegaard's anthropological turn, a move once made by the ancient Greek philosopher Socrates, who inspired Kierkegaard at an early stage of his creative and philosophical path. A special section of the work is devoted to the peculiarities of the three stages of development and the gathering of the spirit into a single whole. This process allows the spirit to surpass these stages in approaching non-existence (through the experience of fear and despair), moving toward the peak of its being, where a truly believing "knight of faith," having entered into *κοινωνία* with Christ, begins to take an active part together with Him in the matter of his own salvation and in establishing a relationship with God, thereby gaining faith. Special attention is paid to the problem of suicide at the two stages that precede religious suicide, which are seen as the result of human unfreedom and self-denial in the name of the existing order of being. In this case, the individual's loss of ontological freedom is evident. The author focuses not only on the importance of the extreme coordinates of being, which form a space in which the human spirit, through negation, embarks on the path to its liberation, but also on loneliness as a form of non-co-action aimed at shifting the modes of existence from passive (subordinate, powerless) to active (free becoming) in order to seize existential initiatives. Loneliness also allows a person to free himself from external constraints and begin designing his own ("historical") destiny within the temporal limits of earthly life. The author turns to an analysis of the Old Testament myth of the Fall as interpreted by Kierkegaard. It is suggested that this myth served as proof of the primordial activity of existential existence, established prior to society, culture, and civilization, and also revealed the source of unfreedom (necessity) and the vital contradictions of human existence. As a result, the traditionally accepted identification of loneliness with isolation is deprived of any real evidentiary grounds.

Keywords: loneliness, S. Kierkegaard, existential "extremes", God, freedom, nothingness, fear, sin, Isolation

For citation: Lyaschenko, M.N. (2025) Loneliness as being-not-co-acting on the path to human salvation in the concept of existential "extremes" by S. Kierkegaard. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 90–97. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/9

Напомним для начала, что многие исследователи, занимающиеся изучением философских изысканий Кьеркегора, в своем изложении отталкиваются от общеизвестного и признаваемого всеми факта, что свою концепцию он создавал в борьбе с гегелевской философией¹. Конечно, этим они не ограничиваются. Углубляясь в изучение, они проводят детальный анализ тех аспектов философии Гегеля, которые не соответствовали мировоззренческим установкам Кьеркегора. Центральным пунктом критики Кьеркегора в адрес гегелевской философии (*contra* Гегель) стало ее стремление к «примирению противоположностей. Главным образом потому, что в этом случае уничтожается не только возможность человеческого выбора, возможность “или-или”, но и исчезает смысл человеческой активности...» [2. С. 9]. Поэтому «Гегель имеет в виду не свободу индивида, а свободу целого...» [3. С. 28], которая для первого становится неизбежной необходимостью.

Против рабского сознания², расценивающего свободу как опасную напасть и отказывающегося от нее как от зла³, и выступил Кьеркегор, видя в нем угрозу превращения человека в слугу необходимости⁴. Именно поэтому он называл гегелевскую философию «языческой»⁵. Этот же «ярлык» Кьеркегор мог с полной уверенностью «приклеить» метафилософскому повествованию Шопенгауэра, в котором человек – лишь игрушка в руках прихотливой Воли. Различные пути освобождения от гнета Воли, по сути, представляют собой отказ от борьбы (т.е. противостояния как активно-напряженной формы своего субъективного бытия) с ней. Это касается и гения, который нашел успокоение в эстетическом созерцании [10. С. 42], и самоубийцы, смирившегося перед судьбой и подтвердившего господство наличного порядка своей смертью, и того, кто выбирает путь аскезы и уступает Воле в борьбе, достигая нирваны.

Осознав, что в принуждающем порядке несвободно жаждущее быть – личное, Кьеркегор находит источник человеческой свободы за его пределами – в реальности, которая «невидима для бесконечного существа, но видима» человеку как конечному существу, – в ничто [3. С. 234]. Только приблизившись к нему, человек может открыть «собственную (а вовсе не «мира») природу» [11. С. 175] – свободу как основу своего существования.

Для этого Кьеркегор предлагает взглянуть с обрыва в небытие, почувствовать «головокружение», то, как человеческая свобода, «заглядывая вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю» [5. С. 81], «рушится» от своего бессилия [5. С. 81], заглянуть в «зияющую бездну» собственной конечности, обнаружить себя несбывшимся, чьим бытием полностью завладело ничто. Но зачем подвергать свободу искусству небытия? Кьеркегору представляется это единственно верным способом «выдавить» из человека свободу силой, превосходящей все его возможности⁶. Только это способно побудить его к «присвоению» и «облагораживанию» свободы в контексте ее определенности, то есть конечной временности и вечной судьбы» [12. С. 7]. Иначе говоря,

в страхе открывая собственную природу («возможность свободы возмещает себя в страхе» [5. С. 95]), человек получает во владение свободу⁷, которая изначально проступает в «бесконечной возможности мочь» [5. С. 62–63].

Можно ли представить себе более ошеломляющее предложение, чем взглянуть на себя из-за пределов бытия, чтобы «встревоженное» сознание, отмеченное глубиной пережитого в страхе соприкосновения с небытием, могло удостовериться в действительности собственного существования? Результатом чего является настоящий «скандал для рассудка» и разрушение реальности, порожденной «хитростью мирового разума», в которой «личность признается в абсолютном» [12. С. 2]⁸. Но смещение центра тяжести на сопричастного небытию «Единичного» Кьеркегору необходимо, прежде всего, для актуализации нового *экзистенциально-экстремального измерения*⁹, поддерживающегося и расширяющегося усилиями обособившегося индивида («истинный рыцарь веры всегда пребывает в абсолютной изоляции» [13. С. 95]¹⁰), который прислушивается к голосу страха, вины и греха – к достоверно свидетельствующим о ничто, о небытии сущего. Только это измерение выводит человека за рамки природно-космического и социально-институционального порядков, очертания которых становятся едва различимыми по мере обретения им подлинного призвания¹¹ (т.е. обнаружения жала в своей плоти [9. С. 96]).

В этом контексте страх (как трепет, отчаяние и пр.) предстает экстремальной координатой экзистенциального существования (экзистенциальным «экстремумом»), обуславливающей пробуждение и ускорение развития человеческой свободы («самопроявление свободы в возможности» [5. С. 136]), начинающей прокладывать себе новые пути по вертикальной и горизонтальной траектории, проявляясь в разнообразных формах добра и зла. Только сокрушившись в страхе от бессилия изменить открывающуюся перспективу *безнадежного* одиночества, т.е. отсутствия возможности предотвратить свою полную гибель, когда «смерть есть последнее и последнее есть смерть» [15. С. 85]¹², человек пробуждается к тому, чтобы воспользоваться свободой, «переступив границу», отделяющую его от животного, от всякого природного существа» [3. С. 234]. Таков первый шаг к свободе, основой которого стало ничто. Он связан с *отказом* от подчинения брутальной силе природной стихии, которую утончающийся («самозатачивающийся») дух в экстремальных (в терминологии К. Ясперса «пограничных») ситуациях активно превосходит. В результате этого процесса дух, стремящийся к преодолению существующих рубежей, приходит во внутреннее согласие и целостность, оказываясь сильнее, действеннее и креативнее любого стороннего, внешнего принуждения¹³.

Наиболее наглядно отсутствие целостности и согласия духа просматривается на эстетической стадии существования человека. Здесь эстетика определяет многое. Воля эстетика, растворяясь в чувственном созерцании красоты внешнего мира, создает иллюзию своей автономии и самодостаточности. Пытаясь ее со-

хранить и поддержать, эстетик создает свой собственный мир изысканных форм. Но поскольку источник душевно-чувственной активности лежит вне его самого, эстетик остается бессилен перед насильственно вторгающейся судьбой¹⁴, которая способна в одночасье остановить цикл наслаждений, подпитывающий существование эстетика, обнажив перед ним пустоту мироздания, от которой он сам скрывался за эстетизированными декорациями своего внутреннего мира.

В конечном итоге, Судьба сокрушает его, погружая в отчаяние («отчаяние-слабость»), переживая которое индивид может принять экстремальное решение – совершить суицид, сохранив достоинство перед внешними условиями. Но в этом случае у человека отнимается (онтологическая) свобода, он смиренно покоряется судьбе, позволяя ничто полностью овладеть своим бытием, которое, вследствие этого, становится безнадежно одиноким (абсолютно пассивным). Однако, в отчаянии, находясь в состоянии внутренней опустошенности, имеется и другой выход – качественное обновление своего бытия посредством превосхождения эстетического способа существования.

Следует заметить, что противостоять трансцендентной силе судьбы не может даже гений, стоящий на вершине эстетического существования, поскольку он «проявляет свою изначальную силу тем, что... обнаруживает судьбу, но затем он также проявляет свое бессилие» [5. С. 122]. И «чем глубже этот гений – как замечает Кьеркегор – тем глубже он обнаруживает судьбу» [5. С. 122–123]. Хотя гений и «способен потрясти весь мир», но в качестве противовеса, «ради сохранения порядка, возникает... судьба». Таким образом, фатализм эстетического существования человека указывает на свободу как абсолютную покорность судьбе («он побеждает через себя самого и гибнет через себя самого, или, точнее, он делает и то, и другое через судьбу» [5. С. 124]). Его онтологической свободой и перспективой полностью владеет Судьба, оставляя ему в личное распоряжение свободу от обстоятельств, которую он реализует, совершая самоубийство. Эстетически такой шаг вполне оправдан, экзистенциально – нет, поскольку в нем окончательно утрачивается свобода и закрывается перспектива к спасению. Почему так происходит? Потому что креативно-творческая способность «эстетика»¹⁵, подпитываемая исключительно за счет эстетических ценностей внутреннего мира, остается неоплодотворенной нравственным началом, что не позволяет ей обеспечивать возрастание добра в его душе. Креативная пульсация свободы на этой стадии может быть чревата злокачественными явлениями, нарастание которых неизбежно приводит к искажению и деградации фундаментальных основ духовной жизни человека. Поэтому на этической ступени существования индивид искупает собственные грехи существования на предшествующей (эстетической) стадии путем сохранения и усовершенствования морально-нравственной системы, которую имморалистский взгляд эстетика не принимал во внимание. Так, Дон Жуан, исполняя гимн изощренным наслаждениям, вызывает к жизни и вдохновляет дух экстремальной

деструктивности, крайне опасной для духовной культуры человечества.

Этик («трагический герой»), одержимый господством над собой безличного нравственного долга («отрекается в отношении себя самого для того, чтобы выразить всеобщее...» [13. С. 90]), озабочен обеспечением сохранения общественного целого посредством сбережения и возрастания в нем добра. Эта же идея лежит в основе эйдетического проекта государства Платона¹⁶, в котором каждый класс (надындивидуальный субъект) подчинен силе нравственного закона, необходимо побуждающей его исполнять свое предназначение во имя общественного блага. Этик, руководствуясь разумными принципами, ставит общественные интересы выше личных. Поэтому готов пожертвовать собой ради других в любой момент¹⁷.

Именно на этой ступени одиночество, становящееся актуальной экзистенциальной потребностью индивида [9. С. 82], приобретает статус действенного «предприятия», предоставляющего возможность остановиться в бытии для прерывания пассивного состояния (принудительной адаптации) и активации самозатачивания человеческого духа, который в отчаянии начинает активизироваться, открывая перед собой бытийную перспективу. Таким образом, одиночество представляет собой *бытие-не-со-действие*, направленное на переключение режимов его существования из пассивного (подчиненного, бессильного) в активное (свободное становление) для перехватывания экзистенциальной инициативы¹⁸. В одиночестве бытие человека крайне неустойчиво, и он это ощущает с предельной интенсивностью, поскольку находится в экстремальных (как в аду) координатах бытия. Человек, находясь в этом экстремально-экзистенциальном пространстве, осознает, от чего надо отказаться и ради чего это необходимо сделать. Так, и Авраам «отрекается в отношении всеобщего» [13. С. 90], выбирая «исключительно себя самого» [13. С. 94]. Поэтому ему никто не может помочь. Он не нуждается в сочувствии и сострадании.

Более того, одиночество позволяет человеку освободиться от внешних ограничений и начать проектирование собственной («исторической») судьбы во временных границах земной жизни. Это значит, что одиночество так же неизбежно и необходимо, как страх, отчаяние и грех, которые погружают человека, особенно «рыцаря веры» (подлинно верующего), в состояние непреходящего бытийного напряжения [13. С. 94] для возгонки до максимума в бытии его личностной активности, позволяя становиться и оставаться независимым от любой принуждающей необходимости. Ведь он уже соединил свою «историю» («временность») с вечностью, вступив с Христом в «κοινωνία», т.е. начал принимать активное участие совместно с Ним в деле собственного спасения. Эта содеятельность с Христом, который стал «подлинною действительностью для внутренней реальности верующего» [17. С. 165]¹⁹, делает его окончательно и бесповоротно независимым от различных более низких порядков бытия (природного или социально-институционального), вселяя надежду выйти из экзистенциального самозабвения и достичь

вечного блаженства (спасения), которое, по сути, предстает в качестве ни чем не гарантированной возможности. В этом и заключается трагизм человеческого существования, превращающийся в созидательную силу, которая, отчуждая индивида от мира и других людей, способствует налаживанию отношений с Богом через обретения себя в вере.

Однако что предшествовало первому акту человеческой свободы? До этого акта дух присутствовал «в настоящем, но как нечто непосредственное, как нечто грезящее» [5. С. 61]. Иначе говоря, в «состоянии невинности» дух находился в абсолютно *пассивном*, не «оплодотворенном» *собственной работой* состоянии. И в нем, когда дух еще не стал самоопределяющейся и самополагающей очевидностью для себя самого, человек все же не был подобен животному, которое идентично природе [5. С. 60], ведь «будь он хоть одно мгновение своей жизни только животным, он вообще не стал бы никогда человеком» [5. С. 61]. Быть освобожденным от своей свободы человек не может («стать свободным от самого себя дух не может» [5. С. 62]), ведь дух есть закон человеческого существования, позволяющий не только освободиться от тотального и всеобщего («определяя свое отношение ко всеобщему через свое отношение к абсолюту» [13. С. 84]), но и достичь вершины своего предназначения, создав свою *субъективную шкалу* максимально свободных координат – *свободного самостояния* (само-бытия), перед вечным Богом [13. С. 84], т.е. когда «самость радикально и бесповоротно ставится перед собой и перед Богом» [12. С. 4] (не исключено, что и *свободного самотворения* перед взором Божиим, направляющего всю свою творческую мощь на пересоздание своей души, разгоняя ненасытную и креативно неумную природу своего духа, приближающую его к абсолютной свободе)²⁰.

Согласно разысканиям Кьеркегора, библейский миф²¹ о грехопадении служит доказательством, подтверждающим его мысль об изначальности и активности экзистенциального бытия, установившегося до общества, культуры и цивилизации. Правда, трактует Кьеркегор его новаторски необычно. Согласно его интерпретации, пребывая в раю, Адам находился в состоянии «невинности», поглощенный страхом «как ужасным Ничто неведением». Пока страх «не поймал свою первую добычу, вместо Ничто он получил некое загадочное слово» [5. С. 62], выразившееся в запрете Бога, повелевшему Адаму не есть от «дерева познания добра и зла». По Кьеркегору, Адам «не понял этого слова», поскольку еще не было «никакого знания добра и зла и тому подобного» [5. С. 62]²². При этом он почувствовал страх, который сам становится «отцом» соблазна, порождая запрет, который «позволяет пробудиться желанию», и перейти от «бесконечной возможности мочь» (свободы как бытия бессилия) к «возможности, указывающей возможность как свое следствие» (свободе как бытию действию). Тогда невинность – исчезает, а дух, нарушивший запрет, становится «насквозь виновной» стихией.

В контексте интерпретации Кьеркегора библейский миф о грехопадении превращается в грандиозный ме-

танарратив, раскрывающий крайне болезненный экзистенциальный опыт первого человека. Согласно Кьеркегору, Адам, пережив в раю страх перед ничто²³, осознал потаенную природу своего бытия – свободу, которая до этого пребывала в дремлющем состоянии. Активация этой свободы привела к появлению греха и, как следствие, к трансформации первоначального состояния невинности.

Обратим внимание на то, что в вопросе происхождения греха Кьеркегор решительно расходится с протестантской теологической концепцией, которая постулирует изначальную греховность человеческой природы [9. С. 57]. В противовес ей он выдвигает тезис: грех – это результат крайнего (экстремального) выбора человека, который отрицает в себе дух (свободу). «Грех вошел в мир через качественный прыжок – поясняет Кьеркегор – и он снова и снова входит в него таким же образом» [5. С. 136]. Именно благодаря «качественному прыжку грех полагается в единичном индивиде, тут же полагается и различие между добром и злом» [5. С. 137]. «Это справедливо для Адама, как и для каждого последующего индивида; ибо благодаря качественному прыжку они совершенно сходны» [5. С. 137]. Таким образом, для каждого отдельного индивида грех представляет собой нечто, видимое только ему самому и действительное в его «в страстной глубине внутреннего» [20. С. 349], бытие которой неоспоримо. Поэтому Кьеркегор не считает грех социальным или историческим явлением, очевидным для всех. Грех становится личной трагедией каждого, с которой он остается один на один. В этом состоянии, лишенном возможности сторонней помощи в излечении «раны греховности», человек сталкивается с фатальной автономией. В каждом проявлении собственной свободы он ощущает, как усиливаются губительные последствия его грехов. Эти последствия все более ясно показывают ему непреодолимую пропасть между ним и Богом. По мнению Кьеркегора, экзистенциальный подъем, обусловленный переходом от низшей стадии к высшей, приводит к углублению осознания своей греховности и вины («свобода поднимается снова, она видит, что виновна» [5. С. 81], «полагая ее через себя» [5. С. 133]). Следовательно, «рыцарь веры», осознанно препятствуя процессу заживления «греховной раны», сохраняет перманентное состояние напряженности в отношениях с миром, что препятствует их гармонизации. Открытой навечно оставляет ее самоубийца, по существу, совершающий грех и окончательно отказывающийся от себя самого во имя торжества смерти. Убийством себя он отказывается навсегда от возможности *бессмертия*, становясь *несвободным* навечно.

Интересно не только это. На первый взгляд, следование логике кьеркегоровского толкования приводит к идее, что мы вместе с Адамом погружаемся в «доязыковое пространство» и мир его дочеловеческого существования. В этом контексте Адам изначально пребывал в раю в состоянии бытийной неопределенности²⁴. Однако возникает вопрос о соответствии данной интерпретации фундаментальным принципам филосо-

фии Кьеркегора, особенно в контексте его вышеупомянутого утверждения о том, что дух является законом человеческого существования. Такое предположение может показаться противоречивым, поскольку оно ставит под сомнение целостность кьеркегоровской концептуальной конструкции.

Для более глубокого понимания данной проблемы необходимо обратиться к другим аспектам философии Кьеркегора. В его произведении «Страх и трепет», опубликованном годом ранее и служившем своего рода введением к «Понятию страха», он утверждает, что вера «неотделима от человеческого существования» [21]. «Веры никогда не было в этом мире, – писал Кьеркегор – именно потому, что она всегда там была» [13. С. 68]²⁵. Это утверждение имеет ключевое значение для понимания кьеркегоровской концепции человека. Таким образом, можно сделать вывод, что вера является исходным основанием человеческого бытия, даже если она не всегда была осознана самим человеком, став действенным элементом его бытийной структуры. Если бы априори Адам не обладал верой, он бы погиб, как и Авраам в известной библейской истории.

Исходя из этого, можно предположить, что Адам не выпадал из человеческого существования, находясь в «доязыковом пространстве». Вера, как и дух, является неотъемлемым моментом априорной структуры бытия человека. Без веры дух «мертв», а без духа человек перестает быть человеком в полном смысле этого слова. Если человек был бы животным, напомним, он «никогда бы не почувствовал бы страх». Ведь страх – «единственные врата» [15. С. 90], ведущие к осознанию веры, пройдя через которые человек становится свободным от ограничивающих сил рационального мышления, которые манифестируются в форме запрета, представляющего собой первичную языковую парадигму.

В невинности, которую Кьеркегор называет «точкой минимума» [9. С. 60], дремлющий дух пробуждается в результате столкновения с ничто. Это столкновение, сокрушительное по своей силе, инициирует восхождение духа к максимуму, к вере, которая является пиковым проявлением его активности и служит разрешением глубинных противоречий человеческого существования. Источником этих противоречий, по мнению Кьеркегора, является сама свобода, в которой заложена несвобода. Комментируя Кьеркегора, П.П. Гайденок пишет, что «свобода – это вина», а «первый акт свободы несет в себе возможность всех преступлений и потому есть величайшим из преступлений» [3. С. 242]. Этот акт, питаемый «страхом», чувством, «в котором соединяются влечение к преступлению и отвращение к нему» [3. С. 242], становится началом борьбы с необходимостью и эмпирическими ее воплощениями – запретами и императивами. Повторимся, первый акт свободы – это *отрицание*, создаю-

щее особое пространство существования человеческого духа – пространство свободы, в которой дух начинает свое восхождение, утверждаясь в своих созидательных либо разрушительных деяниях.

Итак, свобода человека сама является источником несвободы, которая порождает координаты необходимости (закона) и жизненные противоречия, которые индивиду самому приходится решать на своем жизненном пути, пребывая в полной неизвестности относительно своего будущего. Ведь мера вины человека перед Богом покрыта мраком, оставаясь тайной для него самого. И, несмотря на это, Кьеркегор призывает человека взять ответственность за свою свободу, за время распоряжения ею, за действия, в которых она воплощается, обретя «жало в своей плоти» (свое подлинное предназначение, свою истинную миссию). Только это дает надежду на достижение спасения и кладет конец господству смерти (финальной «остановки»). И все же Кьеркегор оставляет окончательное решение вопроса о спасении человека за всеведущим и всемогущим Богом, человеку остается лишь верить, что для Него «все возможно».

Таким образом, в концепции экзистенциальных «экстремумов» Кьеркегора одиночество представляется как бытие-не-со-действие, играющее ключевую роль в «истории» человека, поскольку обуславливает переключение режимов его существования из пассивного (подчиненного, бессильного) в активное (свободное становление) для восстановления способности к самоопределению. Именно в одиночестве, как и в других экстремальных координат экзистенциального существования, дух, стремящийся возвыситься до максимума, приходит во внутреннее согласие и целостность, оказываясь сильнее, действеннее и креативнее любого стороннего, внешнего принуждения. По сути, Кьеркегор изменил традиционное представление об одиночестве, которое ранее интерпретировалось как состояние полной пассивности и неполноты бытия индивида, лишенного целостности. Однако, оставаясь в рамках протестантского учения, Кьеркегор так и не смог преодолеть тезис Лютера о предопределении, оставляя человеку веру в то, что он сможет окончательно победить смерть и, соответственно, безнадежное одиночество (=бытие без Бога), ведь для Всевышнего «все возможно». Это неизбежно налагает на концепцию Кьеркегора отпечаток пессимизма.

В заключение необходимо сказать, что одиночество как бытие-не-со-действие нельзя отождествлять с изоляцией. Изоляция определяется исключительно пространственными аспектами бытия: дистанцированием, обособлением или отпадением. Данная реконструкция одиночества учитывает сложность кьеркегоровского взгляда на индивидуальное бытие человека. Речь идет не только о его динамичности, но и об аксиологической направленности.

Примечания

¹ Важно отметить, что, несмотря на явную критику гегельянства, Кьеркегор отнюдь не был его безоговорочным противником. Как убедительно продемонстрировал Джон Стюарт, влияние Гегеля на Кьеркегора носило многогранный и позитивный характер [1. С. 181]. Гегель для Кьеркегора был не только противником, но и «служил важным собеседником и источником вдохновения» [1. С. 181]. Это позволяет говорить о диалектическом взаимодействии между этими двумя мыслителями. Таким образом, анализ философских воззрений Кьеркегора требует

глубокого понимания не только его критики гегельянства, но и признания того, что гегелевская философия оказала значительное влияние на формирование его собственных взглядов.

² Уточним, что Кьеркегор протестовал не столько «против оков чистого, логического (для него логический – синоним гегелевского) мышления» [4. С. 45], сколько против всего западного рационализма, который нашел свое наиболее полное воплощение в классической немецкой философии. Для западного рационализма характерно понимание рабства как свободы. Например, у Гегеля освобождение человека оборачивается его пленением под видом восстановления утраченного состояния «блаженства», о котором мечтал И. Кант, заключивший вожделем разума в клетку, откуда он, томимый в беспомощном одиночестве, взирал на мир.

³ Напротив, Кьеркегор считал рабство, облагороженное классической немецкой философией в лице Гегеля, несвободой, страшнейшей добра [5. С. 149].

⁴ В философии Гегеля все находится «на службе у абсолютного духа» [6. С. 71–72], выполняя определенное «дело». Это понятие тождественно понятию «призвание» в протестантской этике. Оно подчеркивает несвободу как ответ на зов необходимости (в протестантизме, Бога). Призвание заточает каждого индивида в «железный панцирь» общественной жизни [7. С. 115]. Поэтому Кьеркегор «обращается к человеку, отнятому у себя. Его адресат – индивид, которым владеет государство и объективированное христианство, социум» [8. С. 146]. Отчужденным и отнятым у себя, человека видела не только философия глазами Гегеля, но само общество и церковь XIX столетия. Таким образом, Кьеркегор противостоял консолидируемым силам своего времени, которые навязывали человеку состояние пассивного существования, лишённого полноты индивидуального. Заметим, что у Кьеркегора сохраняется отрицательное отношение к общению, как и у Гегеля, который полагал, что другой человек нужен только для отрицания сущности бытия человека.

⁵ По мнению Кьеркегора, язычники как «естественные люди» никогда не признают свободу единичной личности, стоящей «перед Богом» [9. С. 105]. «В их глазах – он пишет – это означало бы придавать слишком большое значение человеческому существованию» [9. С. 105].

⁶ Следует уточнить, что экзистенциально-экстремальная диалектика Кьеркегора строится на абсолютной зависимости человеческого существования от двух противостоящих друг другу сил – ничто и Бога. Фактически Кьеркегор в модифицированной форме воспроизводит идею Лютера, который, уподобляя человеческую волю вычуженному скоту, ставит ее в абсолютную зависимость от Бога и Дьявола. Однако Кьеркегор не согласен с тезисом Лютера о рабстве воле. Он оставляет человеку «промежуточное» пространство для развертывания свободы, располагающегося между двумя полярными полюсами – Богом – единственный, в руках которого спасение человека, и ничто – бездне, уничтожающей все сущее.

⁷ Пока человек не воспользовался свободой – «свобода не свободна в самой себе... скована... в себе самой» [5. С. 67]. Поэтому страх – это пассивная форма осознания своей самости, открывающая свободу как «возможность» («страх является действительностью свободы как возможность для возможности» [5. С. 59–60]; «страх – это возможность свободы» [5. С. 185].

⁸ Кьеркегор, с присущей ему пронизательностью, усматривает корень всех бед в основополагающем принципе новоевропейской философии «*cogito ergo sum*», «в тождестве бытия и мышления» [9. С. 111]. Обращение человека к небытию приводит к «бессилию мысли», которая становится неспособной предоставить надежные гарантии защиты личности и ее целостности.

⁹ В этом заключена суть кьеркегоровского антропологического поворота.

¹⁰ Судя по контексту произведения «Страх и трепет», можно поставить терминологически знак равенства между одиночеством и изоляцией без особых содержательных потерь. Например, это просматривается в следующем пассаже: «рыцарь веры предоставлен самому себе в одиночестве...» [13. С. 96], который находится в одной смысловой канве с вышеприведенной в тексте цитатой на странице 95. Более того, в схему «одиночество = изоляция» можно без колебаний уложить понимание некоторых современных авторов, например В.А. Герда [14. С. 61]. Однако это крайне односторонний интерпретационный подход, который проводит отождествление изоляции и одиночества на основании исключительно пространственной модели бытия. Исходя из пространственной модели изоляцию, и, соответственно, одиночество трактуют как дистанцирование, отпадение, выпадение.

¹¹ И все же в трактовке подлинного призвания у Кьеркегора сохраняется посыл чисто христианский: стать подлинным христианином, вступив в «*κοινωνία*» (в соучастие) с Христом ради своего спасения – как дела личного. Здесь экзистенциальное еще не оторвано от религиозного (христианского). В этом аспекте Кьеркегор отходит от протестантизма, сближаясь с христианством (католицизмом).

¹² Стоя в отчаянии перед «пустотой вещей», человек сполна осознает свою греховность (бogoоставленность). Он понимает, как глубоко его одиночество и велика вина перед Богом.

¹³ Это дает основания дополнить имеющееся в арсенале философской науки большое многообразие вариаций трактовок смыслового значения кьеркегоровского понятия «экзистенция». Под «экзистенцией» можно понимать человеческое бытие, тяготеющее к экстремизации и совершенству для достижения полноты и самобытности. Поэтому дух человека проявляется в стремлении к максимальному восхождению через превосхождение наличной (природной, социальной) шкалы принуждения, т.е. осуществляется подъем по «лестнице в небо». Также Кьеркегор не исключал онтологическую деструкцию человеческого духа, когда гипертрофированная тяга к экстремальности приводит к превращению человека «не в животное... а в нечто худшее, чем животное» [3. С. 251]. Вместе с тем необходимо отметить феномен деструктивно-негативных форм на религиозном уровне, и в первую очередь богоборчество, не пригодное для духовного сознания, поскольку оно тормозит его становление, полностью оставляя человека в одиночестве, укорененным в грехе. В этом случае следует говорить о подъеме, происходящем по лестнице, ведущей вниз – к греху и рабству – к демоническому, сцепленному грехом [9. С. 126].

¹⁴ Кьеркегор определяет судьбу как «отношение к духу, которое является внешним... единством необходимости и случайности» [5. С. 120]. В сущности, судьба представляет собой сочетание неизбежности и случайности, воплощая абсолютный фатализм, который не оставляет места для человеческой свободы.

¹⁵ В этом аспекте нельзя не отметить влияние на Кьеркегора Канта, который в своем толковании свободу объединяет «со способностью человека к любому, в том числе духовно-нравственному, новаторству» [16. С. 435]. Однако Кьеркегор существенно расходится с Кантом (и следовавшими за ним Гегелем и Марксом) в понимании цели, ради которой человек должен использовать свою творческую свободу. В отличие от Канта, он полагал, что творческий потенциал свободы человеку следует направлять не «вовне», чтобы преобразовать материальную действительность или добиться высокого статуса в обществе [5. С. 133], а внутрь – на заботу «о спасении души» [10. С. 35].

¹⁶ Напомним, что символом этической стадии является Сократ, который, как известно, был учителем Платона. Именно он «предложил морально-нравственный идеал, ориентирующий человека на добродетельный образ жизни, заключающийся в осознании и реализации всеобщей необходимости внесения своего вклада в развитие и процветание полиса» [18. С. 27].

¹⁷ Здесь нельзя не вспомнить Э. Дюркгейма и выделяемое им альтруистическое самоубийство, обусловленное высоким уровнем интеграции индивида в общество, когда он не на словах, а на деле ставит интересы общества выше личных. Поэтому акт самоубийства, по сути, есть онтологическое отрицание себя ради сохранения и развития общественного целого.

¹⁸ Совершенно правильно замечает Н.С. Корнющенко-Ермолаева: «Здесь отчаяние осознает, что оно есть действие, а вовсе не пассивное страдание, оно исходит прямо из самого Я» [19. С. 248]. При этом автор не дает определение одиночеству, что, в свою очередь, не позволяет увидеть его суть. Но, судя по контексту работы, одиночество можно определить как удаленность (изолированность) от людей и мира [19. С. 248].

¹⁹ Заметим, что у Кьеркегора Христос, «время» которого «осваивается внутренней реальностью верующего» [17. С. 165], не становится безгранично подчиняющей себе силой. Напротив, верующий, лично заинтересованный в своем спасении, принимает активное участие в его обретении. Этот взгляд Кьеркегора идет в разрез с представлениями протестантов.

²⁰ Доведенная до крайности логика этой мысли Кьеркегора, который не покидал почву, возделанную христианством (протестантизмом), резко контрастирует с другой его мыслью, что в душе преисполненного самости человека рождался «непрекращающийся страх и непрекращающийся трепет», поскольку только «богу до конца открыта судьба человека, только ему бытие предстает целиком» [15. С. 87]. Это значило одно: быть человеку спасенным или проклятым на смерть зависело от решения Бога.

²¹ Мотивы обращения Кьеркегора к библейскому мифу о грехопадении могут быть объяснимы его лютеранским воспитанием, в котором «необычайно акцентированы мотивы греховности и вины человека» [17. С. 155]. В переломный момент жизни Кьеркегора эти темы обострились, что привело к усилению трагического в его сознании. Это проявилось в радикализации его языка, включающего такие понятия, как «экзистенция», «парадокс», «демоническое», «яростное возмущение», «болезнь к смерти», «прыжок» и т.д. Эти термины стали первыми индикаторами формирования его уникального авторского стиля и самобытности.

²² Как пишет П.П. Гайденко, «Знание различия добра и зла могло быть лишь следствием нарушения божественного запрета» [3. С. 237], т.е. началом активного движения духа.

²³ Концепция рая у Кьеркегора радикально отличается от традиционного христианского представления. В его интерпретации рай не является местом идиллического блаженства [3], а скорее символизирует состояние, в котором человек пребывает в оцепенелом, парализованном покое, избегая встречи с самим собой, со своим Я. Это состояние характеризуется отсутствием переживания страха, но также и отсутствием подлинной свободы и ответственности. И только ничто вынуждает его «к исключительнейшему напряжению своего существа» [10. С. 42–43], «выдавливая» свободу. Таким образом, рай, по Кьеркегору, представляет собой тревожное место, где господствует страх, а человек находится в состоянии полного отчуждения от самого себя.

²⁴ Подтверждение этому можно найти в произведении «Понятие страха»: «В невинности человек не определен как дух» [5. С. 59].

²⁵ Необходимо сказать, что вслед за Т.А. Кузьминой мы упростили мысль Кьеркегора [21], но оправданно, поскольку вера – это нерв экзистенциального существования, позволяющий превосходить всеобщее, освобождаясь от него.

Список источников

1. Стюарт Дж. Как Кьеркегор читал оригинальные произведения Гегеля. (пер. с англ.). Ч. I // Вопросы философии. 2017. № 3 С. 181–198.
2. Долгов К.М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М. : Искусство, 1990.
3. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М. : Республика, 1997.
4. Севостьянова В.С. Экзистенциальная диалектика в философии С. Кьеркегора // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. С. 42–46.
5. Кьеркегор С. Понятие страха / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014.
6. Гайденко П.П. Трагедия эстетизма: О мирозерцании Серена Кьеркегора. 3-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
7. Забаев И. Религия и экономика: можем ли мы все еще опираться на Макса Вебера? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 107–148.
8. Лунгина Д.А. Идея спасения в псевдонимных произведениях С. Кьеркегора // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 141–148.
9. Кьеркегор С. Болезнь к смерти / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014.
10. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. СПб. : Лань, 1999.
11. Лунгина Д.А. К вопросу о гегельянстве Кьеркегора: концепция Джона Стюарта // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 173–179.
12. Dietz W. Søren Kierkegaards Auseinandersetzung mit Sterben und Tod // Internationale Zeitschrift Für Philosophie Und Psychosomatik. 2012. N. 1. S. 2–12.
13. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014.
14. Герд В.А. Целостность и субъектность индивидуального бытия человека : дис. ... д-ра филос. наук. Челябинск, 2016.
15. Исаев С.А. Теология смерти: Очерки протестантского модернизма. М. : Политиздат, 1991.
16. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: Ист.-филос. очерки и портреты. М. : Политиздат, 1991.
17. Хоружий С.С. Неотменимый антропоконтур. 4. Философия Кьеркегора как антропология размыкания // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 152–166.
18. Лященко М.Н. Оптимистическая телеология благоустройства Аристотеля и базовая концепция одиночества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 25–33. doi: 10.17223/1998863X/72/3
19. Корнюшенко-Ермолаева Н.С. Кьеркегор о человеческом бытии и одиночестве // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309, № 8. С. 244–249.
20. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005.
21. Кузьмина Т.А. Экзистенциальный опыт и философия // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 16–27.

References

1. Stewart, J. (2017) Kak Kierkegor chital original'nye proizvedeniya Gegelya (per. s angl.). Ch. I [How Kierkegaard Read Hegel's Original Works (Trans. from English). Pt. I]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 181–198.
2. Dolgov, K.M. (1990) *Ot Kierkegora do Kamyu: Ocherki evropeyskoy filosofsko-esteticheskoy mysli XX veka* [From Kierkegaard to Camus: Essays on European Philosophical-Aesthetic Thought of the 20th Century]. Moscow: Iskustvo.
3. Gaydenko, P.P. (1997) *Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the Transcendent: New Ontology of the 20th Century]. Moscow: Respublika.
4. Sevost'yanova, V.S. (2011) *Ekzistentsial'naya dialektika v filosofii S. K'erkegora* [Existential Dialectic in the Philosophy of S. Kierkegaard]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 18. pp. 42–46.
5. Kierkegaard, S. (2014) *Ponyatie strakha* [The Concept of Anxiety]. Trans. from Danish by Isaeva, N.V. & Isaev, S.A. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii projekt.
6. Gaydenko, P.P. (2010) *Tragediya estetizma: O mirosozertsanii Serena Kirkegora* [The Tragedy of Aestheticism: On the Worldview of Søren Kierkegaard]. 3rd ed. Moscow: Izd-vo LKI.
7. Zabaev, I. (2018) *Religiya i ekonomika: mozhem li my vse eshche opirat'sya na Maksa Vebera?* [Religion and Economy: Can We Still Rely on Max Weber?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie -- Russian Sociological Review*. 17 (3). pp. 107–148.
8. Lungina, D.A. (2013) *Ideya spaseniya v psevdonimnykh proizvedeniyakh S. K'erkegora* [The Idea of Salvation in S. Kierkegaard's Pseudonymous Works]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 141–148.
9. Kierkegaard, S. (2014) *Bolezn' k smerti* [The Sickness unto Death]. Trans. from Danish by Isaeva, N.V. & Isaev, S.A. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii projekt.
10. Bollnow, O.F. (1999) *Filosofiya ekzistentsializma* [The Philosophy of Existentialism]. St. Petersburg: Lan'.
11. Lungina, D.A. (2017) *K voprosu o gegel'yanstve Kierkegora: kontseptsiya Dzhona Styuarta* [On the Question of Kierkegaard's Hegelianism: The Concept of Jon Stewart]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 173–179.
12. Dietz, W. (2012) *Søren Kierkegaards Auseinandersetzung mit Sterben und Tod* [Søren Kierkegaard's Confrontation with Dying and Death]. *Internationale Zeitschrift Für Philosophie Und Psychosomatik*. 1. pp. 2–12.
13. Kierkegaard, S. (2014) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Trans. from Danish by Isaeva, N.V. & Isaev, S.A. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii projekt.

14. Gerd, V.A. (2016) *Tselostnost' i sub"ektnost' individual'nogo bytiya cheloveka* [Integrity and Subjectivity of Individual Human Existence]. Philosophy Dr. Diss. Chelyabinsk.
15. Isaev, S.A. (1991) *Teologiya smerti: Ocherki protestantskogo modernizma* [Theology of Death: Essays on Protestant Modernism]. Moscow: Politizdat.
16. Motroshilova, N.V. (1991) *Rozhdenie i razvitie filosofskikh idey: Ist.-filos. ocherki i portrety* [The Birth and Development of Philosophical Ideas: Historical-Philosophical Essays and Portraits]. Moscow: Politizdat.
17. Khoruzhiy, S.S. (2010) Neotmenimyy antropokontur. 4. Filosofiya K'erkegora kak antropologiya razmykaniya [The Indispensable Anthrocontour. 4. Kierkegaard's Philosophy as an Anthropology of Opening]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 152–166.
18. Lyashchenko, M.N. (2023) Aristotle's Optimistic Teleology of Flourishing and the Basic Concept of Loneliness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya -- Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 25–33. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/72/3
19. Kornyushchenko-Ermolaeva, N.S. (2006) K'erkegor o chelovecheskom bytii i odinochestve [Kierkegaard on Human Existence and Loneliness]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 309 (8). pp. 244–249.
20. Kierkegaard, S. (2005) *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokham"* [Concluding Unscientific Postscript to "Philosophical Fragments"]. Trans. from Danish by Isaeva, N. & Isaev, S. St. Petersburg: Izd-vo SPb. un-ta.
21. Kuz'mina, T.A. (2007) Ekzistentsial'nyy opyt i filosofiya [Existential Experience and Philosophy]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 16–27.

Информация об авторе:

Лященко М.Н. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия). E-mail: megamax82@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.N. Lyaschenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Orenburg State University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: megamax82@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2025;
одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 14.07.2025;
approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья
УДК 141.3;179.7
doi: 10.17223/15617793/520/10

Ускользание жизни в моральной философии. Казус антинатализма

Татьяна Александровна Сидорова¹

¹ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, t.sidorova@g.nsu.ru

Аннотация. Представлена критика аргументов антинатализма Д. Бенатара, заложивших основу влиятельного направления мысли и социальных практик. Философско-методологические предпосылки антинатализма обнаружены в варианте биоэтики, сосредоточенной на анализе моральных дилемм. Абстрактно-логическая редукция жизненных феноменов допускает сколь угодно «отвратительные выводы» (Парфит). Казус антинатализма, возникший в недрах биоэтики, указывает на необходимость обновления ее теоретических установок, ориентированных на защиту жизни.

Ключевые слова: антинатализм, моральные дилеммы, мысленные эксперименты, биоэтика, философия жизни, деторождение

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта РНФ проект № 25-28-01278 «Деторождение в условиях цивилизационного макросдвига: философский анализ натализма и антинатализма».

Для цитирования: Сидорова Т.А. Ускользание жизни в моральной философии. Казус антинатализма // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 98–106. doi: 10.17223/15617793/520/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/10

The escape of life in moral philosophy: The casus of antinatalism

Tatyana A. Sidorova¹

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, t.sidorova@g.nsu.ru

Abstract. The philosophy of antinatalism became a significant phenomenon following the publication of the book by the South African bioethicist D. Benatar. Criticism of his ideas was focused on finding logical inconsistencies in the asymmetry and life quality arguments. However, such criticism has frequently reinforced those arguments rather than disproving them, and at the same time contributed to the formation of antinatalism as an influential philosophical current. This article identifies a fundamental contradiction in Benatar's asymmetry argument, which arises from attributing moral truth to a fundamentally axiological proposition. The author's critique of antinatalism aims to reveal the philosophical and methodological sources of counterintuitive and socially aversive theories such as antinatalism. Benatar's ideas are analyzed in the context of applying analytical tools of moral philosophy in bioethics. V.R. Potter, the founder of bioethics as an academic discipline, saw its primary task in addressing global challenges such as environmental and demographic crises. The article demonstrates the methodological connection between antinatalist reasoning and the use of thought experiments and dilemmas in philosophy. As illustrations, the article refers to thought experiments by Ph. Foot, J. Thomson, and D. Parfit. Antinatalists argue that Parfit's non-identity problem, when applied to contemporary contexts, supports their ideas. The so-called "repugnant conclusion" formulated by Parfit as a critique of utilitarianism today appears intellectually acceptable within the framework of antinatalist argumentation, judging by how it is treated in contemporary philosophical literature. A lack of theoretical foundations in modern bioethics has resulted in an overreliance on abstract reasoning and thought experiments – methods often inadequate for defending life as a moral value. Hence emerges the case of philosophical antinatalism in bioethics: the inability to uphold life as an objective good when subjected to abstract-logical reduction in moral reasoning. This case should be viewed as a symptom of a crisis in modern moral philosophy under the post-anthropocentric paradigm. A similar situation can be found in philosophy in the 19th century, when the loss of the human subject within classical rationalist systems prompted the rise of the philosophy of life and philosophical anthropology. Antinatalism, therefore, ought to be counterbalanced by a philosophical discourse of natalism.

Keywords: antinatalism, moral dilemmas, thought experiments, bioethics, philosophy of life, procreation

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-01278: Childbearing in a Civilizational Macro-Shift: A Philosophical Analysis of Natalism and Antinatalism.

For citation: Sidorova, T.A. (2025) The escape of life in moral philosophy: The casus of antinatalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 98–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/10

Введение

Философия нашего времени отличается разнообразием тем и методологических подходов иногда особенных до того, что философы оказываются непознанными и непринятыми представителями разных направлений [1. С. 51]. Характерно возрастание философского интереса к контринтуитивным вопросам, за которыми могут последовать социально аверсивные выводы, например «Возможно ли сделать мир лучше, создав больше людей?» и «Существует ли моральное обязательство иметь детей?». Возникает необходимость поиска философских теорий, адекватно рассуждающих о ценности жизни и жизненных феноменов, таких как деторождение, человеческое воспроизводство и само человеческое существование.

В 2006 г. южноафриканский философ, ныне руководитель департамента биоэтики в Университете Кейптауна Д. Бенатар опубликовал книгу «Лучше никогда не быть. О вреде появления на свет» [2], которая вызвала множество дискуссий, собравших противников и сторонников идей антинатурализма. Хороший аналитический стиль подогрел интерес к изучению техники аргументации Бенатара. Книга была выдержана в ключе нормативной этики, автор не ограничивается обоснованием аргументов о вреде существования, но и выносит соответствующие оценочные и императивные заключения о сокращении деторождения, а затем его полного прекращения. Контринтуитивность вывода не отталкивала, поскольку в моральных дискуссиях интеллектуальная гимнастика стала самооценной: одни искали противоречия в силлогизмах автора скандальной книги, другие – возможность усилить выдвинутые аргументы против деторождения и за полное исчезновение человечества. Автор парировал оппонентам, публиковал ответы, тщательно суммировал складывающийся корпус литературы, в итоге получилась внушительная коллекция из статей, монографий и диссертаций, в которой нашел выражение философский антинатурализм. И это был главный результат: антинатурализм из маргинального социального явления вырос до узнаваемого концепта в философских штудиях и влиятельного направления мысли. Аргументация Бенатара дала стимул таким тематизациям прикладной этики, как экологическая этика, а также малоизвестным в нашей стране популяционной этике, этике прокреации (деторождения), межпоколенческой этике. Для биоэтики апроприация аргументации антинатурализма стала на первый взгляд парадоксом, поскольку априори ее понимали как форму защиты жизни. Возникает вопрос о том, как возможно, что в этике возникает философская теория, обосновывающая самоуничтожение человечества? Целью данной статьи является выявление идейных и методологических предпосылок философского антинатурализма в моральной философии. Антинатурализм обозначает контуры современного антропологического кризиса, является предельным выражением постантропоцентристской парадигмы в философии и культуре [3]. Не напрасно антинатуралисты предлагают

свои идеи в качестве радикального решения экологического кризиса, утверждая, что планету нужно освободить от человеческой формы жизни, или развивают их в трансгуманистической версии, для которой будущее человечества если и возможно, то в видоизмененной форме. Поэтому философы отмечают, что даже если сомневаться в истинности выводов антинатурализма, нужно признать актуальность поставленных философских вопросов, которые также имеют значимые последствия для общественного дискурса [4. Р. 68]. Профессор корнелльского университета Т. Метц формулирует это таким образом: «...антинатурализм увлекателен и важен для того, чтобы требовать сложных размышлений над оценочным вопросом о том, как судить о ценности жизни, и над нормативным вопросом о том, какие основные обязанности влекут за собой создание новых жизней. <...> Это распространяется не только на популяционную этику, но и влияет на огромное количество вопросов в моральной и политической теории, особенно тех, которые касаются потенциально долгого будущего человечества» [5. Р. 2].

Парадокс антинатурализма нельзя свести к «непредставимым» суждениям, отнести к заблуждениям отдельных авторов или к проявлениям индивидуальных пессимистических черт личности, как считают некоторые специалисты, исследовавшие психические корни подобного типа мышления [6], у Бенатара слишком много последователей, эти идеи легко подхватываются в социальных медиа и выглядят релевантными обществу риска.

Если истории натурализма как концепта и тематизации не существует, то сегодня создана уже не одна история антинатурализма [7–9]. Книга Бенатара фигурирует в данных летописях как начало современного периода. В XX в. антинатурализму предшествовал антипрокреационизм, это его прото-версия, утверждающая, что человеческая раса должна отказаться от продолжения рода, очевидна рецепция евгеники. Сегодня антинатурализм представлен как система идей и философской аргументации, а также в качестве интеллектуального и публичного дискурса и связанных с ними социальных практик и движений (чайлд фри, движение за вымирание человечества и др.). В современной философии набирают популярность различные концепции деантропологизации мира [10. С. 114]. Биоэтика выступает формой выявления зон уязвимости для жизни человека в эпоху масштабного технологического наступления на его природу. Взгляд на истоки антинатурализма в фокусе биоэтики позволит указать на ограниченность подходов к человеческой жизни, основанных на абстрактно-логической редукции жизненных феноменов, примером которых в данной статье выступает деторождение.

Критика аргумента асимметрии

Д. Бенатар посвятил свою книгу доказательству антинатурализма. В ней сформулирован главный аргумент – асимметрии блага и вреда от появления на свет (аксиологический аргумент антинатурализма), который

дополняется аргументом от качества жизни. Возникновение существования, т.е. появление новой человеческой жизни на свет, всегда сопряжено со значительным вредом, сама жизнь подвергается страданию и это обуславливает вывод, что человечеству лучше не воспроизводиться и постепенно сойти на нет. Аргумент качества жизни, гласит, что «даже самые лучшие жизни не только намного хуже, чем думают люди, но и очень плохи» в целом [2. С. 12]. В философии антинатализма упоминаются также аргумент отсутствия согласия на появление на свет от будущих индивидуумов и аргумент навязывания деторождения как культурной ценности [11. Р. 1].

Аргумент асимметрии Бенатар строит, сопоставляя наличие и отсутствие удовольствия (блага) и вреда относительно существующих людей и несуществующих (возможных, т.е. тех, кто может родиться и относительно которых нужно доказать, что лучше этого не делать). Те, кто уже существуют, испытывают как удовольствие, что хорошо, так и страдание, что плохо. По поводу тех, кто не существует (но могут родиться), невозможно утверждать, что они могут испытывать удовольствие, поэтому это не плохо и не хорошо, а вот утверждать, что неродившиеся не будут страдать и это хорошо, полагает автор, точно можно. «Отсутствие плохого, например, боли – положительно, даже если объекта боли в принципе не существует, однако отсутствие хорошего, например удовольствия, ощущается лишь теми, кто существует, и способен ощущать» [2. С. 15]. Таким образом аргумент асимметрии утверждает, что отсутствие страдания перевешивает в своей аксиологической значимости наличие удовольствия, поэтому лучше не рождаться, не создавая таким образом прецедент для увеличения страдания, поскольку оно уже есть в достаточном объеме, чтобы заключить: «У существования нет преимуществ, но есть недостатки, которых нет у не-существования». «Я не утверждаю, что неродившемуся человеку “лучше”. Вместо этого я настаиваю, что родившемуся всегда “хуже”. Иными словами, хотя мы не можем утверждать, что для нерожденных людей не существовать – хорошо, очевидно, что для рожденных людей существовать – плохо» [2. С. 15]. Итак, ядро основного аргумента Бенатара против деторождения: несуществование избегает создания любого страдания, и поэтому это хорошо. Несуществование также избегает создания любого удовольствия, но это не плохо (потому что отсутствующее удовольствие не плохо, если оно не плохо для кого-то). Сначала Бенатар считал, что аргумент асимметрии достаточен сам по себе для отказа от воспроизводства, и даже называл его фундаментальной моральной истиной. После выдвинутых контраргументов он предпочел более квалифицированную версию, которая гласит, что возникновение наносит чистый вред, влечет за собой то, что неправильно деторождение. Таким образом, несуществование предпочтительнее существования, и далее делается вывод о том, что следует избегать появления новых людей на свет, что деторождение – создание новых людей в корне неверно. Так, решение проблемы аборт, обсуждаемых

в биоэтике, безусловно, лежит в необходимости прерывать беременность. Но поскольку аборт – это тоже вред, поэтому беременность лучше не допускать.

Канадский критик Э. Магнуссон предложил трехэтапный процесс опровержения аргумента асимметрии. Он указывает, что причина, по которой отсутствие вреда в несуществовании является хорошим, а отсутствие пользы просто не является плохим, не прослеживается в фундаментальной асимметрии между вредом и пользой, а скорее в двусмысленности между безличным и личностно-воздействующим толкованием вреда и страдания. Предпосылки в первоначальной формулировке аргумента на самом деле ложны: нет никакой асимметрии между вредом и пользой с точки зрения их наличия и отсутствия; даже если бы такая асимметрия была, это не подразумевало бы, что возникновение всегда является чистым вредом; и даже если бы такая асимметрия подразумевала, что возникновение всегда является чистым вредом, это само по себе не подразумевало бы, что всегда неправильно производить потомство. Магнуссон упрекает Бенатара в рассуждении о ценности человеческой жизни *sub specie aeternitatis*, и человеческая жизнь оказывается незначительной с этой точки зрения, но тогда неясно, почему предотвращение вреда человеческому существованию было бы столь морально необходимым [12]. Однако критика Магнуссона является способом укрепления позиции антинатализма, поскольку он ставит задачу освободить аргументацию от слабых мест и усилить ее через связь аргументов асимметрии и качества жизни.

Не предполагая изложить все возможные попытки найти уязвимые места в аргументации Бенатара, укажем на подмеченную многими критиками проблему личностной или безличностной отнесенности страдания и удовольствия в аргументе асимметрии. Он рассуждает о том, что удовольствие кем-то испытывается, а если таких личностей нет, то оценка невозможна, тогда как страдание, даже если оно не испытывается, получает оценку в отношении возможных людей.

В критике аргументов Бенатара преобладают замечания, выявляющие неточности в порядке рассуждения. Укажем на недостатки на более общем теоретическом уровне. Аксиологическая логика, разработанная А.А. Ивиным, предполагает, что формальные связи между аксиологическими модальностями «плохо» «хорошо», «правильно» «неправильно» только приблизительно соответствуют отношениям между алетическими модальностями «необходимо», «невозможно» и «возможно». В аргументе асимметрии происходит смешение двух модальностей: алетическое суждение о необходимости прекращения деторождения вытекает из оценочных высказываний о том, что наличие страдания плохо как для тех, кто родился, так и для возможных людей. Высказывания о существовании через оценочные понятия характеризуют его с точки зрения определенной системы ценностей. Как отмечает П.С. Ордина, «в отличие от алетических высказываний, аксиологические в целом не рассматриваются как истинные или ложные. <...> оценки характеризуются

как целесообразные, эффективные, разумные, обоснованные и т.д., но не как истинные или ложные» [13. С. 129].

Таким образом, с точки зрения логики аргумент Бенатара не следует, во-первых, характеризовать как истинный, поскольку он формулируется через оценочные понятия, во-вторых, его обоснованность имеет смысл в определенной системе ценностей и уже в силу этого не может претендовать на универсальность.

В теории антинатализма важное место занимают понятия «право на существование», «право на деторождение». Ранее в биоэтике были введены концепты так называемых соматических прав, по большей части так и не закрепленных юридически. К ним относятся «право на свое тело», «право плода на жизнь», «право на смерть», в версии нейроэтики добавляются «когнитивные права»: на психологическую преемственность, психическую неприкосновенность и целостность (безопасность) [14]. Бенатар рассуждает о том, что естественно подразумеваемое право на воспроизводство должно быть заменено установленным правом на деторождение при определенных условиях. Например, в ситуациях с высокими рисками генетических нарушений или социальным неблагополучием разумно контролировать деторождение. Очевидный евгенический подтекст такого утверждения не останавливает автора. Полагаем, что в решении вопроса об ограничении прав людей на воспроизводство можно ориентироваться на этическую теорию «абсолютных прав» А. Гиверта. В качестве наиболее вероятного «кандидата» на роль права, находящегося на вершине этой иерархии, по мнению философа, выступает право на жизнь [15].

Полагаем, что антинаталистские обоснования нужно рассматривать в оптике прагматики – в контексте биоэтики. В авторе антинаталистской теории нужно в первую очередь увидеть биоэтика. Свои выводы о том, что лучше не рождаться, Бенатар предлагает, обсуждая дилеммы селективных абортов, эвтаназии, достойной и недостойной для продолжения жизни, вспомогательных репродуктивных технологий и т.д. Сформулированные им аргументы, составившие ядро антинатализма, являются совокупным ответом, решением, обоснованным в рамках его мировоззрения и системы ценностей. Обращение к биоэтике дает нам не только примеры дилемм, но и радикально ставит вопрос о ее теоретических предпосылках и недостатке полярных антинатализму теорий. Как и в целом в моральной философии, в биоэтике не существует единой теории для анализа моральных явлений. Бенатар оговаривается по этому поводу, что его идеи не следуют одному подходу, он выбирает из множества концепций обоснования для прикладных задач. Вслед за Л.В. Максимовым, мы рассматриваем прикладную этику в качестве субдисциплины нормативной этики в рамках современной моральной философии [16]. В биоэтике возникает переход от суждений о феноменах жизни как фактах, познавательных объектах, к пониманию жизни как акта, как формы актуального существования и уже в силу этого обращенного к оценочному взгляду. Био-

этика требует применять не только абстрактные аналитические схемы, но и создавать нормативные конструкции. Опровержение антинатализма в ключе биоэтики представляет собой критику абстрактно-логического редукционизма в отношении к феноменам жизни, в том числе и к деторождению, формирующего тенденцию, которую можно обозначить как ускользание жизни.

Методологические предпосылки антинатализма в биоэтике

Академическое поле биоэтики формируется в конце 60-х гг. XX в., когда на повестку вышли трудноразрешимые моральные проблемы как результат развития биомедицинских технологий, например с пересадкой органов, применением вспомогательной репродукции. На волне обсуждения глобальных угроз человечеству американский ученый-биохимик В.Р. Поттер, которого считают родоначальником современной биоэтики, предлагает решать их, объединив усилия наук о жизни и наук о ценностях. Он выделял экологическую и демографическую проблемы как самые важные и связывал их с научно-техническим прогрессом, социальные риски и последствия которого нужно научиться регулировать. Заметим, антинаталистами также движет стремление решить экологическую проблему за счет радикального сокращения численности человечества. Позже в биоэтику включают собственно этические проблемы в медико-клинической практике, связаны они были с расширением прав и автономии пациентов. Немалую долю составили этические вопросы в биомедицинских исследованиях с привлечением человека в качестве испытуемого. Так биоэтика стала частью наук о рисках и практикой их регулирования, от рисков глобальных до тех, которые связаны были с отдельной человеческой личностью. Категория вреда, используемая Бенатаром, в биоэтике одна из центральных. Древний принцип медицинской этики «Primum non nocere» в современных отношениях врача и пациента существенно модернизирован. Тем не менее основной посыл для врача в нем кроется в обязанности уважать жизнь и не совершать действий, которые ей навредят. В биоэтике обсуждаются темы улучшения человеческой природы в свете развития генетических, нейро- и других биомедицинских технологий, чтобы отыскать нормативные основания для демаркации границ между жизнью и смертью, человеком и животным, человеком и технической сущностью [17. С. 355]. Вопросы об эвтаназии и моральном статусе эмбриона, с одной стороны, имели социальную остроту, а с другой – отражали активный научный интерес, направленный на вмешательство в пределы человеческой жизни, и актуализировали в философии тему идентичности человека. Философский антинатализм построен на языке биоэтических понятий, их сочетание с логикой аргументативного вывода создает иллюзию доказательности и таким образом истинности положений о вреде существования. Поттер называл биоэтику мостом между естественно-научным и социогуманитарным знанием. Однако он не мог предвидеть сложных методологических противоречий, которые возникли при сооружении этой конструкции.

Связаны они были как с трудностями междисциплинарного взаимодействия, так и с проблемами идейного и методологического наполнения прикладной этики. На фундаменте какой философской дисциплины должна развиваться биоэтика? Это моральная философия, которая представляет собой совокупность разнородных теорий, которые могут выбираться в том числе для отказа от ценности жизни? Или для биоэтики более востребованы идеи философской антропологии и философии жизни, утверждающие уникальность и приоритетность человеческой формы существования? Внутренние противоречия теоретической и нормативной этики, утилитаризма и деонтологических теорий, релятивизма и абсолютизма нашли свое продолжение в казуалистском и принципалистском подходах в биоэтике. Первый ориентирован на аргументативный и ситуативный поиск решений в сложных случаях, второй провозглашает ряд принципов, претендующих быть универсальным моральным основанием, позволяющим распутывать моральные затруднения в биомедицине. Не в последнюю очередь становление биоэтики в качестве академической дисциплины нужно искать в рождении метода анализа моральных дилемм и мысленных экспериментов. Отмечается, что обсуждение многочисленных «трудных случаев» и дилемм в качестве сконструированных мысленных экспериментов или же реальных историй стало полем напряжения в этической теории в целом, например в противостоянии между современными консеквенциалистами и сторонниками морального абсолютизма [18. С. 33].

Жизненные феномены в оптике моральных дилемм

Бенатар причисляет себя к моральным философам, демонстрируя аналитический стиль и технику обоснования аргументов, отточенную в методологии анализа моральных дилемм в мысленных экспериментах. Этот инструмент развивается на материале биоэтики. Дилеммы «трамвая» и «вагонетки» стали метафорами моральных затруднений, которые выходили на общее обозрение из стремительно развивающейся биомедицинской практики, где возникали сюжеты радикального выбора. Британские моральные философы задали методологический тон мысленного экспериментирования в обсуждении биоэтических проблем и других реальных и сконструированных случаев, создали направление, которое даже стали называть экспериментальной этикой. Пионеры эпистемических новаций в философии, развивали технику мысленных экспериментов с целью преодолеть тупики аналитизма и недостатки консеквенциализма, эти процедуры служили способом исследований намерений и моральных интуиций, выносимых на суд разума. Ф. Фут в статье об абортрах [19] использовала дилеммы, которые стали примерами, чтобы указать на тонкие различия в моральной допустимости, когда действие имеет как хорошие, так и плохие результаты. Фут назвала мысленный эксперимент «контрфактуальным тестом», предложила его для проверки этической состоятельности наших мораль-

ных интуиций и выбора «из двух зол» в доктрине двойного эффекта. В дилемме о путешественнике, органы которого подходят для трансплантации, Ф. Фут ставит вопрос, должен ли врач изымать органы у здорового человека, об исчезновении которого никто не узнает, чтобы распределить их между умирающими пациентами и таким образом спасти им жизнь? [20]. Дж. Томпсон также была вдохновлена дилеммами биоэтики, отстаивая право женщины на аборт и контроль за своим телом. Она придумала мысленный эксперимент про виолончелиста, которого похитили, а затем присоединили к организму другого человека без его согласия. Возникла ассоциация с беременностью, когда ребенок выступает непрошеным реципиентом в теле женщины.

Д. Парфит формулирует проблему неидентичности в мысленных экспериментах о трансплантации половинок мозга донора двум реципиентам или слиянии левой и правой доли в мозг одной личности [21]. Вопрос о том, как сохраняется тождество личности, не имеет ответа: выживание донора в качестве двух людей как наиболее, по мнению Парфита, правдоподобный ответ, противоречит свойствам тождества, поскольку один человек не может быть тождественен двум. В понимании идентичности Парфит отрицает любую тождественную во времени сущность личности как крайне неправдоподобную метафизическую структуру и взамен представляет единство ощущения самости в качестве психологической преемственности, обеспеченной сцеплением экзистенциальной цепи из периодов жизни [22].

Другим примером, близким к проблемам деторождения, служит так называемый отвратительный вывод Парфита, который он получает в попытке применить утилитаристскую максиму к вопросу популяционной этики: каковы пределы размножения человечества? Чем выше количество людей, тем общее количество благ больше, но их меньше становится для каждого индивида, чтобы жизнь считалась «достойной чтобы жить». И получается, чем меньше популяция, тем выше количество благ на человека с высоким качеством жизни. «Отвратительное следствие» контринтуитивно и Парфит считал его неприемлемым, развенчивая утилитаризм. Однако антинатуралисты, признавая, что известный философ не был их сторонником, тем не менее считают, что идеи Парфита релевантны их выводам. Как считает М. Хейрю, «Если каждая семейная линия в конечном итоге производит человека с жизнью, не стоящей того, чтобы жить, и, если заставлять этого человека существовать не может быть оправдано выгодами, выпадающими на долю других в семейной линии, всегда неправильно иметь детей. Парфит не делал этого антинатуралистского вывода, но анализ его введения проблемы неидентичности показывает, что он мог бы сделать это» [23. Р. 1]. Суждения Парфита дали импульс популяционной этике и получили рецепцию в биоэтических дискуссиях, включающих понятия, квантифицирующие не только единство личности, но они стали частью конструктивистского расчленения жизни, отменяющего представление о ней как об объективной ценности и целостности.

Парфит отвергает представление о том, что плохое качество жизни может считаться для человека худшим, чем несуществование. До рождения этот человек не существует, и поэтому нет никаких оснований для сравнения. Поэтому Парфит ищет безличный стандарт, по которому можно делать такие суждения о качестве жизни, и в процессе он изучает различные подходы к максимизации благополучия будущих поколений. Антинаталисты по-своему ищут, как справиться с отвратительным выводом, полагая, что он имеет последствия для обязанностей нынешних поколений перед будущими и межпоколенческой справедливости. Таким образом, вопрос о том, как следует обращаться с этим отвратительным выводом, стал одним из кардинальных вызовов современной этики, и исследование того, что он показывает о природе этики, открыло много новых направлений для исследований, в том числе антинаталистские выводы [24]. Аргументы Бенатара можно рассматривать как методологическую реминисценцию размышлений Парфита.

Г.Н. Мехед определяет, что мысленный эксперимент в философии, нацелен по большей части не столько на объект, сколько на установление когнитивного горизонта самого мышления. В этике же мысленный эксперимент является еще и методом эксплицирования, а также прояснения этических позиций на предмет внутренних противоречий и границ самого этического дискурса [25. С. 3]. Таким образом, контринтуитивные выводы не убеждают моральных философов в том, что рассуждения о жизненных феноменах именно в парадигме утилитаризма и логике моральных дилемм размывают представление о жизни как моральной ценности.

Этика мысленных экспериментов

В той части биоэтики, которая занимается регулированием биомедицинских исследований, есть правила, ограничивающие проведение экспериментальной деятельности. Такие ограничения применяются, если в исследования привлекаются люди, используются человеческие субстанции или животные. Но даже если в эксперименте не участвуют живые существа, экспериментатор, согласно нормам Нюрнбергского кодекса, должен обосновать значимость проводимых исследований для человечества. Этические требования распространились за пределы биомедицины в другие научные области, в психологические и социальные исследования. С этой точки зрения теоретизирование на моральные темы, приводящее к контринтуитивным выводам, также должно проходить процедуру этической экспертизы, и особенно если эти выводы в дальнейшем превращаются в продвигаемую систему взглядов, или их императивность такова, что вызывает рецепцию социально аверсивных практик и поступков. Но Бенатар и сам является биоэтиком и возможно принимает участие в работе этических комитетов. В этом случае уместно вспомнить принцип «моральной непредставимости», сформулированный Б. Уильямсом: «Бывают настолько чудовищные ситуации, что сама мысль о том, что моральное рассуждение может дать какой-то адекватный такой ситуации ответ, кажется

безумной. Если сама ситуация безумна, то безумием было бы пытаться постигнуть ее с помощью разума» [26. Р. 100]. Ситуация с отвратительными выводами антинатализма осложняется еще и тем, что они становятся ориентирующими моральными идеями, благодаря доступности и метафорической яркости рассуждений и аргументации. В философских определениях жизненных феноменов и различных состояний человека вряд ли возможно отождествлять рациональное с морально оправданным. Именно поэтому медицина всегда была сферой особого морального опыта, не напрасно изначально там возникла потребность в профессиональной этике [27]. Современные моральные философы, очевидно, пренебрегают этим важным обстоятельством. Так, Парфит утверждал: «...если мы изменим наше мнение о природе тождества личности, это может изменить наши убеждения о том, что рационально и морально оправданно, а что – нет» [21. Р. 275]. Теоретическая конструкция будет предопределять моральный выбор? Ч. Тэйлор считал идеи, относящиеся к уважению к жизни, целостности и благополучию, почти инстинктами. Они явно или неявно предполагают определенные утверждения относительно природы и статуса человеческих существ [28. С. 29]. Идентичность человека – это не просто мерцающая связь впечатлений, в ее основе – позиция по отношению к жизненно важным ценностям и к ней самой как основе всех ценностных определений. Следовательно, мы должны указать, что для морального размышления о границах человеческой жизни нужны некоторые этические самоограничения, выступающие условиями допуска в исследовании человеческих страданий и всех иных представимых и труднопредставимых превратностей, по поводу которых могут возникать контринтуитивные выводы. Моральная интуиция, ориентированная на защиту жизни, является достаточным основанием для подобных самоограничений.

Г.Н. Мехед, иллюстрируя сложности этического экспериментирования с постановкой дилемм, ссылается на пример Канта. Мысленный эксперимент о том, следует ли говорить правду потенциальному убийце, где прячется друг, показывает, как жесткая, даже демонстративная контринтуитивность кантовского случая стала аргументом против этики Канта [25. С. 3]. Этот и другие примеры демонстрируют, что в моральных суждениях важно очерчивать границы рационалистического дискурса и удерживать моральные цели, вопреки логике исходной доктрины.

Учитывая неоднозначность применения метода мысленных экспериментов, У.В. Добронравова предлагает выработать правила его использования, утверждая: «в попытках приблизить философию к реальности, связаться с этой самой реальностью при помощи мысленного эксперимента, философа поджидает опасность упасть в бездну собственного воображения, а вслед за собой потащить и тех, кто ему доверился. В этой связи мысленные эксперименты в философии, на наш взгляд, должны проводиться с куда большей осторожностью и строгостью» [29. С. 59]. Казус антинатализма является моральным затруднением, возникающим как продолжение мысленного экспериментирования, в котором на рельсы сокрушающего философского разума положено само человечество.

Метод дилемм в мысленных экспериментах, с одной стороны, оказался важным инструментом развития моральной философии, с другой – как показывают психологические исследования, когда субъекты размышляют о жертвенных дилеммах, они не выбирают между противоположными утилитаристскими и деонтологическими решениями, а вовлекаются в более сложный процесс взвешивания противоположных моральных причин. Поэтому, считают психологи, жертвенные дилеммы мало что говорят нам о принятии решений [30. Р. 551].

Если рассматривать мораль как живой пласт нашего сознания и поведения, нужно понимать, что решения по случаям становятся прецедентами и образцами поступания, начинают трансформировать устоявшиеся взгляды. Так происходит с адаптацией нового морального и социального опыта, привносимого технологиями. Антинаталистские аргументы тоже задают образец, которому можно следовать не только в аналитических спекуляциях, но и в живом опыте. Финский философ Пильстрем замечает, что некоторые философские взгляды, например крайне спорные этические позиции, могут быть непереносимы и невозможны для серьезного восприятия в качестве вклада в этическую дискуссию, независимо от их аргументативных достоинств. В аргументах Бенатара он видит особый вид нечестности, считая ее едва ли преднамеренной, но тем не менее подразумеваемой. Тогда как нужно придерживаться морального требования, что по-настоящему серьезное философствование должно быть не только аргументативно и интеллектуально искусным, но и быть человечески, или даже экзистенциально, честной деятельностью [31. Р. 657].

Заключение

Антинаталисты укореняют свою философию в идеях Шопенгауэра, акцентируя связь с его пессимистическими пассажами. Но пессимизм Шопенгауэра иного толка, его источник в иррациональных началах бытия, во взаимообусловленности рождения и гибели. Не случайно его творчество является точкой антиметафизической реконструкции жизни как всеобъемлющего циклического процесса, откуда берет начало философия Ф. Ницше, утверждающая жизнь в качестве центрального понятия. Философию жизни развивают в Германии Дильтей, Зиммель, Шпенглер, во Франции Бергсон, она находит свое продолжение в философской антропологии М. Шелера, Г. Плеснера. Ницше считал, что любое противопоставление жизни и страдания ведет к принижению жизни. Кто полагает, что жизни присущи только радость, восторг, веселье, а печаль и страдание являются ее отрицанием, тот не только обедняет жизнь, но и не видит, что одно без другого лишается смысла. Методологический смысл всей философии жизни в противопоставлении аналитического, рационалистического и понимающего познания жизни. Сегодня в моральной философии ускользает эта оптика целостного взгляда, уважающего жизнь, которая и является подлинно моральной. Где начинается анализ, и появляется взгляд со стороны, ставящий во главу угла абстракцию, но не ценность жизни, там жизнь оценивается не ей присущими

мерами. Чувство жизни выше любой рациональной рефлексии по поводу нее, считал В. Дильтей. Инструментальный разум, зависимый от метода, как от технологии производства знания о жизни, остается невовлеченным в ценностную рефлексия, судит о феноменах жизни объективировано, как о внешнем.

Для опровержения современного антинатализма, обретшего почву в биоэтике, требуется преодолеть методологический тупик в моральной философии, через биоэтику должна быть открыта уязвимость и хрупкость человеческой жизни. Утверждения о необходимости прекращения человеческого воспроизводства и последующего полного исчезновения человечества, пусть и в целях предотвращения экологической катастрофы, следует признать противоестественными, т.е. неморальными и недопустимыми с точки зрения ценностного мышления в моральной философии. Иначе биоэтика превращается в казуистику оправдания неморальных действий. Так философскими средствами происходит деантропологизация мира. В осмыслении деторождения должен быть сделан поворот к жизнеутверждающей философии натальности.

Для человека найти способ преодолеть страдание – значит обрести смысл жизни. Любовь к жизни и покорность страданию являются основополагающими моментами экзистенции, задают два ценностных полюса, положительный ассоциируется с моральным благом. Вариант философии антинатализма в качестве морального блага рассматривает отказ от жизни, поскольку это не только отказ от рождения детей, что можно было бы интерпретировать как регулирование рождаемости, это именно апология отказа от человеческой формы жизни вообще. В философии Бенатара происходит переворачивание оппозиции добра и зла. Теоретические предпосылки релятивизации морали, которые были реализованы в биоэтике, стали почвой для логической развязки – обоснования идеи самоуничтожения человечества.

Полагаем, что развитие новой философии жизни, в ее контексте и философии натальности, может стать выходом из кризисной ситуации постантропоцентризма, когда одновременно со свержением человека с пьедестала субъектности наметился тренд ухода человека как формы бытия. В XX в. новая бифуркация в линии философии жизни начинается в идеях жизневоззрения А. Швейцера и Х. Йонаса. Среди современных авторов теоретическое обоснование ценности жизни находит у известного нейропсихолога Н. Хамфри. В поисках эволюционных механизмов возникновения когнитивных способностей у человека он показывает, что ощущение радости бытия является условием развития сознания и самосознания. Именно из этого ощущения рождается у человека чувство его особого бытия в мире, которое Хамфри обозначает как осознание собственной метафизической важности [32. С. 90]. Целостное эмоциональное восприятие жизни в качестве радости бытия, заинтересованность в каждом ее моменте становится основой классификации событий на значимые и незначимые, так возникают реперные точки различения морального и неморального, добра и зла.

С точки зрения биоэтики нужно уважать уникальные и контингентные основания человеческой жизни [33. С. 24]. Этот принцип дает устойчивую точку опоры для установления границ между человеком и животным, человеком и технической сущностью. Сохранение центральной роли человека в отношении

животных не следует считать жестом в сторону их ущемления, наоборот, нужно рассматривать его как шаг в сторону дальнейшей гуманизации, нравственного развития личности в отношении всех форм жизни и условие устойчивого коэволюционного развития.

Список источников

1. Целищева О.Н. Конфликт норм в философском мышлении: случай аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 51–59. doi: 10.17223/1998863X/49/6
2. Бенатар Д. Лучше никогда не быть. О вреде появления на свет : пер. с англ. яз. URL: <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/1091399-devide-benatar-luchshe-nikogda-ne-byt.html#book> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Vint S. (Ed.) *After the Human: Culture, Theory and Criticism in the 21st Century*. After Series. Cambridge University Press, 2020. 260 p.
4. Schönegger Ph. What's up with anti-natalists? An observational study on the relationship between dark triad personality traits and anti-natalist views // *Philosophical Psychology*. 2022. Vol. 35. P. 66–94.
5. Metz T. Contemporary Anti-Natalism, Featuring Benatar's Better Never to Have Been // *South African Journal of Philosophy*. 2012. № 31 (1). P. 1–9.
6. Meehan M., Zeigler-Hill V., Shackelford T. Dark personality traits and anti-natalist beliefs: The mediating roles of primal world beliefs // *Philosophical Psychology*. 2022. № 37 (4). P. 947–969.
7. Coates K. *Anti-Natalism: Rejectionist Philosophy from Buddhism to Benatar*. First Edition. Design Publishing, 2014. 222 p.
8. Lochmanova K. (Ed.) *History of Antinatalism: How 36 Philosophy Has Challenged the Question of Procreation*. Amazon Services International, 2020. 218 p.
9. Morioka M. *What Is Antinatalism? Definition, History, and Categories*. Tokyo : Philosophy Project, 2024. 207 p.
10. Иогансон Е.Н. (Мартин-Иогансон Э.) Новый материализм: поворот к нечеловеческому и деантропологизация мира // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 508. С. 114–120. doi: 10.17223/15617793/508/12
11. Sapio L.L. Antinatalist procreationism and humanity's cosmic significance // *Journal of Ethics and Emerging Technologies*. 2024. Vol. 34 (1). P. 1–11.
12. Magnusson E. How to reject Benatar's asymmetry argument // *Bioethics*. 2019. № 33 (6). P. 674–683.
13. Ордина П.С. Анализ практических рассуждений средствами деонтической, аксиологической и эпистемической модальных логических систем // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 12. С. 126–130.
14. Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. № 13 (5). P. 1–27.
15. Gewirth A. *Are There Any Absolute Rights?* // *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham : Rowman & Littlefield publishers, Inc., 1994. P. 129–146.
16. Максимов Л.В. Об аналитическом стиле в этике // *Этическая мысль*. 2018. Т. 18, № 1. С. 5–17.
17. Юдин Б.Г. *Человек: выход за пределы*. М. : Прогресс-Традиция, 2018. 470 с.
18. Мехед Г.Н. Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы // *Этическая мысль*. 2015. Т. 15. С. 27–50.
19. Foot P. The Problem of abortion and the doctrine of the double effect // *Oxford Review*. 1967. № 5. P. 5–15.
20. Andrade G. Medical ethics and the trolley Problem // *Journal of Medical Ethics and History Medicine*. 2019. № 12 (3). P. 1–15.
21. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford : Oxford University Press, 1984. 560 p.
22. Нехаев А.В. Дерек Парфит: забота ни о ком, как о себе самом // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2018. № 4. С. 49–57.
23. Häyry M. The Unthinkable Conclusion: Derek Parfit's Budding Antinatalism // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2024. № 1. P. 1–10.
24. Arrhenius G., Andersson E. The Repugnant Conclusion: An Overview // Gardiner S.M. (Ed.) *The Oxford Handbook of Intergenerational Ethics*. Oxford University Press, 2021. P. 583–605. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190881931.013.7
25. Мехед Г.Н. Мысленный эксперимент в философии и этике // *Философская мысль*. 2017. № 5. С. 1–13.
26. Williams B.A. *Critique of Consequentialism // Absolutism and its Consequentialist Critics*. Lanham, 1994. P. 93–107.
27. Сидорова Т.А. Экология медицины в пространстве этоса: от медицинской этики к биоэтике // *Международный журнал исследований культуры*. 2015. № 1 (18). С. 55–56.
28. Кимелев Ю.А. Аксиология модерна. Философия Чарльза Тэйлора // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Философия*. 2022. № 3. С. 24–41.
29. Добронравова У.В. Формирование требований к философскому мысленному эксперименту // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 10. С. 59–64.
30. Kahane G. Sidetracked by trolleys: Why sacrificial moral dilemmas tell us little (or nothing) about utilitarian judgment // *Social neuroscience*. 2015. № 10 (5). P. 551–560.
31. Pihlstrom S. Ethical unthinkabilities and philosophical seriousness // *Metaphilosophy*. 2009. Vol. 40, № 5. P. 656–670.
32. Хамфри Н. *Сознание и самосознание. Пыльца души*. М. : Карьера Пресс, 2014. 304 с.
33. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы / пер. с нем.* М. : Весь Мир, 2002. 144 с.

References

1. Tselishcheva, O.N. (2019) Conflict of Norms in Philosophical Thinking: The Case of Analytic Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 51–59. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/49/6
2. Benatar, D. (n.d.) *Luchshe nikogda ne byt'. O vrede poyavleniya na svet* [Better Never to Have Been: The Harm of Coming into Existence]. Trans. from English. [Online] Available from: <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/1091399-devide-benatar-luchshe-nikogda-ne-byt.html#book> (Accessed: 24.04.2025).
3. Vint, S. (ed.) (2020) *After the Human: Culture, Theory and Criticism in the 21st Century*. After Series. Cambridge University Press.
4. Schönegger, P. (2022) What's up with anti-natalists? An observational study on the relationship between dark triad personality traits and anti-natalist views. *Philosophical Psychology*. 35. pp. 66–94.
5. Metz, T. (2012) Contemporary Anti-Natalism, Featuring Benatar's Better Never to Have Been. *South African Journal of Philosophy*. 31 (1). pp. 1–9.
6. Meehan, M., Zeigler-Hill, V. & Shackelford, T. (2022) Dark personality traits and anti-natalist beliefs: The mediating roles of primal world beliefs. *Philosophical Psychology*. 37 (4). pp. 947–969.

7. Coates, K. (2014) *Anti-Natalism: Rejectionist Philosophy from Buddhism to Benatar*. First Edition. Design Publishing.
8. Lochmanova, K. (ed.) (2020) *History of Antinatalism: How 36 Philosophy Has Challenged the Question of Procreation*. Amazon Services International.
9. Morioka, M. (2024) *What Is Antinatalism? Definition, History, and Categories*. Tokyo: Philosophy Project.
10. Ioganson, E.N. (Martin-Ioganson, E.) (2024) Novyy materializm: povorot k nechelovecheskomu i deantropologizatsiya mira [New Materialism: The Turn to the Non-Human and De-Anthropologization of the World]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta -- Tomsk State University Journal*. 508. pp. 114–120. doi: 10.17223/15617793/508/12
11. Sapio, L.L. (2024) Antinatalist procreationism and humanity's cosmic significance. *Journal of Ethics and Emerging Technologies*. 34 (1). pp. 1–11.
12. Magnusson, E. (2019) How to reject Benatar's asymmetry argument. *Bioethics*. 33 (6). pp. 674–683.
13. Ordina, P.S. (2004) Analiz prakticheskikh rassuzhdeniy sredstvami deonticheskoy, aksiologicheskoy i epistemicheskoy modal'nykh logicheskikh sistem [Analysis of Practical Reasoning by Means of Deontic, Axiological and Epistemic Modal Logical Systems]. *Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki -- Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*. 12. pp. 126–130.
14. Ienca, M. & Andorno, R. (2017) Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*. 13 (5). pp. 1–27.
15. Gewirth, A. (1994) Are There Any Absolute Rights? In: *Absolutism and its consequentialist critics*. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, Inc. pp. 129–146.
16. Maksimov, L.V. (2018) Ob analiticheskom stile v etike [On the Analytical Style in Ethics]. *Eticheskaya mysl' -- Ethical Thought*. 18 (1). pp. 5–17.
17. Yudin, B.G. (2018) *Chelovek: vykhod za predely* [Man: Going Beyond]. Moscow: Progress-Traditsiya.
18. Mekhed, G.N. (2015) Moral'nyy absolyutizm: obshchaya kharakteristika i sovremennyye podkhody [Moral Absolutism: General Characteristics and Contemporary Approaches]. *Eticheskaya mysl' -- Ethical Thought*. 15. pp. 27–50.
19. Foot, P. (1967) The Problem of abortion and the doctrine of the double effect. *Oxford Review*. 5. pp. 5–15.
20. Andrade, G. (2019) Medical ethics and the trolley Problem. *Journal of Medical Ethics and History Medicine*. 12 (3). pp. 1–15.
21. Parfit, D. (1984) *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press.
22. Nekhaev, A.V. (2018) Derek Parfit: zabota ni o kom, kak o samom sebe [Derek Parfit: Caring for No One as for Oneself]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'" -- Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"*. 4. pp. 49–57.
23. Häyry, M. (2024) The Unthinkable Conclusion: Derek Parfit's Budding Antinatalism. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 1. pp. 1–10.
24. Arrhenius, G. & Andersson, E. (2021) The Repugnant Conclusion: An Overview. In: Gardiner, S.M. (ed.) *The Oxford Handbook of Intergenerational Ethics*. Oxford University Press. pp. 583–605. doi: 10.1093/oxfordhb/9780190881931.013.7
25. Mekhed, G.N. (2017) Myslenyy eksperiment v filosofii i etike [Thought Experiment in Philosophy and Ethics]. *Filosofskaya mysl' -- Philosophical Thought*. 5. pp. 1–13.
26. Williams, B.A. (1994) Critique of Consequentialism. In: *Absolutism and its Consequentialist Critics*. Lanham. pp. 93–107.
27. Sidorova, T.A. (2015) Ekologiya meditsiny v prostranstve etosa: ot meditsinskoj etiki k bioetike [Ecology of Medicine in the Space of Ethos: From Medical Ethics to Bioethics]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury -- International Journal of Cultural Research*. 1 (18). pp. 55–56.
28. Kimelev, Yu.A. (2022) Aksiologiya moderna. Filosofiya Charl'za Teylora [Axiology of Modernity. The Philosophy of Charles Taylor]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya: Filosofiya -- Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series: Philosophy*. 3. pp. 24–41.
29. Dobronravova, U.V. (2023) Formirovaniye trebovaniy k filosofskomu myslennomu eksperimentu [Formation of Requirements for Philosophical Thought Experiment]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya -- Social and Humanitarian Knowledge*. 10. pp. 59–64.
30. Kahane, G. (2015) Sidetracked by trolleys: Why sacrificial moral dilemmas tell us little (or nothing) about utilitarian judgment. *Social neuroscience*. 10 (5). pp. 551–560.
31. Pihlstrom, S. (2009) Ethical unthinkabilities and philosophical seriousness. *Metaphilosophy*. 40 (5). pp. 656–670.
32. Humphrey, N. (2014) *Soznanie i samosoznanie. Pyl'tsa dushi* [Consciousness and Self-Consciousness. Pollen of the Soul]. Moscow: Kar'era Press.
33. Habermas, J. (2002) *Budushchee chelovecheskoj prirody* [The Future of Human Nature]. Trans. from German. Moscow: Ves' Mir.

Информация об авторе:

Сидорова Т.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Sidorova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: t.sidorova@g.nsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 26.04.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.2
doi: 10.17223/15617793/520/11

Сравнительный анализ моделей традиционных российских ценностей и их репрезентация в молодежной политике университетов Российской Федерации

Илья Александрович Дунбинский¹, Елена Григорьевна Аванесова², Виталий Викторович Кашпур³,
Полина Дмитриевна Хрущева⁴, Дмитрий Александрович Марущенко⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ dunbinskiy@mail.ru

² avanesovafsf@yandex.ru

³ vitkashpur@mail.ru

⁴ polina.khrushcheva.02@mail.ru

⁵ marushhenkod@mail.ru

Аннотация. Дается сравнительная характеристика моделей традиционных российских ценностей и представлены результаты исследования практики их репрезентации в молодежной политике современных российских университетов. Авторы пришли к выводу, что большинство вузовских социогуманитарных практик соотносится с ценностями, которые фиксируются в ценностных моделях «Четыре грани человечности» и «Пентабазис» – мастерство, состоятельность и знания, что закономерно отражает образовательную функцию высших учебных заведений.

Ключевые слова: молодежная политика, ценности, модели традиционных российских ценностей, репрезентация ценностей, университеты РФ, вузовская практика формирования молодежной политики

Для цитирования: Дунбинский И.А., Аванесова Е.Г., Кашпур В.В., Хрущева П.Д., Марущенко Д.А. Сравнительный анализ моделей традиционных российских ценностей и их репрезентация в молодежной политике университетов Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 107–115. doi: 10.17223/15617793/520/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/11

Comparative analysis of models of traditional Russian values and their representation in the youth policy of Russian universities

Ilya A. Dubinsky¹, Elena G. Avanesova², Vitaly V. Kashpur³, Dmitry A. Marushchenko⁴,
Polina D. Khrushcheva⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ dunbinskiy@mail.ru

² avanesovafsf@yandex.ru

³ vitkashpur@mail.ru

⁴ polina.khrushcheva.02@mail.ru

⁵ marushhenkod@mail.ru

Abstract. The article aims to compare the semantic content of the values declared in traditional Russian value models and, based on an analysis of the tools used to represent these values in university youth policy, to identify the most relevant models in the practical activities of higher education institutions aimed at developing moral and civic qualities in young people. The primary methods used to achieve this goal were comparative analysis and content analysis of case studies reflecting the best practices of university youth policy. The empirical basis of the study included materials from the websites of leading Russian centers whose activities are aimed at developing models of traditional values; Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022, "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"; and 147 cases from the *Collection of Best Practices for the Implementation of Youth Policy and Educational Activities of Higher Education Institutions of the Russian Federation: 2022–2024*. The first stage of the study involved a comparative analysis of two of the most popular models of traditional values: the conceptual model of the Federal Center for Humanitarian Practices, "Four Facets of Humanity: Traditional Values in the Russian Coordinate System," and the Pentabasis methodological model. Models from other centers studying traditional Russian values were also considered, including the World

Russian People's Council, the Institute of Heritage and Contemporary Society, the Federal People's Council, and the Higher Political School under the direction of A.G. Dugin. An analysis of the interpretations of values revealed that, despite significant differences in the formulations of values, the values declared by various centers generally share many common conceptual elements. The next stage was a substantive analysis of the *Collection of Best Practices for the Implementation of Youth Policy and Educational Activities of Higher Education Institutions of the Russian Federation: 2022–2024*. This analysis allowed us to draw conclusions about the tools used to represent traditional Russian values in university youth policy practices and to identify the most popular models of traditional values. The study yielded the following conclusions: the semantic meanings of the values declared by the above-mentioned models largely overlap, indicating the presence of an internal value core underlying Russian sociocultural identity; in university youth policy practices aimed at representing traditional Russian values, the most popular models are the "Pentabasis" and "Four Facets of Humanity"; values associated with mastery, competence, and knowledge dominate the best youth policy practices of higher education institutions, which naturally reflects their educational function.

Keywords: youth policy, values, models of traditional Russian values, representation of values, Russian universities, university practice of youth policy formation

For citation: Dubinsky, I.A., Avanesova, E.G., Kashpur, V.V., Marushchenko, D.A. & Khrushcheva, P.D. (2025) Comparative analysis of models of traditional Russian values and their representation in the youth policy of Russian universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 107–115. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/11

Введение

Пристальное внимание со стороны современной российской власти к молодежной проблематике говорит о том, что на сегодняшний день государство находится на пике осознания важности вовлеченности молодежи в общественную и политическую жизнь страны. Проведение эффективной молодежной политики становится особо актуальной задачей в условиях цифровизации и медиатизации всех сфер жизни общества, когда молодежная повестка легко может быть перехвачена многими политическими силами, не исключая и деструктивные. Перед государством стоит ряд проблем, которые необходимо решать. Одна из них состоит в том, чтобы перевести молодежную политику из субъект-объектного в субъект-субъектный формат. Данный перевод решает сразу две задачи. Во-первых, вовлекает молодежь в общественную коммуникацию, что позволяет ей более активно влиять на принятие важных решений, касающихся различных сфер жизни современного общества. А во-вторых, меняет социальное самочувствие молодежи, способствует повышению ее гражданской активности. Однако важно подчеркнуть, что успешная реализация молодежной политики возможна только при наличии у нее устойчивой и ясной для молодежи мотивационной, ценностно-смысловой основы.

Сегодня государство делает ставку на традиционные духовно-нравственные ценности. Происходит их инкорпорация в важнейшие документы целеполагания российского государства [1. С. 75], о них говорят с самых высоких трибун [2], появляются федеральные центры, предлагающие свои модели традиционных российских ценностей и транслирующие обществу идеи необходимости их сохранения. Традиционные ценности, понимаемые как нравственные ориентиры, становятся сегодня тем фундаментом, на котором государство выстраивает в том числе и молодежную политику, идеологическая переориентация которой влечет за собой изменение ее целей и методов их достижения. Одной из важнейших целей становится патриотическое воспитание молодежи, в связи с чем особую зна-

чимость приобретает система российского образования, а школы и вузы рассматриваются как полноценные акторы молодежной политики. Еще недавно господствовавшее представление о том, что для системы образования в приоритете должна быть передача знаний, а воспитание отходит на второй план, сегодня подвергается критике. Все больше делается акцент на том, что система образования должна создавать условия для успешного формирования личности молодого человека, воспитания гражданина. Особая роль в достижении этой цели отводится вузам, на что указывает целенаправленная политика Министерства науки и высшего образования РФ по выстраиванию единых подходов к молодежной политике в российских университетах [3. С. 230]. И хотя практика реализации молодежной политики в различных вузах имеет схожую цель – формирование и развитие ценностных ориентаций у студенческой молодежи, каждый вуз формирует собственный практический опыт для ее достижения. Анализ лучших практик российских вузов, проведенный авторами исследования, показал, что существует несколько наиболее востребованных университетами моделей традиционных ценностей, а их репрезентация осуществляется при помощи различных инструментов, в том числе через организацию циклов системных и регулярных занятий, мастер-классов, встреч, акций, мероприятий, турниров, соревнований, событийных практик, тематических игр, концертов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы сравнить смысловое содержание ценностей, декларируемых вышеуказанными моделями, и на основе анализа инструментов репрезентации этих ценностей в молодежной политике вузов выявить наиболее востребованные из них в практической деятельности высших учебных заведений, направленной на формирование нравственных и гражданских качеств молодежи.

В качестве основных методов исследования выступают: метод компаративного анализа, применяемый для сравнения моделей традиционных российских ценностей, и контент-анализ, используемый для выявления единиц текста, которые несут определенную ценностно-смысловую нагрузку и позволяют выявить

наиболее востребованные ценности в практиках молодежной политики, уже реализованных в российских вузах.

Данный метод применялся для исследования текста конкретного источника – «Сборника лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации: 2022–2024» [4]. Единицами анализа выступали слова, фразы и фрагменты текста. Они представляют собой описание действий, которые предполагают формирование определенных ценностей у студенческой молодежи. Выявление вышеуказанных ценностно-смысловых единиц по каждой из изучаемых практик, представленных в материалах сборника, позволило соотнести их с теми смыслами, которые декларируются в моделях традиционных российских ценностей при описании той или иной ценности. Данный анализ позволил сделать вывод о доминирующих ценностях, на формирование которых направлено большинство практик молодежной политики в российских вузах.

Эмпирическую основу исследования составили: материалы сайтов ведущих российских центров, деятельность которых направлена на формирование моделей традиционных ценностей; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; 147 кейсов, представленных в «Сборнике лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации: 2022–2024».

Основные центры по изучению ценностного ядра российской государственности

Российская Федерация, преодолев кризис 1990-х гг., столкнулась с императивом формирования новой системы государственных ценностей, которые должны соответствовать современным вызовам и новой государственной повестке. Начиная с середины 2000-х гг., отечественное научное сообщество активизировало изучение ценностной сферы населения, уделяя особое внимание семейным ценностям и ценностным ориентациям молодежи как наиболее динамично развивающейся социальной группы [5–7]. В рамках данных исследований был сделан акцент на изучении духовно-нравственных ценностей, рассматриваемых в качестве системообразующих элементов личности и социума [8, 9]. Особую актуальность приобрели исследования, связанные с вопросами воспитания, которое рассматривалось не только как процесс передачи знаний и навыков, но и как целенаправленное формирование ценностных установок. Кроме того, изучались процессы самоидентификации молодежи в контексте глобализирующегося мира и усиления информационного воздействия. Данные исследования были направлены на выявление детерминант, влияющих на формирование ценностей и ценностных ориентаций молодежи, а

также на разработку научно-обоснованных рекомендаций для государственной политики в сфере образования, культуры и молодежной политики [10]. Тем не менее большинство данных исследований опиралось именно на западноевропейскую методологию, которая далеко не во всех случаях подходила к описанию внутренней ситуации в России.

Начиная с 2014 г. в Российской Федерации начинается постепенный переход от либеральной модели общества к правоконсервативной. В связи с чем происходит переориентация вектора изучения ценностей, который был закреплён в ряде федеральных законов и в указах Президента РФ, в том числе в указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11]. Исходя из этого в государстве появляются государственные центры, осуществляющие теоретическое осмысление традиционных ценностей. Среди подобных центров следует выделить следующие: Экспертный институт социальных исследований, Федеральный центр гуманитарных практик, Всемирный русский народный собор, Институт наследия современного общества, Федеральный народный совет, Высшая политическая школа. Каждый из этих центров предложил собственную модель ценностей российского общества.

Экспертный институт социальных исследований, основанный в 2017 г., в своей деятельности исходит из фундаментальных смысловых основ, определяющих сущность Российского государства. В рамках методологической модели, разработанной под руководством А.Д. Харичева, получившей название «Пентабазис», в качестве приоритетных областей рассматриваются традиционные ценности, выполняющие функцию организующего начала в системе взаимоотношений между гражданами и Россией как уникальным государством-цивилизацией, обладающим специфическим общественным и государственным устройством. Объектами ценностного отношения и взаимного соотнесения в мировоззрении граждан Российской Федерации выступают ключевые элементы, формирующие «системную модель мировоззрения»: человек, семья, общество, государство и страна. В процессе мировоззренческой деятельности данные элементы соотносятся с индивидуальными потребностями и интересами граждан, приобретая для них субъективную значимость и определяя их ценностные приоритеты [12].

Отметим, что, по словам А.Д. Харичева, сохранение и развитие цивилизации опирается на уникальный цивилизационный код – и это своего рода свод неписаных, но очень важных принципов, которые прошли испытание многовековой историей нашей Родины. Он включает в себя духовно-нравственные ценности, культурные традиции и исторический опыт. Модель, предложенная Экспертным институтом социальных исследований, выступает в качестве концептуальной рамки для анализа и формирования системы ценностей, определяющих гражданскую идентичность и социальную сплоченность в российском обществе [13].

В 2022 г. на базе Российского государственного гуманитарного университета был создан Федеральный центр гуманитарных практик, который под руководством А.Ю. Пищулина разработал концептуальную модель под названием «Четыре грани человечности: Традиционные ценности в русской системе координат». Данная модель представляет собой комплексную структуру, описывающую ключевые аспекты, формирующие общественное сознание и социокультурную специфику российского общества. Эти грани, репрезентирующие базовые принципы и идеи, детерминируют поведение, идеалы и характер взаимоотношений между людьми в рамках социума.

В данной работе предложена взаимосвязанная модель, «интегрирующая понимание человеческой природы, интуитивное восприятие и предположения о существовании Высшей Силы, и, наконец, систему ценностей, лежащую в основе культурного кода каждого этноса» [14. С. 3, 5, 11]. Совокупность четырех граней человечности формирует фундамент российской системы ценностей, отражая многоаспектность и сложность общественного сознания, а также подчеркивает взаимосвязь между духовным измерением, культурным наследием и поведенческими паттернами в российском обществе.

Сравнив между собой обе модели, можно прийти к ряду любопытных выводов. Модель, разработанная группой под руководством А.Ю. Пищулина, акцентирует внимание на индивидуальных ценностях и ориентациях, помещая человека в центр системы координат. В рамках этой модели приоритет отдается ценностям, непосредственно определяющим жизненные цели, стремления и поведенческие стратегии индивида. С другой стороны, команда А.Д. Харичева предпринимает попытку комплексного осмысления ценностной системы как целостного и взаимосвязанного образования. В этой модели человек рассматривается как составная часть более широкой системы, включающей в себя социальные институты, культурные традиции и государственные интересы. Таким образом, если модель «Четырех граней человечности» концентрируется на «микроуровне» ценностной системы человека, то модель «Пентабазиса» стремится охватить «макроуровень», учитывая взаимосвязи между различными элементами общества.

Таблица 1
Сравнение моделей традиционных ценностей

Федеральный центр гуманитарных практик (Четыре грани человечности)		Экспертный институт социальных исследований (Пентабазис)
Небо	Вера, благо, красота	Человек
Мы	Справедливость, знание, развитие	Семья
Земля	Семья, род, природа	Общество
Я	Мудрость, состоятельность, мастерство	Страна
		Государство

Рассмотрим также остальные центры, занимающиеся изучением ценностей российской государственно-сти. Так, на XV Всемирном русском народном собрании

(ВРНС) в 2011 г. была принята модель «Базисные ценности – основа общенациональной идентичности». Эта модель предполагает такие ценности, как вера, справедливость, мир, свобода, нравственность, достоинство, патриотизм, солидарность, милосердие, семья, культура и национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение и жертвенность [15]. Данные ценности направлены на сохранение единства страны, исходя из «единой цели – интересов России». Модель предполагает комплекс воздействия как на молодежь в целом, так и на индивидуальную личность, которую должны воспитывать «в парадигме идеологии» [16].

Институт наследия и современного общества создан с целью формирования стратегий развития и будущего образа ценностно-рациональных ориентиров современного российского общества в условиях глобальных вызовов, а также актуализации ценностно-смысловых и интеллектуальных аспектов российского и мирового культурного наследия [17]. Среди выделяемых ценностей следует отметить следующие: гуманизм, труд, образование, религия, универсальные ценности. Основная идея ценностей построена на дихотомии: «сейчас: человек наслаждающийся, человек потребляющий, человек, которым манипулируют, человек несвободный», однако для позитивного развития общества нужно создать «человека цельного, познающего, созидającego и, значит, свободного». Таким образом, ключевой идеей данной модели является способствование переходу общества и человека на более высокий морально-нравственный уровень, где преобладает духовное над материальным.

Федеральный народный совет (ФНС), созданный в 2019 г., ставит перед собой как одну из целей разработку и развитие мировоззренческой ценностно-целевой системы гармоничного интегративного развития для России и мира. В рамках данной задачи ФНС предложил собственную ценностную модель, в которую вошли такие элементы, как справедливость, солидарность, свобода, самоуправление, созидание. Все эти ценности, согласно официальной декларации центра, предполагают единую интеграционную взаимосвязанность, направленную на «исполнение Русской мечты, что будет Победой для российской цивилизации» [18].

Наконец, Высшая политическая школа под руководством А.Г. Дугина также выделяет ряд ключевых ценностей, характерных для российской цивилизации: национальная идентичность / патриотизм, коллективизм, уважение к чужим ценностям, справедливость. Основная идея выделяемых ценностей – противопоставление ценностей русской Традиции западному бездуховному Модерну. В связи с этим традиционная ценность, согласно данной модели, выделяется только тогда, когда в ее основе лежит принцип превосходства духовного над материальным [19].

Таким образом, исходя из проведенной общей характеристики центров можно заключить, что большинство из них, отвечая на современные запросы общества и государства, предлагают собственные модели ценностей. При этом каждая из представленных моделей

апеллирует именно к традиционным ценностям, которые органично вытекают из идеи о том, что Россия является государством-цивилизацией. Тем не менее достаточно большое количество моделей и декларируемых ими ценностей делает крайне затруднительным анализ их репрезентации в молодежной политике университетов РФ.

Содержательный анализ декларируемых ценностных моделей

В этой связи на втором этапе исследования был осуществлен семантический анализ содержания каждой выделенной ценности в рамках моделей вышеописанных центров. Ключевой целью данного анализа являлось выявление общих или близких по смыслу ценностей. Иными словами, задача заключалась в установлении смыслового соответствия между различными формулировками ценностей, используемых в центрах, осуществляющих теоретическое осмысление традиционных ценностей, с целью дальнейшей систематизации результатов и применении полученных данных на практике.

Объединение ценностей в рамках исследования проводилось на основе анализа их содержательного наполнения и выведения общей формулировки, аккумулирующей ключевые смыслы. Исходными материалами для определения содержания ценностей послужили официальные документы, регламентирующие их деятельность, а также документы, определяющие их стратегические цели, в частности, утвержденные положения, программные заявления и концептуальные разработки.

Рассмотрим, как соотносятся между собой декларируемые ценности двух самых популярных моделей традиционных российских ценностей, таковыми являются «Пентабазис» и «Четыре грани человечности», для чего проанализируем каждую из представленных ценностей по порядку.

Благо и личность. В рамках «Пентабазиса» понятие «личность» подразумевает приоритет духовно-нравственных ценностей над материальным благополучием, акцентируя внимание на мотивации к деятельности, выходящей за рамки личного обогащения. Подчеркиваются такие характеристики, как альтруизм и добродетель, определяющие поведение и жизненные ориентиры индивида. В свою очередь, в концепции «Четыре грани человечности» ценность «благо» рассматривается как уникальная способность человека к распознаванию и воплощению добродетели, а также к пониманию «общего блага», зачастую подразумевающего бескорыстное служение обществу. Эта способность органично интегрирована в систему ценностных координат, формируя основу для принятия решений и осуществления действий, направленных на благополучие окружающих. Обе концепции, несмотря на различную терминологию, подчеркивают важность духовно-нравственных качеств, альтруизма и ориентированности на общественное благо как ключевых элементов, определяющих содержание понятий «личность» и «благо».

Мудрость и общество. В контексте «Четырех граней человечности» под «мудростью» понимается накопленный жизненный опыт, основанный на приверженности высшим ценностям. Она проявляется в способности глубокого анализа и объективной оценки происходящих событий, а также в умении выбирать наиболее эффективные стратегии для достижения поставленных целей. В свою очередь, в концепции «Пентабазиса» понятие «общество» рассматривается как сила, способная противостоять деструктивным факторам, раскалывающим социум. Общество выступает в качестве платформы для консолидации людей и обмена идеями, являясь ключевым фактором в формировании культурного и цивилизационного кода. Именно общество определяет нормы этики и морали, оказывающие влияние на поведение и взаимодействие людей, формируя их мировоззрение и ценностные ориентиры. Обе ценности, хотя и представлены с разных позиций, отражают важные аспекты социального бытия: «мудрость» акцентирует внимание на индивидуальном опыте и рациональности, в то время как «общество» подчеркивает коллективные ценности и социальную ответственность.

Личность и состоятельность. В рассматриваемых моделях выявлено также пересечение в понимании ценностей «личность» и «состоятельность». «Состоятельность» определяется как интегративное качество, включающее психологическую, этическую и социальную зрелость индивида, противопоставляемое инфантильности, безответственности и пренебрежению как к собственной персоне, так и к окружающему миру. «Личность» трактуется как самостоятельный и ответственный субъект общественно-политических отношений. Несмотря на различные формулировки, обе концепции акцентируют внимание на зрелости, ответственности и активной гражданской позиции как ключевых характеристиках индивида. «Состоятельность» описывает внутренние качества, формирующие личность, в то время как «личность» определяет ее роль и ответственность в социуме.

Мастерство и личность. Обе ценности подчеркивают важность профессионального развития и созидательной деятельности. «Мастерство» акцентирует внимание на профессиональных навыках и достижениях, а «личность» – на субъекте, использующем эти навыки для созидания.

Справедливость и государство. «Справедливость» в концепции «Четыре грани человечности» рассматривается как общественно-политическое измерение высшей правды, а «государство», в свою очередь, в концепции «Пентабазиса» – как гарант справедливости и законности. Обе ценности подчеркивают роль государства в обеспечении правопорядка и справедливости в обществе.

Знание и личность. Далее рассмотрим соотношение таких понятий, как «знание» и «личность». «Знание» представляется как понимание фундаментальных законов реальности, «личность» – как субъект, занимающийся созидательным трудом, для которого нужны навыки и компетенции. Обе ценности ориентированы

на рациональное познание мира, формирование полноценных и глубоких знаний и компетенций, связанных с окружающим миром.

Развитие и страна. Под «развитием» в концепции «Четыре грани человечности» подразумевается преумножение национального потенциала, освоение территории проживания и природных ресурсов. В свою очередь, трактовка «страны» в «Пентабазисе» подразумевает пространство с уникальными особенностями природы и технологической базой, создает условия для развития и процветания государства. Таким образом, обе ценности подчеркивают важность рационального, рачительного развития российского общества и государства, которое основывается на применении современных технологий и приумножении национального богатства страны.

Семья и семья. Как в концепции «Четыре грани человечности», так и в концепции «Пентабазиса» семья занимают ключевую роль, являясь проводником традиционных ценностей и инструментом создания и воспроизведения ценностей рода. В общем и целом оба понятия буквально тождественны друг другу как по форме, так и по своему смысловому наполнению.

Природа и красота. Несмотря на сходство концептуального наполнения значительного количества ценностей в моделях «Пентабазиса» и «Четырех граней человечности», между ними также есть и различия. Так, например, не находят себе аналога в модели «Пентабазиса» такие ценности, как «природа», которая понимается как бережное уважительное отношение к природе и ее ресурсам, а также «красота», которая трактуется как продвижение ценностных ориентиров, познаний в сфере искусства и культуры, популяризация шедевров искусства и технологий.

Таким образом, проведенный анализ трактовок ценностей позволил выявить, что, несмотря на значительные отличия в формулировках ценностей, в общем и целом между ними намного больше общих концептуальных элементов, чем это может показаться на первый взгляд. Подобного рода методика структурно-содержательного анализа была применена и к другим ценностным моделям, однако, учитывая ограничения объема данной публикации, дальнейшее изложение сфокусируется на репрезентации ценностных моделей в контексте молодежной политики университетов Российской Федерации.

Таблица 2

Сравнение понятийного содержания ценностных моделей «Пентабазиса» и «Четырех граней человечности»

Федеральный центр гуманитарных практик (Четыре грани человечности)	Экспертный институт социальных исследований (Пентабазис)	Критерий объединения
Благо	Личность	Благо как способность распознавать и практиковать добродетель
		Личность как приоритет духовного над материальным
Мудрость	Общество	Мудрость как способность видеть и оценивать чужие и свои ценности
		Общество как способность противостоять всему, что раскалывает общество

Федеральный центр гуманитарных практик (Четыре грани человечности)	Экспертный институт социальных исследований (Пентабазис)	Критерий объединения
Состоятельность	Личность	Состоятельность как качество, противоположное инфантильности
		Личность как самостоятельный и ответственный субъект общественно-политических отношений
Мастерство	Личность	Мастерство как совокупность навыков и компетенций человека
		Личность как субъект, занимающийся созидательным трудом, для которого нужны навыки и компетенции
Справедливость	Государство	Справедливость как общественно-политическое измерение высшей правды
		Государство как гарант справедливости и законности
Знание	Личность	Знание как понимание фундаментальных законов реальности
		Личность как субъект, занимающийся созидательным трудом, для которого нужны навыки и компетенции
Развитие	Страна	Развитие как приумножение национального потенциала
		Страна как приумножение развития государства
Семья	Семья	Семья как ячейка общества, транслирующая традиционные ценности
Природа	—	Бережное уважительное отношение к природе и ее ресурсам
Красота	—	Продвижение ценностных ориентиров, познаний в сфере искусства и культуры

Содержательный анализ «Сборника лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации» [4]

Вопрос о проведении структурно-содержательного анализа моделей традиционных российских ценностей в рамках молодежной политики университетов РФ достаточно неординарен. В этой связи в качестве основного источника эмпирических данных был выбран «Сборник лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации». Данный сборник представляет собой систематизированную коллекцию наиболее эффективных и инновационных социогуманитарных практик отечественных университетов, направленных на формирование и развитие ценностей и ценностных ориентаций у студенческой молодежи за 2022–2024 гг.

Всего в сборнике представлено 147 социогуманитарных практик, выявленных на основании проведенного конкурсного отбора. Представленные мероприятия имеют следующее распределение по годам: за 2024 г. описано 40 практик, за 2023 г. – 56 практик, а за 2022 г. – 51 практика. Каждая практика имеет фиксированный набор критериев оценки.

сированную цель, задачи, которые ставились в процессе реализации, краткое описание работы, описание технической и методической составляющей, а также результаты мероприятия. Кроме того, указываются авторы, ключевые слова и целевая аудитория, на которую ориентировано представленное событие. Наличие данной информации позволяет осуществить содержательный анализ и выявить те ценности, на формирование которых было ориентировано данное мероприятие, а затем соотнести их с вышеописанными моделями традиционных российских ценностей.

Проведя сравнительно-содержательный анализ материалов сборника, можно сделать ряд выводов. Большинство представленных социогуманитарных практик соотносится с теми ценностями, которые фиксируются в ценностной модели «Четыре грани человечности» (97,9% практик), а также в ценностной модели «Пентабазиса» (86,9% практик). Ценности остальных моделей хоть и нашли свое отражение в рамках молодежной политики университетов, но все-таки в существенно меньшем количестве мероприятий. Так, ценностная модель Всемирного русского собора соотносится с 29,5% описанных практик, ценностная модель Высшей политической школы – 20,7% практик, ценностная модель Федерального народного совета – 20% практик, ценностная модель Института наследия и современного общества – 15,8% практик. Подобную ситуацию можно интерпретировать тем, что ценностные модели «Четырех граней человечности», а также «Пентабазиса» более структурированы и содержательно отражают российские ценности, позволяя фиксировать их в большинстве университетских молодежных мероприятиях.

Перейдем к рассмотрению отдельных ценностей, которые можно вычленивать, проанализировав вышеуказанный сборник. Наибольшую представленность получили ценности, связанные с мастерством – 57,9% практик, состоятельностью – 42% практик, а также знанием – 41,3% практик. Данная тенденция закономерно интерпретируется доминирующей ролью высших учебных заведений в организации соответствующих мероприятий, что обусловлено их функциональной ориентацией на образовательный процесс и подготовку квалифицированных специалистов.

Несколько меньшее значение в практической плоскости получили ценности патриотизма – 24,8% практик, блага – 24,8% практик и рода – 21,3% практик. Подобное акцентирующее внимание основано на любви к Отечеству и историческим корням, что, в свою очередь, отражает стремление к формированию гражданской идентичности и укреплению связи поколений среди молодежной аудитории.

Остальные декларируемые ценности находят значительно меньшее отражение в университетских мероприятиях (равенство – 11%, мудрость – 9,6%, развитие – 8,9%, самоуправление – 6,2%, семья – 5,5%, справедливость – 4,8%, государство – 4,8%), это объясняется как условиями самих вузов, так и, вероятно, чуть меньшим интересом молодежи к данным ценностям, в том числе из-за особенностей возраста.

Существенным является отсутствие ценности веры среди лучших социогуманитарных практик университетов. Данный факт, вероятнее всего, обусловлен тем, что российское государство является светским, в его рамках образовательная система отделена от религиозных институтов и догматов.

Таким образом, данный сборник социогуманитарных практик позволяет посредством сравнительно-содержательного анализа выявить репрезентацию моделей традиционных российских ценностей в рамках молодежной политики РФ. Кроме того, более глубокий анализ сборника позволил зафиксировать наиболее близкие к молодежной среде ценности, что также находит свое подтверждение в последних опросах ВЦИОМ [20, 21].

Заключение

Анализ разнообразия представленных моделей ценностей позволяет выявить существенные области пересечения в фиксируемых ценностях, несмотря на различия в терминологии и акцентах. Данный феномен свидетельствует о наличии некоего внутреннего ценностного ядра, представляющего собой совокупность устойчивых и разделяемых представлений о должном и ценном, которые лежат в основе российской социокультурной идентичности.

Сравнительный анализ показал, что ценностные модели «Пентабазис» и «Четыре грани человечности» обладают высокой степенью структурированности и глубоко отражают российские ценности, что позволяет эффективно выявлять их проявления в университетских молодежных мероприятиях. Отличительной особенностью является то, что модель «Четырех граней человечности» фокусируется на микроуровне ценностной системы индивида, в то время как модель «Пентабазис» ориентирована на макроуровень, учитывая взаимосвязи между различными элементами общества. В рамках последней модели человек рассматривается как интегральная часть более широкой системы, включающей социальные институты, культурные традиции и государственные интересы.

Анализ представленности ценностей в рамках молодежной политики университетов выявил доминирование ценностей, связанных с мастерством, состоятельностью и знаниями. Это закономерно отражает образовательную функцию высших учебных заведений, мероприятия которых являлись предметом исследования. Наряду с этим, акцент на любви к Отечеству и историческим корням свидетельствует о стремлении к формированию гражданской идентичности и укреплению межпоколенческих связей среди молодежи. Остальные ценности проявились в значительно меньшей степени, что обусловлено как возрастными особенностями социальной группы, так и функциональной направленностью анализируемых мероприятий.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что полученные результаты являются одним из первых шагов в анализе репрезентации ценностных моделей в рамках Российского государства. Кроме того, с точки

зрения практического результата анализ подобного университета РФ как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Список источников

1. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // *Полития*. 2023. № 4 (111). С. 67–93.
2. Заседание Совета Безопасности Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160#sel=4:1:Eov,4:19:aao>
3. Островкин Д.Л., Сандлер Д.Г. Реализация государственной молодежной политики в университете: ключевые приоритеты и критерии ее эффективности // *Вестник экономики, права и социологии*. 2024. № 2. С. 229–235.
4. Сборник лучших практик реализации молодежной политики и воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации: 2022–2024. Кострома, 2024. 156 с.
5. Дунбинский И.А., Кашпур В.В., Ливенцова Е.Ю. Понятие «ценности» в славянском и западном мире: особенности содержания и динамики // *Русин*. 2023. № 73. С. 266–282. doi: 10.17223/18572685/73/17
6. Матвиенко М.А., Егушев К.Е., Пименов Н.О., Файрузов Р.Р. Ценности современной молодежи // *Молодой ученый*. 2015. № 10 (90). С. 1523–1525.
7. Ларина А.А. Основные ценности современной молодежи // *Территория науки*. 2015. № 5. С. 67–72.
8. Гальскова Н.Д., Тарева Е.Г. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность // *Иностранные языки в школе*. 2012. № 1. С. 3–11.
9. Духовно-нравственные ценности современного образования / Н.Н. Никулина, Е.В. Крикун, С.Н. Шевченко [и др.]. Белгород : Константа, 2016. 308 с.
10. Ильных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2012. № 4-1 (20). С. 220–232.
11. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>
12. Харичев А.Д. Ценности как смысловая основа мировоззрения // *Основы российской государственности : учеб. пособие*. М. : РАНХиГС, 2024. С. 255–289.
13. Харичев А.Д. Цивилизация «Россия» // *Блокнот гражданского просвещения*. 2025. № 7. С. 4–7.
14. Четыре грани человечности: традиционные ценности русской системы координат. М. : ФЦП, 2022. 16 с.
15. Базисные ценности – основа общенациональной идентичности // Международная общественная организация «Всемирный русский народный собор». М., 2025. URL: <https://vms.ru/documents/bazisnyetsennostiosnovaobshchenatsionalnoyidentichnosti/?ysclid=mgdlryypfw626482875>
16. Сергей Неверов: Всемирный Русский Народный Собор стал первым наглядным примером консолидации для общества // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. М., 2025. URL: <http://duma.gov.ru/news/28653/>
17. Институт наследия и современного общества // Российский государственный гуманитарный университет М., 2025. URL: https://www.rsu.ru/iniso/o-proekte/?clear_cache=Y
18. Декларация Федерального народного совета – движения Добра, Мечты и Победы «Онтология Добра, Высокой мечты и Победы для России и мира» (ред. от 31 октября 2023 г.) // Сайт Федерального народного совета. 2025. URL: <https://docs.google.com/document/d/1jz3wOSsCvUEOuzO1ldQnUW1Thd4aIW2/edit?tab=t.0>
19. Положение об учебно-научном центре «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» № 01-546 / осн. от 27.06.2023 // Российский государственный гуманитарный университет. 2025. URL: <https://rsuh.ru/upload/main/vpsh/Положение%20ВПШ.pdf>
20. Современная молодежь России: специфика и ключевые запросы // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2024. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/2024-05-03-Molodezh_Digoriya_Fedorov.pdf
21. Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2022. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi>

References

1. Borshchevskiy, G.A. (2023) Traditsionnye rossiyskie tsennosti: institutsional'nyy analiz [Traditional Russian Values: An Institutional Analysis]. *Politeya*. 4 (111). pp. 67–93.
2. President of Russia. (n.d.) *Zasedanie Soveta Bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* [Meeting of the Security Council of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160#sel=4:1:Eov,4:19:aao> (Accessed: 22.03.2026).
3. Ostrovkin, D.L. & Sandler, D.G. (2024) Realizatsiya gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v universitete: klyuchevye prioritety i kriterii ee effektivnosti [Implementation of State Youth Policy at the University: Key Priorities and Criteria for Its Effectiveness]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2. pp. 229–235.
4. Anon. (2024) *Sbornik luchshikh praktik realizatsii molodezhnoy politiki i vospitate'noy deyatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii: 2022–2024* [Collection of Best Practices in the Implementation of Youth Policy and Educational Activities of Higher Education Institutions of the Russian Federation: 2022–2024]. Kostroma.
5. Dunbinskiy, I.A., Kashpur, V.V. & Liventsova, E.Yu. (2023) Ponyatie "tsennosti" v slavyanskoy i zapadnom mire: osobennosti soderzhaniya i dinamiki [The Concept of "Values" in the Slavic and Western World: Features of Content and Dynamics]. *Rusin*. 73. pp. 266–282. doi: 10.17223/18572685/73/17
6. Matvienko, M.A., Eguшев, K.E., Pimenov, N.O. & Fayruzov, R.R. (2015) Tsennosti sovremennoy molodezhi [Values of Modern Youth]. *Molodoy uchenyy*. 10 (90). pp. 1523–1525.
7. Larina, A.A. (2015) Osnovnye tsennosti sovremennoy molodezhi [Basic Values of Modern Youth]. *Territoriya nauki*. 5. pp. 67–72.
8. Gal'skova, N.D. & Tareva, E.G. (2012) Tsennosti sovremennogo mira globalizatsii i mezhkul'turnoe obrazovanie kak tsennost' [Values of the Modern World of Globalization and Intercultural Education as a Value]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1. pp. 3–11.
9. Nikulina, N.N., Krikun, E.V., Shevchenko, S.N. et al. (2016) *Dukhovno-nravstvennye tsennosti sovremennogo obrazovaniya* [Spiritual and Moral Values of Modern Education]. Belgorod: Konstanta.
10. Il'nykh, S.A. (2012) Family Values of Youth: Traditions and Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya -- Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4-1 (20). pp. 220–232. (In Russian).
11. President of Russia. (2022) *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809* [On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Accessed: 22.03.2026).
12. Kharichev, A.D. (2024) Tsennosti kak smyslovaya osnova mirovozzreniya [Values as the Semantic Basis of Worldview]. In: *Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti* [The foundations of Russian statehood]. Textbook. Moscow: RANEPa. pp. 255–289.

13. Kharichev, A.D. (2025) Tsivilizatsiya "Rossiya" [The Civilization "Russia"]. *Bloknot grazhdanskogo prosveshcheniya*. 7. pp. 4–7.
14. Anon. (2022) *Chetyre grani chelovechnosti: traditsionnye tsennosti russkoy sistemy koordinat* [Four Facets of Humanity: Traditional Values of the Russian Coordinate System]. Moscow: FTsGP.
15. VRNS. (2025) *Bazisnye tsennosti – osnova obshchenatsional'noy identichnosti* [Basic Values – The Basis of National Identity]. Moscow. [Online] Available from: <https://vrns.ru/documents/bazisnyetsennostiosnovaobshchenatsionalnoyidentichnosti/> (Accessed: 22.03.2026).
16. RF Duma. (2025) *Sergey Neverov: Vsemirnyy Russkiy Narodnyy Sobor stal pervym naglyadnym primerom konsolidatsii dlya obshchestva* [Sergey Neverov: The World Russian People's Council Became the First Clear Example of Consolidation for Society]. Moscow. [Online] Available from: <http://duma.gov.ru/news/28653/> (Accessed: 22.03.2026).
17. RSUH. (2025) *Institut naslediya i sovremennogo obshchestva* [Institute of Heritage and Modern Society]. Moscow. [Online] Available from: https://www.rsu.ru/iniso/o-proekte/?clear_cache=Y (Accessed: 22.03.2026).
18. Federal People's Council. (2025) *Deklaratsiya Federal'nogo narodnogo soveta – dvizheniya Dobra, Mechty i Pobedy "Ontologiya Dobra, Vysokoy mechty i Pobedy dlya Rossii i mira" (red. ot 31 oktyabrya 2023 g.)* [Declaration of the Federal People's Council – the Movement of Good, Dream and Victory "Ontology of Good, High Dream and Victory for Russia and the World" (rev. October 31, 2023)]. [Online] Available from: <https://docs.google.com/document/d/1jz3wOSsCvUEOuzO1ldQnUW1Thd4aIW2/edit?tab=t.0> (Accessed: 22.03.2026).
19. RSUH. (2025) *Polozhenie ob uchebno-nauchnom tsentre "Vysshaya politicheskaya shkola imeni Ivana Ilyina" № 01-546 / osn. ot 27.06.2023* [Regulations on the Educational and Scientific Center "Higher Political School named after Ivan Ilyin" No. 01-546 / foundation dated 27.06.2023]. [Online] Available from: <https://rsuh.ru/upload/main/vpsh/Положение%20ВПШ.pdf> (Accessed: 22.03.2026).
20. WCIOM. (2024) *Sovremennaya molodezh' Rossii: spetsifika i klyuchevye zaprosy* [Modern Youth of Russia: Specifics and Key Demands]. [Online] Available from: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/2024-05-03-Molodezh_Digoriya_Fedorov.pdf (Accessed: 22.03.2026).
21. WCIOM. (2022) *Lyudi budushchego: tsennosti i orientiry sovremennoy rossiyskoy molodezhi* [People of the Future: Values and Orientations of Modern Russian Youth]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (Accessed: 22.03.2026).

Информация об авторах:

Дунбинский И.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Аванесова Е.Г. – канд. филос. наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Кашпур В.В. – канд. социол. наук, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Хрущева П.Д. – магистрант факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: polina.khrushcheva.02@mail.ru

Марущенко Д.А. – студент юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: marushhenkod@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Dubinsky, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

E.G. Avanesova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

V.V. Kashpur, Cand. Sci. (Sociology), head of the Sociology Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitkashpur@mail.ru

D.A. Marushchenko, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polina.khrushcheva.02@mail.ru

P.D. Khrushcheva, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marushhenkod@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.10.2025;
одобрена после рецензирования 14.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 05.10.2025;
approved after reviewing 14.11.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 316.47
doi: 10.17223/15617793/520/12

Технологии искусственного интеллекта в высшем образовании: инструментальный и ценностно-этический аспекты

Светлана Анатольевна Ильных¹

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, ili.sa@mail.ru

Аннотация. Раскрываются вопросы использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в высшем образовании. В эмпирической части работы представлены результаты двух исследований (метод исследования – анкетный опрос, 2024 г., N = 6 543 респондента; 2025 г., N = 670 респондентов). Выявлено, что инструментальный аспект использования ИИ студентами имеет как положительные стороны, так и ограничения. Анализ ценностно-этического аспекта использования искусственного интеллекта выявляет риски: академическое мошенничество, справедливость оценки работы студента преподавателем, изменение роли преподавателя, этичность использования презентаций, чужих текстов, социально-психологическую зависимость от ИИ, мотивационные, снижение ценности образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, студенты, технологии ИИ, ценности, этичность, преподаватель

Для цитирования: Ильных С.А. Технологии искусственного интеллекта в высшем образовании: инструментальный и ценностно-этический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 116–124. doi: 10.17223/15617793/520/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/12

Artificial intelligence technologies in higher education: Instrumental and value-ethical aspects

Svetlana A. Ilynykh¹

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, ili.sa@mail.ru

Abstract. The article addresses the issues of using artificial intelligence (AI) technologies in higher education. Within the university community, the problems associated with AI technologies are considered in a broad context: what higher education will look like in the era of artificial intelligence, who can be replaced by AI, and so on. Universities actively use AI technologies for administering activities and other purposes. The aim of the article is to present the use of AI technologies by teachers in both the instrumental and value-ethical aspects. The instrumental aspect is obvious and measurable; the value-ethical aspect is implicit. The empirical part of the work presents the results of two studies (research method: questionnaire survey, 2024, N = 6,543 respondents; 2025, N = 670 respondents). It was revealed that the instrumental aspect of using AI by students has both positive aspects and limitations. AI technologies are widely used by students to perform a number of tasks, but at the same time, students need to navigate the material created by AI rather than rely entirely on the technology. Unconditional reliance can lead to illusory results. An analysis of the value-ethical aspect of using artificial intelligence reveals the following risks: academic fraud, fairness of student assessment by the teacher, change in the teacher's role, ethics of using presentations and others' texts, socio-psychological dependence on AI, motivational issues, and a reduction in the value of education. In conclusion, the article emphasizes the need for a balance between the use of AI technologies in higher education and the assurance of ethical aspects, as well as the importance of developing regulatory rules for their use.

Keywords: artificial intelligence, students, AI technologies, values, ethics, teacher

For citation: Ilynykh, S.A. (2025) Artificial intelligence technologies in higher education: Instrumental and value-ethical aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 116–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/12

Введение

Проблематика, связанная с использованием технологий искусственного интеллекта в высшем образовании, является актуальной и востребованной. Контекст обсуждений российского академического сообщества, исследующего данную проблематику, достаточно широк.

Так, Е.Н. Ивахненко и В.С. Никольский анализируют случай использования ChatGPT для написания выпускной квалификационной работы с точки зрения последствий для высшего образования и призывают научное сообщество к обсуждению этой проблематики [1]. П.В. Сысоев раскрывает вопросы несанкционированного заимствования студентами материалов генеративного искусственного интеллекта с позиции этики [2].

А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова рассматривают широкий и узкий подходы к проблематике [3]. В первом случае исследуют вопросы, каким будет высшее образование в эпоху искусственного интеллекта (в дальнейшем – ИИ). Во втором – как ИИ будет использоваться в высшем образовании, кого ИИ заменит, кому и в чем поможет и помешает [4]. Авторы формулируют тезис о принципиально новом подходе к тому, что есть высшее образование в эпоху искусственного интеллекта. Отметим, вузовское сообщество активно вовлекается в повестку использования ИИ-сервисов. В вузовской среде в отношении использования технологий искусственного интеллекта сегодня можно встретить самые разнообразные взгляды, включая высказывания «когда честно – хорошо, для имитации – плохо» [5] и награды студентам, которые с помощью технологий ИИ напишут диплом [6].

Что касается использования ИИ в деятельности высших учебных заведений, то сегодня он успешно применяется при администрировании вузовских процессов. Так, с помощью технологий ИИ проводится анализ образовательной деятельности в самых разных разрезах: успеваемость, посещаемость, оценка качества образования и т.д. С.Г. Давыдов и коллеги отмечают преимущества искусственного интеллекта для менеджмента образовательной организации [7]. Вузы готовы осуществлять повышение квалификации преподавателей по интегрированию технологий ИИ в учебном процессе. Здесь стоит отметить инициативу НИУ ВШЭ [8]. В рамках Университетского консорциума исследователей больших данных (Томский государственный университет (ТГУ), Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ), другие вузы России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Армении – всего 79 высших учебных заведений) совместно создается первый в России образовательный модуль по искусственному интеллекту, предназначенный для подготовки в вузах специалистов химической отрасли [9]. В повседневной практике преподаватели вузов довольно часто пользуются такими технологиями, управляемыми ИИ, как чат-боты, интеллектуальные системы обучения, автоматизированная оценка всех видов цифровых артефактов [10]. Коротко говоря, для деятельности высших учебных заведений есть возможности для применения технологий ИИ, да и они уже используются.

Но интерес представляет другая грань, а именно использование технологий ИИ обучающимися. С этой точки зрения важно рассмотреть использование технологий ИИ в двух аспектах – в инструментальном и ценностно-этическом. Инструментальный аспект позволяет увидеть в ИИ бесспорный технологический прорыв, который вызовет значительные последствия для высшего образования. ИИ как инструмент можно и нужно использовать обучающимися для решения ряда задач. Ценностно-этический аспект затрагивает ценностно-ориентированные и этические вопросы, связанные с использованием ИИ обучающимися. Он так или иначе влияет на аксиологическую культуру студентов, которая способствует актуализации ценностной ориентации в многообразии информации и формирует модели поведения студентов, в том числе ценностно- и

этико-оправданные в условиях социальной реальности, да и в дальнейшем в профессиональной деятельности.

Этический аспект использования студентами технологий ИИ рассматривается П.В. Сысоевым [2]. Но ценностная тематика практически не освещается исследователями в русле исследуемой нами тематики. Нужно сказать, что если инструментальный аспект очевиден, результаты использования ИИ конкретизированы, то ценностно-этический аспект имплицитен. На поверхности не лежит связь технологий ИИ и вопросов ценности образования, высшего образования, ценности знаний, роль преподавателя как носителя знаний и т.д. А между тем такая имплицитная связь имеет место.

В связи с этим изучение проблематики использования искусственного интеллекта обучающимися в высшем образовании важно рассмотреть в контексте как инструментального, так и ценностно-этического аспектов.

Теоретические взгляды на искусственный интеллект в высшем образовании: российской и зарубежный опыт

Инструментальный аспект использования ИИ в высшем образовании – широко обсуждаемая и по-прежнему дискуссионная проблематика. Исследователи отмечают как выгоду, так и риски внедрения ИИ-технологий. К числу преимуществ использования технологий ИИ относятся модель адаптивного обучения, расширение возможностей ее применения и устранение неравенства доступа к образовательным ресурсам. Благодаря ИИ-технологиям в высшем образовании может быть внедрено микрообучение. Его суть состоит в использовании короткого формата занятий – от 2 до 5 минут. Он применяется при изучении сложных тем. С.Г. Давыдов и коллеги приводят результаты кабинетного исследования, в котором отмечают технологический оптимизм экспертов в отношении инструментального аспекта ИИ: *«Нужно делать абсолютно другой подход к практическим занятиям. Искусственный интеллект точно все поменяет, причем в перспективе трех-четырёх лет»* [7. С. 35].

Но, вместе с оптимизмом, есть и реальные угрозы внедрения технологий ИИ в высшем образовании. Это снижение ценности образования в целом и высшего образования в частности, а также этика замены собственных идей идеями ИИ. Для более детального анализа ценности образования остановимся на социокультурном и социологическом подходах к понятию ценности образования ориентирует нас на то, что жизненный мир молодежи изменчив и индивидуален, молодежь как социально-демографическая группа постоянно находится в стадии социального выбора, идентификации, «подстройки» под общие тренды.

Система ценностей молодежи солидаризируется с базовыми компонентами традиционной культуры. Но в то же время ценностные основания жизненного мира молодежи обновляются. С этой точки зрения ценность

образования, высшего образования, ценность знаний, роль преподавателя рационализируются под влиянием изменяющихся условий жизни. Конструируются их новые смыслы.

Социологический подход к ценностям в целом и ценности образования в частности ориентирует на то, что они соответствуют определенным потребностям (по Э. Дюркгейму [11]). Снижение ценности образования говорит о том, что потребности и интересы молодежи изменились. Кропотливая работа по получению знаний и обретению долговременных навыков сменилась на быстрый, не слишком затратный поиск информации, нужный для самых разных целей – написание реферата, эссе, курсовой работы, дипломной работы.

Дополняют идеи Э. Дюркгейма взгляды Т. Парсонса о том, что ценности являют собой особую форму коллективных представлений, элемент системы координат, различные предписания и правила, которые помогают актору делать свой выбор [12. С. 488]. Снижение ценности образования отражает то, что этот элемент системы координат не занимает приоритетных позиций. Поэтому молодежь делает свой выбор не в пользу «добывания» знаний, особенно в ситуации, когда есть новые технологии получения знаний. Например, такие инструменты ИИ, как ChatGPT, AI Studio, Notebook LM и др. Вслед за этим возникает представление о том, а нужны ли преподаватели.

Приведем еще некоторые исследования, в которых отражается неоднозначная оценка ценности образования. Так, М.И. Постникова на основании исследования молодежи в возрасте от 16 до 30 лет пришла к выводу о том, что при сохранении ценности образования в ядре ценностей наметилась тенденция к снижению ее значимости. Но пока неясна долговременность этой тенденции [13]. Работа М.Л. Галас и Л.А. Брушковой [14], посвященная исследованию ценностей и качества высшего образования среди современной российской молодежи, позволяет сделать вывод, что с позитивной оценкой образования в качестве основ профессиональной и социальной реализации существует ряд противоречий. С одной стороны, образование воспринимается молодежью как важный ресурс для карьерного роста, улучшения материального положения. С другой стороны, удовлетворенность качеством образования оценивается на «три с плюсом» или «четыре с минусом». Иными словами, ценность образования остается в ценностном ядре студенческой молодежи, но весомость этой ценности ослабевает в контексте качества образования.

Безусловно, процесс снижения ценности образования не напрямую связан с внедрением технологий ИИ, но вместе с тем именно технологизация процесса образования приводит к тому, что индивиды упрощают ценность образования и, вероятно, тем самым нивелируют качество образования. Парадокс современного общества в том, что на постиндустриальном этапе его развития как этапе власти информации происходит обесценивание той информации, которая передается «из уст в уста», от преподавателя обучающимся. Обучающийся в такой ситуации не обогащается личностным знанием (по М. Полани [15]) преподавателя.

Итак, социологический подход к ценности образования ориентирует на то, что происходит изменение потребности в знании, которое, во-первых, влечет за собой переход от тщательной работы по поиску необходимой информации к быстрым способам ее получения. Во-вторых, «упрощает» роль преподавателя.

Если говорить о рисках и о влиянии искусственного интеллекта на студента с позиции его социализации, личностного развития, то исследователи поднимают нетривиальные вопросы. Так, И.М. Реморенко ставит ряд вопросов в этом отношении. Во-первых, не являются ли цифровые инструменты, ИИ в частности, перманентным помощником, своего рода значимым взрослым, который необходим индивиду для его личностного развития и находится в зоне ближайшего развития? Во-вторых, не замещают ли используемые обучающимися системы ИИ важные интеллектуальные поиски и открытия, которые ранее способствовали развитию, а теперь утратили эту функцию ввиду наличия готовых ответов, получаемых посредством использования ИИ? В-третьих, не получится ли так, что ответы в готовом виде станут непреодолимым барьером для формирования важных мыслительных функций? Не ведет ли это к регрессу и деградации? В связи с этим автор рассматривает такую перспективу, как введение цифровой аскезы, в качестве неперенной характеристики «нормального» образования? [16].

Если коснуться тематики технологий искусственного интеллекта в зарубежных исследованиях, то она активно обсуждается. Например, в исследованиях В.Ч.Х. Хонг раскрываются аспекты влияния ChatGPT на преподавание и изучение иностранных языков [17]. Подобная тематика встречается и в работе Р. Баскара, М. Мукарто [18].

Этическая проблема, связанная с использованием технологий ИИ, одними зарубежными исследователями рассматривается в целом как проблема честности, другими – как проблема, возникающая именно при использовании технологий ИИ. Так, Т. Мердок, Дж. Стивенс, М. Гротевиль высказываются в целом по поводу нечестности студентов и задаются вопросом, что с этим делать [19]. Подобную тематику рассматривают и Т. Уолцер, А. Даль [20]. Другие исследователи рассматривают проблематику угрозы академической честности, плагиата, генерации лживой информации и предлагают такие способы решения проблем, как изменение форм заданий и т.д. [21, 22].

Изучению проблематики использования искусственного интеллекта в высшем образовании в контексте инструментального и ценностно-этического аспектов и будет посвящена эмпирическая часть статьи.

Методология исследования

Для иллюстрации высказываний в теоретической части работы приведем результаты двух исследований. Первое исследование проведено в 2024 г. с февраля по май. Всего опрошено 6 543 респондента. В исследовании приняли участие представители молодежи в возрасте от 17 до 22 лет: 16,2% – 17 лет, 53,3% – 18 лет, по

10,1% – 19 и 20 лет (соответственно), 4,3% – 21 год, 6% – 22 и более. В опросе участвовали студенты 1-го курсов 34 вузов Алтайского края, Иркутской и Новосибирской областей. Выборка целенаправленная. Из этого исследования приведем только данные, касающиеся оценки ценностей, в том числе образования. Второе исследование проведено в 2025 г. с мая по июнь. Отпрошено 670 студентов новосибирских вузов, имеющих социогуманитарную направленность, поэтому использование ИТ-технологий не является профильным для обучения. Возраст респондентов от 17 до 25 лет: от 17 до 18 лет – 30,4%, от 19 до 21 года – 67,5%, от 22 до 25 лет – 2,1%. Многоступенчатая выборка, пропорциональная полу, специальности и курсу обучения.

В данном исследовании изучался вопрос влияния технологий ИИ на качество образования. И в первом и во втором случаях использовался такой исследовательский метод, как анкетный опрос, проведенный на платформе Google Forms. Характеристика типов вопросов по форме: закрытые, полузакрытые.

Результаты и обсуждение

Инструментальный аспект использования искусственного интеллекта. Что касается возможности и частоты использования технологий ИИ, то, как показывают результаты исследования, студенты всех курсов обучения постоянно привлекают этот инструмент. На вопрос «Как часто Вы используете искусственный интеллект в учебной деятельности?» 25,8% респондентов ответили, что делают это очень часто, 42,5% – часто, а 20,8% – время от времени. Редко прибегают к технологиям ИИ 4,2% опрошенных. А не используют всего 6,7%. Как видим, 93,3% с разной степенью частоты используют сервисы искусственного интеллекта. Примерно схожая картина наблюдается и в исследованиях студентов НИУ ВШЭ. П.М. Лукичев и О.П. Чекмарев указывают, что 92,9% опрошенных используют ChatGPT при подготовке своих учебных заданий [10].

Распределение ответов на вопрос «С какой целью Вы используете искусственный интеллект в образовательном процессе?» показывает, что чаще всего ИИ-технологии используются для получения готового текста (26,1%), поиска и уточнения информации (24,3%), выполнения домашних заданий (19%), генерирования изображений (18,9%), решения тестов и контрольных работ (11,7%). Крайне редко используются для редактирования текста (0,4%) и подготовки презентаций (0,2%). Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов, но не более трех. Полученное распределение показывает, что примерно в половине случаев ИИ служит для замены важной работы самого студента как субъекта образовательного процесса, а значит, не происходит развитие его профессиональных знаний, умений и навыков. В открытом варианте указывали «подготовку к экзаменам (например, генерация вопросов и ответов)», «повышение оригинальности текста» и др.

Одна из технологических задач, которую призваны решать сервисы ИИ, – это работа с рутинными вопросами. Отвечая на вопрос «Какие положительные стороны от внедрения сервисов ИИ в высшем образовании Вы можете назвать?», 46,7% респондентов отметили именно эту сторону внедрения технологий как положительную (рис. 1).

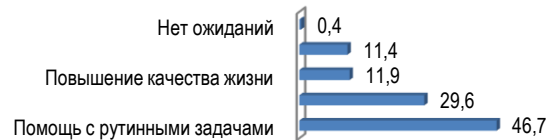

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о положительных сторонах внедрения технологий ИИ в высшем образовании (множественный выбор, но не более 3 вариантов), %

Неожиданным результатом можно считать повышение качества жизни (11,9%). Вероятно, это связано с первыми двумя плюсами: рутинными задачами и экономией времени. Опрошенные также определяли в качестве положительных сторон: «гибкость в обучении, поскольку есть выбор времени для занятий», «быстрый поиск информации», «ИИ дает рекомендации по дополнительным материалам, упражнениям», «ИИ может предлагать обучающие материалы (текстовые, -аудио и -видео) для помощи и развития в образовательном процессе», «виртуальные помощники могут интегрироваться с различными платформами и программами для обучения», «виртуальные помощники могут предоставлять аналитические данные и прогнозы для будущих исследований».

Один из опрошенных студентов описал преимущества использования ИИ следующим образом: «Можно перерабатывать совершенно другие объемы информации. Например, загрузить несколько статей, книг и проанализировать с помощью ИИ. ИИ дает резюме. После этого можно сделать вывод, читать ли статью полностью. В целом упрощается поиск информации. По запросу с фамилиями авторов, базового содержания получаешь список литературы. Дальше ищешь ее в открытых источниках. Для меня ИИ оказался еще и советником. Например, когда я читал Бурдые, мне были непонятны концепции. Я просил ИИ объяснить, что в том или ином моменте хотел сказать автор, привести примеры и объяснить на доступном языке».

Вместе с тем с преимуществами инструментальный аспект имеет и недостатки. Укажем, что это не риски, которые имеют серьезные последствия, и они будут рассмотрены ниже, но это некоторые ограничения, с которыми столкнулись обучающиеся.

Во-первых, необходимо ориентироваться в том материале, который создается ИИ. «ИИ готов поддерживать любую идею, даже бессмысленную, но при этом делает это очень аргументировано и творчески».

Во-вторых, ИИ подстраивается под запросы студента и действует как его «эхо». «Это как подхалимство со стороны ИИ и даже заискивание. Есть определенные способы снизить подхалимство, но риск под-

даться собственному эху в голосе ИИ всегда присутствует. В связи с этим я прекратил, например, использовать ИИ как психолога».

Если подвести промежуточные итоги, то можно отметить, что инструментальный аспект использования ИИ студентами имеет положительные стороны. Однако и в них отмечаются некоторые ограничения, которые предполагают обучение работе с этим инструментом, чтобы не получить иллюзорные результаты.

Ценностно-этический аспект использования искусственного интеллекта. Укажем, что в исследовании, где приняли участие 6 543 респондента, у нас не было задачи установить прямую связь ценности образования и искусственного интеллекта в высшем образовании. Мы исследовали актуальную систему ценностей первокурсников и обнаружили, что респонденты невысоко оценивают ценность образования. Она не входила ни в тройку, ни в пятерку доминирующих ценностей. В попытке объяснить такую ситуацию в качестве одной из причин нами был назван низкий уровень притязаний к качеству образования и мотивации самостоятельного получения знаний. И вот здесь уже не последнюю роль играют технологии ИИ, которые получили широкое применение в науке, наукоемких производствах и высшем образовании и могут привлекаться не только как необходимый в каких-либо случаях инструмент, но и повсеместно, даже в тех случаях, когда студенту важно самостоятельно отработать профессиональные навыки и получить компетенции.

Система ценностей индивида неоднородна, подвержена изменениям в зависимости от факторов среды, в том числе, как было показано в теоретической части работы, от смены приоритетов. Респондентам (студенты 1-х курсов) были предложены несколько ценностей, одни из которых были терминальные, другие – инструментальные. Они оценивали значимость по шкале от 1 до 5 (рис. 2).

Рис. 2. Распределение на вопрос «Что из перечисленного наиболее значимо для Вас?» (средние оценки, шкала от 1 до 5)»

Можем видеть, что образование как ценность располагается лишь на 7 позиции из 12. Как нам представляется, полученный результат может иллюстрировать описанную выше связь: низкий уровень ценности образования – низкий уровень притязаний к качеству образования – низкий уровень мотивации получения знаний – в дальнейшем использование ИИ как инструмента для выполнения учебных заданий. Безусловно,

это достаточно «упрощенное» представление. Но позволяет обозначить общий абрис: одной из причин снижения ценности образования может быть смена координат со скрупулезного, длительного, самостоятельного поиска информации и самостоятельного изучения на получение набора результатов с помощью технологий ИИ.

Укажем, что снижение ценности образования исследователи объясняют также и другими причинами. Так, одной из причин такой ситуации называют недостаточный уровень социальной зрелости молодежи. Другой причиной снижения ценности образования является изменившийся рынок труда, когда высокую оплату труда имеют курьеры, не имеющие подчас никакого образования. А между тем, если исходить из того, что вуз восполняет кадровый состав для разных сфер и отраслей, значимость профессиональных знаний, полученных в вузе, неоспорима. И если обратиться к мнению работодателей, то они главным недостатком молодых специалистов называют нехватку именно профессиональных знаний (52%) [23. С. 33]. Третьей причиной девальвации ценности образования считается массовизация высшего образования. Сегодня правила таковы, что практически любой молодой человек может поступить в вуз на бюджетную или коммерческую форму обучения, нередко не имея ни мотивации обучаться в вузе, ни способностей. Невостребованность на получение профессиональных знаний толкает поступивших на различные «уловки» в процессе обучения, в том числе и использование технологий ИИ для выполнения заданий. В конечном итоге продвигается невостребованный человеческий капитал [24. С. 206].

Хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что, безусловно, искусственный интеллект – это один из новейших инструментов работы с информацией, которым уже пользуются студенты и преподаватели. Нельзя игнорировать неизбежность его встраивания в систему высшего образования. Но стоит отметить и его особенную природу по сравнению с другими способами получения информации, поскольку в результате работы с этим инструментом возникают риски ослабления когнитивных способностей, утрата ценности самообразования, снижение критического мышления.

Таким образом, говоря о ценности образования, можно предположить о наличии связи: низкий уровень ценности образования – низкий уровень притязаний к качеству образования – низкий уровень мотивации получения знаний – использование ИИ как инструмента при выполнении учебных заданий.

Как мы указывали в теоретической части работы, использование технологий ИИ затрагивает этическую сторону. Мы получили достаточно интересную картину на вопрос «Укажите, какие опасения, с Вашей точки зрения, вызывают использование ИИ в высшем образовании?». Респонденты могли выбрать несколько вариантов, однако не более трех. Притом что подавляющее большинство опрошенных использует эти технологии, треть опрошенных отмечают академическую нечестность при выполнении заданий (рис. 3).

В данном случае можем видеть, что инструментальный аспект приходит в противоречие с этическим и ценностным аспектами технологий ИИ. Исследователи подтверждают наш вывод, высказываясь о том, что «если эссе или курсовая работа, которые являются результатом изучения студентом определенной темы, его “погружения” в проблему, первых самостоятельных размышлений и выводов, оценивается преподавателем также, как и текст его коллеги, сгенерированный ИИ за несколько минут, то появляющаяся несправедливость убивает мотивацию студентов к обучению» [10. С. 467].

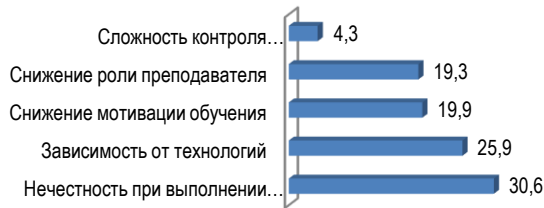

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос об опасениях, которые вызывают использование ИИ в высшем образовании, %

Отметим, что этической стороной является и само использование сгенерированных презентаций, текста и т.д.

К числу рискованных сторон использования технологий ИИ относится также и снижение мотивации обучения (19,9%), снижение роли преподавателя (19,3%). И то и другое, безусловно, наносит ущерб всем участникам образовательного процесса.

Что касается снижения роли преподавателя, то в сегодняшних представлениях респондентов в отношении ИИ усматривается чрезмерная технологичность и формализация обучения. Парадокс в том, что получение набора результатов с помощью ИИ – это не образование в прямом смысле слова. А сегодня ситуация такова, что студенты стремятся и совершенствуются не в получении знания, а в умении правильно сделать запрос ИИ. Преподаватель – это не «штамповщик» специалистов для рынка труда. Он – проводник новых знаний, лидер инноваций, первопроходец. А технологии ИИ в высшем образовании, которыми пользуются студенты, это всегда компиляция того, что уже кто-то сказал или сделал. Только преподаватель, его «живое» общение со студентами формирует мировоззрение обучающегося, его социальный капитал, задает векторы решения нетривиальных задач, формирует умение принимать нестандартные решения и т.д.

Хотелось бы обратить внимание на еще одном риске – зависимости от технологии ИИ. Каждый четвертый высказал эти опасения. В открытом варианте вопроса одна из студенток поделилась этими опасениями: *«Нас подводит искусственный интеллект. Мы от него зависим. Мы расслабляемся, зная, что можно быстро найти информацию, а не сидеть целыми днями в библиотеке, выискивая знания по крупицам. Но все это приводит к тому, что появляется вселенская лень что-либо делать, суетиться. Когда в результате срываются все сроки, понимаешь, что не успеваешь, только преподаватель может “вытащить из*

этого болота”. Тогда снова начинаешь хотеть что-то делать. Знаете, без искусственного интеллекта было лучше. Мы учились».

Один из опрошенных студентов поделился своими взглядами насчет негативных сторон следующим образом: *«ИИ слишком упрощает идеи, допускает неточности, а порой выдает изощренные выдумки. Конечно, с этим можно бороться. Это не проблема. Нужно только включать голову, читать первоисточники»*.

Полученные результаты позволяют нам говорить о том, что анализ ценностно-этического аспекта использования искусственного интеллекта выявляет риски: академическое мошенничество, справедливость оценки работы студента преподавателем, изменение роли преподавателя, этичность использования презентаций, чужих текстов, социально-психологическую зависимость от ИИ, мотивационные, снижение ценности образования.

Обсуждение результатов

В рамках представленной статьи ИИ-технологии изучались не с позиции их применения для администрирования процессов в вузе, преподавателями в учебном процессе. Искусственный интеллект исследовался только как технология, используемая студентами для выполнения учебных заданий. Анализ полученных результатов позволяет выделить несколько моментов для научной дискуссии в отношении ИИ-технологий в высшем образовании.

Во-первых, использование технологии ИИ в высшем образовании важно анализировать в единстве инструментального и ценностно-этического аспектов. Инструментальный аспект очевиден, измерим. Ценностно-этический имплицитен.

Во-вторых, инструментальный аспект использования ИИ студентами имеет как положительные стороны, так и ограничения. Технологии ИИ повсеместно применяются студентами для выполнения ряда задач. Но при этом им необходимо ориентироваться в том материале, который создается ИИ, а не полностью полагаться на технологию. При безоговорочном полагании можно получить иллюзорные результаты.

В-третьих, ценностно-этический аспект использования ИИ ориентирует нас на ряд существенных вопросов. Например, выполненную работу считать работой студента или плагиатом? Может ли преподаватель реально оценить способности обучающегося при применении технологий ИИ? Где границы субъектности студента при отсутствии его личной идеи, при низкой степени его участия в самостоятельной подготовке?

Ценностно-этический аспект использования ИИ позволяет сделать акцент на осознании студентами академической нечестности, зависимости их от этих технологий, снижении учебной мотивации, снижении роли преподавателя.

Заключение

Использование ИИ-технологий в высшем образовании – процесс необратимый. Вузовское сообщество

активно внедряет технологии ИИ в своей повседневной деятельности. Вузы интегрируются для решения ряда задач с использованием технологий искусственного интеллекта. В случае использования технологии ИИ преподавателем качество образования никоим образом не страдает, поскольку определяется экспертностью и профессионализмом преподавателя. В случае использования технологий ИИ студентом при неоспоримых преимуществах этого технологического прорыва есть и существенные риски. Эти риски не всегда очевидны. Так, одним из таковых является снижение ценности образования, высшего образования. Другим риском является то, что степень участия студента в самостоятельной подготовке при использовании ИИ непрозрачна, а это затрудняет объективную оценку преподавателя вклада студента. Четвертым риском стоит назвать снижение мотивации к обучению и даже зависимость от этих технологий. Пятым риском можно назвать этическую сторону, когда студент осознает, что использование технологий ИИ – это академическая нечестность. А это уже затрагивает, как мы указывали выше, аксиологическую культуру личности. Если соотнести эти риски с тем, каким ценностям студентов они угрожают, то это знания (студенты осваивают технологию ИИ, но не сами знания), мотивация, честность.

Это наводит на мысль о необходимости баланса между использованием технологий ИИ в высшем образовании и обеспечением этических аспектов, а значит, и

важности разработки нормативных правил их использования. Отметим, что многие университеты, в том числе Оксфорд и Кембридж, объявили об использовании искусственного интеллекта для выполнения научных заданий академическим нарушением, что стало частью их политики обеспечения академической честности [10].

Аналогичные меры принимаются и в других странах: например, университеты Австралии вновь начали сдавать экзамены исключительно на бумаге с использованием ручек, чтобы свести к минимуму риск применения ИИ для описаний и справедливого обеспечения измерения. Эти шаги отражают общую тенденцию к пересмотру правил и норм в условиях быстрого развития технологий искусственного интеллекта и необходимости сохранения качества образования и академических стандартов. Эти меры рассматривают глобальное постепенное изменение политики образования в мире, с применением искусственного интеллекта, с целью сохранения академической честности и качества образования. Возможно, по И.М. Ремаренко, имеет смысл говорить о цифровой аскезе как характеристике качественного образования.

Выскажем также идею о том, что в ближайшем будущем преподавателя вряд ли сможет заменить полностью машина, поскольку при любых технологических прорывах необходимо не только общение «человек–машина», но и по-прежнему «человек–человек», учитель, наставник, передающий знания из уст в уста.

Список источников

- Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. doi: 10.31992/08693617-2023-32-4-9-22
- Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 31–53. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53
- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 19–37. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
- Резаев А.В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 4. С. 49–62. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62
- Ананин Д.П., Комаров Р.В., Реморенко И.М. «Когда честно – хорошо, для имитации – плохо»: стратегии использования генеративного искусственного интеллекта в российском вузе // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 2. С. 31–50.
- В Вышке наградят студентов, которые напишут диплом с помощью ИИ // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/910929629.html> (дата обращения: 25.06.2025).
- Давыдов С.Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 28 (3). С. 32–44.
- Искусственный интеллект в образовании // НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/edu/dpo/989554001?roistat=direct38_search_17047492570_%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8&roistat_referrer=none&roistat_pos=premium_2&yclid=10617729866968072191 (дата обращения: 25.06.2025).
- ТГУ и КНИТУ создадут первый в РФ ИИ-модуль для обучения химиков // РИА Томск. 21.07.2025. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20250721/tgu-i-knitu-sozhdadut-pervii-v-rf-ii-modul-dlya-obucheniya-himikov> (дата обращения: 25.06.2025).
- Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14, № 2. С. 463–482.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. М.: Канон, 1995. С. 286–304.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002.
- Постникова М.И. Ценность образования у российской молодежи // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. Вып. 6. С. 462–469.
- Галас М.Л., Брушкова Л.А. Ценность и качество высшего образования в представлениях современной российской молодежи // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 4 (37). С. 43.
- Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
- Реморенко И.М. Использование искусственного интеллекта в образовании: временная мода или фактор системных изменений? // Тенденции развития образования 2025 : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (27.02–01.03 2025 г.): в 2 т. М.: ОАНО МВШСЭН, 2025. С. 149–157.
- Hong W.Ch.H. The impact of ChatGPT on foreign language teaching and learning: Opportunities in education and research // Journal of Educational Technology and Innovation. 2023. Vol. 5, № 1. P. 37–45.
- Baskara R, Mukarto M. Exploring the Implications of ChatGPT for Language Learning in Higher Education // Indonesian Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics. 2023. Vol. 7, № 2. P. 343–358. doi: 10.21093/ijeltal.v7i2.1387

19. Murdock T., Stephens J., Grotewiel M. Student Dishonesty in the Face of Assessment: Who, Why, and What We Can Do About It // *Handbook of Human and Social Conditions in Assessment*. N.Y. : Routledge, 2016. P. 186–203. doi: 10.4324/9781315749136
20. Waltzer T., Dahl A. Why do students cheat? Perceptions, evaluations, and motivations // *Ethics & Behavior*. 2023. Vol. 33, № 2. P. 130–150. doi: 10.1080/10508422.2022.2026775
21. Kasneci E., Sessler K., Kuchemann S., Bannert M. et al. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // *Learning and Individual Differences*. 2023. Vol. 103. Article No. 102274. doi: 10.1016/j.lindif.2023.102274
22. Farrokhnia M., Banihashem S.K., Noroozi O., Wals A. A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research // *Innovations in Education and Teaching International*. 2023. doi: 10.1080/14703297.2023.2195846
23. Ценностные ориентации современной молодежи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований (версия 1.2 от 30.09.2021) // ЦИРКОН. Исследовательская группа. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).
24. Касаткина Н.П., Шумкова Н.В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 201–223.

References

1. Ivakhnenko, E.N. & Nikol'skiy, V.S. (2023) ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? [ChatGPT in Higher Education and Science: Threat or Valuable Resource?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (4). pp. 9–22. doi: 10.31992/08693617-2023-32-4-9-22
2. Sysoev, P.V. (2024) Etika i II-plagiat v akademicheskoy srede: ponimanie studentami voprosov soblyudeniya avtorskoy etiki i problemy plagiata v protsesse vzaimodeystviya s generativnym iskusstvennym intellektom [Ethics and AI Plagiarism in the Academic Environment: Students' Understanding of Copyright Ethics and Plagiarism Issues in Interaction with Generative Artificial Intelligence]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 33 (2). pp. 31–53. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53
3. Rezaev, A.V. & Tregubova, N.D. (2023) ChatGPT i iskusstvennyy intellekt v universitetakh: kakoe budushchee nam ozhidat'? [ChatGPT and Artificial Intelligence in Universities: What Future to Expect?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (6). pp. 19–37. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
4. Rezaev, A.V., Stepanov, A.M. & Tregubova, N.D. (2024) Vyshee obrazovanie v epokhu iskusstvennogo intellekta [Higher Education in the Age of Artificial Intelligence]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 33 (4). pp. 49–62. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62
5. Ananin, D.P., Komarov, R.V. & Remorenko, I.M. (2025) "Kogda chestno – khorosho, dlya imitatsii – plokh": strategii ispol'zovaniya generativnogo iskusstvennogo intellekta v rossiyskom vuze ["When Honest – Good, for Imitation – Bad": Strategies for Using Generative Artificial Intelligence in a Russian University]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 34 (2). pp. 31–50.
6. HSE. (n.d.) V Vyshke nagradyat studentov, kotorye napishut diplom s pomoshch'yu AI [HSE University Will Award Students Who Write Their Thesis with the Help of AI]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/edu/910929629.html> (Accessed: 25.06.2025).
7. Davydov, S.G., Matveeva, N.N., Ademukova, N.V. & Vichkanova, A.A. (2024) Iskusstvennyy intellekt v rossiyskom vysshem obrazovanii: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya [Artificial Intelligence in Russian Higher Education: Current State and Development Prospects]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 28 (3). pp. 32–44.
8. HSE. (n.d.) Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii [Artificial Intelligence in Education]. [Online] Available from: https://www.hse.ru/edu/dpo/989554001?roistat=direct38_search_17047492570_%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8&roistat_referrer=none&roistat_pos=premium_2&yclid=10617729866968072191 (Accessed: 25.06.2025).
9. RIA Tomsk. (2025) TGU i KNITU sozdadut pervyy v RF II-modul' dlya obucheniya khimikov [TSU and KNRTU Will Create the First AI Module in the Russian Federation for Training Chemists]. 21 July. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20250721/tgu-i-knitu-sozdadut-perviy-v-rf-ii-modul-dlya-obucheniya-himikov> (Accessed: 25.06.2025).
10. Lukichëv, P.M. & Chekmarev, O.P. (2024) Riski primeneniya iskusstvennogo intellekta v sisteme vysshego obrazovaniya [Risks of Using Artificial Intelligence in the Higher Education System]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. 14 (2). pp. 463–482.
11. Durkheim, É. (1995) Tsennostnye i "real'nye" suzheniya [Value and "Real" Judgments]. In: Durkheim, É. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, naznachenie*. Moscow: Kanon. pp. 286–304.
12. Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
13. Postnikova, M.I. (2023) Tsennost' obrazovaniya u rossiyskoy molodezhi [The Value of Education among Russian Youth]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*. 6. pp. 462–469.
14. Galas, M.L. & Brushkova, L.A. (2023) Tsennost' i kachestvo vysshego obrazovaniya v predstavleniyakh sovremennoy rossiyskoy molodezhi [The Value and Quality of Higher Education in the Perceptions of Modern Russian Youth]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 11 (4). p. 43.
15. Polanyi, M. (1985) *Lichnostnoe znanie* [Personal Knowledge]. Moscow: Progress.
16. Remorenko, I.M. (2025) Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v obrazovanii: vremennaya moda ili faktor sistemnykh izmeneniy? [The Use of Artificial Intelligence in Education: A Temporary Fad or a Factor of Systemic Change?]. In: *Tendentsii razvitiya obrazovaniya 2025* [Education Development Trends 2025]. Proceedings of the International Conference. 27.02–01.03 2025: in 2 vols. Moscow: OANO MVShSEN. pp. 149–157.
17. Hong, W.Ch.H. (2023) The impact of ChatGPT on foreign language teaching and learning: Opportunities in education and research. *Journal of Educational Technology and Innovation*. 5 (1). pp. 37–45.
18. Baskara, R. & Mukarto, M. (2023) Exploring the Implications of ChatGPT for Language Learning in Higher Education. *Indonesian Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics*. 7 (2). pp. 343–358. doi: 10.21093/ijelt.v7i2.1387
19. Murdock, T., Stephens, J. & Grotewiel, M. (2016) Student Dishonesty in the Face of Assessment: Who, Why, and What We Can Do About It. In: *Handbook of Human and Social Conditions in Assessment*. New York: Routledge. pp. 186–203. doi: 10.4324/9781315749136
20. Waltzer, T. & Dahl, A. (2023) Why do students cheat? Perceptions, evaluations, and motivations. *Ethics & Behavior*. 33 (2). pp. 130–150. doi: 10.1080/10508422.2022.2026775
21. Kasneci, E., Sessler, K., Kuchemann, S., Bannert, M. et al. (2023) ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education. *Learning and Individual Differences*. 103. Article No. 102274. doi: 10.1016/j.lindif.2023.102274
22. Farrokhnia, M., Banihashem, S.K., Noroozi, O. & Wals, A. (2023) A SWOT analysis of ChatGPT: Implications for educational practice and research. *Innovations in Education and Teaching International*. doi: 10.1080/14703297.2023.2195846
23. Tsennostnye orientatsii sovremennoy molodezhi. Analiticheskiy obzor rezul'tatov mezhdunarodnykh i rossiyskikh issledovaniy (versiya 1.2 ot 30.09.2021) [Value Orientations of Modern Youth. Analytical Review of the Results of International and Russian Studies (version 1.2 of 30.09.2021)]. (2021) TsIRKON. Issledovatel'skaya grupa. [Online] Available from: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (Accessed: 25.04.2025).
24. Kasatkina, N.P. & Shumkova, N.V. (2020) Ot samoobrazovaniya k samozanyatosti: neparadnyy vkhod molodezhi na rynek truda [From Self-Education to Self-Employment: The Unceremonious Entry of Youth into the Labor Market]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 201–223.

Информация об авторе:

Ильиных С.А. – д-р социол. наук, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия). E-mail: ili.sa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Ilynykh, Dr. Sci. (Sociology), head of the Sociology Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ili.sa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.08.2025;
одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 23.08.2025;
approved after reviewing 07.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(=512.154)
doi: 10.17223/15617793/520/13

Киргизы в письменных источниках периода правления эмира Тимура

Рустам Абдубаитович Абдуманапов^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Научно-исследовательский центр «Дешт-и Кипчак», Астана, Казахстан

^{1, 2} manap@mail.ru

Аннотация. Исследованы сведения о киргизах в источниках, относящихся ко времени правления эмира Тимура в последней трети XIV в. По данным публикаций историков, киргизы упоминаются в сочинениях «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди и «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур» ибн Арабшаха. Настоящие труды были исследованы в рамках традиционной хронологической методики изучения исторических источников с привлечением широкого спектра исторических данных. Отсутствие упоминаний киргизов на западном Тянь-Шане во времена правления эмира Тимура позволяет предположить, что киргизы как единый этнический коллектив освоили эти земли не ранее XIV в.

Ключевые слова: киргизы, «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур», ибн Арабшах, «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн», чагатаи, Ашбара, Искандер, Моголистан

Источник финансирования: работа выполнена в рамках проекта «BR24992878 Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV веках».

Для цитирования: Абдуманапов Р.А. Киргизы в письменных источниках периода правления эмира Тимура // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 125–132. doi: 10.17223/15617793/520/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/13

The Kyrgyz in written sources of the reign of Emir Timur

Rustam A. Abdumanapov^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Research Center "Dasht-i Kipchak", Astana, Republic of Kazakhstan

^{1, 2} manap@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to study the information about the Kirghiz in sources related to the reign of Emir Timur in the last third of the 14th century. This information is very important for determining the time of the appearance of the main mass of Kirghiz tribes in the modern lands of the Western Tien Shan mountains. According to the publications of historians, the Kirghiz are mentioned in the works *Matla as-sadain wa majma al-bahrayn* by Abd ar-Razzaq Samarkandi and *Ajayib al-makdur fi tarihi Taymur* by ibn Arabshah. These works were studied within the framework of the traditional chronological method of studying historical sources, with the involvement of a wide range of historical data. The analysis of the work of Abd ar-Razzaq Samarkandi showed the reliability of the mention of the Kirghiz in connection with the campaign of Prince Iskandar to Mogolistan, and also made it possible to determine the localization of the Kirghiz in the 1360s in the region of the southern spurs of the Altai Mountains. At the same time, the study of the Arabic-language work of ibn Arabshah showed the erroneousness of its translation into Russian, made by H.N. Bababekov from the Uzbek translation of U. Uvatov. The study of the Uzbek translation, as well as the use of the Arabic text and the English translation of *Ajayib al-makdur fi tarihi Taymur*, revealed the absence of the term "Kirghiz" in the text of the work. Thus, the absence of mentions of the Kirghiz in the western Tien Shan during the reign of Emir Timur allows us to assume that the Kirghiz, as a single ethnic group, developed these lands no earlier than the 14th century.

Keywords: Kyrgyz, "Ajayib al-Makdur fi Tarihi Taimur", ibn Arabshah, "Matla as-Sadain wa Majma al-Bahrain", Chagatai, Ashbara, Iskander, Mogolistan

Financial support: The work was carried out within the framework of the project "BR24992878 Study of the ethnopolitical and socio-economic history of the Ulus of Jochi in the 13th-15th centuries".

For citation: Abdumanapov, R.A. (2025) The Kyrgyz in written sources of the reign of Emir Timur. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 125–132. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/13

Введение

Для изучения происхождения современных киргизов характерно наличие множества дискуссионных вопросов, самым важным из которых является определение путей и времени переселения на Тянь-Шань их основного ядра. Необходимо уточнить, что мнение ученых, полностью отрицающих историческую связь между современными и древними сибирскими киргизами [1. С. 104–113; 2. С. 65–67; 3], полностью опровергается данными популяционной генетики, которая подтверждает прямую генетическую связь между ними¹. Основные гипотезы происхождения киргизов можно разделить на два магистральных направления, условно именуемых «автохтонным» и «миграционным». Сторонники первого направления считают, что киргизы издревле проживают на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане. Родоначальником этой теории следует признать известного китаеведа Н.Я. Бичурина [4. С. 38]. К «автохтонной» теории происхождения киргизов примыкают гипотезы, которые отождествляют их с древним народом усуней. Впервые эта гипотеза была высказана Н.А. Аристовым, который считал, что «народным именем усуней» было имя «киргиз», а наименование «усунь» было лишь политическим термином [5. С. 274–456; 6. С. 219]. По мнению Б. Солтоноева, в 200-х гг. до н.э. киргизы, во главе с племенем усунь, после поражения от хунну были вынуждены уйти со своих земель на Саяно-Алтае на Тянь-Шань [7. С. 131–133]. По предположению Т.А. Акерова, прямыми предками киргизов являлись аз-усуни [8. С. 39–42], гипербореи [9. С. 5] или просто усуни [10].

В рамках «миграционной» теории также выделяется два направления, которые различают временные периоды появления киргизов на современных землях Тянь-Шаня. Сторонники первого направления считают, что древние сибирские киргизы заселили Тянь-Шань в период до XV в. Согласно гипотезе В.В. Радлова, древние сибирские киргизы были вынуждены откочевать со своих земель по трем направлениям – на Тянь-Шань, Верхний Енисей и в земли к северу от Саян во времена монгольской экспансии XIII в. [11. С. 20]. Мнение о том, что киргизы ушли на Тянь-Шань в предмонгольское или монгольское время, было высказано Ч.Ч. Валихановым [12. С. 59]. Переселение киргизов из региона рядом с озером Байкал на Тянь-Шань в монгольское время доказывалось Г.Е. Грумм-Гржимайло [13. С. 450]. О поэтапном переселении киргизов на Тянь-Шань в I в. до н.э. и VIII–X вв. н.э. писал А.Н. Бернштам [14. С. 23]. О. Караев относил период формирования киргизской народности к XI–XV вв., считая началом этого процесса захват киргизами в X в. восточнотуркестанских городов, например города Аксу [15. С. 105]. С мнением О. Караева солидарен Ю.С. Худяков, который считает, что в период существования Кыргызского каганата с 840 года, в результате военной экспансии, часть киргизских племен

продвигается в Восточный Туркестан и овладевает частью территории Таримского бассейна. Затем, уже в период вторжения киданей в степи Монголии, единый массив киргизских племен был разделен на две части – саянских и восточнотуркестанских. Именно восточнотуркестанские киргизы, по мнению Ю.С. Худякова, сыграли основную роль при формировании современной киргизской народности на Тянь-Шане [16. С. 139]. По данным А.М. Мокеева, киргизы сформировались на Тянь-Шане в период с XV по XVIII в., это был длительный процесс взаимодействия и взаимовлияния двух его основных компонентов – древних и средневековых племенных объединений Притяньшанья с собственно киргизскими племенами, переместившимися сюда в XV в. из Прииртышья и Алтая [17. С. 131–137; 18. С. 204–244; 19]. Подробное рассмотрение научной полемики по этим вопросам было выполнено С.М. Абрамзоном [20. С. 23–31], А.М. Мокеевым [19. С. 9–24], Ю.С. Худяковым [21. С. 134–144], Ч.Д. Турдалиевой [22. С. 14–26] и Р.А. Абдумановым [23. С. 10–21].

Таким образом, при рассмотрении многочисленных версий происхождения киргизов основой их аргументации является определение времени появления на Тянь-Шане основного их этнического ядра. В этой связи фиксация киргизов в источниках периода правления эмира Тимура во второй половине XIV в. позволяет уточнить примерное время заселения киргизами Тянь-Шаня. Необходимо отметить, что период правления эмира Тимура имеет очень богатую историографию. Нам известен целый ряд источников, описывающих историю этого государства: «Розномаи газовоти Хиндустон (Дневник похода Тимура в Индию)» Гийасадинна Али ибн Жамол ал-Ислама Йазди, «Матла' асса'дайн ва маджма' ал-бахрайн (Восход двух благоприятных созвездий и слияние двух океанов)» Абд ар-Раззакка Самарканди, «Зафар-нама (Книга побед)» Шараф ад-Дина Али Йазди, «Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии)», «Зафар-нама (Книга побед)» Низам ад-Дина Шами, «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур (Чудеса судьбы истории Темура)» Ибн Арабшаха и другие сочинения. Подробнейшие описания истории государства эмира Тимура, выполненные, в том числе и его современниками, затрагивают многие аспекты жизни империи – структуру государственного управления, формирование племенных улусов, военное дело, архитектурные традиции, политические события, кланово-семейные отношения, этнографические данные и многое-многое другое. Однако при всем многообразии источников, описывающих события XIV в. на территориях от Хорасана на западе до Монголии на востоке, киргизы упоминаются лишь в двух сочинениях. Поэтому существует насущная необходимость тщательного исследования данных этих сочинений в рамках традиционной хронологической методики изучения исторических источников с привлечением широкого спектра исторических данных.

**«Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн»
Абд ар-Раззака Самарканди**

Самое первое упоминание киргизов в источниках тимуридского периода встречается в рукописи «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн (Восход двух благоприятных созвездий и слияние двух океанов)» Абд ар-Раззака Самарканди. Это сочинение было закончено в 887 г.х. (1462–1463 гг.²) и посвящено описанию событий с начала правления ильхана Абу Саида в 704 г.х. (1304–1305 гг.) до 875 г.х. (1470–1471 гг.) [24. С. 150].

Киргизы упоминаются Абд ар-Раззаком Самарканди в связи с походом в Могулистан в 802 г.х. (1399–1400 гг.) внука эмира Тимура – пятнадцатилетнего царевича Искандера. После смерти могольского хана Хызр-Ходжа-оглана в стране начинается распря между его сыновьями, против которых выступает дуглатский улусбеги Худайдад. Этими междоусобицами решает воспользоваться царевич Искандер, который вместе с приданными ему чагатайскими эмирами должен был охранять восточные границы империи эмира Тимура. Без дозволения своего всесильного деда он организует поход в Моголистан. Его армия проходит местность Уч-Барман, осаждают и покоряет крепость Аксу. Затем его армия захватывает город Бай, после чего Искандер организует набеги на области Кусана и Тарима. Задумав «дойти до крайнего предела Моголистана», царевич Искандер, однако, был отговорен от этого сопровождавшими его эмирами. В итоге армия царевича уходит на юг и покоряет Хотан, и только после этого возвращается в свой лагерь на реке Или. Самарканди сообщает: «В качестве подношения Тимуру [Искандар] отправил в сопровождении Шейх-Йасаула несколько девятков из периликих алмалыкских и хотанских красавиц и киргизских и бешбалыкских чаровниц; тот (Шейх-Йасаул) в стране Шам прибыл в Высокую Орду» [24. С. 158]. Сама традиция дарения «девяток», т.е. девяти видов чего-либо, была издревле характерна для тюрко-монгольских народов. Цифра «девять» имела для них особое, сакральное значение. К примеру, Чингис-хан имел «девятибунчужное знамя» [25. С. 158], по средневековой монгольской традиции прощались «девять проступков» [25. С. 159, 161, 164, 166–167]. Для империи эмира Тимура подарки в виде «Девято» является типичной традицией. Известен случай, когда правитель Ширвана Шейх-Ибрахим преподнес эмира Тимуру «дары – каждого вида по девять штук, как это было принято у монгольских государей. Но рабов он подарил лишь восемь, заявив: «девятый я сам». Это так понравилось Тимуру, что он назвал его сыном, подарил почетную одежду, назначил правителем Ширвана и Шемахи и отпустил в свои владения» [26. С. 192].

Внезапный поход царевича Искандера в Моголистан описываются также в сочинении Шараф ад-Дина Али Йезди «Зафар-наме». Он пишет о том, что Джетинский, т.е. Могольский, улус пришел в беспорядок вследствие кончины Хызр-ходжа-оглана, «эмирзаде Искандар», собрав свои андижанские войска, направился в Моголистан. Они захватывают и разграбляют Яркенд, затем грабят Сарык-камыш, Калпин,

Ала-Куль, Йар-Курган, Чахар-Так и Кинук-Баг. После этого, в результате 40-дневной осады, чагатайская армия захватывает крепость Аксу. Далее подвергаются нападению Бай и Кусан, также организуется набег на Тарим. Затем армия Искандера покоряет Хотан, после чего возвращается в Кашгар. Именно здесь царевич отбирает «две девятки периликих моголок и подобных гуриям хотанок» и в сопровождении Шейх-Йасаула отправляет их в дар своему деду [27. С. 146–147]. Схожесть текстов объясняется тем, что сочинение Самарканди в первой своей части, а также во второй части при описании событий до 830 г.х. (1426–1427 гг.) дает сокращенное изложение труда Хафиз-и Абру. Причем там, где текст отличается от содержания труда Хафиз-и Абру, идут вставки именно из труда Шараф ад-Дина Йезди [24. С. 150]. Возможно, Самарканди представил сюжет о походе царевича Искандера в Моголистан на основе сообщения Йезди, при этом немного изменив его с учетом своих частных источников.

В сюжете, повествующем о походе царевича Искандера, у Самарканди очевидна географическая парная связь между «алмалыкскими и хотанскими красавицами», относящимися к югу Моголистана, и «киргизскими и бешбалыкскими чаровницами», представляющими северную часть страны. У Йезди вместо «алмалыкских и хотанских красавиц» упоминаются «подобные гуриям хотанки», а вместо «киргизских и бешбалыкских чаровниц» указаны «периликие моголки». Пленение «киргизских и бешбалыкских чаровниц» говорит о том, что набеги чагатаев могли достигать Турфана и далее Бешбалыка. О. Караев ссылается на данные Хафиз-и Абру о том, что армия Искандера дошла до «Алмалыка и Бешбалыка», и он связывает пленение киргизских и бешбалыкских красавиц именно с покорением этих областей. Он также уточняет, что «согласно данным восточных авторов, киргизы в то время кочевали на северо-западе от г. Бешбалык» [28. С. 67].

Действительно, анализ направлений походов чагатайской армии Искандера позволяет определить примерное местонахождение киргизских племен. По всей видимости, киргизы в тот период занимали горные долины южных отрогов Монгольского Алтая, частично откочевывая в пределы Восточного Тянь-Шаня – хребты Богдо-ула и Баркельтаг. Это было связано с характерным для киргизов «вертикальным», или горным, вариантом кочевания, когда их летние кочевья располагались на альпийских лугах высокогорий, а зимние – в прилегающих к горам долинах. Именно этот район между Южным Алтаем и Восточным Тянь-Шанем именовался в источниках, к примеру в «Маджму ат-Таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенти, как «Северное Джете» – شمال جت, т.е. северный Моголистан [19. С. 102]. Главным городом этого региона был Бешбалык, древняя столица уйгуров, развалины которой находятся на севере уезда Джимсар Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Древние остатки города Бешбалык в октябре 1900 г. были исследованы и описаны Марком Стейном [29. Р. 555–557]. Примечательно, что в источниках Бешбалыком часто именуются земли севернее и южнее восточных отрогов Тянь-Шаня [30. С. 94]. По мнению

Кэрл Фан, в записках о миссии ко двору Улугбека в Герат минского дипломата Чэнь Чэна – «Сиюй синчэн цзи» под Бешбалыком подразумевается Моголистан в целом [31. Р. 848]. Чэнь Чэн пишет о том, что Бешбалык располагается в пустыне и в настоящее время им правит принц Мухаммед, который является одним из оставшихся потомков Юань [31. Р. 848; 32. С. 264]. Действительно, в записках Чэнь Чэна под Бешбалыком имеется в виду не сам город, а в целом государство Моголистана. Мухаммед-хан был правителем Моголистана, а не города Бешбалыка, более того, в 1414 г., когда миссия Чэнь Чэна встречалась с этим ханом в районе Или, город Бешбалык был уже под властью ойратов, которые захватывают его в 1408 г. [33. С. 27].

В 1418 г. хан Моголистана Накш-Джахан погибает от рук Султана-Увайса, который становится ханом и переносит ставку в долину реки Или [30. С. 160]. В 1421 г. при поддержке Улугбека ханом Моголистана становится Шер-Мухаммад-хан, Султан-Увайс-хан уходит в восточную часть страны, в 1422 г. он захватывает Турфанский оазис и организует там свою столицу [33. С. 28]. По всей видимости, в тот период власть могольских ханов ограничивалась на севере хребтами Восточного Тянь-Шаня, к северу от которых – в регионе Бешбалыка правили ойраты. В китайской летописи «Минь Сюань-цзун шилу» под 1430 г. упоминается предводитель тумана «ойратских киргизов» Бебер, который присылает своего тысячника в Пекин, где тот получает в дар рулон шелка [34. С. 141]. Локализация этих «ойратских киргизов» возможна в регионе «Северного Джете» в отрогах южного Алтая. Вместе с подвластными ойратам киргизами в летописях «Мин ши» и «Сюй Вэньсянь тункао» упоминается небольшой независимый район Цицзисы, т.е. «Кыргыз», который наряду с Кашгаром, Илибали и Хами имел торговые связи с Китаем в 1430 г. [34. С. 141].

По мнению И.Я. Златкина, активное продвижение ойратских племен в Моголистан с начала XV в. было вызвано их желанием контроля торговых путей, выходом к рынкам сбыта и источникам снабжения в лице оседло-земледельческих районов Восточного Туркестана [33. С. 27]. По данным К.И. Петрова, в этом перманентном движении ойратов в пределы Моголистана принимали участие киргизские племена, более того, он считает, что ойратской ордой в то время управлял кыргызский Эсеку-хан [35. С. 167]. О сильнейшем напоре ойратских племен на Моголистан рассказывает Мухаммед Хайдар, который пишет, что Султан-Увайс-хан «шестьдесят один раз выступал против калмаков и только один раз не проиграл битвы, а в остальных (случаях) терпел поражение, а Аллах знает лучше» [36. С. 93]. Об возможном участии некоторых киргизских племен в этом движении ойратов писал В.В. Бартольд, который предполагал, что после ухода ойратов киргизы остались «на западе, Тянь-шане» [37. С. 36].

Все эти данные в полном мере подтверждают сведения Самарканди о пленении киргизских девушек тимуридским царевичем Искандером в регионе Южного Алтая и Бешбалыка.

«Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур» Ахмеда ибн Арабшаха

Сочинение Ахмеда ибн Арабшаха «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур (Чудеса предопределения в истории Темура)» было написано на арабском языке в 1436 г. и переведено на различные языки – латынь, французский, английский, русский языки [38. С. 10]. В 1992 г. сочинение ибн Арабшаха было переведено на узбекский язык У. Уватовым и издано двумя частями [39, 40]. Этот переводчик использовал изданный в декабре 1887 г. в Каире вариант сочинения [39. С. 61]. В 2008 г. Х. Бабабековым с этого узбекского перевода сочинения был сделан перевод на русский язык [41]. Именно в этом переводе встречается упоминание тумана «чагатайских киргизов» в связи с описанием воинского контингента, расквартированного в крепости Ашпара в восточных границах империи эмира Тимура. Воинские подразделения описываются следующим образом: «В том числе одна группа (отряд) из Арабского Ирака и Азербайджана, были также ряд людей называемых “Жони Курбон”. Они присоединили тех бойцов с одним туманом (десять тысяч) Чагатайскими киргизами к эмиру Аргуншаху (стилистика автора сохранена. – Р.А.) [41. С. 193].

В узбекском переводе У. Уватова, с текста которого выполнялся вышеприведенный перевод на русский язык, читаем: «Шулар жумласидан Ҳинд ва Мўлтон аскарларидан бир тоифа, Араб Ироки ва Озарбайжон қўшинидан бир қавм, Форс ва Хуросон суворийларидан бир гуруҳ, Жони Курбон деб аталадиган одамлардан бирмуначи бор эди. Улар ўша жангчиларни чигатой қирғийларидан бир тумон билан (бирга) амир Арғуншоҳга қўшдилар» [39. С. 282]. Наш перевод с узбекского: «Среди них была группа воинов из Индии и Мултана, хошун из Арабского Ирака и Азербайджана, отряд конницы из Фарса и Хорасана, часть людей, именуемых Джани Курбан. Они присоединили этих воинов, вместе с туменом из чагатайских ястребов, к эмиру Аргуншаху». К термину «киргийларидан» – «ястребов» У. Уватовым дается примечание о том, что в оригинале рукописи используется термин «ясок» [40. С. 152]. Тем самым очевидно то, что в тексте ибн Арабшаха нет упоминания отдельного тумана «чагатайских киргизов», возможно, что Х. Бабабеков допустил ошибку в одной букве, прочитав вместо «киргийлардан», ястребов, слово «киргизлардан», т.е. «из киргизов».

Для уточнения этой фразы сравним другие переводы сочинения ибн Арабшаха. В английском переводе Дж. Сандерса читаем: «...which troops with a tumen of the army of the Jagatais they entrusted to the Amir Argun Shah ...» [42. Р. 194], т.е. «...эти войска вместе с туменом (десять тысяч. – прим. Дж.С.) из армии чагатаев они поручили эмиру Аргун-шаху». По нашей просьбе перевод искомого фрагмента из фотокопии арабоязычного списка рукописи ибн Арабшаха [43. Р. 199] был выполнен специалистом по арабской филологии, доктором филологических наук С.А. Тулеубаевой³. Перевод самой фразы звучит следующим образом: «...они добавили этих вооруженных смелых всадников с туманом из яшака (войска. – прим. С.Т.) Чагатая к

эмиру Аргун Шаху». Как и в примечании У. Уватова, в переводе С. Тулеубаевой используется слово «ясок/яшак». Как поясняет Самал Абаевна, термин «яшак/йашак» может быть арабской передачей тюркского термина «жасак» – «отряд, подразделение» и в данном контексте его можно перевести как «войско/армия», а по нормам арабского языка и согласно порядку слов это словосочетание переводится как «яшак Чагатай». Действительно, известны примеры употребления термина «жасак» именно в значении «отряд, подразделение». К примеру, по данным словаря К.К. Юдахина, в киргизском языке ранее употреблялся термин «жасак» в значении «дружина крупного военного предводителя», а также в парном словосочетании «жасак-жабдык» как «военное снаряжение» [44. С. 238].

Необходимо уточнить, что крепость Ашпара была построена тимуридским царевичем Мухаммед-Султаном на одноименной речке, сейчас это развалины городища Чалдыбар на границе Казахстана и Кыргызстана [28. С. 67; 45. С. 20]. По сведениям Шараф ад-Дина Йезди, в феврале 1398 г. Тимур назначает царевича Мухаммад-султана управлять границей с Моголистаном и приказывает ему построить крепость в местности Ашпара. Он придает ему несколько эмиров – Берды-бека, Хаджи Сайф ад-Дина, Худайдад-и Хусайни, Шамс ад-Дина Аббаса, а также выделяет ему войско в 40 тысяч всадников [27. С. 144–145]. По сообщению ибн Арабшаха, «они заняли там долины, засеяли поля, построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Ашпара. Они построили в ней неприступную крепость, готовую к грабежу и опустошению» [46. С. 91].

Заключение

Анализ сочинения «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» Абд ар-Раззака Самарканди показывает, что в этом труде действительно упоминаются киргизы в качестве пленниц, подаренных эмиру Тимуру царевичем Искандаром после похода в Моголистан.

Привлечение других письменных источников, а также этнографических данных по традиционным способам кочевания позволяют локализовать кочевья киргизов того периода в пределах горных ущелий южного Алтая, немногим к северу от города Бешбалыка. Этот регион между отрогами южного Алтая и северо-восточными отрогами Тянь-Шаня именовался терми-

ном «Северное Джете» – شمال جت, т.е. Северным Моголистан. Немногим позднее этот регион оказывается под властью ойратских хунтайджи, при этом часть киргизов оказывается в составе ойратской орды, в то же время упоминается и независимое владение «Кыргыз».

Исследование сочинения «Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур» ибн Арабшаха, в частности сюжета о военном контингенте тимуридской крепости Ашпара, показывает отсутствие упоминания киргизов в этом источнике. Термин «чагатайские киргизы» в переводе сочинения Х. Бабабековым на русский язык с узбекского перевода У. Уватова является следствием ошибки перевода или технической опечатки. Справедливости ради стоит отметить, что факт упоминания «чагатайских киргизов» в переводе Х. Бабабекова ранее ввел в заблуждение и автора этого исследования, отметившего наличие в составе чагатайцев отдельного киргизского тумена в одной из своих статей [47. С. 436]. Факт нахождения «чагатайских киргизов» в крепости Ашпара используется также в исследовании любителя истории М.Б. Байбосунова [48].

Все это говорит о важности самого тщательного изучения переводов сочинений, их анализа с привлечением самого широкого круга источников. В этой связи уместно будет представить слова киргизского лингвиста И.А. Батманова, который писал: «Говоря о времени прихода киргизов на Тянь-Шань в связи с историей киргизского языка, мы будем разуметь под этим событием появление здесь не отдельных групп, впоследствии растворившихся в составе других более мощных племенных организаций, а появление такого коллектива, который во взаимодействии с другими племенными и национальными объединениями сохранил свои языковые отличия и послужил основным ядром для дальнейшего формирования современного киргизского национального коллектива» [49. С. 48]. Соглашаясь с этим мнением, признаем, что в период существования империи эмира Тимура источниками не фиксируются факты проживания киргизов как крупной этнической общности на территориях западной части Тянь-Шаня. В этот период, как показывает настоящее исследование, киргизы кочевали в южных отрогах Алтая и их появление в современных землях западного Тянь-Шаня определяется источниками в более поздний период.

Примечания

¹ В захоронениях Карасукской археологической культуры из Минусинской котловины был выделен предковый для более 40% современных киргизов генетический материал – субклады R-S23592 и R-YP1506 [50].

² Здесь и далее даты исламского летоисчисления соотносятся с европейским календарем по синхронистическим таблицам И.А. Орбели [51].

³ Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю признательность Самал Абаевне Тулеубаевой за оказанную помощь в переводе фрагмента сочинения ибн Арабшаха.

Список источников

1. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (К вопросу о происхождении киргизского народа) // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе : Изд-во АН Киргизской ССР, 1959. Т. III. С. 104–113.
2. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М. : Высшая школа, 1984. 166 с.
3. Кызласов И.Л. Хакасы. Основатели хакасоведения о важнейших вехах истории. К 100-летию возрождения народного имени. Москва ; Абакан : Бригантина, 2017. 116 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. Кн. 1. 380 с.

5. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1876. Год VII. Вып. 3–4. С. 274–456.
6. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001. 582 с.
7. Солотоноев Белек. Кызыл кыргыз тарыхы. Бишкек : Учкун, 1993. Т. 1. 208 б.
8. Акеров Т.А. Древние кыргызы и Великая Степь (по следам древнекыргызских цивилизаций). Бишкек : Бийиктик, 2005. 252 с.
9. Акеров Т.А. Каркырахан Великий Кыргызский каганат (Роль этнополитических факторов в консолидации кочевых племен Притяньшанья и сопредельных регионов (VIII–XIV века)). Бишкек : Типография «Университет» КНУ им. Ж. Баласагына, 2012. 202 с.
10. Акеров Т.А. Усуни–кыргызы. Кыргызы на просторах Евразии. Бишкек, 2020. 582 с.
11. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / пер. с нем. Н.Н. Козьмина. Иркутск, 1929. 56 с.
12. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. Алма-Ата : Казгосиздат, 1958. 643 с.
13. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л. : Изд-во ученого комитета МНР, 1926. Т. 2. 896 с.
14. Бернштам А.Н. К вопросу о происхождении кыргызского народа // Советская этнография. 1955. № 2. С. 16–26.
15. Караев О.К. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции местных племен в XIII–XV веках // Советская этнография. 1966. № 3. С. 100–107.
16. Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек : ПП Камекс-Детай ЛТД, 1995. 187 с.
17. Мокеев А.М. Этапы этнической истории киргизского народа в XVI – сер. XVIII вв. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 2. С. 131–137.
18. Мокеев А.М. О локализации алтайских киргизов в IX–XVI веках // Кыргыз. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек : Кыргызстан, 1996. С. 204–224.
19. Мокеев А.М. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане (Этапы этнической и политической истории кыргызского народа во второй пол. IX – сер. XVIII вв.). Бишкек : Изд-во КТУ, 2010. 280 с.
20. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе : Кыргызстан, 1990. 480 с.
21. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2000. 272 с.
22. Турдалиева Ч.Д. Кыргызы в трудах Чокана Валиханова. Бишкек, 2015. 175 с.
23. Абдуманапов Р.А. Кипчаки в истории кыргызов. Бишкек : Из-Басма, 2015. 200 с.
24. Самарканди Абд ар-Раззак. «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. : Наука, 1973. Вып. 1. С. 150–170.
25. Монгольский обыденный изборник // Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань Чао Би Ши / пер. С.А. Козина. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
26. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку : Элм, 1983. 343 с.
27. Йезди Шараф ад-Дин Али. «Зафар-наме» // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. : Наука, 1973. Вып. 1. С. 128–150.
28. Караев О.К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек : Кыргызстан, 1995. 160 с.
29. Stein M.A. Innermost Asia, Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-Su and Eastern Iran: carried out and described under the orders of H.M. Indian Government. Vol. II: Text. Oxford : The Clarendon Press at Oxford, 1928. P. 549–1139.
30. Бретшнейдер Э.В. Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков. СПб. : Своё издательство, 2018. 280 с.
31. Fan C. The Timurid Regions and Moghulistan through the Eyes of a Ming Diplomat: An Annotated Translation of the Xiyu fanguo zhi and Selected Poems by Chen Cheng (1415) // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2023. Vol. 66. P. 795–884.
32. Описание иностранных государств на западе // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1998. С. 245–274.
33. Златкин И.Я. История джунгарского ханства 1635–1758. М. : Наука, 1983. 332 с.
34. Бейшеналиев Т.О. Буруты – дикокаменные киргизы? // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока / XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1988. Ч. I. М. : Наука, 1990. С. 139–143.
35. Петров К.И. К истории движения кыргызов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе : Изд-во АН Кыргызской ССР, 1961. 211 с.
36. Хайдар Мирза Мухаммад. «Тарихи Рашиди» / введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент : Фан, 1996. 728 с.
37. Бартольд В.В. Киргизы (Исторический очерк). Фрунзе : Киргизское гос. изд-во, 1927. 57 с.
38. Ахмедов Б., Мукминова Р., Пугаченкова Г. Амир Темур (жизнь и общественно-политическая деятельность). Ташкент : Университет, 1999. 263 с.
39. Ибн Арабшох. Ажоиб ал-Макдур фи тарихи Таймур (Темур тарихида такдир ажойиботлари / араб тилидан тарж. ва изоҳларни, сўз бошини У. Уватов тайёрланган. Масъул мухаррир А. Ўринбоев. К. 1. Ташкент : Меҳнат, 1992. 326 б.
40. Ибн Арабшох. Ажоиб ал-Макдур фи тарихи Таймур (Темур тарихида такдир ажойиботлари / араб тилидан тарж. ва изоҳларни, сўз бошини У. Уватов тайёрланган. Масъул мухаррир А. Ўринбоев. К. 2. Ташкент : Меҳнат, 1992. 192 б.
41. Ибн Арабшах. История Амира Тимура. Ачоиб ал-макдур фи таърихи Таймур / авт. пер. Хайдарбек Бобобеков. 3-е изд. Ташкент, 2008. 239 с.
42. Tamerlane or Timur. The Great amir / transl. by J.H. Sanders. From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah. London : Luzak & Co, 1936. 341 p.
43. The Timurname or Ajayabul Maqdur Fi Akhbar-i Timur for the Degree of Honor Examination in Arabic for officers in the military and civil services / Edited by Major H.S. Jarrett, Secu., Board of Examiners. Calcutta : Urdu Guide Press, 1882. 324 p.
44. Киргизско-русский словарь. В 2-х кн. Ок. 40 000 слов / сост. К.К. Юдахин. Фрунзе : Гл. ред. Киргизской сов. энцикл., 1985. Кн. 1: А–К. 504 с.
45. Кожобеков М.Ч. Научное наследие А.Н. Берштама в фондах АН Кыргызской Республики // Инновации в науке. 2017. № 7 (68). Ч. 1. С. 19–23.
46. Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI веков о долине реки Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. 1960. Т. 8. С. 72–92.
47. Абдуманапов Р.А. Кыргызские горы в сефевидском источнике XVI века «‘Алам-ара-йи Шах Исма‘ил» // «Орто кылымдардагы Кыргызстандын жана ага чектеш өлкөлөрдүн аймагындагы саясий, этномаданий процесстер» / жооптуу редактор: Жолдошов Р. Бишкек. 2023. Б. 429–439.
48. Байбосунов М.Б. «Кыргызский след» в Передней Азии. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:40863
49. Батманов И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1947. 115 с.
50. Сабитов Ж.М. Палеогенетические исследования полиморфизма Y-хромосомы представителей андроновской археологической культуры. Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан 1–2 апреля 2016 г. Алматы : Казахский ун-т, 2016. С. 451–454.
51. Орбели И.А. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летоисчисления. Л. : Изд-во Государственного эрмитажа, 1941. 276 с.

References

1. Kyzlasov, L.R. (1959) O svyazyakh kirgizov Eniseya i Tyan'-Shanya (K voprosu o proiskhozhdenii kirgizskogo naroda) [On the Connections between the Yenisei and Tien Shan Kyrgyz (On the Question of the Origin of the Kyrgyz People)]. *Trudy Kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. Frunze: Izd-vo AN Kirgizskoy SSR. Vol. III. pp. 104–113.
2. Kyzlasov, L.R. (1984) *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka* [History of Southern Siberia in the Middle Ages]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Kyzlasov, L.L. (2017) *Khakasy. Osnovateli khakasovedeniya o vazhneyshikh vekhakh istorii. K 100-letiyu vozrozhdeniya narodnogo imeni* [The Khakas. Founders of Khakas Studies on the Most Important Milestones of History. On the 100th Anniversary of the Revival of the National Name]. Moscow; Abakan: Brigantina.
4. Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniya o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information on the Peoples Inhabiting Central Asia in Ancient Times]. Bk. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Aristov, N.A. (1876) Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostey i svedeniya ob ikh chislennosti [Notes on the Ethnic Composition of Turkic Tribes and Peoples and Information on Their Numbers]. *Zhivaya starina*. Year VII. 3–4, pp. 274–456.
6. Aristov, N.A. (2001) *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy: Ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii* [The Usuns and Kyrgyzes or Kara-Kyrgyzes: Essays on the History and Way of Life of the Population of the Western Tien Shan and Studies on Its Historical Geography]. Bishkek: Ilim.
7. Solotonoev, B. (1993) *Kyzyl kyrgyz tarikhy* [History of the Red Kyrgyz]. Vol. 1. Bishkek: Uchkun. (In Kyrgyz).
8. Akerov, T.A. (2005) *Drevnie kyrgyzy i Velikaya Step' (po sledam drevnekyrgyzskikh tsivilizatsiy)* [The Ancient Kyrgyz and the Great Steppe (In the Footsteps of Ancient Kyrgyz Civilizations)]. Bishkek: Biyiktik.
9. Akerov, T.A. (2012) *Karkyrakhan Velikiy Kyrgyzskiy kaganat (Rol' etnopoliticheskikh faktorov v konsolidatsii kochevykh plemen Pripyatanshanya i sopredel'nykh regionov (VIII–XIV veka))* [Karkyrakhan the Great Kyrgyz Khaganate (The Role of Ethnopolitical Factors in the Consolidation of Nomadic Tribes of the Tien Shan Region and Adjacent Areas (8th–14th Centuries))]. Bishkek: Tipografiya "Universitet" KNU im. Zh. Balasagyna.
10. Akerov, T.A. (2020) *Usuni–kyrgyzy. Kyrgyzy na prostorakh Evrazii* [The Usuns–Kyrgyz. The Kyrgyz in the Expanses of Eurasia]. Bishkek.
11. Radlov, V.V. (1929) *Etnograficheskiy obzor turetskikh plemen Sibiri i Mongolii* [Ethnographic Survey of the Turkic Tribes of Siberia and Mongolia]. Trans. from German by Koz'min, N.N. Irkutsk.
12. Valikhanov, Ch.Ch. (1958) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Alma-Ata: Kazgosizdat.
13. Grumm-Grzhimaylo, G.E. (1926) *Zapadnaya Mongoliya i Uryanakhayskiy kray* [Western Mongolia and the Uriankhai Region]. Vol. 2. Leningrad: Izd-vo uchenogo komiteta MNR.
14. Bernshtam, A.N. (1955) K voprosu o proiskhozhdenii kyrgyzskogo naroda [On the Question of the Origin of the Kyrgyz People]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 16–26.
15. Karaev, O.K. (1966) K voprosu o peredvizhenii kirgizov na Tyan'-Shan' i assimilyatsii mestnykh plemen v XIII–XV vekakh [On the Question of the Migration of the Kyrgyz to the Tien Shan and the Assimilation of Local Tribes in the 13th–15th Centuries]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 100–107.
16. Khudyakov, Yu.S. (1995) *Kyrgyzy na prostorakh Azii* [The Kyrgyz in the Expanses of Asia]. Bishkek: PP Kameks-Detay LTD.
17. Mokeev, A.M. (1990) Etapy etnicheskoy istorii kirgizskogo naroda v XVI–ser. XVIII vv. [Stages of the Ethnic History of the Kyrgyz People from the 16th to the Mid-18th Centuries]. In: *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii narodov Sredney Azii i Kazakhstana* [Problems of ethnogenesis and ethnic history of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Vol. 2. Moscow. pp. 131–137.
18. Mokeev, A.M. (1996) O lokalizatsii altayskikh kirgizov v IX–XVI vekakh [On the Localization of the Altai Kyrgyz in the 9th–16th Centuries]. In: *Kyrgyzy. Etnogeneticheskie i etnokul'turnye protsessy v drevnosti i srednevekov'e v Tsentral'noy Azii* [The Kyrgyz. Ethnogenetic and Ethnocultural Processes in Ancient and Medieval Central Asia]. Bishkek: Kyrgyzstan. pp. 204–224.
19. Mokeev, A.M. (2010) *Kyrgyzy na Altae i na Tyan'-Shane (Etapy etnicheskoy i politicheskoy istorii kyrgyzskogo naroda vo vtoroy pol. IX – ser. XVIII vv.)* [The Kyrgyz in the Altai and the Tien Shan (Stages of the Ethnic and Political History of the Kyrgyz People from the Second Half of the 9th to the Mid-18th Centuries)]. Bishkek: KTU.
20. Abramzon, S.M. (1990) *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [The Kirgiz and Their Ethnogenetic and Historical-Cultural Connections]. Frunze: Kyrgyzstan.
21. Butanaev, V.Ya. & Khudyakov, Yu.S. (2000) *Istoriya eniseyskikh kyrgyzov* [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan: KhSU.
22. Turdalieva, Ch.D. (2015) *Kyrgyzy v trudakh Chokana Valikhanova* [The Kyrgyz in the Works of Chokan Valikhanov]. Bishkek.
23. Abdumanapov, R.A. (2015) *Kipchaki v istorii kyrgyzov* [The Kipchaks in the History of the Kyrgyz]. Bishkek: Iz-Basma.
24. Samarkandi, A. ar-Razzak. (1973) "Matla as-sadayn va madzhma al-bakhrayn" ["The Rise of the Two Fortunate Stars and the Confluence of the Two Seas"]. In: *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii*. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 150–170.
25. Mongol'skiy obydeniyy izbornik [The Secret History of the Mongols]. (1941) In: *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. Yuan' Chao Bi Shi*. Trans. by Kozin, S.A. Moscow; Leningrad: USSR AS.
26. Ashurbeyli, S.B. (1983) *Gosudarstvo Shirvanshakhov (VI–XVI vv.)* [The State of the Shirvanshahs (6th–16th Centuries)]. Baku: Elm.
27. Yezdi, Sh. ad-Din A. (1973) "Zafar-name" ["Book of Victory"]. In: *Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii* [Materials on the history of the Kyrgyz people and Kyrgyzstan]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 128–150.
28. Karaev, O.K. (1995) *Chagatayskiy ulus. Gosudarstvo Khaydu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda* [The Chagatai Ulus. The State of Kaidu. Moghulistan. The Formation of the Kyrgyz People]. Bishkek: Kyrgyzstan. 160 p.
29. Stein, M.A. (1928) *Innermost Asia, Detailed Report of Explorations in Central Asia, Pan-Su and Eastern Iran: carried out and described under the orders of H.M. Indian Government*. Vol. II: Text. Oxford: The Clarendon Press at Oxford. pp. 549–1139.
30. Bretschneider, E.V. (2018) *Aziya i Evropa v epokhu srednevekov'ya: sravnitel'nye issledovaniya istochnikov po geografii i istorii Tsentral'noy i Zapadnoy Azii XIII–XVII vekov* [Asia and Europe in the Middle Ages: Comparative Studies of Sources on the Geography and History of Central and Western Asia in the 13th–17th Centuries]. St. Petersburg: Svoyo izdatel'stvo.
31. Fan, C. (2023) The Timurid Regions and Moghulistan through the Eyes of a Ming Diplomat: An Annotated Translation of the Xiyu fanguo zhi and Selected Poems by Chen Cheng (1415). *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 66. pp. 795–884.
32. Opisanie inostrannykh gosudarstv na zapade [Description of Foreign States in the West]. (1998) In: *Strany i narody Vostoka*. Vol. XXIX. Boris Ivanovich Pankratov. Mongolistika. Sinologiya. Buddologiya. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. pp. 245–274.
33. Zlatkin, I.Ya. (1983) *Istoriya dzhungarskogo khanstva 1635–1758* [History of the Dzungar Khanate 1635–1758]. Moscow: Nauka.
34. Beyshenaliev, T.O. (1990) Buruty – dikokamennyye kirgizy? [The Buruts – Wild Stone Kyrgyz?]. In: *Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka / XXIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya). 1988* [Written Monuments and Problems of the Cultural History of the Peoples of the East / XXIII Annual Scientific Session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (Reports and Communications). 1988]. Pt. I. Moscow: Nauka. pp. 139–143.
35. Petrov, K.I. (1961) *K istorii dvizheniya kyrgyzov na Tyan'-Shan' i ikh vzaimootnosheniy s oytratami v XIII–XV vv.* [On the History of the Kyrgyz Migration to the Tien Shan and Their Relations with the Oirats in the 13th–15th Centuries]. Frunze: KyrgyzSSR AS.
36. Khaydar, M.M. (1996) *"Tarikhi Rashidi"* ["The History of Rashid"]. Introduction and trans. from Persian by Urumbaev, A., Dzhalilova, R.P. & Epifanova, L.M. Tashkent: Fan.
37. Bartol'd, V.V. (1927) *Kirgizy (Istoricheskiy ocherk)* [The Kirgiz (Historical Essay)]. Frunze: Kirgizskoe gos. izd-vo.

38. Akhmedov, B., Mukminova, R. & Pugachenkova, G. (1999) *Amir Temur (zhizn' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost')* [Amir Temur (Life and Socio-Political Activity)]. Tashkent: Universitet.
39. Ibn Arabshah. (1992) *Azhoib al-Makdur fi tarikh Taymur (Temur tarikhida taqdir azhoyibotlari* [Wonders of Destiny in the History of Timur]. Trans. from Arabic. Bk. 1. Tashkent: Mekhnat. (In Uzbek).
40. Ibn Arabshah. (1992) *Azhoib al-Makdur fi tarikh Taymur (Temur tarikhida taqdir azhoyibotlari* [Wonders of Destiny in the History of Timur]. Trans. from Arabic. Bk. 2. Tashkent: Mekhnat. (In Uzbek).
41. Ibn Arabshah. (2008) *Istoriya Amir Timura. Achoib al-makdur fi ta'rikhi Taymur* [The History of Amir Timur. Wonders of Destiny in the History of Timur]. Trans. by Bobobekov, Kh. 3rd ed. Tashkent.
42. Ahmed ibn Arabshah. (1936) *Tamerlane or Timur. The Great amir*. Trans. by Sanders, J.H. From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah. London: Luzak & Co.
43. Jarrett, H.S. (ed.) (1882) *The Timurnamah or Ajayabul Maqdur Fi Akhbar-i Timur for the Degree of Honor Examination in Arabic for officers in the military and civil services*. Calcutta: Urdu Guide Press.
44. Yudakhin, K.K. (comp.) (1985) *Kirgizsko-russkiy slovar'*. V 2-kh kn. Ok. 40 000 slov [Kyrgyz-Russian Dictionary. In 2 Bks. Approx. 40,000 Words]. Bk. 1: A–K. Frunze: Gl. red. Kirgizskoy sov. entsikl.
45. Kozhobekov, M.Ch. (2017) Nauchnoe nasledie A.N. Bershtama v fondakh AN Kyrgyzskoy Respubliki [The Scientific Heritage of A.N. Bernshtam in the Collections of the Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic]. *Innovatsii v nauke*. 7 (68). Pt. 1. pp. 19–23.
46. Volin, S. (1960) Svedeniya arabskikh istochnikov IX–XVI vekov o doline reki Talas i smezhnykh rayonakh [Information from Arabic Sources of the 9th–16th Centuries on the Talas River Valley and Adjacent Areas]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii Akademii nauk Kazakhskoy SSR*. 8. pp. 72–92.
47. Abdumanapov, R.A. (2023) "Kyrgyzskie gory" v sefevidskom istochnike XVI veka "'Alam-ara-yi Shakh Isma'il" ["The Kyrgyz Mountains" in the 16th-Century Safavid Source "'Alam-ara-yi Shah Isma'il"]. In: Zholdoshev, R. (ed.) *"Orto kylymdardagy Kyrgyzstanyn zhana aga chektes ölkölördün aymagyndagy sayasiy, etnomadaniy protsester"* [Political and Ethnocultural Processes in Kyrgyzstan and Adjacent Territories in the Middle Ages]. Bishkek. pp. 429–439.
48. Baybosunov, M.B. (n.d.) "Kyrgyzskiy sled" v Peredney Azii ["The Kyrgyz Trace" in Western Asia]. [Online] Available from: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:40863 (Accessed: 22.03.2026).
49. Batmanov, I.A. (1947) *Kratkoe vvedenie v izuchenie kirgizskogo yazyka* [Brief Introduction to the Study of the Kyrgyz Language]. Frunze: Kirgizgosizdat.
50. Sabitov, Zh.M. (2016) Paleogeneticheskie issledovaniya polimorfizma Y-khromosomy predstaviteley andronovskoy arkheologicheskoy kultury [Paleogenetic Studies of Y-Chromosome Polymorphism in Representatives of the Andronovo Archaeological Culture]. In: *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii "VIII Orazbaevskie chteniya" po teme "Arkheologiya, etnologiya i muzeologiya v sisteme sovremennogo vysshego obrazovaniya", priurochennoy k 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan 1–2 aprelya 2016 g.* [Proceedings of the international scientific and methodological conference "VIII Orazbaev Readings" on the topic "Archaeology, ethnology and museology in the system of modern higher education", dedicated to the 25th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan, April 1–2, 2016]. Almaty: Kazakhskiy un-t. pp. 451–454.
51. Orbeli, I.A. (1941) *Sinkhronisticheskie tablitsy khidzhry i evropeyskogo letoischisleniya* [Synchronic Tables of the Hijra and European Chronology]. Leningrad: Izd-vo Gosudarstvennogo ermitazha.

Информация об авторе:

Абдуманаров Р.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Дешт-и Кипчак» (Астана, Казахстан). E-mail: manap@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.A. Abdumanapov, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading research fellow, Research Center "Dasht-i Kipchak" (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: manap@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.04.2025;
одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 11.04.2025;
approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/520/14

Научное сообщество, власть и предпринимательство в России второй половины XIX – начала XX в.: «Тройная спираль» по-позднеимперски

Михаил Викторович Грибовский¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mgrib@mail2000.ru

Аннотация. Разработана «матрица», отражающая грани взаимоотношений власти, предпринимательства и научного сообщества в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Автор приходит к выводу, что в пореформенной России можно обнаружить зародыши концепта «тройной спирали», что выразилось в возрастании роли предпринимателей в финансировании науки и развитии промышленности, а также во включении представителей научного сообщества в чиновничий аппарат. В то время как само государство в меньшей степени было готово действовать поверх институциональных границ, что превращало «спираль» из «тройной» в «двойную».

Ключевые слова: университет, Императорская Академия наук, профессура, предприниматели, промышленность, власть, Российская империя

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Грибовский М.В. Научное сообщество, власть и предпринимательство в России второй половины XIX – начала XX в.: «Тройная спираль» по-позднеимперски // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 133–142. doi: 10.17223/15617793/520/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/14

The scientific community, government and entrepreneurship in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: The "triple helix" in late imperial style

Mikhail V. Gribovskiy¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mgrib@mail2000.ru

Abstract. The starting point for the study was the concept of H. Etzkowitz, who proposed the "triple helix" model. In the interests of historical science, it seems appropriate, building on this concept, to shift the research focus to the second half of the 19th – early 20th century – the post-reform era – when the processes of forming a fairly ramified scientific and educational complex and the formation of a layer of entrepreneurs (industrialists and manufacturers) were underway in Russia. The purpose of this study is to develop a "matrix" reflecting the facets of the relationship between government, entrepreneurship, and the scientific community in the Russian Empire during the second half of the 19th – early 20th centuries. This approach allows for a comprehensive view of the historical process and focuses on the connections between the elements of the system. The "matrix" presented at the end of the article is a table, three blocks of which are devoted to science, government, and entrepreneurship, indicating the activity of each of the "vertices of the triangle" in relation to the other two. The sources of the research were office materials stored in archival collections, journalism, and statistical data. The author concludes that in post-reform Russia one can find the seeds of the concept of the "spiral." For example, entrepreneurs took on functions previously associated with the state, beginning to finance science and develop domestic industry; the scientific community, through its individual representatives, "turned into the state," co-opting into the bureaucracy. At the same time, the state itself, due to lack of necessity, was less prepared to act beyond institutional boundaries, which turned the "spiral" from "triple" into "double"; nonetheless, the state also built interaction with the other two actors. This gave late imperial Russia a chance to reach a qualitatively new level of development, but history took a different path.

Keywords: university, Imperial Academy of Sciences, professors, entrepreneurs, industry, government, Russian Empire

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

For citation: Gribovskiy, M.V. (2025) The scientific community, government and entrepreneurship in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: The "triple helix" in late imperial style. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 133–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/14

Постановка проблемы

Треугольник «наука–бизнес–власть» закономерно и прочно находится в фокусе исследовательского внимания. Концептуализации интегрального взгляда на эти три институции способствовало формулирование в конце XX в. профессором Стэнфордского университета Генри Ицковицем модели «тройной спирали» и ее последующее обобщение в книге «Тройная спираль. Университеты–предприятия–государство. Инновации в действии» [1]. Ключевая идея Г. Ицковица заключается в том, что три различных актора – университеты, индустрия и правительство – в современном мире все больше берут на себя функции друг друга, и такое взаимодействие поверх институциональных границ имеет решающее значение для развития национальных экономик. Идея была подхвачена и развита, в том числе на российском материале, быстро став конвенциональным предметом обсуждений в экономических исследованиях [2–4].

С точки зрения интересов отечественной исторической науки представляется целесообразным и оправданным, оттолкнувшись от концепта «тройной спирали», сместить исследовательский фокус на вторую половину XIX – начало XX в. – в пореформенную эпоху, когда в России, остававшейся абсолютистской монархией, шли процессы складывания достаточно разветвленного научно-образовательного комплекса и оформление слоя предпринимателей – фабрикантов-промышленников.

Возвращаясь к метафоре треугольника, отметим, что наше внимание будет сосредоточено на вершине «наука», точнее, на научном сообществе. Это оправдано той особой ролью, которую рубеже XIX–XX вв. в общественной жизни играла интеллектуальная элита. Ключевая роль интеллектуалов в названную эпоху, по наблюдению Фрица Рингера, сделанном в книге «Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933» (1969) [5], определялась тем, что старая элита – аристократия – в обществе модерна утрачивала свои позиции, а новая элита, которая будет типична для XX столетия – крупные предприниматели, управленцы, партийно-политические лидеры – еще не заняла достаточно прочных позиций.

Историографическая ситуация лаконично может быть охарактеризована следующим образом: авторы уже обращались к проблеме отношений власти и науки, власти и предпринимательства, предпринимательства и науки в имперский период, но все три элемента в связке почти не оказывались в зоне исследовательского внимания.

Наиболее разработанной следует признать проблему отношений власти и науки в конце XIX – начале XX в. Причем, как в разрезе политики [6, 7], включая такой фокус, как «ученый во власти» [8, 9], так и с прикладной точки зрения [10–12], особенно применительно к условиям Первой мировой войны [13–16].

Тема «власть и предпринимательство» занимает исследователей в разрезе поиска форм их взаимодействия в позднеимперский период [17–19]. А что каса-

ется отношений предпринимательства и науки, то внимание историков преимущественно сосредоточено на феномене меценатства [20–22].

Одним из немногих примеров синтеза трех предметных полей стала публикация Б.В. Ананьича [23]. Автор задается вопросом о том, насколько результативным в конце XIX – начале XX в. было сотрудничество власти, предпринимательства и науки в деле развития производительных сил страны, и приходит к выводу, что в пореформенный период условия для взаимодействия властей, людей науки и предпринимательства были, но они не приняли устойчивого характера, а осенью 1917 г. такое сотрудничество и вовсе рухнуло.

Цель настоящего исследования – предложить «матрицу», отражающую грани взаимоотношений власти, предпринимательства и научного сообщества в Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

«Матрица» как инструмент обобщения и структурирования исторического материала представляет собой таблицу (см. далее), три блока которой посвящены трем «вершинам треугольника»: науке, власти и предпринимательству, с указанием на активности каждой из «вершин» в отношении двух других; при этом активности разбиты на условно положительные и условно отрицательные (или воспринимаемые в качестве таковых).

Набор и распределение конкретных элементов «матрицы» можно отнести к авторской гипотезе, отталкивающейся как от историографической традиции, так и от собственных исследований.

Источниками исследования выступили отложившиеся в архивных фондах делопроизводственные материалы, публицистика, статистические данные.

Наука – власти (государству)

Сеть научных и научно-образовательных учреждений складывалась в России на протяжении XVIII–XIX вв. В нее входили: Императорская Академия наук с ее подразделениями, научные учреждения вне Академии¹, высшие учебные заведения², ведомственные научные учреждения³, научные общества⁴.

Масштаб сети, сложившийся к началу XX в. (к 1917 г. в России действовало около 300 научных организаций и обществ, в которых насчитывалось больше 10 тысяч человек), позволял выполнять важнейшие функции: готовить кадры, выполнять «госзаказ» в научно-технологической сфере, проводить экспертизу, в том числе в государственных интересах.

Профессора нередко по приглашению властей принимали участие в работе правительственных комиссий и комитетов. Д.И. Менделеев, которого можно отнести к числу «образцовых» ученых, занимавших экспертную позицию, причем как в коммуникации с представителями власти, так и в публичном поле, привлекался Министерством финансов к разработке Таможенного тарифа 1891 г. [24]. Осенью 1893 г. профессор Университета Св. Владимира (Киев) П.П. Цитович командировался в Санкт-Петербург для занятий в комиссии по

пересмотру вехсельного устава при том же министерстве [25. Л. 1–5].

Следует подчеркнуть тенденцию к росту практической ориентации научных организаций и высшей школы, включая университеты. Обновлялись формы работы Академии наук: при ней создавались проблемные комиссии для разработки актуальных научных и научно-прикладных вопросов, объединявшие научных работников различных ведомств, самой академии, вышших учебных заведений: магнитная, сейсмическая, полярная, по изучению озера Байкал и т.п., самой крупной из них была Комиссия по изучению естественных производительных сил России (1915 г.).

Обстоятельства Первой мировой войны стали катализатором, ускорившим названную тенденцию. Ученые разрабатывали военное оборудование, средства борьбы с удушливыми газами, медикаменты и пр.

Государственным задачам служили интеллектуальные усилия не только ученых-практиков, представителей точных и естественных наук, но и гуманитариев, научные и публицистические труды которых содержали обоснование правительственного курса по актуальным вопросам, что работало на укрепление суверенитета страны. Так, профессор юридического факультета Томского университета Н.Н. Кравченко интенсивно разрабатывал злободневную проблему международного права в условиях войны [26–28].

Явлением, заслуживающим особого внимания с точки зрения анализа взаимоотношений научного общества и государства, стало «хождение во власть» – практика кооптирования ученых в чиновничью среду, включения их в госаппарат.

Де-юре академики и штатные преподаватели вузов и так были чиновниками по ведомству Министерства народного просвещения. Но их образ жизни и профессиональной деятельности решительно не совпадал с паттернами поведения кабинетного «столоначальника». Служба ученого не в полной мере была привязана к присутственному месту, а к оценке затраченных им усилий сложно было подходить с привычной чиновничье-бюрократической рамкой.

Тем не менее в пореформенной России формировался отчетливый запрос государства на высокообразованных чиновников, поэтому не столь редкими становились случаи смены профессорами научно-педагогической деятельности на административную. Чаше это происходило по линии «родного» ведомства.

Так, в девяти учебных округах, где располагались университеты, с середины 1880-х по 1917 г. сменилось 69 попечителей. Принимая во внимание, что из них 12 человек в разные годы занимали соответствующие должности в разных округах, всего попечительское место занимали 57 человек. Из них почти половина (28 человек) являлись бывшими профессорами и преподавателями университетов. Из числа министров народного просвещения (МНП), которых за аналогичный период было 14, профессорское университетское прошлое имели 7 человек (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер, А.Н. Шварц, Л.А. Кассо, Н.К. Кульчицкий, А.А. Мануйлов, С.Ф. Ольденбург – в порядке очередности замещения министерской должности) [29].

Показательны в этом отношении карьеры Н.П. Боголепова и Н.К. Кульчицкого, которые прошли последовательно должностные ступени сначала в университете, а затем в министерстве. Н.П. Боголепов в 1870-х гг. был доцентом Московского университета, в 1880-х гг. – профессором, секретарем юридического факультета, дважды (в 1883–1887 гг. и 1891–1893 гг.) становился ректором. С 1895 г. служил попечителем Московского учебного округа, а с 1898 г. стал министром народного просвещения. Н.К. Кульчицкий с 1883 г. был приват-доцентом, с 1889 г. – экстраординарным, с 1893 г. – ординарным профессором кафедры гистологии Харьковского университета. В 1912 г. Н.К. Кульчицкий был назначен попечителем Казанского учебного округа, с 1914 г. стал попечителем Петроградского учебного округа, а в декабре 1916 г. – марте 1917 г. являлся министром народного просвещения.

Продолжение служебной карьеры вне ведомства МНП было менее распространенным, но также имевшем место явлением. Так, Д.П. Коновалов, служивший в 1886–1907 гг. профессором Санкт-Петербургского университета, в 1908–1915 гг. занимал должность товарища министра торговли и промышленности, после отставки вернувшись к научной и преподавательской деятельности в качестве профессора Петроградского технологического института. Но, пожалуй, наиболее знаковыми в этом отношении выступают фигуры двух министров финансов, Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского. Первый – профессор, ректор Университета Св. Владимира, одианый академик; затем товарищ министра и министр финансов, председатель Комитета министров. Второй – профессор, затем директор Петербургского технологического института; позднее министр финансов Российской империи. В свете настоящего исследования фигура И.А. Вышнеградского особенно примечательна, поскольку его можно соотнести сразу с тремя профессиональными идентичностями: кроме того, что И.А. Вышнеградский был ученым и государственным деятелем, он являлся крупным предпринимателем, обладателем солидного состояния.

Остается открытым вопрос о прямой связи между взглядами, политическими убеждениями ученых, с одной стороны, и выбором рядом из них в пользу карьеры на государственной службе – с другой. Однако, у нас есть достаточно оснований утверждать, что в интеллектуальной среде России конца XIX – начала XX в. преобладали антимонархические, реформистские настроения, которые применительно к партийному периоду преимущественно можно было соотнести с кадетским и отчасти октябристским подходами.

Иными словами, наряду с выше охарактеризованными активностями научного сообщества в отношении (и в интересах) властей (государства), в этой среде шел процесс формирования либеральной оппозиции. Типичный взгляд на интеллектуалов начала XX в. как на оппонентов власти. Однако полагаем, что большинство из них разводило общественные взгляды и практическую деятельность, т.е., будучи преимущественно настроенными антимонархически, исходили из ценностей службы на благо развития страны.

Наука – предпринимательству

Отмеченный выше тренд на больший практицизм отечественной науки, наметившийся в пореформенный период, означал и ее сближение с производством. Высшая школа готовила для него профессиональные кадры, ученые выступали в роли консультантов и экспертов, авторов технических изобретений.

Так, Академия, университеты, научные общества во второй половине века все чаще получали запросы от промышленности на проведение научных исследований и экспертиз, например, в связи с запуском производства или строительства.

Промышленники были готовы вносить вклад в научные исследования. Так, предприниматель и банкир П.П. Рябушинский, заинтересовавшись научными разработками о радиоактивных материалах, в 1914 г. организовал две научные экспедиции в Забайкалье и Среднюю Азию для поиска соответствующих месторождений.

Сближению научного сообщества и промышленников способствовала совместная деятельность в профессиональных обществах. Одним из них было Общество сибирских инженеров (с 1909 г.), главная задача которого обозначалась как содействие развитию промышленности, распространению технического образования и знаний в Сибири.

Подчеркнем, что объективных обстоятельств, которые порождали бы оборотные, негативные стороны во взаимоотношениях науки и предпринимательства, не прослеживалось. Единственный аспект, на который следует обратить внимание, касается потенциальных ценностных расхождений, формируемых в академической и предпринимательской средах. Если предпринимательская деятельность напрямую была связана с извлечением прибыли, которая могла стать мерилем успеха, то в академической среде корыстолюбие преимущественно становилось предметом осуждения. Можно согласиться с А.Н. Дмитриевым, который со ссылкой на Т. Вихавайнена пишет о том, что мещанство и обуржуазивание стало пугалом и даже «внутренним врагом» отечественной интеллигенции рубежа XIX–XX вв. [30. С. 109].

Власть (государство) – науке

Модель отношений власти и науки со стороны первой можно описать формулой: «финансирование vs контроль».

Отличием Академии наук, учрежденной Петром I, от аналогичных зарубежных организаций, в первую очередь европейских, было то, что в России Академия являлась государственным учреждением, а академики получали жалование из казны.

Государственные траты на науку и образование, а также удельный вес этих трат в структуре государственных расходов во второй половине XIX в. имели тенденцию к росту. Так, если еще в начале 1860-х гг. на долю Министерства народного просвещения приходился только 1% государственных расходов, то после

принятия нового университетского устава 1863 г., более чем вдвое увеличившего казенное финансирование университетов, на долю МНП стало приходиться уже 1,4% государственного бюджета. В номинальном исчислении за период с 1863 по 1900 г. бюджет министерства увеличился в 5,2 раза, в то время как государственные расходы в целом выросли в 3,6 раза, т.е. расходы государства на просвещение росли быстрее, чем на другие сферы [31. С. 173–174, 178].

Столь значительный рост не в последнюю очередь был связан с созданием сети вузов технического профиля: технологических институтов в Харькове (1885 г.) и Томске (1896 г.), политехнических институтов в Варшаве (1898 г.), Киеве (1898 г.) и Санкт-Петербурге (1899 г.).

Развивая мысль о государственном финансировании науки, отметим, что оно затрагивало и научные общества. Как правило, даже самоорганизованные общества со временем получали государственную поддержку, в том числе материальную. Например, в 1868 г. Александр II подарил Московскому обществу истории и древностей российских здание в Москве, где оно и стало располагаться.

Оборотной стороной государственного содержания был патронаж науки и университетов со стороны властей.

Взгляды и действия ученых становились предметом особого контроля со стороны соответствующих органов – охранных отделений и отдельного корпуса жандармов, основным звеном структуры которого были губернские управления.

Из методов работы политической полиции, широко применявшихся при осуществлении контроля над подозрительными лицами, особое место занимал негласный надзор. Например, под негласным надзором находились профессор Новороссийского университета П.Г. Меликов [32. Л. 40] и профессор Санкт-Петербургского университета П.Ф. Лесгафт [33. Л. 97], а будущий ректор Московского университета А.А. Мануйлов, будучи студентом, был в 1884 г. поставлен под гласный надзор полиции на 2 года, после окончания которого состоял под негласным надзором вплоть до 1904 г. [34. Л. 61].

Однако надзор осуществлялся не только по линии политической полиции. Если проанализировать переписку, отложившуюся в центральных и местных архивах, которая касалась политического надзора, то выяснится, что в ней состояли самые разные ведомства. Перечень адресатов укладывается в следующую схему: начальник одного охранного отделения – начальник другого охранного отделения; начальник жандармского управления одной губернии – начальник жандармского управления другой губернии; начальник губернского жандармского управления – Департамент полиции МВД; Департамент полиции МВД – губернатор; полицеймейстер – губернатор; министр внутренних дел – министр народного просвещения; министр народного просвещения – попечитель учебного округа; попечитель учебного округа – ректор (и соответственно в обратном порядке при ответных посла-

ниях). Как видно из перечня адресатов, переписку, затрагивавшую вопросы политической благонадежности, вели как «силовые» (выражаясь современным языком), так и гражданские ведомства, такая переписка носила как горизонтальный (начальник жандармского управления – начальник жандармского управления), так и вертикальный характер (министр – попечитель).

Говоря о мерах, которые предпринимали власти в отношении неблагонадежных преподавателей, можно заметить, что их арсенал был относительно невелик. В него входили устные и письменные предупреждения, ограничения, связанные с профессиональной деятельностью, увольнения, судебные преследования. При этом последние, крайние, меры фактически весь рассматриваемый период оставались редкостью. Зачастую власти ограничивались «профилактикой».

О не слишком жесткой реакции властей на деятельность политизированных преподавателей говорит и случай профессора В.А. Косинского. В ГАРФ отложилась переписка между министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым и председателем Совета министров (одновременно министром внутренних дел) П.А. Столыпиным по поводу профессора В.А. Косинского, который в 1909 г. переводился из Новороссийского университета в Киевский политехнический институт. В.И. Тимирязев 16 февраля 1909 г. писал П.А. Столыпину: «Я нахожу для себя в высшей степени затруднительным отказать в удовлетворении ходатайства Киевского политехнического института. Уже не говоря о том, что обвинение Косинского по 2 ч. 419 ст. улож[ения] о наказ[аниях], насколько мне известно, было прекращено Правительствующим Сенатом, но и все остальные данные – участие в академическом союзе, посещение сходок и т.п., – не такого свойства, чтобы я мог на основании их отказать в утверждении Косинского (курсив мой. – М.Г.), согласно избранию его профессором Киевского политехника. Я не могу упускать из вида, что очень многим профессорам может быть вменено в вину совершение тех же деяний в 1905 и 1906 годах, а между тем они продолжали и продолжают, как и сам Косинский, оставаться на государственной службе» [35. Л. 10–10 об.]. Резолюция П.А. Столыпина, выведенная синим карандашом, гласила: «Я сказал Косинскому, посетившему меня, что, если он в Киеве начнет заниматься политической деятельностью, то я непременно потребую его увольнения» [35. Л. 9]. В.А. Косинский, действительно, в 1909 г. занял должность ординарного профессора кафедры политической экономии Киевского политехнического института. Здесь он служил до революции 1917 г., после которой занялся в большей степени политической и управленческой деятельностью.

Политическая полиция и министерское начальство, фиксируя в бесчисленных донесениях и рапортах «противоправительственные» настроения, не готово было идти на «решительные меры»: даже уличенные в революционных связях ученые, как правило, сохраняли службу. Сказанное не означает, что власти вовсе не удаляли из высшей школы оппозиционно настроенных ее представителей, имели место и такие примеры. По политическим мотивам были уволены профессор

Московского университета М.М. Ковалевский в 1887 г., профессор Томского университета М.А. Рейснер в 1903 г., профессор Казанского университета Н.Н. Фирсов в 1914 г.; политические мотивы просматриваются в увольнении Н.И. Кареева с профессорской должности в Санкт-Петербургском университете в 1899 г. [36], однако назвать правительственную политику в отношении нелояльно настроенных к властям ученых жестко репрессивной нельзя. Известную мягкость и выжидательную тактику полиции можно объяснить, пожалуй, нежеланием будоражить и без того беспокойную интеллектуальную среду и в первую очередь – студенчество, которое с большим трудом (и далеко не всегда) получалось удерживать от участия в политических процессах на противоположной по отношению к власти стороне.

Власть (государство) – предпринимательству

Основным инструментом воздействия государства на предпринимательство было нормотворчество. В условиях бурного экономического роста пореформенной России государство было заинтересовано в развитии частного предпринимательства, поэтому законодательное обеспечение его деятельности стало одним из приоритетов государственной политики. Именно во второй половине XIX в. появляются законы, регулировавшие торговопромышленную деятельность, в основе которых лежал принцип свободы промысла.

Этот подход, наряду с общей направленностью Великих реформ на формирование капиталистических отношений, был одним из базовых факторов, обеспечивших рост числа предпринимателей в Российской империи. По оценкам Г.П. Черникова общее количество предпринимателей в стране к началу XX в. приближалось к 5 млн человек [37. С. 103].

Поощрению предпринимательской деятельности со стороны государства служили предоставление налоговых льгот, патентов и государственных заказов.

Однако отношения промышленников и правительства были далеко не безоблачными. Факторами, исходящими от государства и воспринимаемыми предпринимательской средой негативно, были риски непостоянства и непоследовательности правительства в реализации экономической политики, извечный бюрократизм системы, случаи произвола и налоговое бремя.

Предпринимательство – науке

Главными составными элементами системы отношений «предпринимательство – наука» можно назвать заказы промышленников на экспертизу и исследования, о которых велась речь выше, и благотворительность в отношении науки.

Феномен меценатства русских купцов и промышленников, который начал формироваться во второй половине XVIII в., спустя столетие приобрел вполне устоявшиеся формы и точки приложения усилий. Наука, наряду с просвещением и искусством, стала регулярным объектом благотворительности.

Золотопромышленники А.М. Сибиряков и З.М. Цибульский пожертвовали в разное время на строительство и устройство Томского университета (1878 г.) по 100 тыс. руб. Финансист А.С. Вишняков стал одним из инициаторов создания Московского коммерческого института (1907 г.), на нужды которого регулярно жертвовал крупные суммы. На капиталы, завещанные золотопромышленником генералом А.Л. Шанявским (около 700 тыс. руб.), был открыт Московский городской народный университет его имени (1908 г.).

На средства Морозовых для Московского университета была построена психиатрическая больница на Девичьем поле, а также первое в России лечебное учреждение для пациентов с онкологией (Институт им. Морозовых, ныне Московский научно-исследовательский онкологический институт им. П.А. Герцена).

По подсчетам Г.Н. Ульяновой, среди жертвователей в пользу Московского университета на протяжении XIX – начала XX в. половина принадлежала торгово-промышленной среде [38. С. 392].

Распространенной формой благотворительности во второй половине XIX в. стало учреждение стипендий на процент с капитала. Среди лиц, пожертвовавших капитал на частные стипендии и пособия для студентов Харьковского университета, были представители купеческих и промышленных кругов: Е.П. Абрамова, Р.О. Рубинштейн, А.Р. Рубинштейн, И.А. Рубинштейн, Д.А. Рубинштейн, М.М. Межебовская, В.И. Болотов, К.С. Таманов, В.И. Феолог, А.Д. Люстих, Т.П. Кукса, И.Ф. Мамонтов, И.О. Степанов, А.Г. Коляченкова, Надеждин [39. С. 11, 15–18, 23–24, 31, 37–39, 41–43, 56, 79, 89–90, 93].

Прообразом фонда, финансирующего научные исследования, стало Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений (1909 г.) – общественная организация, основанная в Москве во исполнение завещания купца Х.С. Леденцова, оставившего свыше 1 млн руб. на развитие науки.

Современные исследователи расходятся в оценке мотивации отечественных дореволюционных предпринимателей, систематически занимавшихся благотворительностью, обнаруживая целый спектр побудителей этой деятельности: от религиозного до меркантильного. Но не подлежит сомнению тот факт, что такая деятельность к концу имперского периода обрела устоявшиеся формы и стала значимым фактором в развитии отечественной науки.

Предпринимательство – власти (государству)

Профессиональная деятельность предпринимателей обеспечивала развитие промышленности и торгово-финансовой сферы России. Облагаемая налогами прибыль их предприятий пополняла государственный бюджет.

Со второй половины XIX в. начали возникать институты, посредством которых выстраивались взаимоотношения власти и предпринимательства. К ним можно отнести Всероссийские торгово-промышленные съезды (первый прошел в Санкт-Петербурге в

1870 г.), общества заводчиков и фабрикантов, действовавшие в нескольких городах, позднее – Торгово-промышленный союз Российской империи и др.

Однако по мере роста финансового благосостояния и влияния предпринимательская среда выказывала претензии на представительство во власти, что вступало в конфликт с идеей самодержавия.

Еще до изменения государственного устройства России в ходе революции 1905–1907 гг. купцы были весьма широко представлены в местном самоуправлении. Например в думах сибирских городов на рубеже XIX–XX вв. доля купечества составляла 60–70% от числа гласных [40. С. 43].

В ходе революции сформировался механизм оказания влияния на политические и экономические решения государственной власти через участие в работе представительного органа – парламента.

Если на выборах в первые две Государственные Думы представители торгово-промышленных кругов потерпели относительную неудачу (так, в I Думу предпринимателей смогли провести лишь 16 депутатов, или 3,5% [41. С. 74]), то выборы в III и IV Думы, проходившие по новому избирательному закону, принесли большой успех партии Октябристов, в которой предприниматели играли важную роль [42. С. 18].

При всей лояльности Октябристов правительству Столыпина, позднее, в условиях войны и кануна Февраля, пути партии и властей все больше расходились.

Схематично выше охарактеризованная модель отношений в треугольнике «наука – власть – предпринимательство» может быть представлена следующим образом:

Наука – власть – предпринимательство в России второй половины XIX – начала XX в. «Матрица»

Наука –			
власти (государству)		предпринимательству	
+	–	+	–
– Выполнение «госзаказа».	– Формирование либеральной оппозиции	– Экспертиза.	– Ценностные расхождения
– Подготовка кадров.		– Изобретения.	
– Экспертиза.		– Кадры	
– Кооптирование в чиновничью среду			
Власть (государство) –			
науке		предпринимательству	
+	–	+	–
– Финансирование.	– Идеологический контроль	– Законодательное обеспечение.	– Бюрократия.
– Обеспечение штатных должностей		– Госзаказы	– Налоги
Предпринимательство –			
науке		власти (государству)	
+	–	+	–
– Заказы на исследования.	– Ценностные расхождения	– Развитие промышленности и торгово-финансовой сферы.	– Претензии на представительство во власти
– Меценатство		– Пополнение бюджета	

Заключение

Признавая, что предложенная «матрица», как и любая модель, грешит схематизацией и упрощением сложных процессов и явлений, исходим из того, что апробированный в исследовании подход позволяет комплексно взглянуть на исторический процесс и сфокусировать внимание на связях между элементами системы.

Из трех интересовавших нас акторов второй половины XIX – начала XX в. в настоящей работе акцент был сделан на научном сообществе.

Хотя в России оно начало складываться по европейским меркам поздно – только с XVIII столетия, но за полтора века сумело превратиться в значимого игрока. Модернизация, протекавшая в России второй половины XIX в., заметное восприятием людей одного поколения усиление роли науки в обществе меняли социальную роль академического исследователя и университетского профессора. Из кабинетного или аудиторного ученого-лектора он превращался в эксперта, публициста, общественного деятеля, политика, предпринимателя, играя тем самым все большую роль как в жизни университетского города, так и в жизни всей страны. Активные и амбициозные интеллектуалы все чаще и чаще выходили за стены университета или академии и выступили в новых ипостасях; недаром в начале XX в. русского интеллектуала можно встретить среди издателей, гласных земств, депутатов Государственной Думы и пр.

Схожий бурный рост в пореформенной России демонстрировало и предпринимательство.

При этом властями университет и академия, безусловно, понимались как практически нужные русскому государству, но одновременно источающими и известную опасность (либеральная профессура, бунтующее студенчество). Аналогичное отношение складывалось и к предпринимательству: признание практической пользы его деятельности, но ощущение угрозы в силу претензий предпринимательства на участие в управлении страной.

Важно подчеркнуть, что если у научного сообщества и предпринимателей имелись фундаментальные основания для трений с властями, то в отношении друг друга их фактически не было, за исключением некоторых ценностно-мировоззренческих расхождений. Но

сглаживанию последних могло способствовать формирование социальной ответственности российского предпринимательства, выражавшейся в практиках покровительства наукам и искусствам.

Все это открывало широкие возможности для взаимовыгодного сотрудничества интеллектуалов и предпринимателей, тем более что университеты и академия на рубеже XIX–XX вв. ярко демонстрировали тренд на больший практицизм в своей деятельности.

Возвращаясь к концепции Г. Ицковица, которая послужила отправной точкой этого исследования (напомним ключевую мысль: залог успеха – модель, в которой университеты, индустрия и правительство берут на себя функции друг друга, взаимодействуют поверх институциональных границ), сделаем вывод, что в пореформенной России можно обнаружить зародыши концепта «спирали». Например, предприниматели брали на себя ранее привычные функции государства, начиная финансировать науку, развивая отечественную промышленность; научное сообщество в лице отдельных своих представителей «превращалось в государство», кооптируясь в чиновничий аппарат. В то время как само государство, за отсутствием потребности, в меньшей степени было готово действовать поверх институциональных границ, что превращало «спираль» из «тройной» в «двойную»; при этом государство, разумеется, также выстраивало взаимодействие с двумя другими акторами.

Можно согласиться с выводами Б.В. Ананьича о том, что в конце XIX – начале XX в. создались условия для сотрудничества власти, предпринимательства и науки в деле развития производительных сил страны, но это взаимодействие не было устойчивым и рухнуло после революции 1917 г.

У позднеимперской России был шанс выхода на качественно новый уровень развития через взаимовыгодное партнерство трех игроков, но история пошла по другому пути. Революция и гражданская война сопровождалась эмиграцией или гибелью значительной доли предпринимателей, идейным расколом интеллектуалов, сложным процессом восстановления после политических и социально-экономических потрясений.

Однако история на этом не заканчивается. Поэтому полагаем целесообразным дальнейший поиск особенностей и метаморфоз отношений науки, власти, промышленности в сложной и противоречивой истории России, включая социалистический XX в.

Примечания

¹ Развитие естествознания на рубеже XIX–XX вв. обусловило создание в России таких новых форм научной работы, как исследовательские институты. Организационно они создавались вне Академии наук. В 1890 г. в Петербурге был основан первый в стране научно-исследовательский Институт экспериментальной медицины. Позднее появились Психоневрологический институт (1908), Институт экспериментальной биологии (1917, Москва).

² В России в 1917 г. было более 100 вузов и учебных заведений высшего типа (половина из них – частые и общественные институты, высшие курсы). Государственных вузов насчитывалось 65, включая 12 университетов.

³ Палата мер и весов при Министерстве финансов, Статистический комитет Министерства внутренних дел, Горный ученый комитет, Сельскохозяйственный ученый комитет Министерства государственных имуществ и пр.

⁴ Научные общества при университетах, Русское географическое общество, Русское физико-химическое общество, общества естествоиспытателей и пр.

Список источников

1. Etzkowitz, H. The Triple Helix: University–industry–government innovation in action. New York; London : Routledge, 2008. 176 p.
2. Инновационная практика в Евразийском экономическом союзе: власть, бизнес, наука : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Архангельск, 23–24 марта 2017 года / науч. ред. А.Н. Ежов. Архангельск : Частное образовательное учреждение высшего образования «Институт управления», 2017. Т. 1. 262 с.

3. Никитенко С.М., Гоосен Е.В., Ковригина С.В. и др. Партнёрство бизнеса, власти и науки: состояние и перспективы. Кемерово : Сибирская изд. группа, 2012. 354 с.
4. Ламов П.Ю. Наука, бизнес и власть: взаимное сотрудничество как основа для совершенствования региональной социально-экономической политики // Проблемы стратегии и тактики регионального развития. 2011. Т. 3. С. 265–271.
5. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии: 1890–1933 / пер. с англ. Е. Канищевой, П. Гольдина. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
6. Куликов С.В. Власть науки и наука власти в России начала XX в. // Россия XXI. 2001. № 5. С. 112–137.
7. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – нач. 1920-х гг. : материалы междунар. науч. colloквиума / отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 54–71.
8. Скрыдлов А.Ю. Ученый-статистик и государственная власть в первой половине XIX в.: к биографии К.И. Арсеньева (1789–1865) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11. С. 37–47.
9. Куликов С.В. Н.Н. Покровский: царский бюрократ как «ученый во власти» // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 40–55.
10. Бондарь Л.Д., Жуков Д.В. Материалы академических экспедиций на Урал в XVIII–XIX вв. в контексте изучения производительных сил Российской империи // История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники : материалы науч. конф., Москва, 19–20 октября 2016 г. / сост. Е.В. Минина, редкол.: Ю.М. Батурин, С.С. Илизаров, И.Н. Юркин. М. : Янус-К, 2016. С. 68–72.
11. Игумнов Е.В. Деятельность высшей сибирской администрации по организации изучения Сибири в конце XIX – начале XX века // Ученые записки : электр. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2017. № 4. С. 5–10.
12. Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в.: Очерки истории : в 2 кн. / Е.Ю. Басаргина, Л.Д. Бондарь, Е.Н. Груздева [и др.]. СПб. : Реноме, 2018. 642 с.
13. Груздева Е.Н. Мобилизация Академии наук в годы Первой мировой войны // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории : сб. науч. и учеб.-метод. трудов. СПб. : ЭлекСис, 2016. С. 161–170.
14. Щерба А.Н. Работа образовательных и научных учреждений Санкт-Петербурга (Петрограда) в интересах военного производства в годы Первой мировой войны // Технологос. 2021. № 4. С. 119–129.
15. Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Мобилизация интеллекта и отравляющие газы: к истории науки в Петроградском университете в период I Мировой войны // Клио. 2016. № 8. С. 40–48.
16. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / под общ. ред. Э.И. Колчинского. СПб. : Нестор-История, 2018. 672 с.
17. Бессолицын А.А. Отраслевые съезды как особая форма взаимодействия государства и частного капитала в России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы новой экономики. 2015. № 3. С. 63–69.
18. Марасанова О.В. Промышленная выставка как канал коммуникации власти и предпринимательства в дореволюционной России // Перевод, реклама и PR в современной коммуникации. 2016. № 1. С. 244–250.
19. Бессолицын А.А. Государство и съезды предпринимателей в России (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2020. 326 с.
20. Фандо Р.А. Меценатство как фактор развития интеллектуального потенциала России // Клио. 2018. № 6. С. 87–93.
21. Горбунова Е.Ю. Благотворители и меценаты в истории Московского университета. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. 313 с.
22. Радченко В.А. Благотворительность как средство развития отечественного образования в середине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2015. 22 с.
23. Ананьич Б.В. Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX веков: к истории развития производительных сил // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов : материалы Междунар. науч. colloквиума, Санкт-Петербург, 6–9 июня 2001 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. С. 13–25.
24. Гиндин И.Ф. Менделеев о развитии промышленности в России // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 210–215.
25. Государственный архив Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 332. Д. 121.
26. Кравченко Н.Н. Общая теория войны в построении германского генерального штаба // Проблемы Великой России. 1916. № 8.
27. Кравченко Н.Н. О германском толковании принципа гуманности на войне // Проблемы Великой России. 1916. № 16.
28. Кравченко Н.Н. Налеты немецких цеппелинов и международное право // Право. 1916. № 28.
29. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: Эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А.Н. Шварц, Л.А. Кассо) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 301–311.
30. Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: Правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.) / под. ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 105–204.
31. Ульянова Г.Н. Финансирование университетов в Российской империи в 1860–1914 годах // Всегда оставался верен себе : сб. памяти д-ра ист. наук Станислава Васильевича Тютюкина. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 2021. С. 171–191.
32. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 268. Оп. 1. Д. 543.
33. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 91. Д. 434.
34. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342.
35. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 106. Д. 398.
36. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «Досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 169–178.
37. Черников Г.П. Предприниматель – кто он? : Из опыта российского и зарубежного предпринимательства. М. : Междунар. отношения, 1992. 216 с.
38. Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М. : РОССПЭН, 2004. С. 371–399.
39. Правила стипендий, пособий, премий и прочих капиталов, существующих при Императорском Харьковском университете. Составлены в 1913 году. Харьков, 1913. 136 с.
40. Шиловский М.В. Политическая культура и политическая активность предпринимателей дореволюционной Сибири // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. А.Г. Борзенкова. Вып. 3. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1998. С. 40–47.
41. Агеев С.Е. Промышленники и предприниматели Российской империи на выборах в Государственную думу первого созыва // История парламентаризма в России: к 110-летию начала деятельности Государственной думы : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 апреля 2016 г. / под общ. ред. Л.Г. Орчаковой, О.Г. Малышевой. М. : Моск. городской пед. ун-т, 2018. С. 67–75.
42. Голубев С.А. Российские предприниматели в Государственной думе (1906–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007, 25 с.

References

1. Etzkowitz, H. (2008) *The Triple Helix: University-industry-government innovation in action*. New York; London: Routledge.
2. Ezhov, A.N. (ed.) (2017) *Innovatsionnaya praktika v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze: vlast', biznes, nauka: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* [Innovation Practice in the Eurasian Economic Union: Government, Business, Science: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference: in 2 pts]. Arkhangel'sk. March 23–24, 2017. Vol. 1. Arkhangel'sk: Chastnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Institut upravleniya".
3. Nikitenko, S.M., Goosen, E.V., Kovrigina, S.V. et al. (2012) *Partnerstvo biznesa, vlasti i nauki: sostoyanie i perspektivy* [Partnership of Business, Government and Science: State and Prospects]. Kemerovo: Sibirskaya izd. gruppа.
4. Lamov, P.Yu. (2011) Nauka, biznes i vlast': vzaimnoe sotrudnichestvo kak osnova dlya sovershenstvovaniya regional'noy sotsial'no-ekonomicheskoy politiki [Science, Business and Government: Mutual Cooperation as a Basis for Improving Regional Socio-Economic Policy]. *Problemy strategii i taktiki regional'nogo razvitiya*. 3. pp. 265–271.
5. Ringer, F. (2008) *Zakat nemetskikh mandarinov: akademicheskoe soobshchestvo v Germanii: 1890–1933* [The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933]. Trans. from English by Kanishcheva, E. & Gol'din, P. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Kulikov, S.V. (2001) Vlast' nauki i nauka vlasti v Rossii nachala XX v. [The Power of Science and the Science of Power in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiya XXI*. 5. pp. 112–137.
7. Kulikov, S.V. (2003) Tsarskaya byurokratiya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX v.: zakonomernosti i tipy otnosheniy [Tsarist Bureaucracy and the Scientific Community at the Beginning of the 20th Century: Patterns and Types of Relations]. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nach. 1920-kh gg.: materialy mezhdunar. nauch. kollokviuma* [Power and Science, Scientists and Power: 1880s – Early 1920s: Proceedings of the International Scientific Colloquium]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 54–71.
8. Skrydlov, A.Yu. (2020) Uchenyy-statistik i gosudarstvennaya vlast' v pervoy polovine XIX v.: k biografii K.I. Arsen'eva (1789–1865) [Scholar-Statistician and State Power in the First Half of the 19th Century: Towards a Biography of K.I. Arsenyev (1789–1865)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 11. pp. 37–47.
9. Kulikov, S.V. (2015) N.N. Pokrovskiy: tsarskiy byurokrat kak "uchenyy vo vlasti" [N.N. Pokrovsky: A Tsarist Bureaucrat as a "Scientist in Power"]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 3. pp. 40–55.
10. Bondar', L.D. & Zhukov, D.V. (2016) Materialy akademicheskikh ekspeditsiy na Ural v XVIII–XIX vv. v kontekste izucheniya proizvoditel'nykh sil Rossiyskoy imperii [Materials of Academic Expeditions to the Urals in the 18th–19th Centuries in the Context of Studying the Productive Forces of the Russian Empire]. In: Minina, E.V. (comp.), Baturin, Yu.M., Ilizarov, S.S. & Yurkin, I.N. (eds) *Istoriya nauki: istochniki, pamyatniki, nasledie: vtoroye chteniya po istoriografii i istochnikovedeniyu istorii nauki i tekhniki* [History of Science: Sources, Monuments, Heritage: Second Readings on Historiography and Source Studies of the History of Science and Technology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 19–20 October 2016. Moscow: Yanus-K. pp. 68–72.
11. Igumov, E.V. (2017) Deyatel'nost' vysshey sibirskoy administratsii po organizatsii izucheniya Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka [Activities of the Higher Siberian Administration in Organizing the Study of Siberia in the Late 19th – Early 20th Century]. *Uchenye zapiski: elektr. nauch. zhurn. Kurskogo gos. un-ta*. 4. pp. 5–10.
12. Basargina, E.Yu. et al. (2018) *Aktual'noe proshloe: vzaimodeystvie i balans interesov Akademii nauk i Rossiyskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v.: Ocherki istorii: v 2 kn.* [The Relevant Past: Interaction and Balance of Interests of the Academy of Sciences and the Russian State in the 18th – Early 20th Century: Historical Essays: in 2 bks.]. St. Petersburg: Renome.
13. Gruzdeva, E.N. (2016) Mobilizatsiya Akademii nauk v gody Pervoy mirovoy voyny [Mobilization of the Academy of Sciences during the First World War]. In: *Gertsensovskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy russkoy istorii: sb. nauch. i ucheb.-metod. trudov* [Herzen Readings 2015. Current Issues in Russian History: Collection of Scientific and Educational-Methodological Works]. St. Petersburg: ElekSis. pp. 161–170.
14. Shcherba, A.N. (2021) Rabota obrazovatel'nykh i nauchnykh uchrezhdeniy Sankt-Peterburga (Petrograda) v interesakh voennogo proizvodstva v gody Pervoy mirovoy voyny [The Work of Educational and Scientific Institutions of St. Petersburg (Petrograd) in the Interests of Military Production during the First World War]. *Tekhnologos*. 4. pp. 119–129.
15. Rostovtsev, E.A. & Sidorchuk, I.V. (2016) Mobilizatsiya intellekta i otravlyayushchie gazy: k istorii nauki v Petrogradskom universitete v period I Mirovoy voyny [Mobilization of Intellect and Poison Gases: On the History of Science at Petrograd University during the First World War]. *Klio*. 8. pp. 40–48.
16. Kolchinskiy, E.I. (ed.) (2018) *Mobilizatsiya i reorganizatsiya rossiyskoy nauki i obrazovaniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Mobilization and Reorganization of Russian Science and Education during the First World War]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Bessolitsyn, A.A. (2015) Otrazlevye s"ezdy kak osobaya forma vzaimodeystviya gosudarstva i chastnogo kapitala v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Industry Congresses as a Special Form of Interaction between the State and Private Capital in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Voprosy novoy ekonomiki*. 3. pp. 63–69.
18. Marasanova, O.V. (2016) Promyshlennaya vystavka kak kanal kommunikatsii vlasti i predprinimatel'stva v dorevolutsionnoy Rossii [Industrial Exhibition as a Communication Channel between Government and Entrepreneurship in Pre-Revolutionary Russia]. *Perevod, reklama i PR v sovremennoy kommunikatsii*. 1. pp. 244–250.
19. Bessolitsyn, A.A. (2020) *Gosudarstvo i s"ezdy predprinimateley v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The State and Congresses of Entrepreneurs in Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Moscow: IRH RAS.
20. Fando, R.A. (2018) Metsenatstvo kak faktor razvitiya intellektual'nogo potentsiala Rossii [Patronage as a Factor in the Development of Russia's Intellectual Potential]. *Klio*. 6. pp. 87–93.
21. Gorbunova, E.Yu. (2010) *Blagotvoriteli i metsenaty v istorii Moskovskogo universiteta* [Philanthropists and Patrons in the History of Moscow University]. Moscow: MSU.
22. Radchenko, V.A. (2015) *Blagotvoritel'nost' kak sredstvo razvitiya otechestvennogo obrazovaniya v seredine XIX – nachale XX vv.* [Charity as a Means of Developing National Education in the Mid-19th – Early 20th Centuries]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Vladikavkaz.
23. Anan'ich, B.V. (2003) Vlast', predprinimatel'stvo i nauka v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov: k istorii razvitiya proizvoditel'nykh sil [Government, Entrepreneurship and Science in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: On the History of the Development of Productive Forces]. In: Smirnov, N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov* [Power and Science, Scientists and Power: 1880s – Early 1920s]. Proceedings of the International Scientific Colloquium. St. Petersburg. June 6, 2001. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 13–25.
24. Gindin, I.F. (1976) Mendeleev o razvitiy promyshlennosti v Rossii [Mendeleev on the Development of Industry in Russia]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 210–215.
25. State Archive of Kyiv (GAK). Fund 16. List 332. File 121.
26. Kravchenko, N.N. (1916) Obshchaya teoriya voyny v postroenii germanskogo general'nogo shtaba [General Theory of War in the Construction of the German General Staff]. *Problemy Velikoy Rossii*. 8.
27. Kravchenko, N.N. (1916) O germanskom tolkovanii printsipa gumannosti na voyne [On the German Interpretation of the Principle of Humanity in War]. *Problemy Velikoy Rossii*. 16.
28. Kravchenko, N.N. (1916) Nalety nemetskikh tsyppelinov i mezhdunarodnoe pravo [Raids of German Zeppelins and International Law]. *Pravo*. 28.

29. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2015) Universitety Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: Eksperiment s "chinovnikami ot prosveshcheniya" (A.N. Shvarts, L.A. Kasso) [Russian Universities at the Turn of the 19th–20th Centuries: Experiment with "Officials from Education" (A.N. Shvarts, L.A. Kasso)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 3. pp. 301–311.
30. Dmitriev, A.N. (2009) Po tu storonu "universitetskogo voprosa": Pravitel'stvennaya politika i sotsial'naya zhizn' rossiyskoy vysshey shkoly (1900–1917 gody) [On the Other Side of the "University Question": Government Policy and Social Life of Russian Higher Education (1900–1917)]. In: Maurer, T. & Dmitriev, A. (eds) *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX v.)* [University and the city in Russia (early 20th century)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 105–204.
31. Ul'yanova, G.N. (2021) Finansirovanie universitetov v Rossiyskoy imperii v 1860–1914 godakh [Financing of Universities in the Russian Empire in 1860–1914]. In: *Vsegda ostavalsya veren sebe: sb. pamyati d-ra ist. nauk Stanislava Vasil'yevicha Tyutyukina* [Always remained true to himself: a collection in memory of Doctor of Historical Sciences Stanislav Vasilyevich Tyutyukin]. Moscow: IRH RAS. pp. 171–191.
32. Central State Historical Archives of Ukraine (TsGIAU). Fund 268. List 1. File 543.
33. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 91. File 434.
34. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 63. List 47. File 342.
35. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 106. File 398.
36. Myagkov, G.P. & Filimonov, V.A. (2010) N.I. Kareev v 1899–1906 gody: "Dosugovyy diskurs" istorika [N.I. Kareev in 1899–1906: The "Leisure Discourse" of a Historian]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki*. 152 (3), pt. 1. pp. 169–178.
37. Chernikov, G.P. (1992) *Predprinimatel' – kto on?: Iz opyta rossiyskogo i zarubezhnogo predprinimatel'stva* [The Entrepreneur – Who Is He?: From the Experience of Russian and Foreign Entrepreneurship]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
38. Ul'yanova, G.N. (2004) Blagotvoritel'nye pozhertvovaniya Moskovskomu universitetu (XIX – nachalo XX v.) [Charitable Donations to Moscow University (19th – Early 20th Century)]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2004* [Economic History. Yearbook. 2004]. Moscow: ROSSPEN. pp. 371–399.
39. Imperial Kharkov University. (1913) *Pravila stipendiy, posobiy, premiy i prochikh kapitalov, sushchestvuyushchikh pri Imperatorskom Khar'kovskom universitete. Sostavleny v 1913 godu* [Rules for Scholarships, Allowances, Prizes and Other Funds Existing at the Imperial Kharkov University. Compiled in 1913]. Kharkov.
40. Shilovskiy, M.V. (1998) Politicheskaya kul'tura i politicheskaya aktivnost' predprinimateley dorevol'yutsionnoy Sibiri [Political Culture and Political Activity of Entrepreneurs in Pre-Revolutionary Siberia]. In: Borzenkov, A.G. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri. XX vek: mezhdvuz. sb. nauch. trudov* [Socio-political life of Siberia. 20th century: inter-university collection of scientific papers]. Vol. 3. Novosibirsk: NSU. pp. 40–47.
41. Ageev, S.E. (2018) Promyshlenniki i predprinimateli Rossiyskoy imperii na vyborah v Gosudarstvennuyu dumu pervogo sozyva [Industrialists and Entrepreneurs of the Russian Empire in the Elections to the First State Duma]. In: Orchakova, L.G. & Malysheva, O.G. (eds) *Istoriya parlamentarizma v Rossii: k 110-letiyu nachala deyatel'nosti Gosudarstvennoy dumy: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Moskva, 26–27 aprelya 2016 g.* [History of parliamentarism in Russia: on the 110th anniversary of the State Duma: collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference, Moscow, April 26–27, 2016.]. Moscow: MCU. pp. 67–75.
42. Golubev, S.A. (2007) *Rossiyskie predprinimateli v Gosudarstvennoy dume (1906–1917 gg.)* [Russian Entrepreneurs in the State Duma (1906–1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Грибовский М.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mgrib@mail2000.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Gribovskiy, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mgrib@mail2000.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.07.2025;
одобрена после рецензирования 13.08.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 03.07.2025;
approved after reviewing 13.08.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/520/15

Кадровые ресурсы ЗАТО Железногорск: источники и механизмы формирования (вторая половина XX в. – начало XXI в.)

Альбина Андреевна Глущенко¹, Никита Андреевич Глущенко²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ albina.glushchenko@mail.tsu.ru

² nglushchenko@mail.tsu.ru

Аннотация. Анализируются основные тенденции, проблемы и особенности формирования кадрового потенциала атомного, ракетно-космического и строительных предприятий ЗАТО Железногорск с 1950-х гг. до настоящего времени. Рассмотрены вопросы взаимодействия предприятий при подготовке профессиональных кадров, а также влияние их потребностей в кадровых ресурсах на развитие системы образования города и региона. Отдельное внимание уделяется адаптации кадровой политики предприятий к изменившейся ситуации после распада Советского Союза.

Ключевые слова: советский атомный проект, закрытый город, ЗАТО, кадровые ресурсы, строители, производство спутников

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Глущенко А.А., Глущенко Н.А. Кадровые ресурсы ЗАТО Железногорск: источники и механизмы формирования (вторая половина XX в. – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 143–151. doi: 10.17223/15617793/520/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/15

Human resources of the closed city of Zheleznogorsk: Sources and mechanisms of formation (second half of the 20th – early 21st century)

Albina A. Glushchenko¹, Nikita A. Glushchenko²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ albina.glushchenko@mail.tsu.ru

² nglushchenko@mail.tsu.ru

Abstract. The article analyzes the main trends, problems, and features of personnel development at the nuclear, satellite, and construction enterprises of Zheleznogorsk from the 1950s to the present. The main sources for the research were materials from city and corporate periodicals, the municipal archive of Zheleznogorsk, and local and journalistic literature on the history of the city and its enterprises. Zheleznogorsk stands out among other closed cities for several reasons. First, the need for underground construction at the Mining and Chemical Combine required the involvement of a wider range of specialists – not only nuclear scientists, engineers, surveyors, architects, and designers, but also miners, blasters, and metro builders. Second, a second city-forming enterprise was established in the city, related not to the nuclear industry but to the space industry. As a result, three major sectors emerged in the city, each requiring a large number of specialists from different professions: nuclear, satellite manufacturing, and installation and construction. The article discusses the issues of interaction between enterprises in the training of professional personnel, as well as the impact of their human resource needs on the development of the education system in the city and the region. Special attention is paid to the adaptation of enterprise personnel policies to the changed situation after the collapse of the Soviet Union. It is noted that the main method of recruiting personnel for enterprises in closed cities founded as part of a large-scale nuclear project was group recruitment, whereby entire graduating classes from institutions of higher and secondary professional education were sent to newly opened enterprises. The nuclear project enterprises were also characterized by a policy of personnel rotation within the industry, which allowed, on the one hand, to maintain the secrecy of the project, and on the other, to maintain a high level of qualification among employees. The creation of a system of specialized universities and faculties in major cities of the country, their branches, as well as secondary professional institutions in closed cities, provided training for professionals at local enterprises. Moreover, enterprises were actively involved in the educational process: they helped educational institutions acquire necessary equipment, accepted students for internships, and their employees themselves engaged in scientific and educational activities, opened basic departments, and so on. This made it possible to influence the quality of students' training and to have

confidence in the knowledge and skills they acquired. As a result, a qualified workforce was formed that met the specific requirements of closed cities, which made it possible to successfully address the tasks of ensuring national security and developing high-tech sectors of the economy.

Keywords: Soviet nuclear project, closed city, ZATO, human resources, personnel, constructors, satellite production

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Glushchenko, A.A. & Glushchenko, N.A. (2025) Human resources of the closed city of Zheleznogorsk: Sources and mechanisms of formation (second half of the 20th – early 21st century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp.143–151. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/15

Постановка проблемы

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации предполагает «формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства» [1], что невозможно осуществить без качественной подготовки кадров. С целью обеспечения технологического суверенитета в России запущен целый ряд национальных проектов, среди которых можно выделить «Развитие многоспутниковой орбитальной группировки», «Новые атомные и энергетические технологии». В их реализации принимают участие предприятия закрытого г. Железногорска (Красноярский край) – Горно-химический комбинат и Информационные спутниковые системы имени академика М.Ф. Решетнёва, чье создание пришлось на период послевоенного научно-технологического развития страны в условиях ограниченных ресурсов. Поэтому представляется важным рассмотреть исторический опыт формирования кадрового потенциала для таких высокотехнологичных проектов, как советский атомный проект и ракетно-космическая отрасль.

Одним из проявлений начавшейся в конце 1940-х гг. холодной войны и гонки вооружений с Соединенными Штатами Америки стало формирование ядерно-оружейного комплекса СССР, важной частью которого являлись «закрытые» города. В них располагались научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, комбинаты по производству ядерного топлива, опытные заводы, крупные монтажные и строительные организации. Одним из десяти закрытых городов (с 1992 г. [2] – ЗАТО – закрытые административно-территориальные образования) является г. Железногорск (Красноярск-26, Красноярский край), история которого и находится в фокусе исследования. Железногорск был основан в 1950 г. для строительства комбината № 815 (Горно-химический комбинат, ГХК), который наряду с двумя другими предприятиями (Производственное объединение «Маяк» в Челябинске-40 / Озерске и Сибирский химический комбинат в Томске-7 / Северске) занимался производством оружейного плутония в Советском Союзе [3]. Особенное расположение ГХК – «в скальных породах с заглублением не менее 200–230 м» [3. С. 194] – потребовало привлечения более широкого круга специалистов, чем при строительстве других закрытых атомных городов: не только ученых-ядерщиков, инженеров, геодезистов, архитекторов-проектировщиков, но и горнорабочих, взрывате-

лей, метростроевцев. Еще одной особенностью, выделяющей Железногорск среди других ЗАТО, стало размещение в нем второго крупного градообразующего предприятия, но относящегося не к атомной, а к космической промышленности, – Научно-производственного объединения прикладной механики (в настоящее время АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва (АО «РЕШЕТНЁВ»)). Таким образом, в городе сформировалось три крупных направления, каждое из которых нуждалось в большом количестве специалистов разных профессий: атомное, производство спутников, монтажно-строительное. На вопросах формирования и развития кадрового потенциала предприятий Железногорска с момента его основания до наших дней и сосредоточена данная статья.

Проблеме формирования кадрового состава отечественной ядерной индустрии посвящено большое количество научных работ. Исследователи рассматривают широкий спектр вопросов, начиная от общего анализа кадрового обеспечения советского атомного проекта [4–8] и заканчивая биографиями основных руководителей проекта и атомных предприятий [9–11]¹. Отдельное внимание уделяется изучению истории закрытых городов, в том числе демографических процессов формирования населения [12, 13]. Продолжением такого рода исследований стали работы, рассматривающие вопросы формирования особой «атомной» идентичности в закрытых городах [14–17]. Также стоит выделить научные и публицистические (чаще всего подготовленные к юбилейным датам) тексты, посвященные истории конкретных предприятий закрытых городов, в которых обязательно затрагиваются вопросы кадрового обеспечения [18]. При этом исследования в основном сосредоточены на подготовке «атомных» кадров (ядерных физиков, радиохимиков, инженеров) в первые годы становления отечественной атомной промышленности (1940–1950-е гг.). Эти замечания относятся и к работам по истории Железногорска. Г.А. Реут, специалист по истории закрытых городов Сибири, и в первую очередь Железногорска, изучал советский период становления и развития города: его социально-бытовой инфраструктуры, использование труда заключенных и военных строителей, процессы формирования постоянного населения [19, 20]. Он также рассматривает основные этапы развития градообразующих предприятий, поскольку они неотделимы от истории развития города, но при этом не затрагивает вопросы их кадрового

обеспечения. Отдельные сюжеты формирования кадрового состава можно найти в публицистических, историко-краеведческих текстах, посвященных конкретным предприятиям города [21–24]. Таким образом, вопросы кадрового обеспечения предприятий закрытых городов, в частности Железногорска, освещены фрагментарно и требуют дополнительного исследования.

Целью данной статьи является определение основных тенденций, проблем и особенностей формирования кадрового потенциала предприятий ЗАТО Железногорск с 1950-х гг. до настоящего времени. Для этого предполагается рассмотреть, с какими сложностями сталкивались предприятия, как они взаимодействовали между собой в вопросах подготовки кадров, как их запросы влияли на формирование системы образования города и региона. Отдельное внимание уделяется адаптации кадровой политики предприятий к изменившейся ситуации после распада Советского Союза. Стоит сразу отметить, что доступ к архивам градообразующих предприятий (и особенно к делам отдела кадров) крайне затруднен², поэтому основными источниками для исследования послужили материалы городских и корпоративных периодических изданий, муниципального архива г. Железногорска, краеведческая и публицистическая литература по истории города и предприятий.

Кадровое обеспечение атомного проекта

Для предприятий советского атомного проекта была характерна «внутренняя ротация кадров», когда сотрудников одного предприятия в индивидуальном порядке или в составе группы переводили на другое предприятие [4. С. 84]. Так, генерал М.М. Царевский сначала возглавлял строительство ПО «Маяк» в Челябинске-40, затем – строительство ГХК в Красноярске-26, после этого руководил стройками в Томске-7, Дубне, Протвино [26]. Для обеспечения своевременной подготовки руководящих инженерно-технических кадров для комбинатов № 815 [ГХК] и 816 [СХК] Постановлением Совета Министров СССР № 768-382сс/оп от 10 марта 1951 г. было предписано «иметь в штатах комбинатов № 813 [Уральский электрохимический комбинат г. Свердловск-44 (Новоуральск)] и 817 [ПО «Маяк» г. Челябинск-40 (Озерск)] дополнительные должности заместителей основных руководящих работников (дублеров)» [27]. Например, в июне 1954 г. начальником реакторного завода ГХК был назначен В.П. Муравьев, до этого возглавлявший реакторный завод на «Маяке» [21. С. 112]. Кроме инженеров-атомщиков в первые годы строительства ГХК и города из Челябинска-40 приехало много специалистов и других направлений: геологи, строители, работники торговли и снабжения, гужевой транспорт, связисты [22. С. 152; 28. С. 53]. К моменту пуска первого реактора АД (1958 г.) было приглашено более 400 специалистов с комбината № 817 [21. С. 105].

Следует отметить, что железнгорский Горно-химический комбинат не только принимал к себе специалистов со всей страны, но и сам стал «кузницей кад-

ров» для советской (и российской) атомной энергетики. Сотрудники комбината уезжали работать на Ленинградскую, Игналинскую, Калининскую АЭС, в Обнинск, Северск, Зеленогорск и другие атомные города [21. С. 116; 29]. Показательны в этом отношении карьерные траектории директоров и других ведущих сотрудников Горно-химического комбината: С.И. Зайцев (директор ГХК в 1960–1965 гг.) после работы в Железногорске был переведен в Северск директором Сибирского химического комбината; А.Г. Мешков (директор ГХК в 1965–1970 гг.) длительное время работал первым заместителем министра среднего машиностроения; Н.Ф. Луконин (директор реакторного завода ГХК в 1970–1976 гг.) был директором Ленинградской и Игналинской АЭС, затем возглавлял Министерство атомной энергетики СССР; Е.И. Микерин (директор ГХК в 1970–1979 гг.) и С.В. Малышев (руководитель технического отдела ГХК) руководили Четвертым главным управлением Министерства среднего машиностроения; А.И. Хромченко (инженер реакторного завода ГХК) работал директором Игналинской АЭС после Н.Ф. Лукониной; Н.Н. Егоров (руководитель технического отдела ГХК) и В.А. Лебедев (директор ГХК в 1989–1999 гг.) – заместителями министра атомной промышленности РФ [21. С. 116].

Пример Горно-химического комбината демонстрирует общий для атомного проекта подход на «закрепление» кадров внутри проекта, но с возможностью ротировать кадры, переводя их на аналогичные должности или с повышением на другие предприятия отрасли. Это позволяло, с одной стороны, сохранять секретность проекта, с другой – поддерживать высокий уровень квалификации его работников. Сроки пребывания на руководящих должностях тоже можно считать типичными для советского атомного проекта: в период начала строительства и ввода в эксплуатацию предприятий (1950–1960-е гг.) директора, главные инженеры, руководители отделов занимали свои должности в среднем 3–5 лет (с последующим повышением или переводом на ту же позицию на другой «участок»). После того, как предприятие выходило на проектную мощность и начинало работать в более стабильном режиме, сроки увеличивались в среднем до 10–12 лет.

Создание и развитие «секретных» атомных городов СССР потребовало привлечения колоссального числа работников различных специальностей: от высококлассных ученых-академиков до вчерашних школьников-разнорабочих. Атомные города становились «точками притяжения» специалистов со всех уголков страны: привлекали как выпускников вузов и средне-специальных заведений, так и работников уже действующих предприятий. На первом этапе (1940–1950-е гг.) обеспечение научными и инженерными кадрами «легло на плечи» столичных университетов – Московского государственного университета, Московского энергетического института, Ленинградского государственного университета, Киевского государственного университета и др. (всего было выделено 19 университетов для подготовки кадров для Первого глав-

ного управления) [4. С. 186–187]. Постепенно, с развитием и увеличением объемов строительства закрытых городов и атомных предприятий на Урале и в Сибири, в региональных вузах стали появляться кафедры и факультеты, которые готовили специалистов для атомной промышленности (например, физико-технический факультет, открытый в Томском политехническом институте в 1950 г., стал альма-матер для будущих работников Сибирского химического комбината, Горно-химического комбината и Электрохимического завода в Зеленогорске) [4. С. 199], а в самих закрытых городах – филиалы центральных или региональных вузов. Наиболее крупной и устойчивой стала сеть филиалов Московского инженерно-физического института (МИФИ), особенно в уральских закрытых городах: открытые еще в начале 1950-х гг. филиалы в Челябинске-40 (Озерске), Свердловске-44 (Новоуральске), Свердловске-45 (Лесном), Златоусте-36 (Трехгорном), Челябинске-70 (Снежинске) действуют до сих пор [6. С. 106; 30]. В Железногорске первоначально в 1957 г. были открыты вечерние курсы бригадиров и мастеров на базе филиала Новосибирского строительного техникума. В 1960 г. курсы были реорганизованы в Красноярский вечерний техникум, в 1977 г. он стал Красноярским промышленным техникумом, а в 1993 г. был переименован в колледж [28. С. 323–324]. В 2009 г. на базе Красноярского промышленного колледжа в Железногорске был создан филиал МИФИ, закрытый, однако, уже в 2017 г. после реорганизации системы филиалов и переподчинения их субъектам Федерации [31].

Тесные связи сложились у Горно-химического комбината с Томским политехническим институтом с момента открытия там физико-технического факультета в 1950 г. Одним из первых выпускников ФТФ ТПИ, по распределению отправившимся развивать атомную отрасль в Железногорске, стал приехавший в 1953 г. Павел Васильевич Морозов – будущий директор гидрометаллургического завода ГХК, заместитель главного инженера ГХК, почетный гражданин Железногорска [32]. Позднее, когда в начале 1980-х гг. увеличилось количество специалистов, уезжавших на атомные электростанции в европейскую часть страны [21. С. 106], руководство комбината усилило взаимодействие с ТПИ. Кадровая служба ГХК отбирала студентов для прохождения производственной и преддипломной практики, и после защиты диплома они возвращались работать на комбинат. Аналогичная работа по подготовке и рекрутингу будущих кадров продолжалась и в 1990–2000-е гг., она была направлена на выпускников не только вузов, но и среднеспециальных заведений. Так, в 2017 г. пресс-служба комбината писала, что «ежегодно на предприятии более 200 студентов техникумов и вузов проходят производственную и преддипломную практики» [33].

ГХК также обеспечивает обучение по целевому набору на программы бакалавриата и специалитета по приоритетным для комбината направлениям подготовки. В 2025 г. было выделено 14 мест на обучение в Сибирском государственном университете науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, Сибирском

федеральном университете, Томском политехническом университете [34]. Проводится активная профориентационная работа, при поддержке комбината в школах города открываются инженерные классы [35, 36], а в техникуме – учебная мастерская «ЭлектроАтом» [37].

Кадры для строительной индустрии

Поскольку ГХК был запроектирован для строительства под землей, в скале, это потребовало большого объема горнопроходческих работ, для осуществления и контроля которых были привлечены специалисты московского метростроя [38]. Организованный при Горном управлении филиал московского Метрогипротранса занимался разработкой проекта и руководством горнопроходческих работ, а сами работы осуществляли заключенные и военные строители. Только в июне-июле 1950 г. на строительство «в распоряжение М.М. Царевского» (руководителя строительства Горно-химического комбината) были направлены сроком на два года 20 горных инженеров, 30 техников-бригадиров и 100 квалифицированных горных рабочих [22. С. 6]. После завершения основных горных работ группы горняков были переведены на другие стройки СССР: на строительство Харьковского метрополитена, реконструкцию тоннелей трассы Абакан – Тайшет, выполнение заказов Министерства обороны (например, строительство вертикальных шахт для стратегических ракет в Ужуре) и др. [28. С. 83–84].

Проектированием города занимались специалисты Ленгипростроя (Государственный союзный проектный институт № 11 / ГСПИ-11, в настоящее время – Головной институт «ВНИПИЭТ»), которые сначала приезжали «десантами» на место будущей и начавшейся стройки, но довольно быстро организовали специальное отделение на месте [39]. В августе 1952 г. была создана постоянная бригада проектировщиков под руководством П.И. Фетисова, а в августе 1956 г. укрупнившаяся бригада ленинградских проектировщиков была преобразована в Красноярский филиал № 1 Ленгипростроя [28. С. 28]. Создание постоянных проектных бюро в закрытых городах позволило архитекторам более гибко подходить к планированию, корректируя проекты в зависимости от условий местности. С 1968 по 1991 г. в Красноярском промышленном техникуме велась подготовка техников-архитекторов, всего за это время было выпущено 356 специалистов [40].

В первые годы строительства Железногорска ощущалась нехватка специалистов рабочих профессий: заключенные и военные строители, которых массово привлекали на стройки, часто не имели даже общего школьного образования. Поэтому практически сразу, в мае 1951 г., был создан учебный комбинат строительства для подготовки кадров рабочих специальностей. И уже за год было подготовлено, в частности, водителей – 784, плотников – 545, проходчиков (горняков) – 713, маляров – 101 и т.д. [22. С. 21–22]. В 1950-е гг. появилось профтехучилище, где молодые работники могли обучаться без отрыва от производства (что было особенно актуально для приехавших по массовому

набору 1956 г. комсомольцев). В июле 1957 г. была открыта строительная школа № 9, в которой начато обучение по следующим специальностям: плотник, каменщик, штукатур, маляр, монтажник по сборке железобетонных конструкций, слесарь-сантехник, станочник по дереву, электромонтер по осветительным сетям. В следующие годы школа перешла к подготовке рабочих по специальностям, связанным с эксплуатацией машин и механизмов, и рабочих – специалистов по металлу. С 1 сентября 1962 г. строительное училище № 9 переименовано в городское профессионально-техническое училище № 10 (ГПТУ-10) (в разные годы называлось СГПТУ-10, профессиональный лицей № 10, с 2015 г. – Техникум инновационных промышленных технологий и сервиса [41]), а в 1963 г. за ним закрепляют базовое предприятие – Горно-химический комбинат [28. С. 320]. Это позволило не только развивать и поддерживать учебно-производственную инфраструктуру училища, но и обеспечивало комбинат необходимыми квалифицированными кадрами. С середины 1970-х ГПТУ-10 ведет подготовку рабочих по следующим профессиям: токари, слесари по ремонту КИПиА, электросварщики, аппаратчики химического производства, электромонтеры, слесари по ремонту промышленного оборудования. С 1988 г., когда в состав СГПТУ-10 вошло СГПТУ-18, в училище стали готовить поваров-кондитеров, продавцов широкого профиля, монтажников радиоэлектронной аппаратуры и приборов.

В разные годы в Железногорске действовали несколько профтехучилищ, готовивших работников строительных специальностей для Управления строительства «Сибхимстрой» (основное предприятие, строившее Красноярск-26, а также многие другие предприятия и здания Красноярского края и Сибири) [22]. В 1968 г. было создано городское профессионально-техническое училище № 47, в котором готовили машинистов башенных и автомобильных кранов, бульдозеров, экскаваторов, штукатуров-маляров, электрогазосварщиков, электромонтажников, станочников по деревообработке, слесарей по ремонту автомобилей [22. С. 147]. Большинство выпускников ГПТУ-47 устраивались на работу в УС «Сибхимстрой», что помогало закрывать кадровые потребности предприятия. В 2015 г. ГПТУ-47 было присоединено к профессиональному училищу № 10, которое в результате реорганизации получило название «Техникум инновационных промышленных технологий и сервиса». Еще одно училище – СГПТУ-34, готовившее токарей, маляров, арматурщиков, слесарей, облицовщиков, монтажников, операторов ЧПУ, просуществовало с 1982 по 1997 г.

В начале 1990-х гг. в связи с общим ухудшением экономической обстановки, резким сокращением заказов на строительство в Сибхимстрое снизилась и потребность в таком количестве специалистов рабочих профессий. Было решено закрыть СГПТУ-34, а учащихся и персонал перевели в училища № 47 и № 10 [28. С. 323]. На данный момент в Железногорске продолжает работать только одно среднеспециальное заведение – Техникум инновационных промышленных технологий и сервиса. Он по-прежнему сотрудничает с

ГХК, АО «РЕШЕТНЁВ» и другими предприятиями города, обеспечивая их квалифицированными кадрами рабочих профессий.

Формирование кадрового потенциала ракетно-космической отрасли

В 1959 г. в Железногорске был организован восточный филиал ОКБ-1 С.П. Королева, который должен был заниматься проектированием и производством на площадке Красмашзавода баллистических ракет. Под филиал ОКБ-1, который возглавил М.Ф. Решетнёв – заместитель С.П. Королева, отдали помещения в горе, первоначально запроектированные под завод «М» (металлургия плутония и урана). На этой площадке начинает работу цех 030 по производству гироскопов [21. С. 97–98; 42]. Так, в Железногорске появилось второе крупное градообразующее предприятие – ныне АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва (АО «РЕШЕТНЁВ») [43]. Первые сотрудники были переведены вместе с Михаилом Федоровичем Решетнёвым из Москвы. Основными источниками пополнения кадров служили крупные авиационные институты – Московский и Казанский авиационные, Ленинградский механический институт и др. Параллельно с организацией восточного филиала ОКБ-1 и реконструкцией Красмашзавода под производство баллистических ракет в 1960 г. был открыт Красноярский завод-вуз (филиал Красноярского политехнического института, в дальнейшем – Сибирская аэрокосмическая академия, Сибирский государственный аэрокосмический университет; в настоящее время – Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва, СибГУ), который должен был готовить специалистов для ракетно-космической промышленности [44]. С тех пор АО «РЕШЕТНЁВ» активно сотрудничает с вузами и академическими институтами Красноярска. Сам Михаил Федорович Решетнёв и многие его заместители и ведущие специалисты предприятия читали специализированные курсы лекций, возглавляли профильные кафедры, вели собственные научные исследования. М.Ф. Решетнёв преподавал курсы «Введение в космическую технику», «Основы проектирования летательных аппаратов», а в 1989 г. организовал и возглавил в НПО ПМ базовую кафедру космических аппаратов [24. С. 110–112]. Альберт Гаврилович Козлов (директор предприятия с 1996 по 2006 г.) возглавлял кафедру электронной техники и телекоммуникаций СибГУ [45]. Тесная связь с академическими институтами и вузами, по словам бывшего генерального директора и генерального конструктора АО «РЕШЕТНЁВ», академика Н.А. Тестоедова, дала предприятию «математику для спутников, материалы для фотопреобразователей и еще много чего, включая просто повышение квалификации, обучение сотрудников, привлечение кадров» [46].

В 1992 г. АО «РЕШЕТНЁВ» стал соучредителем Сибирской аэрокосмической академии, где силами ученых предприятия создаются две базовые кафедры и пять филиалов. А в самом Железногорске по инициативе предприятия открывают филиал математического

факультета Красноярского государственного университета [28. С. 166]. В разные годы, начиная с 1970-х гг., на АО «РЕШЕТНЁВ» были открыты филиалы кафедр СибГУ (например, кафедры «Космические аппараты», «Системы автоматического управления»), которые возглавляли сотрудники предприятия – доктора и кандидаты технических наук [28. С. 341]. Это позволяло обеспечить студентам необходимую практическую базу, освоение требуемых для конкретной профессии навыков, что помогало им в дальнейшем трудоустройстве на предприятии. Начиная с 2003 г. на предприятии реализуется программа целевой подготовки как в организациях высшего, так и среднего профессионального образования [47].

В 2025 г. в Железногорске при поддержке ГХК и АО «РЕШЕТНЁВ» был открыт Образовательный научно-технический центр ядерных и космических технологий (ОНТЦ) [48]. Он будет реализовывать сетевые программы с ведущими университетами страны – Сибирским государственным университетом науки и технологий, Сибирским федеральным университетом, Московским авиационным институтом, Государственным университетом аэрокосмического приборостроения, Томским политехническим университетом, Томским университетом систем управления и радиоэлектроники, обеспечивая практико-ориентированную подготовку студентов, а также дополнительную профориентацию школьников [49].

Результаты исследования

Предпринятое исследование позволило установить, что основным способом комплектования кадров для

предприятий закрытых городов, основанных в рамках реализации масштабного атомного проекта, был групповой набор, когда на открывавшиеся предприятия направляли целые выпуски учреждений высшего и среднего специального образования [5. С. 122]. На работу привлекали выпускников «атомных» специальностей (инженеров, химиков, физиков), строителей, архитекторов, геодезистов, а в случае с Железногорском – еще и специалистов ракетно-космической отрасли. При этом кадровые заявки «атомного» министерства удовлетворялись в первую очередь, «преимущественно перед другими ведомствами» и часто в ущерб другим предприятиям и отраслям [4. С. 54]. Это позволяло отбирать для закрытых городов наиболее квалифицированных и мотивированных специалистов.

Создание системы профильных вузов и факультетов в крупных городах страны, их филиалов, а также среднеспециальных заведений в самих закрытых городах обеспечивало подготовку профессионалов для местных учреждений. Причем предприятия были активно включены в образовательный процесс: они помогали учебным заведениям в приобретении необходимого оборудования, принимали студентов на практику, их сотрудники сами занимались научной и образовательной деятельностью, открывали базовые кафедры и т.д. Это позволяло влиять на качество подготовки студентов, быть уверенными в получаемых ими знаниях и навыках. В результате формировалась квалифицированная рабочая сила, соответствующая специфическим требованиям закрытых городов, что позволяло успешно решать задачи по обеспечению национальной безопасности и развитию высокотехнологичных отраслей экономики.

Примечания

¹ См. большое собрание публикаций по истории советской и российской атомной индустрии в Электронной библиотеке Росатома. URL: <https://elib.biblioatom.ru/books/>

² К архиву ГХК (официальное название – группа фондов научно-технической документации) доступ затруднен не только административно, но и физически – он находится «в шахте», в подгорной части комбината (см. [25]).

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации, ст. 0001202402280003. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=606500763&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Закон РФ от 14.07.92 № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/ (дата обращения: 14.09.2025).
3. Постановление СМ СССР № 826-302сс/оп «О комбинате № 815». 26 февраля 1950 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы. 2005. Т. 2, кн. 5. С. 194–197. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t2_kn5_2005/0055/ (дата обращения: 14.09.2025).
4. Мельникова Н.В. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М. : РОССПЭН, 2022. 390 с.
5. Артемов Е.Т. Кадровые мобилизации в «социалистической системе хозяйствования»: случай атомного проекта // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 1 (37). С. 120–126.
6. Толстиков В.С. Подготовка кадров для атомной отрасли СССР (1944–1955 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 104–108.
7. Кузнецов В.Н. Государственная политика отбора кадров и особенности формирования трудовых коллективов предприятий атомной отрасли на Урале // «Уральцы бьются здорово...»: Вклад Урала в военную мощь России. 13-е Уральские военно-исторические чтения : сб. науч. ст. Екатеринбург : Сократ, 2022. С. 100–108. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/kuznetsov_gosudarstvennaya-politika-otbora-kadrov_2022/ (дата обращения: 14.09.2025).
8. Дронишинец Н.П., Зиновьев Г.С. Подготовка кадров и создание системы образования в атомных закрытых городах России // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования : XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 2015. С. 933–942.
9. Мельникова Н.В. Руководители советского атомного проекта: коллективный портрет // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 137–144.
10. Ключева В.П., Мельникова Н.В. «Как я физиком стал, так грустить перестал»: Специфика подготовки кадров для советской атомной отрасли в воспоминаниях современников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 202–211. doi: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-17
11. Кузнецова Р.В. Курчатов. 2-е изд-е, испр. М. : Молодая гвардия, 2017. 431 с. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/kuznetsova_kurchatov_2017/p0/ (дата обращения: 14.09.2025).

12. Кузнецов В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Ч. 1. Советский период. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2015. 437 с.
13. История Северска: очерки : научно-популярное издание. Северск, 2009. 380 с.
14. Мельникова Н.В. «Атомная» идентичность жителей закрытых атомных городов России // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3(84). С. 15–19.
15. Мельникова Н.В. Закрытый атомный город как субкультура // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 54–61.
16. Лямзин А.В. Повседневная жизнь в закрытых городах: особенности восприятия // Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / под ред. Е.Б. Михайленко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 368–393.
17. Orlova G. Sekretnaia laboratornaia zhizh' v SSSR // Cahiers du monde russe. 2019. № 60/2-3. Р. 461–492. doi: <https://doi.org/10.4000/monderusse.11264>
18. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «Сороковки». Екатеринбург, 1995. 448 с.
19. Реут Г.А. Формирование постоянного населения Железнодорожска (Красноярск-26) в 1950–1965-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2015. № 2 (2). С. 163–167.
20. Реут Г.А. Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2014. 600 с.
21. Скала. Книга, посвященная 60-летию ФГУП «ГХК». Красноярск : Платина Плюс, 2010. 176 с.
22. Фролов А.А. Сибхимвстрой: 50 лет в строю. Красноярск : Офсет, 2000. 208 с. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/frolov_sibhimstroy_2000/ (дата обращения: 14.09.2025).
23. Народная книга ГХК / ФГУП Федеральная ядерная организация «Горно-химический комбинат». Красноярск : Изд-во Поликор, 2014. 144 с. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/narodnaya-kniga-ghk_2014/ (дата обращения: 14.09.2025).
24. Академик Михаил Федорович Решетнёв. Красноярск, 2006. 304 с.
25. Дело государственной важности // Вестник ГХК. 2012. № 4. С. 16.
26. Кучин С.П. Академик строительного дела. Красноярск : Изд-во «Буква», 2005. 160 с.
27. Постановление СМ СССР № 768-382сс/оп «О назначении руководящих работников на комбинаты № 815, 816 и 817 Первого главного управления при Совете Министров СССР». 10 марта 1951 г. // Атомный проект СССР : документы и материалы. Т. 2, кн. 5. 2005. С. 283–285. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t2_kn5_2005/0096/ (дата обращения: 14.09.2025).
28. Железнодорожск (Красноярск-26): статьи, очерки, отрывки из монографий / [отв. за вып. Б.Г. Беллер, В.А. Попова; науч. ред. С.П. Кучин, А.А. Просвириш]. 50-летию юбилею города посвящается... Красноярск : Офсет, 2000. 464 с. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/zheleznogorsk_2000/ (дата обращения: 14.09.2025).
29. Подушков Л.И. Красноярск-26. Подземная АТЭЦ. Удомля. Калининская АЭС. Вышний Волочек : Изд-во «Ирида-прос», 2013. 576 с.
30. Сведения об обособленных подразделениях // Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». URL: <https://mephi.ru/about/affiliated> (дата обращения: 14.09.2025).
31. А был ли колледж? // Город и горожане. 07.04.2017. URL: <https://www.gig26.ru/news/obschestvo/?nid=10593> (дата обращения: 14.09.2025).
32. Гаудеамус атомного века // Железнодорожский музейно-выставочный центр. URL: <https://mig26.ru/news/1038-gaudeamus-atomnogo-veka.html> (дата обращения: 14.09.2025).
33. В комбинат на практику // Свежее телевидение. 21.03.2017. URL: <https://tv.k26.ru/index.php?newsid=13497> (дата обращения: 14.09.2025).
34. Целевой набор // Горно-химический комбинат. Официальный сайт. URL: https://sibghk.ru/static-page/view?id_category=8&id=497 (дата обращения: 14.09.2025).
35. В Железнодорожске открыли инженерные классы Росатома // Новости. Администрация ЗАТО г. Железнодорожск Красноярского края. 03.09.2024. URL: <https://www.admk26.ru/novosti/nid-20374.html> (дата обращения: 14.09.2025).
36. При поддержке Росатома и ГХК открыт новый инженерный класс в Железнодорожске // Новости. Горно-химический комбинат. URL: <https://sibghk.ru/news/view?id=516> (дата обращения: 14.09.2025).
37. В Железнодорожске при поддержке ГХК открылась современная учебная мастерская «ЭлектроАтом» // Атомная энергия 2.0. 07.10.2025. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2025/10/07/159896> (дата обращения: 14.10.2025).
38. Кучин С.П., Федотов С.А., Зимин А.А. Подписка о неразглашении: Документально-историческое повествование о строительстве подземного горно-химического комбината на территории Красноярского края. Красноярск : Буква, 2006. 368 с. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/kuchin_podpiska-o-nerazglashenii_2006/ (дата обращения: 14.09.2025).
39. Кучин С.П. Все начинается с проекта: [док.-ист. повествование о Красноярском гос. проектно-изыскат. ин-те ВНИПИЭТ]. Железнодорожск (Красноярск-26) : Красноярское кн. изд-во, 1996. 316 с. URL: https://elbib.biblioatom.ru/text/kuchin_vse-nachinaetsya-s-proekta_1996/ (дата обращения: 14.09.2025).
40. Ямалетдинов С.Ф. Подготовка архитекторов в Красноярске-26 // Город, пригодный для жизни : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2024. С. 321–324.
41. Основные сведения // Техникум инновационных промышленных технологий и сервиса. URL: <https://tiptis.ru/сведения-об-образовательной-организации/основные-сведения/> (дата обращения: 14.09.2025).
42. Тестоедов Н.А., Головинкин Е.Н., Филюшин А.П., Халиманович В.И. 60 лет на космической трассе. АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва на службе космосу и государству российскому // Сибирский аэрокосмический журнал. 2019. Т. 20, № 3. С. 297–310.
43. История компании // АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва. URL: <https://www.iss-reshetnev.ru/about/history> (дата обращения: 14.09.2025).
44. История. 1960–1970-е гг. // Университет Решетнёва. URL: <https://www.sibsau.ru/page/1960-year> (дата обращения: 14.09.2025).
45. Альберт Гаврилович Козлов / Памяти первопроходцев // АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва. URL: <https://www.iss-reshetnev.ru/about/history/memorabile-dates/memory-pioneers/kozlov> (дата обращения: 14.09.2025).
46. Академик РАН Николай Тестоедов: «Сегодня космос с точки зрения услуг многогранен» // Новости, пресса. Российская академия наук. 25.03.2024. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=afb0c97e-2c03-4c7b-826a-879e80230e9e> (дата обращения: 14.09.2025).
47. Профориентационная работа, целевое обучение и практическая подготовка // АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва. URL: <https://www.iss-reshetnev.ru/personell/target-training> (дата обращения: 14.09.2025).
48. ОНТИЦ. Образовательный научно-технический центр ядерных и космических технологий в г. Железнодорожске // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club231620738> (дата обращения: 14.09.2025).
49. Уникальный. Свой // Вестник ГХК. 2025. № 7 (712). С. 9.

References

1. Russian Federation. (2024) *Decree of the President of the Russian Federation No. 145 of 28.02.2024 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation"*. Art. 0001202402280003. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=606500763&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1> (Accessed: 14.09.2025). (In Russian).
2. Russian Federation. (1992) *Law of the Russian Federation No. 3297-1 of 14.07.92 "On Closed Administrative-Territorial Formations"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_734/ (Accessed: 14.09.2025). (In Russian).

3. USSR. Council of Ministers. (2005) Postanovlenie SM SSSR № 826-302ss/op "O kombinatе № 815". 26 fevralya 1950 g. [Decree of the Council of Ministers of the USSR No. 826-302ss/op "On Combine No. 815". February 26, 1950]. In: *Atomnyy proekt SSSR: dokumenty i materialy* [The USSR Atomic Project: Documents and Materials]. Vol. 2, Book 5. pp. 194–197. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/atomnyy-proekt-sssr_t2_kn5_2005/0055/ (Accessed: 14.09.2025).
4. Mel'nikova, N.V. (2022) *Sovetskiy atomnyy proekt: opyt kadrovogo obespecheniya* [The Soviet Atomic Project: Experience in Staffing]. Moscow: ROSSPEN.
5. Artemov, E.T. (2019) Kadrovye mobilizatsii v "sotsialisticheskoy sisteme khozyaystvovaniya": sluchay atomnogo proekta [Personnel Mobilizations in the "Socialist Economic System": The Case of the Atomic Project]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 1 (37). pp. 120–126.
6. Tolstikov, V.S. (2009) Podgotovka kadrov dlya atomnoy otrasli SSSR (1944–1955 gg.) [Personnel Training for the Atomic Industry of the USSR (1944–1955)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (144). History. Iss. 30. pp. 104–108.
7. Kuznetsov, V.N. (2022) Gosudarstvennaya politika otbora kadrov i osobennosti formirovaniya trudovykh kollektivov predpriyatiy atomnoy otrasli na Urale [State Policy of Personnel Selection and Features of Formation of Labor Collectives of Atomic Industry Enterprises in the Urals]. In: *"Ural'tsy byutsya zdorovo..." Vklad Urala voennuyu moshch' Rossii. 13-e Ural'skie voenno-istoricheskie chteniya: sb. nauch. st.* ["The Urals Fight Well...": The Urals' Contribution to Russia's Military Power. 13th Ural Military-Historical Readings: A Collection of Scientific Articles.]. Yekaterinburg: Sokrat. pp. 100–108. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/kuznetsov_gosudarstvennaya-politika-otbora-kadrov_2022/ (Accessed: 14.09.2025).
8. Dronishinets, N.P. & Zinov'ev, G.S. (2015) Podgotovka kadrov i sozdanie sistemy obrazovaniya v atomnykh zakrytykh gorodakh Rossii [Personnel Training and Creation of the Education System in the Closed Atomic Cities of Russia]. In: *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennoy mire: Metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati prof. L.N. Kogana* [Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research: XVIII International Conference in memory of prof. L.N. Kogan]. Yekaterinburg. pp. 933–942.
9. Mel'nikova, N.V. (2019) Rukovoditeli sovetskogo atomnogo proekta: kollektivnyy portret [Leaders of the Soviet Atomic Project: A Collective Portrait]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1 (62). pp. 137–144.
10. Klyueva, V.P. & Mel'nikova, N.V. (2019) "Kak ya fizikom stal, tak grustit' perestal": Spetsifika podgotovki kadrov dlya sovetskoy atomnoy otrasli v vospominaniyakh sovremennikov ["How I Became a Physicist, I Stopped Being Sad": The Specifics of Training Personnel for the Soviet Atomic Industry in the Memoirs of Contemporaries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 4 (47). pp. 202–211. doi: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-17
11. Kuznetsova, R.V. (2017) *Kurchatov*. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/kuznetsova_kurchatov_2017/p0/ (Accessed: 14.09.2025).
12. Kuznetsov, V.N. (2015) *Atomnye zakrytye administrativno-territorial'nye obrazovaniya Urala: istoriya i sovremennost'* [Atomic Closed Administrative-Territorial Formations of the Urals: History and Modernity]. Pt. 1. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
13. Zinov'ev, V.P. et al. (eds) (2009) *Istoriya Severska: ocherki* [History of Seversk: Essays]. Seversk: Muzei g. Severska.
14. Mel'nikova, N.V. (2019) "Atomnaya" identichnost' zhitel'ev zakrytykh atomnykh gorodov Rossii ["Atomic" Identity of Residents of Closed Atomic Cities of Russia]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3 (84). pp. 15–19.
15. Mel'nikova, N.V. (2008) Zakrytyy atomnyy gorod kak subkul'tura [Closed Atomic City as a Subculture]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 1 (18). pp. 54–61.
16. Lyamzin, A.V. (2017) Povsednevnyaya zhizn' v zakrytykh gorodakh: osobennosti vospriyatiya [Everyday Life in Closed Cities: Features of Perception]. In: Mikhaylenko, E.B. (ed.) *Yadernyy mir: novye vyzovy rezhimu yadernogo nerasprostraneniya* [Nuclear World: New Challenges to the Nuclear Non-Proliferation Regime]. Yekaterinburg: Ural University. pp. 368–393.
17. Orlova, G. (2019) Sekretnaia laboratornaia zhizh' v SSSR [Secret Laboratory Life in the USSR]. *Cahiers du monde russe*. 60 (2–3). pp. 461–492. doi: 10.4000/monderusse.11264
18. Novoselov, V.N. & Tolstikov, V.S. (1995) *Tayny "Sorokovki"* [Secrets of "Sorokovka"]. Yekaterinburg.
19. Reut, G.A. (2015) Formirovanie postoyannogo naseleniya Zheleznogorska (Krasnoyarsk-26) v 1950–1965-e gg. [Formation of the Permanent Population of Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26) in the 1950s–1960s]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i humanitarnyy zhurnal*. 2 (2). pp. 163–167.
20. Reut, G.A. (2014) *Vedomstvennye naselennyye punkty Ministerstva srednego mashinostroyeniya SSSR v Sibiri (1949–1991 gg.)* [Departmental Settlements of the Ministry of Medium Machine Building of the USSR in Siberia (1949–1991)]. History Dr. Diss. Krasnoyarsk.
21. Morozov, P.V. et al. (eds) (2010) *Skala. Kniga, posvyashchennaya 60-letiyu FGUP "GKhK"* [Skala. A book dedicated to the 60th anniversary of Mining and Chemical Combine, the Federal State Unitary Enterprise]. Krasnoyarsk: Platina Plyus.
22. Frolov, A.A. (2000) *Sibkhimstroy: 50 let v stroyu* [Sibkhimstroy: 50 Years in Service]. Krasnoyarsk: Ofset. 208 p. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/frolov_sibkhimstroy_2000/ (Accessed: 14.09.2025).
23. FGUP Federal'naya yadernaya organizatsiya "Gorno-khimicheskii kombinat" [Mining and Chemical Combine]. (2014) *Narodnaya kniga GKhK* [The People's Book of the Mining and Chemical Combine]. Krasnoyarsk: Izd-vo Polikor. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/narodnaya-kniga-ghk_2014/ (Accessed: 14.09.2025).
24. Anon. (2006) *Akademik Mikhail Fedorovich Reshetnev* [Academician Mikhail Fedorovich Reshetnev]. Krasnoyarsk.
25. *Vestnik GKhK*. (2012) Delo gosudarstvennoy vazhnosti [A Matter of State Importance]. 4. p. 16.
26. Kuchin, S.P. (2005) *Akademik stroitel'nogo dela* [Academician of Construction]. Krasnoyarsk: Izd-vo "Bukva".
27. USSR. Council of Ministers. (2005) Postanovlenie SM SSSR № 768-382ss/op "O naznachenii rukovodivshchikh rabotnikov na kombinaty № 815, 816 i 817 Pervogo glavnogo upravleniya pri Sovete Ministrov SSSR". 10 marta 1951 g. [Decree of the Council of Ministers of the USSR No. 768-382ss/op "On the Appointment of Senior Officials to Combines No. 815, 816 and 817 of the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR". March 10, 1951]. In: *Atomnyy proekt SSSR: dokumenty i materialy* [The USSR Atomic Project: Documents and Materials]. Vol. 2, Book 5. pp. 283–285. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t2_kn5_2005/0096/ (Accessed: 14.09.2025).
28. Kuchin, S.P. & Prosvirin, A.A. (eds), Beller, B.G. & Popova, V.A. (comp.) (2000) *Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26): stat'i, ocherki, otryvki iz monografiy* [Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26): Articles, Essays, Excerpts from Monographs]. Krasnoyarsk: Ofset. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/zheleznogorsk_2000/ (Accessed: 14.09.2025).
29. Podushkov, L.I. (2013) *Krasnoyarsk-26. Podzemnaya ATETs. Udomlya. Kalininskaya AES* [Krasnoyarsk-26. Underground Nuclear Heating Plant. Udomlya. Kalinin NPP]. Vyshniy Volochok: Izd-vo "Irida-pros".
30. MEPhI. (n.d.) *Svedeniya ob obosoblennykh podrazdeleniyakh* [Information about Separate Divisions]. [Online] Available from: <https://mephi.ru/about/affiliated> (Accessed: 14.09.2025).
31. Gorod i gorozhane. (2017) *A byl li kolledzh?* [Was There a College?]. 7 April. [Online] Available from: <https://www.gig26.ru/news/obshchestvo/?nid=10593> (Accessed: 14.09.2025).
32. Zheleznogorskiy muzeino-vystavochnyy tsentr [Zheleznogorsk Museum and Exhibition Center]. (n.d.) *Gaudeamus atomnogo veka* [Gaudeamus of the Atomic Age]. [Online] Available from: <https://mig26.ru/news/1038-gaudeamus-atomnogo-veka.html> (Accessed: 14.09.2025).
33. Svezhee teledeniye. (2017) *V kombinat na praktiku* [To the Combine for Practical Training]. 21 March. [Online] Available from: <https://tv.k26.ru/index.php?newsid=13497> (Accessed: 14.09.2025).

34. Mining and Chemical Combine. (n.d.) *Tselevoy nabor* [Targeted Recruitment]. [Online] Available from: https://sibghk.ru/static-page/view?id_category=8&id=497 (Accessed: 14.09.2025).
35. Administratsiya ZATO g. Zheleznogorsk Krasnoyarskogo kraia [Administration of Zheleznogorsk, Krasnoyarsk Krai]. (2024) *V Zheleznogorske otkryli inzhenernye klassy Rosatoma* [Engineering Classes of Rosatom Opened in Zheleznogorsk]. 3 September. [Online] Available from: <https://www.admk26.ru/novosti/nid-20374.html> (Accessed: 14.09.2025).
36. Mining and Chemical Combine. (n.d.) *Pri podderzhke Rosatoma i GKhK otkryt novyy inzhenernyy klass v Zheleznogorske* [With the Support of Rosatom and MCC, a New Engineering Class Was Opened in Zheleznogorsk]. [Online] Available from: <https://sibghk.ru/news/view?id=516> (Accessed: 14.09.2025).
37. Atomnaya energiya 2.0 [Atomic energy 2.0.]. (2025) *V Zheleznogorske pri podderzhke GKhK otkrylas' sovremennaya uchebnaya masterskaya "ElektroAtom"* [In Zheleznogorsk, with the Support of MCC, the Modern Training Workshop "ElectroAtom" Was Opened]. 7 October. [Online] Available from: <https://www.atomic-energy.ru/news/2025/10/07/159896> (Accessed: 14.10.2025).
38. Kuchin, S.P., Fedotov, S.A. & Zimin, A.A. (2006) *Podpiska o nerazglashenii: Dokumental'no-istoricheskoe povestvovanie o stroitel'stve podzemnogo gorno-khimicheskogo kombinata na territorii Krasnoyarskogo kraia* [Non-Disclosure Agreement: A Documentary-Historical Narrative of the Construction of the Underground Mining and Chemical Combine on the Territory of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk: Bukva. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/kuchin_podpiska-o-nerazglashenii_2006/ (Accessed: 14.09.2025).
39. Kuchin, S.P. (1996) *Vse nachinaetsya s proekta: [dok.-ist. povestvovanie o Krasnoyarskom gos. proektno-izyskat. in-te VNIPIET]* [Everything Begins with the Project: A Documentary-Historical Narrative about the Krasnoyarsk State Design and Survey Institute VNIPIET]. Zheleznogorsk (Krasnoyarsk-26): Krasnoyarskoe kn. izd-vo. [Online] Available from: https://elbib.biblioatom.ru/text/kuchin_vse-nachinaetsya-s-proekta_1996/ (Accessed: 14.09.2025).
40. Yamaletdinov, S.F. (2024) *Podgotovka arkhitektov v Krasnoyarske-26* [Training of Architects in Krasnoyarsk-26]. In: *Gorod, prigodnyy dlya zhizni* [A City Fit for Living]. Proceedings of the VI International Conference. Krasnoyarsk. pp. 321–324.
41. Tekhnikum innovatsionnykh promyshlennykh tekhnologiy i servisa [College of Innovative Industrial Technologies and Services.]. (n.d.) *Osnovnye svedeniya* [Basic Information]. [Online] Available from: <https://tiptis.ru/%D1%81%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BE%D0%B1-%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7/%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%81%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/> (Accessed: 14.09.2025).
42. Testodov, N.A., Golovenkin, E.N., Filyushin, A.P. & Khalimanovich, V.I. (2019) *60 let na kosmicheskoy trasse. AO "Informatsionnye sputnikovye sistemy" imeni akademika M.F. Reshetneva na sluzhbe kosmosu i gosudarstvu rossiyskomu* [60 Years on the Space Route. JSC "Academician M.F. Reshetnev Information Satellite Systems" in Service to Space and the Russian State]. *Sibirskiy aerokosmicheskii zhurnal*. 20 (3). pp. 297–310.
43. ISS. (n.d.) *Istoriya kompanii* [History of the Company]. [Online] Available from: <https://www.iss-reshetnev.ru/about/history> (Accessed: 14.09.2025).
44. Reshetnev University. (n.d.) *Istoriya. 1960–1970-e gg.* [History. 1960s–1970s]. [Online] Available from: <https://www.sibsau.ru/page/1960-year> (Accessed: 14.09.2025).
45. ISS. (n.d.) *Al'bert Gavrilovich Kozlov / Pamyati pervoprophodtsev* [Albert Gavrilovich Kozlov / In Memory of Pioneers]. [Online] Available from: <https://www.iss-reshetnev.ru/about/history/memorable-dates/memory-pioneers/kozlov> (Accessed: 14.09.2025).
46. Russian Academy of Sciences. (2024) *Akademik RAN Nikolay Testodov: "Segodnya kosmos s tochki zreniya uslug mnogogranen"* [Academician of the Russian Academy of Sciences Nikolay Testodov: "Today, Space Is Multifaceted in Terms of Services"]. 25 March. [Online] Available from: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=afb0c97e-2c03-4c7b-826a-879e80230e9e> (Accessed: 14.09.2025).
47. ISS. (n.d.) *Profornitatsionnaya rabota, tselevoe obuchenie i prakticheskaya podgotovka* [Career Guidance, Targeted Training and Practical Preparation]. [Online] Available from: <https://www.iss-reshetnev.ru/personell/target-traning> (Accessed: 14.09.2025).
48. VKontakte. (n.d.) *ONTTS. Obrazovatel'nyy nauchno-tekhnicheskiiy tsentr yadernykh i kosmicheskikh tekhnologiy v g. Zheleznogorske* [ENTC. Educational Scientific and Technical Center for Nuclear and Space Technologies in Zheleznogorsk]. [Online] Available from: <https://vk.com/club231620738> (Accessed: 14.09.2025).
49. *Vestnik GKhK*. (2025) *Unikal'nyy. Svoy* [Unique. Native]. 7 (712). p. 9.

Информация об авторах:

Глушенко А.А. – ассистент кафедры антропологии и этнологии, младший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: albina.glushchenko@mail.tsu.ru

Глушенко Н.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nglushchenko@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Glushchenko, teaching assistant, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: albina.glushchenko@mail.tsu.ru

N.A. Glushchenko, Cand. Sci. (History), senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nglushchenko@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 10.10.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.17223/15617793/520/16

Уральская общественность и первые Всероссийские съезды по борьбе с пьянством и алкоголизмом: эволюция трезвенного движения в Пермской губернии в начале XX в.

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова¹

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, Apkarimova@mail.ru

Аннотация. Анализируется участие уральской общественности на первых Всероссийских антиалкогольных съездах в контексте эволюции трезвенного движения в российской провинции в начале XX в. Исследование, выполненное на основе историографических трудов и впервые вводимых в научный оборот исторических источников, позволяет увидеть социокультурное взаимодействие столицы и провинции, направленное на решение крайне актуального для страны алкогольного вопроса. В фокусе внимания находится Пермская губерния, где данный вопрос, по свидетельству современников, стоял особенно остро. Сопоставляются взгляды представителей уральского социума и принятые резолюции участников съездов.

Ключевые слова: съезд, борьба с пьянством и алкоголизмом, уральская общественность, Пермская губерния, трезвенное движение, общества трезвости, земство

Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е.Ю. Уральская общественность и первые Всероссийские съезды по борьбе с пьянством и алкоголизмом: эволюция трезвенного движения в Пермской губернии в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 152–160. doi: 10.17223/15617793/520/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/16

The Ural community and the first all-Russian congresses on combating drunkenness and alcoholism: The evolution of the temperance movement in Perm province at the beginning of the 20th century

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova¹

¹ Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, Apkarimova@mail.ru

Abstract. The participation of the Ural community in the first all-Russian anti-alcohol congresses in the context of the evolution of the temperance movement in the Russian provinces in the early 20th century is analyzed in this article. This study, based on historiographic works and historical sources introduced into scholarly discourse for the first time, allows us to see the socio-cultural interaction between the capital and the province, aimed at solving the extremely pressing alcohol issue for the country. The author's focus is on Perm province, where this issue, according to contemporaries, was especially acute. The article is intended to fill a significant historiographic gap. The aim of the study is to show the evolution of the temperance movement in the early 20th century using materials from Perm province, examining the participation of Ural delegates in the first anti-alcohol congresses. The author focuses on such aspects of this topic as the composition of the participants in anti-alcohol congresses, their activities, and their historical significance in the context of the evolution of the temperance movement in the eastern periphery of the country. The participation of Ural delegates in the first anti-alcohol congresses was a manifestation of the strengthening of the temperance movement in the country and the Ural region in the early 20th century. Active participants in these congresses were representatives of temperance societies and zemstvo self-government bodies in the Urals. A special role in the temperance movement in the Urals in the early 20th century was played by the clergy, as well as by doctors and other representatives of the intelligentsia. Women were gradually drawn into the temperance movement, joining in the cultural and educational activities of temperance societies. It is significant that many supporters of the idea of sobriety relied on lively public initiative "from below," seeing considerable potential in temperance societies while critically assessing the activities of trustees of public sobriety – an institution public-state in nature, with its inherent manifestations of bureaucracy and formalism. The Ural public were given the opportunity to exchange opinions and share experience in introducing the population to a sober lifestyle with like-minded people from the capital and other Russian regions, thanks to the all-Russian anti-alcohol congresses. Ural delegates shared the main resolutions of the anti-alcohol congresses of the early 20th century and disseminated them throughout the Ural hinterland, helping to unite the efforts of representatives of the Russian Orthodox Church, schools, and institutions of city and zemstvo public self-government.

Keywords: congress, fight against drunkenness and alcoholism, Ural community, Perm province, temperance movement, temperance societies, zemstvo

For citation: Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2025) The Ural community and the first all-Russian congresses on combating drunkenness and alcoholism: The evolution of the temperance movement in Perm province at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 152–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/16

Введение

Ценность и полезность опыта отечественной истории по борьбе с пьянством и алкоголизмом убедительно аргументированы в историографии. Изучение данной страницы в истории России и ее регионах значительно расширяют и углубляют научные представления о социальной истории нашей страны в позднимперский период, когда зарождалось трезвенное движение, формировалась научная литературы о борьбе с пьянством и алкоголизмом. По мнению современного историка А.В. Николаева, трезвенное движение в России приобрело характер интеллектуального движения, проявившегося не только в общественной деятельности, но и в стремлении научно исследовать алкогольный вопрос.

Исследователь указал, что трезвость рассматривалась современниками как весьма широкое понятие, предполагавшее не только воздержание от спиртных напитков, но и нравственный образ жизни в целом. А.В. Николаев, проанализировав дореволюционную историографию, пришел к выводу о том, что на первом этапе исследователи дали научное обоснование вредного воздействия алкоголя на человека, его разлагающего влияния на нравственные устои общества. Далеко не сразу были обоснованы родственные термины «пьянство» (злоупотребление алкоголем, без признаков физической и психической зависимости) и «алкоголизм» (болезненная зависимость от алкоголя). Большинство дореволюционных исследователей являлись непосредственными участниками трезвенного движения, интересовались прежде всего причинами и методами борьбы с пьянством и алкоголизмом.

Начиная свое исследование с 1894 г., когда была введена винная монополия, способствовавшая усилению трезвенного движения и научным штудиям по алкогольному вопросу, А.В. Николаев справедливо предлагает многосторонне исследовать исторический опыт борьбы с пьянством и алкоголизмом со стороны правительства и государственных учреждений, а также общественных сил. При этом важно, на его взгляд, учитывать как официальное направление трезвенного движения (попечительства о народной трезвости), так и неофициальное (просветительские общественные организации, такие как Русское общество охранения народного здоровья и общества трезвости). Историк сфокусировал свое внимание лишь на «наиболее активных губерниях» (Московской, Казанской. Нижегородской, Самарской и Симбирской), доказав, что наибольший эффект в борьбе с пьянством и алкоголизмом в этом регионе достигался при проведении совместных мероприятий со стороны государственных учреждений и общественности [1].

Что касается историографии собственно первых антиалкогольных съездов в России, то в общественно-политическом аспекте данная тема получила освещение

в книге Т.С. Протьюко, указавшего на усиление антиалкогольного движения под влиянием первой русской революции. Исследователь показал, что идея созыва Всероссийского съезда по борьбе с пьянством получила поддержку со стороны либерально настроенной интеллигенции представителей духовенства и промышленного капитала, надевавшихся изменить питейную политику правительства. По его подсчетам в составе 453 участников съезда насчитывалось 33% врачей и 6% учителей. Т.С. Протьюко установил, что съезд был площадкой встречи представителей различных точек зрения на винную монополию. На съезде присутствовали представители Министерства финансов. На позициях примерения официальной политики правительства с проповедью трезвости стояло духовенство. Исследователь подчеркнул, что на съезде прозвучали голоса противников винной монополии. По его мнению, Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством стал важным событием в общественно-политической жизни страны, показавшим, что «борьба с пьянством и алкоголизмом – это прежде всего борьба с политикой получать прибыль за счет спаивания народа». Можно вполне согласиться с Протьюко относительно важности идеологического положения, сформулированного в первой резолюции съезда о том, что руководящим принципом и руководящим началом общественного движения против пьянства является полное воздержание от спиртных напитков. Что касается второго антиалкогольного съезда, то ученый обратил внимание на инициативу его созыва со стороны правого духовенства, особенности состава (две трети делегатов составляли священники), лейтмотив съезда о борьбе с пьянством путем распространения религиозно-нравственных начал путем создания православных братств и обществ трезвости [2. С. 76–82].

В последующее время исследователь трезвенного движения А.Л. Афанасьев значительно углубил научные представления об эволюции трезвенного движения в России, сфокусировав свое внимание на его характере, этапах и историческом значении, показав постепенный поворот власти от сдерживания трезвенного движения, носившего охранительную и созидательную направленность, к взаимодействию с ним. Дальновидные представители власти поддерживали идею проведения антиалкогольных съездов. Так, П.А. Столыпин способствовал проведению Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством [3]. Исследователь убедительно доказал, что два антиалкогольных съезда были важной вехой в истории трезвенного движения в России, оказав значительное влияние на восточную периферию страны. А.Л. Афанасьев дал вполне приемлемое определение термину «трезвенное движение», подразумевая под ним общественное движение за добровольный отказ граждан от употребления алкогольных изделий, за принятие органами государственной власти и местного самоуправления ограничительных и просветительных мер в отношении

продажи, производства и распространения и потребления алкоголя» [4. С. 27–32]. По его убеждению конец 1909 г. – 1912 г. явились самостоятельным этапом в эволюции трезвенного движения, когда в Санкт-Петербурге и Москве были проведены два антиалкогольных съезда, а в III Государственной думе был принят законопроект о мерах борьбы с пьянством. На материалах Томской губернии исследователь аргументированно доказал, что под влиянием съездов по борьбе с пьянством и алкоголизмом работа обществ трезвости становилась «более разносторонней и действенной» [4. С. 27–32].

Что касается зарождения трезвенного движения в Уральском регионе в контексте участия уральцев на Всероссийских съездах по борьбе с пьянством и алкоголизмом в начале XX в., то данная страница не являлась предметом специального внимания гуманитариев, тогда как только при сопоставлении региональных исследований (включая восточные регионы российской периферии) возможно получить более объективные научные представления по алкогольному вопросу и особенностях эволюции трезвенного движения в стране в позднеимперский период. Таким образом, данная статья призвана восполнить существенный историографический пробел. Цель данной статьи – на материалах Пермской губернии показать эволюцию трезвенного движения в начале XX в., исследовав участие уральских делегатов на первых антиалкогольных съездах. В фокусе авторского внимания находятся такие аспекты данной темы, как состав участников антиалкогольных съездов, их деятельность и историческое значение в контексте эволюции трезвенного движения в восточной периферии страны.

В Пермской губернии алкогольный вопрос стоял особенно остро, о чем, в частности, сообщал в своем докладе делегат Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством А.П. Черногоров, представлявший Пермское губернское земство. Современник докладывал, что Пермское губернское земство «в своих постоянных заботах о населении губернии уже неоднократно поднимало вопрос о борьбе с алкоголизмом», «это страшное народное зло заняло в Пермской губернии весьма прочное положение и, если так можно выразиться, приобрело все права гражданства» [5. Т. 3. С. 1557]. А.П. Черногоров приводил статистические данные о потреблении вина в Пермской губернии. В 1895 г. (введение казенной продажи) было продано вина: 1 134 241 ведро, в 1905 г. – 2 068 469, в 1906 г. – 2 529 669. За десятилетие произошло увеличение продажи вина в два раза. Всего за 12 лет жителями Пермской губернии было выпито 19 742 660 ведер, что в среднем составит в год 1 645 222 ведра. Душевое потребление вина в Пермской губернии выглядело следующим образом: в 1895 г. – 0,38 ведра, в 1905 г. – 0,55, в 1906 г. – 0,72. Валовая выручка от продажи вина составила: в 1895 г. – 9 304 512 руб., в 1905 г. – 16 684 069 руб., в 1906 г. – 20 406 820 руб. «Таким образом, жители Пермской губ. в течении 12 лет пропили (страшно сказать!!), – ужасался современник, – 156 110 050 руб. и дали чистой прибыли казне 113 331 820 рублей!» [5. С. 1557–1558].

Ежегодный расход на каждого жителя губернии достигал: в 1895 г. – 3 руб. 12 коп., в 1905 г. – 4 руб. 04 коп., в 1906 г. – 5 руб. 86 коп. [5. Т. 3. С. 1557–1558].

Общественность и Всероссийские съезды по борьбе с пьянством и алкоголизмом в начале XX в.

Вопрос о проведении Всероссийского съезда по борьбе с пьянством был поставлен на повестку дня в 1890-е гг. В 1893 г. современники на страницах газеты «Новости» писали о необходимости созвать съезд представителей обществ трезвости для поиска наиболее эффективных способов и мер по борьбе с пьянством, для всестороннего исследования вопроса о значении алкоголя в нравственном, гигиеническом и медицинском отношениях, идея организации такого съезда звучала на выставке в Нижнем Новгороде в 1895 г. В 1902 г. вопрос об этом съезде обсуждала комиссия по изучению алкоголизма при Обществе охранения народного здоровья. По инициативе передовой общественности была создана особая комиссия для подготовки съезда [3–4, 6]. Вероятно, сформированная комиссия действовала недостаточно активно, так как в 1908 г. общественность вновь была в набат по поводу этого народного бедствия. Комиссия по изучению алкоголизма при Русском обществе народного здоровья, всесторонне исследовав алкогольный вопрос, пришла к выводу о необходимости ходатайствовать в надлежащем порядке о созыве Всероссийского съезда по борьбе с пьянством [6].

Ставилась двоякая задача: с одной стороны, встречи общественных деятелей по борьбе с пьянством для обмена мнениями и опытом, для подготовки населения к поддержке соответствующих законодательных мер, с другой стороны, организаторы съезда задумывали форум для широкой пропаганды идеи трезвости, чтобы положить основу общественному движению за отрезвление народа. В организационный комитет Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством вошел 51 член. Провозглашался надпартийный принцип работы съезда [6. С. 5].

Организационный комитет съезда подготовил воззвание о пагубных последствиях массового алкоголизма для государства и общества с планом организации съезда, его общей программой, широко распространив приглашения об участии в общей работе. По убеждению сторонников идеи трезвости в борьбе с пьянством следовало объединиться государству, органам местного самоуправления и гражданам. Комитет взывал к частным лицам, известным своими трудами по борьбе с пьянством, обществам трезвости, попечительствам о народной трезвости, к культурно-просветительским обществам, институтам городского и земского самоуправления, высшим учебным заведениям и государственным учреждениям [6. С. 6–7].

Алкогольный вопрос в начале XX столетия был чрезвычайно актуальным для уральского социума. В газетной заметке «Несколько слов на избитую тему», помещенной на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей», говорилось: «Пьет русский народ и с радости и горя, пьет на “помочах”, крестинах, сва-

дбах, похоронах, пьет при всяком удобном и неудобном случае... Не меньше пьет и так называемая интеллигенция и даже духовенство, а хуже всего – пьет и учащаяся молодежь – не даром бюджет России называют “пьяным”. Об этом напомнил новый Владыка наш о.о. депутатам Епархиального съезда у себя на совещании 9-го июля. Действительно, пора, пора обратить внимание на это зло. Правда и у нас в епархии принимались меры к искоренению пьянства. Идейные батюшки еще лет 20 назад устраивали в приходах своих общества трезвости и не без добрых результатов на первое время» [7. С. 669].

Неравнодушный современник красочно описал картину уральской действительности: «Но все же “распивочно и на вынос” доселе красуется повсюду и на нашем славном Урале. Нет теперь старых “кабаков” с их вывесками, но явились другие с подобными вывесками с некоторым небольшим изменением – “исключительно на вынос” и новые рассадники пьянства – пивные лавки. О, сколько зла и в городах, и в селах, даже деревнях приносят эти лавки! ...Деревенская молодежь, иногда положительно мальчуганы 13–15 лет, уже в компании со старшими. Для приманки публики даже в сельских пивных имеются граммофоны или иные музыкальные машины. У молодежи не всегда есть деньги – тогда под родительский, если не карман, то “сусек”, открывается кредит. Да, это новый и ужаснейший бич деревни!» [7. С. 670]. Автор заметки призывал к борьбе с пьянством: «Думаем, что ничего не будет ретроградного, если мы скажем, что в данном случае нужна совместная работа и правительства, и духовенства, и школы» [7. С. 670].

Уральцы горячо поддержали идею созыва Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Уральская периодика освещала процесс подготовки и деятельности съезда. В «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» было опубликовано обращение Организационного комитета Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством: «Разрушительное, все усиливающееся и распространяющееся влияние злоупотреблений спиртными напитками на все стороны материальной и духовной жизни русского народа за последние годы все более ярко бросается в глаза и навязывается общественному вниманию. Это пагубное влияние действует на отдельных лиц, на семьи, общество и государство и не только на действующие взрослые поколения, но, по всеобщему закону наследственности, и на поколения нарождающиеся, которые происходят от пьяниц-родителей, уже приносят с собой на свет, как учит опыт, недостаточную жизнеспособность, большую или меньшую хилость и потому малую работоспособность, наклонность ко всяким излишествах, порокам и преступлениям» [8. С. 365–366]. Комитет призывал общественность к активной деятельности: «...нельзя не смотреть с мрачным предчувствием на будущее народа, если, под влиянием ясного сознания грозных последствий, самим обществом не будут предприняты и не станут настойчиво проводиться в жизнь целесообразные меры борьбы с одним из величайших народных бедствий» [8. С. 365–366].

Комитет призывал российскую общественность, что на путь широкой общественной пропаганды и

борьбы с пьянством, «в интересах самосохранения», следует вступить и России, устраивая в различных местностях государства периодические Всероссийские съезды по борьбе с пьянством. В обращении излагались задачи антиалкогольных съездов: «1) правильное освещение явлений алкоголизма; 2) выяснение его ближайших и более отдаленных производящих причин и его вредоносных экономических, физических, умственных и нравственных последствий для отдельных лиц и всего общества; 3) изыскание целесообразных мер борьбы с ним, в зависимости от разнообразия местных причин и условий и 4) неустанная пропаганда и настойчивое сосредоточение общественного внимания на великом зле нашей современной русской жизни и побуждение общества к упорной и неослабевающей борьбе с ним и его естественным последствием – вырождением породы» [8. С. 366].

Комитет указывал на десятилетнюю работу избравшей его комиссии по вопросу об алкоголизме при «Русском Обществе охранения народного здоровья», ее решении о необходимости созыва в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Первого Всероссийского Съезда по борьбе с пьянством. Комиссия выработала приблизительный план организации съезда, его общую программу. Комитет сообщал, что программа съезда предусматривала два публичных общих собрания, а в промежутке между ними – работу секций. Во время съезда предполагались публичные чтения с целью распространения в широких общественных кругах правильных сведений и взглядов по вопросу об алкоголизме, причинах, последствиях и мерах борьбы с пьянством [8. С. 369].

Участникам съезда предоставлялась возможность познакомиться с противоалкогольной выставкой в Народном доме императора Николая II. Уральская епархиальная периодика информировала читателей об этих событиях: «Выставка по борьбе с пьянством открывается одновременно с началом занятий 1-го Всероссийского Съезда по борьбе с пьянством... На выставке предполагается устроить следующие отделы: 1. Статистический. 2. Влияние спиртных напитков на человеческий и животный вообще организм. 3. Причины алкоголизма народных масс и меры борьбы с пьянством. 4) Технический отдел. Техника изготовления спиртных напитков, свойства их, химический анализ. Техническое применение спирта. 5. Напитки, не содержащие спирта или содержащие малый процент его 6. Литература по алкоголизму». Сообщалось, что выставка будет открыта не только для членов съезда, что будут приняты меры для посещения ее широкой публикой [9. С. 642–643]. Можно видеть, уральцы были в курсе подготовки антиалкогольного съезда, основных событий и идей, обсуждавшихся лидерами трезвенного движения в России, горячо поддерживая трезвенное движение в его многообразных формах и проявлениях.

Как известно, участникам съезда приветствовал «великий учитель и наставник трезвой жизни» Л.Н. Толстой, убежденный в «губительности» для души греха пьянства, уверенный в том, что истоки пьянства обусловлены отсутствием должного религиозного сознания, спасение от него убежденный трезвенник видел в пробуждении этого сознания [6. С. 23].

Присутствовавшие на съезде 453 делегата рассмотрели свыше 90 докладов из предполагавшихся 155. Наибольшее число докладов было заслушано в секции, посвященной мерам борьбы с алкоголизмом, затем по количеству докладов шла секция, обсуждавшая тему алкоголизма и общества, наименьшее число докладов было заслушано в секции, посвященной такому аспекту, как алкоголь и человеческий организм [5. Т. 1. С. 89].

Что касается численности уральских делегатов на Первом Всероссийском съезде по борьбе с пьянством, то их было 5 человек: врач И.Д. Дегтярев, являвшийся членом Оренбургского уездного комитета попечительства о народной трезвости, доктор из Вятки К.В. Линкевич, Ф.Е. Рыбаловлев из города Белебея (Уфимской губернии), а также А.И. Хрущов, являвшийся делегатом съезда и товарищем председателя Екатеринбургского общества трезвости, и А.И. Черногоров, член Пермской губернской управы [5. Т. 1. С. 24–35].

Уральские делегаты не были простыми «статистами», активно участвуя в работе съезда. Так, А.И. Хрущев представил вниманию членов съезда доклады «О необходимости ходатайства перед правительством о скорейшем введении в учебных заведениях обязательного разъяснения вреда от спиртных напитков» и «О путях распространения метода психотерапии алкоголизма, как ценного средства для борьбы с пьянством», а А.И. Черногоров представил вниманию съезда доклад «О мерах борьбы с пьянством в Пермском земстве» [5. Т. 1. С. 43].

В «Трудах Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством» были опубликованы доклады некоторых уральских обществ трезвости, представляющие значительный научный интерес с точки зрения выдвигаемых ими предложений для усиления борьбы с пьянством. Так, в докладе Екатеринбургского общества трезвости, приветствовавшего делегатов съезда и желавшего ему «успешной и плодотворной работы на благо родины и грядущих поколений», прозвучал целый ряд рекомендаций. В первом из них речь шла о необходимости объединения всех трезвенных организаций во Всероссийский союз. В докладе говорилось: «Функционирующие в России кружки, церковно-приходские братства и Общества трезвости, русские и инородческие, до сих пор проявляли свою деятельность в борьбе с пьянством и работали на ниве трезвости совершенно отдельно, изолированно друг от друга» [5. Т. 2. С. 922].

Екатеринбургские трезвенники были убеждены в необходимости создания «какого-либо трезвенного учреждения», например «Всероссийского союза обществ, кружков и братств трезвости» с целью объединения всех «русских и инородческих трезвенных организаций». Такой союз способствовал бы открытию обществ трезвости (возможно в форме отделов союза). Сфера компетенции такого объединенного союза виделась современниками следующим образом: «В число работ Союза должно входить распространение дешевых трезвенных изданий, брошюр и воззваний, снабжение доступными по цене волшебными фонарями, открытие абонементов на световые картины для фонаря,

выработка программ народных чтений, бесед, лекций, устройство в провинции агитационных лекций и посылка в провинциальные центры опытных в трезвенной агитации ораторов, лекторов и руководителей по учреждению Обществ трезвости и устройству народных чтений» [5. Т. 2. С. 922].

Другим предложением Екатеринбургского общества трезвости являлось пожелание пропаганды идеи трезвости в школе посредством введения в городских и сельских низших и средних учебных заведениях всех ведомств и типов уроков и чтений о вреде спиртных напитков, а также открытия ученических кружков трезвости.

Третье предложение Екатеринбургского общества трезвости касалось мер борьбы с тайной торговлей спиртными напитками [5. Т. 2. С. 922–923]. Екатеринбургцы предлагали съезду вынести резолюцию о необходимости ходатайства перед правительством и императором о введении следующих мер: «1) Предоставление права сельским и городским обществам сокращать часы торговли, уменьшать число и закрывать временно или постоянно места продажи крепких напитков, а также, чтобы открытие места раздробительной продажи крепких напитков происходило не иначе, как с ведома и согласия указанных обществ; 2) предоставление сельским и городским обществам права исключать из своей среды, как вредных членов, лиц, занимающихся тайной продажей крепких напитков; 3) установление выдачи денежной премии за указание мест тайной продажи и 4) уничтожение продажи казенного вина в мелкой посуде и ограничение отпуска из казенных винных лавок до одной посуды в одни руки» [5. Т. 2. С. 924].

Не все предложения екатеринбуржцев были учтены, однако можно видеть, что эти голоса существенно дополняли и углубляли дискуссию о мерах борьбы с народным пьянством в российской провинции. Впрочем, солидарность участников съезда проявилась по многим вопросам, в частности о роли школы в борьбе с пьянством, что нашло отражение в резолюциях Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством съезда. Так, съезд признал необходимым ввести преподавание начал трезвости в низшей и средней школах в виде отдельного предмета; допустить свободную организацию школьных организаций трезвости среди учащихся; способствовать проведению лекций о вреде употребления спиртных напитков для студентов [5. Т. 1. С. 90–91]. В данном вопросе очевидна согласованность резолюции съезда с пожеланиями еще одного общества трезвости Пермской губернии, а именно Юговского, расположенного в Юговском казенном заводе. В докладе этого общества также звучало пожелание начинать борьбу с пьянством со школы, с высшей до низшей, при этом «главное, чтобы учителя этих школ были подготовлены и всесторонне — ознакомлены с вредом происходящим от употребления алкоголя» [5. Т. 3. С. 1096]. Особенно важным представлялось современникам донести эту информацию на школьной скамье до будущих жен и матерей, ознакомить их с данными о вреде употребления водки, о мерах борьбы с пьянством в семье и в обществе [5. Т. 3. С. 1096]. На момент проведения съезда

Обществу трезвости в Юговском заводе исполнилось лишь два года. Его члены находились в процессе поиска наиболее эффективных способов борьбы с пьянством, чему в немалой степени способствовал съезд. В докладе этого общества трезвости отмечалось, что ранее вопросами борьбы с пьянством в Юговском заводе занимался кружок представителей интеллигенции, только в «более скромных размерах». Члены общества указывали на недостаток специальных книг по вопросу об алкоголизме, соответствующей литературы и картин для устройства народных чтений, что сказывалось на его деятельности. «При существующих неблагоприятных условиях, польза от деятельности общества сравнительно небольшая», – признавали авторы доклада [5. Т. 3. С. 1099].

К слову сказать уральские делегаты съезда рисовали весьма мрачную картину состояния народной нравственности и падения нравов в процессе алкоголизации заводских поселений Урала, о чем свидетельствовал, в частности, упомянутый доклад комитета Юговского общества трезвости. Современники сетовали: «Что касается до употребления водки, то не пьющие ее в заводе почти не встречаются, а пьяницы встречаются часто. Мужское население завода приучается к употреблению водки с юношеского, а иногда даже с детского возраста» [5. Т. 3. С. 1091]. Из доклада следовало, что в Юговском заводе процветал так называемый обрядовый алкоголизм: «Например: свадьбы, помочи при работах, семейные праздники сопровождаются пьянством, так как обыватели иного способа проводить время не знают. Пьянство, нередко, имея причиной невысокий, нравственный уровень, само в сильной степени влияет на ухудшение нравственности в обществе и в семье. Так, молодежь нашего завода, в свободное от работы и в праздничное время целыми компаниями напивается, затевает драки, которые нередко кончаются убийством кого-либо, не говоря уже о ранах и увечьях. В семье же пьянство которого либо члена семьи нарушает спокойную, семейную жизнь, от чего страдают дети и жены» [5. Т. 3. С. 1092].

В докладе Юговского общества трезвости подчеркивалась роль женщины в борьбе с пьянством. Данному вопросу в докладе отводилось существенное внимание: «Обществу следует воспользоваться этой силой, а для этого необходимо ознакомление женщин со всем вредом употребления алкоголя, тогда женщины, во всеоружии, более будут иметь возможность удерживать от пьянства своих мужей, а своим детям будут с первых лет внушать отвращение к водке. Для более же успешной борьбы женщин с пьянством, необходимо расширить их права в семейной и общественной жизни. Если женщины будут иметь более прав перед законом, а также будут участвовать в сельских сходах, земских собраниях и городских думах, то несомненно мы увидим их поборницами против пьянства» [5. Т. 3. С. 1096].

Важно обратить внимание, что на заседаниях одной из секции в 1909 г. вопрос об участии женщин в борьбе с пьянством получил комплексное освещение. Дискутировались, например, такие аспекты данной темы:

роль женщины в борьбе с пьянством в связи с ее правовым положением; роль женщины в борьбе с пьянством – как матери, семьянинки, общественной деятельницы, воспитательницы; пропаганда вреда пьянства среди женщин в крестьянской и фабричной среде; роль женщины в борьбе с алкоголизмом в связи с вы рождением; роль женщины в борьбе с укоренившимися питьевыми обычаями [6. С. 8].

Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством принял важные резолюции по вопросу о роли женщины в борьбе с пьянством, призывая женщин активнее включиться в трезвенное движение. Съезд ставил вопросы о законодательных мерах ограничения прав хронических алкоголиков, как мужчин, так и женщин, о борьбе с алкоголизмом и проституцией. Съезд указал на тот факт, что «уменьшение пьянства неразрывно связано с поднятием экономического и духовного уровня народа и что изменение к лучшему условий жизни народных масс находится в прямой зависимости от улучшения бытового и правового положения женщины, Съезд признает, что борьба с потреблением спиртных напитков будет вполне успешна лишь в том случае, если женщина выступит в ней в качестве равноправной гражданки» [5. Т. 1. С. 93–94]. В виде пожелания съезд поставил на повестку дня разработку вопроса о признании алкоголизма одним из поводов к разводу.

Уральцы дополняли голоса делегатов съезда, критиковавших деятельность попечительств о народной трезвости. Так, в докладе Юговского общества трезвости речь шла о неэффективности их работы, необходимости их реформирования или передачи в ведение земств. Критике подвергался состав попечительств: «Одна из причин прозябания казенных попечительств – это незначительность круга лиц, принимающих в них участие, при этом, лиц очень занятых прямой большой служебной ответственностью, поглощающей у них силу и энергию» [5. Т. 3. С. 1097–1098]. Юговские трезвенники полагали, что нужно привлечь к работе в попечительствах широкую общественность. Особенно уральцы уповали на общества трезвости в случае расширения сферы их компетенции: «...желательно повсеместное открытие частных обществ трезвости с предоставлением широких прав этим обществам, – например, по полному или частичному прекращению или сокращению продажи водки в районе действия каждого общества трезвости, прав по преследованию тайной продажи водки, а также прав по привлечению к судебной ответственности пьяниц, наносящих пьянством вред своему хозяйству, или обществ [5. Т. 3. С. 1097–1098]. Что касается резолюций съезда относительно попечительств о народной трезвости, то делегаты признали «их показной характер борьбы попечительства с пьянством», их бюрократическую природу, недостаток общественного начала, доказывая, что двухмиллионные субсидии правительства на их деятельность являлись «мало производительной тратой народных денег». Выход виделся делегатами съезда в передаче попечительств о народной трезвости в руки институтов городского и земского самоуправления при условии привлечения широких слоев населения к

участию в органах общественного самоуправления [5. Т. 1. С. 92–93].

По поводу винной монополии члены Юговского общества трезвости заняли умеренную позицию, считая, что винная монополия «отчасти содействует отрезвлению народа и может содействовать еще больше при соблюдении необходимых предосторожностей при продаже водки», тогда как другие делегаты съезда проявили более радикальные взгляды [5. Т. 3. С. 1098]. Очевидно, что трезвенники активно выступали за расширение прав органов самоуправления в плане использования практических мер в борьбе за народную трезвость: «В настоящее время интеллигенция отчуждена от народа. Если бы она имела с народом более общих интересов, то действовала бы на народ отрезвляюще, поэтому необходимо реформировать местное волостное самоуправление на основах всеобщей волости с предоставлением ему окончательного права закрытия казенных винных лавок, пивных, трактиров, ресторанов и ренсковых потребов. Такое же право следует предоставить земствам и городским самоуправлениям в районах их деятельности. При всем этом передача торговли водкой в частные руки, как это было до монополии, безусловно, не желательна [5. Т. 3. С. 1098].

По вопросу о казенной винной монополии I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством пришел к радикальным резолюциям, сделав вывод о том, что казенная винная монополия в действительности не оправдала ожиданий в смысле отрезвления населения, подчеркнув противоречивость правительственной политики: «с учреждением монополии, в ведении правительства соединены несовместимые функции: с одной стороны извлечение наибольшего дохода путем назначения и повышения цен на водку, повсеместной продажи и контроля над продажей, с другой стороны одновременно – борьба за отрезвление народа», «заинтересованность фиска в увеличении дохода от винной монополии создает непреодолимую преграду для общественных организаций и государственных учреждений в деле принятия действительных мер для борьбы с пьянством». Съезд, понимая, что нужно изменение всей финансовой политики государства и поднятие благосостояния населения страны, склонился к необходимости постепенного упразднения питейного дохода путем уменьшения количества выпускаемых для продажи населению спиртных напитков и заменой этого дохода другими источниками. В своих резолюциях съезд максимально учел пожелания «снизу»: «1) Вопрос о составлении плана распределения заведений для продажи спиртных напитков должен решаться при участии представителей органов общественного управления; 2) Сельским обществам должно быть предоставлено право составления запретительных приговоров, а городским общественным самоуправлением – издание соответственных обязательных постановлений; при постановке этого вопроса на сходах с правом решающего голоса участвуют женщины. Точно также открытие новых заведений в селениях может быть допущено только с согласия населения, выраженного на сходе с участием женщин; 3) Рабочим на фабриках и заводах должно быть предоставлено право

ходатайствовать о закрытии винных лавок вблизи фабрик и заводов на расстоянии одной версты» [5. Т. 1. С. 92–93].

Уральские делегаты были активными участниками Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом в 1912 г. Только из Пермской губернии на съезд прибыло 13 делегатов, преимущественно священников из Перми (о. Василий Топоркин, о. Иоанн Антонинов, о. Иоанн Рыболовлев, о. Николай Попов, о. Василий Конин, о. Григорий Лобанов, о. Федор Долгих, о. Василий Серебренников). Показателен факт участия женщин на этом съезде (Л.Н. Топорковой и А.П. Смирновой, жен пермских священников) [10. Т. 1. С. 11–20]. Анализируя протоколы заседаний, можно видеть, что уральцы активно участвовали в обсуждении многих вопросов, например: о создании детских трезвенных кружков, участии женщин в трезвенном движении, обмене опытом культурно-просветительской работы и рассмотрении вопроса о роли школы в трезвенном движении.

Одним из таких деятельных участников второго антиалкогольного съезда был командированный архиепископом Митрофаном от Екатеринбургской епархии священник Вознесенской церкви Екатеринбурга В. Топорков. После поездки делегат съезда рапортовал о ней перед епархиальным начальством, на основе рапорта им была подготовлена статья для «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» [11. С. 826–827].

Топорков сообщал, что съезд открылся в 8 часов вечера 6 августа 1912 г. Его открытию предшествовал молебен. «При самом открытии Съезда Высокопреосвященный Арсений сказал вступительную речь ... Этот съезд будет смотром, экзаменом для деятельности обществ трезвости. Пусть же он послужит к единению всех борцов с пьянством» [11. С. 828–829]. «После речи Высокопреосвященного Арсения говорил речь Преосвященный Митрофан, товарищ председателя Съезда ... Этот Всероссийский Съезд пусть сплотит духовенство и тружеников школы и, благодаря совместной работе Церкви и школы, – этих двух моральных сил, – пусть расшатается “древо российского пьянства”! После речи Преосвященного Митрофана были прочитаны приветствия Съезду от разных лиц и учреждений» [11. С. 829]. После составления телеграммы императору с выражением верноподданнических чувств «все участники Съезда, числом свыше 500, разделились на три секции и все работы Всероссийского Съезда разделились на три отдела. Заседания в секциях происходили утром с 9 час. до 1 часу дня. и вечером с 6-ти до 9-ти часов. Всех докладов, заслушанных в трех секциях, было с 7-го по 11-е августа около 100. Заслушивались в собрании только те доклады, которые были представлены в Организационное бюро Съезда к 20-му июля и которые последним были рассмотрены» [11. С. 829]. Топорков изложил в рапорте архиепископу резолюции съезда. Предполагалась их публикация в другом номере «Екатеринбургских епархиальных ведомостей».

В заключение газетной заметки об участии на антиалкогольном съезде современник сопоставлял свой опыт работы по борьбе с пьянством со сведениями о

деятельности других обществ трезвости в России, полученными на съезде: «...деятельность обществ трезвости Екатеринбургской епархии, в общем, во всем одинакова, кроме книгоиздательства, с таковой же деятельностью столичных обществ трезвости; только она выражается в наших обществах в малом, по сравнению со столичными обществами, масштабе и потому она, с первого взгляда, кажется мизерною. В С.-Петербургском Александро-Невском Обществе Трезвости, например, 20 000 членов-трезвенников, а в Екатеринбурге трезвенников только 800 человек, но... число трезвенников в отношении к числу жителей в Екатеринбурге выше, чем в С.-Петербурге. В С.-Петербурге, Москве и Казани общества трезвости имеют солидные капиталы, недвижимого имущества на сотни тысяч руб., годовые обороты их выражаются в десятках тысяч руб., которые расходуются на ночлежные дома, богадельни, детские приюты, ремесленные классы и проч., чего в нашей епархии нет. Но, ведь, наши общества трезвости, в большинстве, и существуют-то только третий год, между тем, как те богатые общества существуют уже десятки лет! Будем надеяться, что и наши общества трезвости, при помощи Божией, через десятки лет тоже разовьются на благо Церкви и Отечества свою плодотворную деятельность!» [11. С. 830–831].

О том, что трезвенное движение на Среднем Урале в начале XX в. набирало силу, свидетельствуют многочисленные заметки в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях». Так, благочинный Екатеринбургского уезда сообщал, что в третьем округе с пьянством боролось пять обществ трезвости (Шуралинское, Коневское, Линевское и два только созданных в 1911 г. — Глинское и Шайтанское). Деятельность их была, по словам благочинного, весьма плодотворной. Появились примеры трезвенных свадеб, когда вместо водки на празднике пили фруктовую воду [12. С. 188–189].

Выводы

Активное участие уральских делегатов на первых антиалкогольных съездах было проявлением усиления трезвенного движения в стране и Уральском регионе в начале XX в. Активными участниками этих съездов яв-

лялись представители обществ трезвости и земских органов самоуправления на Урале. Показательно, что вопрос о борьбе с алкоголизмом был поставлен на повестку дня Пермским губернским земством задолго до проведения антиалкогольных съездов. Данному вопросу посвящалось чрезвычайное губернское собрание 9 апреля 1906 г., постановившее ходатайствовать перед правительством об отказе «от установившегося у него взгляда на торговлю спиртом, как источник государственного дохода», «об уменьшении в губернии числа заведений (винных лавок, трактиров и проч.), торгующих водкой», сокращении времени торговли в них (в праздничные дни) в соответствии с обязательными постановлениями органов городского и земского самоуправления. На собрании также обсуждались другие меры борьбы с пьянством через школу, сотрудничество с духовенством, путем устройства чтений и распространения противоалкогольной литературы. Положения, принятые по итогам работы собрания, было решено передать на рассмотрение губернского съезда земских врачей [13. Т. 2. С. 131–132].

Особую роль в трезвенном движении на Урале в начале XX в. играло духовенство, а также врачи и другие представители интеллигенции. В трезвенное движение постепенно втягивались женщины, включаясь в культурно-просветительскую деятельность обществ трезвости. Показательно, что многие сторонники идеи трезвости уповали на живую общественную инициативу «снизу», видя в обществах трезвости немалый потенциал, критически относясь к деятельности попечительства о народной трезвости (общественно-государственных по своей природе с присущими им проявлениями бюрократизма и формализма). Благодаря Всероссийским антиалкогольным съездам уральцы, как и их единомышленники из столицы и других российских регионов, получили возможность обмена мнениями и опытом по приобщению населения к трезвому образу жизни. Уральские делегаты разделяли основные резолюции антиалкогольных съездов начала XX в., доносили их до уральской глубинки, способствуя объединению усилий представителей Русской православной церкви, школы, институтов городского и земского общественного самоуправления.

Список источников

1. Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 20 с.
2. Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость. Страницы истории. Минск, 1988. 165 с.
3. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907–1914 гг.: опыт оздоровления общества. Томск, 2007. 195 с.
4. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в 1907–1914 гг.: характер, этапы, знание // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 27–32.
5. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Санкт-Петербург 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г. : в 3 т. СПб., 1910.
6. Бородин Д.Н. Итоги работ Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб., 1910. 234 с.
7. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1909. № 31. 15 августа С. 669–670.
8. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1909. № 25. 1 июля. С. 365–369.
9. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1909. № 41. 1 ноября. С. 642–643.
10. Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом в Москве, 6–12 августа 1912 г. Петроград, 1914.
11. Со Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 35. 26 августа. С. 826–831.
12. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 8. 23 февраля. С. 188–191.
13. Доклад священника Антония Иванова. Участие земств в борьбе с народным пьянством совместно с духовенством // Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом в Москве, 6–12 августа 1912 г. Петроград, 1914.

References

1. Nikolaev, A.V. (2002) *Bor'ba s p'yanstvom i alkogolizmom v 1894–1932 gg.: opyt otechestvennoy istorii* [The Fight against Drunkenness and Alcoholism in 1894–1932: An Experience of Russian History]. Abstract of History Cand. Diss. Samara.
2. Prot'ko, T.S. (1988) *V bor'be za trezvast'. Stranitsy istorii* [In the Struggle for Sobriety. Pages of History]. Minsk.
3. Afanas'ev, A.L. (2007) *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya: 1907–1914 gg.: opyt ozdorovleniya obshchestva* [The Temperance Movement in Russia during the Period of Peaceful Development: 1907–1914: An Experiment in the Improvement of Society]. Tomsk.
4. Afanas'ev, A.L. (2014) *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v 1907–1914 gg.: kharakter, etapy, znanie* [The Temperance Movement in Russia in 1907–1914: Character, Stages, Knowledge]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya -- Tomsk State University Journal. History*. 5 (31). pp. 27–32.
5. *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom. Sankt-Peterburg 28 dekabrya 1909 g. – 6 yanvarya 1910 g.: v 3 t.* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the Fight against Drunkenness. St. Petersburg, December 28, 1909 – January 6, 1910: in 3 vols]. (1910) St. Petersburg.
6. Borodin, D.N. (1910) *Itogi rabot Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom* [Results of the Work of the First All-Russian Congress on the Fight against Drunkenness]. St. Petersburg.
7. *Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909) 31. 15 August. pp. 669–670.
8. *Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909) 25. 1 July. pp. 365–369.
9. *Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1909) 41. 1 November. pp. 642–643.
10. *Trudy Vserossiyskogo s'ezda prakticheskikh deyateley po bor'be s alkogolizmom v Moskve, 6–12 avgusta 1912 g.* [Proceedings of the All-Russian Congress of Practical Workers in the Fight against Alcoholism in Moscow, August 6–12, 1912]. (1914) Petrograd.
11. *Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) So Vserossiyskogo s'ezda prakticheskikh deyateley po bor'be s alkogolizmom [From the All-Russian Congress of Practical Workers in the Fight against Alcoholism]. 35. 26 August. pp. 826–831.
12. *Yekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) 8. 23 February. pp. 188–191.
13. Ivanov, A. (1914) *Doklad svyashchennika Antoniya Ivanova. Uchastie zemstv v bor'be s narodnym p'yanstvom sovmestno s dukhovenstvom* [Report of Priest Antony Ivanov. Participation of Zemstvos in the Fight against Popular Drunkenness Together with the Clergy]. In: *Trudy Vserossiyskogo s'ezda prakticheskikh deyateley po bor'be s alkogolizmom v Moskve, 6–12 avgusta 1912 g.* [Proceedings of the All-Russian Congress of Practical Figures in the Fight against Alcoholism in Moscow, August 6–12, 1912.]. Petrograd.

Информация об авторе:

Казакова-Апкаримова Е.Ю. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: Apkarimova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Yu. Kazakova-Apkarimova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Apkarimova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2025;
одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 16.04.2025;
approved after reviewing 23.05.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/520/17

Научно-образовательная система, регионально-промышленное разнообразие и государственная политика в Российской империи: опыт разработки исторической геоинформационной системы

Алексей Олегович Степнов¹, Марина Владимировна Шилова², Сергей Александрович Некрылов³

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ASAOM@yandex.ru

² marvsh@yandex.ru

³ medicinahistory@yandex.ru

Аннотация. Собраны и обработаны данные об основных научных и научно-образовательных центрах Российской империи (XVIII – нач. XX в.). Эти данные – основа для регионально-пространственного анализа состояния научно-образовательной системы страны, которая по мере приближения к XX в. становилась все более связанной с промышленной сферой. Это видно при сопоставлении данных с экономико-демографическими характеристиками регионов в конце XIX в. Представлены технические аспекты разработки карты на платформе NextGIS.

Ключевые слова: наука, вузы, регионы, Российская империя, исторические геоинформационные системы, пространственный анализ

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Степнов А.О., Шилова М.В., Некрылов С.А. Научно-образовательная система, регионально-промышленное разнообразие и государственная политика в Российской империи: опыт разработки исторической геоинформационной системы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 161–172. doi: 10.17223/15617793/520/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/17

Scientific and educational system, regional industrial diversity and state policy in the Russian Empire: Experience of developing a historical geographic information system

Alexei O. Stepnov¹, Marina V. Shilova², Sergei A. Nekrylov³

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ASAOM@yandex.ru

² marvsh@yandex.ru

³ medicinahistory@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a study of the scientific-technical and educational systems in the Russian Empire (18th – early 20th century). In historiography, views about a crisis in this system dominate. It is widely believed that scientists lacked favorable conditions for research and teaching, while the state held back the development of society's intellectual potential and refused to expand the network of higher education and research institutions. The research methods employed – geovisualization and spatial analysis – are not yet widely used in Russian historical scholarship. To create an interactive geovisualization (a historical geographic information system), data were collected on governmental and non-governmental higher education institutions, scientific and scientific-practical societies, and research institutions related to industrial and technological development. The data were organized into tables and then imported into the NextGIS platform, on which our system was developed. The article provides detailed information on all stages of the study, from problem formulation to the development of the system. The collected data are plotted on a map with zoning by industrial region. D.I. Mendeleev proposed this regionalization in the late 19th century. He characterized these regions with information on area, population, resource base, and the state of industry and agriculture. However, Mendeleev's work lacks data on the scientific and educational potential of the regions. Our map (the historical geographic information system) expands and seamlessly complements Mendeleev's map with new information, offering an interactive format for exploring it. This is justified because science gradually became a factor in economic development during the late 19th century. It is concluded that, contrary to popular belief, the expansion of the network of higher education institutions in imperial Russia was consistent, rational, and strictly linked with imperial and regional conditions for the development of industry, transport, and agriculture, as well as the demographic potential of the regions.

Keywords: science, universities, regions, Russian Empire, historical geographic information systems, spatial analysis

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2024-0008.

For citation: Stepnov, A.O., Shilova, M.V. & Nekrylov, S.A. (2025) Scientific and educational system, regional industrial diversity and state policy in the Russian Empire: Experience of developing a historical geographic information system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 161–172. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/17

Пространственный анализ научно-образовательной системы Российской империи никогда специально не проводился, хотя обзорных работ по этой теме достаточно. Немалая их часть написана в советское время. Несмотря на зачастую солидную источниковую базу исследований А.Е. Иванова, Е.В. Соболевой, Г.И. Щетининой, Р.Г. Эймонтовой и некоторых других авторов, по современным меркам они отличаются несколько тенденциозными оценками. Политический заказ советского времени – это априорно скептическая оценка социально-экономических, политических и культурных реалий дореволюционной России. Основной нарратив работ по истории науки и высшей школы предреволюционной России – это колоссальный потенциал науки, развитие которого сдерживалось властями.

Отчасти этот нарратив унаследован и постсоветской историографией, он фундирован свидетельствами современников – учеными, пережившими 1917 г. и адаптировавшимися к новым реалиям. Во многих воспоминаниях советской эпохи техника ненадежного рассказчика переплелась с этим политическим заказом, а бывшие претензии к Министерству народного просвещения, попечителям учебных округов, верховной власти получили благоприятную почву, на которой родились наиболее крепкие и укорененные не только в научном, но и в массовом сознании представления о кризисности научно-технической и научно-образовательной системы Российской империи. Такой подход не лишен телеологизма. Роковой финал империи, идеологические особенности пришедшего ему на смену политического режима создали фарватеры в развитии историографии на многие десятилетия. Во многом мы по-прежнему находимся в них.

Предпринятая авторами статьи попытка обобщить материалы, отражающие структуру и динамику развития системы науки и высшего образования в Российской империи (XVIII – нач. XX в.), ее взаиморасположение относительно промышленных центров, позволяет несколько скорректировать устоявшиеся взгляды, более взвешенно подойти к оценке данной проблемы. Это было сделано с опорой на пока еще развивающиеся методы интерактивной геовизуализации и геоинформационного анализа, в полной мере не нашедшими своего места в российской исторической науке.

Инструменты пространственного анализа позволяют визуализировать большие объемы данных, выявлять закономерности, которые не всегда поддаются обнаружению в линейном или табличном представлении. Несмотря на растущий интерес к этим методам, в российском академическом сообществе сохраняется дефицит прикладных кейсов, описывающих технический опыт разработки и публикации исторических геоинформационных систем (ГИС).

Проведенное исследование проходило в два этапа. Во-первых, это сбор, систематизация и структурирование исторических данных о наиболее значимых (на критериях отбора и систематизации/классификации ниже остановимся особо) высших учебных заведениях, научных и научно-практических обществах, немногочисленных в Российской империи научных учреждениях. Эти данные дополнены информацией о демографическом (численность и плотность населения), промышленном, сельскохозяйственном и транспортном потенциале регионов России в кульминационный период развития научно-технической и научно-образовательной системы страны – в конце XIX в. Во-вторых, это разработка интерактивной геовизуализации на платформе NextGIS.

Пространственное измерение процессов с давних пор используется в исторических науках. Это карты (прежде всего административные и социально-экономические), атласы, маршрутные схемы. Однако в рамках относительно недавно произошедшего «пространственного поворота» пространство стало восприниматься не как пассивный фон для событий, а как активный фактор, влияющий на траектории развития, соотношения сил, динамику институтов. Пространственная репрезентация данных – их отображение в географической координатной системе – превратилась из вспомогательного инструмента в полноценный метод анализа. Только в последнее время ГИС стали важным мостом между гуманитарной рефлексией и цифровой инфраструктурой. ГИС позволяют соотносить разнородные данные (текстовые, числовые, картографические, иконографические) в общем пространственном каркасе, обеспечивая возможности визуализации и пространственного моделирования.

Различие между иллюстративным и аналитическим использованием карт в исторических исследованиях принципиально. Картографическая иллюстрация – это создание карт как наглядного дополнения к тексту. Например, это карты, иллюстрирующие расширение сети университетов и других типов высших учебных заведений, развитие торгово-транспортных путей, сельскохозяйственных угодий, промышленного комплекса. Такие карты статичны, фиксированы, неподвижны, они не предполагают исследовательского взаимодействия. Геовизуализация, напротив, представляет собой динамическое, интерактивное отображение пространственных данных, включающее фильтрацию, сравнение, временные срезы, перекрестные связи и интеграцию различных наборов данных. Такие карты не просто показывают результаты исследования, а помогают выявить неочевидные связи, локальные кластеры, маргинальные зоны, геополитические и инфраструктурные узлы. Таким образом, переход от картографической иллюстрации к геовизуализации в исторических науках можно трактовать как переход от описания к аналитике при сохранении визуального языка.

В мировой практике исторические ГИС используются с конца 1990-х гг. Наиболее известные проекты – это The Spatial History Project, Holocaust Geographies, GBHGIS, T-RACES, China Historical GIS. Эти проекты демонстрируют аналитический потенциал ГИС для исследования миграций, урбанизации, расовой сегрегации, трансформации ландшафтов, границ, транспортных систем. В России использование ГИС в исторических науках началось в начале 2000-х гг. Среди пионеров коллектив ученых Алтайского государственного университета (Барнаул) под руководством профессора В.Н. Владимирова (ГИС сельских поселений Сибири), А.А. Фролов (церковная география), Р.Б. Кончаков (3D-реконструкции), М.В. Рыгалова (топография Москвы), а также Г.Н. и Н.В. Андриенко, разработавшие методы визуальной аналитики. Но публикаций, подробно описывающих сам процесс технической разработки исторической ГИС на отечественных платформах, почти нет.

Современный исследователь может использовать разнообразные инструменты для создания ГИС без глубоких знаний в программировании. Среди наиболее популярных:

- QGIS (открытое программное обеспечение с широким сообществом, но сложным интерфейсом);
- ArcGIS Online (интуитивная no-code среда, в данный момент недоступная на территории Российской Федерации);
- NextGIS (российская альтернатива на базе QGIS, с простым веб-сервисом публикации);
- Nodegoat (специализированный инструмент для гуманитариев с возможностью временной репрезентации);
- Mapbox, Folium, Leaflet, Datawrapper (визуальные библиотеки или конструкторы карт, требующие разной степени технической подготовки).

Выбор инструмента зависит от целей проекта, объема данных, нужды в интерактивности и визуальной эстетике, а также от доступности платформы. В условиях ограниченного доступа к зарубежным ресурсам и отсутствия IT-поддержки на многих гуманитарных факультетах, особую ценность приобретает опыт использования гибких, доступных и документированных решений, таких как NextGIS.

В нашем исследовании ГИС рассматривалась как способ объединения разнородных данных (табличных, текстовых, пространственных) в единой интерактивной среде, доступной исследователям и широкой аудитории. Информация обо всех созданных с 1713 г. (год предположительного учреждения Аптекарского (огорода) сада (в дальнейшем Императорский Ботанический сад (С.-Петербург)) научных и светских высшего образования учреждениях и организациях была распределена по 4-м категориям: это правительственная (ПВШ) и неправительственная (НВШ, общественная и частная) высшая школа, научные и научно-практические общества (НО), научные учреждения (НУ). Такое деление обусловлено традициями российской историографии, где издавна принято рассматривать научно-образовательную систему Российской империи именно в этих категориях. Зачастую исследовательские интересы коллег выстраиваются даже более

конкретно. Так, одни концентрируют свое внимание на университетах, другие – на высшей инженерно-промышленной, сельскохозяйственной, военной, юридической (правовой), педагогической школе. Все эти подкатегории были выделены в исследовании. Внутреннее разнообразие ПВШ и НВШ – дополнительный инструмент для анализа. Здесь следует особо подчеркнуть, что задачи проекта, связанные с практическими (связь с промышленной, технико-технологической сферой) функциями науки, не позволили включить в выборку высшую духовную, художественную и восточную школу. По этой же причине учтены не все военные вузы, а только военно-инженерные. Всего за весь рассматриваемый период было выделено 55 правительственных, открытых с 1726 г. (Академический университет (учрежден в 1724 г.)) по 1913 г. (Воронежский сельскохозяйственный институт Императора Петра I – последний правительственный вуз, открытый в Российской империи), и 45 неправительственных, открытых с 1872 г. (Московские высшие женские курсы (курсы профессора В.И. Герье)) по 1916 г. (в этом году начали работу сразу 6 вузов: два в Москве (Частный юридический институт и Женский политехнический институт), по одному в Санкт-Петербурге (Высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете), Ростове-на-Дону (Женский городской медицинский институт), Нижнем Новгороде (Городской народный университет), Екатеринославе (Политехнический институт)), высших учебных заведений.

Высшая школа поздней имперской России основательно изучена в докторской диссертации и фундаментально-энциклопедической, ставшей уже классикой историографии монографии А.Е. Иванова [1]. Последняя – один из основных источников сбора данных о ПВШ и НВШ для нашей выборки. Вместе с тем есть и отличия в подходах. Так, А.Е. Иванов не выделяет специально высшей правовой (юридической) школы, причисляя ее к категории «университеты и учебные заведения университетского типа». Это видится не совсем корректным, учитывая основные характеристики университетов, среди которых особое место занимает принцип целостности и единства наук. И хотя не все университеты Российской империи имели полную, предусмотренную уставами факультетскую структуру (Томский университет накануне 1917 г. действовал в составе медицинского и юридического факультета, Саратовский – в составе одного медицинского), несовершенство такого состояния осознавалось самими профессорами этих вузов. После открытия в составе Томского университета осенью 1917 г. недостающих историко-филологического и физико-математического факультетов (в итоге университет приобрел полную структуру по уставу 1884 г.) профессор-философ С.И. Гессен отмечал, что это событие реализовало «идею университета как ученого сословия по всем областям знания» [2].

С этой точки зрения такие высшие учебные заведения, как Демидовский юридический лицей (Ярославль), Александровский лицей, Училище правоведения, Александровская военно-юридическая академия (Петербург (Петроград)), Лицей в память цесаревича

Николая (Катковский) в Москве, выделены в отдельную подкатегорию ПВШ – правовую (юридическую). Аналогично мы поступили в случае с медицинской высшей школой, которая существовала, хотя и была в чистом виде представлена всего двумя правительственными и несколькими неправительственными учреждениями, еще в имперский период, а окончательная ее институционализация пришлось уже на советское время (1930-е гг.): обособили ее в категориях и ПВШ (Военно-медицинская (до 1881 г. – Медико-хирургическая) академия и С.-Петербургский (Петроградский) женский медицинский институт (первые годы существовал за счет частных и общественных средств, а в 1905 г. перешел на полное государственное обеспечение, его образовательные программы были приравнены к программам медицинских факультетов императорских университетов)) и НВШ (Киевский и Харьковский женские медицинские институты, Московский женский медицинский институт П.Г. Статкевича и А.Б. Изачика, Одесские высшие женские медицинские курсы, Саратовские высшие женские курсы Саратовского санитарного общества, Женский городской медицинский институт в Ростове-на-Дону).

Почти все включенные в выборку государственные вузы были и крупными научно-исследовательскими центрами. Несколько иная ситуация с общественными и частными вузами. Достаточно сказать, что почти все они создавались в уже состоявшихся вузовских городах и опирались на материально-технический, научно-кадровый потенциал императорских университетов, политехнических и технологических институтов, прочих правительственных вузов. Но были и определенные исключения. Открытый в 1908 г. Московский городской народный университет (Университет Шанявского), первый народный, или вольный, университет Российской империи, гарантировал свободу преподавания и научных исследований. Хотя условия для научной работы были скромными, именно в этом университете заложены основы для развития экспериментальной биологии [3]. Заметно развивались в этом университете и физические исследования. В 1911 г. на постоянное место работы в него перешли бывшие профессора Императорского Московского университета, заявившие таким образом свой протест против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо.

Более проблематичным был процесс обобщения данных о научных и научно-практических обществах Российской империи. Причина – их многочисленность. Общества являлись в высшей степени распространенной формой организации науки в дореволюционной России. В.П. Зиновьев и С.Г. Суляк только на территории Томской губернии конца XIX – начала XX в. выделяют 35 научных и научно-технических обществ (13 сельскохозяйственных, 7 медицинских, 6 краеведческих (изучения Сибири), 4 технических, 3 социальных наук, по одному – географическое и археологическое) [4].

Ясно, однако, что подавляющее большинство обществ носили локальный характер и существенного влияния на развитие экономики и культуры России и

конкретных ее регионов не оказали. В условиях отсутствия фундаментального исследования научных и научно-практических обществ Российской империи перед нами стояла задача выделить наиболее значимые из них, и если в отношении некоторых (Вольное экономическое общество, Русское географическое общество (РГО), Русское техническое общество (РТО) и ряд др.) сомнений не было, то другие приходилось рассматривать предварительно. Так, например, учрежденное в 1805 г. для изучения природы страны и популяризации естественно-научных знаний Московское общество испытателей природы (МОИП), с одной стороны, имело городской, а по сути, университетский (было организовано при Московском университете) статус. С другой стороны, оно поддерживало связи с натуралистами из разных регионов, создавало биологические станции в различных губерниях империи, организовывало геологические, минералогические, географические, астрономические, палеонтологические, ботанические и зоологические экспедиции. Среди наиболее значимых – экспедиции В.И. Вернадского по поиску и изучению радиоактивных минералов. В 1915 г. под руководство МОИП перешло созданное в 1904 г. первое в России частное научное учреждение «Lithogaea» – Каменная Земля [5. С. 2]. Общество публиковало периодические и отдельные научные издания, при его содействии были учреждены Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общество акклиматизации животных и растений. МОИП – одно из старейших российских научных обществ, на протяжении более чем двух столетий до сих пор сохраняющее свои традиции. Действительными и почетными членами МОИП, кроме уже упомянутого В.И. Вернадского, был цвет русского ученого общества: П.Н. Лебедев, Н.А. Умов, Н.Е. Жуковский, С.А. Чаплыгин, Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, И.П. Павлов, Д.Н. Анучин, В.А. Обручев, И.М. Сеченов, Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Н.В. Склифосовский, Н.Ф. Филатов, Ф.Ф. Эрисман и др. [5. С. 1].

В 1878 г. было создано Русское физико-химическое общество (РФХО). Как и МОИП, оно – университетское (организовано на базе химического и физического обществ при Императорском С.-Петербургском университете в составе физического и химического отделений). Таких обществ существовало десятки во всех университетах империи (наиболее распространенные – общества естествоиспытателей и врачей, юридические общества, общества любителей словесности, общества истории и древностей, физические и химические общества и некоторые другие). Понятно, что претендовать на общероссийский статус могли только немногие из них. Еще в 1868 г. учреждавшееся при С.-Петербургском университете химическое общество, по замыслу основателей, должно было стать общероссийским. Те же стремления преследовались отцами-основателями РФХО. В работе РФХО, изначально объединявшего естествоиспытателей Санкт-Петербурга, затем принимали участие и иногородние ученые, хотя петербуржцы и составляли большинство его членов. Масштаб Русского физико-химического общества, по оценкам современных исследователей, так и не стал

общенациональным. Планы об организации отделений во всех университетах страны остались нереализованными. Однако сообщество физиков и химиков в дореволюционной России было тесным. В 1880-е гг. физик Н.А. Гезехус отмечал, что РФХО сосредоточило в себе почти все, «что касается физики в России» (цит. по: [6]). Действительно, состав РФХО был в высшей степени представительным (Д.И. Менделеев, Д.С. Рождественский, О.Д. Хвольсон, Р.Э. Ленц и др.). Передовые открытия и разработки мирового уровня презентовались на заседаниях этого РФХО. Академик В.Ф. Миткевич вспоминал, как именно на заседании РФХО А.С. Попов продемонстрировал радиотелеграфную передачу текста: «Показанная им радиотелеграфная установка была логическим развитием его грозоотметчика, продемонстрированного Поповым на историческом заседании физического отделения Русского физико-химического общества 7 мая 1895 года, историческом потому, что эта дата признана всем миром днем открытия радио... Памятное заседание происходило днем в воскресенье. В большой аудитории старой физической лаборатории во дворе Петербургского университета. В этой скромной, рядовой аудитории была установлена радиоприемная станция с аппаратом Морзе... Все собравшиеся сознавали, что присутствуют при демонстрации изобретения, будущее которого уже тогда представлялось величайшим. Волнение участников заседания усиливалось еще тем, что текст первой в мире радиотелеграммы был известен только Попову и Рыбкину... Все достижения современной радиотехники берут начало от этой скромной, маленькой депеши» [7]. Научный авторитет РФХО еще до революции был высок и среди зарубежных ученых [8. С. 475].

Таким образом, критерии отбора научных и научно-практических обществ, адекватных целям нашего проекта, – это общероссийский характер или, во всяком случае, небезосновательные претензии на этот характер (в том числе наличие иногородних членов и региональных отделений), представительный состав, наличие передовых исследований и разработок. Так, например, в выборку было включено Московское математическое общество (ММО), но не С.-Петербургское. В состав ММО, изначально немногочисленного по составу, в 1913 г. уже входило 112 членов, из которых 34 были москвичами, 57 – иногородними, 21 – иностранцами. Деятельность и значение ММО приняли общенациональный характер, само оно, по оценке авторитетного историка математики А.П. Юшкевича, «уступало только Академии наук» (цит. по: [9. С. 190]). Открытое в 1890 г. С.-Петербургское математическое общество было менее престижным и масштабным, чем Московское. Объяснялось это близостью к Академии наук – одного из главных мировых центров в области математических наук, конкурировать с которым было сложно.

Кроме упомянутых обществ, в категорию «НО» включены С.-Петербургское минералогическое общество; Московское общество сельского хозяйства; Общество для поощрения лесного хозяйства; Общество

любителей естествознания, антропологии и этнографии; Общество для содействия русской промышленности и торговле; Общество для содействия русскому торговому мореходству; Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова (Пироговское общество); Общество горных инженеров; Русское астрономическое общество; Русское металлургическое общество; Русское ботаническое общество. Особым пунктом в категорию включено Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова. Сегодня оно оценивается как «первый фонд поддержки научных исследований» в истории российской науки. Оно тоже находилось в ведении двух учреждений высшего образования – Московского университета и Московского технического училища. От других научных и научно-практических обществ Леденцовское общество отличалось уточненной, в сравнении с традиционными, программой – экспертиза, отбор и точечная финансовая поддержка исследований по естественным и техническим наукам (впрочем, по весьма широкому перечню: химия, биология, физика, метеорология, химическая технология и технология волокнистых веществ, горное дело и металлургия, физиология человека и медицинские науки, электротехника, воздухоплавание, железнодорожное, строительное и архитектурное дело, отопление, вентиляция, машины, орудия, приспособления и аппараты различного назначения, сельскохозяйственные машины, изобретения военно-санитарного характера и военная техника, область ремесел, двигатели всех родов). Финансовая поддержка оказывалась отдельным ученым и другим обществам (среди них – те же МОИП и РФХО) [10. С. 33]. В состав Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова входили не только ученые, но и промышленники.

Утверждается, что благодаря инициативам Леденцовского общества в России были созданы «первые научно-исследовательские институты» [10. С. 33–34]. Это не совсем так, хотя определенный импульс к отделению науки от образования общество, безусловно, и придало. Даже если не брать в расчет Академию наук (институт особая во всех отношениях), де-факто характер научно-исследовательских учреждений носили основанные задолго до Общества Леденцова Императорский Ботанический сад (Петербург), Главное гидрографическое управление Морского ведомства, Главная (Пулковская) астрономическая обсерватория, Главная физическая обсерватория, Центральный статистический комитет МВД, Геологический комитет Министерства торговли и промышленности, Главная палата мер и весов (ГПМВ). Они действовали на постоянной основе и преследовали сугубо исследовательские, хотя зачастую и прикладные (что совсем не противоречит принципам организации того, что позднее будет названо и институционализировано как «научно-исследовательский институт») цели. И дело здесь не только в названиях и официальных функциях, но и в сущности работы заведения.

Выяснение данных аспектов – тоже часть работы по отбору данных для нашей исторической ГИС. Так,

например, Депо образцовых мер и весов существовало в России с 1842 г. В 1893 г. по инициативе Д.И. Менделеева оно было преобразовано в Главную палату мер и весов. Благодаря усилиям и энергии Д.И. Менделеева, первого хранителя Палаты, она превратилась в солидное научное учреждение, известное и за рубежом. Цели деятельности Главной палаты мер и весов были как прикладными (контроль мер, принятых в областных и губернских учреждениях; экспертиза и консультирование по запросам центральных (прежде всего Министерства финансов) и местных органов власти; проверка торговых мер и весов, ревизии поверочных учреждений), так и фундаментальными (составление сравнительных таблиц российских и иностранных мер и весов, сбор и хранение прототипов российских мер и копий с мер иностранных). Созданная под руководством Д.И. Менделеева система отечественных мер и весов, соотнесенных с мировыми стандартами, имела важное значение для науки и техники, торговли и промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Однако если в случае с ГПМВ можно сомневаться в соответствии его статусу «научное учреждение», более бесспорный, с нашей точки зрения, кейс – это Институт экспериментальной медицины (ИЭМ). Он был основан в 1890 г. и его ждало большое будущее. Данная категория наших данных (научные учреждения, а точнее их отсутствие) – тоже известная мишень для критики со стороны как ученых – современников исследуемой эпохи (конкретно позднеимперского периода), так и советских и современных историков. По-прежнему нередко считается, что Россия отставала от европейских стран по организации научных институций, отделенных от образования. В качестве передового примера порой приводится германское Общество кайзера Вильгельма, которым восхищались некоторые русские ученые, проходившие там стажировку. Но с этим непросто согласиться. Созданию ИЭМ предшествовала деятельность бактериологических станций, среди которой наиболее успешной была станция будущего лауреата Нобелевской премии И.И. Мечникова в Одессе. И.И. Мечников, Н.Ф. Гамалея, другие русские микробиологи работали в 1880-е гг. в тесном контакте с Луи Пастером. Эта деятельность велась при поддержке государства и, в частности, при личном содействии принца А.П. Ольденбургского – одного из организаторов создания ИЭМ [11]. Как и Пастеровский институт во Франции, Институт экспериментальной медицины изначально создавался с конкретными целями – исследование инфекционной патологии, разработка методов бактериологического анализа, предотвращение эпидемий и борьба с инфекционными заболеваниями. Первый заведующий физиологическим отделением ИЭМ – И.П. Павлов, в 1904 г. удостоенный Нобелевской премии. Институт экспериментальной медицины был создан всего спустя 3 года после организации Института Пастера во Франции. По современным оценкам, организация ИЭМ завершила начальный этап становления и развития микробиологии в Российской империи.

Этот институт стал центром, координирующим деятельность региональных бактериологических институтов (Одесса, Москва, Харьков, Казань, Киев, Томск), крупным научно-исследовательским центром, во многом определившим политику страны в области сбережения народного здоровья [11. С. 243–244].

В первые годы работы ИЭМ его деятельность характеризовалась так: «На долю России выпала честь открытия у себя первого на свете, по времени основания, учреждения, охватывающего все отрасли научно-медицинской работы. Подобного рода учреждения существуют и в Европе, но они либо преследуют специальные цели, как, например, Пастеровский институт в Париже, либо ограничивают круг своей деятельности тесными рамками учебного пособия, предназначенного для слушателей учебных заведений... Само собой разумеется, что центральным фокусом деятельности Института, областью, где он выступает во всеоружии всех средств исследования, является всякого рода зараза и всякого рода ее производители, т.е. микроорганизмы растительного и животного происхождения» [12. С. 364]. Приведенные оценки (узкая и широкая специализации ИЭМ) не сильно противоречат друг другу – микробиология была драйвером для развития ряда научных направлений. Но и до создания ИЭМ в России был ряд крупных центров медико-биологических исследований. Концентрировались они по преимуществу в императорских университетах и Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. Новация модели ИЭМ – в отделении науки от преподавания, в строгой ориентации на передний край науки (без других миссий, характерных для университетов и прочих типов высших учебных заведений). Институт экспериментальной медицины – первооснова, прототипическая модель научно-исследовательских институтов СССР. И этот опыт реализовывался одновременно с Европой.

Хотя собранная нами категория «НУ» немногочисленна (всего 10 единиц), это объясняется не «реакционной» политикой Российской империи и не отставанием российской науки – это был только первый этап зарождения собственно научной сети в стране. Требовалось время для апробации и анализа этого опыта. Бездумные решения и недальновидные финансовые вложения в такие проекты были бы нерациональны.

Все выбранные объекты имеют свои характеристики. Среди них хронологические рамки (даты основания или (важно) присвоения учреждению юридического статуса, придающего его студентам, выпускникам, профессорам и прочим преподавателям профессиональные и/или сословные права, свойственные для государственных высших учебных заведений Российской империи (касается как правительственной, так и неправительственной высшей школы)), название учреждения (организации) на момент открытия, в 1917 г. (верхняя рамка нашего исследования) и в 2024 г. (для целей геокодирования), институциональные характеристики (ведомственная принадлежность), тип учреждения, специализация, половой состав. Каждый объект охарактеризован в кратком справочном тексте.

Данные были обобщены в таблице, созданной в формате Excel и адаптированной для импорта в платформу NextGIS.

Для полигональных объектов (регионы) таблица содержала информацию о демографических и промышленных показателях, транзитной значимости, а также дополнительное пояснение в текстовом виде. Главный источник сведений – 2-е издание фундаментального труда «Фабрично-заводская промышленность и торговля России» (1896). В разделе, написанном Д.И. Менделеевым, выделены «14 промышленных краев, или районов, России» (далее также – укрупненные регионы): центральный, или московский (Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская губернии), балтийский, или петербургский (Петербургская, Новгородская, Псковская, Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии), финляндский (Великое княжество Финляндское), северный (Олонецкая, Архангельская и Вологодская губернии), восточный район Европейской России (Вятская, Казанская, Уфимская, Оренбургская, Пермская и Самарская губернии), сибирский (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Якутская, Забайкальская, Амурская, Приморская области), средне-азиатский (Семипалатинская, Семиреченская, Акмолинская, Тургайская, Уральская, Самаркандская, Ферганская, Закаспийская и Сыр-Дарьинская области), кавказский (все Закавказье, Ставропольская губерния, Область Войска Кубанского), южный (Область Войска Донского, Астраханская, Екатерино-

славская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская губернии), юго-западный (Подольская, Волынская, Киевская), привислинский (польские губернии), северо-западный (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская губернии), малороссийский (Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии), центральный черноземный (Тульская, Орловская, Рязанская, Курская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Симбирская, Воронежская губернии) [13. С. 20–33].

Д.И. Менделеев руководствовался «наиболее распространенным способом группировки» губерний. Данные им характеристики районов содержат сведения о площади, количестве населения, ресурсной базе, состоянии промышленности и сельского хозяйства. Но никаких сведений о научно-образовательном потенциале ученых не приводил, хотя наука к концу XIX в. уже прочно закрепляла за собой статус одного из ключевых факторов экономического развития. Связи между научно-образовательной и промышленной сферами проявлялись в подготовке кадров первой для последней, в осуществлении имеющих практические перспективы фундаментальных и прикладных исследований, в конкретных экспертной деятельности (об определенных противоречиях между миссией классических университетов и практической направленностью научно-экспертной деятельности их преподавателей в дореволюционной России см.: [14]).

Наша историческая ГИС в известной мере расширяет карту Д.И. Менделеева, и нам представляется, что встраивание в нее данных о научно-образовательном потенциале является мягким и органичным (рис. 1).

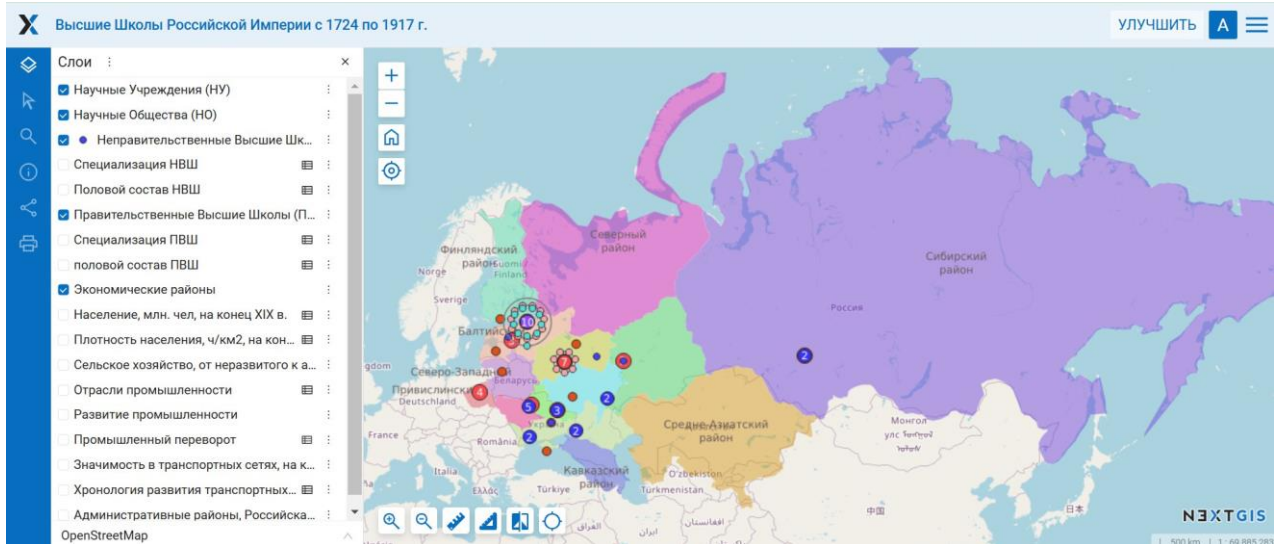

Рис. 1. Распределение вузов, научных обществ и научных учреждений по промышленным районам Российской империи (1917 г.)

Так, например, сибирский промышленный район в своих границах полностью совпадает с Западно-Сибирским, Восточно-Сибирским и Приамурским учебными округами. Потребности в высшем образовании этого района до 1900 г. (год открытия Технологического института в Томске; отметим, что в 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, не включенный в нашу выборку (см. выше)) обслуживал один Императорский Томский университет.

Изначально, правда, в нем по преимуществу обучались выходцы из Европейской России. Это было обусловлено тем, что возможность поступать в него получили выпускники духовных семинарий (часто не имевших права поступать в столичные вузы, а потому устремившиеся в Томск), а выпускников сибирских гимназий в конце 1880-х – 1890-е гг. было немного. Из 166 врачей первых трех выпусков медицинского факультета 107 приехали поступать в Сибирь из европейской

части России [15]. Но половина всех выпускников осталась на службе в Сибири. В то же время контингент уроженцев Сибири среди студентов Томского университета увеличивался по мере развития сети средних учебных заведений в крае. Другой пример: территория Киевского учебного округа (КУО) в основном совпала с выделенными Д.И. Менделеевым юго-западным и малороссийским промышленными районами. Исключение – Харьковская губерния, входившая в Харьковский учебный округ. На начало 1897 г. в Императорском университете Св. Владимира (ИУСвВ – на тот момент основной научно-образовательный центр юго-западного и малороссийского промышленных районов), судя по архивным данным, обучалось 1 607 студентов, получивших предварительное образование на территории КУО [16. Л. 92]. Это составляло 61% от общего студенческого контингента ИУСвВ. Важно отметить и то, что научные интересы ученых из местных университетов чаще всего выстраивались вокруг изучения своего края (приблизительно в границах промышленных районов) в естественном и историческом отношениях.

Выбор программного обеспечения для разработки ГИС осуществлялся в соответствии со следующими критериями: наличие доступа в российской сети, возможность бесплатной самостоятельной разработки, поддержка публикации карты в сети, возможность работы без навыков программирования, наличие встроенного или стороннего геокодирования, поддержка временных слоев (таймлайна), наличие справочной документации и сообщества. Выбор делался между NodeGoat и NextGIS. NodeGoat оказался подходящим с точки зрения структуры гуманитарных данных и наличия таймлайна, но публикация созданной на его базе интерактивной карты невозможна в бесплатной версии, документация частично устарела. Поддержка была недоступна, а работа с полигональными объектами – крайне ограниченной. Был выбран NextGIS, который, несмотря на отсутствие встроенного таймлайна, обеспечивал бесплатную веб-публикацию, поддержку, активное сообщество и гибкий интерфейс. Вопрос таймлайна был решен через обходные технические решения (см. ниже), а ограничения платформы были компенсированы визуальными средствами.

Так как NextGIS не предоставляет встроенного инструмента геокодирования, координаты X и Y (в проекции Web Mercator) были получены с помощью стороннего сервиса A2Geo и внесены вручную в таблицы. Геокодирование производилось по названиям городов. В качестве базовой карты использовалась OpenStreetMap. Для полигональных объектов (14 укрупненных регионов Российской империи) была использована цифровая копия карты административного деления 1914 г. Несмотря на то, что с 1896 по 1914 г. административное деление Российской империи несколько изменилось, на границы промышленных районов в целом это повлияло не сильно. Так, например, в 1909 г. была восстановлена существовавшая с 1849 по 1856 г. Камчатская область. Тогда же из Приморской была выделена Сахалинская область. Но это не изменило границ выделенного ранее Д.И. Менделеевым сибирского промышленного края. Изображение (в формате Jpeg) не имело географической привязки и

требовало ручного совмещения опорных точек (города, устья рек, природные ориентиры). С помощью MapWarper была выполнена привязка и перепроецирование. Далее регионы были отрисованы вручную поверх геоподосновы, объединены в слои и снабжены атрибутами из таблицы.

Каждый тип точечных объектов был преобразован в отдельный слой с набором фильтров. Временной аспект отображался через фильтрацию по дате открытия; использование цветowych градаций, символических индикаторов, числовых подписей; gif-анимации (созданные через ShareX) и галереи скриншотов с шагом по времени. Функционального таймлайна в финальной веб-публикации нет, однако указанные методы позволяют передать хронологическую динамику в статической или полуинтерактивной форме.

Разработанная историческая ГИС была размещена на веб-платформе NextGIS Web, доступ к ней организован через одностраничный сайт на домене ТГУ [17]. Пользователь может зумировать и перемещать карту, переключать и комбинировать слои, использовать «шторку» для сравнения двух слоев, просматривать подробную информацию по каждому объекту (точке или региону). Дополнительно размещены диаграммы, графики и файлы для скачивания. Ограничения платформы (отсутствие всплывающих подсказок, дифференцированной по размеру иконки кластеризации, интерактивного таймлайна) указаны в пользовательском руководстве.

Созданную ГИС можно рассматривать как потенциальный исследовательский инструмент. Пространственно-временное отображение информации не только усиливает визуализацию, но и позволяет по-новому взглянуть на взаимосвязи между институтами и экономико-демографическими характеристиками. Сопоставление нескольких слоев в едином интерфейсе позволяет выдвигать гипотезы, проверять интуитивные наблюдения и формулировать аналитические вопросы. Нанесенные на карту данные становятся более наглядными, можно судить о региональных особенностях.

Информация о научных обществах и учреждениях, нанесенная на карту, в свою очередь, позволяет рассматривать более широкую интеллектуальную инфраструктуру империи.

Исследователь может, к примеру, увидеть распределение вузов по половому составу в связке с плотностью населения в промышленных районах (рис. 2), рассмотреть, как распределяются вузы разных типов по промышленным районам (рис. 3). Пространственная близость не всегда означала институциональную связность, но в тех случаях, когда совпадения фиксируются, открывается возможность для более тонкого анализа траекторий научного развития.

Карта обладает минималистичным интерфейсом. Ограничения, с которыми пришлось столкнуться в процессе разработки, накладывают рамки на исследовательский потенциал. Региональные слои были созданы в укрупненной форме. Это не позволяет вести анализ на уровне губерний. Отсутствие интерактивного таймлайна означает, что пользователь не может в рамках карты «перемещаться во времени».

Временные изменения приходится передавать с помощью вспомогательных визуальных средств – градации цвета, числовых меток, gif-анимаций или галерей скриншотов.

Эти решения не в полной мере обеспечивают интерактивность, но позволяют зафиксировать динамику наглядным способом.

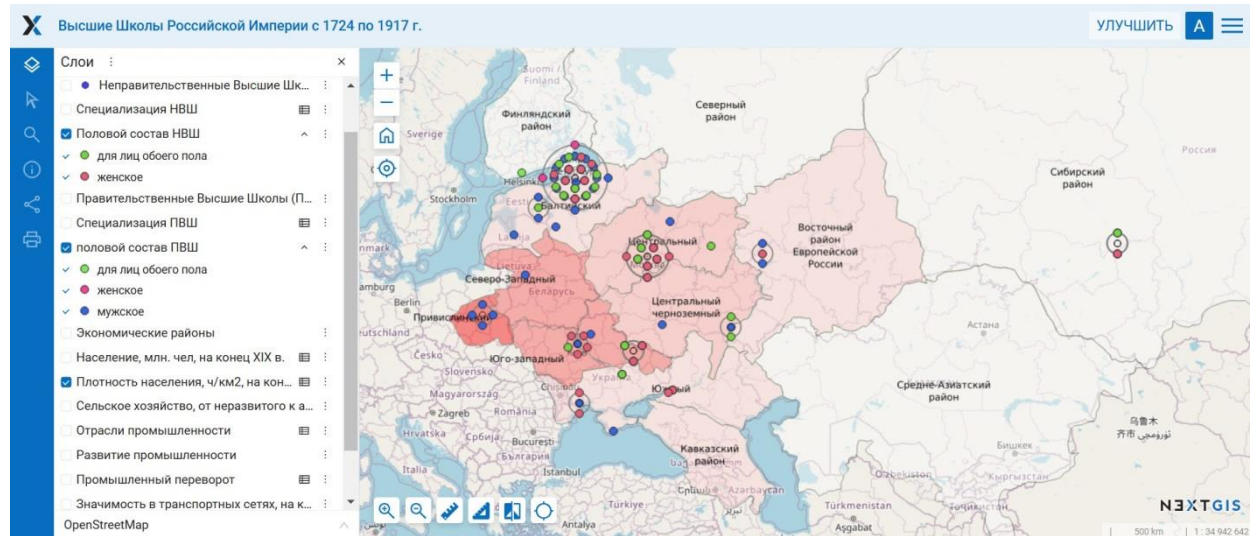

Рис. 2. Половой состав студенчества вузов и плотность населения в промышленных районах Российской империи (1917 г.)

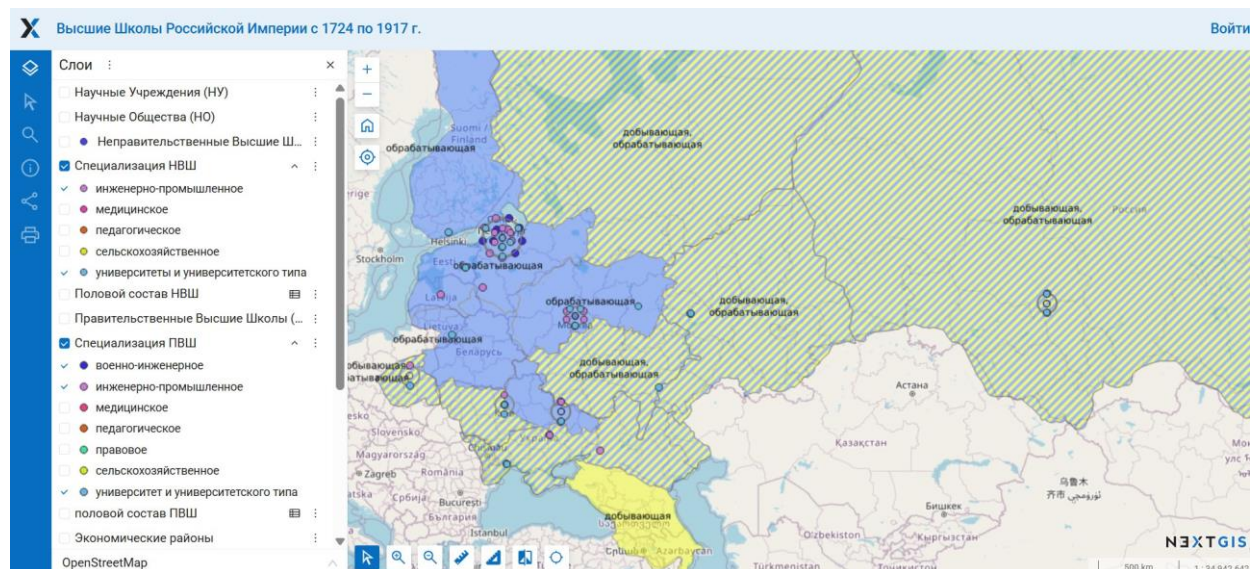

Рис. 3. Университеты, инженерно-промышленные и военно-инженерные вузы и промышленные районы Российской империи (1917 г.)

Взаимодействие с картой требует определенного навыка. Пользователь, не имевший опыта работы с Web-GIS, может столкнуться с трудностями при первой загрузке интерфейса. Однако базовые действия (зумирование, включение и выключение слоев, просмотр атрибутов объекта) вполне интуитивны и позволяют после недолгой адаптации уверенно ориентироваться в системе. Карта сопровождается справочной информацией и демонстрационными материалами, облегчающими освоение.

Разработанная система задает определенный уровень пространственного мышления, в котором становится возможно рассматривать исторические процессы не только как линейные или иерархические, но и как распределенные, сетевые, взаимосвязанные. Это особенно ценно в контексте изучения

научных и образовательных институций, для которых «география» – это не только пространство, но и структура влияния, доступности, автономии или зависимости.

Карта доступна широкому кругу исследователей, что выгодно отличает ее в условиях, когда доступ к международному программному обеспечению затруднен, исследовательские продукты коммерциализируются, а потребность в цифровых решениях в то же время возрастает. Приведенное в статье описание всего цикла исследования (от постановки проблемы до технических аспектов разработки ГИС) позволит всем желающим освоить эти методы. Гибкий подход к техническим решениям сыграл важную роль. Переход от одной платформы к другой, отказ от изначальных замыслов (например, встроенного таймлайна) и поиск

альтернативных решений в виде скриншотов, цветковых кодов и gif-анимаций позволили в целом не отступить от цели исследования при необходимости некоторых компромиссов. Результат – доступная, интуитивно понятная, открытая для использования система.

Но, с одной стороны, кажется, что выводы, которые мы можем сделать при работе с системой, слишком очевидны. Тезис о гиперцентрализации институтов знания в имперской России – это трюизм. С другой стороны, в позднеимперский период институты знания в то же время заметно децентрализовывались. Это заявило о себе не только открытием вузов в новых регионах (Сибирь (Томск), Нижнее Поволжье (Саратов)), но и практиками шефства (как в случае с ИЭМ и региональными бактериологическими институтами) и организацией региональных отделений университетов и научных обществ. Наиболее в этом отношении преуспели Русское географическое и Русское техническое общества. И если РГО основное внимание уделяло окраинам (отделения на Украине, Кавказе, Сибири и Дальнем Востоке, Туркестане), то сеть РТО распространялась главным образом на Европейскую Россию: Бакинское, Бессарабское (Кишинев), Богородское, Варшавское, Виленское, Владивостокское, Волыньское (Житомир), Восточно-Сибирское (Иркутск), Донское (Ростов-на-Дону), Екатеринославское, Иваново-Вознесенское, Кавказское (Тифлис), Казанское, Киевское, Кременчугское, Кронштадтское, Либавское, Московское, Нижегородское, Николаевское, Новороссийское (Одесса), Пензенское, Пермское, Саратовское, Терское (Грозный), Томское, Тульское, Туркестанское (Ташкент), Уральское (Екатеринбург), Харьковское, Ярославское.

В вопросах децентрализации имперская власть придерживалась противоречивого подхода. С одной стороны, трудности управления отдаленными регионами сдерживали сановников при решении об открытии университетов. Так случилось в случае с Сибирью. Из-за опасений К.П. Победоносцева Томский университет в итоге пришлось открыть в составе одного медицинского факультета (изначально К.П. Победоносцев настаивал на отказе от идеи открытия этого университета). Университеты пореформенной эпохи, периода действия устава 1863 г., прочно зарекомендовали себя как центры радикализма, рассадники нигилизма и социалистических идей, так что даже ультраконсервативный К.П. Победоносцев имел определенные основания для своих опасений. Вспоминая этот период, министр народного просвещения И.Д. Делянов в одном из писем отмечал: «Положительно могу сказать, что в хваленое время... советы землячеств [были] маленькие веточки общей революционной организации (на что у меня официальные документы на руках)» [18. Л. 1]. С другой стороны, напротив, децентрализация на определенном этапе стала способом «разгрузки» столицы – снижения в ней студенческой политической активности и влияния либеральной профессуры. Именно по этой причине в 1916 г. в Перми было организовано отделение Петроградского университета, оттянувшее часть преподавательского и студенческого контингента.

Политические соображения занимали свое место при формировании правительственной логики расширения сети вузов. В 1912 г., при очередном обсуждении в Совете министров вопроса об открытии университета и политехнического института на Кавказе, было отмечено: «Во всех беспорядках последнего времени в высших школах всегда принимали видное участие кавказские уроженцы, а, следовательно, не лишены вероятия предположения, что почти исключительно заполненный ими университет явится новым очагом революционного брожения на националистическо-армянской подкладке» [19. Л. 6]. Особенность кавказского промышленного района – активно развивавшаяся добывающая (нефть, медь, каменный уголь, соли, сера) и обрабатывающая промышленность. Приоритет для этого края – техническое высшее образование и развитие технических отраслей науки. Но в это время в географической близости от Кавказа – в Новочеркасске (соседний южный промышленный район) с 1907 г. уже действовал Донской политехнический институт, функционировали отделения РТО в Ростове-на-Дону, Баку, Тифлисе, Грозном. Иными словами, в 1912 г. этот регион в аспекте развития сети вузов приоритетным не был, в нем уже органично и поступательно, выражаясь современным языком, кластерно развивалась промышленность в связке с определенной профильной частью научно-образовательной системы страны. Хотя в идеальном мире с неограниченными ресурсами открытие университета в Тифлисе было бы не лишним, в неидеальном мире позднеимперской России отказ от этого шага – политическое решение, адекватное общеимперским и региональным реалиям.

Та же логика, вполне рациональная, действовала в отношении Сибири. Конечно, общественные круги региона требовали открытия горных институтов в Барнауле и Иркутске; сельскохозяйственных институтов в Барнауле, Красноярске, Новониколаевске, Омске, Иркутске; политехнического института в Новониколаевске; ветеринарного института в Омске; технологических институтов в Иркутске и Благовещенске [1. С. 374–375]. Но с государственной точки зрения это было бы непоследовательным шагом, и консервативные и реакционные настроения здесь не играли особой роли. На разработанной нами карте хорошо видно, что территориальная протяженность сибирского промышленного района сочеталась с крайне низкой плотностью населения, хотя в условиях активных сельскохозяйственных переселений население в количественном отношении и увеличивалось (правда, это увеличение все равно не соответствовало гигантским площадям края). Регион вступил в эру промышленного переворота только на рубеже XIX–XX вв., а завершился он только в 1950–1960-е гг. [20. С. 105]. Деятельность Томского технологического института и Императорского Томского университета вполне соответствовала этапам и динамике развития сибирского промышленного района.

На названном выше заседании Совмина отмечалось: «Совет министров принял во внимание, что желательность широкого развития сети отечественных высших учебных заведений, вообще говоря, не может

вызывать никаких сомнений. Но... возможность практического исполнения означенной задачи ограничивается довольно скромными пределами, обязывающие подчинить осуществление ее требованиям благоразумной постепенности, ибо только при этом условии можно рассчитывать на обеспечение вновь открываемых высших школ надлежащими денежными средствами и преподавательским составом» [19. Л. 3]. Такая позиция разумна и продуманна. Постепенность и рациональность при региональном распределении вузов и научных учреждений – это то, что можно назвать характерной особенностью научно-технической и научной-образовательной политики позднимперской России. Вторая ее особенность – делегирование форматов и направлений реализации этой политики научным и промышленным кругам. В авторитарном государстве – имперской России именно – ученые и пред-

приниматели, зачастую в рамках общественных институций (таких как Русское техническое общество), самостоятельно, без мелочной опеки государства, проектировали и строили научно-образовательно-промышленный комплекс.

Конечно, разработанная историческая ГИС пока еще во многом иллюстрирует, а не продуцирует эти выводы и наблюдения. Сейчас это скорее модель, чем завершённый исследовательский продукт. Но в ней могут быть уточнены координаты, расширена атрибутивная часть, добавлены временные изменения границ и институциональных систем. Структура продукта позволяет интегрировать в систему новые типы объектов. С усложнением этой системы (задействование новых факторов исследуемого развития), усилением ее исследовательского потенциала связаны перспективы исследования.

Список источников

1. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. 392 с.
2. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917. 9 нояб.
3. Фандо Р.А. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского: у истоков экспериментальной биологии // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9, № 4. С. 57–78.
4. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 3. С. 904–920. doi: 10.21638/11701/spbu02.2020.312
5. Садчиков А.П. Московскому обществу испытателей природы исполнилось 210 лет // Вестник экономического образования в России. 2015. Т. 1, № 75. С. 1–4.
6. Корзухина А.М. Русское физико-химическое общество (РФХО) и его роль в русской физике (1870–1917) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М. : Диполь-Т, 2003. С. 172–173.
7. Миткевич В.Ф. Демонстрация первой радиотелеграфной установки // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках : в 3 т. Т. 2. 1862–1916 : в 2 кн. Кн. I. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2024. С. 104–105.
8. Синельникова Е.Ф. Русское физико-химическое общество на излете своей истории (1917–1930 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5 (50). С. 474–480. doi: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).474-480
9. Демидов С.С., Тихомиров В.М., Токарева Т.А. Московское математическое общество в развитии отечественной математики (к 150-летию основания) // Успехи математических наук. 2015. Т. 70, вып. 1. С. 189–203.
10. Смирнова М.Н., Иванов В.К. Общество Леденцова: первый фонд поддержки научных исследований в России // Природа. 2020. № 5 (1257). С. 32–41.
11. Мазинг Ю.А., Андриюшкевич Т.В. Создание Института, подобного пастеровскому в Париже (к 125-летию Указа императора Александра III) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2013. Вып. 4. С. 226–254.
12. Императорский Институт экспериментальной медицины // Всемирная иллюстрация. 1891. Т. XLVI, № 1192. С. 364–367.
13. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. С приложением общей карты фабрично-заводской промышленности Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Типография И.А. Ефрона, 1896. 636 с.
14. Грибовский М.В. Классические университеты в научно-технологическом развитии Российской империи и СССР: покидая башню из слоновой кости // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 5. С. 136–149. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-136-149
15. Десятилетие Томского университета (по отчету ректора университета А.И. Судаков) // Сибирская жизнь. Томск. 1898. 27 окт.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 203. Д. 1948.
17. Научно-образовательные и промышленно-технологические центры Российской империи. Томск, Томский государственный университет, проект № FSWM-2024-0008. URL: <https://sciencetechnology.tsu.ru/> (дата обращения: 28.09.2025).
18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 244. Оп. 1. Д. 4.
19. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 723.
20. Зиновьев В.П. Промышленный переворот в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 101–107. doi: 10.17223/15617793/507/11

References

1. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Higher Education in Russia in the Late 19th – Early 20th Century]. Moscow: USSR Institute of History.
2. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) Tomsk. 9 November.
3. Fando, R.A. (2017) *Moskovskiy gorodskoy narodnyy universitet imeni A.L. Shanyavskogo: u istokov eksperimental'noy biologii* [Moscow City People's University named after A.L. Shanyavsky: At the Origins of Experimental Biology]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya -- Studies in the History of Biology*. 9 (4). pp. 57–78.
4. Zinov'ev, V.P. & Sulyak, S.G. (2020) *Nauchnye i tekhnicheskie obshchestva Tomskoy gubernii* [Scientific and Technical Societies of Tomsk Province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 65 (3). pp. 904–920. doi: 10.21638/11701/spbu02.2020.312
5. Sadchikov, A.P. (2015) *Moskovskomu obshchestvu ispytateley prirody ispolnilos' 210 let* [The Moscow Society of Naturalists Turns 210]. *Vestnik ekonomicheskogo obrazovaniya v Rossii*. 1 (75). pp. 1–4.
6. Korzukhina, A.M. (2003) *Russkoe fiziko-khimicheskoe obshchestvo (RFKhO) i ego rol' v russkoy fizike (1870–1917)* [The Russian Physico-Chemical Society (RPCS) and Its Role in Russian Physics (1870–1917)]. In: *IJET RAN. Godichnaya nauchnaya konferentsiya 2003 g.* [IHST RAS. Annual Scientific Conference 2003]. Moscow: Dipol'-T. pp. 172–173.
7. Mitkevich, V.F. (2024) *Demonstratsiya pervoy radiotelegrafnoy ustanovki* [Demonstration of the First Radiotelegraph Installation]. In: *Sankt-Peterburgskiy universitet v vospominaniyakh i dnevnikakh: v 3 t.* [Saint Petersburg University in memoirs and diaries: in vol.]. Vol. 2. 1862–1916: in 2 books. Book I. St. Petersburg: Saint Petersburg University. pp. 104–105.

8. Sinel'nikova, E.F. (2023) Russkoe fiziko-khimicheskoe obshchestvo na izlete svoey istorii (1917–1930 gg.) [The Russian Physico-Chemical Society at the End of Its History (1917–1930)]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (50). pp. 474–480. doi: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).474-480
9. Demidov, S.S., Tikhomirov, V.M. & Tokareva, T.A. (2015) Moskovskoe matematicheskoe obshchestvo v razvitii otechestvennoy matematiki (k 150-letiyu osnovaniya) [The Moscow Mathematical Society in the Development of Russian Mathematics (On the 150th Anniversary of Its Foundation)]. *Uspekhi matematicheskikh nauk*. 70 (1). pp. 189–203.
10. Smirnova, M.N. & Ivanov, V.K. (2020) Obshchestvo Ledentsova: pervyy fond podderzhki nauchnykh issledovaniy v Rossii [The Ledentsov Society: The First Foundation for Supporting Scientific Research in Russia]. *Priroda*. 5 (1257). pp. 32–41.
11. Mazing, Yu.A. & Andryushkevich, T.V. (2013) Sozdanie Instituta, podobnogo pasterovskomu v Parizhe (k 125-letiyu Ukaza imperatora Aleksandra III) [The Creation of an Institute Similar to the Pasteur Institute in Paris (On the 125th Anniversary of Emperor Alexander III's Decree)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Meditsina*. 4. pp. 226–254.
12. Imperatorskiy Institut eksperimental'noy meditsiny [The Imperial Institute of Experimental Medicine]. (1891) *Vsemirnaya illyustratsiya*. XLVI (1192). pp. 364–367.
13. Anon. (1896) *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii. S prilozheniem obshchey karty fabrichno-zavodskoy promyshlennosti Rossiyskoy imperii* [Factory and Plant Industry and Trade of Russia. With an Appendix of a General Map of the Factory and Plant Industry of the Russian Empire]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya I.A. Efrona.
14. Gribovskiy, M.V. (2024) Klassicheskie universitety v nauchno-tekhnologicheskoy razvitii Rossiyskoy imperii i SSSR: pokidaya bashny iz slonovoy kosti [Classical Universities in the Scientific and Technological Development of the Russian Empire and the USSR: Leaving the Ivory Tower]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 33 (5). pp. 136–149. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-5-136-149
15. *Sibirskaya zhizn'*. (1898) Desyatiletie Tomskogo universiteta (po otchetu rektora universiteta A.I. Sudakova) [The Decade of Tomsk University (According to the Report of University Rector A.I. Sudakov)]. (1898) *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 27 October.
16. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 733. List 203. File 1948.
17. Nauchno-obrazovatel'nye i promyshlenno-tekhnologicheskiy tsentry Rossiyskoy imperii [Scientific-Educational and Industrial-Technological Centers of the Russian Empire]. (n.d.) Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy universitet, projekt № FSWM-2024-0008. [Online] Available from: <https://sciencetechnology.tsu.ru/> (Accessed: 28.09.2025).
18. Manuscript Department of the National Library of Russia (OR RNB). (n.d.) Fund 244. List 1. File 4.
19. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 919. List 2. File 723.
20. Zinov'ev, V.P. (2024) The Industrial Revolution in Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta -- Tomsk State University Journal*. 507. pp. 101–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/507/11

Информация об авторах:

Степнов А.О. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Шилова М.В. – аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: marvsh@yandex.ru

Некрылов С.А. – д-р ист. наук, зав. кафедрой российской истории, ведущий научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.O. Stepnov, Cand. Sci. (History), senior lecturer, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

M.V. Shilova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marvsh@yandex.ru

S.A. Nekrylov, Dr. Sci. (History), head of the Department of Russian History, leading research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.09.2025;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 29.09.2025;
approved after reviewing 05.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 94(57):911.37
doi: 10.17223/15617793/520/18

Исторические судьбы поселков городского типа республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период

Елена Евгеньевна Тиникова¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается изменение социально-экономического значения поселков городского типа в Бурятии, Туве, Хакасии и Якутии с 1991 г. по настоящее время на основе изучения данных официальной статистики. Показаны основные траектории трансформации данного типа поселений в аспекте их людности и экономического потенциала. В результате установлена их значительная роль в поселенческом каркасе республик, несмотря на снижение их количества. Анализ описанных в статье процессов необходим для оценки урбанизации этих республик, а также Сибири и Дальнего Востока в целом.

Ключевые слова: историческая урбанистика, республики Сибири и Дальнего Востока, Бурятия, Тува, Хакасия, Якутия, поселки городского типа

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>.

Для цитирования: Тиникова Е.Е. Исторические судьбы поселков городского типа республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 173–181. doi: 10.17223/15617793/520/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/18

Historical destinies of urban-type settlements in the republics of Siberia and the Far East during the post-Soviet period

Elena E. Tinikova¹

¹ Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation, lena.tinikova@mail.ru

Abstract. The article examines the main changes in the socio-economic significance of urban-type settlements in Buryatia, Tuva, Khakassia, and Yakutia from 1991 to the present. Administrative ruralization in the republics of Siberia and the Far East – which became a characteristic phenomenon for the country at the turn of the 21st century – affected only urban-type settlements. The mass disappearance of urban-type settlements at the end of the 20th century, which led to the disintegration of territorial-settlement ties, may become one of the serious threats to security for the sparsely populated regions of the republics of Siberia and the Far East, both in socio-economic, demographic, and military-political aspects. The work uses materials from population censuses, as well as official statistics published on the website of the Federal State Statistics Service. The main research methods in the preparation of the article were statistical and comparative-historical methods. Statistical methods made it possible to trace quantitative changes in the total number of urban-type settlements and the number and dynamics of their population. The comparative-historical method was used to compare facts and processes that took place in different republics and to identify common and special features in the development of their urban-type settlements. In the author's opinion, several stages can be distinguished in the history of the administrative-territorial structure of the republics of Siberia and the Far East in the post-Soviet period: from 1991 to 2002, from 2003 to 2009, and from 2010 to the present. By the beginning of the 1990s, the region was characterized by the maximum number of urban-type settlements for its entire history and by their great role in the settlement network. In subsequent years, their number, the population living in them, and consequently their importance permanently decreased. However, the proportion of the population living in urban-type settlements of the republics under study is higher than the national average. On the one hand, this is conditioned by the poor development of towns – their small number and population – and on the other hand, by large poorly developed areas, access to which is difficult due to the peculiarities of their natural and climatic conditions. In this regard, urban-type settlements are still of great importance here, not only as places for the development and placement of productive forces but also as transport hubs. The probability of a change in the established development trajectory of urban-type settlements – expressed in a decrease in their role in the urban network of the republics, both in terms of the development and placement of productive forces and human resources – is extremely low without additional incentives from government structures and business.

Keywords: historical urban studies, republics of Siberia and the Far East, Buryatia, Tuva, Khakassia, Yakutia, urban-type settlements

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>

For citation: Tinikova, E.E. (2025) Historical destinies of urban-type settlements in the republics of Siberia and the Far East during the post-Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 173–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/18

Введение

Вектор урбанизационного развития России после распада Советского Союза резко изменился. Одним из проявлений данных изменений стала судьба поселков городского типа (далее – пгт). Административная рурализация, ставшая характерным для страны явлением рубежа XX–XXI вв., в республиках Сибири и Дальнего Востока затронула исключительно пгт. Это свидетельствует о слабости социально-экономического потенциала тех поселений, которые утратили свой городской статус. Закрытие поселкообразующих предприятий стало для них приговором, а получение статуса сельских населенных пунктов и приобретение в связи с этим соответствующих льгот – одним из механизмов решения проблем. Сегодня поселков городского типа больше нет на Алтае, в Хакасии их осталось 7 из 18 (в 1989 г.), в Бурятии 12 из 33, в Туве 1 из 3, в Якутии 41 из 67. Несмотря на то, что процесс осельчанивания пгт длится уже более тридцати лет и оказывает влияние на сеть городских поселений, их плотность, на процессы урбанизации регионов, он до сих пор не стал предметом отдельного научного исследования. В республиках Сибири и Дальнего Востока отсутствуют какие-либо концепции, позволяющие оценить роль и место пгт в пространстве региона, а также перспективы их развития. Сегодня очевидным является не только факт снижения численности населения пгт, но и вероятность дальнейшей стремительной потери их населения, об этом свидетельствуют как данные статистики, так и социологических опросов, проведенных сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 2018, 2021 и 2024 гг. [1].

Анализ современной отечественной историографии показал, что в основном все исследования развития поселков городского типа связаны с изучением особенностей расселения населения пгт, изредка исследуются демографические процессы и социально-экономические проблемы их развития. Плюс ко всему сегодня практически отсутствуют исследования, посвященные развитию пгт в республиках Сибири и Дальнего Востока. Эта проблематика затрагивается лишь в трудах Е.Н. Федоровой (сопоставляются пути развития пгт и малых городов Якутии) [2], М.К. Мандыт и соавт. (пгт как часть сети поселений Тувы) [3, 4], А.С. Бреславского (динамика численности пгт республик Южной Сибири) [5], Е.Е. Тиниковой (жизнь в пгт Саяно-Алтая в эпоху перемен) [6].

Целью данной статьи является рассмотрение изменения роли пгт в республиках Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период. Выбор территориальных рамок исследования обусловлен высокой их ролью в автономиях на востоке России в годы советской

власти. Здесь они с учетом слабой развитости сети городских поселений являлись важными звеньями всего поселенческого каркаса региона.

Массовое исчезновение поселков городского типа в конце XX в., приведшее к распаду территориально-поселенческих связей, для малонаселенных районов республик Сибири и Дальнего Востока может стать одной из серьезных угроз безопасности как в социально-экономическом, демографическом, так и военно-политическом аспектах.

В работе использованы материалы переписей населения (далее – ВПН) [7–10], а также данные официальной статистики, опубликованные на сайте Федеральной службы государственной статистики [11]. Основными методами исследования при подготовке статьи явились статистические и сравнительно-исторический методы. Статистические методы позволили проследить количественные изменения в общем числе поселков городского типа, их людности, динамике их населения. Сравнительно-исторический метод применялся при сопоставлении фактов и процессов, происходивших в разных республиках, при вычленении общего и особенного в развитии их пгт.

Роль пгт в регионе в позднесоветский период

Позднесоветский период характеризуется максимальным числом пгт в национальных автономиях Сибири и Дальнего Востока за всю историю развития этого макрорегиона. Общее количество пгт на территории Алтая, Бурятии, Тувы, Хакасии и Якутии, согласно Всесоюзной переписи 1989 г., составляло 124 единицы. С учетом того, что количество городов в изучаемых регионах было относительно невысоким (24 единицы), пгт являлись незаменимым компонентом в структуре городских населенных пунктов. В пгт национальных автономий проживало 618,6 тыс. чел., что составляло более четверти (26,1%) городского населения и пятую часть (20,2%) всего населения.

Средняя людность населения пгт в этот период остановилась в районе 5 тыс. чел. Специфической чертой территориального развития исследуемых автономий была высокая доля (41,1%) небольших по численности (менее 3 тыс. чел.) пгт. При этом законодательно в стране на пгт распространялась норма в 3 тыс. чел. постоянного населения. Это явление имело несколько причин. Во-первых, часть пгт к моменту переписи потеряли существенную часть своего населения, а их расцвет пришелся на более раннюю эпоху, связанную, как правило, с индустриальным освоением территории. В качестве примеров таких пгт можно назвать хакасские поселки Орджоникидзевский, Приисковский, Сон, якутские – Нагорный, Эльгинский, бурятские – Баянгол, Танхой, Холтосон. Во-вторых, на ряд пгт возлагались

надежды на их перспективное экономическое развитие, а следовательно, ожидался и рост их населения. Прежде всего, это были относительно недавно возникшие населенные пункты: Пригорск в Хакасии, Янчукан в Бурятии, Табага в Якутии. В-третьих, масштабы работы поселкообразующих предприятий не предполагали большого количества рабочей силы, поэтому и пгт, организованные вокруг них, никогда не отличались большой численностью. Это было характерно для поселков городского типа, специализирующихся на добыче полезных ископаемых (слюда, золота и т.д.), а также имеющих на своей территории небольшие предприятия (например, авторемонтный завод или рыбозавод). К числу таких пгт можно отнести алтайскую Веселую Сейку, якутские Предпорожный, Ыныкуан, Бриндакит, Быковский, Канкунский, Ыллымах, бурятскую Ильку. В-четвертых, небольшой численностью традиционно отличались пгт, имеющие статус курортных поселков. В рассматриваемом регионе лишь одно пгт имело подобный статус – Жемчужный в Хакасии. Следует отметить, что в Туве малочисленные пгт в 1989 г. отсутствовали вовсе. Это было связано с утратой статуса пгт поселками Бай-Сют, Нарын и Эми в 1960-е гг. из-за низкой численности их населения. Вместе с тем большинство тувинских городов по качественным нормам по численности населения в большей степени соответствовали статусу пгт, чем городскому: в 1989 г. численность Турана составляла 6 тыс. чел., Шагонара 10,1 тыс., Чадана 10,8 тыс.

В то же время в изучаемых республиках перепись зафиксировала поселки городского типа, численность которых, напротив, превышала качественные нормы данного типа поселений – 12 тыс. чел. Общее количество таких пгт составляло 6 единиц. Большинство из них были расположены в Якутии (3 пгт), а также они имели место в Бурятии (2 пгт) и Хакасии (1 пгт). Самым многочисленным из них был якутский поселок городского типа Чульман (17,4 тыс. чел.).

Безусловно, значение пгт в территориальном каркасе каждой из пяти республик разнилось. Наименьшее значение они имели в региональной системе расселения Горно-Алтайской автономной области. В двух пгт проживало 5,6 тыс. чел., что составляло около 3% всех жителей.

Для слабоурбанизированной Тувинской АССР значение пгт также было незначительным. В пгт проживало около 6% всего населения республики и 12,6% городского населения. При этом сами пгт были достаточно людными. В трех пгт проживало 18,3 тыс. чел. Связано это было с их основной функциональной принадлежностью. Кызыл-Мажалык и Хову-Аксы являлись административными районными центрами, в которых находились относительно крупные промышленные предприятия, а Каа-Хем находился в пригородной зоне Кызыла.

Особую категорию поселков городского типа в Хакасии составляли транспортные центры (Сон, Туим, Копьево, Шири при Ачинско-Минусинской железной дороге, Аскиз и Бирикчуль – станции железнодорожной ветки Абакан – Междуреченск). Но функциональная деятель-

ность большинства хакасских пгт была связана с организацией работы предприятий добывающих отраслей промышленности. Средняя численность жителей в одном пгт Хакасии составляла в 1989 г. 5,3 тыс. чел., доля жителей пгт от всего населения Хакасской автономной области – 17%, от городского населения – 23,4%.

Поселковая сеть городских поселений Бурятии также сложилась в результате ее индустриального освоения и развития добывающих отраслей промышленности и промышленности строительных материалов. В отличие от крупных городских поселений, расположенных вдоль Транссибирской магистрали и участков БАМ, бурятские пгт были разбросаны по всей территории республики [12. С. 121]. Часть поселков городского типа выполняла функцию железнодорожных станций по линии Байкало-Амурской магистрали и располагались на севере Бурятии (Кичера, Новый Уоян, Северомуйск, Тоннельный, Янчукан). Средняя численность жителей в одном пгт Бурятии составляла в 1989 г. 5,7 тыс. чел., доля жителей пгт от всего населения республики – 18,2%, от городского населения – 29,5%.

Сложившуюся в конце 1980-х гг. сеть поселков городского типа Якутии, по мнению А.С. Бреславского, можно охарактеризовать как дисперсную [13. С. 71]. Между тем большая их часть располагалась в более комфортных для проживания природно-климатических условиях – в юго-западной и центральной частях Якутской АССР, и лишь некоторые из них находились за полярным кругом и в основном были связаны с разработкой месторождений или выполняли роль транспортных точек на путях следования грузов в отдаленные уголки республики. Средняя численность жителей одного поселка городского типа была относительно невысокой и составляла всего 4,6 тыс. чел., в то время как третья часть населения Якутии проживала в пгт и составляла 43% от всего городского населения.

Пути развития пгт в постсоветский период

Общим трендом для системы расселения республик Сибири и Дальнего Востока стало резкое сокращение числа пгт. Как правило, это было связано с изменением их статуса в пользу сельских поселений. В основном это происходило на фоне резкого сокращения численности населения отдельных пгт. Поэтому некоторые исследователи характеризуют эти процессы как «дезурбанизацию» [14]. Между тем имели место эпизоды, когда пгт, напротив, «дорастали» до статуса городов.

Сценарии развития пгт в постсоветский период, а также сохранение или изменение их административного статуса во многом зависели от следующих факторов: динамики численности их населения в разрезе миграционного и естественного прироста/убыли; изменения характера занятости большинства трудоспособного населения в контексте изменения или сохранения доминирующей функции городского населенного пункта; степени развитости социальной инфраструктуры пгт, подчеркивающей их несельский статус.

Можно выделить несколько основных вех в истории административно-территориального устройства субъектов России в современный период. Этап с 1991 по 2002 г. характеризуется «приспособлением советской системы административно-территориального деления к постсоветскому политическому и экономическому пространству» [15. С. 46]. В эти годы «разжалование» многих пгт в сельские поселения было обусловлено ликвидацией поселкообразующих предприятий или значительным снижением объемов их деятельности, и вследствие этого резким падением численности населения. По этим причинам в сельские населенные пункты были преобразованы: в 1991 г. пгт Гоуджекит Республики Бурятия, 1994 г. пгт Акташ и пгт Сейка Республики Алтай, в 1995 г. пгт Бельтырский и в 2001 г. пгт Приисковый Республики Хакасия, в 1999 г. пгт Быковский, Бестях, Ольчан, Сарылах Республики Якутия.

Еще одна группа пгт, сменивших свой статус на сельский, – административные районные центры. К ним относятся бурятский пгт Иволгинск (с 1991 г. село), тувинский пгт Кызыл-Мажалык (с 1996 г. село). Следует отметить, что подобная практика смены статуса административных районных центров с городского на сельский была распространена уже в позднесоветский период. Так, три бурятских пгт (Багдарин, Кырен, Хоринск) еще в 1990 г. стали селами. Для этой группы пгт характерно в целом сохранение населения или незначительная его потеря.

Отдельной категорией, ставшими сельскими населенными пунктами, можно считать поселки, являющиеся железнодорожными станциями. К их числу относятся хакаские пгт Балыкса (с 1996 г. село), пгт Бирикчуль (с 1996 г. село) и пгт Сонский (с 1997 г. село).

Особое место среди новых сельских поселений занимают малочисленные пгт Якутии, численность населения которых составляла в 1990-е гг. менее 500 чел. Речь идет о пгт Якокут (с 1993 г. село) и пгт Чагда (с 2001 г. село).

В 1990-е гг. в Якутии было ликвидировано ряд поселений золотодобытчиков АО «Куларзолото» и АО «Индибирзолото» в связи с их нерентабельностью в новых сложных транспортно-экономических условиях [16. С. 228]. В результате 1998 г. были упразднены пгт Власово, пгт Кулар и пгт Тенкели. В 2001 г. были упразднены еще два пгт: Канкунский и Лазо [17. С. 564]. Якутия стала единственной республикой, в которой пгт были не просто преобразованы в сельские населенные пункты, а полностью упразднены, а их население расселено. Эта политика в отношении пгт в целом была характерна для северных регионов Дальнего Востока. Так, упразднение «нерентабельных поселков» в 1990-е гг. осуществлялось в Магаданской области, Чукотке, Камчатском крае [18. С. 251–252, 271].

Помимо прочего, особенностью административно-территориального развития Якутии стало появление двух новых пгт в 1991 г.: Заречный Олекминского района и Кыл-Бастах Орджоникидзевого района. Правда, они просуществовали в этом статусе совсем недолго. В 1997 г. пгт Кыл-Бастах был включен в черту

пгт Покровск, а пгт Заречный стал сельским населенным пунктом в 2007 г.

Уникальным регионом с точки зрения динамики развития поселенческой сети делает Якутию тот факт, что в 1997 г. пгт Нюрба и пгт Покровск были отнесены к категории городов. Это примечательный факт в истории урбанизации восточных регионов России. Дело в том, что в 1990-е гг. помимо двух якутских пгт лишь пгт Яровое Алтайского края получило статус города. Нюрба и Покровск относятся к микрогородам, так как численность населения каждого из них на протяжении последних тридцати лет колеблется в районе 10 тыс. чел. Будучи еще с советских времен центром освоения алмазных месторождений, Нюрба остается привлекательной для инвестиций крупных корпораций [19. С. 55], что, несмотря на малочисленность, позволяет ей удерживать свой городской статус. Покровск находится в зоне влияния столичного Якутска, и его развитие во многом зависит от прочности установившихся с ним связей [20. С. 187].

Таким образом, в период с 1991 по 2002 г. доминирующим сценарием развития поселков городского типа изучаемого региона стало сохранение их статуса. 80% пгт остались поселками, лишь 20% (25 пгт) из них сменили свой статус. При этом преимущественно (80% из них) они были преобразованы в сельские населенные пункты. По этому пути прошли все утратившие свой статус поселки городского типа Алтая, Бурятии, Тувы и Хакасии. Сценарии развития пгт в Якутии оказались более разнообразными. В республике в эти годы помимо шести поселений пгт, ставших сельскими, пять пгт были ликвидированы, два получили статус городов. Кроме того, здесь появились два новых пгт, просуществовавших относительно недолго.

В 2003–2010 гг. продолжалась трансформация административно-территориального устройства изучаемых регионов страны. За этот период исчезло еще 35 пгт. Значительную роль в данном процессе сыграла муниципальная реформа 2003–2009 гг. Согласно новому законодательству пгт могли существовать в качестве городских поселений только в муниципальных районах. То есть существовавшая до этого практика наличия в городских округах помимо города других пгт была отменена [21. С. 5]. Поэтому часть пгт вошла в состав соседних городов на правах их микрорайонов с лишением прав местного самоуправления. По оценкам исследователей, это негативно сказалось на социальной инфраструктуре бывших пригородных пгт, что незамедлительно выразилось в оттоке из них молодежи и трудоспособного населения [22. С. 319].

В 2004 г. в состав Якутска вошли пгт Марха и пгт Кангалассы. В отличие от малочисленного Кангалассы, численность которого на момент вхождения в городскую черту столицы составляла менее 2 тыс. чел., Марха представляла собой достаточно крупный поселок с развитой транспортной и социальной инфраструктурой. Численность населения в нем согласно переписи 2002 г. равнялась 12 тыс. чел. В состав Якутского городского округа на правах сельских поселений вошли пгт Маган и Табага. В состав муниципального образования городское поселение «Город

Томмот» вошли поселки городского типа Безымянный и пгт Ыллымах. В Бурятии в 2009 г. в состав Улан-Удэ были включены два пригородных пгт: Заречный и Сокол. Общая численность двух поселков на тот момент составляла 18,5 тыс. чел.

В Якутии в 2000-е гг. сохранилась практика ликвидации пгт. В 2005 г. в республике был упразднен пгт Северный. Это явилось отголоском кризиса золотодобывающей отрасли в регионе. Поселок, который в свое время являлся базой комбината «Куларзолото», к этому времени фактически обезлюдил. Перепись 2002 г. зафиксировала здесь всего 77 жителей. В 2008 г. также были упразднены пгт Бриндакит, пгт Предпорожный, пгт Ыныкчанский, пгт Эльгинский. Жители поселений к этому моменту практически все переехали в другие места, а их дома зачастую использовались старателями, приезжающими на сезонные работы.

Интересна судьба бурятского пгт Тоннельный. Расположенный на Байкало-Амурской магистрали, он, несмотря на свою малочисленность (менее 500 чел. по переписи 2002 г.), вплоть до 2004 г., когда был сдан в эксплуатацию Северомуйский тоннель, сохранял свой городской статус. Затем он был закрыт, но в связи с затянувшимся расселением жителей окончательно упразднен только в 2009 г.

Однако, как и ранее, большинство пгт, утративших свой статус, были преобразованы в сельские населенные пункты. Это 12 пгт в Бурятии, 1 пгт в Туве, 4 пгт в Хакасии и 4 пгт в Якутии. Причины этих административно-территориальных преобразований оставались прежними. Закрытие или сокращение объемов работы поселкообразующих предприятий привело к появлению новых сельских поселений. Речь идет о бурятских Баргузине, Баянголе, Выдрино, Гусином Озере, Ильинке, Ильке, Новоильинске, Новокижингинске, Турке, Селендуме, Холтосоне, Чикое, тувинском Хову-Аксы, хакасских Коммунаре и Туиме.

Процесс смены статуса малочисленных поселков городского типа продолжился и в 2000-е гг. В Якутии в состав сельских населенных пунктов в 2005 г. перешел Большой Нимыр. В 2008 г. селом стал и относительно молодой Заречный, получивший статус поселка в 1991 г.

В Хакасии два поселка городского типа, являющиеся административными районными центрами, были преобразованы в села. В 2008 г. реорганизован в сельский населенный пункт пгт Ши́ра, в 2010 г. – пгт Копьево. Численность первого поселка составляла 9 тыс. чел, второго – немногим более 4 тыс. чел.

Таким образом, к 2010 г. суммарно почти половина существовавших в 1991 г. поселков городского типа изучаемых республик перестали существовать в данном статусе. При этом большая часть из них (58,3%) утратила свой статус именно в годы проведения муниципальной реформы. Как и прежде, большинство поселков городского типа (2/3) получили статус сельских населенных пунктов, остальные были либо упразднены, либо после установления новых границ муниципальных образований вошли в состав близлежащих городов. В этот период в пределах Сибирского и Дальневосточного федеральных

округов в отличие от остальных федеральных округов России не появилось ни одного нового городского поселения. Поэтому фактически произошла административная рурализация региона.

С 2010 г. в России продолжалось реформирование территориальной организации местного самоуправления. Исследователи при его характеристике используют термин «малая муниципальная реформа» [23. С. 571] или «обратная реформа» [24. С. 63]. В изучаемых республиках в эти годы не произошло коренной ломки системы административно-территориального устройства. В отличие от предыдущих лет на этом этапе изменение статуса пгт протекало значительно менее масштабно. Сменили свой статус на сельский три пгт: в 2013 г. бурятские пгт Джиды и пгт Танхой, хакасский курортный поселок Жемчужный. Также в 2019 г. был упразднен якутский пгт Нагорный.

В результате нескольких волн административно-территориальных преобразований, характерных для постсоветской России, в исследуемых республиках из 124 существовавших пгт к 2025 г. сохранили свой статус лишь 61. Как и прежде, они остаются преобладающей формой городских поселений, но их разреженность, а порой и деградация способствуют тому, что именно города сегодня являются центрами, стягивающими все людские и инфраструктурные ресурсы. Такая система не является устойчивой и несет в себе определенные риски в аспекте социально-экономической стабильности региона, демографической и миграционной безопасности. Положение в указанных республиках может осложняться наличием так называемого национального фактора, слабой заселенностью и освоенностью территорий, приграничным их расположением. В пгт республик Сибири и Дальнего Востока в 2020 г. проживало 235,3 тыс. чел., что более чем в 2,5 раза меньше, чем в 1989 г. Доля населения, проживающего в пгт, в 2020 г. составляла 13,3% городского населения Бурятии, Тувы, Хакасии и Якутии (Республика Алтай за неимением пгт не учитывалась). Тем не менее этот показатель выше, чем в целом по европейской части (5,8%) и азиатской части (8,4%) России.

В постсоветский период снизилась людность населения пгт. Сейчас в изучаемом регионе средняя людность пгт составляет 3,9 тыс. чел. В Бурятии 3 пгт имеют численность населения ниже нормы в 3 тыс. чел., в Хакасии – 2 пгт, в Якутии – 22 пгт. При этом население 8 якутских пгт имеет численность менее 500 чел. Все они связаны с добычей полезных ископаемых и драгоценных металлов, закрытие нерентабельных поселкообразующих предприятий привело к оттоку населения.

За последние десятилетия изменилось количество и состав пгт численностью выше 12 тыс. чел. Общее количество таких пгт составило 3 единицы: по одному поселку в Туве, Хакасии и Якутии. Хакасский Усть-Абакан и тувинский Каа-Хем являются пригородами региональных столиц, этим и обуславливается их многолюдность. Якутский Айхал является динамично развивающимся пгт. Несмотря на отдаленное расположение от крупных городских центров, монопрофильный характер экономики, поселок развивается благодаря

деятельности градообразующего предприятия Айхальский ГОК (ЗАО «АК «АЛРОСА»). Айхал является редким исключением монопрофильных поселков, где на градообразующем предприятии занято 58% жителей трудоспособного возраста [25. С. 13].

Высокие темпы роста населения в постсоветский период характерны для тувинского пгт Каа-Хем. Численность его населения с 1989 по 2025 г. увеличилась в 2,8 раз и составляет на 1 января 2025 г. (согласно БД МО Росстата) 20 142 чел. Это самый многочисленный пгт в изучаемом регионе. Причем рост его населения связан не только с высоким естественным приростом, но и миграционным. В 2010-е гг. в пгт наблюдался высокий показатель общего коэффициента естественного прироста (среднегодовой за десятилетие 12,7 промилле), затем произошел его спад в связи со снижением рождаемости и ростом смертности населения. Любопытно, что в первой половине 2020-х гг. в пгт наблюдается прирост населения за счет миграции, в том числе внешней (для республики). 42% прибывших в пгт в эти годы мигрантов (1 671 чел.) были из других регионов страны. Близость к Кызылу, ежедневная маятниковая миграция с ним, наличие рабочих мест в поселке благодаря деятельности Кызыльской ТЭЦ, птицефабрики, рыбозавода, угольного разреза позволяют прогнозировать дальнейший уверенный рост его населения.

Из семи оставшихся пгт Хакасии только один Пригорск показал рост населения с 1989 г. Закономерно, что он входит в состав городского округа Черногорск и является его пригородом. В Якутии прирост населения с 1989 г. зафиксирован только в трех пгт: Жатай, Нижний Бестях и Айхал, речь о котором уже шла выше. Поселки Жатай и Нижний Бестях являются пригородами Якутска. В Бурятии во всех оставшихся 12 пгт численность населения в постсоветский период перманентно снижалась.

Бывшие пгт в новых реалиях

Большинство пгт, утративших свой административный статус в постсоветский период, были преобразованы в села. Однако полученные преференции в качестве сельских населенных пунктов не смогли остановить продолжающийся отток населения из них. Безработица, снижение уровня жизни выдавливали молодежь и трудоспособное население из новообразованных сел. В результате только 12 из 39 новых сел относятся к категории крупных с населением свыше 3 тыс. чел., 12 к категории больших сел с населением от 1 тыс. чел. до 3 тыс. чел., 12 к категории средних сел с населением от 100 до 1 тыс. чел., 2 малых с численностью населения менее 100 чел. и одно село (Сарылах в Якутии) полностью обезлюдело. При этом только в двух селах – бывших пгт численность жителей выросла (Иволгинск в Бурятии, Маган в Якутии) или осталась прежней (Ильинка в Бурятии).

В Туве оба села – бывших пгт – относятся к категории крупных. Динамика численности их населения, согласно БД МО Росстата, характеризуется положительным естественным приростом и отрицательным мигра-

ционным. Естественный прирост населения не компенсирует миграционные потери. Численность населения обоих сел постепенно снижается. Причем если первоначально Хову-Аксы терял свое население более стремительно, так как многие покинули населенный пункт в 1990-е гг. в связи с закрытием градообразующего предприятия «Тувакобальт», то в XXI в. численность его населения относительно стабилизировалась при сохранении небольшой миграционной убыли. Оба села являются административными центрами кожуунов, что позволяет им оставаться точкой притяжения для населения района. Но миграционный отток населения из кожуунов, а также районных центров в Кызыл не позволяет поддерживать имевшийся потенциал этих территорий [26. С. 145].

Из 11 новых сел – бывших пгт Хакасии – семь имеют численность населения выше 1 000 чел., остальные относятся к категории средних сел. Малые села в этой группе сельских поселений отсутствуют. Во всех новообразованных сельских населенных пунктах в постсоветский период наблюдалось снижение численности населения, связанное с его миграционной убылью. Следует отметить, что отток населения из этих поселений начался еще в советский период, когда они имели статус пгт. Так, поселки городского типа Балыкса, Орджоникидзевский и Приисковый стали терять свое население еще в середине XX в. Сокращение людности поселков Бирикчуль, Коммунар, Сонский и Туим фиксировалось с 1960-х гг. В остальных пгт резкое сокращение численности населения связано с ухудшением социально-экономической ситуации в позднесоветский и постсоветский периоды. В последние годы во всех бывших пгт Хакасии, как и в целом в сельских поселениях республики, наблюдается миграционный отток населения в города [27. С. 62].

В Бурятии подавляющее большинство новых сел – бывших пгт имеет численность населения выше 3 тыс. чел., лишь три села относятся к категории средних. На фоне общего снижения численности населения в новых селах выделяется село Иволгинское, население которого с 1989 г. выросло в 1,3 раза и составило в 2020 г. почти 8 тыс. чел. Сведения из БД МО Росстата свидетельствуют о том, что рост численности населения села был связан с естественным приростом его населения, а также практически нулевым миграционным оборотом. Отсутствие оттока населения из Иволгинска является следствием сохранения основной социально-бытовой инфраструктуры поселения, доставшейся в наследство с советских времен, туристической его привлекательностью [28], сохранением относительно высоких доходов его жителей [29. С. 278]. Исследователями также отмечается сохранение ожидаемого числа детей в Иволгинске, приближенного к трем (2,902) [30. С. 60].

В постсоветский период в Якутии 11 пгт были преобразованы в сельские населенные пункты. Из них лишь три села относятся к категории больших, пять – к категории средних, два – малых. Одно село полностью исчезло. Как и в остальных республиках, здесь наблюдается отток населения из новых сел – бывших

пгт. Исключением является село Маган, расположенное на территории городского округа «город Якутск», что и обусловило рост численности его населения.

Ставшие в 1997 г. городами, Покровск и Нюрба имеют различную динамику социально-экономического и демографического развития. Нахождение Покровска в зоне якутской городской агломерации стимулирует его экономическое развитие и соответственно положительно влияет на динамику численности его населения [31]. Несмотря на небольшое снижение численности населения Нюрбы, город, специализирующийся на алмазодобывающей промышленности, имеет весьма отчетливые перспективы, так как здесь находится фабрика, которая «является одной из самых современных в мировой алмазодобывающей промышленности по уровню примененных технологий» [32. С. 373].

Результаты

Таким образом, в истории административно-территориального устройства республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период можно выделить несколько этапов: с 1991 г. по 2002 г., с 2003 г. по 2009 г., с 2010 г. по настоящее время. К началу 1990-х гг. изучаемый регион характеризовался максимальным числом пгт за всю его историю и их большой ролью в территориальном каркасе расселения. В последующие годы их количество, численность проживающего в них населения, а следовательно, и их значение перманентно снижались. В результате в Бурятии пгт составляют 66,7% всех городских поселений и в них проживает 10% городского населения, в Туве эти показатели составляют 16,7 и 10,8% соответственно, в Хакасии – 58,3 и 10,4%, в Якутии – 74,1 и 18,6%.

Доля населения, проживающего в пгт, в исследуемых республиках выше, чем в среднем по стране. Особенно высока она в Якутии. Это, с одной стороны, продиктовано слабой развитостью городов, их небольшим количеством и людностью, с другой – большими, слабо

освоенными пространствами, доступ к которым затруднен в силу особенностей их природно-климатических условий. В связи с этим здесь до сих пор велико значение пгт не только как мест развития и размещения производительных сил, но и как транспортных узлов. Динамичнее всего развиваются поселки – спутники городов, особенно пригороды республиканских столиц. Несколько уступают им в динамике численности населения поселки городского типа, выполняющие функции районных центров. Развитие данных групп пгт связано с их удобным географическим расположением, транспортной доступностью, относительной доступностью объектов социально-бытовой инфраструктуры. Однако большинство пгт региона не выдержали испытаний эпохи. Несмотря на сохранение своего статуса, многие из них деградировали.

Вероятность изменения заданной траектории развития поселков городского типа, выражающейся в снижении их роли в городской сети республик в плане развития и размещения производительных сил и людских ресурсов, без дополнительного стимулирования со стороны властных структур и бизнеса крайне низка. На фоне дискуссий о механизмах управления пространственным развитием России в республиках следовало бы всерьез обсудить и разработать собственные программы пространственного развития. В них следовало бы включить серьезно проработанные вопросы использования имеющегося исторического опыта развития пгт и их инфраструктурных ресурсов. Значимость роли пгт в этом ключе особо велика для воплощения в жизнь идей развития в стране опорных населенных пунктов, поскольку многие из пгт могли бы выступать в этом качестве. Также возрождение старых концепций территориального развития экономики страны (концепции территориально-производственных комплексов, научно-производственных объединений) в форме территориальных кластеров также могут способствовать возрождению и первоначальных функций поселков городского типа.

Список источников

1. Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. С-6. Оп. 2. Д. 2312.
2. Федорова Е.Н. Пути развития малых городов и поселков городского типа в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 14 (107). С. 52–56.
3. Мандыт М.К. Территориальные особенности формирования и расселения населения Республики Тыва: специальность 25.00.24 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» : дис. ... канд. геогр. наук. 2021. 231 с.
4. Мандыт М.К., Гончиков Ц.Д. Роль и значение системы расселения в территориальном развитии республики Тыва // География и природные ресурсы. 2019. № 55 (159). С. 185–191. doi: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(185-191)
5. Бреславский А.С. Поселки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4. С. 90–98. doi: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98
6. Тиникова Е.Е. Поселки городского типа республик Саяно-Алтая: жизнь в эпоху перемен // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Владивосток, 10–11 ноября 2022 г. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2022. С. 97–101.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
8. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
9. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
10. Итоги ВПН – 2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 14.01.2025).
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).
12. Астахова И.А. Основные тенденции трансформации городской поселенческой структуры Республики Бурятия в конце 1980-х – начале 2000-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 120–123.
13. Бреславский А.С. Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. 2020. № 1. С. 68–81. doi: 10.7256/2310-8673.2020.1.32402
14. Зуляр Ю.А. Дезурбанизация Байкальского региона на рубеже XX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 48–58.

15. Шульгина О.В. Особенности, этапы и факторы формирования административно-территориального деления России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2, № 5. С. 38–48.
16. Присяжный М.Ю. Актуальные проблемы преобразования отдельных категорий поселений Якутии // Научный аспект. 2013. № 2-2. С. 226–230.
17. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. Т. 1. Численность и размещение населения. М. : Статистика России, 2004. 574 с.
18. Бреславский А.С. Трансформация городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке России (конец 1980-х – начало 2020-х гг.): специальность 5.6.1. «Отечественная история» : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2025. 473 с.
19. Томских А.А. Городские поселения Дальнего Востока в итогах десятилетнего приоритета демографии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 49–57. doi: 10.21209/2227-9245-2024-30-3-49-57
20. Титов Э.А. Зоны влияния городов Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития // Регион: Экономика и Социология. 2021. № 1 (109). С. 173–202. doi: 10.15372/REG20210107
21. Ворошилов Н.В. Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). С. 1–15.
22. Симагин Ю.А. Динамика системы малых городских населенных пунктов России в начале XXI века // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сб. ст. X Уральского демографического форума : в 2 т. Екатеринбург, 10–11 июня 2019 г. / отв. ред. О.А. Козлова. Т. I. Екатеринбург : Ин-т экономики Уральского отделения РАН, 2019. С. 316–323.
23. Слатинов В.Б. Муниципальная реформа в Российских регионах: средство контроля над местным самоуправлением или механизм развития территорий // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Курск, 05–06 июня 2018 года / отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 13, ч. 2. Курск : Ин-т науч. информации по общ. наукам РАН, 2018. С. 568–571.
24. Бондарь В.Н., Дементьев В.Н. Федеральные параметры оценки реформ территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 17 апреля 2019 года / под ред. Л.Т. Чихладзе. М. : Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2019. С. 61–68.
25. Метелева Е.Р., Светник Т.В. Новые города в Сибири как драйверы пространственного развития: вызовы и перспективы // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1. С. 7–15. doi: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).7-15
26. Харунова М.М.Б., Харунов Р.Ш. Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 137–147. doi: 10.25178/nit.2021.3.11
27. Лушников О.Л. Потенциал развития сельских территорий (на примере Республики Хакасия). Абакан : Кн. изд-во «Бригантина», 2020. 212 с.
28. Гырлова Н.В., Бабилов В.А. Туристско-рекреационный потенциал аграрного (сельского) туризма в Иволгинском районе Республики Бурятия // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2017. № 1. С. 101–104.
29. Дондоков З.Б.Д., Башкуева Е.Ю., Васильев Б.С., Губаева И.В., Дырхеев К.П. Исследование доходов и расходов домашних хозяйств сельских поселений // Вестник Бурятского научного центра Сибирской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 275–280.
30. Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Современные репродуктивные установки бурятского населения Иволгинского района Республики Бурятия: по материалам полевых исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 2. С. 57–62. doi: 10.15372/HSS20190211
31. Кычкин А.А., Данилова Л.И. Якутская городская агломерация как драйвер экономического развития республики Саха (Якутия) // Современные подходы к управлению муниципальным образованием на Севере : сб. трудов науч.-практ. конф., Якутск, 12 апреля 2023 года. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2023. С. 156–161.
32. Константинов Н.Н. Прогноз и перспективы развития добычи полезных ископаемых западной экономической зоны Республики Саха (Якутия) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 11-1. С. 369–377. doi: 10.34670/AR.2021.37.86.043

References

1. Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History. Fund S-6. List 2. File 2312.
2. Fedorova, E.N. (2009) Puti razvitiya mal'kh gorodov i poselkov gorodskogo tipa v Respublike Sakha (Yakutiya) [Development Paths of Small Towns and Urban-Type Settlements in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika -- Regional Economics: Theory and Practice*. 14 (107). pp. 52–56.
3. Mandyt, M.K. (2021) *Territorial'nye osobennosti formirovaniya i rasseleniya naseleniya Respubliki Tyva* [Territorial Features of Population Formation and Settlement in the Republic of Tyva]. Geography Cand. Diss.
4. Mandyt, M.K. & Gonchikov, Ts.D. (2019) Rol' i znachenie sistemy rasseleniya v territorial'nom razvitii respubliki Tyva [The Role and Significance of the Settlement System in the Territorial Development of the Republic of Tyva]. *Geografiya i prirodnye resursy -- Geography and Natural Resources*. S5 (159). pp. 185–191. doi: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(185-191)
5. Breslavskiy, A.S. (2024) Poselki gorodskogo tipa v protsessakh postsovetsoy transformatsii gorodskogo rasseleniya v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke [Urban-Type Settlements in the Processes of Post-Soviet Transformation of Urban Settlement in Transbaikalia and the Far East]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke -- Humanities Research in the Russian Far East and Eastern Siberia*. 4. pp. 90–98. doi: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98
6. Tinikova, E.E. (2022) Poselki gorodskogo tipa respublik Sayano-Altaya: zhizn' v epokhu peremen [Urban-Type Settlements of the Sayan-Altai Republics: Life in an Era of Change]. In: *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR* [Problems of modeling social processes: Russia and the Asia-Pacific region]. Conference Proceedings. Vladivostok. 10–11 November 2022. Vladivostok: FEPU. pp. 97–101.
7. Demoskop Weekly. (2025) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR, ee territorial'nykh edinit, gorodskikh poseleniy i gorodskikh rayonov po polu* [All-Union Population Census of 1989. Urban Population of the RSFSR, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Sex]. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (Accessed: 14.01.2025).
8. Demoskop Weekly. (2025) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya Rossii, ee territorial'nykh edinit, gorodskikh poseleniy i gorodskikh rayonov po polu* [All-Russian Population Census of 2002. Urban Population of Russia, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Sex]. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (Accessed: 14.01.2025).
9. Demoskop Weekly. (2025) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 g. Chislennost' naseleniya gorodskikh naselennykh punktov Rossiyskoy Federatsii* [All-Russian Population Census of 2010. Population of Urban Settlements of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (Accessed: 14.01.2025).
10. Rosstat. (2020) *Itogi VPR – 2020. T. 1. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya* [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 1. Population Size and Distribution]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/vpr/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (Accessed: 14.01.2025).
11. *Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat)* [Official Website of the Federal State Statistics Service (Rosstat)]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/> (Accessed: 14.01.2025).
12. Astashova, I.A. (2013) Osnovnye tendentsii transformatsii gorodskoy poselencheskoy struktury Respubliki Buryatiya v kontse 1980-kh – nachale 2000-kh gg. [Main Trends in the Transformation of the Urban Settlement Structure of the Republic of Buryatia in the Late 1980s – Early 2000s]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 120–123.

13. Breslavskiy, A.S. (2020) Protsessy urbanizatsii v Respublike Sakha (Yakutiya): dinamika klyuchevykh parametrov (1989–2018) [Urbanization Processes in the Republic of Sakha (Yakutia): Dynamics of Key Parameters (1989–2018)]. *Urbanistika -- Urban Studies*. 1. pp. 68–81. doi: 10.7256/2310-8673.2020.1.32402
14. Zulyar, Yu.A. (2009) Deurbanizatsiya Baykal'skogo regiona na rubezhe XX–XXI vv. [Deurbanization of the Baikal Region at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 1. pp. 48–58.
15. Shul'gina, O.V. (2009) Osobennosti, etapy i faktory formirovaniya administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii [Features, Stages and Factors of Formation of the Administrative-Territorial Division of Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie -- Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2 (5). pp. 38–48.
16. Prisyazhnyy, M.Yu. (2013) Aktual'nye problemy preobrazovaniya otdel'nykh kategoriy poseleniy Yakutii [Current Problems of Transformation of Certain Categories of Settlements in Yakutia]. *Nauchnyy aspekt*. 2-2. pp. 226–230.
17. Rosstat. (2004) *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda: v 14 t. T. 1. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya* [Results of the All-Russian Population Census of 2002: in 14 vols. Vol. 1. Population Size and Distribution]. Moscow: Statistika Rossii.
18. Breslavskiy, A.S. (2025) *Transformatsiya gorodskogo i prigorodnogo rasseleniya v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke Rossii (konets 1980-kh – nachalo 2020-kh gg.)* [Transformation of Urban and Suburban Settlement in Transbaikalia and the Russian Far East (Late 1980s – Early 2020s)]. History Dr. Diss. Ulan-Ude.
19. Tomskikh, A.A. (2024) Gorodskie poseleniya Dal'nego Vostoka v itogakh desyatiletneho prioriteta demografii [Urban Settlements of the Far East in the Results of the Decade-Long Demographic Priority]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta -- Transbaikal State University Journal*. 30 (3). pp. 49–57. doi: 10.21209/2227-9245-2024-30-3-49-57
20. Titov, E.A. (2021) Zony vliyaniya gorodov Dal'nego Vostoka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Zones of Influence of Far Eastern Cities: Current State and Development Prospects]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya -- Region: Economics and Sociology*. 1 (109). pp. 173–202. doi: 10.15372/REG20210107
21. Voroshilov, N.V. (2017) Munitsipal'no-territorial'noe ustroystvo v Rossii: adaptatsiya k raznoobraziyu [Municipal-Territorial Structure in Russia: Adaptation to Diversity]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2 (37). pp. 1–15.
22. Simagin, Yu.A. (2019) Dinamika sistem mal'nykh gorodskikh naselennykh punktov Rossii v nachale XXI veka [Dynamics of the System of Small Urban Settlements in Russia at the Beginning of the 21st Century]. In: Kozlova, O.A. (ed.) *Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizatsii natsional'nykh proektov v regione: sb. st. X Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2 t.* [Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: collection of articles from the Ural Demographic Forum: in 2 volumes] Yekaterinburg. June 10–11, 2019. Vol. 1. Yekaterinburg: IE UB RAS. pp. 316–323.
23. Slatinov, V.B. (2018) Munitsipal'naya reforma v Rossiyskikh regionakh: sredstvo kontrolya nad mestnym samoupravleniem ili mekhanizm razvitiya territoriy [Municipal Reform in Russian Regions: A Means of Control over Local Self-Government or a Mechanism for Territorial Development]. In: Gerasimov, V.I. (ed.) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: Ezhegodnik, Kursk, 05–06 iyunya 2018 goda* [Russia: Trends and Development Prospects: Yearbook, Kursk, June 5–6, 2018]. Iss. 13, Pt. 2. Kursk: INION RAS. pp. 568–571.
24. Bondar', V.N. & Dement'ev, V.N. (2019) Federal'nye parametry otsenki reform territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Federal Parameters for Assessing Reforms of the Territorial Organization of Local Self-Government in the Russian Federation]. In: Chikhladze, L.T. (ed.) *Problemy i perspektivy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. April 17, 2019. Moscow: RUDN. pp. 61–68.
25. Meteleva, E.R. & Svetnik, T.V. (2022) Novye goroda v Sibiri kak drayvery prostranstvennogo razvitiya: vyzovy i perspektivy [New Cities in Siberia as Drivers of Spatial Development: Challenges and Prospects]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 32 (1). pp. 7–15. doi: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).7-15
26. Kharunova, M.M.B. & Kharunov, R.Sh. (2021) Osobennosti formirovaniya gorodskogo rasseleniya v Tuve v sovetskiy period [Features of Urban Settlement Formation in Tuva during the Soviet Period]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 137–147. doi: 10.25178/nit.2021.3.11
27. Lushnikova, O.L. (2020) *Potentsial razvitiya sel'skikh territoriy (na primere Respubliki Khakasiya)* [Development Potential of Rural Territories (on the Example of the Republic of Khakassia)]. Abakan: Kn. izd-vo "Brigantina".
28. Gyrylova, N.V. & Babikov, V.A. (2017) Turistsko-rekreatsionnyy potentsial agrarnogo (sel'skogo) turizma v Ivolginskom rayone Respubliki Buryatiya [Tourist and Recreational Potential of Agrarian (Rural) Tourism in the Ivolginsky District of the Republic of Buryatia]. *Kurortno-rekreatsionnyy kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya: innovatsionnye podkhody*. 1. pp. 101–104.
29. Dondokov, Z.B.D., Bashkueva, E.Yu., Vasil'ev, B.S., Gubaeva, I.V. & Dykhchev, K.P. (2014) Issledovanie dokhodov i raskhodov domashnikh khozyaystv sel'skikh poseleniy [Study of Incomes and Expenditures of Households in Rural Settlements]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (15). pp. 275–280.
30. Lygdenova, V.V. & Dashinamzhilov, O.B. (2019) Sovremennye reproduktivnye ustanovki buryatskogo naseleniya Ivolginskogo rayona Respubliki Buryatiya: po materialam polevykh issledovaniy [Contemporary Reproductive Attitudes of the Buryat Population of the Ivolginsky District of the Republic of Buryatia: Based on Field Research Materials]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26 (2). pp. 57–62. doi: 10.15372/HSS20190211
31. Kychkin, A.A. & Danilova, L.I. (2023) Yakutskaya gorodskaya aglomeratsiya kak drayver ekonomicheskogo razvitiya respubliki Sakha (Yakutiya) [The Yakutsk Urban Agglomeration as a Driver of Economic Development of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Sovremennye podkhody k upravleniyu munitsipal'nym obrazovaniem na Severe* [Modern approaches to municipal management in the North]. Conference Proceedings, Yakutsk. April 12, 2023]. Yakutsk: NEFU. pp. 156–161.
32. Konstantinov, N.N. (2021) Prognoz i perspektivy razvitiya dobychi poleznykh iskopaemykh zapadnoy ekonomicheskoy zony Respubliki Sakha (Yakutiya) [Forecast and Development Prospects for Mineral Extraction in the Western Economic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 11 (11-1). pp. 369–377. doi: 10.34670/AR.2021.37.86.043

Информация об авторе:

Тиникова Е.Е. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела международных и межрегиональных связей Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Tinikova, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: lena.tinikova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025;
одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 28.11.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37.048.45:159.923.2
doi: 10.17223/15617793/520/19

Структурные детерминанты профессиональных предпочтений обучающихся классов психолого-педагогической направленности: интегративный психологический анализ

Елена Юрьевна Брель¹, Светлана Александровна Курносова², Светлана Сергеевна Беляева³,
Наталья Ивановна Герчес⁴, Ольга Юрьевна Соловьева⁵

¹ Федеральный ресурсный центр психологической службы в системе высшего образования
Российской академии образования, Москва, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

^{3, 4, 5} Региональный институт развития образования Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард, Россия

¹ brelelena@mail.ru

² ksa0308@mail.ru

³ bss@riroyanao.ru

⁴ gni@riroyanao.ru

⁵ soj@riroyanao.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу профессиональных предпочтений старшеклассников психолого-педагогических классов. В исследовании приняли участие 200 учащихся, для анализа данных использовали методы опроса, тестирования, регрессионного и факторного анализа. Результаты показывают, что ключевую роль в формировании профессиональных предпочтений играет интеграция личностных качеств: социально значимый выбор определяется ответственностью и эмпатией, тогда как карьерные ориентации связаны с лидерскими качествами. Факторный анализ выявил наличие латентных структур – «волевой саморегуляции» и «социальной мотивации». Полученные данные свидетельствуют, что эффективность профильной подготовки связана с целенаправленным развитием ответственности, эмоциональной регуляции и социальной ориентации учащихся, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода в организации профориентационной работы.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, структурное моделирование, старшеклассники, психологические детерминанты, эмоциональная регуляция, социальная ориентация, ответственность, профориентация, психолого-педагогическая направленность

Для цитирования: Брель Е.Ю., Курносова С.А., Беляева С.С., Герчес Н.И., Соловьева О.Ю. Структурные детерминанты профессиональных предпочтений обучающихся классов психолого-педагогической направленности: интегративный психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 182–189. doi: 10.17223/15617793/520/19

doi: 10.17223/15617793/520/19

Structural determinants of professional preferences of students in psychology and pedagogy classes: An integrative psychological analysis

Elena Yu. Brel¹, Svetlana A. Kurnosova², Svetlana S. Belyaeva³, Natalia I. Gerches⁴, Olga Yu. Solovyeva⁵

¹ Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

^{3, 4, 5} Regional Institute for Education Development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Salekhard, Russian Federation

¹ brelelena@mail.ru

² ksa0308@mail.ru

³ bss@riroyanao.ru

⁴ gni@riroyanao.ru

⁵ soj@riroyanao.ru

Abstract. Professional self-determination of high school students is a critical stage that shapes their future educational and life path. This process is particularly significant in specialized psychology and pedagogy classes designed to cultivate a talent pipeline for the education system. However, the effectiveness of this model depends on understanding the specific psychological and contextual factors influencing students' career choices. This study aims to identify the structure and key determinants (personal and institutional) of the professional preferences of high school students enrolled in psychology and pedagogy classes. The study involved a sample of 200 students in grades 10–11 from educational

institutions in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug. A suite of methods was used for data collection, including an original questionnaire, R.V. Ovcharova's "Motives for Choosing a Profession" methodology, and L.P. Ponomarenko and R.V. Belousova's "Self-Assessment of Personal Stress Resistance" test. Data analysis employed statistical methods: descriptive statistics, multiple regression analysis to identify significant predictors, exploratory factor analysis (principal component method) to identify latent structures, and multilevel modeling to account for the influence of educational institutions. The initial stage outlined a generalized psychological profile of the students, revealing a prevalence of qualities such as diligence, responsibility, and leadership aspirations alongside low conflict levels. Motivation analysis showed the dominance of internal factors (opportunity to benefit people, professional growth) over external ones (opinions of parents, friends). Regression analysis established that a socially significant career choice is predicted by responsibility ($\beta = 0.32$), diligence ($\beta = 0.28$), and empathy ($\beta = 0.26$), whereas a career-oriented choice is predicted by leadership qualities ($\beta = 0.35$) and perseverance. Factor analysis allowed for data reduction to three key psychological factors ("Emotional Regulation," "Volitional Self-Regulation," "Social Activity") and four factors of career choice motivation. Multilevel modeling confirmed the significant influence of the educational environment, showing that the specific school context accounts for up to 18.4% of the variance in socially significant motivation. The research demonstrates that the professional preferences of high school students have a complex structural organization and are formed under the influence of an integration of personal qualities, in which volitional self-regulation and social orientation play a key role. It was established that the effectiveness of the psychology and pedagogy class model is directly linked to creating an environment that purposefully develops this integration. The results substantiate the necessity of transitioning from a unified to a differentiated career guidance approach – one that considers both the individual psychological profile of the student and the specifics of the institutional context – to foster a conscious choice of the teaching profession.

Keywords: professional self-determination, structural modeling, high school students, psychological determinants, emotional regulation, social orientation, responsibility, career guidance, psychology and pedagogy focus

For citation: Brel, E.Yu., Kurnosova, S.A., Belyaeva, S.S., Gerches, N.I. & Solovyeva, O.Yu. (2025) Structural determinants of professional preferences of students in psychology and pedagogy classes: An integrative psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 182–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/19

Профессиональное самоопределение – важнейший этап личностного развития каждого старшеклассника, формирующий траекторию образования и последующего профессионального становления [1, 2]. В российской психологической традиции (Е.А. Климов [3], Н.С. Пряжников и соавт. [4]) этот этап определяется как «оптация» – стадия поиска и выбора профессии, характеризующаяся формированием субъектной позиции и личностного смысла в будущей деятельности. Профорентация в профильных классах психолого-педагогической направленности неразрывно связана с развитием личностных характеристик, эмоциональной регуляции и профессиональных интересов. Теоретические модели показывают, что процесс профессионального выбора определяется интеграцией личностных, мотивационных и социальных компонентов [5]. С.Н. Чистякова в своих работах подчеркивает, что эффективная профессиональная ориентация обучающихся является стратегической составляющей государственной кадровой политики. Автор рассматривает ее как комплексную систему, направленную не только на помощь в выборе профессии, но и на обеспечение экономики страны квалифицированными кадрами, что особенно значимо для сферы образования [6].

В отечественной науке, развиваемой в рамках деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн [7], А.Н. Леонтьев [8]), ключевым является понятие «субъект профессиональной деятельности», чье самоопределение осуществляется через активное освоение мира профессий и рефлексию собственных возможностей и потребностей. Теории профессионального развития (например, модели Д. Сьюпера и М. Савицкаса) подчеркивают динамичность и многомерность профессионального самоопределения, рассматривая его как сложный процесс с последовательными стадиями формирования [1, 9]. В России схожие идеи разрабаты-

ваются в концепции Э.Ф. Зеера с соавт. [10], который описывает профессиональное развитие как череду стадий (оптация, профессиональная подготовка, адаптация и др.), каждая из которых сопровождается нормативными кризисами, требующими от личности эмоциональной регуляции и конструктивного разрешения. Классическая теория профессионального выбора [11] рассматривает личность и профессию как совокупности характеристик с оптимальным соответствием. Российский аналог этого подхода – теория Е.А. Климова [3], основанная на классификации профессий по предмету труда («человек–природа», «человек–техника», «человек–человек», «человек–знак», «человек–художественный образ») и идее взаимосоответствия индивидуальных качеств человека и требований профессии. Современные подходы дополняют эту модель мотивационными и эмоциональными аспектами, в частности признанием роли эмоциональной регуляции и социальной ориентации как ключевых факторов [2, 9]. В отечественных исследованиях акмеологический подход (А.А. Деркач [12]; Н.В. Кузьмина [13]) акцентирует целостное развитие профессионала, где эмоциональная устойчивость и социальные компетенции являются необходимым условием для достижения «вершины» (акме) в педагогической и других видах профессиональной деятельности. Современные интегративные модели подчеркивают, что профессиональные предпочтения старшеклассников формируются через взаимодействие личностных черт (ответственность, эмпатия), эмоциональной устойчивости и социального контекста, включая влияние родителей и сверстников [14].

Формирование профессиональных предпочтений у школьников является сложным, многогранным процессом, находящимся на стыке психологии, педагогики, социологии и экономики. Изучение данного фе-

номена невозможно в рамках единой теории, что обуславливает наличие множества научных школ и подходов как в зарубежной, так и в отечественной науке. Фундамент научного изучения профессиональных предпочтений был заложен в рамках дифференциальной психологии. Одним из пионеров в этой области выступил Эдвард К. Стронг [15], разработавший в 1927 г. «Бланк интересов Стронга» (Strong Interest Inventory, SII). Его инновационный метод заключался в эмпирическом сравнении интересов респондента с интересами успешных представителей различных профессий [15]. Значительный прорыв совершил Джон Л. Холланд, предложивший целостную типологическую теорию (RIASEC), постулирующую, что профессиональный выбор есть выражение личности [5]. Несмотря на широкую известность теории Холланда, менее освещенным остается вклад Фредерика Кудера (Kuder F.), чьи «Преференциальные опросники» стали одним из первых инструментов для массовой диагностики склонностей [16].

В России эстафету развития идей о динамической природе выбора приняли исследователи, разработавшие субъектный и смысловой подходы. К.А. Абульханова-Славская обосновала положение об активности личности в проектировании своего жизненного и профессионального пути, где предпочтения формируются в контексте жизненной стратегии [17]. М.Р. Гинзбург в своей теории личностного самоопределения показал, что центральным механизмом для старшеклассника является формирование ценностно-смысловой сферы и построение системы смыслов, которые затем проецируются на будущее, в том числе и на профессиональную сферу [18]. Параллельно с психологическими развивались и социологические подходы. Классическое исследование Питера М. Блау (P.M. Blau) и Отиса Д. Дункана (O.D. Duncan) эмпирически продемонстрировало, что профессиональные достижения и предпочтения в значительной степени определяются социальным происхождением и структурой возможностей [19].

Значительный вклад в понимание социальных детерминант внес М.Х. Титма, который в рамках лонгитюдного исследования «Путь поколения» изучал формирование профессиональных намерений и жизненных путей молодежи в зависимости от социальной группы и типа поселения, выявив устойчивые социальные закономерности [20]. Ф.Э. Шереги и его коллеги продолжили эту традицию, проводя масштабные социологические мониторинги, фиксирующие динамику профессиональных предпочтений выпускников школ и их соответствие реальным потребностям рынка труда [21].

Современные исследования носят комплексный характер. Экономисты труда, опираясь на теорию человеческого капитала (Г. Беккер), анализируют предпочтения как рациональный выбор [22]. Кросс-культурные исследования выявляют вариативность профессиональных ценностей и предпочтений в разных обществах [23]. Из современных российских исследований можно выделить работы, анализирующие новые вызовы. А.Г. Каспржак и Л.С. Илюшин с коллегами ис-

следуют формирование профессиональных предпочтений в контексте новой социокультурной ситуации и цифровой трансформации, обращая внимание на такие феномены, как «профессиональный конструктор» и нелинейность карьерных траекторий у современных подростков [24].

Проведенный анализ позволяет заключить, что изучение профессиональных предпочтений школьников эволюционировало от простого измерения интересов (Стронг, Кудер) через создание структурно-типологических моделей (Холланд, Климов) к пониманию выбора как динамического процесса развития (Сьюпер) и, наконец, к концепциям адаптации и смыслопорождения (Савикас, Гинзбург, Пряжников). Общее поле исследований обогащено весомым вкладом через разработку деятельностного, субъектного и ценностно-смыслового подходов, а также через глубокое изучение социологических механизмов формирования предпочтений (Титма, Шереги).

Для современной профориентационной работы со школьниками наиболее продуктивным представляется интегративный подход, сочетающий диагностику индивидуально-психологических особенностей с развитием метакомпетенций карьерной адаптивности, активизацией субъектной позиции и ценностно-нравственного выбора, а также учетом широкого социально-экономического и цифрового контекста.

В условиях современных вызовов актуализируется необходимость концептуально-технологического обновления практики психолого-педагогических классов. Это предполагает переосмысление миссии педагога, расширение спектра его профессиональных ролей (таких как модератор, коуч, дизайнер образовательных сред, цифровой наставник и др.), а также внедрение в образовательный процесс пробных предпрофессиональных действий, позволяющих школьникам «примерить» на себя различные типы педагогической карьеры. Теоретической основой для проектирования таких пробных действий выступают идеи активизирующей профориентации, разработанные в трудах Н.С. Пряжникова (и соавт.) [4]. Важным аспектом становится формирование ценностно-смысловых ориентиров, связанных с устойчивостью, эмпатией, адаптивностью и ответственностью, что в совокупности создает основу для осознанного выбора педагогической профессии как стратегии жизненной самореализации [25, 26]. Классы психолого-педагогической направленности предоставляют условия для формирования профессиональной направленности через практическую деятельность, исследовательские проекты и развитие коммуникативных навыков [14]. Участие в педагогической практике способствует формированию профессиональной идентичности, развитию мотивации и саморегуляции, что подтверждено эмпирическими исследованиями [27]. Экспериментальные и теоретические исследования показывают, что эти классы способствуют развитию таких личностных качеств, как ответственность, социальная ориентированность и эмоциональная компетентность, которые, в свою очередь, связаны с более осознанным и успешным профессиональным самоопределением [28].

В исследовании приняли участие 200 учащихся 8–11-х классов профильных образовательных учреждений ЯНАО (112 девушек, 88 юношей, средний возраст 16,7 года). Выборка характеризуется преобладанием учащихся 10-х классов (48,5%) и отражает актуальные вопросы профессионального самоопределения именно для этого возраста. Распределение по классам было следующим: 8-й класс – 7,5% ($n = 15$), 9-й класс – 22,5% ($n = 45$), 10-й класс – 48,5% ($n = 97$), 11-й класс – 21,5% ($n = 43$). При проведении психодиагностических процедур использовали следующие инструменты: авторский опросник, методику «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой, которая позволяет определить преобладающий тип мотивации при выборе профессионального пути [29], тест «Самооценка стрессоустойчивости личности» Л.П. Пономаренко и Р.В. Белоусовой [30]. Анализ включал описательную статистику, регрессионный анализ, структурное моделирование.

Анализ психологических характеристик проводили по 18 утверждениям (Л.П. Пономаренко, Р.В. Белоусова [30]). Результаты выявили выраженную гетерогенность психологического профиля участников исследования. Наиболее выраженными характеристиками оказались трудолюбие, лидерские устремления, оперативность и ответственность. Эти данные свидетельствуют о развитой способности к самоорганизации и выраженной социальной активности у большинства старшеклассников. Наименее выраженными характеристиками были бессонница, чувство недооцененности, агрессивность и конфликтность. Низкие показатели по этим шкалам указывают на относительно благополучное психоэмоциональное состояние участников исследования и развитые навыки социальной адаптации.

Анализ модальных значений показал, что по 12 из 18 психологических характеристик наиболее частым ответом было «иногда», а по 6 характеристикам – «редко». Отсутствие характеристик с модальным значением «часто» свидетельствует об умеренной выраженности исследуемых психологических особенностей в общей выборке.

Анализ факторов выбора профессии выявил четкую иерархию профессиональных предпочтений. Наиболее влиятельными факторами оказались: возможность приносить пользу людям, профессиональный рост, привлекательность профессии и высокий уровень оплаты труда. Наименее значимые факторы: мнение друзей, необходимость переезда, вынужденность выбора и мнение родителей. Эта структура предпочтений демонстрирует преобладание внутренней мотивации и осознанного подхода к профессиональному выбору над внешними влияниями. Модальный анализ показал, что для 13 из 20 факторов наиболее частой была оценка «сильно повлияло» (значение 3), для 6 факторов – «средне повлияло» (значение 2), и только для одного фактора – «слабо повлияло» (значение 1). Это указывает на достаточно высокую значимость профессионального выбора для старшеклассников.

Стандартные отклонения психологических характеристик варьировались от 0,48 до 0,76, что свидетельствует об умеренной вариативности ответов. Наибольшая вариативность зафиксирована по показателям опе-

ративности, лидерских устремлений и страха непоступления, что отражает индивидуальные различия в этих аспектах. Наименьшая вариативность была характерна для бессонницы, чувства недооцененности и агрессивности. Стандартные отклонения факторов выбора профессии находились в диапазоне от 1,06 до 1,21, демонстрируя высокую вариативность профессиональных предпочтений. Наибольший разброс мнений отмечен по факторам близости расположения работы от дома, уровня оплаты труда и престижности профессии.

Полученные данные позволяют составить комплексный психологический портрет современного старшеклассника, характеризующийся выраженным трудолюбием, ответственностью и лидерскими устремлениями при низких показателях агрессивности и конфликтности. Выявленная структура профессиональных предпочтений демонстрирует преобладание внутренней мотивации над внешней, что свидетельствует о возрастающей автономии старшеклассников в вопросах профессионального самоопределения.

Высокая вариативность как психологических характеристик, так и профессиональных предпочтений подтверждает наличие различных психологических типов и профессиональных ориентаций в выборке.

Для выявления значимых психологических предикторов профессиональных предпочтений старшеклассников был проведен множественный регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных рассматривали ключевые факторы выбора профессии, а в качестве независимых переменных – психологические характеристики учащихся, оцененные по методике «Самооценка стрессоустойчивости личности» Л.П. Пономаренко и Р.В. Белоусовой. Анализ проводили с использованием стандартизированных коэффициентов для обеспечения сопоставимости вклада различных предикторов.

Первая регрессионная модель была направлена на выявление предикторов выбора профессий, ориентированных на принесение пользы людям. Модель объяснила 28,4% дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,284$; $F = 12,45$; $p < 0,001$). Статистически значимыми положительными предикторами выступили: трудолюбие ($\beta = 0,32$; $p < 0,01$), ответственность ($\beta = 0,28$; $p < 0,01$), оперативность ($\beta = 0,24$; $p < 0,05$), эмпатия ($\beta = 0,26$; $p < 0,05$); отрицательным предиктором – импульсивность ($\beta = -0,21$; $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что социально ориентированный профессиональный выбор характерен для старшеклассников с развитыми волевыми качествами (трудолюбие, ответственность), высокой работоспособностью (оперативность) и эмоциональной отзывчивостью (эмпатия). Низкий уровень импульсивности свидетельствует о важности эмоциональной саморегуляции для данного типа выбора.

Вторая регрессионная модель направлена на выявление предикторов выбора высокооплачиваемых профессий. Модель объяснила 23,1% дисперсии ($R^2 = 0,231$; $F = 9,87$; $p < 0,001$). Значимыми предикторами оказались: лидерские качества ($\beta = 0,35$; $p < 0,01$),

настойчивость ($\beta = 0,27$; $p < 0,05$). Предиктор, зафиксированный отрицательной связью, – бессонница ($\beta = -0,19$; $p < 0,05$), что может указывать на важность психофизиологического благополучия для карьерных устремлений: эмоциональное неблагополучие может выступать в качестве барьера для проявления карьерных амбиций.

Третья модель выявила предикторы выбора престижных профессий. Модель объяснила 25,6% дисперсии ($R^2 = 0,256$; $F = 11,23$; $p < 0,001$). Значимыми положительными предикторами выступили: лидерские качества ($\beta = 0,38$; $p < 0,01$), уверенность в себе ($\beta = 0,31$; $p < 0,01$); отрицательным предиктором – чувство недооцененности ($\beta = -0,24$; $p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что выбор престижных профессий характерен для учащихся с высокой самооценкой, уверенностью в своих силах и лидерскими качествами. Чувство недооцененности, напротив, снижает вероятность такого выбора, что подчеркивает роль самоотношения в профессиональных предпочтениях.

Сравнительный анализ трех регрессионных моделей позволил выявить общие закономерности и специфические особенности детерминации различных типов профессиональных предпочтений. Универсальным позитивным предиктором всех моделей выступили лидерские качества, которые значимо влияли как на карьерно ориентированный, так и на престижный профессиональный выбор. Ответственность и трудолюбие оказались специфическими предикторами социально значимого выбора, в то время как уверенность в себе была значима преимущественно для выбора социально престижных профессий.

Эмоциональная стабильность (низкая импульсивность, отсутствие бессонницы) выступала значимым фактором для всех типов профессионального выбора, однако ее влияние проявлялось в разных аспектах: снижение импульсивности было важно для социально

ориентированного выбора, а отсутствие бессонницы – для карьерных устремлений.

Все три регрессионные модели показали умеренную, но статистически значимую объяснительную способность, варьирующую от 21,1 до 25,6% дисперсии зависимых переменных. Это свидетельствует о том, что психологические факторы оказывают существенное, но не исчерпывающее влияние на профессиональные предпочтения старшеклассников. Наибольшая объяснительная сила была характерна для модели социально значимого выбора (28,4%), что может указывать на более тесную связь этого типа профессиональных предпочтений с личностными характеристиками по сравнению с карьерно ориентированным выбором.

Выявленные в регрессионном анализе закономерности имеют важное практическое значение для реализации профориентационной работы. Развитие лидерских качеств и ответственности может способствовать более осознанному и мотивированному профессиональному выбору. Особого внимания заслуживает необходимость специальной работы с эмоциональной регуляцией, поскольку импульсивность и эмоциональная нестабильность негативно влияют на профессиональное самоопределение.

Полученные результаты также обосновывают необходимость дифференцированного подхода в профориентации, учитывающего как индивидуально-психологические особенности старшеклассников, так и специфику их профессиональных предпочтений.

Структурное моделирование подтвердило высокую согласованность модели. Структурное моделирование подтвердило высокую согласованность предложенной модели. Индексы соответствия показали хорошее качество модели: CFI = 0,932, TLI = 0,915, RMSEA = 0,048 (рис. 1).

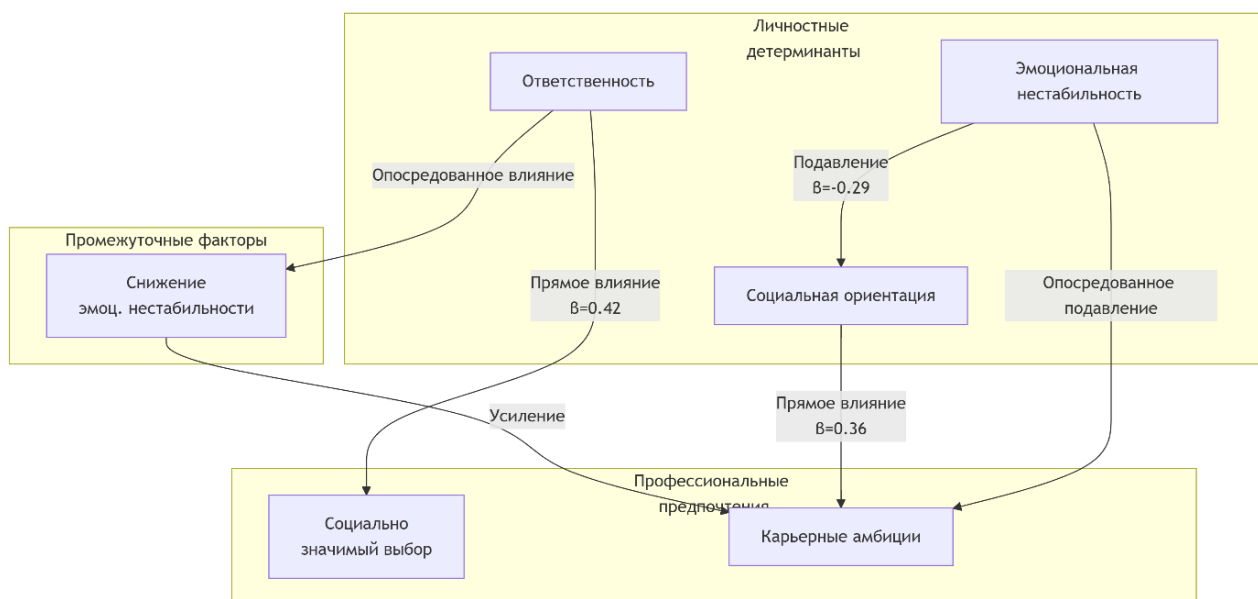

Рис. 1. Схема структурной модели профессиональных предпочтений обучающихся классов психолого-педагогической направленности

Ответственность ($\beta = 0,42$; $p < 0,001$) оказалась значимым предиктором социально значимого выбора профессии, опосредованным через снижение эмоциональной нестабильности. Социальная ориентация значительно влияет на карьерные амбиции ($\beta = 0,36$; $p < 0,01$). Эмоциональная нестабильность подавляет социальную ориентацию ($\beta = -0,29$; $p < 0,01$). Общая объяснительная способность модели составила 28% вариации профессионального выбора, что подтверждает комплексный характер детерминации профессиональных предпочтений. Найденные закономерности прямого и опосредованного влияния личностных детерминант позволяют разработать адресные профориентационные программы. Особое значение имеет развитие ответственности и эмоциональной регуляции, что подтверждают данные современных научных исследований по развитию профессиональной компетентности (Lent et al., 2013). Развитие социальной адаптации и эмоциональной саморегуляции обучающихся в классах психолого-педагогической направленности позволит повысить эффективность профессионального самоопределения и качество профессионального выбора.

Исследование показало, что профессиональные предпочтения старшеклассников формируются в результате сложного взаимодействия прямых и опосредованных влияний, имеют структурную организацию, включающую ключевые личностные и эмоциональные компоненты. Психологические детерминанты оказывают существенное, но не исчерпывающее влияние на профессиональные предпочтения (21,1–28,4% объясненной дисперсии). Структурная организация профессиональных предпочтений включает сложную систему прямых и опосредованных влияний личностных и эмоциональных факторов. Полученные результаты обосновывают необходимость дифференцированного подхода к содержанию профориентации и разработки целевых программ развития конкретных личностных качеств в зависимости от типа профессиональных предпочтений учащихся.

В ходе исследования был применен исследовательский факторный анализ по методу главных компонент с варимакс-вращением для выявления латентных структур данных, включавших 18 психологических характеристик и 20 факторов выбора профессии. В результате анализа психологических переменных было выделено три устойчивых латентных фактора, совокупно объясняющих 68,3% общей дисперсии: эмоциональная регуляция, объединившая показатели бессонницы, чувства недооцененности, агрессивности и конфликтности; волевая саморегуляция, включившая характеристики ответственности, трудолюбия, оперативности и настойчивости; социальная активность, объединившая лидерские устремления, уверенность в себе

и стремление к общению. Анализ факторов профессионального выбора выявил четыре латентных фактора с общей объясненной дисперсией 71,8%: социально значимая мотивация, карьерно-прагматическая мотивация, внешние обстоятельства и творческая самореализация.

Для учета иерархической структуры данных, где учащиеся объединены в рамках образовательных учреждений, было применено многоуровневое моделирование. Анализ внутриклассовой корреляции показал, что доля дисперсии, обусловленная влиянием образовательного учреждения, составила 18,4% для социально значимой мотивации, 12,6% для карьерно-прагматической мотивации и 8,7% для эмоциональной регуляции. Выявлены статистически значимые контекстуальные эффекты: учащиеся многопрофильных лицеев демонстрировали более высокие показатели карьерно-прагматической мотивации; в школах с развитой системой дополнительного образования наблюдались повышенные показатели социально значимой мотивации; для сельских школ было характерно более сильное влияние внешних обстоятельств на профессиональный выбор. Полученные результаты подтверждают необходимость учета институционального контекста при исследовании профессиональных предпочтений старшеклассников.

Проведенное исследование выявило специфическую структуру профессиональных предпочтений у обучающихся классов психолого-педагогической направленности, где ключевую роль играет взаимосвязанное развитие эмоциональной регуляции, ответственности и социальной ориентации. Установлено, что профессиональный выбор в пользу педагогической деятельности обусловлен не отдельными личностными качествами, а их интеграцией, причем наибольшую значимость имеют волевая саморегуляция и способность к эмпатии. Выявленные особенности подтверждают эффективность образовательной модели психолого-педагогических классов в формировании осознанной профессиональной позиции. Обнаруженные межличностные различия в профилях профессиональных предпочтений обосновывают необходимость дифференцированного подхода к психолого-педагогическому сопровождению учащихся. Значимое влияние образовательной среды на формирование профессиональной мотивации подчеркивает важность целенаправленного проектирования развивающей среды в классах психолого-педагогической направленности. Полученные результаты свидетельствуют о целесообразности развития программ поддержки, направленных на комплексное формирование профессионально важных качеств будущего педагога – эмоциональной устойчивости, коммуникативной компетентности и рефлексивной позиции.

Список источников

1. Super D.E. A life-span, life-space approach to career development // Career choice and development: Applying contemporary theories to practice / ed. by D. Brown, L. Brooks. 2nd ed. San Francisco : Jossey-Bass, 1990. P. 197–261.
2. Lent R.W., Brown S.D., Hackett G. Career development and counseling: Putting theory and research to work. Hoboken : Wiley, 2013. 576 p.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие. М. : Академия, 2007. 304 с.
4. Александрова Ю.Ю., Пряхников Н.С., Румянцев Е.С. Проблема соотношения «профессиональной идентичности» и «идентичности субъекта профессионального самоопределения» // Профессиональное образование. 2019. № 12. С. 14–18.

5. Holland J.L. Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments. 3rd ed. Odessa, FL : Psychological Assessment Resources, 1997. 300 p.
6. Чистякова С.Н. Эффективность профессиональной ориентации обучающихся – важнейшая составляющая системы государственной кадровой политики // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 1 (25). С. 24–29.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : АСТ, 2025. 960 с.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М. : Политиздат, 1977. 304 с.
9. Savickas M.L. Career construction theory and practice // Career development and counseling: Putting theory and research to work / ed. by S.D. Brown, R.W. Lent. 2nd ed. Hoboken : Wiley, 2012. P. 147–183.
10. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессионального развития : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2025. 234 с.
11. Parsons F. Choosing a Vocation. Boston : Houghton Mifflin, 1990. 178 p.
12. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2004. 752 с.
13. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М. : Высшая школа, 1990. 119 с.
14. Спиридонова Е.А. Формирование профессиональной направленности личности будущего учителя как ведущий фактор профессионализма // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 11. С. 179–183.
15. Strong E.K. Change of interests with age // Psychological Monographs. 1931. Vol. 41, № 235. P. 217–250.
16. Kuder G.F. Kuder preference record–vocational. Chicago : Science Research Associates, 1939. 12 p.
17. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с.
18. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–26.
19. Blau P.M., Duncan O.D. The American occupational structure. New York : Wiley, 1967. 520 p.
20. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в Эстонской ССР). М. : Мысль, 1975. 198 с.
21. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М. : Academia, 2001. 464 с.
22. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago : The University of Chicago Press, 1993. 412 p.
23. Leong F.T.L., Barak A. Career psychology: A multicultural perspective. New York : Routledge, 2021. 358 p.
24. Каспржак, А.Г., Илюшин Л.С. Профессиональное самоопределение учащихся в условиях нового социокультурного контекста // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 8–35. doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-8-35
25. Брель Е.Ю., Смышляева Л.Г. Концептуально-технологическое обновление практики психолого-педагогических классов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2022. Т. 20, № 3. С. 95–110. doi: 10.51314/2073-2635-2022-3-95-110
26. Брель Е.Ю., Минорова С.А., Белоусова Н.С. Психолого-педагогические классы и педагогическая интернатура как механизмы реализации школьно-университетского партнерства // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 2. С. 55–72. doi: 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-2-55-72
27. Комарова Д.Г. Психологические детерминанты развития профессионального самосознания студентов // StudNet. 2022. № 2. С. 16.
28. Филиппченко С.И., Евстифеева Е.А., Балакшина Е.В., Антоновский А.В. Психологические детерминанты стилей педагогической деятельности // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2021. № 3 (57). С. 75–80.
29. Овчарова Р.В. Справочная книга школьного психолога. М. : Просвещение, 1996. 352 с.
30. Пономаренко Л.П., Белоусова Р.В. Основы психологии для старшеклассников : пособие для педагога : в 2 ч. М. : ВЛАДОС, 2002. Ч. 2. 192 с.

References

1. Super, D.E. (1990) A life-span, life-space approach to career development. In: Brown, D. & Brooks, L. (eds) *Career choice and development: Applying contemporary theories to practice*. 2nd ed. San Francisco: Jossey-Bass. pp. 197–261.
2. Lent, R.W., Brown, S.D. & Hackett, G. (2013) *Career development and counseling: Putting theory and research to work*. Hoboken: Wiley.
3. Klimov, E.A. (2007) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of Professional Self-Determination]. Textbook. Moscow: Akademiya.
4. Aleksandrova, Yu.Yu., Pryazhnikov, N.S. & Rumyantseva, E.S. (2019) Problema sootnosheniya "professional'noy identichnosti" i "identichnosti sub"ekta professional'nogo samoopredeleniya" [The Problem of the Relationship between "Professional Identity" and "Identity of the Subject of Professional Self-Determination"]. *Professional'noe obrazovanie*. 12. pp. 14–18.
5. Holland, J.L. (1997) *Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments*. 3rd ed. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
6. Chistyakova, S.N. (2017) Effektivnost' professional'noy orientatsii obuchayushchikhsya – vazhneyshaya sostavlyayushchaya sistema gosudarstvennoy kadrovoy politiki [The Effectiveness of Vocational Guidance for Students – The Most Important Component of the State Personnel Policy System]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 1 (25). pp. 24–29.
7. Rubinshteyn, S.L. (2025) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: AST.
8. Leont'ev, A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
9. Savickas, M.L. (2012) Career construction theory and practice. In: Brown, S.D. & Lent, R.W. (eds) *Career development and counseling: Putting theory and research to work*. 2nd ed. Hoboken: Wiley. pp. 147–183.
10. Zeer, E.F. & Symanyuk, E.E. (2025) *Psikhologiya professional'nogo razvitiya* [Psychology of Professional Development]. Textbook for Universities. Moscow: Yurayt.
11. Parsons, F. (1990) *Choosing a Vocation*. Boston: Houghton Mifflin.
12. Derkach, A.A. (2004) *Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala* [Acmeological Foundations of Professional Development]. Moscow: MPSI.
13. Kuz'mina, N.V. (1990) *Professionalizm lichnosti prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya* [Professionalism of the Personality of a Teacher and Master of Industrial Training]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Spiridonova, E.A. (2015) Formirovanie professional'noy napravlenosti lichnosti budushchego uchitelya kak vedushchiy faktor professionalizma [Formation of Professional Orientation of the Future Teacher's Personality as a Leading Factor of Professionalism]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya*. 11. pp. 179–183.
15. Strong, E.K. (1931) Change of interests with age. *Psychological Monographs*. 41 (235). pp. 217–250.
16. Kuder, G.F. (1939) *Kuder preference record–vocational*. Chicago: Science Research Associates.
17. Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1991) *Strategiya zhizni* [Life Strategy]. Moscow: Mysl'.
18. Ginzburg, M.R. (1988) Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaya problema [Personal Self-Determination as a Psychological Problem]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 19–26.
19. Blau, P.M. & Duncan, O.D. (1967) *The American occupational structure*. New York: Wiley.
20. Titma, M.Kh. (1975) *Vybor professii kak sotsial'naya problema (na materialakh konkretnykh issledovaniy v Estonskoy SSR)* [Choice of Profession as a Social Problem (Based on Concrete Research in the Estonian SSR)]. Moscow: Mysl'.

21. Sheregi, F.E. (2001) *Sotsiologiya obrazovaniya: prikladnye issledovaniya* [Sociology of Education: Applied Research]. Moscow: Academia.
22. Becker, G.S. (1993) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: The University of Chicago Press.
23. Leong, F.T.L. & Barak, A. (2021) *Career psychology: A multicultural perspective*. New York: Routledge.
24. Kasprzhak, A.G. & Ilyushin, L.S. (2019) Professional'noe samoopredelenie uchashchikhsya v usloviyakh novogo sotsiokul'turnogo konteksta [Vocational Self-Determination of Students in the New Sociocultural Context]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 8–35. doi: 10.17323/1814-9545-2019-4-8-35
25. Brel', E.Yu. & Smyshlyaeva, L.G. (2022) Kontseptual'no-tekhnologicheskoe obnovenie praktiki psikhologo-pedagogicheskikh klassov [Conceptual and Technological Renewal of the Practice of Psychological-Pedagogical Classes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*. 20 (3). pp. 95–110. doi: 10.51314/2073-2635-2022-3-95-110
26. Brel', E.Yu., Minyurova, S.A. & Belousova, N.S. (2023) Psikhologo-pedagogicheskie klassy i pedagogicheskaya internatura kak mekhanizmy realizatsii shkol'no-universitetskogo partnerstva [Psychological-Pedagogical Classes and Pedagogical Internship as Mechanisms for Implementing School-University Partnership]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*. 21 (2). pp. 55–72. doi: 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-2-55-72
27. Komarova, D.G. (2022) Psikhologicheskie determinanty razvitiya professional'nogo samosoznaniya studentov [Psychological Determinants of the Development of Students' Professional Self-Consciousness]. *StudNet*. 2. p. 16.
28. Filipchenkova, S.I., Evstifeeva, E.A., Balakshina, E.V. & Antonovskiy, A.V. (2021) Psikhologicheskie determinanty stiley pedagogicheskoy deyatel'nosti [Psychological Determinants of Styles of Pedagogical Activity]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybnopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 3 (57). pp. 75–80.
29. Ovcharova, R.V. (1996) *Spravochnaya kniga shkol'nogo psikhologa* [Handbook for School Psychologists]. Moscow: Prosveshchenie.
30. Ponomarenko, L.P. & Belousova, R.V. (2002) *Osnovy psikhologii dlya starsheklassnikov: posobie dlya pedagoga: v 2 ch.* [Fundamentals of Psychology for High School Students: A Teacher's Guide: in 2 pts]. Pt. 2. Moscow: VLADOS.

Информация об авторах:

Брель Е.Ю. – д-р психол. наук, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе высшего образования Российской академии образования (Москва, Россия). E-mail: brelelena@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7737-8058

Курносова С.А. – канд. пед. наук, зав. кафедрой общей и профессиональной педагогики Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: ksa0308@mail.ru. ORCID 0000-0002-1458-6597

Беляева С.С. – канд. экон. наук, зам. директора Регионального института развития образования Ямало-Ненецкого автономного округа (Салехард, Россия). E-mail: bss@riroyanao.ru

Герчес Н.И. – канд. пед. наук, профессор центра современных педагогических технологий Регионального института развития образования Ямало-Ненецкого автономного округа (Салехард, Россия). E-mail: gni@riroyanao.ru

Соловьева О.Ю. – канд. пед. наук, профессор центра современных педагогических технологий Регионального института развития образования Ямало-Ненецкого автономного округа (Салехард, Россия). E-mail: soj@riroyanao.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Brel, Dr. Sci. (Psychology), head of the Federal Resource Center for Psychological Service in the Higher Education System, Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: brelelena@mail.ru

S.A. Kurnosova, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of General and Professional Pedagogy, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ksa0308@mail.ru

S.S. Belyaeva, Cand. Sci. (Economics), deputy director, Regional Institute for Education Development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Salekhard, Russian Federation). E-mail: bss@riroyanao.ru

N.I. Gerches, Cand. Sci. (Pedagogics), professor, Regional Institute for Education Development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Salekhard, Russian Federation). E-mail: gni@riroyanao.ru

O.Yu. Solovyeva, Cand. Sci. (Pedagogics), professor, Regional Institute for Education Development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (Salekhard, Russian Federation). E-mail: soj@riroyanao.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.11.2025;
одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 05.11.2025;
approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/520/20

Обучение незрячих в университетах России: вызовы и решения (на примере английского языка)

Татьяна Борисовна Вепрева¹, Ольга Владиславовна Печинкина²

^{1, 2} Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹ t.vepreva@narfu.ru

² o.pechinkina@narfu.ru

Аннотация. Анализируется текущая ситуация с обучением незрячих студентов в российских и зарубежных высших учебных заведениях. Рассматриваются существующие практики и успешные кейсы обучения таких студентов на примере преподавания английского языка. Особое внимание уделяется использованию современных технологий, созданию специальных программ и приложений для данной категории обучающихся. В заключении предложены практические рекомендации для всех ключевых участников образовательного процесса.

Ключевые слова: инклюзивное образование, студенты, нарушение зрения, вуз, образовательный процесс, особые образовательные потребности, программное обеспечение для незрячих, английский язык

Для цитирования: Вепрева Т.Б., Печинкина О.В. Обучение незрячих в университетах России: вызовы и решения (на примере английского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 190–197. doi: 10.17223/15617793/520/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/20

Teaching blind students in Russian universities: Challenges and solutions

Tatiana B. Vepreva¹, Olga V. Pechinkina²

^{1, 2} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

¹ t.vepreva@narfu.ru

² o.pechinkina@narfu.ru

Abstract. In the development of inclusive education, the issue of accessibility and quality of higher education for people with health disabilities has become increasingly relevant. The article analyses the current situation with the education of visually impaired students in Russian and foreign higher education institutions and offers specific recommendations to improve the learning process. The research is based on regulatory and legal documents, examination of the experience of practicing teachers and other participants in the educational process interacted with students with disabilities. Among the barriers faced by the visually impaired in obtaining higher education, the most commonly mentioned are limitations in using special equipment, inconvenient infrastructure, lack of adapted learning materials, and absence of qualified support from teaching staff and administration. The article discusses the existing practices and successful cases of teaching the blind on the example of teaching English. Particular attention is paid to the use of modern technologies, the creation of special programmes and applications aimed at meeting the educational needs of this category of students. The authors analyse the problems that hinder the wide implementation of these technologies and suggest ways to overcome them. One of the promising directions for enhancing the effectiveness of educational activities for students with visual impairments, according to the authors, is the expansion of specialized centers equipped with material, methodological, and personnel resources. Based on the results of the analysis, the authors came to conclusion that an integrated approach is needed to form a more accessible system of higher education. This approach should include legal regulation, the development of appropriate infrastructure, material and technical base, as well as the organization of training of specialists competent in working with people with disabilities. In conclusion, practical recommendations are proposed for all key participants in the educational process, namely: visually impaired students, instructors, and university administrators. Implementing these measures will improve the availability of the educational process and make it more effective for all categories of learners.

Keywords: inclusive education, students, visual impairment, university, educational process, special educational needs, software for the blind, English language

For citation: Vepreva, T.B. & Pechinkina, O.V. (2025) Teaching blind students in Russian universities: Challenges and solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 190–197. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/20

Введение

Конституция Российской Федерации гарантирует право на общедоступное и бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование в России¹. Исследования, связанные с проблемами инклюзивного образования в России, касаются в основном учащихся общеобразовательной школы. Вместе с тем наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), стремящихся получить высшее профессиональное образование. Так, согласно данным Министерства образования и науки Российской Федерации в высших учебных заведениях по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2021 г. обучалось 31 975 лиц с ОВЗ и инвалидов, в 2022 – 34 548, в 2023 – 35 982, в 2024 – 38 568 человек². Статистические данные свидетельствуют о том, что в ближайшие годы ожидается увеличение численности таких студентов. Этим и обуславливается важность и необходимость комплексного понимания проблемы и структурирование рекомендаций для более качественного обучения в целом и иностранным языкам в частности.

Под термином «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья» понимается физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий (глава 1 ст. 2 п. 16)³. Обучение этой категории лиц регулируется Федеральным законом об образовании⁴ и происходит по адаптированным основным образовательным программам (АООП). В соответствии с обозначенными документами в перечень лиц с ОВЗ включены следующие группы: 1) глухие; 2) слабослышащие; 3) слепые; 4) слабовидящие; 5) лица с тяжелыми нарушениями речи; 6) лица с нарушением опорно-двигательного аппарата; 7) лица с задержкой психического развития; 8) лица с расстройствами аутистического спектра⁵.

Особую группу в этом перечне составляют лица с полной потерей зрения, воспринимающие окружающий мир только посредством тактильных, звуковых и обонятельных ощущений. Для таких обучающихся начальной школы предусмотрено четыре варианта адаптированных основных образовательных программ. Первый вариант предназначен для обучающихся, которые по уровню развития к моменту поступления в школу ничем не отличаются от своих сверстников и у которых развиты необходимые для обучения компенсаторные способы деятельности. Второй вариант предполагает, что обучающиеся не достигли необходимого уровня развития, их компенсаторные способы деятельности недостаточны, но вместе с тем они обладают определенным потенциалом. Третий и четвертый варианты предназначены для обучающихся, имеющих легкую и умеренную (тяжелую) умственную отсталость. В федеральной адаптированной образовательной программе основного общего образования для учеников с проблемами по зрению выделено два варианта⁶. Первый вариант предполагает получение ре-

зультатов обучения, аналогичных результатам нормативно развивающихся сверстников и в аналогичные сроки. Второй вариант увеличивает период обучения на один год.

В результате обучения в общеобразовательной школе лица с проблемами по зрению овладевают эффективными компенсаторными способами учебно-познавательной и предметно-практической деятельности, навыками и умениями использования рельефно-точечного шрифта Л. Брайля, тифло-информационно-коммуникативными технологиями, возможностями в пространственной и социально-бытовой ориентировке, вербальными и невербальными средствами общения. Таким образом, к моменту поступления в высшие учебные заведения (вузы) у них должны быть сформированы социально значимые личностные качества, мотивация к качественному образованию и целенаправленной познавательной деятельности, готовность и способность к саморазвитию, информационные и тифлотехнические компетенции, готовность к осознанному и самостоятельному профессиональному самоопределению.

Обучение незрячих в высших учебных заведениях также регулируется Законом об образовании. Однако информация, содержащаяся в нем, касается в основном льгот при поступлении (глава 2 ст. 71 п. 5.2, 5.3) и создания специальных условий обучения (глава 2 ст. 79). Получается, что вузы признают право таких лиц на поступление и обучение, но большинство преподавателей не готовы в полной мере осуществлять с ними образовательный процесс [1]. Несмотря на то, что все преподаватели вузов в РФ проходят подготовку по программам инклюзивного обучения, их практических навыков недостаточно. Так, И.А. Руднева и О.А. Козырева, систематизируя трудности, возникающие у будущих педагогов в процессе формирования профессиональной готовности к инклюзии школьников, выделяют четыре типичных барьера:

- академический, выражающийся в недостаточности знаний об особенностях развития детей с ОВЗ и способах осуществления их особых потребностей;
- деятельностный, сигнализирующий о несформированности профессиональных компетенций в связи с недостатком практики;
- социально-личностный, образующийся вследствие личного отношения или взглядов общества в целом на инклюзивное образование;
- ресурсный, означающий нехватку или отсутствие ресурсов для полноценного удовлетворения образовательных потребностей данной категории лиц [2].

Целью данного исследования является изучение отечественных и зарубежных практик обучения незрячих студентов английскому языку в высших учебных заведениях и структурирование рекомендаций, позволяющих преподавателям минимизировать или убрать барьеры, препятствующие эффективному обучению незрячих в университете.

Материалы и методы

В исследовании использован комплексный подход, сочетающий анализ нормативно-правовых докумен-

тов, обзор научной литературы и изучение практического опыта вузов в обучении студентов с нарушениями зрения.

Теоретическую базу исследования составили:

1. Нормативно-правовые акты, касающиеся реализации права на образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья – федеральные законы (Конституция Российской Федерации, ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья), приказы Министерства просвещения Российской Федерации («Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»).

2. Официальные отчеты и статистические данные Министерства образования и науки РФ и Всероссийского общества слепых о состоянии инклюзивного образования в высших учебных заведениях.

3. Научные публикации отечественных и зарубежных авторов по инклюзивному образованию, реализации адаптированных образовательных программ и технологиям для организации условий обучения для незрячих студентов.

Методы исследования включали контент-анализ научных публикаций и методических материалов для определения эффективных практик обучения студентов с нарушениями зрения. Все собранные данные были подвергнуты тематическому анализу с целью выявления ключевых проблем, ресурсных возможностей и предложений по улучшению образовательной среды для незрячих студентов в университетах. Обобщение опыта работы педагогов и других участников образовательного процесса позволило систематизировать ключевые проблемы и предложить рекомендации по совершенствованию условий обучения для студентов с полной потерей зрения.

Обзор литературы

Публикации, посвященные проблеме обучения незрячих английскому языку, делятся на два основных типа исследований. В первом описываются особые потребности и трудности, с которыми люди с нарушениями зрения сталкиваются при изучении языка. Во втором перечисляются техники и методические материалы, используемые преподавателями в образовательном процессе [3].

Одним из действенных способов понимания проблемы и вариантов ее решения является общение с незрячими студентами о трудностях, с которыми они сталкиваются в учебе, поскольку преподаватели не могут представить общую картину в полной мере. В результате таких опросов и индивидуальных бесед исследователи выявили факторы, положительно и негативно влияющие на процесс обучения. К первым относятся поддерживающие преподаватели, понимающие сверстники, хорошо функционирующие службы социальной поддержки и вовлечение в процесс родителей.

Негативные факторы возникают из-за предвзятости педагогов, неудобных условий проживания, неадекватности служб поддержки людей с ограниченными возможностями, эмоционального выгорания обучающихся и безразличия сверстников [4]. Неприспособленность лекционных аудиторий и инфраструктуры кампуса, неадаптированные учебные материалы, необученные должным образом лекторы составляют значительную часть негативных отзывов [5, 6].

Важным этапом в жизни любого молодого человека, а незрячего в особенности, является переход из школы в вуз, поскольку данный период требует критического осмысления и правильного выбора дальнейшего пути. Американские ученые попросили учителей, работавших с незрячими молодыми людьми, указать, с какой частотой они обращались к членам семьи, школьному персоналу и внешним специальным организациям для поддержания учащихся в переходный период. Выявленные результаты показали, что преподаватели сотрудничали в основном с семьями, некоторыми школьными специалистами и агентствами профессиональной реабилитации. Недостаточное сотрудничество с внешними агентствами является, с точки зрения авторов, проблемой, поскольку именно они могут обеспечить доступ к ресурсам и поддержке, так необходимой учащимся для долгосрочного успеха после окончания школы [7]. Поддержке обучающихся с нарушением зрения служит и единая для всей страны специализированная учебная программа, касающаяся преподавания и реабилитации таких лиц с ранних лет до получения высшего образования или профессиональной подготовки, предложенная исследователями из Соединенного Королевства. В основе программы лежит двойственная модель доступа – «доступ к обучению», обеспечивающий адаптацию, подготовку соответствующих обучающих материалов, повышение осведомленности сверстников и педагогов, и «обучение доступу», направленное на развитие самостоятельности и использование специального программного обеспечения и устройств для слабовидящих [8].

В процессе обучения незрячие люди полагаются на технологии, гарантирующие невизуальный доступ к печатному тексту. Технический прогресс и стремительное развитие современных технологий предоставляют широкий спектр специальных программ и приложений для использования в процессе обучения незрячих. К традиционным техническим средствам помощи относятся дисплеи Брайля, позволяющие читать и записывать шрифт Брайля и сохранять файлы, системы оптического распознавания символов (OCR), программное обеспечение для чтения с экрана и системы видеонаблюдения с технологией OCR. Согласно информации сайта Всероссийского общества слепых, в настоящее время незрячие люди чаще всего пользуются программами экранного доступа JAWS и NVDA⁷. Говоря об использовании технологий, исследователи выделяют ряд трудностей, например, сложность преобразования печатного текста в файл для программы перевода Брайля или чтения с экрана, предоставление доступа к вспомогательным программам и особенно самих вспомогательных программ [9, 10].

Существенным моментом, касающимся применения средств помощи, является их стоимость и дороговизна приобретения, например цена дисплеев Брайля в РФ начинается от 200 000 рублей, что делает их недоступными для индивидуальных пользователей.

Способность читать и писать шрифтом Брайля является ключевым навыком для обучения английскому языку. Вместе с тем скорость чтения по системе Брайля требует большего количества времени, поэтому для увеличения скорости чтения и облегчения понимания прочитанного студенты все чаще используют технологии чтения текста с экрана [10, 11].

Ученые-практики предлагают средства обучения, основанные на современных технологиях, включающие в себя компьютерные программы, электронные курсы и электронные учебники. Так, А.И. Николаев разработал уникальную методику «АПРОЛ» для обучения людей с особыми образовательными потребностями по зрению. В основе данной методики лежит алгоритм обучения незрячих при помощи обычной клавиатуры, где клавишами навигации являются восемь клавиш на одном ряду в центре. Находящиеся в этом ряду клавиши А (F) и О (J), имеющие специальные насечки, служат основой для метода «слепой» печати, что позволяет легко ориентироваться в процессе обучения. С 2019 по 2023 г. автор, совместно с коллегами, создал и успешно апробировал четыре компьютерные программы для обучения английскому языку лиц с особыми образовательными потребностями (ООП) по зрению, отметив, что предложенная методика может быть адаптирована для преподавания различных учебных дисциплин. Отличительной особенностью методики «АПРОЛ» является отсутствие необходимости использования специализированных и дорогостоящих технических средств, доступность и удобство применения.

Запланированная в ближайшем будущем разработка интернет-портала для обучения лиц с ООП по зрению наряду с возможностью самообучения позволит еще более упростить образовательный процесс [12].

Предлагаются также электронные курсы, разработанные на базе существующих платформ. Преподаватели кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (РГПУ) разработали на платформе Moodle учебные курсы по дисциплине «Иностранный язык» для студентов-бакалавров неязыковых специальностей первого курса обучения и «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» для магистрантов очной и заочной формы обучения, имеющих проблемы со зрением. Решение о выборе платформы Moodle было связано с наличием на учебном портале специализированной версии для слабовидящих пользователей панели ATbar, которая позволяет регулировать размер текста на экране, выбирать альтернативные цветовые схемы и озвучивать введенный текст. При разработке курсов были учтены следующие особенности обучения лиц с нарушением зрения: большое количество аудиоупражнений, тексты и материалы в формате html, и использование черного шрифта. В ходе апробации было выявлено, что данные

курсы в целом способствуют более результативному освоению дисциплины [13]. Вместе с тем цифровые образовательные платформы не лишены некоторых недостатков, таких как, например, сложность в подготовке презентаций, замедленная скорость восприятия информации во время видеоконференций [13], затруднение восприятия презентаций, текстовых файлов и особенно таблиц при их демонстрации, отсутствие замещающего текста в упражнениях с визуальными составляющими, отсутствие программ экранного доступа на компьютерах в вузе во время занятий в компьютерных классах [14]. В качестве решения данных проблем авторы предлагают не устанавливать жесткие сроки сдачи в онлайн-курсах, заменять в некоторых случаях презентации обычными текстовыми сообщениями, ввести ставку тьютора для работы с незрячими студентами.

Преподавателями Самарского государственного технического университета для обучения деловому английскому языку студентов с нарушениями зрения создано электронное учебное пособие. Разработанное пособие содержит тематические лекции, лексические и грамматические упражнения, дополнительные материалы по теме с ответами в виде отдельных файлов. В конце курса обучаемым предлагается аудиотест с последующей возможностью самопроверки. Особенностью пособия является наличие аудиоверсии текстового варианта, обеспечивающей доступное восприятие материала [15].

Традиционные обучающие материалы ориентируются в большей мере на графическое и образное восприятие, что сильно ограничивает студентов с нарушениями зрения. В связи с этим исследователи предлагают использовать мультисенсорный подход, предполагающий использование визуальных, слуховых и кинестетических методов обучения [16]. Американские исследователи спроектировали доступную систему, сочетающую в себе мультисенсорный вибро- и аудиоинтерфейс и приложение для передачи графических представлений, работающее на мобильном оборудовании. Графическая информация передавалась через визуальные образы, произносимые слова, определенные звуки и вибрации, сочетая таким образом визуальные, звуковые и тактильные ощущения. В результате тестирования было выявлено, что данная система одинаково хороша для всех студентов, независимо от их визуального статуса. Этот момент является значимым, поскольку у преподавателей в данном случае не возникает необходимости готовить специальные материалы для незрячих обучающихся в инклюзивных группах [17].

Для разработки наиболее действенных методов обучения английскому языку необходимо учитывать физиологические и психологические особенности студентов. В процессе аудиторных занятий студенты с нарушениями зрения обычно активно участвуют в устной коммуникации и аудировании. Из четырех основных видов речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо), которые формируются в результате обучения, наиболее сложными для незрячих являются чтение и письмо, и именно этим аспектам ученые уделяют особое внимание в своих исследованиях. Так, исследователи из Курского

университета разработали свою стратегию обучения пересказу иноязычного текста с учетом особенностей незрячих и слабовидящих студентов. Принимая во внимание, что такие обучаемые лучше запоминают начало текста, авторы предлагают заменить подготовительный этап при работе с текстом с чтения вслух или про себя на аудирование. Для более прочного запоминания и удержания в памяти содержания текста, картинки следует сопровождать музыкальными и звуковыми образами-иллюстрациями [18, 19]. Большую роль при обучении играет расширение сенсорного опыта обучаемых путем словесных пространственных описаний и тактильных ощущений, что способствует лучшему пониманию и запоминанию материала [20, 21]. Особую сложность в процессе обучения английскому языку представляет объяснение артикуляции, транскрипционных знаков, а также звуковое несоответствие буквам при правописании. Использование тактильного опыта незрячих и пространственных описаний будет способствовать усвоению данного материала.

Многие ученые придерживаются мнения, что обучение лиц с ОВЗ по зрению возможно в смешанных группах, однако для этого требуется адаптация учебных материалов. Визуальные образы и презентации должны сопровождаться устными комментариями. При просмотре фильмов необходимо подробно комментировать происходящее на родном языке, делая акцент на описание места и действий персонажей. Комментарии не должны выражать оценочных суждений во избежание навязывания своего мнения [22]. Тем не менее почти все авторы отмечают, что создание специальных программ и адаптация методических материалов представляют собой достаточно трудоемкие процессы, предполагающие необходимость непосредственного участия человека.

В этой связи действенным механизмом обеспечения образовательного процесса для лиц с ОВЗ по зрению может выступать организация специализированных центров поддержки, объединяющих материально-технические ресурсы, методическое сопровождение и квалифицированный персонал [23]. Примером реализации данной модели является Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ, учрежденный в 2017 г. в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена⁸. Данный центр одним из первых в России начал решать проблему доступности обучения лиц с особыми образовательными потребностями, начиная от постановки проблем и профориентации школьников до обучения специалистов и подготовки специализированных адаптивных программ. На сегодняшний день в стране существует 25 ресурсных учебно-методических центров (РУМЦ), главной целью которых является развитие инклюзивного высшего образования в России путем консультационной поддержки всех заинтересованных лиц, разработки новейших форм и методов обучения и предоставления специальных технических средств обучения⁹. Центры сотрудничают с так называемыми вузами-партнерами, находящимися на территории, закрепленной за центром, однако в некоторых случаях эти территории неоправданно велики. К примеру, Северный (Арктический) федеральный университет

им. М.В. Ломоносова, находящийся в г. Архангельске, входит в РУМЦ Череповецкого государственного университета, куда помимо Архангельской области включены Вологодская, Калининградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Республики Карелия и Коми. Учитывая увеличение количественного роста студентов с ОВЗ и нарушением зрения, в частности, необходимость открытия новых РУМЦ очевидна.

Результаты

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать рекомендации для всех субъектов образовательного процесса в вузе, а именно преподавателей, незрячих обучаемых и администрации.

Преподавателям. На начальном этапе обучения преподавателю необходимо провести пространственную ориентацию студентов, детально ознакомив их с расположением учебных аудиторий и объектов инфраструктуры, организовать систему тьюторской поддержки, мотивировав зрячих студентов к оказанию помощи незрячим однокурсникам. Перед проведением занятий следует проверить совместимость имеющегося в вузе оборудования с используемым студентами программным обеспечением. Даже при наличии специальных технических средств преподавателю потребуются адаптация методических материалов. Поэтому при создании текстовых файлов необходимо применять шрифты без засечек оптимального размера, использовать четкую структуру текста с подзаголовками, выделять смысловые блоки визуальными маркерами или другими пометами, помогающими легко ориентироваться в тексте. Визуальную информацию следует трансформировать в текстовый или аудиоформаты, а задания, содержащие графические элементы, основанные на изображениях, вербализировать. Результативность усвоения материала незрячими студентами напрямую зависит от качества речи преподавателя, вследствие чего она должна быть четкой, достаточно громкой, с правильной интонацией, паузами и акцентированием важных для понимания слов. Любую невербальную информацию в виде иллюстраций, видео, записей на доске следует комментировать, а выполняемые действия озвучивать. На занятиях целесообразно применять комбинированные способы введения нового материала. Принимая во внимание быструю утомляемость и более медленный темп работы необходимо предусмотреть увеличение времени на выполнение заданий и адаптацию темпа работы к индивидуальным возможностям обучающихся.

Студентам. Незрячим и слабовидящим студентам следует активнее обращаться за помощью к преподавателям, однокурсникам и административному персоналу при возникновении трудностей. Им необходимо осознавать свои когнитивные преимущества (например, более развитые навыки аудирования) и использовать эти сильные стороны, активно участвуя в устной коммуникации и аудировании на занятиях, а также оказывать поддержку другим обучающимся в данных видах деятельности. Быстрое развитие технологий привело к появлению большого количества специальных программ и устройств, поэтому крайне важно систематически апробировать их и, выбирая наиболее

эффективные, использовать в процессе обучения. При изучении иностранного языка формирование языковой среды является значимым фактором. Для ее создания можно просматривать фильмы на языке оригинала, общаться в голосовых чатах с носителями языка или слушать любимые песни с последующей расшифровкой текстов.

Администрации. Преподаватели, работающие со студентами с нарушениями зрения, нуждаются в системной организационной и методической поддержке. Администрация образовательного учреждения обязана осознавать свою ответственность за организацию инклюзивного учебного процесса в целом. Для обеспечения образовательного процесса лиц с проблемами по зрению руководству вуза необходимо выполнить ряд основных задач. Во-первых, следует ознакомить лиц с нарушениями зрения с их правами и доступными ресурсами, а также гарантировать беспрепятственный физический доступ ко всем объектам университетского кампуса. Во-вторых, требуется обеспечение незрячих студентов специализированными техническими средствами, выходом в интернет и адаптированными учебно-методическими материалами. Преподавательский состав должен быть мотивирован к прохождению дополнительного обучения (в онлайн- или офлайн-формате), направленного на изучение психофизиологических особенностей незрячих студентов, альтернативных методик преподавания, а также принципов использования специализированных технических средств. Кроме того, в штате университета целесообразно предусмотреть должность специалиста, способного оперативно оказывать техническую поддержку как обучающимся, так и преподавателям. Наконец, в компетенцию администрации также входит организация профориентационной работы и привлечение абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение

Анализ текущего состояния высшего образования для лиц с ОВЗ и, в частности, незрячих студентов позволяет сделать вывод о том, что проблема обеспечения

равного доступа к качественному образованию остается одной из наиболее актуальных. Несмотря на наличие законодательных основ и появление отдельных успешных практик инклюзивного обучения, обучающиеся с нарушением зрения сталкиваются с рядом объективных барьеров: начиная от недостаточной технической оснащенности учебных заведений и заканчивая нехваткой квалифицированной методической и психологической поддержки.

На основе изучения российского и международного опыта выявлено, что эффективное обучение незрячих студентов возможно лишь при условии системного и комплексного подхода, включающего нормативно-правовое регулирование, модернизацию материально-технической базы, внедрение адаптированных образовательных технологий и формирование у преподавательского состава компетенций, необходимых для работы с данной категорией обучающихся. Анализ успешных кейсов, особенно в области преподавания английского языка, демонстрирует, что использование современных цифровых решений, специализированных программ и мобильных приложений может значительно повысить качество образовательного взаимодействия. Однако для массового внедрения таких технологий необходимо развитие системы специализированных ресурсных центров, способных обеспечить координацию усилий всех участников образовательного процесса, от преподавателей до администрации вузов. Таким образом, только последовательное сочетание правовой, организационной, технологической и педагогической составляющих позволит создать действительно инклюзивную среду, где каждый обучающийся имеет равные возможности для получения высшего образования.

Предложенные в статье рекомендации могут быть использованы как руководство к действию для студентов с ОВЗ по зрению, администраций вузов, преподавателей и государственных органов, ответственных за реализацию политики доступности и качества образования для всех категорий граждан.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 43 // Гарант. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/234:0>

² Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <https://minobmauki.gov.ru/action/stat/highed/>

³ Федеральный закон об образовании от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Консультант. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=486196&rangeId=6570622>

⁴ Там же.

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. № 1598) с изменениями и дополнениями от 8 ноября 2022 г. // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70862366/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

⁶ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 24.11.2022 № 1025 «Об утверждении федеральной адаптированной образовательной программы основного общего образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» (Зарегистрирован 21.03.2023 № 72653) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303220006?index=1>

⁷ Всероссийское общество слепых. URL: https://www.vos.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4830:eksperty-vos-dayut-otsenku-sovremennym-elektronnym-ustroystvam-dlya-nezryachikh&catid=59&Itemid=261

⁸ Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья // Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. URL: <https://www.herzen.spb.ru/about/struct-uni/centers/obucheniyu-invalidov-i-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya/>

⁹ Инклюзивное образование. URL: <https://xn--80aabdcpeebhqo2afglbd3b9w.xn--p1ai/>

Список источников

1. Гурьянова Е.Н. К вопросу о преподавании иностранного языка студентам с ОВЗ // Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации: инновации, проблемы и перспективы : сб. материалов Межвузов. науч.-практ. конф., Москва, 25 декабря 2018 года. М. : Моск. гос. лингвистический ун-т, 2019. С. 74–80.

2. Руднева И.А., Козырева О.А. Профессиональные барьеры в готовности будущих педагогов к инклюзии // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 11. С. 136–152. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-11-136-152
3. Boltenkova J., Nevolina A., Koksharov V., Li S., Rasskazova T., Tkachuk G., Baliasov A. Teaching EFL to Blind and Visually Impaired Students: An Overview // ICERI2020 Proceedings. 2020. P. 5616–5623. doi: 10.21125/iceri.2020.1209
4. Ekinci A.N., Bacanak K.D., Ulum Ö.G. Stories of the visually impaired EFL learners in Turkey // International Journal of Educational Spectrum. 2024. Vol. 6 (1). P. 66–90. doi: 10.47806/ijesacademic.1394086
5. Ndebele C., Gadisi. Examining Inclusion and Exclusion in Higher Education: A Case Study of Blind Students at a Rural Based South African University // Education. Innovation. Diversity. 2022. Vol. 2, № 5. P. 21–36. doi: https://doi.org/10.17770/eid2022.2.6945
6. Lintangari A.P., Emaliana I. Inclusive education services for the blind: Values, roles, and challenges of university EFL teachers // International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE). 2020. Vol. 9, № 2. P. 439–447. doi: 10.11591/ijere.v9i2.20436
7. Travers H.E., Irland C.M. Collaboration Around Transition for Students with Visual Impairments: A Sequential Explanatory Mixed Methods Study // Career Development and Transition for Exceptional Individuals. 2024. doi: 10.1177/21651434241303910
8. Hewett R., Douglas G., McLinden M., James L. Development of a new curriculum framework for children and young people with vision impairment: A United Kingdom consultation using the Delphi approach // British Journal of Visual Impairment. 2023. Vol. 42 (1). P. 3–19. doi: 10.1177/02646196231157168
9. Rudinger B. Non-Visual Access to Print & Its Barriers: A Review of the Literature // Forum Pedagogiczne. 2020. Vol. 10. P. 29–43. doi: 10.21697/fp.2020.2.03
10. Carpenter J. EFL Education for the Visually Impaired in Japan: Data from Five Interviews // Latin American Journal of Content & Language Integrated Learning. 2020. Vol. 13 (1). P. 57–78. doi: 10.5294/lacil.2020.13.1.4
11. Jackson R. Audio-Supported Reading for Students Who Are Blind or Visually Impaired. Wakefield, MA: National Center on Accessible Educational Materials, 2021. URL: <https://aem.cast.org/binaries/content/assets/common/publications/aem/asr-blind-visuallyimpaired.pdf> (дата обращения: 26.04.2025).
12. Николаев А.И., Омукчанова В.В., Парфенов Е.А. Перспективы развития методики «АПРОЛ» при обучении незрячих учащихся в условиях инклюзивного образования // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 288–291. doi: 10.24412/1991-5497-2023-6103-288-291
13. Агафонова Л.И., Хахалина М.С., Лагутина А.А., Павлова О.Н. Разработка адаптированных электронных учебных курсов по иностранному языку для слепых и слабовидящих студентов педагогического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 189–198. doi: 10.17223/15617793/479/20
14. Чихачева Д.В. Особенности работы с цифровыми образовательными платформами при обучении иностранному языку студентов в контексте инклюзивного образования // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2023. № 2 (45). С. 45–48.
15. Градалева Е.А. Технологии обучения деловому английскому языку студентов с нарушениями зрения // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7, № 1. С. 14–20. doi: 10.21603/2542-1840-2023-7-1-14-20
16. Зорина Е.Е. Пути совершенствования обучения иностранному языку студентов с особыми образовательными потребностями в вузе // Непрерывное образование: XXI век. 2021. Вып. 1 (33). doi: 10.15393/j5.art.2021.6688
17. Doore S.A., Dimmel J., Kaplan T.M., Guenther B.A., Giudice N.A. Multimodality as universality: Designing inclusive accessibility to graphical information // Frontiers in Education. 2023. Vol. 8. Art. No. 1071759. doi: 10.3389/feduc.2023.1071759
18. Березовская Э.Б., Климентьева В.В. Разработка алгоритма обучения пересказу иноязычного текста незрячих и слабовидящих обучающихся // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2023. № 17. Art. No. 3.
19. Климентьева В.В., Климентьев Д.Д. Особенности восприятия информации незрячими обучающимися при обучении пересказу иноязычного текста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 4 (68). С. 142–151.
20. Евстропова Н.С., Ракова Е.В. Стратегии обучения иностранному языку в условиях инклюзивного образования // Вестник Самарского государственного технического университета. Психологические и педагогические науки. 2019. № 16. С. 60–73. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2019.4.4
21. Villanueva I., Stefano M.D. Narrative Inquiry on the Teaching of STEM to Blind High School Students // Education Sciences. 2017. Vol. 7 (4). Art. No. 89. doi: 10.3390/educsci7040089
22. Демьяненко М.А., Щербакова Н.В. Адаптация учебных материалов для обучения английскому языку незрячих студентов в группах с инклюзивным обучением // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 2 (843). С. 53–60. doi: 10.52070/2500-3488_2022_2_843_53
23. Чжан Т. Современные учебные ресурсные центры как необходимость развития высшего инклюзивного образования // Вестник педагогических наук. 2021. № 4. С. 28–33.

References

1. Gur'yanova, E.N. (2019) K voprosu o prepodavanii inostrannogo yazyka studentam s OVZ [On the Issue of Teaching a Foreign Language to Students with Disabilities]. In: *Inostranny yazyk v sfere professional'noy kommunikatsii: innovatsii, problemy i perspektivy* [Foreign Language in Professional Communication: Innovations, Problems, and Prospects]. Proceedings of the Conference. Moscow. 25 December 2018. Moscow: MSLU. pp. 74–80.
2. Rudneva, I.A. & Kozyreva, O.A. (2023) Professional'nye bar'ery v gotovnosti budushchikh pedagogov k inkluzii [Professional Barriers in the Readiness of Future Teachers for Inclusion]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (11). pp. 136–152. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-11-136-152
3. Boltenkova, J., Nevolina, A., Koksharov, V., Li, S., Rasskazova, T., Tkachuk, G. & Baliasov, A. (2020) Teaching EFL to Blind and Visually Impaired Students: An Overview. In: *ICERI2020 Proceedings*. pp. 5616–5623. doi: 10.21125/iceri.2020.1209
4. Ekinci, A.N., Bacanak, K.D. & Ulum, Ö.G. (2024) Stories of the visually impaired EFL learners in Turkey. *International Journal of Educational Spectrum*. 6 (1). pp. 66–90. doi: 10.47806/ijesacademic.1394086
5. Ndebele, C. & Gadisi. (2022) Examining Inclusion and Exclusion in Higher Education: A Case Study of Blind Students at a Rural Based South African University. *Education. Innovation. Diversity*. 2 (5). pp. 21–36. doi: 10.17770/eid2022.2.6945
6. Lintangari, A.P. & Emaliana, I. (2020) Inclusive education services for the blind: Values, roles, and challenges of university EFL teachers. *International Journal of Evaluation and Research in Education (IJERE)*. 9 (2). pp. 439–447. doi: 10.11591/ijere.v9i2.20436
7. Travers, H.E. & Irland, C.M. (2024) Collaboration Around Transition for Students with Visual Impairments: A Sequential Explanatory Mixed Methods Study. *Career Development and Transition for Exceptional Individuals*. doi: 10.1177/21651434241303910
8. Hewett, R., Douglas, G., McLinden, M. & James, L. (2023) Development of a new curriculum framework for children and young people with vision impairment: A United Kingdom consultation using the Delphi approach. *British Journal of Visual Impairment*. 42 (1). pp. 3–19. doi: 10.1177/02646196231157168
9. Rudinger, B. (2020) Non-Visual Access to Print & Its Barriers: A Review of the Literature. *Forum Pedagogiczne*. 10. pp. 29–43. doi: 10.21697/fp.2020.2.03

10. Carpenter, J. (2020) EFL Education for the Visually Impaired in Japan: Data from Five Interviews. *Latin American Journal of Content & Language Integrated Learning*. 13 (1). pp. 57–78. doi: 10.5294/lacil.2020.13.1.4
11. Jackson, R. (2021) *Audio-Supported Reading for Students Who Are Blind or Visually Impaired*. Wakefield, MA: National Center on Accessible Educational Materials. [Online] Available from: <https://aem.cast.org/binaries/content/assets/common/publications/aem/asr-blind-visuallyimpaired.pdf> (Accessed: 26.04.2025).
12. Nikolaev, A.I., Omukchanova, V.V. & Parfenov, E.A. (2023) Perspektivy razvitiya metodiki "APROL" pri obuchenii nezryachikh uchashchikhsya v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya [Prospects for the Development of the "APROL" Methodology in Teaching Blind Students in Inclusive Education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6 (103). pp. 288–291. doi: 10.24412/1991-5497-2023-6103-288-291
13. Agafonova, L.I., Khakhalina, M.C., Lagutina, A.A. & Pavlova, O.N. (2022) Development of Adapted Electronic Training Courses in a Foreign Language for Blind and Visually Impaired Students of a Pedagogical University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta -- Tomsk State University Journal*. 479. pp. 189–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/20
14. Chikhacheva, D.V. (2023) Osobennosti raboty s tsifrovymi obrazovatel'nymi platformami pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov v kontekste inklyuzivnogo obrazovaniya [Features of Working with Digital Educational Platforms in Teaching a Foreign Language to Students in the Context of Inclusive Education]. *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (45). pp. 45–48.
15. Gradaleva, E.A. (2023) Tekhnologii obucheniya delovomu angliyskomu yazyku studentov s narusheniyami zreniya [Technologies for Teaching Business English to Students with Visual Impairments]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 7 (1). pp. 14–20. doi: 10.21603/2542-1840-2023-7-1-14-20
16. Zorina, E.E. (2021) Puti sovershenstvovaniya obucheniya inostrannomu yazyku studentov s osobymi obrazovatel'nymi potrebnyami v vuze [Ways to Improve Foreign Language Teaching for Students with Special Educational Needs at University]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*. 1 (33). doi: 10.15393/j5.art.2021.6688
17. Doore, S.A., Dimmel, J., Kaplan, T.M., Guenther, B.A. & Giudice, N.A. (2023) Multimodality as universality: Designing inclusive accessibility to graphical information. *Frontiers in Education*. 8. Art. No. 1071759. doi: 10.3389/feduc.2023.1071759
18. Berezovskaya, E.B. & Kliment'eva, V.V. (2023) Razrabotka algoritma obucheniya pereskazu inoyazychnogo teksta nezryachikh i slabovidyashchikh obuchayushchikhsya [Development of an Algorithm for Teaching Retelling of a Foreign Language Text to Blind and Visually Impaired Students]. *Aktual'nye problemy sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya*. 17. Art. No. 3.
19. Kliment'eva, V.V. & Kliment'ev, D.D. (2023) Osobennosti vospriyatiya informatsii nezryachimi obuchayushchimisya pri obuchenii pereskazu inoyazychnogo teksta [Features of Information Perception by Blind Students When Teaching Retelling of a Foreign Language Text]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (68). pp. 142–151.
20. Evstropova, N.S. & Rakova, E.V. (2019) Strategii obucheniya inostrannomu yazyku v usloviyakh inklyuzivnogo obrazovaniya [Strategies for Teaching a Foreign Language in Inclusive Education]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. 16. pp. 60–73. doi: 10.17673/vsgtu-pps.2019.4.4
21. Villanueva, I. & Stefano, M.D. (2017) Narrative Inquiry on the Teaching of STEM to Blind High School Students. *Education Sciences*. 7 (4). Art. No. 89. doi: 10.3390/educsci7040089
22. Dem'yanenko, M.A. & Shcherbakova, N.V. (2022) Adaptatsiya uchebnykh materialov dlya obucheniya angliyskomu yazyku nezryachikh studentov v gruppakh s inklyuzivnym obucheniem [Adaptation of Educational Materials for Teaching English to Blind Students in Inclusive Education Groups]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2 (843). pp. 53–60. doi: 10.52070/2500-3488_2022_2_843_53
23. Chzhan, T. (2021) Sovremennyye uchebnye resursnyye tsentry kak neobkhodimost' razvitiya vysshego inklyuzivnogo obrazovaniya [Modern Educational Resource Centers as a Necessity for the Development of Higher Inclusive Education]. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*. 4. pp. 28–33.

Информация об авторах:

Вепрева Т.Б. – канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры английского языка Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: t.vepreva@narfu.ru

Печинкина О.В. – канд. пед. наук, зав. кафедрой английской филологии, языков северных стран и лингводидактики Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: o.pechinkina@narfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.B. Vepreva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: t.vepreva@narfu.ru

O.V. Pechinkina, Cand. Sci. (Pedagogics), head of the Department of English Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: o.pechinkina@narfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025;
одобрена после рецензирования 09.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 26.06.2025;
approved after reviewing 09.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья
УДК 37.014.544
doi: 10.17223/15617793/520/21

Готовность системы общего образования к применению технологий искусственного интеллекта: методологические вызовы регионального внедрения

Андрей Петрович Глухов¹, Наталия Николаевна Абакумова²,
Михаил Александрович Червонный³, Михаил Сергеевич Патраков⁴

^{1, 3, 4} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ glukhovap@tspu.edu.ru

² niv_tomsk@mail.ru

³ mach@tspu.edu.ru

⁴ patrakov@tspu.edu.ru

Аннотация. Актуализирована проблема разработки научно обоснованной комплексной оценки готовности региональных систем общего образования к внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ), что затрудняет целенаправленное развитие цифровой образовательной среды в педагогической практике. Выделены методологические основания, на этой базе разработана и апробирована методика оценки, включающая критерии готовности (нормативно-правовое, материально-техническое, информационное и кадровое обеспечение, практики применения ИИ-технологий). Проведена оценка инфраструктурных и человеческих ресурсов системы общего образования Томской области. Доказана релевантность критериев готовности и сделан вывод об использовании модельного представления по регулированию применения технологий ИИ для региональных систем образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, методологические основания, цифровая трансформация, модель SAMR, региональная образовательная система

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20220 (<https://rscf.ru/project/25-128-20220/>) и гранта в форме субсидии, выделяемого Департаментом по научно-технологическому развитию и инновационной деятельности Томской области (Соглашение №02/2/2025).

Для цитирования: Глухов А.П., Абакумова Н.Н., Червонный М.А., Патраков М.С. Готовность системы общего образования к применению технологий искусственного интеллекта: методологические вызовы регионального внедрения // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 198–205. doi: 10.17223/15617793/520/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/21

The readiness of the general education system to apply artificial intelligence technologies: Methodological challenges of regional implementation

Andrey P. Glukhov¹, Natalia N. Abakumova², Mikhail A. Chervonny³, Mikhail S. Patrakov⁴

^{1, 3, 4} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ glukhovap@tspu.edu.ru

² niv_tomsk@mail.ru

³ mach@tspu.edu.ru

⁴ patrakov@tspu.edu.ru

Abstract. This article presents the results of a formative experiment assessing the readiness of a regional general education system to use artificial intelligence (AI) technologies. The study highlights the need to establish methodological foundations for developing and testing a comprehensive readiness assessment methodology. The research aimed to determine the readiness level of the Tomsk Region general education system for implementing AI technologies. To achieve this goal, the following methods were used: analysis of Russian and foreign literature, regulatory documents, and reporting and strategic documents from the Tomsk Region Administration; content analysis; case study; the SAMR model assessment; and surveys (in-depth and expert interviews). An analysis of Russian and foreign practices in implementing AI technologies in education has shown that there is no unified approach or methodology. The study reveals the fragmented nature of research in the areas of infrastructure, personnel training, and ethical issues. It also underscores the importance of a comprehensive approach, which helps identify the specific features of regional education systems. The following methodological foundations are proposed: 1) the application of AI technologies should be evaluated

based on its potential to improve educational quality within an institution, personalize learning, optimize teachers' work, and develop student potential; 2) the development of a teacher's digital competence, which includes the ability to work with AI technologies, critically assess their possibilities and limitations, integrate AI into teaching practices, and consider ethical aspects; 3) the readiness of the general education system for constant change, adaptation, and the testing of new technological solutions and approaches. Based on the results of the literature analysis and these methodological foundations, the methodology for assessing readiness for AI implementation was modified, leading to the following proposed criteria: 1) legal and regulatory support; 2) material, technical, and information support; 3) personnel support; and 4) practices for using AI technologies. The methodology for a comprehensive assessment of the Tomsk Region general education system's readiness to implement AI technologies was tested. The results confirmed the relevance of the selected criteria. It was concluded that the region is in a state of partial readiness for AI implementation. Several negative factors impeding effective implementation were identified, including excessive administrative workload for teachers, personnel shortages, insufficient technical equipment in educational institutions, and the need for specialized training in using AI tools. The study demonstrated that the identified methodological foundations provide a basis for developing a regulatory model for AI technology use. This model aims to make the implementation process scientifically sound, pedagogically justified, and ethically responsible at the regional level of general education.

Keywords: artificial intelligence, methodological foundations, digital transformation, SAMR model, regional educational system

Financial support: The study was funded by the Russian Science Foundation Grant No. 25-28-20220 (<https://rscf.ru/project/25-128-20220/>) and a grant in the form of a subsidy from the Department of Scientific and Technological Development and Innovation of the Tomsk Region (Agreement No. 02/2/2025).

For citation: Glukhov, A.P., Abakumova, N.N., Chervonny, M.A. & Patrakov, M.S. (2025) The readiness of the general education system to apply artificial intelligence technologies: Methodological challenges of regional implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 198–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/21

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) становятся неотъемлемой частью современной образовательной практики во всем мире [1]. Международные организации, включая ЮНЕСКО, активно разрабатывают политику и рекомендации по этичному и эффективному внедрению ИИ в образовательные системы [2]. Согласно данным международных исследований, к 2024 г. около 86% образовательных организаций приступили к внедрению генеративного ИИ, при этом использование ИИ студентами выросло на 26% [3]. Это актуализирует вопросы о формировании цифровой компетентности всех участников образовательного процесса, так как, по мнению исследователей, на сегодняшний день менее половины педагогов и студентов чувствуют себя компетентными в области ИИ-технологий, что указывает на значительные пробелы в цифровой грамотности: [4].

Обобщая результаты анализа литературы [5–8], можно утверждать, что в российском и зарубежном образовании фиксируется схожая ситуация – активная диффузия ИИ-технологий. Согласно данным исследования Лаборатории инноваций в образовании НИУ «Высшая школа экономики» и образовательного портала «Учи.ру», треть российских педагогов применяют технологии ИИ время от времени, 23% опробовали их несколько раз, а 18% используют на регулярной основе [5, 6]. Эти данные находят подтверждение в исследовании Т.В. Букиной (2025), где выявлены значительные пробелы в готовности педагогов работать с технологиями ИИ [7]. Также в работе П.В. Сысоева (2024) отмечается, что большинство педагогов демонстрируют нейтральное или позитивное отношение к ИИ, однако их практический опыт применения данных технологий остается крайне ограниченным [8]. Вместе с тем в исследованиях не приводится оценка цифровой

компетентности педагогов, что может оказывать влияние на успешное внедрение технологий ИИ в образовательных организациях.

В ряде зарубежных работ предприняты попытки систематизации и педагогического проектирования результатов внедрения технологий ИИ в национальную систему образования. Была разработана комплексная таксономия применения ИИ в образовательном лидерстве, включающая 10 доменов, среди которых административная эффективность, персонализированное обучение, принятие решений и этическое лидерство [9]. Исследователи в аналитическом обзоре выявили как «открывающиеся фантастические возможности генеративного ИИ (улучшенная обратная связь, самооценка), так и серьезные вызовы, в частности, угрозы академической честности» [10].

При рассмотрении вопросов применения технологий ИИ важен кадровый аспект. Проводимые исследования восприятия и отношения учителей к использованию в работе ИИ-технологий выявляют ключевые факторы готовности и барьеры к его использованию: знакомство с ИИ, воспринимаемые вызовы, важность ИИ в преподавании и устойчивость к изменениям [11]. Российскими исследователями Е.В. Игониной, О.Н. Поваляевой и О.А. Котляровой был установлен значительный поколенческий цифровой разрыв между учителями, чей педагогический стаж менее 20 лет, и учителями со стажем работы более 21 года [12]. Исследователи доказали, что готовность учителей к интеграции искусственного интеллекта в педагогическую практику в значительной степени определяется их позитивным отношением, тогда как уровень знаний оказывает только лишь косвенное влияние через установки [13].

В работе китайского исследователя И. Чэнь утверждается, что существующие программы педагогического образования не обеспечивают достаточной подготовки

будущих учителей к использованию искусственного интеллекта. В качестве решения автор предлагает модернизацию учебных планов с интеграцией модулей по ИИ [14]. В комплексном аналитическом исследовании отмечается, что цифровая трансформация образования в России сталкивается с организационными, педагогическими и технологическими вызовами [15]. А.М. Атаян и коллеги обосновывают необходимость фундаментальных изменений в архитектуре образования, методической подготовке и педагогическом дизайне для качественной цифровизации [16]. Исследователи из РЭУ им. Г.В. Плеханова отмечают, что публичный дискурс по вопросу использования генеративного искусственного интеллекта в образовании носит противоречивый характер [17]. Предпринятые попытки анализа внедрения технологий ИИ в образование носят фрагментарный характер, сосредотачивая свое внимание на отдельных аспектах – инфраструктурных особенностях, кадровой подготовке, этических вопросах и пр.

В рамках доказательного подхода будет целесообразным рассматривать внедрение и использование технологий ИИ в отдельном территориальном образовании – региональная система общего образования. Это обеспечит комплексный подход к исследуемой проблеме, представление данных в рамках одной системы, возможность выделения региональной специфики. Выбор системы общего образования Томской области основывается на уже существующем потенциале в создании, адаптации и внедрении инноваций, что создает предпосылки для ее позиционирования как одного из регионов – лидеров в Сибири в области применения технологий ИИ в образовании [18]. Для педагогической и управленческой практики остается открытым вопрос о готовности к внедрению технологий ИИ в систему общего образования Томской области в фокусе комплекса всех необходимых критериев.

Фокус исследования сосредоточен на проблеме разработки научно обоснованной комплексной оценки готовности региональных систем общего образования к внедрению технологий ИИ. Как показал проведенный анализ литературных источников, в современной педагогической науке не до конца сформирован комплексный подход к оценке в области внедрения технологий ИИ. Педагогическая практика нуждается в научно обоснованных методиках оценки, базирующихся на апробированных и валидных показателях. Результаты такого оценивания могут использоваться в принятии адекватных управленческих решений, экспертизе трансформационных процессов и прогнозировании развития региональной системы общего образования.

Цель исследования – определить уровень готовности системы общего образования Томской области к внедрению технологий ИИ. Для достижения цели необходимо: разработать методику оценки, включающую критерии готовности; исследовать инфраструктурные и человеческие ресурсы системы общего образования Томской области; оценить релевантность установленных критериев.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу опытно-экспериментальной работы составляет концепция «Готовности системы к ИИ» (Systems AI Readiness), разработанная в проекте aiEDU [19]. Концепция Systems AI Readiness в рамках организуемого исследования определяет готовность к внедрению ИИ через три ключевых аспекта: практическое применение технологий, разработку правил их использования и формирование культуры сотрудничества и непрерывного обучения, основанной на AI-грамотности и взаимодействии с сообществом [19. Р. 12]. Для достижения комплексного характера оценки готовности региональной системы общего образования к применению технологии ИИ, данная концепция была дополнена инфраструктурным критерием.

Дополнительным теоретическим инструментом анализа выступила модель SAMR (Substitution, Augmentation, Modification, Redefinition), разработанная Рубеном Пуэнтедурой [20], которая позволяет оценить уровень интеграции технологий ИИ в учебный процесс и степень их трансформационного воздействия [21].

Для сбора и анализа эмпирических данных использовались:

1. Анализ документов и контент-анализ научной литературы, отчетных и стратегических документов Администрации Томской области.
2. Кейс-стади практик применения ИИ в общем образовании Томской области с их оценкой по модели SAMR.
3. Глубинные полуструктурированные интервью (10 интервью с директорами и завучами томских школ, май-октябрь 2025). Анализ проводился методом качественного контент-анализа с выделением ключевых категорий (административная нагрузка, компетенции педагогов, барьеры внедрения и др.). Экспертные интервью дополняли и валидировали результаты других методов.

Результаты исследования

Основываясь на результатах проведенного анализа исследований в области внедрения технологий ИИ, обобщения нормативной базы реализации ИИ в образовании и отчетов о внедрении технологий ИИ в образовательные организации, были определены следующие методологические основания для применения технологий ИИ в образовании:

- применение технологий ИИ оценивается с точки зрения повышения качества образования в организации, персонификации учебного процесса, оптимизации работы педагога и развития потенциала обучающегося;
- развитие цифровой компетентности педагога, включающей навыки работы с технологиями ИИ, критическое мышление относительно возможностей и ограничений технологий ИИ, умение интегрировать ИИ в методическую деятельность, учет этических аспектов;

– готовность системы общего образования к постоянным изменениям, адаптации и апробации новых технологических решений и подходов.

На основе результатов теоретического анализа, а также базируясь на выделенных методологических основаниях, были разработаны четыре критерия готовности региональной системы общего образования к внедрению технологий ИИ: 1) нормативно-правовое обеспечение; 2) материально-техническое и информационное обеспечение; 3) кадровое обеспечение; 4) практики применения ИИ-технологий.

Критерий «нормативно-правовое обеспечение» включает деятельность по разработке органами управления образованием и региональным педагогическим сообществом документов, регулирующих применение технологий ИИ в региональной системе общего образования. Показатель достижения критерия – наличие соответствующих документов (регламентов, уставов, кодексов) или активное проведение мероприятий по их разработке. В ходе опытно-экспериментальной работы было установлено, что на момент проведения исследования в региональной системе образования отсутствуют опубликованные уставы, регламенты или кодексы применения ИИ-технологий в общеобразовательных учреждениях Томской области. При этом, одновременно, вузы Томской области инициировали процесс разработки норм применения технологий ИИ в высшем образовании: в частности, созданный по инициативе НИ ТГУ «Университетский консорциум исследователей больших данных» подписал национальный этический кодекс по ИИ.

Критерий «материально-техническое и информационное обеспечение» предполагает оценивание существующей и необходимой материально-технической базы, которая включает учебные кабинеты, лаборатории, мастерские, современную компьютерную технику и робототехнику, а также наличие цифровых учебных программ, пособий и справочных материалов, информационных систем, обеспечивающих поддержку управления обучением. Показатели для данного критерия были разработаны на основе стратегических документов Администрации Томской области: паспорта проекта «Цифровая образовательная среда (Томская область)» [22] и «Стратегии в области цифровой трансформации Томской области» [23]. В ходе анализа источников было выявлено, что в 260 общеобразовательных организациях Томской области с 2019 по 2023 г. внедрена цифровая образовательная среда [24]. Это позволяет говорить лишь о частичном, но значительном достижении показателя обеспечения к 2024 г. внедрения и функционирования целевой модели цифровой образовательной среды во всех 292 муниципальных общеобразовательных организациях Томской области.

Показатель создания в Томской области центров цифрового образования детей «ИТ-куб» полностью можно считать достигнутым. 3 центра дополнительного образования открыты в городах Томск, Асино и Северск Томской области, что обеспечивает формирование у детей и подростков необходимых компетенций в области цифровизации.

Достижение показателей информационного обеспечения связано с внедрением Государственной информационной системы (ГИС) «Образование Томской области» [24]. ГИС позволяет осуществлять мониторинг и управление образовательной деятельностью на основе доступных данных, вести электронный дневник и журнал, автоматизировать подготовку отчетов. Активное приоритетное внедрение отечественных информационных решений в общеобразовательных учреждениях региона, в частности сервиса «Сферум» [25], основанного на российском программном обеспечении, также позволяет частично подтвердить достижение критерия. Таким образом, в целом можно считать показатель материально-технического и информационного обеспечения в регионе частично достигнутым и адекватным вызовам внедрения ИИ-технологий в школе.

Критерий «кадровое обеспечение» предполагает оценку уровня развития у педагогов и обучающихся региональной системы общего образования компетенций в области применения технологий ИИ. Измеряемой величиной для данного критерия является наличие педагогического состава, владеющего профессиональными цифровыми компетенциями, навыками учебной и дидактико-методической деятельности в цифровой среде (общение, обучение, поиск информации и др.). Показатель достижения критерия – проведение мероприятий, направленных на повышение компетенций в области применения технологий ИИ.

Педагоги Томской области имеют доступ к обучению работе с технологиями ИИ в своей профессиональной деятельности. В Томском государственном педагогическом университете – дополнительная профессиональная образовательная программа «Использование технологий искусственного интеллекта в образовательных практиках педагогов системы общего и дополнительного образования». Как отмечают эксперты, администрация школ и учителя активно включились в апробацию ИИ-проекта от Сбера: «мы еще активно сейчас включились в проект Сбера, ассистент преподавателя» (А., заместитель по методической работе средней общеобразовательной школы г. Томска).

При этом сами эксперты – педагоги отмечают недостаточность самих образовательных курсов по ИИ и возможностей их пройти для учителей, при наличии насущной необходимости в них: «Я думаю, что учителя бы оценили это, если бы их этому научили. Я думаю, что им бы это понравилось» (Б., руководитель методического объединения лицей г. Томска). У педагогов и обучающихся системы общего образования Томской области критерий развития компетенций в области применения технологий ИИ может быть оценен как частично достигнутый.

Критерий «практики применения ИИ-технологий» включает оценку практик применения технологий ИИ, трансформирующих учебный процесс, которая проводится косвенно на основе анализа материалов глубинных интервью с экспертами – руководителями и завучами школ.

Показатель достижения данного критерия – выявление в ходе анализа интервью практик применения

технологий ИИ, соответствующих одной из стадий фреймворка SAMR (замещение, дополнение, модификация и переосмысление).

По экспертной оценке представителей администраций образовательных организаций (по проведенным интервью с ними), учителя находятся на начальных стадиях использования (Замещение или Дополнение) или информированности о возможностях ИИ в образовании: *«вряд ли учителя сами пользовались какими-то инструментами с использованием искусственного интеллекта, сервисами, да... пока слабо. Ну, я знаю, что кто-то презентации делает, да, там, по ИЗО, по музыке... знаешь, как большие игрушки»* (В., директор средней общеобразовательной школы г. Северска (Томская область)).

Интервьюируемые отмечают начальные несистемные попытки использования ИИ-технологий в деятельности учителей в различных областях: *«При подготовке уроков тоже учителя наши используют искусственный интеллект... например, да, и озвучивание персонажей оживляет уроки, и детям это интересно, и это мотивирует их к изучению предметов. Потом что ещё? Ну, создание презентаций»* (А., заместитель по методической работе средней общеобразовательной школы г. Томска). Таким образом, на основе экспертных интервью руководителей общеобразовательных учреждений можно говорить о достижении начальных стадий внедрения ИИ-технологий в школе уровня замещения или дополнения (в терминологии SAMR).

Обсуждение результатов

Результаты, полученные в исследовании, указывают на неоднородный характер готовности системы общего образования Томской области к внедрению технологий ИИ. Выявлены значительное развитие компетенций педагогов и обучающихся, приемлемое материально-техническое и информационное обеспечение, описаны некоторые практики применения технологий ИИ педагогами, находящиеся на начальной стадии реализации.

Вместе с тем фиксируются значительные проблемы, требующие системного решения. Недостаточная разработанность нормативных документов, регулирующих внедрение технологий ИИ в систему общего образования Томской области, согласуется с общероссийскими тенденциями. Как отмечают специалисты в ранее проведенных исследованиях, одна из причин замедленного внедрения технологий ИИ в систему образования – неопределенность и недостаточная разработанность правовых аспектов применения технологий ИИ в российском образовании [26, 27]. Специалисты подчеркивают, что международный опыт указывает на необходимость разработки комплексных политик на национальном и региональном уровнях системы образования, включая этические аспекты использования ИИ [2].

Основываясь на материалах экспертных интервью, респонденты видят потенциал ИИ в планировании образовательной деятельности. Они отмечают, что *«разнообразить готовый шаблон учителю было бы гораздо*

проще, нежели составлять всё самому с нуля» (Г., заместитель директора по учебно-воспитательной работе гимназии г. Томска). Это коррелирует с данными исследования о том, что ИИ может поддерживать разработку учебных программ и планов уроков [5].

Однако эксперты осознают и риски чрезмерного использования ИИ. В материалах экспертного интервью содержатся предупреждения: *«Меня бы скорее волновало, что мы разучимся благодаря искусственному интеллекту творчески подходить к своей работе. То есть мы сведём её до формализма»* (Г., заместитель директора по учебно-воспитательной работе гимназии г. Томска). Высказанные опасения согласуются с позицией международного научного сообщества по усилению этических аспектов и сохранению баланса между технологиями и человеческим взаимодействием. Исследователи предлагают этически ориентированную рамку FATE (Fairness, Accountability, Transparency, Ethics) как стандарт для образовательных ИИ-систем [28].

В мета-обзоре [29] демонстрируется, что, несмотря на растущее количество исследований в области искусственного интеллекта в высшем образовании (AIHEd), данная сфера остается сфокусированной на адаптивных системах и персонализации, при этом остро нуждаясь в изучении этических и методологических аспектов. Схожая ситуация прослеживается в системе общего образования Томской области. Отсутствие единых дидактико-методических рекомендаций делает систему нестабильной, разбалансированной с точки зрения единых норм и требований реализации технологий ИИ в образовательных организациях.

Ключевым условием успешной интеграции ИИ многие эксперты Томской области в своих интервью назвали обучение педагогов. Это подтверждает выводы систематических обзоров о необходимости профессионального развития учителей и повышения их цифровой грамотности по ИИ, включая владение промпт-инжинирингом и критическим мышлением [30].

Эксперты подчеркивают необходимость создания условий для работы с ИИ. Один из руководителей в интервью указывает: *«У учителя должна быть небольшая нагрузка, то есть чтобы он мог составить вот эти и адаптивные задания, и индивидуальные задания»* (Д., заместитель директора по учебной работе гимназии г. Томска). Это согласуется с данными ранее проведенных исследований, где показывают, что уверенность в использовании ИИ и воспринимаемая полезность являются ключевыми предикторами готовности учителей к его внедрению [9]. Выявленные профессиональные дефициты педагогов системы общего образования Томской области в части применения цифровых технологий подтверждаются результатами предыдущих исследований. Так, результаты исследования, организованного Томским областным институтом повышения квалификации работников образования в 2021 г., показали, что наибольшее затруднение у томских педагогов вызывают задачи, связанные с цифровой безопасностью и цифровым потреблением [31].

Следует заметить, что и в разработке документов, регулирующих применение технологий ИИ, и в развитии ком-

петенций по применению цифровых технологий (в частности, ИИ) вузы Томской области опережают региональную систему общего образования. При этом представители вузов Томской области помогают коллегам из системы общего образования преодолевать проблемы, связанные с внедрением технологий ИИ. Они создают условия для обсуждения правил применения технологий ИИ и разрабатывают курсы, направленные на развитие компетенций в области применения технологий ИИ в педагогической практике. Данный опыт сотрудничества между системами высшего профессионального и общего образования может стать моделью для других регионов России.

Выводы

Апробация методики комплексной оценки готовности региональной системы общего образования к внедрению технологий ИИ в Томской области позволила установить релевантность используемых критериев. Таким образом, проведенный анализ с использованием данной методики позволяет сделать заключение, что регион находится в состоянии частичной готовности к внедрению технологий ИИ. Три критерия методики (за исключением нормативного обеспечения) частично достигнуты, однако степень их достижения различна. В наибольшей степени сформирована инфраструктурная готовность региона, которая связана с материально-техническим и информационным обеспечением, однако вопросы, касающиеся развития человеческого капитала и внедрения технологий ИИ в практики учителей, требуют дальнейшего уточнения и конкретизации.

Анализ данных глубинных интервью с экспертами позволил выделить ключевые барьеры для полноценного внедрения ИИ в образовательный процесс: значительная административная перегрузка педагогов, кадровый дефицит, недостаточное техническое оснащение образовательных организаций, потребность в специализированном обучении работе с ИИ-инструментами. При этом эксперты демонстрируют осознание потенциала ИИ для автоматизации рутинных задач, улучшения системы оценивания, персона-

лизации обучения, но одновременно выражают обеспокоенность рисками чрезмерной формализации педагогической деятельности.

Выявлена позитивная тенденция опережающего развития практик применения ИИ в системе высшего профессионального образования Томской области по сравнению с общим образованием. Вузы региона не только разрабатывают этические кодексы и нормативные документы: уже разработан и реализуется механизм научно-методического сопровождения региональной системы общего образования через организацию обучающих мероприятий и курсов повышения квалификации. Данная практика межуровневого сотрудничества может стать моделью для других регионов России.

Таким образом, выделенные методологические основания послужили базой для разработки модельного представления по регулированию применения технологий ИИ – это позволит на региональном уровне системы общего образования сделать процесс научно обоснованным, педагогически оправданным и этически ответственным. Предлагаемые методологические основания, апробированная методика оценки готовности региональной системы общего образования к применению технологий ИИ будут способствовать развитию современной педагогической практики, корректировать стратегии внедрения технологий ИИ на уровне региона, обеспечивать поиск наиболее оптимальных решений, учитывая специфику региона.

Перспективы дальнейших исследований связаны с отслеживанием динамики готовности региональных образовательных систем, разработкой инструментов оценки трансформационного воздействия ИИ на образовательные результаты, изучением эффективных моделей профессионального развития педагогов в области ИИ-технологий. Разработанная методика может быть применена для сравнительного анализа готовности различных регионов России, что позволит выявить эффективные, а также создать рекомендации по ускорению процессов цифровой трансформации образования.

Список источников

1. Chen X., Zou D., Xie H., Cheng G., Liu C. Two decades of artificial intelligence in education: Contributors, collaborations, research topics, challenges, and future directions // *Educational Technology & Society*. 2022. Vol. 25, № 1. P. 28–47.
2. Miao F., Holmes W., Huang R., Zhang H. AI and Education: Guidance for Policy-makers. UNESCO, 2021. 50 p.
3. Microsoft Education. AI in Education Report 2025. Microsoft, 2025. 48 p.
4. Alfawar A. Generative AI use in K-12 education: a systematic review // *Frontiers in Education*. 2025. Vol. 10. P. 1–12. doi: 10.3389/feduc.2025.1647573
5. Лаборатория инноваций в образовании НИУ ВШЭ. От отчетности до уроков: 4 из 5 педагогов уверены, что ИИ экономит время работы // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://ioe.hse.ru/innovations/news/1078826616.html> (дата обращения: 24.09.2025).
6. Асонова Е., Борусяк Л., Мордосова Т. «Я против бездумного использования GPT»: как подростки применяют нейросети // Научно-просветительский портал МГПУ PRIZMA. URL: <https://prizma.mgpu.ru/ya-protiv-bezdumnogo-ispolzovaniya-gpt-kak-podrostki-primenyayut-nejroseti/> (дата обращения: 24.09.2025).
7. Букина Т.В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 1 (129). С. 76–83. doi: 10.24158/spp.2025.1.9
8. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 10. С. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
9. Sposato M. Artificial intelligence in educational leadership: a comprehensive taxonomy and future directions // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2025. Vol. 22. Art. No. 20. doi: 10.1186/s41239-025-00517-1
10. Xia X., Hu C., Lam T.C., Jiang L., Yang B. A scoping review on how generative artificial intelligence transforms assessment in higher education // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2024. Vol. 21. Art. No. 68. doi: 10.1186/s41239-024-00468-z
11. Gărdan I.P., Manu M.B., Gărdan D.A., Negoită L.D.L., Paștiu C.A., Ghiță E., Zaharia A. Adopting AI in education: optimizing human resource management considering teacher perceptions // *Frontiers in Education*. 2025. Vol. 10. Art. No. 1488147. doi: 10.3389/feduc.2025.1488147

12. Игонина Е.В., Поваляева О.Н., Котлярова О.А. Цифровая компетентность российских учителей (результаты эмпирического исследования на примере Липецкой области) // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 6 (60). С. 625–643. doi: 10.32744/pse.2022.6.38
13. Fteiha M., Al-Rashaida M., Ghazal M. General and special education teachers' readiness for artificial intelligence in classrooms: A structural equation modeling study of knowledge, attitudes, and practices in select UAE public and private schools // *PLOS ONE*. 2025. Vol. 20, № 9. Art. No. e0331941. doi: 10.1371/journal.pone.0331941
14. Чэнь И. Готовность будущих учителей к использованию искусственного интеллекта в образовании // *Концепт*. 2025. № 8. С. 88–101. URL: <http://e-koncept.ru/2025/251153.htm> (дата обращения: 12.10.2025).
15. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина; науч. ред. серии Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин. М.: Высшая школа экономики, 2019. 344 с. doi: 10.17323/978-5-7598-1990-5
16. Атаян А.М., Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю. Цифровая трансформация высшего образования: проблемы, возможности, перспективы и риски // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2021. № 2 (75). С. 7–22.
17. Константинова Л.В., Ворожжих В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штырно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // *Открытое образование*. 2023. Т. 27, № 2. С. 36–48. doi: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48
18. Погребцова Е.А. Социально-экономические особенности инновационного развития субъектов Сибирского федерального округа // *Омский научный вестник*. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 2. С. 130–137. doi: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-130-137
19. aiEDU. AI Readiness framework. URL: <https://www.aiedu.org/ai-readiness-framework> (дата обращения: 22.09.2025).
20. Muslimin I.A., Mukminatien N., Ivone F. Evaluating Cami AI Across SMAR Stages: Students' Achievement and Perceptions in EFL Writing Instruction: Cami AI-SAMR in EFL Writing Instruction // *Online Learning*. 2024. Vol. 28, № 2. doi: 10.24059/olj.v28i2.4246
21. Puenteadura R.R. Transformation, Technology and Education: A Model for Technology and Transformation. URL: http://hippasus.com/resources/te/puenteadura_tte.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
22. Паспорт регионального проекта «Цифровая образовательная среда (Томская область)» // Официальный портал Администрации Томской области. URL: <https://tomsk.gov.ru/files/front/download/id/296660&ved=2ahUKEwj3ubqxluqPAxVjAxAlHXMrJPUQFnoECBgQAQ&usq=AovVawlWWfXuVecgGnFLhU1gmXjE> (дата обращения: 22.09.2025).
23. Стратегия в области трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Томской области на 2022 год // Официальный портал Департамента цифровой трансформации Администрации Томской области. URL: <https://digital.tomsk.gov.ru/tsifrovaya-transformatsiya> (дата обращения: 22.09.2025).
24. Замятина О.М. ГИС Образование Томской области: основные направления работы: презентация // Официальный портал ТОИПКРО. URL: <https://toipkro.ru/content/editor/ordo/Zamyatina-O-M-GIS-Obrazovanie-TO.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
25. Отчет о результатах самообследования Областного государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Томский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования» (ТОИПКРО). 2025. URL: https://toipkro.ru/content/editor/samoobsledovanie/otchet_o_samoobsledovanii_za_2024_god1.pdf (дата обращения: 22.09.2025).
26. Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта в образовании // *Закон и право*. 2025. № 3. С. 57–62.
27. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 79-4. С. 288–290.
28. Lin M.P.-C., Liu A.L., Poitras E., Chang M., Chang D.H. An Exploratory Study on the Efficacy and Inclusivity of AI Technologies in Diverse Learning Environments // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, № 20. Art. 8992. URL: doi: 10.3390/su16208992
29. Bond M., Khosravi H., De Laat M., Bergdahl N., Negrea V., Oxley E., Pham P., Chong S.W., Siemens G. A meta systematic review of artificial intelligence in higher education: A call for increased ethics, collaboration, and rigour // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2024. Vol. 21. Art. No. 4. doi: 10.1186/s41239-023-00436-z
30. Walter Y. Embracing the future of Artificial Intelligence in the classroom: the relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2024. Vol. 21. Art. No. 15. doi: 10.1186/s41239-024-00448-3
31. Кубарев Д.Е. Цифровая трансформация системы общего образования региона: профессиональные дефициты педагогических кадров // *Научно-педагогическое обозрение*. 2021. № 5 (39). С. 47–57.

References

1. Chen, X., Zou, D., Xie, H., Cheng, G. & Liu, C. (2022) Two decades of artificial intelligence in education: Contributors, collaborations, research topics, challenges, and future directions. *Educational Technology & Society*. 25 (1). pp. 28–47.
2. Miao, F., Holmes, W., Huang, R. & Zhang, H. (2021) *AI and Education: Guidance for Policy-makers*. UNESCO.
3. Microsoft Education. (2025) *AI in Education Report 2025*. Microsoft.
4. Alfawzan, A. (2025) Generative AI use in K-12 education: a systematic review. *Frontiers in Education*. 10. pp. 1–12. doi: 10.3389/educ.2025.1647573
5. HSE. (n.d.) *Ot otchetnosti do urokov: 4 iz 5 pedagogov uvereny, chto II ekonomit vremya raboty* [From Reporting to Lessons: 4 out of 5 Teachers Believe That AI Saves Work Time]. [Online] Available from: <https://ioe.hse.ru/innovations/news/1078826616.html> (Accessed: 24.09.2025).
6. Asonova, E., Borusyak, L. & Mordosova, T. (n.d.) *"Ya protiv bezdumного ispol'zovaniya GPT": kak podrostki primenyayut neyroseti* ["I Am Against the Mindless Use of GPT": How Teenagers Use Neural Networks]. [Online] Available from: <https://prizma.mgpu.ru/ya-protiv-bezdumnogo-ispolzovaniya-gpt-kak-podrostki-primenyayut-nejroseti/> (Accessed: 24.09.2025).
7. Bukina, T.V. (2025) *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Artificial Intelligence in Education: Current State and Development Prospects]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 1 (129). pp. 76–83. doi: 10.24158/spp.2025.1.9
8. Sysoev, P.V. (2023) *Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: osvedomlennost', gotovnost' i praktika primeneniya prepodavatelyami vysshey shkoly tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v professional'noy deyatel'nosti* [Artificial Intelligence in Education: Awareness, Readiness and Practice of Using Artificial Intelligence Technologies in Professional Activities by Higher Education Teachers]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 32 (10). pp. 9–33. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
9. Sposato, M. (2025) Artificial intelligence in educational leadership: a comprehensive taxonomy and future directions. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 22. Art. No. 20. doi: 10.1186/s41239-025-00517-1
10. Xia, X., Hu, C., Lam, T.C., Jiang, L. & Yang, B. (2024) A scoping review on how generative artificial intelligence transforms assessment in higher education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 21. Art. No. 68. doi: 10.1186/s41239-024-00468-z
11. Gărdan, I.P., Manu, M.B., Gărdan, D.A., Negoită, L.D.L., Paștiu, C.A., Ghiță, E. & Zaharia, A. (2025) Adopting AI in education: optimizing human resource management considering teacher perceptions. *Frontiers in Education*. 10. Art. No. 1488147. doi: 10.3389/educ.2025.1488147
12. Igonina, E.V., Povalyaeva, O.N. & Kotlyarova, O.A. (2022) *Tsifrovaya kompetentnost' rossiyskikh uchiteley (rezul'taty empiricheskogo issledovaniya na primere Lipetskoy oblasti)* [Digital Competence of Russian Teachers (Results of an Empirical Study on the Example of the Lipetsk Region)]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 6 (60). pp. 625–643. doi: 10.32744/pse.2022.6.38
13. Fteiha, M., Al-Rashaida, M. & Ghazal, M. (2025) General and special education teachers' readiness for artificial intelligence in classrooms: A structural equation modeling study of knowledge, attitudes, and practices in select UAE public and private schools. *PLOS ONE*. 20 (9). Art. No. e0331941. doi: 10.1371/journal.pone.0331941
14. Ch'en, I. (2025) *Gotovnost' budushchikh uchiteley k ispol'zovaniyu iskusstvennogo intellekta v obrazovanii* [Readiness of Future Teachers to Use Artificial Intelligence in Education]. *Kontsept*. 8. pp. 88–101. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2025/251153.htm> (Accessed: 12.10.2025).

15. Uvarov, A.Yu. & Frumin, I.D. (eds) (2019) *Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Difficulties and Prospects of Digital Transformation of Education]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. doi: 10.17323/978-5-7598-1990-5
16. Atayan, A.M., Gur'eva, T.N. & Sharabaeva, L.Yu. (2021) Tsifrovaya transformatsiya vysshego obrazovaniya: problemy, vozmozhnosti, perspektivy i riski [Digital Transformation of Higher Education: Problems, Opportunities, Prospects and Risks]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2 (75). pp. 7–22.
17. Konstantinova, L.V., Vorozhikhin, V.V., Petrov, A.M., Titova, E.S. & Shtykhn, D.A. (2023) Generativnyy iskusstvennyy intellekt v obrazovanii: diskussii i prognozy [Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts]. *Otkrytoe obrazovanie*. 27 (2). pp. 36–48. doi: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48
18. Pogrebtsova, E.A. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskie osobennosti innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Sibirskogo federal'nogo okruga [Socio-Economic Features of Innovative Development of the Subjects of the Siberian Federal District]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 8 (2). pp. 130–137. doi: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-130-137
19. aiEDU. (n.d.) *AI Readiness framework*. [Online] Available from: <https://www.aiedu.org/ai-readiness-framework> (Accessed: 22.09.2025).
20. Muslimin, I.A., Mukminatien, N. & Ivone, F. (2024) Evaluating Cami AI Across SMAR Stages: Students' Achievement and Perceptions in EFL Writing Instruction: Cami AI-SAMR in EFL Writing Instruction. *Online Learning*. 28 (2). doi: 10.24059/olj.v28i2.4246
21. PuenteDura, R.R. (n.d.) *Transformation, Technology and Education: A Model for Technology and Transformation*. [Online] Available from: http://hippasus.com/resources/tte/puenteDura_tte.pdf (Accessed: 22.09.2025).
22. Tomsk Region Administration. (n.d.) *Pasport regional'nogo proekta "Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda (Tomskaya oblast')"* [Passport of the Regional Project "Digital Education Environment (Tomsk Region)"]. [Online] Available from: <https://tomsk.gov.ru/files/front/download/id/296660&ved=ZahUKEwj3ubqxlqPAXVjAxAIHXXMrJPUQFnoECBgQAQ&usq=AOvVaw1WWfXuVecgGnFLhU1gmXjE> (Accessed: 22.09.2025).
23. Department of Digital Transformation of the Tomsk Region Administration. (n.d.) *Strategiya v oblasti transformatsii otrasley ekonomiki, sotsial'noy sfery i gosudarstvennogo upravleniya Tomskoy oblasti na 2022 god* [Strategy for the Transformation of Economic Sectors, Social Sphere and Public Administration of the Tomsk Region for 2022]. [Online] Available from: <https://digital.tomsk.gov.ru/tsifrovaya-transformatsiya> (Accessed: 22.09.2025).
24. Zamyatina, O.M. (n.d.) *GIS Obrazovanie Tomskoy oblasti: osnovnye napravleniya raboty: prezentatsiya* [GIS Education of the Tomsk Region: Main Areas of Work: Presentation]. [Online] Available from: <https://toipkro.ru/content/editor/ordo/Zamyatina-O-M-GIS-Obrazovanie-TO.pdf> (Accessed: 22.09.2025).
25. TOIPKRO. (2025) *Otchet o rezul'tatakh samoobsledovaniya Oblastnogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya "Tomskiy oblastnoy institut povysheniya kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniya" (TOIPKRO)* [Self-Assessment Report of the Tomsk Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Education Workers (TOIPKRO)]. [Online] Available from: https://toipkro.ru/content/editor/samoobsledovanie/otchet_o_samoobsledovanii_za_2024_god1.pdf (Accessed: 22.09.2025).
26. Davudova, S.Ya. & Ragimkhanova, K.T. (2025) Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v obrazovanii [Legal Regulation of Artificial Intelligence in Education]. *Zakon i pravo*. 3. pp. 57–62.
27. Shobonov, N.A., Bulaeva, M.N. & Zinov'eva, S.A. (2023) Iskusstvennyy intellekt v obrazovanii [Artificial Intelligence in Education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 79–4. pp. 288–290.
28. Lin, M.P.-C., Liu, A.L., Poitras, E., Chang, M. & Chang, D.H. (2024) An Exploratory Study on the Efficacy and Inclusivity of AI Technologies in Diverse Learning Environments. *Sustainability*. 16 (20). Art. 8992. doi: 10.3390/su16208992
29. Bond, M., Khosravi, H., De Laat, M., Bergdahl, N., Negrea, V., Oxley, E., Pham, P., Chong, S.W. & Siemens, G. (2024) A meta systematic review of artificial intelligence in higher education: A call for increased ethics, collaboration, and rigour. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 21. Art. No. 4. doi: 10.1186/s41239-023-00436-z
30. Walter, Y. (2024) Embracing the future of Artificial Intelligence in the classroom: the relevance of AI literacy, prompt engineering, and critical thinking in modern education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 21. Art. No. 15. doi: 10.1186/s41239-024-00448-3
31. Kubarev, D.E. (2021) Tsifrovaya transformatsiya sistemy obshchego obrazovaniya regiona: professional'nye defitsity pedagogicheskikh kadrov [Digital Transformation of the Regional General Education System: Professional Deficits of Teaching Staff]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 5 (39). pp. 47–57.

Информация об авторах:

Глухов А.П. – канд. филос. наук, доцент кафедры педагогики и управления образованием, директор Научно-образовательного центра цифровой дидактики и искусственного интеллекта в образовании Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: glukhovap@tspu.edu.ru

Абакумова Н.Н. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: niv_tomsk@mail.ru

Червонный М.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Патраков М.С. – младший научный сотрудник Научно-образовательного центра цифровой дидактики и искусственного интеллекта в образовании Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: patrakov@tspu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.P. Glukhov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, director of the Scientific and Educational Center for Digital Didactics and Artificial Intelligence in Education, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: glukhovap@tspu.edu.ru

N.N. Abakumova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: niv_tomsk@mail.ru

M.A. Chervonny, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru

M.S. Patrakov, junior research fellow, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: patrakov@tspu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.11.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 05.11.2025;
approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/520/22

Формирование профессиональных и иноязычных компетенций у студентов-историков средствами CLIL

Эльмира Ильдаровна Назмиева¹, Елена Анатольевна Андреева²

^{1, 2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ nei80@mail.ru

² elenaandreeva7788@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются аспекты применения предметно-языкового интегрированного обучения в преподавании английского языка студентам, обучающимся по направлению «Отечественная история». Цель исследования – определить педагогические условия и эффективность технологии CLIL в формировании профессиональных и иноязычных компетенций студентов. Выявлены положительные результаты интеграции языка и содержания профильной дисциплины, в которой условиями ее эффективности выступают междисциплинарный подход и адаптация учебных материалов.

Ключевые слова: CLIL, предметно-языковое интегрированное обучение, гуманитарное образование, междисциплинарный подход, профессиональная компетенция, иноязычная подготовка, студенты-историки

Источник финансирования: публикация выполнена в рамках Программы Правительства РФ по развитию конкурентоспособности Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования: Назмиева Э.И., Андреева Е.А. Формирование профессиональных и иноязычных компетенций у студентов-историков средствами CLIL // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 206–213. doi: 10.17223/15617793/520/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/22

Formation of professional and foreign language competencies of history students using CLIL

Elmira I. Nazmieva¹, Yelena A. Andreeva²

^{1, 2} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ nei80@mail.ru

² elenaandreeva7788@mail.ru

Abstract. This article considers the issue of integrating language and subject learning into the system of higher education for the humanities, specifically focusing on the potential of using the CLIL (Content and Language Integrated Learning) approach in teaching English to students majoring in national history. The aim of the study is to determine the pedagogical conditions and effectiveness of CLIL implementation for the development of students' foreign language communicative and professional competencies. The object of the study was a twelve-week course based on historical materials in English presented in the textbook *Russia and English-speaking Nations: History and Modernity*, which corresponds to the profile of the discipline. Pedagogical observation, knowledge assessment, analysis of students' written assignments, and student surveys were used as research methods. In the course of the study, a specially designed program of classes was created, providing for the gradual complication of tasks and integration of various types of activities such as reading, discussions, independent research, and presentations in English. The practical component was aimed at developing students' understanding of historical texts, the ability to formulate argumentation, analyze sources, and work with professional vocabulary. In the course of the experimental work, it was revealed that the use of the CLIL approach contributes to a significant increase in the understanding of historical content, improving the skills of argumentation, oral communication, and terminological awareness. The survey results showed a high level of motivation and students' strong awareness of the importance of integrating language and history for their future professional activity. Thus, the CLIL approach contributed to the development of professional competencies stipulated by the Federal State Educational Standards (FSES), such as critical analysis, argumentation, and information and communication support. We came to the conclusion that with proper organization – using authentic materials and the gradual complication of tasks – CLIL allows us to successfully develop a set of both professional and foreign language competencies in students majoring in the humanities. The effectiveness of the approach is ensured by interdisciplinary collaboration, teacher qualifications, the adaptation of authentic materials to meet academic goals, and the individualization of instruction. The prospects for further research lie in the expansion and long-term implementation of CLIL in humanities education, as well as in the need for regular teacher training and the development of interdisciplinary methodologies.

Keywords: CLIL, Content and Language Integrated Learning, humanities education, interdisciplinary approach, professional competence, foreign language teaching, history students

Financial support: The research was carried out within the framework of the Program of the Government of the Russian Federation for the Development of Competitiveness of Kazan (Volga Region) Federal University.

For citation: Nazmieva, E.I. & Andreeva, Ye.A. (2025) Formation of professional and foreign language competencies of history students using CLIL. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 206–213. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/22

Введение

Современное высшее образование ориентировано на подготовку специалистов, обладающих не только профессиональными, но и межкультурными, коммуникативными, а также языковыми компетенциями. В условиях глобализации усиливается потребность в овладении иностранным языком как инструментом познания и профессионального общения. Особенно это актуально для студентов гуманитарного профиля, чья будущая деятельность предполагает активное использование иностранного языка в научной, образовательной и культурной сферах. Вызовы гуманитарного образования требуют поиска эффективных методов интеграции предметных и языковых компетенций. Так, например, в условиях глобализации и роста академической мобильности важное значение приобретает формирование у будущих историков не только глубоких знаний по отечественной истории, но и высокого уровня владения иностранным языком.

Одним из перспективных и результативных подходов, позволяющих эффективно интегрировать обучение иностранному языку и формирование профессиональных компетенций, является предметно-языковое интегрированное обучение (Content and Language Integrated Learning, CLIL). Данная образовательная технология предполагает одновременное освоение как содержания профильной дисциплины, так и иностранного языка, выступающего средством и инструментом познания [1].

Термин CLIL изначально предложили Питер Мехисто и Дэвид Марш в 1994 г. как идею одновременного обучения профильному предмету посредством иноязычной подготовки и как процесс иноязычной подготовки через саму дисциплину. Таким образом, процесс обучения иностранному языку может способствовать освоению других учебных предметов. Однако обучение по CLIL требует пересмотра статуса дисциплин, касающихся иноязычной подготовки, поскольку выводит их на уровень профильных предметов на неязыковом направлении [2]. Данная образовательная технология делает обучение более функциональным и целенаправленным, образовательный контекст расширяется, а его специфика соответствует требованиям ФГОС нового поколения, поскольку направлена на развитие иноязычного общения в профессиональной среде.

В настоящей статье для обозначения исследуемого явления используются два взаимосвязанных термина. Термин «CLIL-подход» отражает концептуальный, стратегический аспект интеграции языкового и предметного обучения как направления педагогической деятельности. В то же время выражение «образовательная технология CLIL» подчеркивает практическую, методическую сторону реализации данного подхода, включая совокупность методик, приемов и средств

обучения. Использование обеих форм позволяет показать многогранность и комплексность CLIL как явления в современном образовании.

Технология CLIL быстро внедряется в образовательные системы различных стран, особенно в Европе, Южной Америке и Азии. Она предназначена для одновременного развития языковых навыков и освоения специализированного учебного материала. Янг, например, исследует материалы, интегрирующие содержание предметной области и изучение языка в контексте высшего образования в Тайване [3]. Эде и Синар исследуют, как внедрение CLIL способствует повышению мотивационной активности студентов в университете Стамбула [4]. CLIL-подход получил широкое распространение в европейской практике, где он используется в программах различного уровня – от начального до высшего образования [5, 6]. В последние годы возрастающий интерес к CLIL наблюдается и в российской высшей школе, что связано с необходимостью подготовки специалистов, способных оперировать предметными знаниями на иностранном языке в академической и профессиональной среде [7–13].

Тем не менее, несмотря на растущее количество исследований в области CLIL, применение данной образовательной технологии в обучении студентов-гуманитариев, в частности бакалавров по направлению «Отечественная история», все еще остается недостаточно изученным.

Применение CLIL в преподавании английского языка будущим историкам представляется весьма значимым в контексте возрастания роли международной академической коммуникации, необходимости анализа зарубежных источников, а также развития умения вести аргументированную дискуссию и представлять результаты собственных исследований на английском языке. Когнитивная деятельность историка включает такие важные умения, как анализ исторической информации, сравнение различных точек зрения и воссоздание событий прошлого, посредством активной работы с текстами. В процессе иноязычной подготовки обучающиеся глубже понимают содержание предметной области и учатся выражать свои мысли на другом языке.

Настоящее исследование направлено на анализ возможностей и педагогических условий внедрения образовательной технологии CLIL в практику обучения английскому языку студентов-историков на уровне бакалавриата, с акцентом на формирование ключевых компетенций. В статье рассматриваются методологические основы CLIL, зарубежный и отечественный опыт его применения, а также описываются примеры работы на занятии по иностранному языку на основе исторического материала с учетом требований к профессиональным компетенциям студентов по ФГОС.

Обзор литературы

Проблематика интеграции языкового и предметного обучения в системе высшего образования активно исследуется как в зарубежной, так и в отечественной педагогической науке. Концептуальной основой CLIL является междисциплинарный подход, при котором обучение иностранному языку перестает быть самоцелью и становится средством овладения предметным знанием. Как отмечает Д. Койл с соавт. [1], ключевые компоненты успешной реализации CLIL – это контент, коммуникация, когнитивная и культурная, что делает данную образовательную технологию особенно ценной для подготовки будущих специалистов в гуманитарной сфере.

В трудах У. Мехисто и Д. Марша с соавт. [6] подчеркивается значимость CLIL в формировании у студентов навыков критического мышления, анализа текстов, аргументации и способности к межкультурной коммуникации. Для студентов-историков это особенно важно, потому что в своей будущей профессии им предстоит работать с различными источниками, анализировать политические и социальные события прошлого, понимать их значение и объяснять эти события другим людям. Будущие специалисты в области истории учатся интерпретировать факты, сравнивать разные точки зрения и представлять полученные выводы в виде связного и логического рассказа о прошлом, что требует развитых аналитических и коммуникативных навыков.

Исследования Далтон-Паффер [5] демонстрируют, что применение CLIL в высшей школе позволяет существенно повысить академическую мотивацию студентов, особенно в тех случаях, когда языковой компонент тесно связан с их будущей профессией. Кроме того, успешное внедрение CLIL возможно при условии межкафедрального взаимодействия, разработки адаптированных аутентичных материалов и повышения квалификации преподавателей как в методике преподавания языка, так и в содержательной области.

В российском контексте значимыми для развития образовательной технологии CLIL, по нашему мнению, являются исследования Е.Н. Солововой с соавт. [11], рассматривавшей предметно-интегрированное обучение на основе компетентностного подхода как инструмент формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции обучающихся, а также таких авторов, как Н.И. Алмазова, Т.В. Сидоренко, Н.В. Попова и др. [12–14], делающих акцент на адаптации зарубежных моделей CLIL к условиям отечественного вуза и на активизации междисциплинарных связей.

В статье Барановой Т.А., Кобицкой А.М. и Токаревой Е.Ю. [7] описан опыт внедрения CLIL в гуманитарном институте Санкт-Петербургского политехнического университета. Авторы рассматривают междисциплинарное сотрудничество преподавателей иностранных языков и профессиональных дисциплин, а также оценивают эффективность метода для повышения уровня владения иностранным языком и усвоения

профессионального содержания. В частности, отмечается, что CLIL помогает студентам отвлечься от страха ошибок и сосредоточиться на содержании предмета. В статье А. Пономаревой описывается структура занятия на основе технологии CLIL в неязыковом вузе, где акцент делается на когнитивные и культурные компоненты обучения, что является важным для студентов гуманитарных направлений [8].

Российские авторы описывают опыт внедрения CLIL в вузах и междисциплинарное сотрудничество преподавателей гуманитарных дисциплин и иностранных языков [7, 9, 10]. В зарубежных источниках раскрываются обзоры методологии CLIL и ее применение в образовании [1, 3–6].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет заключить, что применение CLIL в преподавании английского языка студентам-гуманитариям обладает высоким педагогическим потенциалом, но требует системного методического сопровождения и учета специфики гуманитарного образования.

Методология исследования

Настоящее исследование носит прикладной характер и направлено на выявление педагогических условий, способствующих успешной реализации образовательной технологии CLIL в практике преподавания английского языка студентам бакалавриата по направлению «Отечественная история». В качестве методологической базы были использованы принципы компетентностного, коммуникативно-деятельностного и междисциплинарного подходов. Они обеспечивают целостную организацию образовательного процесса в условиях интеграции языка и предметного содержания.

Цель исследования – определить эффективность применения образовательной технологии CLIL в формировании иноязычных коммуникативных и предметных компетенций у студентов-историков, в частности тех, которые относятся к профессиональным компетенциям:

– ПК-1: Способен использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории.

– ПК-5: Способен понимать, критически анализировать и использовать базовую историческую информацию.

– ПК-7: Способен к разработке информационно-коммуникационного обеспечения историко-культурных и историко-краеведческих аспектов в тематике деятельности.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические основы и модели CLIL, применимые к гуманитарному образованию.

2. Внедрить CLIL-модуль на материале курса «Russia and English-speaking nations: history and modernity» из методического пособия Е.А. Андреевой и др. [15] для формирования иноязычных профессиональных компетенций студентов-историков.

3. Оценить уровень сформированности предметно-языковых навыков у студентов до и после проведения курса.

4. Выявить восприятие и отношение студентов к интегрированному обучению и влияние CLIL на развитие ключевых компетенций.

База исследования: педагогическая опытно-экспериментальная работа была проведена в Институте международных отношений, истории и востоковедения (ИМОиВ) Казанского (Приволжского) федерального университета (КПФУ). В исследовании приняли участие 24 студента 1-го курса, обучающихся по направлению «Отечественная история». Преподавание осуществлялось по CLIL-модели, включающей аутентичные исторические источники, задания на интерпретацию событий, дебаты, проектную работу и письменные эссе на английском языке.

Методы исследования включали: анализ учебных программ и лингводидактической литературы; анкетирование студентов; педагогическое наблюдение; диагностические тесты (до и после эксперимента); контент-анализ письменных работ студентов; экспертную оценку продуктивных заданий (эссе, презентаций и пр.). Продолжительность эксперимента составила 12 недель. Все материалы были разработаны преподавателями английского языка кафедры иностранных языков ИМОиВ с учетом контента учебного содержания дисциплин кафедры истории, что обеспечило соответствие содержания профессиональному профилю студентов и уровням их языковой подготовки.

Опытно-экспериментальная работа

Педагогический эксперимент был проведен в рамках дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере», преподаваемой сотрудником кафедры иностранных языков Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета. Общий объем курса составил 72 академических часа, распределенных на 12 недель обучения с периодичностью 6 часов в неделю.

В экспериментальной группе участвовали 24 студента первого курса по направлению «Отечественная история». Средний уровень владения английским языком студентов варьировался от A2 до B1, с преобладающим уровнем A2 (от ниже среднего до среднего по Общеввропейской системе уровней владения иностранным языком), что потребовало от преподавателя индивидуального подхода с дифференциацией заданий по сложности.

В ходе обучения уделялось внимание учету индивидуальных трудностей и потребностей каждого студента. Преподаватель иностранного языка осуществлял систематический контроль языкового прогресса посредством тестирований и устных опросов, а также адаптировал задания с учетом уровня владения языком студентов. Студенты с низким уровнем иноязычной подготовки получали поддержку как от преподавателя, так и от одноклассников с более высоким уровнем владения языком, что помогало им осваивать и иностранный язык, и профессиональное содержание. В то же

время более подготовленные студенты успешно справлялись с выполнением сложных аналитических заданий по предмету, что обеспечило положительную динамику обучения большинства участников.

Анализ результатов показал, что прирост в языковых и профессиональных компетенциях наблюдался у большинства студентов, однако общий прогресс в образовательном процессе в значительной мере усиливался успешными достижениями более подготовленных участников группы. Тем не менее даже у студентов с начальными языковыми затруднениями прослеживалось положительное динамическое изменение, подтверждающее пользу применения CLIL для разных уровней подготовки студентов.

Опытно-экспериментальная работа продемонстрировала, что системный, скоординированный подход с учетом разницы в уровне владения иностранным языком способствует эффективному формированию как профессиональных, так и языковых компетенций среди студентов-гуманитариев.

Результаты исследования

Образовательную технологию CLIL как инновационный подход в обучении иностранному языку посредством предметного содержания в гуманитарном образовании рассматривают на основе модели 4C (Content, Communication, Cognition, Culture), где содержание состоит из аутентичных материалов (исторические документы, литературные тексты), коммуникация заключается в развитии навыков предметного дискурса (анализ текстов, участие в дебатах), когнитивная реализуется через интерпретацию культурных феноменов в процессе формирования критического мышления, а культура отражается в сопоставлении межкультурных контекстов [16].

В гуманитарном образовании CLIL реализуется через интеграцию аутентичных исторических источников, междисциплинарные проекты, дискуссии и анализ культурных феноменов. Для успешной реализации модели необходимы поэтапное усложнение заданий и учет индивидуальных особенностей студентов, что мы старались осуществлять на занятиях по иностранному языку, в течение которых обучающиеся были ориентированы на изучение англоязычных текстов, посвященных определенным отечественным историческим эпохам, и обсуждение их в группах.

В нашем исследовании реализация каждого компонента имела следующие особенности:

Content (Содержание): учебный процесс строился на аутентичных материалах – исторических документах и литературных текстах на английском языке. Студенты работали на материале курса «Russia and English-speaking nations: history and modernity», где каждый раздел включает вопросы по теме, чтение, проверку на понимание, коммуникативные задания, когнитивные задания.

Communication (Коммуникация): развитие навыков предметного дискурса обеспечивалось через групповое обсуждение, дебаты и подготовку интерактивных презентаций. В построении занятий на основе CLIL-

подхода мы старались учитывать рекомендации П. Мехисто [17], согласно которым участники учебного процесса создавали интерактивные презентации на основе текстов пособия, визуализируя исторические события или биографии персоналий, упомянутые в текстах. После прочтения и анализа исторических текстов студенты обсуждали ключевые вопросы, делились своими интерпретациями на английском языке, формировали свои профессиональные словари и проводили собственные онлайн-исследования. Так, например, обучающиеся получали задание: найти дополнительную информацию по историческим темам из пособия, используя англоязычные интернет-источники, сравнивали их с материалом пособия, обсуждали различия в интерпретации событий и даже находили фактические ошибки в данных источниках на английском языке, когда содержание материала непосредственно касалось их специализации – истории России.

Cognition (Когниция): когнитивная деятельность проявлялась в анализе, сравнении источников, выявлении ошибок и субъективности в интерпретации. Таким образом, процесс обучения развивал критическое мышление и более глубокое понимание историко-культурных особенностей как родной страны, так и зарубежных стран, формировал умение самостоятельного поиска и анализа информации в историко-культурном контексте.

Culture (Культура): межкультурный аспект реализовывался путем сопоставления историко-культурных контекстов России и англоязычных стран, что способствовало расширению культурного кругозора студентов.

Процесс обучения сопровождался поэтапным усложнением заданий и индивидуальной адаптацией под уровень владения английским языком каждого студента.

Результаты педагогического эксперимента показали положительное влияние CLIL на развитие как профессиональных, так и иноязычных коммуникативных компетенций студентов-бакалавров экспериментальной группы. В процессе 12-недельного курса наблюдалось системное развитие навыков понимания, анализа и интерпретации исторических текстов на английском языке. В начале курса большинство студентов имело уровень владения языком A2 (ниже среднего), что проявлялось в затруднениях при чтении аутентичных источников, ограниченном словарном запасе и неуверенности при устных выступлениях. К завершению курса, согласно результатам итогового тестирования и экспертных оценок, средний уровень группы приблизился к уровню B1, а все участники продемонстрировали устойчивый рост по всем диагностическим параметрам.

Особенно заметные изменения произошли в области понимания исторических текстов и устной коммуникации по профессиональной тематике. Если на начальном этапе около половины студентов (52%) справлялись с заданиями на извлечение информации из англоязычных источников, то после внедрения CLIL этот показатель увеличился до 73%. Аналогичная динамика наблюдалась и в умении аргументированно выражать свои мысли в устной форме – показатель вырос с 51 до 74%.

Диагностическое тестирование (средний прогресс студентов по основным навыкам), %

Навык	До эксперимента	После эксперимента
Понимание исторических текстов на англ. языке	52	73
Аргументированное письмо (эссе)	48	70
Устная коммуникация по исторической теме	51	74
Терминологическая осведомленность	45	65

Качественный анализ письменных заданий студентов показал увеличение количества использования ими терминов, улучшение организации аргументации и стиля научного изложения, что положительно сказалось на формировании компетенций ПК-1 и ПК-5, связанных с анализом и использованием исторической информации. Свидетельством развития данных компетенций, например, выступает тот факт, что студенты стали активнее использовать лексику, связанную с профессиональной областью («reform policy», «historical evidence», «source analysis», «military conquest», «the collapse of the empire» и др.). В процессе выполнения заданий на сопоставление исторических событий и источников проявился рост когнитивной активности студентов: они стали чаще высказывать собственные интерпретации, выявлять причинно-следственные связи. Тематические блоки на английском языке (например, «Peter I – Russian Tsar», «Perestroika and breakup of the Union») обеспечивали глубокую предметную проработку, одновременно развивая лексико-грамматические навыки. Студенты демонстрировали более глубокое понимание контекста и умение связать отечественные события с аналогичными процессами в англоязычных странах. Упражнения, направленные на оценку достоверности исторической информации, выявление признаков субъективности и одностороннего ее представления, а также на восстановление исторической картины, способствовали развитию аналитического мышления и рефлексивных умений обучающихся.

Особое значение имело формирование цифровой компетенции (ПК-7) для историко-культурных и историко-краеведческих аспектов. Работа с англоязычными источниками и подготовка мультимедийных презентаций на основе исторических данных способствовали развитию навыков информационно-коммуникационного обеспечения исследовательской деятельности. Более 80% студентов отметили, что выполнение проектных заданий на английском языке сделало процесс изучения истории более современным и мотивирующим.

Согласно результатам анкетирования, направленного на выявление мотивации и восприятия студентов, 85% студентов отметили, что изучение истории на английском языке помогло им лучше запомнить и осмыслить материал; 76% ответили, что CLIL-формат повысил мотивацию к изучению языка и сделал изучение истории более осмысленным; 89% сделали выбор в сторону интеграции языка и истории как полезной для будущей профессиональной деятельности, особенно

при создании информационно-коммуникационных решений (проектная работа с подготовкой мультимедийных презентаций, использование интерактивных платформ) с учетом историко-культурных аспектов (ПК-7).

В течение 12 недель курса наблюдался стабильный рост среднего уровня владения английским языком в группе.

На гистограмме представлена динамика изменения среднего уровня владения английским языком у студентов экспериментальной группы за время курса. В начале обучения преобладал уровень A2 (около 67% участников), при этом лишь небольшая часть студентов демонстрировала элементы уровня B1. К концу курса доля студентов с уровнем B1 составила 62%, что свидетельствует о нивелировании разрыва в языковой подготовке с более сильными студентами и общем повышении коммуникативной компетентности.

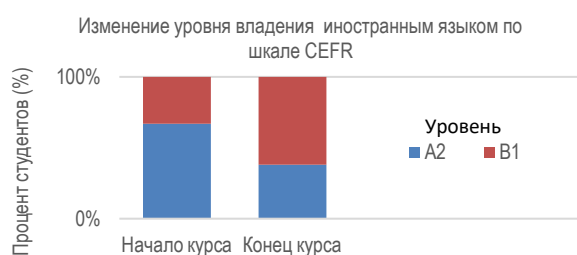

Рис. 1. Динамика изменения среднего уровня владения английским языком в экспериментальной группе

Анализ данных подтверждает, что CLIL способствует не только росту языковой компетенции, но и переосмыслению профессиональной идентичности студентов-гуманитариев. Многие обучающиеся отмечали, что благодаря работе с англоязычными источниками у них сформировалось понимание международного академического контекста исторической науки, а также интерес к участию в зарубежных образовательных программах.

Таким образом, эксперимент подтвердил, что интеграция языка и содержания по модели CLIL:

1. Повышает когнитивную вовлеченность студентов и усиливает мотивацию к обучению.
2. Способствует систематизации предметных знаний на английском языке.
3. Развивает навыки аргументации, анализа и публичных выступлений.
4. Формирует готовность к участию в международных академических и исследовательских проектах.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что CLIL способствует формированию профессиональной и иноязычной компетенций историка и отвечает современным требованиям ФГОС. Прогресс наблюдался у всех студентов.

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают гипотезу о высокой эффективности CLIL в гуманитарном образовании.

Педагогические условия, такие как индивидуальная поддержка и дифференцированные задания, позво-

лили достигнуть прогресса у всех участников, нивелируя различия в исходной подготовке. Применение аутентичных исторических источников и интеграция языковых и предметных заданий стимулирует когнитивную активность и развитие профессиональных компетенций. Улучшение показателей по всем диагностическим критериям свидетельствует о том, что интеграция изучения языка и предметного содержания способствует более глубокому усвоению учебного материала, развитию критического мышления, способности к аргументации и формированию академической грамотности. В частности, применение CLIL способствует развитию компетенций, связанных с использованием знаний в области всеобщей и отечественной истории, критическим анализом исторических источников и совершенствованием навыков информационно-коммуникационного обеспечения.

Важно отметить, что эффективность CLIL во многом зависит от таких факторов, как уровень языковой подготовки студентов, междисциплинарное взаимодействие преподавателей, качество и адаптация учебных материалов, а также системность и последовательность внедрения подхода. В ходе исследования были выявлены определенные трудности, с которыми сталкивались участники, включая ограниченность во времени на выполнение заданий и необходимость адаптации к новому формату обучения. Особенно заметна высокая результативность CLIL при работе с мотивированными студентами, стремящимися к академической мобильности и заинтересованными в доступе к англоязычным источникам. Это показывает значимость данной технологии для формирования современных академических иноязычных и профессиональных компетенций.

Практика внедрения CLIL в иноязычную подготовку бакалавров по отечественной истории показала необходимость высокой квалификации преподавателей в предметной и языковой областях, сложность подбора и адаптации аутентичных материалов, неравномерность языковой подготовки студентов, необходимость использования дополнительных ресурсов (мультимедийных и цифровых), разноуровневых заданий и времени на подготовку занятий.

Выводы

Применение технологии CLIL в обучении студентов направления «Отечественная история» позволяет решать несколько задач одновременно. С одной стороны, мы формируем иноязычную компетентность, расширяя словарный запас и развивая навыки работы с профессиональной лексикой. С другой – мы параллельно развиваем профессиональные умения студентов-историков: аналитическое мышление, способность к аргументации, публичному выступлению и работе с научным текстом. Все это – важнейшие составляющие подготовки будущего специалиста в гуманитарной сфере. Практика применения CLIL показала, что ключевыми условиями ее эффективности являются междисциплинарный подход, продуманная адаптация учебных материалов и гибкая педагогическая страте-

гия. Очень важно, чтобы преподаватель не просто владел методикой, но и умел «слышать» студентов, чувствовать их уровень, потребности и готовность к обучению на иностранном языке.

Дальнейшая работа в области применения образовательной технологии CLIL будет логичным и необходимым продолжением нашего исследования и практической деятельности. Во-первых, стоит расширить выборку студентов, чтобы повысить вероятность получения результатов, которые можно будет применить в более широких образовательных контекстах. Кроме того, учитывая, что текущее исследование длилось двенадцать недель, целесообразно проводить CLIL в течение более длительного периода, что позволит получить детальную оценку его влияния на развитие словарного запаса студентов. Наконец, введение контрольной группы в следующих исследованиях позволит получить более сравнительные данные и углубить понимание эффективности CLIL. Таким образом, дальнейшие исследования смогут существенно расширить и углубить имеющиеся знания в этой области.

Таким образом, CLIL – перспективный инструмент иноязычной подготовки бакалавров-историков, позволяющий интегрировать предметные и языковые знания, формировать критическое мышление и навыки межкультурной коммуникации. Успешное внедрение CLIL требует комплексного методического сопровождения, регулярного повышения квалификации преподавателей и поддержки со стороны вуза. Будущие исследования могут быть направлены: на разработку адаптированных учебных курсов, серии модулей CLIL для всего курса отечественной истории; создание банка аутентичных материалов; проведение долгосрочного изучения по отслеживанию развития академических навыков студентов; изучение возможности применения CLIL в магистратуре и аспирантуре; сравнительный анализ восприятия и эффективности CLIL среди студентов разных гуманитарных направлений и анализ долгосрочных образовательных результатов применения CLIL в подготовке будущих специалистов гуманитарного профиля в области истории.

Список источников

- Coyle D., Hood P., Marsh D. CLIL: Content and Language Integrated Learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Леушина И.В., Леушина Л.И., Салтыкова А.А. CLIL-технология иноязычной подготовки как инструмент формирования технологической культуры студентов неязыкового вуза // *Язык и культура*. 2020. № 51. С. 177–194. doi: 10.17223/19996195/51/9
- Yang W. Evaluating Contextualized Content and Language Integrated Learning Materials at Tertiary Level // *LACLIL*. 2018. Vol. 11, № 2. P. 236–274. doi: 10.5294/lacil.2018.11.2.4
- Ede E. M., Cinar S. Implementation of Content and Language Integrated Learning and Its Effects on Student Motivation // *LACLIL*. 2018. Vol. 11, № 2. P. 220–240. doi: 10.5294/LACLIL.2018.11.2.3
- Dalton-Puffer C. Discourse in Content and Language Integrated Learning (CLIL) Classrooms. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2007. doi: 10.1075/llt.20
- Mehisto P., Marsh D., Frigols M.J. Uncovering CLIL content and language integrated learning in bilingual and multilingual education. New York : Macmillan Education, 2008. 238 p.
- Баранова Т.А., Кобичева А.М., Токарева Е.Ю. Эффективность использования CLIL-обучения на примере дисциплин гуманитарной направленности // *Современные проблемы науки и образования*. 2019. № 1. doi: <https://doi.org/10.17513/spno.28509>
- Пономарева А.В., Яковлева Е.Н. Структура занятия на основе CLIL-технологий в неязыковом вузе // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 3-2. С. 84–88. doi: 10.37882/2223-2982.2021.03-2.33
- Хамидова Х.Ш. Использование CLIL метода при изучении иностранного языка в неязыковых вузах // *Экономика и социум*. 2024. № 12-1 (127). С. 1136–1140. doi: 10.5281/zenodo.14568106
- Ши Цзэся. Обучение иностранных студентов-медиков русскому языку с применением технологии CLIL (уровень В2) : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2024.
- Соловова Е.Н., Козлова З.А. Лобальный феномен «ЕМИ» – английский язык как средство обучения // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Проблемы высшего образования. 2017. № 4. С. 144–149.
- Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Халяпина Л.П. Педагогические подходы и модели интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в зарубежной и российской лингводидактике // *Язык и культура*. 2017. № 39. С. 116–134. doi: 10.17223/19996195/39/8
- Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В., Розанова Я.В. CLIL-практики в Томском политехническом университете: успехи и неудачи // *Образование и наука*. 2018. Т. 20, № 8. С. 164–187. doi: 10.17853/1994-5639-2018-8-164-187
- Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // *Вестник Тамбовского государственного университета*. 2018. № 3 (173). С. 29–42. doi: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-29-42
- Андреева Е.А., Корнева И.Г., Усманов Т.Р., Данилова О.А. Russia and English speaking nations: history and modernity. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2021. 268 с.
- Кузьминых Ж.О., Мамаева О.Б. Концептуальные основы применения интегрированного предметно-языкового обучения в преподавании социально-гуманитарных дисциплин в вузе // *Филологический аспект : международный научно-практический журнал*. Серия: Методика преподавания языка и литературы. 2025. № 01 (30). URL: <https://scipress.ru/fam/articles/kontseptualnye-osnovy-primeneniya-integrirovannogo-predmetno-yazykovogo-obucheniya-v-prepodavanii-sotsialno-gumanitarnykh-distiplin-v-vuze.html> (дата обращения: 18.02.2025).
- Mehisto P. Criteria for Producing CLIL Learning Material // *Encuentro*. 2012. Vol. 21. P. 15–33. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED539729.pdf>

References

- Coyle, D., Hood, P. & Marsh, D. (2010) *CLIL: Content and Language Integrated Learning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leushina, I.V., Leushina, L.I. & Saltykova, A.A. (2020) CLIL-tehnologiya inoyazychnoy podgotovki kak instrument formirovaniya tekhnologicheskoy kul'tury studentov neyazykovogo vuza [CLIL Technology of Foreign Language Training as a Tool for Forming the Technological Culture of Students at a Non-Linguistic University]. *Yazyk i kul'tura -- Language and Culture*. 51. pp. 177–194. doi: 10.17223/19996195/51/9
- Yang, W. (2018) Evaluating Contextualized Content and Language Integrated Learning Materials at Tertiary Level. *LACLIL*. 11 (2). pp. 236–274. doi: 10.5294/lacil.2018.11.2.4

4. Ede, E.M. & Cinar, S. (2018) Implementation of Content and Language Integrated Learning and Its Effects on Student Motivation. *LACLIL*. 11 (2). pp. 220–240. doi: 10.5294/LACLIL.2018.11.2.3
5. Dalton-Puffer, C. (2007) *Discourse in Content and Language Integrated Learning (CLIL) Classrooms*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing. doi: 10.1075/llt.20
6. Mehisto, P., Marsh, D. & Frigols, M.J. (2008) *Uncovering CLIL content and language integrated learning in bilingual and multilingual education*. New York: Macmillan Education.
7. Baranova, T.A., Kobicheva, A.M. & Tokareva, E.Yu. (2019) Effektivnost' ispol'zovaniya CLIL-obucheniya na primere distsiplin gumanitarnoy napravlenosti [The Effectiveness of Using CLIL Training on the Example of Humanities Disciplines]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1. doi: 10.17513/spno.28509
8. Ponomareva, A.V. & Yakovleva, E.N. (2021) Struktura zanyatiya na osnove CLIL-tekhnologiy v neyazykovom vuze [The Structure of a Lesson Based on CLIL Technologies at a Non-Linguistic University]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3-2. pp. 84–88. doi: 10.37882/2223-2982.2021.03-2.33
9. Khamidova, Kh.Sh. (2024) Ispol'zovanie CLIL metoda pri izuchenii inostrannogo yazyka v neyazykovykh vuzakh [The Use of the CLIL Method in Learning a Foreign Language at Non-Linguistic Universities]. *Ekonomika i sotsium*. 12-1 (127). pp. 1136–1140. doi: 10.5281/zenodo.14568106
10. Shi, Tszesya. (2024) *Obuchenie inostrannykh studentov-medikov russkomu yazyku s primeneniem tekhnologii CLIL (uroven' B2)* [Teaching Foreign Medical Students Russian Using CLIL Technology (Level B2)]. Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.
11. Solovova, E.N. & Kozlova, Z.A. (2017) Lobal'nyy fenomen "EMI" – angliyskiy yazyk kak sredstvo obucheniya [The Global Phenomenon of "EMI" – English as a Medium of Instruction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*. 4. pp. 144–149.
12. Almazova, N.I., Baranova, T.A. & Khalyapina, L.P. (2017) Pedagogicheskie podkhody i modeli integrirovannogo obucheniya inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam v zarubezhnoy i rossiyskoy lingvodidaktike [Pedagogical Approaches and Models of Integrated Teaching of Foreign Languages and Professional Disciplines in Foreign and Russian Linguodidactics]. *Yazyk i kul'tura -- Language and Culture*. 39. pp. 116–134. doi: 10.17223/19996195/39/8
13. Sidorenko, T.V., Rybushkina, S.V. & Rozanova, Ya.V. (2018) CLIL-praktiki v Tomskom politekhnicheskoy universitete: uspekhi i neudachi [CLIL Practices at Tomsk Polytechnic University: Successes and Failures]. *Obrazovanie i nauka*. 20 (8). pp. 164–187. doi: 10.17853/1994-5639-2018-8-164-187
14. Popova, N.V., Kogan, M.S. & Vdovina, E.K. (2018) Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie (CLIL) kak metodologiya aktualizatsii mezhdistsiplinnykh svyazey v tekhnicheskoy vuze [Content and Language Integrated Learning (CLIL) as a Methodology for Updating Interdisciplinary Connections in a Technical University]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (173). pp. 29–42. doi: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-29-42
15. Andreeva, E.A., Korneva, I.G., Usmanov, T.R. & Danilova, O.A. (2021) *Russia and English speaking nations: history and modernity*. Kazan: Kazan University.
16. Kuz'minykh, Zh.O. & Mamaeva, O.B. (2025) Kontseptual'nye osnovy primeneniya integrirovannogo predmetno-yazykovogo obucheniya v prepodavanii sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin v vuze [Conceptual Foundations of the Application of Integrated Content and Language Teaching in the Teaching of Social Sciences and Humanities at a University]. *Filologicheskiy aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal. Seriya: Metodika prepodavaniya yazyka i literatury*. 01 (30). [Online] Available from: <https://scipress.ru/fam/articles/kontseptualnye-osnovy-primeneniya-integrirovannogo-predmetno-yazykovogo-obucheniya-v-prepodavanii-sotsialno-gumanitarnykh-distciplin-v-vuze.html> (Accessed: 18.02.2025).
17. Mehisto, P. (2012) Criteria for Producing CLIL Learning Material. *Encuentro*. 21. pp. 15–33. [Online] Available from: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED539729.pdf> (Accessed: 22.03.2026).

Информация об авторах:

Назмиева Э.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: nei80@mail.ru

Андреева Е.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: elenaandreeva7788@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.I. Nazmieva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: nei80@mail.ru

Ye.A. Andreeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: elenaandreeva7788@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2025;
одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 21.06.2025;
approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 796.412
doi: 10.17223/15617793/520/23

Ритмическая гимнастика: история, тенденции, опыт

Елена Александровна Поздеева¹, Наталья Николаевна Фролова², Марина Геннадьевна Козлова³

^{1, 2, 3} Московский государственный строительный университет, Москва, Россия

¹ lena.pozdeewa@mail.ru

² pr-azdnik@yandex.ru

³ KozlovaMG@mgsu.ru

Аннотация. Ритмическая гимнастика представлена как педагогическая система, отличительной особенностью которой является доступность, массовость, эмоциональность и музыкальность. Рассматриваются разные подходы и толкования ритмической гимнастики в контексте исторического развития, выявляется линия становления ритмической гимнастики как оздоровительной дисциплины в нашей стране. Представлен опыт организации проведения занятий и соревнований по ритмической гимнастике в вузе.

Ключевые слова: музыкально-ритмическое воспитание, ритм движений, ритмика, ритмопластика, ритмопластическая система, ритмическая гимнастика, фестиваль ритмической гимнастики

Для цитирования: Поздеева Е.А., Фролова Н.Н., Козлова М.Г. Ритмическая гимнастика: история, тенденции, опыт // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 214–222. doi: 10.17223/15617793/520/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/23

Rhythmic gymnastics: History, trends, experience

Elena A. Pozdeeva¹, Natalia N. Frolova², Marina G. Kozlova³

^{1, 2, 3} Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation

¹ lena.pozdeewa@mail.ru

² pr-azdnik@yandex.ru

³ KozlovaMG@mgsu.ru

Abstract. Today, rhythmic gymnastics in Russia is no longer as popular as it was in the 1980s. It has been supplanted by new types of aerobics, cheerleading, and dance fitness programs, but it has a number of advantages. Distinctive features include accessibility, mass appeal, emotionality, and musicality. The relevance of this system lies in the fact that the terms used in rhythmic gymnastics are understandable. All names of movements and descriptions are in Russian; the exercises are simple in their motor structure, which facilitates the learning process. It uses general developmental exercises, running, jumping, and dance elements. All movements are stylized in accordance with the musical accompaniment and are accessible to anyone involved. The aim of the research is to study the historical background of the development of rhythmic gymnastics, the stages of its formation, and modern trends. The following research methods were used in the work: analysis of scientific and methodological literature, content analysis, analysis of archival sources and materials, and mathematical statistics. An analysis of the historical background of the development of rhythmic gymnastics shows that it is based on the principle of teaching musicality through the embodiment of bodily plasticity – the reproduction of musical rhythm through body movements. Accordingly, rhythmic gymnastics found itself at the intersection of different types of art: music, dance, and theater. The article examines various approaches and interpretations of rhythmic gymnastics in the context of historical development and identifies the line of formation of rhythmic gymnastics as a health discipline in our country. The stages of formation of rhythmic gymnastics are identified: Stage 1 – the origins of the rhythmoplastic system (ancient dances and orchestration); Stage 2 – the development of rhythm: ideas and methods of rhythm teachers (expressive gymnastics of F. Delsarte, the system of rhythmic education of E.J. Dalcroze, the teaching on rhythmoplastic gymnastics of J. Demeny, the rhythmic of S. Volkhonsky, and others); Stage 3 – the establishment of rhythmic gymnastics as a health-improving direction of physical culture (the boom of Soviet aerobics); Stage 4 – the introduction of rhythmic gymnastics into educational institutions. The presented experience of organizing classes and competitions in rhythmic gymnastics at the National Research University Moscow State University of Civil Engineering shows the interest of female students in this type of rhythmoplastic system. From this perspective, we recommend using it as a means of physical education and patriotic education for student youth.

Keywords: musical and rhythmic education, rhythm of movements, rhythmic, rhythmoplasty, rhythmoplasty system, rhythmic gymnastics, rhythmic gymnastics festival

For citation: Pozdeeva, E.A., Frolova, N.N. & Kozlova, M.G. (2025) Rhythmic gymnastics: History, trends, experience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 214–222. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/23

Введение

Сегодня ритмическая гимнастика в нашей стране уже не пользуется такой популярностью как в 1980-е гг. Она была вытеснена новыми видами аэробики и танцевальными фитнес-программами. Сейчас ритмика проводится в образовательных организациях и используется как средство физического воспитания детей и молодежи. Упражнения ритмической гимнастики воздействуют на опорно-двигательный аппарат, дыхательную и сердечно-сосудистую системы, формируют хорошую осанку, культуру движений и ритмичность. Музыка, задающая темп и ритм движений, создает эмоциональный фон, который благоприятно воспринимается занимающимся. В связи с этим легко можно выполнить большой объем мышечной работы.

Уникальная особенность этой гимнастики заключается в простоте и доступности предлагаемых упражнений и в непрерывности движений под музыку с различной интенсивностью [1. С. 3–5]. Она эмоциональна и эстетична, выразительна и танцевальна. Этот вид двигательной активности может охватить большие массы населения, преимущественно занимающихся женского пола, и привлечь к оздоровительным занятиям. Но она заменена новомодными направлениями фитнес-индустрии, которые заимствованы из других стран. Однако направленность на патриотическое воспитание в России, тенденция возвращения элементов советской системы физического воспитания (например, комплекс ГТО и др.) создают предпосылки к возрождению ритмической гимнастики. Существует необходимость снова популяризовать нашу «советскую аэробику», так как она имеет ряд преимуществ перед аэробикой, чирлидингом и другими видами занятий, не имеющих русского происхождения.

Актуальность данной системы заключается в том, что термины, используемые в ритмической гимнастике, понятны. Все названия движений и описание выполнены на русском языке; упражнения просты по двигательной структуре, что облегчает процесс обучения. В ней используются общеразвивающие упражнения, бег, подскоки, танцевальные элементы. Все движения стилизованы в соответствии с музыкальным сопровождением и доступны любому занимающемуся. Комплексы упражнений легко модифицировать, усложнять либо упрощать положения и движения. Ритмическая гимнастика позволяет совершенствовать координацию, пространственную ориентацию, двигательную память, плавность и ритмичность, музыкальность.

Особо важный компонент, который стоит отметить в данных занятиях, – это использование музыки. Многочисленными исследованиями доказано, что она может оказывать положительное влияние на психоэмоциональное состояние, мотивацию и работоспособность во время тренировок. Музыка способна создавать определенную атмосферу и настроение, что способствует более эффективному выполнению физических упражнений и ритмичности движений [2, 3]. Сегодня в оздоровительных фитнес-занятиях используется музы-

кальное сопровождение как способ разнообразить тренировки и сделать их более интересными и приятными. Но на самом деле выявление связи между выполняемыми движениями и музыкой было целым этапом развития музыкально-ритмического воспитания, ритмики, и в целом ритмопластической системы.

Целью исследования является изучение исторических предпосылок развития ритмической гимнастики, этапов становления и современных тенденций. В работе использованы методы исследования: анализ научно-методической литературы, контент-анализ, анализ архивных источников и материалов; математическая статистика.

Содержание и обсуждение результатов исследования

Первостепенно обратимся к дефинициям. Основные термины, которые использованы и характеризуют направление нашей работы – это ритмика, ритмопластика, ритмопластическая система, ритмическая гимнастика.

В словаре С.И. Ожегова [4] ритм определяется как равномерное чередование каких-нибудь элементов (в звучании, движении). Здесь же дано одно из значений термина «ритмика» – это ритмические движения с музыкальным сопровождением. Это узкое значение, и оно близко к современному представлению об уроке ритмики в начальной школе. Более полное значение слова отмечено в исследовании Чжэн Бисун [5]: «ритмика – это новое направление в хореографии; вид музыкально-хореографического искусства, где характер музыки передается через движения, создавая художественный образ».

Нам импонирует высказывание Г.А. Уваровой [6], где под ритмикой автор понимает уникальный метод, объединяющий в себе пластическую выразительность и воплощение ритмического компонента, который «развивает умение всем телом вживаться в музыкальную ткань, в ее метрическую пульсацию». В соответствии с этим ритмика оказалась на стыке разных видов искусств – музыкального, танцевального и театрального – и в каждом играет свою роль.

В толковом словаре термин «пластика» обозначается как искусство ритмических движений тела [4]. Так как термин «ритмопластика» образован из двух слов – «ритмика» и «пластика», сформулируем определение. Ритмопластика – это искусство ритмических движений телом, задаваемых и выполняемых под музыку.

Под ритмопластикой А.И. Буренина понимает комплекс свободных движений, не подчиненных законам классического танца, а выстраиваемых с учетом совмещения танцевальных и естественных движений танцовщика [7. С. 35–37].

Для разграничения понятий мы придерживаемся следующих позиций. В современных исследованиях отмечается, что ритмопластика рассматривается как симбиоз ритмического танца Э.Ж. Далькроза и пластического танца Айседоры Дункан [5]. В этом контексте

ритмическая гимнастика больше относится к музыкальной деятельности и танцевальному искусству, применимо к танцовщикам, музыкантам. В нашей работе это содержание понятия отнесем к «ритмике». А вот в ритмической гимнастике сегодня более выражен пластический (телесный) компонент, определим ее принадлежность к физической культуре, в частности к оздоровительной гимнастике. В свою очередь, ритмопластическая система объединяет все понятия, характеризующие ритм, музыку и пластику движений. Для уточнения смысловой нагрузки и конкретизации явлений «ритмика» и «ритмическая гимнастика» обратимся к историческому обзору.

Исторические предпосылки развития ритмической гимнастики

Если говорить об истоках ритмопластической системы, стоит вспомнить зарождение танцевального искусства в Древней Греции, Индии, Китае. Так, описание танцев встречается у древнегреческих философов Софокла, Еврипида, Аристофана. Одним из направлений греческой гимнастики была орхестрика – танцевальная гимнастика. Она применялась для формирования осанки, пластичности и выразительности движений. Кстати, ее считают одной из родоначальниц художественной гимнастики [8].

Исследователь Г.В. Плеханов назвал древнейшие танцы «наиболее диким из всех искусств». Этой же точки зрения придерживается И.Б. Астахов: «Танцы появились на свет, по-видимому, вместе с развитием родовой организации, являются общественным институтом. Танцы как искусство возникли лишь в результате длительного накопления передаваемых из поколения в поколение пластических и ритмических навыков...». Соответственно истоками ритмической гимнастики выступают древнейшие танцы.

Следующий этап становления ритмической гимнастики связан с выразительной гимнастикой Ф. Дельсарта, системой ритмического воспитания Э.Ж. Далькроза, с учением о ритмопластической гимнастике Ж. Демени, ритмикой С. Волхонского и другими идеями «ритмистов-педагогов» как за рубежом, так и в нашей стране.

Французский преподаватель Франсуа Дельсарт разработал концепцию сценической выразительности, где предполагалась естественная способность физически развитого человека наполнять смыслом позу, жест, движение [9]. Дельсарт вкладывал в свою систему идею взаимосвязи между эмоциями и физическими жестами. Наблюдая и анализируя разнообразные движения взрослых танцоров, анализируя мимику, эмоции и жесты детей, он классифицировал жесты по их смыслу, значению и эмоциональной окраске. В итоге его наблюдений и заключений возникла система выразительных движений. Его концепция выразительной гимнастики повлияла на становление ритмической и художественной гимнастики.

В начале XX в. физиолог Жорж Демени обосновал систему физических упражнений, где ведущая роль была отведена ритму и гармонии движений, чередованию расслабления и напряжения мышц. Естественная

гимнастика Демени включала движения свободной пластики, изящные и соразмерные движения тела, которые развивали ловкость и гибкость. Жорж Демени уделял особое внимание непрерывности движений, что значительно повышает интенсивность занятия в целом. Так зародился основной метод ритмической гимнастики – поточное выполнение упражнений [10].

В зарождении ритмической гимнастики огромную роль сыграли исследования и практический опыт швейцарского педагога и музыканта Эмиля Жак Далькроза в конце XIX в. Далькроз обратил внимание, что его ученики сталкивались с трудностями при воспроизведении ритмического характера музыкальных произведений. С целью лучшего усвоения ритмической структуры музыкального текста педагог использовал простые движения (ходьба, прыжки и хлопки). Так Жак Далькроз установил, что природа ритмического чувства связана с движениями [11]. Этот вывод послужил толчком к развитию системы музыкально-ритмического воспитания. Уникальность метода заключается в том, что каждое движение обусловлено реакцией тела на музыку, а не заданным алгоритмом действий, как в классическом танце. Движение возникает спонтанно, исходя из-за ощущений конкретного человека.

Его система пластики состояла из трех частей: ритмической гимнастики, сольфеджио (для развития слуха), импровизации и музыкальной пластики. Первоочередной задачей было обучить ученика воспроизводить простой ритм, а далее и сложный (полиритм). Жак Далькроз подчеркивал: «Без телесных ощущений ритма, без ритма пластического не может быть воспринят ритм музыкальный» [11]. Так, на первый план в обучении музыкантов новатор ставил ритм двигательный, через движения тела обучать музыкальности.

В России последователем идей Жак Далькроза стал театральный деятель, князь Сергей Волконский, который с 1907 г. начал активно популяризировать ритмику. С.М. Волконский поддерживал идею о взаимосвязи музыкального ритма с движением человека. Он считал, что, влияя на нервно-двигательную систему, можно добиться развития чувства ритма, и, как следствие, совершенствовать музыкальные способности (игра на инструментах), вокальные и танцевальные умения. В 1912–1914 гг. под его руководством в Петербурге были открыты Курсы ритмической гимнастики. По содержанию курсы воспроизводили деятельность института музыки и ритма Далькроза в Хеллеру (Дрезден). Далее были открыты институты ритмики в Москве, Киеве, Ростове-на-Дону. Однако, в силу длительности процедуры оформления и начала Первой мировой войны, статус филиала «Санкт-Петербургский Институт Жак Далькроза» так и не получил.

Далее можно упомянуть гармоническую гимнастику Л.Н. Алексеевой, искусство А. Дункан. Известная американская танцовщица Айседора Дункан внесла свое видение в танцевальное искусство, выступая против классического танца, пуант и механически отточенного движения в балете. Она возрождала античную пляску под музыкальные ритмы. И музыка для нее была как фактор эмоционального возбуждения в процессе танца. В своих танцевальных композициях

она импровизировала, возрождая каноны древнегреческого танца, его естественность и пластику свободных движений, передающих душевные переживания [3]. Впервые в России она представила свой танец в 1913 г.

Активная пропаганда ритмической гимнастики осуществлялась ученицей Далькроза Ниной Александровой, которая возглавила Институт ритма в Москве (1919–1924 гг.). По предмету ритмической гимнастики читаются лекции и издаются статьи. В России печатаются и расходятся первые издания под названием «Листки курсов ритмической гимнастики», которые были одними из первых специализированных изданий в мире, посвященных ритму [12–14].

Еще одним последователем и популяризатором идей Далькроза была Вера Гринер, которая преподавала ритмику на курсах в Петербурге. Гринер внесла свои разработки в систему ритмики – музыкально-ритмические этюды. Эти этюды выполняли важную задачу в подготовке актеров, способствовали не только развитию музыкального чувства ритма, но и раскрытию актерской ритмичности.

В 30-е гг. XX в. происходит упадок развития ритмики, закрываются Институты ритма в Москве и Петербурге. Ритмика как предмет исчезает из учебных планов учебных заведений. В своей статье Вера Гринер пишет, что ритмика «находится под угрозой исчезновения», несмотря на большие заслуги первых педагогов-«ритмистов» и освещение метода Далькроза по всему миру.

Следующий этап развития ритмики – период работы поколения педагогов-«ритмистов», которые сохранили концепцию метода Ж. Далькроза и сформировали отечественную методику преподавания. К ним относятся выпускники Института ритма в Москве, ученики Нины Александровой: З. Шушкина, В. Яновская, Н. Метлов, Н. Ветлугина, Е. Конорова и др. Результатом многолетней исследовательской, педагогической, опытно-творческой деятельности стал выход программ и учебно-методической литературы по ритмике. В 60-е гг. XX в. Е. Конорова совместно с Н. Александровой, В. Гринер, З. Шушкиной, Е. Шишмарёвой и В. Яновской реализовали курсы-семинары, где обучались педагоги из всех республик бывшего Советского Союза. Так ритмика распространилась по всей территории нашей страны.

Настоящий подъем ритмической гимнастики в СССР пришелся на конец XX в. В спортивных школах активно развивался данный вид физической активности, обращая особое внимание на гибкость, координацию и музыкальность. Спортивное направление этого вида проявилось в развитии художественной гимнастики [8].

Огромный вклад в популяризацию массовой ритмической гимнастики внесла аэробика американской киноактрисы Джейн Фонды. Уникальное сочетание ритма движений, танцевальности и грации, силы и выразительности позволило привлечь к себе всеобщее внимание девушек и женщин. Эта идея была подхвачена и воплощена через создание и реализацию цикла телепередач советского телевидения, которая так и

называлась «Ритмическая гимнастика». Ведущими инструкторами были и спортсменки-фигуристки, и гимнастки, и актрисы. Это Светлана Рожнова (1980), Наталья Линичук (1984), Елена Букреева (1985), Елена Скороходова (1985), Лилия Сабитова (1986), Наталья Ефремова (1989) и др.

На вопрос, чем же привлекает ритмическая гимнастика, ученый (профессор), мастер спорта, составитель комплексов Татьяна Лисицкая отвечала: «...а вы посмотрите на детей, они получают массу удовольствия двигаясь под ритмичную музыку. Так и в нас она будит ребенка...» [15. С. 5–11]. Возникновение этого феномена – ритмической танцевальной гимнастики в 1980-е гг. обосновывается выполнением серий общеразвивающих упражнений поточным способом под динамичную (электронную) музыку, за счет упражнений танцевального характера, специфических стилизованных движений, выполняемых подтянутыми спортивными девушками в ярких облегающих костюмах и купальниках. Все это привлекало взгляд, заряжало эмоциональностью и эстетикой. С точки зрения физиологического влияния на организм – это исключение длительных пауз между сериями упражнений, что позволяет влиять не только на опорно-двигательный аппарат, совершенствовать координацию движений, но и эффективно воздействовать на сердечно-сосудистую и дыхательную системы. Все это привело к большому интересу, вовлеченности девушек и женщин к занятиям оздоровительной физической культурой.

На смену традиционным формам утренней и производственной гимнастики, декламируемой по радиоприемникам, пришла новая форма – танцевальная ритмическая гимнастика. Во время физкультурных пауз швеи, комплектовщицы, сборщицы и женщины других рабочих специальностей поточного или конвейерного производства выполняли физические упражнения под музыку с инструктором. Таким образом, ритмическая гимнастика стала частью жизни не только спортсменов, но и всех девушек и женщин за счет внедрения в образовательные учреждения, на производстве и активный досуг.

Такой рост популярности ритмической гимнастики требовал увеличения физкультурных кадров, обладающих методикой организации и проведения занятий. На всесоюзной научно-методической конференции, которая состоялась в Москве в 1984 г., обсуждалось дальнейшее развитие массовой гимнастики и другие актуальные вопросы. Как отмечал профессор В.М. Смолевский, «Ритмическая гимнастика находит все большее число приверженцев, и не только среди женщин. В соответствии с этим необходимо запускать курсы подготовки и переподготовки преподавателей, знающих все виды гимнастики» [16]. В своем докладе на этой конференции В.М. Смолевский подчеркивал, что необходимо уделять внимание научно-методическому обеспечению массовых видов гимнастики в связи с появлением новых видов (женская, джаз-, гимнастика йогов, ритмическая). Здесь же в классификации видов гимнастики была определена уточняющая деталь: «ритмическая гимнастика – это разновидность оздоровительных видов гимнастики *гигиенического*

характера, которая сопровождает занимающихся всю жизнь» [16]. В дальнейшем специалисты в области оздоровительной физической культуры (Т.С. Лисицкая, С.В. Крамина, Л.И. Богданова) были готовы в кратчайшие сроки подготовить инструкторов по ритмической гимнастике.

Наряду с известной у нас в стране ритмической гимнастикой в 1990-е гг. популярность приобретают и другие аналогичные формы ритмопластической системы: джим-тоник, джаз-гимнастика, поп-гимнастика. Эти музыкально-ритмические формы гимнастики получили общее название «танцевальная аэробика». Основатель аэробики американский врач К. Купер признавал их самыми эффективными упражнениями, ставя на одну планку с циклическими видами движений (бег, катание на коньках, бег на лыжах, плавание и др.) [1].

Следующий виток развития ритмической гимнастики обоснован стремлением занимающихся посоревноваться в танцевально-гимнастических композициях, так появился новый вид спорта – спортивная аэробика. Она развивается сегодня в двух направлениях: спортивно-гимнастический и массово-гимнастический, их курируют две федерации (соответственно ФИЖ и ФИСАФ).

Еще один важный аспект в становлении ритмической гимнастики – создание методик и условий для занятий со школьниками. В этой связи с 1996 г. в систему физического воспитания дошкольников и младших школьников вводится предмет «Ритмика», и здесь уместнее **говорить о музыкально-ритмическом воспитании**. На первый план выходит музыка, умение чувствовать ее, выражать ее простыми движениями (постукивания, похлопывания, удары стоп), воспроизводить разные ритмические рисунки. С помощью средств ритмики дети учатся развивать музыкальный слух и память, понимание времени, такта, чувство музыки и ритма. Это позволяет им более точно передать характер музыки: бодрый, легкий, отрывистый. Музыкально-ритмические упражнения помогают осваивать основные движения (ходьба, бег, подскоки, элементы танцев); координировать движения частями тела; согласовывать свои действия с действиями других детей, учиться пространственной ориентировке. На занятиях происходит знакомство с азами танцевального искусства; обучение навыкам манипуляции с различными предметами (флажки, платки, шарфы) и др.

Отдельно стоит отметить музыкально-ритмическое воспитание будущих актеров, музыкантов, хореографов (студентов творческих специальностей). В учебных планах и программах снова вводится дисциплина «Ритмика», где она является одним из видов музыкальной деятельности, в котором суть музыки – ее образы, а характер проявляется в движениях. Основой считается музыка, а различные физические упражнения, танцы, сюжетно-образные движения используются как средства наиболее полного ее восприятия и представления.

На занятиях применяют различные средства и методы для развития чувства ритма, которые могут использоваться и в процессе физического воспитания.

Важно отметить, что большинство из них построены на принципе использования различного рода звуковых сигналов, которые выполняют роль ритмолидеров [17–19]. Например, выполнение движений под заданный ритм хлопков руками, простукиваний; пробивание ритма стопами, выполнение различных движений частями тела в разной темпо-ритмовой структуре (руки – в одном ритме, ноги в другом) и т.д.

Таким образом, анализ архивных документов и литературы, исторический обзор становления и развития видов ритмопластической системы позволил нам сформировать представление-схему, которая отображает иерархию и взаимосвязи направлений (рис. 1).

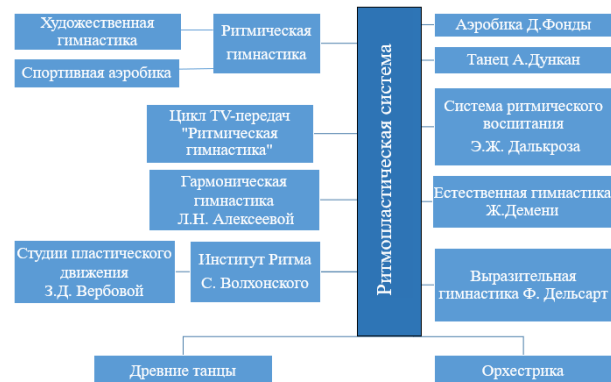

Рис. 1. Этапы становления ритмопластической системы, место ритмической гимнастики

Мы не претендуем на освещение полной картины становления ритмопластической системы, однако главные ее этапы и явления отображены. На рис. 1 представлено «дерево», где «корни» – это фундамент, истоки зарождения системы – древние танцы Греции, Китая и Индии. Ствол «дерева» – эта сама система, ветви – это направления. Правая сторона «дерева» – это направления, которые составили зарубежное влияние на развитие ритмической гимнастики в России. Ветви, расположенные слева, – это отечественные методики и течения.

С целью освещения вопроса об изученности ритмической гимнастики в разные годы был проведен контент-анализ. Через систему поиска на платформе электронной научной библиотеки eLibrary.ru было найдено 325 публикаций с ключевым словом «ритмическая гимнастика», в сравнении с «художественной гимнастикой» – 1 739 работ. В 2020–2025 гг. выявлено, что в 94 работах областью исследования является ритмическая гимнастика. Если брать художественную гимнастику, то только за текущий 2025 г. опубликовано 138 статей, что позволяет констатировать известный факт ее популярности. Уровень глубокого изучения ритмической гимнастики виден в объеме диссертационных исследований. Например, в период 1980–1999 гг. было представлено 10 диссертаций, где основным средством оздоровительной физической культуры выступает ритмическая гимнастика. А с 2000 по 2009 г. вышло в свет 19 диссертаций. Мы видим, что более активный пик исследований в этой области пришелся на начало XXI в. К сожалению, за последние 10 лет нами не найдено завершенных научных исследований.

Дополнительно проведен анализ учебных изданий за последние 25 лет. Основная масса учебно-методической литературы была издана в 2000–2010 гг. Однако эти цифры в сравнении с другими видами гимнастики невелики. Таким образом, возросшая популярность ритмической гимнастики, ее бум в 1980–1990 гг. дали толчок к изучению. Тем самым увеличив количество исследований в области организации и проведения занятий.

Научно-методические разработки представлены по обучению ритмопластике дошкольников и младших школьников [20–24]; по физическому воспитанию подростков средствами ритмической гимнастики [25, 26]. Достаточно исследований по обоснованию программ музыкально-ритмического воспитания студентов педагогических и творческих специальностей [6, 14, 17, 18, 27, 28]. Большое внимание уделено направлению, где ритмическая гимнастика представлена как средство оздоровительной физической культуры [29–36 и др.]. Но недостаточно работ, посвященных ритмической гимнастике общеразвивающего [37–41] и прикладного характера [42–44]. Стоит отметить, что за последние пять лет наблюдается спад исследовательского интереса к этой форме ритмопластической системы.

Опыт проведения занятий по ритмической гимнастике в НИУ МГСУ

Сегодня ритмическая гимнастика как средство физического воспитания преподается не только в общеобразовательных и дополнительных учреждениях (в детских садах, начальных классах), но и в высших учебных заведениях. Во многих вузах Москвы на кафедре физического воспитания предоставляется возможность выбора вида спорта (специализации): волейбол, баскетбол, тяжелая атлетика, борьба, ОФП, специальное медицинское, гимнастика. Например, в Московском государственном строительном университете студентки, прошедшие отбор, зачисляются на методическое отделение «Ритмическая гимнастика». Выборку занимающихся на отделении составляют девушки, имеющие хореографическую подготовку (различные виды танцев) либо ранее занимающиеся гимнастическими видами спорта, а также желающие овладеть ритмическими и пластическими навыками.

На протяжении более двадцати лет занятий со студентками в вузе сформировалась система музыкально-двигательной подготовки на основе средств ритмической гимнастики, танцевального искусства. Мы хотим поделиться опытом организации учебного процесса в отделении ритмической гимнастики. Представим методические особенности проведения занятий в нашем вузе:

1) использование упражнений циклического характера, развивающих выносливость, – бега, прыжков, танцевальных элементов;

2) чередование различных темпов (от 48–50 до 120–130 и 150–170 ударов в минуту с многократным повторением одного и того же движения) от 4–8 до 32 раз (согласно музыкальной фразе);

3) фронтальный метод работы на занятиях, где моторная активность составляет 60% и выше, когда занимающиеся не ждут своей очереди, чтобы выполнить упражнение;

4) возможность конструировать движения и композиции, т.е. элемент творчества на занятиях;

5) стилизация движений, соответствующих требованиям времени;

6) использование на занятиях современной ритмичной музыки, что способствует повышению эмоционального состояния занимающихся;

7) обучение упражнению идет в основном через показ, и поэтому на преподавателя ложится большая нагрузка, однако другие методы обучения полностью исключать нельзя.

Результатом подготовки для студенток является участие в традиционных соревнованиях по ритмической гимнастике (фестиваль) в рамках спартакиады НИУ МГСУ. Это спортивно-массовое мероприятие охватывает более 250 девушек-участниц. Каждый год заявляется около 10–12 команд. Соревнования имеют огромную популярность в вузе. Все места на трибунах занимаются заранее. Это зрелищное яркое спортивно-массовое мероприятие привлекает студентов разных курсов и специальностей, воспитывает в них чувство эстетики, чувство прекрасного и спортивно-командный дух.

В соответствии с заданной темой фестиваля, которая объявляется в начале учебного года, подбираются музыка, средства, композиционное построение, наполняется содержание соревновательных упражнений. Необходимо подчеркнуть, что студентки и преподаватель в построении хореографии активно взаимодействуют, тем самым проявляя свои творческие и ритмические умения и навыки. В 2024/25 учебном году тема фестиваля была посвящена 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Несмотря на сложность тематики, участницы отлично справились с задачей, показав вовлеченность, патриотический дух, волю к победе, проявив творческие способности в танцевально-соревновательной композиции и высокое исполнительское мастерство. Это доказывает востребованность и интерес к занятиям данным видом.

Выводы

Исторические вехи прослеживаются в следующих этапах: 1-й этап – истоки становления ритмопластической системы (древние танцы и оркестрика); 2-й этап – развитие ритмики – идеи и методики педагогов-ритмистов (выразительная гимнастика Ф. Дельсарта, система ритмического воспитания Э.Ж. Далькроза, учение о ритмопластической гимнастике Ж. Демени, ритмика С. Волхонского и др.); 3-й этап – становление ритмической гимнастики как оздоровительного направления физической культуры (бум советской аэробики); 4-й этап – введение ритмики в образовательные учреждения.

Сегодня ритмическая гимнастика применяется в трех областях: театр, музыка и массовый спорт. При анализе специальной литературы было определено три направления ритмической гимнастики: оздоровительное, общеразвивающее и специально-развивающее

(музыкально-ритмическое воспитание), спортивно-прикладное.

Резюмируем и выделим смысловую нагрузку понятия ритмическая гимнастика в узком значении. В настоящее время ритмическая гимнастика – это гимнастика с оздоровительной направленностью, основным средством которой являются комплексы гимнастических упражнений, различные по своему характеру, выполняемые под ритмичную музыку преимуще-

ственно поточным способом и оформленные танцевальным характером, несущую эмоциональную окраску.

Наш опыт проведения ежегодного фестиваля по ритмической гимнастике подтверждает высокий интерес студентов к этому виду ритмопластической системы. С этих позиций рекомендуем использовать ритмическую гимнастику как средство физического и патриотического воспитания студенческой молодежи.

Список источников

1. Смолевский В.М., Ивлев Б.К. Нетрадиционные виды гимнастики. М. : Просвещение, 1992.
2. Курьсь В.Н., Гзирьян Р.В. Ритм в музыке и ритмической гимнастике // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2014. № 5 (111). С. 82–87.
3. Ибрагимов Г.Г. Этническая музыка в ритмической гимнастике // Гуманитарные исследования. 2010. № 1 (33). С. 201–205.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2003.
5. Чжэн Бисун. Теоретический анализ понятия «Ритмопластика» в музыкально-ритмическом обучении хореографии // МНКО. 2019. № 4 (77). С. 16–17.
6. Уварова Г.А. Ритмика Э. Жак-Далькроза и театральное искусство // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2014. № 3. С. 176–201.
7. Буренина А.И. Ритмическая мозаика: программа по ритмической пластике для детей младшего школьного возраста. СПб., 2000.
8. Мартиросова Т.А., Кондрашова Е.Д., Логинов Д.В. Историко-аналитический подход к развитию художественной гимнастики в России // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (далее – Вестник КГПУ). 2020. № 4 (54). С. 80–87.
9. Крадман Д.А. Истоки выразительного движения // Физическая культура и спорт. 1969. № 2. С. 24–25.
10. Дементи Г. Воспитание усилия. Петроград, 1915. 209 с.
11. Жак Далькроз Э. Ритм. Его воспитательное значение для жизни и искусства. 6 лекций. СПб. : Театр и искусство, 1913. 60 с.
12. Александрова Н.Г. О ритмическом воспитании. М. : Муз. отдел НКП, 1920. 7 с.
13. Александрова Н.Г. Ритмическое воспитание. М., 1924. 16 с.
14. Пашкова Т.В. Преемственность преподавания ритмики в московской балетной школе // Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. 2024. № 2 (58). С. 38–45.
15. Лисицкая Т.С. Ритмическая гимнастика (230 упражнений). М. : ФиС, 1987.
16. Смолевский В.М. О научно-методическом обосновании массовой гимнастики // Гимнастика. М., 1985. Вып. 2. С. 8–13.
17. Кострицкая И.В. Музыкально-ритмическое воспитание в разных педагогических практиках : теоретический анализ // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2006. № 1. С. 55–58.
18. Уварова Г.А. Эвритмика и танец: к истории взаимодействия хореографии и метода Эмиля Жак-Далькроза // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2021. № 5 (76). С. 19–34.
19. Ефремова Н.И. Ритмика Э. Жак-Далькроза: вчера, сегодня, завтра // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 109–114.
20. Ротерс Т.Т. Ритмопедагогика в контексте духовно-физического развития школьников // Духовные особенности: методология, теория и практика. 2011. № 1. С. 151–159.
21. Golovanov S.A. Restoration of psychoemotional status and motor properties of children aged 7–10 with the help of rhythmic gymnastics // Medicus. 2024. № 8 (62). P. 6–9.
22. Фомина Н.А. Формирование двигательных, интеллектуальных и психомоторных способностей детей 4–6 лет средствами ритмической гимнастики сюжетно-ролевой направленности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 24 с.
23. Домаева Т.П. Ритмическая гимнастика как одно из средств оздоровления дошкольников // Дошкольная педагогика. 2013. № 5 (90). С. 43–46.
24. Расулов М.М., Катилина М.И., Зоря И.С. Эффективность занятий ритмической гимнастикой в «Школе здоровья» // Теория и практика физической культуры. 2011. № 6. С. 54–56.
25. Ступина Г.Е. Влияние средств ритмической гимнастики на показатели физической подготовленности и психоэмоционального состояния подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2005. 22 с.
26. Исаева Т.А. Влияние дополнительных занятий ритмической гимнастикой на морфофункциональное состояние школьниц 15–16 лет : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 2004. 22 с.
27. Ибрагимова Х.С. Развитие музыкально-ритмических компетенций у студентов педагогических вузов // Наука и образование сегодня. 2022. № 2 (71). С. 81–83.
28. Афтимичук О.Е., Кузнецова З.М. Значимость ритма в системе профессиональной педагогической и спортивной подготовки // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. № 2 (35). С. 28–36.
29. Чесновская Г.Ч., Пирогова Л.А. Ритмическая гимнастика как средство оздоровления студентов Гродненского государственного медицинского университета // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2004. № 1 (5). С. 77–79.
30. Басханов С.Г. Влияние занятий ритмической гимнастикой на психофизиологическое состояние студентов // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 19, № 2 (22). С. 144–147.
31. Грудницкая Н.Н. Релаксационная ритмическая гимнастика как средство совершенствования психофизиологических и функциональных возможностей студентов // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 10. С. 33–37.
32. Пирназарова Н.Л. Медико-биологические основы физического воспитания студентов (на примере ритмической гимнастики) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Биология, клиническая медицина. 2006. Т. 4, № 2. С. 90–95.
33. Полункина Т.И., Ершкова Е.В. Особенности методики занятий оздоровительной ритмической гимнастикой с женщинами 25–35 лет с использованием атлетических упражнений // Теория и практика физической культуры. 2010. № 10. С. 26.
34. Кузьменко Н.В. Вплив ритмічної гімнастики на розвиток функцій різних систем організму // Актуальні наукові дослідження в сучасному світі. 2020. № 1-4 (57). Р. 94–97.
35. Соколова И.В. Ритмическая гимнастика как фактор здорового образа жизни : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. 21 с.
36. Курьсь В.Н., Денисенко В.С., Гзирьян Р.В. Опережающая физическая подготовка и ритмическая гимнастика как средства формирования профессионального здоровья студентов педагогических направлений // Физическая культура и спорт в вузе: современные тенденции и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Ставрополь, 19–21 ноября 2015 г. / науч. ред. К.М. Смышнов. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. С. 246–250.

37. Поздеева Е.А., Маркин Э.В., Коричко Ю.В., Давыдова С.А. Взаимосвязь способности к воспроизведению ритма движений с развитием психических функций студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 7. С. 74–76.
38. Тихомиров А.К., Дубровская И.Н. Опыт использования методики оценки физического состояния девушек 17–19 лет, занимающихся ритмической гимнастикой // ЛФК и массаж. Лечебная физическая культура и массаж. 2007. № 1 (37). С. 36–39.
39. Арепина Н.Ю. Физиологическая характеристика ритмической гимнастики по трем ступеням физической нагрузки в учебном процессе вуза : дис. ... канд. биол. наук. Тверь, 2013. 159 с.
40. Бермудес Д.В. Современные направления развития ритмической гимнастики как средство повышения уровня физического развития и физической подготовленности студентов // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2006. № 12. С. 7–10.
41. Венгерова Н.Н. Влияние различных двигательных режимов ритмической гимнастики на состояние здоровья и физическую работоспособность студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1993. 17 с.
42. Sergeev A.A., Chernyshova O.B., Baidildina A.Ye. Influence of rhythmic gymnastics on the development of coordination abilities of young football players // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2020. № 2 (78). Р. 33–39.
43. Силицына Т.В., Ерохина О.А. Внедрение элементов ритмической гимнастики в процесс начальной подготовки девочек 6 лет в спортивной гимнастике // Перспективы развития научных исследований в 21 веке : сб. материалов VIII междунар. науч.-практ. конф. Махачкала, 28 июня 2015 г. Махачкала, 2015. С. 93–95.
44. Кудашова Л.Т. Ритмическая гимнастика в системе производственной физической культуры женщин, занятых в сфере умственного труда : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1989. 22 с.

References

1. Smolevskiy, V.M. & Ivlev, B.K. (1992) *Netraditsionnye vidy gimnastiki* [Non-Traditional Types of Gymnastics]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Kurys', V.N. & Gzir'yan, R.V. (2014) *Ritm v muzyke i ritmicheskoy gimnastike* [Rhythm in Music and Rhythmic Gymnastics]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 5 (111). pp. 82–87.
3. Ibragimov, G.G. (2010) *Etnicheskaya muzyka v ritmicheskoy gimnastike* [Ethnic Music in Rhythmic Gymnastics]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 1 (33). pp. 201–205.
4. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: IRL.
5. Chzheng, B. (2019) *Teoreticheskiy analiz ponyatiya "Ritmoplastika" v muzykal'no-ritmicheskom obuchenii khoreografii* [Theoretical Analysis of the Concept of "Rhythmoplasty" in Musical-Rhythmic Training in Choreography]. *MNKO*. 4 (77). pp. 16–17.
6. Uvarova, G.A. (2014) *Ritmika E. Zhak-Dal'kroza i teatral'noe iskusstvo* [The Rhythmics of É. Jaques-Dalcroze and Theatrical Art]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*. 3. pp. 176–201.
7. Burenina, A.I. (2000) *Ritmicheskaya mozaika: programma po ritmicheskoy plastike dlya detey mladshego shkol'nogo vozrasta* [Rhythmic Mosaic: A Program in Rhythmic Plastic Arts for Primary School Children]. St. Petersburg.
8. Martirosova, T.A., Kondrashova, E.D. & Loginov, D.V. (2020) *Istoriko-analiticheskiy podkhod k razvitiyu khudozhestvennoy gimnastiki v Rossii* [Historical-Analytical Approach to the Development of Rhythmic Gymnastics in Russia]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. 4 (54). pp. 80–87.
9. Kradman, D.A. (1969) *Istoki vyrazitel'nogo dvizheniya* [The Origins of Expressive Movement]. *Fizicheskaya kul'tura i sport*. 2. pp. 24–25.
10. Dement, G. (1915) *Vospitanie usiliya* [Education of Effort]. Petrograd.
11. Jaques-Dalcroze, É. (1913) *Ritm. Ego vospitatel'noe znachenie dlya zhizni i iskusstva. 6 lektsiy* [Rhythm. Its Educational Significance for Life and Art. 6 Lectures]. St. Petersburg: Teatr i iskusstvo.
12. Aleksandrova, N.G. (1920) *O ritmicheskom vospitanii* [On Rhythmic Education]. Moscow: Muz. otel NKP.
13. Aleksandrova, N.G. (1924) *Ritmicheskoe vospitanie* [Rhythmic Education]. Moscow.
14. Pashkova, T.V. (2024) *Preemstvennost' prepodavaniya ritmiki v moskovskoy baletnoy shkole* [Continuity in Teaching Rhythmics at the Moscow Ballet School]. *Academia: Tanets. Muzyka. Teatr. Obrazovanie*. 2 (58). pp. 38–45.
15. Lisitskaya, T.S. (1987) *Ritmicheskaya gimnastika (230 upravleniy)* [Rhythmic Gymnastics (230 Exercises)]. Moscow: FiS.
16. Smolevskiy, V.M. (1985) *O nauchno-metodicheskom obosnovanii massovoy gimnastiki* [On the Scientific-Methodological Substantiation of Mass Gymnastics]. *Gimnastika*. 2. pp. 8–13.
17. Kostritskaya, I.V. (2006) *Muzykal'no-ritmicheskoe vospitanie v raznykh pedagogicheskikh praktikakh: teoreticheskiy analiz* [Musical-Rhythmic Education in Various Pedagogical Practices: A Theoretical Analysis]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva*. 1. pp. 55–58.
18. Uvarova, G.A. (2021) *Evritmika i tanets: k istorii vzaimodeystviya khoreografii i metoda Emilya Zhak-Dal'kroza* [Eurhythmics and Dance: On the History of the Interaction of Choreography and the Method of Émile Jaques-Dalcroze]. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoy*. 5 (76). pp. 19–34.
19. Efremova, N.I. (2013) *Ritmika E. Zhak-Dal'kroza: vchera, segodnya, zavtra* [The Rhythmics of É. Jaques-Dalcroze: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 1 (33). pp. 109–114.
20. Roters, T.T. (2011) *Ritmopedagogika v kontekste dukhovno-fizicheskogo razvitiya shkol'nikov* [Rhythm Pedagogy in the Context of Spiritual-Physical Development of Schoolchildren]. *Dukhovnye osobennosti: metodologiya, teoriya i praktika*. 1. pp. 151–159.
21. Golovanov, S.A. (2024) *Restoration of psychoemotional status and motor properties of children aged 7–10 with the help of rhythmic gymnastics*. *Medicus*. 8 (62). pp. 6–9.
22. Fomina, N.A. (1996) *Formirovanie dvigatel'nykh, intellektual'nykh i psikhomotornykh sposobnostey detey 4–6 let sredstvami ritmicheskoy gimnastiki syuzhetno-rol'noy napravlenosti* [Formation of Motor, Intellectual and Psychomotor Abilities of Children Aged 4–6 by Means of Rhythmic Gymnastics with a Plot-Role Orientation]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Volgograd.
23. Domaeva, T.P. (2013) *Ritmicheskaya gimnastika kak odno iz sredstv ozdorovleniya doshkol'nikov* [Rhythmic Gymnastics as One of the Means of Improving the Health of Preschoolers]. *Doshkol'naya pedagogika*. 5 (90). pp. 43–46.
24. Rasulov, M.M., Katilina, M.I. & Zorya, I.S. (2011) *Effektivnost' zanyatiy ritmicheskoy gimnastikoy v "Shkole zdorov'ya"* [Effectiveness of Rhythmic Gymnastics Classes in the "Health School"]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 54–56.
25. Stupina, G.E. (2005) *Vliyaniye sredstv ritmicheskoy gimnastiki na pokazateli fizicheskoy podgotovlennosti i psi-khoemotsional'nogo sostoyaniya podrostkov* [The Influence of Rhythmic Gymnastics Means on Indicators of Physical Fitness and Psycho-Emotional State of Adolescents]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Yaroslavl.
26. Isaeva, T.A. (2004) *Vliyaniye dopolnitel'nykh zanyatiy ritmicheskoy gimnastikoy na morfofunktsional'noe sostoyaniye shkol'nits 15–16 let* [The Influence of Additional Rhythmic Gymnastics Classes on the Morphofunctional State of Schoolgirls Aged 15–16]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Malakhovka.
27. Ibragimova, Kh.S. (2022) *Razvitie muzykal'no-ritmicheskikh kompetentsiy u studentov pedagogicheskikh vuzov* [Development of Musical-Rhythmic Competencies among Students of Pedagogical Universities]. *Nauka i obrazovanie segodnya*. 2 (71). pp. 81–83.
28. Aftimichuk, O.E. & Kuznetsova, Z.M. (2015) *Znachimost' ritma v sisteme professional'noy pedagogicheskoy i sportivnoy podgotovki* [The Significance of Rhythm in the System of Professional Pedagogical and Sports Training]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*. 2 (35). pp. 28–36.

29. Chesnovskaya, G.Ch. & Pirogova, L.A. (2004) Ritmicheskaya gimnastika kak sredstvo ozdorovleniya studentok Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Rhythmic Gymnastics as a Means of Improving the Health of Female Students at Grodno State Medical University]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. 1 (5). pp. 77–79.
30. Baskhanov, S.G. (2018) Vliyaniye zanyatiy ritmicheskoy gimnastikoy na psikhofiziologicheskoe sostoyaniye studentok [The Influence of Rhythmic Gymnastics Classes on the Psychophysiological State of Female Students]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 19 (2). pp. 144–147.
31. Grudnitskaya, N.N. (2009) Relaksatsionnaya ritmicheskaya gimnastika kak sredstvo sovershenstvovaniya psikhofiziologicheskikh i funktsional'nykh vozmozhnostey studentok [Relaxation Rhythmic Gymnastics as a Means of Improving the Psychophysiological and Functional Capabilities of Female Students]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 10. pp. 33–37.
32. Pirnazarova, N.L. (2006) Mediko-biologicheskie osnovy fizicheskogo vospitaniya studentok (na primere ritmicheskoy gimnastiki) [Medical-Biological Foundations of Physical Education for Female Students (on the Example of Rhythmic Gymnastics)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Biologiya, klinicheskaya meditsina*. 4 (2). pp. 90–95.
33. Polunina, T.I. & Ershkova, E.V. (2010) Osobennosti metodiki zanyatiy ozdorovitel'noy ritmicheskoy gimnastikoy s zhenshchinami 25–35 let s ispol'zovaniem atleticheskikh uprazhneniy [Features of the Methodology of Health-Improving Rhythmic Gymnastics with Women Aged 25–35 Using Athletic Exercises]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. p. 26.
34. Kuz'menko, N.V. (2020) Vplyv rytmichnoi himnastyky na rozvytok funktsii riznykh system orhanizmu [The Influence of Rhythmic Gymnastics on the Development of Functions of Various Body Systems]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennoy mire*. 1-4 (57). pp. 94–97. (In Ukrainian)
35. Sokolova, I.V. (2000) *Ritmicheskaya gimnastika kak faktor zdorovogo obraza zhizni* [Rhythmic Gymnastics as a Factor of a Healthy Lifestyle]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.
36. Kurys', V.N., Denisenko, V.S. & Gzir'yan, R.V. (2015) Operezhayushchaya fizicheskaya podgotovka i ritmicheskaya gimnastika kak sredstva formirovaniya professional'nogo zdorov'ya studentov pedagogicheskikh napravleniy [Advance Physical Training and Rhythmic Gymnastics as Means of Forming Professional Health of Students of Pedagogical Directions]. In: Smyshnov, K.M. (ed.) *Fizicheskaya kul'tura i sport v vuzе: sovremennyye tendentsii i praktiki* [Physical Education and Sports in the University: Current Trends and Practices]. Conference Proceedings. Stavropol. November 19–21, 2015. Stavropol: North Caucasus Federal University. pp. 246–250.
37. Pozdeeva, E.A., Markin, E.V., Korichko, Yu.V. & Davydova, S.A. (2022) Vzaimosvyaz' sposobnosti k vosproizvedeniyu ritma dvizheniy s razvitiem psikhicheskikh funktsiy studentok [The Relationship between the Ability to Reproduce the Rhythm of Movements and the Development of Mental Functions of Female Students]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 7. pp. 74–76.
38. Tikhomirov, A.K. & Dubrovskaya, I.N. (2007) Opyt ispol'zovaniya metodiki otsenki fizicheskogo sostoyaniya devushek 17–19 let, zanimayushchikhsya ritmicheskoy gimnastikoy [Experience in Using a Methodology for Assessing the Physical Condition of Girls Aged 17–19 Engaged in Rhythmic Gymnastics]. *LFK i massazh. Lechebnaya fizicheskaya kul'tura i massazh*. 1 (37). pp. 36–39.
39. Arepina, N.Yu. (2013) *Fiziologicheskaya kharakteristika ritmicheskoy gimnastiki po trem stepenyam fizicheskoy nagruzki v uchebnom protsesse vuzа* [Physiological Characteristics of Rhythmic Gymnastics According to Three Levels of Physical Load in the University Educational Process]. Biology Cand. Diss. Tver.
40. Bermudes, D.V. (2006) Sovremennyye napravleniya ritmicheskoy gimnastiki kak sredstvo povysheniya urovnya fizicheskogo razvitiya i fizicheskoy podgotovlennosti studentok [Modern Directions of Rhythmic Gymnastics as a Means of Increasing the Level of Physical Development and Physical Fitness of Female Students]. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta*. 12. pp. 7–10.
41. Vengerova, N.N. (1993) Vliyaniye razlichnykh dvigatel'nykh rezhimov ritmicheskoy gimnastiki na sostoyaniye zdorov'ya i fizicheskuyu rabotosposobnost' studentok [The Influence of Various Motor Regimes of Rhythmic Gymnastics on the Health Status and Physical Performance of Female Students]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. St. Petersburg.
42. Sergeev, A.A., Chernyshova, O.B. & Baidildina, A.Ye. (2020) Influence of rhythmic gymnastics on the development of coordination abilities of young football players. *Vestnik Innovatsionnogo Evraziyskogo universiteta -- Herald of Innovative Eurasian University*. 2 (78). pp. 33–39.
43. Sinitsyna, T.V. & Erokhina, O.A. (2015) Vnedrenie elementov ritmicheskoy gimnastiki v protsess nachal'noy podgotovki devochek 6 let v sportivnoy gimnastike [Introduction of Elements of Rhythmic Gymnastics into the Process of Initial Training of 6-Year-Old Girls in Artistic Gymnastics]. In: *Perspektivy razvitiya nauchnykh issledovaniy v 21 veke* [Prospects for the development of scientific research in the 21st century]. Proceedings of the VIII International Conference. Makhachkala. 28 June 2015. Makhachkala. pp. 93–95.
44. Kudashova, L.T. (1989) *Ritmicheskaya gimnastika v sisteme proizvodstvennoy fizicheskoy kul'tury zhenshchin, zanyatykh v sfere umstvennogo truda* [Rhythmic Gymnastics in the System of Industrial Physical Culture for Women Engaged in Mental Labor]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Leningrad.

Информация об авторах:

Поздеева Е.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Московского государственного строительного университета (Москва, Россия). E-mail: lena.pozdeewa@mail.ru

Фролова Н.Н. – канд. биол. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Московского государственного строительного университета (Москва, Россия). E-mail: pr-azdnik@yandex.ru

Козлова М.Г. – старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Московского государственного строительного университета (Москва, Россия). E-mail: KozlovaMG@mgsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Pozdeeva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Moscow State University of Civil Engineering (Moscow, Russian Federation). E-mail: lena.pozdeewa@mail.ru

N.N. Frolova, Cand. Sci. (Biology), associate professor, Moscow State University of Civil Engineering (Moscow, Russian Federation). E-mail: pr-azdnik@yandex.ru

M.G. Kozlova, senior lecturer, Moscow State University of Civil Engineering (Moscow, Russian Federation). E-mail: KozlovaMG@mgsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 04.09.2025;
approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/520/24

Трансформация педагогической этики в эпоху искусственного интеллекта: этические ориентиры педагога

Ольга Александровна Стрелкова¹, Наталья Васильевна Маклакова², Екатерина Сергеевна Хованская³

¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

^{2, 3} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ Olgstrel12@yandex.ru

² natalim16@mail.ru

³ katja.khovanskaya@gmail.com

Аннотация. Актуализирована проблема этической составляющей использования искусственного интеллекта (ИИ) в обучении. Проведен анализ этического применения ИИ в образовании, который позволил выделить нормативный, этический, организационный и технологический аспекты. Получены данные о целевой установке и частоте использования сервисов ИИ педагогами школ и вузов. Сделаны выводы о границах возможного применения педагогами ИИ в развитии и воспитании обучающихся. Определены научно-методические основания для разработки этических рамок использования ИИ в учебном процессе образовательной организации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, педагогическая этика, этические аспекты; комплексный подход, турбулентность

Для цитирования: Стрелкова О.А., Маклакова Н.В., Хованская Е.С. Трансформация педагогической этики в эпоху искусственного интеллекта: этические ориентиры педагога // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 223–232. doi: 10.17223/15617793/520/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/24

Transformation of pedagogical ethics in the age of artificial intelligence: Ethical guidelines for educators

Olga A. Strelkova¹, Nataliya V. Maklakova², Ekaterina S. Khovanskaya³

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

^{2, 3} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ Olgstrel12@yandex.ru

² natalim16@mail.ru

³ katja.khovanskaya@gmail.com

Abstract. The article presents a comprehensive study of the transformations in pedagogical ethics under the conditions of AI integration into education. This is based on a theoretical analysis of existing concepts and an empirical identification of contemporary ethical guidelines among practicing teachers, drawing on the results of a large-scale online survey of education professionals. The study was grounded in the principle of an interdisciplinary approach, combining achievements from pedagogy, ethics, information technology, and sociology. The following methods were employed: theoretical methods (content analysis and synthesis of research data, regulatory documents, and practical recommendations for AI application in education; comparative analysis of domestic and international experience in the ethically sound use of AI; SWOT analysis); as well as interpretation of survey data from practicing university lecturers and school teachers in the Russian Federation to identify current attitudes toward AI, its positive and negative impacts in the sphere of education, and potential risks of AI application for all participants in the educational process in Russia; quantitative and qualitative analysis, and descriptive statistics methods. The research was conducted in several stages: a theoretical investigation of modern approaches to the problem and of domestic and international experience; conducting a survey followed by interviews; interpretation of the results; and the development of practical recommendations. The results of the study showed that the ethical application of AI in education requires not only technical but also philosophical and legal solutions, the development and implementation of an ethical code in education, and the clarification of the legal status of AI in Russia. The question of the boundaries for the possible application of AI in child development and upbringing remains open, which necessitates extensive awareness-raising work among all participants in the educational process, including issues of safe and ethically sound AI use. The conclusions drawn in the study can serve as a scientific and methodological basis for developing recommendations to optimize the process of AI integration into the educational process. These pertain to a set of measures including, for example: enhancing digital ethical literacy and developing the digital competence of future and practicing teachers through the creation and integration of an AI ethics course into university curricula and professional development programs; organizing an interdisciplinary approach to studying the ethical problems of AI use in education at the state level; creating transparent and accountable AI systems focused on fairness and inclusivity;

continuous monitoring of the quality of ethical AI application in the educational process; and the development of domestic AI products considering the specifics of education, etc.

Keywords: artificial intelligence, pedagogical ethics, ethical aspects; comprehensive approach, turbulence

For citation: Strelkova, O.A., Maklakova, N.V. & Khovanskaya, E.S. (2025) Transformation of pedagogical ethics in the age of artificial intelligence: Ethical guidelines for educators. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 223–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/24

Введение

Не прошло и пары десятилетий, как цифровая революция полностью изменила наш мир. Развитие Интернета, всеобщая цифровизация и формирование цифровой экономики привели к кардинальной трансформации традиционных представлений о реальности, ознаменовав наступление эпохи VUCA-мира, определяемой характерными чертами (Volatility – постоянная изменчивость, Uncertainty – непрекращающаяся неопределенность, Complexity – нарастающая сложность, Ambiguity – множественность смыслов и интерпретаций) [1]. Поразительно, что к рубежу столетий человечество накопило приблизительно пять эксабайт информации. Для сравнения: сегодня такой же объем данных генерируется всего за двое суток, и этот показатель, по мнению ученых, продолжает расти с невероятной скоростью. В этих условиях особую роль играют технологии обработки данных и искусственный интеллект, которые помогают справляться с потоками информации и принимать взвешенные решения в условиях турбулентности социальной, культурной и технологической среды [2].

Сегодня исследователи ставят вопрос «о комплексной, начиная с детства, системе подготовки “цифровых граждан” – людей VUCA-мира, подготовленных к использованию возможностей цифровых технологий и защите от опасных последствий, в том числе в киберпространстве» [2. С. 115]. Такая мера, с их точки зрения, поможет снизить «кибервиктимизацию», развить «массовую и индивидуальную культуру безопасности при использовании цифровых технологий», и, как следствие, повысить техническую грамотность населения. При этом в структуру «цифрового гражданства» предлагается включить: цифровой доступ, цифровую торговлю, цифровую коммуникацию, цифровую грамотность, цифровой этикет, цифровое законодательство, цифровые права и обязанности, цифровое здоровье и благополучие, цифровую безопасность [3].

Формирование, например, цифровой грамотности (умение эффективно использовать цифровые технологии), этикета (правила поведения в онлайн-пространстве), прав и обязанностей (понимание своих законных возможностей и ответственности) или безопасности (защита личных данных и конфиденциальной информации) – это непрерывный процесс, который начинается с самого раннего возраста, буквально с детского сада. Формирование и развитие цифровой грамотности происходит через постоянное обучение и социализацию, становясь неотъемлемой частью современного образования и жизни в целом.

Следует отметить, что за последние десятилетия российская система образования, оказавшись перед

лицом серьезных испытаний, связанных с турбулентностью современного мира, оперативно реагируя на все вызовы времени и разрабатывая новые подходы к обучению цифровых граждан, демонстрирует способность к трансформации. Это позволяет ей оставаться актуальной и отвечать потребностям современного общества.

Если перевести VUCA-мир в плоскость образования, то можно расшифровать аббревиатуру как V – изменение образовательных потребностей, U – непредсказуемость технологических трендов, C – многообразие образовательных траекторий, A – противоречивость результатов внедрения инноваций. В сфере образования турбулентность – это время неожиданных адаптивных и инновационных решений, начиная с создания эффективной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней, реструктуризации сети вузов, появления массового высшего образования [4] до принятия нового перечня списка специальностей под влиянием ИИ, который должен опережать потребности работодателя и ориентироваться на достижение технологического лидерства страны [5]. Согласно Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 г. [6] в России сегодня происходит ускоренное внедрение технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта, как в отрасли экономики, общественных отношений, в образовании. Указ Президента России от 15 февраля 2024 г. № 124, внесший изменения и дополнения в Указ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», регулирует процессы развития, внедрения и применения искусственного интеллекта, в том числе и в образовании, в первую очередь определяя приоритеты и векторы развития вузов страны, призванные обеспечить обучающихся условиями для формирования цифровых компетенций и навыков использования цифровых технологий. Так, МФТИ им. Н.Э. Баумана и МГТУ создали виртуального преподавателя [7], НИУ ВШЭ интегрировал ИИ в систему консультирования студентов и преподавателей [8], Казанский федеральный университет применил ИИ для создания цифровых аватаров студентов и преподавателей, стал участником проекта по использованию искусственного интеллекта для проверки дипломов на предмет плагиата и сгенерированного ИИ текста [9], на базе Московского педагогического государственного университета открыты курсы повышения квалификации для педагогов, раскрывающие возможности искусственного интеллекта в образовании (с применением ЭОиДОТ) [10]. И это лишь немногие примеры работы вузов России в этом направлении.

Безусловно, внедрение ИИ в образовательный процесс является, с одной стороны, инструментом для преодоления вызовов VUCA-мира, открывает новые возможности и позволяет повысить эффективность, существенно оптимизировать процесс обучения и преподавания, при этом сохраняя качество. Однако, с другой стороны, искусственный интеллект в образовании одновременно и усиливает эти вызовы, требуя от всех участников образовательного процесса освоения методов интеграции ИИ-инструментов в учебный процесс, постоянное повышение цифровой грамотности и др. Согласно той же Национальной стратегии, «отсутствие понимания того, как искусственный интеллект достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и становится одним из препятствий для их развития» (параграф 2 пункт 8) [6]. Среди комплекса мер по укреплению России в сфере ИИ ключевой в Стратегии является повышение уровня доверия граждан к технологиям ИИ до 80%, в связи с чем поставлена задача увеличения публикаций российских авторов на конференциях в области искусственного интеллекта уровня А+ и в журналах первого квартиля «Белого списка» к 2030 г., которые должны вырасти не менее чем до 450 публикаций в год по сравнению со 113 и 103 публикациями в 2022 г. (в рамках выполнения задачи, указанной в подпункте «в» пункта 24) [6. П. 24, г, д]. Такие меры направлены, с одной стороны, на разъяснение гражданам о всех преимуществах и рисках ИИ, одновременно и на укрепление международного научного авторитета российских исследователей в сфере ИИ.

Педагоги вузов, а теперь и школьные учителя задумываются над тем, каким должен быть реальный образовательный процесс с применением ИИ, чтобы сохранить комбинацию не противоположных, а взаимодополняющих подходов «high-tech» и «high-touch», которые вместе формируют современную, эффективную и гуманную образовательную систему, гибкую, индивидуализированную и эффективную образовательную среду, где технологии усиливают роль учителя, а не заменяют его. Как сохранить качество и гуманистическую направленность образования, при этом избежать рисков и социальных проблем [11, 12]? Поэтому становится особенно актуальным вопрос об этических рамках использования ИИ в образовании, поскольку именно этические основы могут стать тем «якорем», который поможет преподавателю правильно сориентироваться в создавшейся ситуации.

Успешное внедрение ИИ в образование в период турбулентности возможно на основе эффективной нормативной базы, например Кодекса этики в сфере ИИ, который на данный момент представляет собой систему рекомендательных принципов и правил для разработчиков, предназначенных для создания среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта в России (присоединение к нему осуществляется на добровольной основе) [13] и методических рекомендаций для всех участников образовательного процесса. Критериями эффективности могут выступать как качественные, так и количественные метрики.

Например, качественными будут выступать: уровень удовлетворенности участников образовательного процесса, качество образовательных ресурсов, повышение качества образования через мониторинг данных об успеваемости, выявление проблем для дальнейшей коррекции, эффективность использования ресурсов, формирование культуры ответственного использования технологий; к количественным показателям можно отнести доступность образовательных сервисов, расширение охвата и возможностей для тех, кто ранее имел ограниченный доступ (обучающиеся с ОВЗ), а также скорость адаптации к изменениям, показатели безопасности, прозрачность принятия решений, экономическая эффективность.

Материалы и методы исследования

Исследование проблем этичности применения искусственного интеллекта в образовании на современном этапе базировалось на принципе междисциплинарного подхода, объединяющего достижения педагогики, этики, информационных технологий и социологии, а также на следующих методах: теоретический (анализ и обобщение данных исследований, нормативно-правовых документов и практических рекомендаций по применению ИИ, в том числе в образовании, сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта этически грамотного применения ИИ), анализ данных анкетирования с последующим уточняющим интервьюированием практикующих преподавателей вузов и учителей школ РФ с целью выявления реального на данном этапе отношения к ИИ, положительного и отрицательного влияния ИИ в сфере образования. Для выявления потенциальных рисков применения ИИ для всех участников образовательного процесса в России использовался количественный и качественный анализ, методы описательной статистики, SWOT-анализ и контент-анализ.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов для дальнейшего теоретического и практического исследования данной проблемы, а также для совершенствования нормативно-правовых отношений и методических рекомендаций по этичному применению ИИ в образовательном процессе.

Структура исследования включает анализ текущей ситуации, исследование отечественного и зарубежного опыта, оценку текущего состояния и перспектив развития этических норм применения ИИ в образовании, а также разработку практических рекомендаций.

Обзор литературы

Исследование показывает, что начало глобальной цифровизации образования, так называемой гонки онлайн-образования, во многом связано с появлением массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в начале XXI в., которые задали новый тренд в сфере образования в мире, задуманные как инструмент продвижения вузов в международном пространстве, популяризации культуры страны, а также способ привлечения дополнительного дохода [14].

МООК разрабатывались в первую очередь для сферы высшего образования, предполагалось, что те же знания и навыки можно будет получить с помощью МООК, но быстрее, с меньшими затратами и в более престижном учебном заведении, чем в традиционном высшем образовании. Большим преимуществом стал тот факт, что физическое присутствие в аудитории больше не требовалось, что облегчало студентам посещение занятий, организованных международными организациями [15]. Однако по прошествии времени появились критические замечания в адрес существующих МООК: во-первых, речь шла о социальном и экономическом неравенстве и несовершенстве в доступности МООК курсов (социальные и образовательные различия – успешнее проходили курс студенты с более высоким уровнем базового образования, финансами и доступом к технологиям), во-вторых, встал вопрос о технической инфраструктуре (курсы требуют стабильного интернет-соединения, наличие базовых цифровых навыков, что несовместимо с условиями для людей из менее обеспеченных слоев населения), в-третьих, возникали культурные и языковые барьеры. В целом наблюдался низкий уровень завершения курсов. В среднем только 22% участников доходили до конца, что указывало на проблему удержания и вовлечения обучающихся. Отмечалось также отсутствие персонализированности и поддержки, например, тем, кто имел психологические или учебные трудности [16]. Остро встал вопрос о качестве и адаптации контента, поскольку не было четкой экспертизы курсов на предмет качества содержания. Так, Джеймс Вернон, профессор истории Калифорнийского университета в Беркли, в статье издательству Гардиан 2013 г. писал, что онлайн-образование посредством массовых открытых онлайн-курсов (МООК) часто сопряжено с проблемами. Во-первых, он отметил, что, несмотря на бесплатность, МООК нерентабельны и могут даже не покрывать свои базовые расходы. Более того, Вернон утверждал, что качество такого образования сложно эффективно контролировать, что еще больше усугубляется, когда в продаже курсов участвуют компании. Автор подчеркивал, что МООК предоставляют доступ к высшему образованию студентам с низкой успеваемостью, и что ученые в целом не в восторге от этой формы онлайн высшего образования. Вернон был убежден, что распространение МООК – это «лавина», которая не может остаться безнаказанной из-за серьезных финансовых и качественных проблем [17]. Таким образом, несмотря на потенциал онлайн-курсов как демократического инструмента образования, обнаружившиеся недостатки и ограничения потребовали дальнейших улучшений в дизайне и реализации курсов и положили начало глобальной дискуссии об этическом и неэтическом в сфере цифрового образования.

С момента появления ИИ в середине XX в. научная сфера неоднократно переживала периоды активного интереса, которые сменялись разочарованием и критикой. За все время развития этой области науки можно выделить три волны прогресса. В настоящее время ИИ переживает очередной этап активного развития благодаря появлению технологии глубокого обучения (deep

learning) как особого класса машинного обучения, основанного на алгоритмах, которые совершенствуются на основе обработки данных. Данная технология позволила решить задачи, которые ранее считались невыполнимыми. Deep learning представляет из себя технологию общего назначения (General Purpose Technology–GPT), которая нашла широкое применение в разных сферах человеческой деятельности: в медицинской диагностике, разработке беспилотных транспортных средств, в борьбе с фейковыми новостями и аккаунтами в мессенджерах, и, безусловно, в образовании [15].

В целом ИИ в образовании применяется для передачи знаний, с учетом индивидуальных потребностей и особенностей обучающихся, для оценки знаний и навыков, а также для информирования преподавателей об успеваемости и достижениях обучающихся. В зависимости от степени автономности использования ИИ в образовательном процессе существует три основных уровня, безусловно, предполагающих роль и степень включенности в процесс учителя и обучающегося:

1. Базовый уровень – ИИ собирает и систематизирует данные об успеваемости обучающегося, представляет их учителю.

2. Средний уровень – ИИ не только собирает информацию, но и анализирует и интерпретирует ее, формируя готовые выводы для учителя.

3. Продвинутый уровень – ИИ дает прямые рекомендации обучающимся самостоятельно (и, возможно, родителям), действуя без непосредственного участия учителя.

За последние пять лет перечень возможностей ИИ в образовании значительно расширился, университет Сан Диего, например, предлагает список из 39 пунктов [18], среди них можно выделить следующие:

- адаптивные системы обучения – цифровой инструмент обучения, который максимально адаптируется к обучающемуся, оптимизируя процесс обучения и/или повышая успеваемость;

- автоматизированная оценка – метод оценки письменных текстов, таких как рефераты и эссе, без вмешательства человека;

- аналитические панели – могут использоваться для информирования учителя об успеваемости, посещаемости обучающихся;

- ИИ-инструменты, помогающие выявлять дислексию и другие нарушения на ранних стадиях;

- инструменты распознавания речи – поддерживают обучающихся с нарушениями слуха или дислексией;

- дополненная реальность, виртуальная реальность и симуляции – интеграция ИИ с другими цифровыми инновациями. Например, искусственный интеллект, интегрированный с дополненной реальностью с помощью умных очков, позволяет ученику сразу видеть инструкции перед собой. В этих симуляционных средах обучающиеся получают практические инструкции от ИИ, после чего могут сразу же приступить к работе над задачей;

- обучаемые роботы – это новое применение ИИ, заключающееся в использовании роботов для создания новых дидактических методов. Например, в настоящее

время разрабатываются роботы на базе ИИ, которым необходимо обучать учащихся новой информации или навыкам [15].

Наряду с этим, однако, анализ зарубежных и отечественных источников по проблеме этики в сфере ИИ показал, что реальное понимание технологий ИИ формируется преимущественно через практическую работу с различными ИИ-решениями, а не через теоретическую подготовку или следование этическим нормам. Несмотря на то, что «искусственный интеллект в образовании создает синергию технологий и преподавателей, с разной степенью автономности первых и позволяет улучшить результаты обучения» [19], все больше нарастает дискуссия об этически неоднозначных последствиях применения ИИ и гипертрофированных ожиданиях [20]. Например, в зарубежной педагогике существует полемика о применении ИИ в начальной и средней школе (AIPSED), в то время как в России речь идет о подготовке квалифицированных кадров. Так, профессор Дублинского городского университета Михал Вечорек, изучающий этику самоотслеживающих технологий, в обзоре этических вопросов, связанных с применением ИИ в начальной и средней школе, приходит к выводу, что крайне важно привлекать к диалогу все заинтересованные стороны – исследователей, педагогов, администрацию, государство, опираться на эмпирические данные, подчеркивает необходимость обучения цифровой грамотности студентов вузов и учителей школ навыкам, необходимым для понимания AIPSED [20].

В международной практике наиболее успешные модели интеграции ИИ в образование характеризуются комплексным подходом к решению возникающих проблем, включающим технический, нормативно-правовой и этический аспекты. Особое внимание уделяется разработке этических требований применения «надежного ИИ» в образовательной сфере [19. С. 5; 21].

Отечественные и зарубежные нормативные документы [6, 13, 21, 22], регулирующие этические аспекты ИИ, единодушны относительно пяти базовых принципов: обеспечения прозрачности, справедливости, равенства, ответственного использования и конфиденциальности. Прозрачность и понятность связаны, в первую очередь, с самими решениями ИИ, они должны быть понятны и объяснимы при оценивании знаний учащегося, когда все участники образовательного процесса имеют представление, почему была выставлена та или иная отметка. Справедливость и равноправие предполагают объективность ИИ, не допускающего дискриминации по какому бы то ни было основанию (пол, национальность, статус и т.п.). Важно, чтобы в данных, на которых обучается ИИ, не было скрытых предубеждений. Принцип ответственности четко определяет, кто отвечает за ошибки ИИ: разработчики алгоритмов, учебное заведение, которое использует ИИ, или учитель. Эти вопросы пока проработаны слабо. И, наконец, конфиденциальность связана с чувствительной информацией: оценками, поведением, данными о здоровье учащихся и т.п. Вопросы о том, кто имеет до-

ступ к этой информации, как она хранится и защищается от утечек, в каких целях ее можно использовать, на сегодня остаются открытыми [12].

С целью более глубокого исследования предметной области, преимуществ и проблем, тенденций и потенциала этического применения ИИ в образовании был проведен SWOT-анализ, результаты которого представлены в табл. 1.

Таблица 1
SWOT-анализ этического применения ИИ в образовании

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Адаптивность: адаптивность систем к быстро меняющимся условиям. 2. Персонализация обучения: адаптация учебных материалов под индивидуальные особенности обучающихся, возможности для обучающихся с ОВЗ. 3. Объективность оценки: минимизация человеческого фактора при проверке заданий и тестировании. 4. Доступность ресурсов: круглосуточный расширенный доступ к обучающим материалам и поддержке. 5. Автоматизация рутинных процессов и задач при сохранении качества: освобождение времени преподавателей для творческой работы. 6. Аналитика данных: возможность отслеживания прогресса и выявления проблемных зон обучающихся, повышение эффективности любых исследований за счет обработки больших объемов данных. 7. Прогнозирование: прогнозирование результатов на основе больших данных	1. Непрозрачность алгоритмов: конфликт доверия: ИИ-системы vs профессиональная ответственность педагогов, образовательная система может оказаться в плену технологий ИИ, работающих по принципу «черного ящика», чьи алгоритмы остаются загадкой даже для специалистов. 2. Зависимость от технических средств: риск технических сбоев и потери данных. 3. Конфиденциальность данных и справедливости оценки, возможность алгоритмической дискриминации при оценке успеваемости. 4. Цифровой разрыв: неравный доступ к ИИ-технологиям среди обучающихся. 5. Качество данных: зависимость от точности и полноты входных данных. 6. Деперсонализация образовательного процесса: снижение живого взаимодействия между участниками образовательного процесса. 7. Усиление цифрового неравенства. 8. Снижение социальной активности обучающихся. 9. Необходимость постоянной адаптации педагогов. 10. Риск потери профессиональной идентичности. 11. Отсутствие новых образовательных стандартов. 12. Сложность оценки качества заданий, связанная со снижением самостоятельности обучающихся и плагиатом
Возможности	Угрозы
1. Развитие новых цифровых форматов: синергия с другими приложениями цифрового обучения, создание инновационных образовательных решений. 2. Масштабируемость: возможность охвата большого количества обучающихся. 3. Индивидуализация: разработка персонализированных траекторий. 4. Непрерывное образование: life-long learning. 5. Международное сотрудничество: обмен опытом и лучшими практиками	1. Процесс устаревания технологий, обуславливающий необходимость их регулярного обновления и дополнительных финансовых вложений. 2. Риски технических сбоев и потенциальных технологических неисправностей. 3. Кибербезопасность: риски утечки персональных данных. 4. Манипуляции: возможность использовать ИИ для мошенничества. 5. Социальное неравенство: человеческие предубеждения, угроза искажения данных из-за человеческих предрассудков,

Сильные стороны	Слабые стороны
	связанных с расовой принадлежностью или гендером, усиление разрыва между разными социальными группами. 6. Потеря контроля над истинными целям образования: воспитанием и развитием обучающихся. 7. Потеря навыков: риск деградации критического мышления и потери социальных навыков реального мира. 8. Неоправданное применение ИИ: для внедрения ИИ в образовательный процесс необходимы техническая база и качественные данные, поспешность может привести к негативному отношению к технологиям. 9. Регуляторные риски: необходимо время для развития правовой базы и механизмов контроля, адаптации законодательства к новым реалиям. 10. Права на данные: речь о правах на данные, генерируемые на цифровых образовательных платформах: учебное заведение или разработчик. 11. Экономические факторы: высокие затраты на внедрение и поддержку ИИ-систем

Анализ подтверждает тот факт, что этическое применение ИИ в образовательном процессе требует системного и комплексного подхода, включающего в себя преодоление слабых сторон и угроз, через использование сильных сторон и возможностей. Комплексный подход к решению проблем должен в первую очередь включать разработку нормативно-правовой и этической базы применения ИИ, где прописаны все роли и зона ответственности всех участников: разработчиков, администрации учебного заведения, педагогов, обучающихся и родителей. С организационной точки зрения требуется повышение уровня цифровой грамотности и педагогов, и молодежи. Технологическая сторона вопроса требует от разработчиков создания надежных систем защиты, обеспечение технической поддержки. В целом в период турбулентности образовательные программы должны проявлять гибкость, адаптивность, стать антихрупкими.

Исследование международного и отечественного опыта по вопросам применения ИИ в сфере образования, оценка текущего состояния применения ИИ в образовании показали, что соблюдение универсальных этических правил поведения, а также принципов нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ, таких как: безопасность, гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, недискриминация, риск-ориентированный подход, ответственность [6. П. 51 10, п. а–ж], становятся единственным решением и инструментом, своеобразным якорем, позволяющим сохранять устойчивость в условиях нестабильности.

Необходимо выстраивать такую образовательную среду, которая бы обеспечивала защиту персональных

данных и равный доступ к технологиям, учитывала бы возможность алгоритмической дискриминации при оценке успеваемости, возможную потерю когнитивной устойчивости и «клиповое мышление» у обучающихся, предотвращала деперсонализацию образовательного процесса и утрату личной автономии при давлении цифровых платформ, защищала бы от эмоциональной нестабильности и стресса [2].

Результаты и обсуждение

Опытно-экспериментальной базой исследования выступили практикующие учителя школ и преподаватели вузов Москвы и Казани. Всего в опросе приняли участие 125 человек. Анкета включала в себя 14 открытых и закрытых вопросов, охватывая следующие блоки: опыт использования ИИ, этические аспекты использования, контроль и прозрачность, персонализация vs дегуманизация, регулирование и обучение, преимущества и риски использования. Был проведен частотный анализ ответов, качественные данные (открытые вопросы) были обработаны методом контент-анализа с выделением ключевых тем и категорий.

ИИ в системе российского образования – это реальность. Значительная доля педагогов, а именно 78%, уже интегрировала ИИ-инструменты в свою повседневную практику для оптимизации рутинных задач и создания различного рода контента: подготовка материалов (планы уроков, конспекты, тесты, упражнения, генерация идей для уроков и творческих заданий, создание презентаций и изображений, обработка информации) и автоматическая проверка. Данные в табл. 2 показывают, что современный педагог использует целый арсенал цифровых помощников, выбирая инструмент под конкретную задачу. ИИ экономит самый ценный ресурс – время.

Таблица 2
Рейтинг популярности ИИ-инструментов
в практике преподавания

Инструмент	Категория	Доля упоминаний, %
ChatGPT	Универсальная языковая модель / чат-бот	92
DeepSeek	Универсальная языковая модель / чат-бот	78
Яндекс (Учебник, GPT)	Образовательная платформа / чат-бот	65
GigaChat	Универсальная языковая модель / чат-бот	45
Gama	Генератор презентаций	25
Twee	Генератор заданий (для учителей английского языка)	8
Perplexity	ИИ-поисковик	5
Прочие (Kiri, Luma, др.)	Генераторы изображений	>5

Как педагоги вузов, так и школьные учителя продемонстрировали высокую степень осознания этических дилемм. Ранжирование рисков по частоте упоминаний выявило четкую иерархию:

1. Плагият и недобросовестное поведение обучающихся. Данный риск признан главным вызовом.

2. Снижение критического мышления и познавательной активности.

3. Потеря личного контакта с учениками, снижение живого взаимодействия и дегуманизация образовательного процесса.

4. Недостоверность информации, выдаваемой ИИ.

5. Предвзятость алгоритмов и несправедливое оценивание.

6. Утечка персональных данных.

7. Профессиональная деградация.

Самая массовая этическая проблема, которую отметили 98% опрошенных педагогов, – это списывание. Их тревожит, что студенты и школьники перестают самостоятельно мыслить, анализировать и создавать, получая готовые ответы от ИИ. Типичные высказывания, которые встречаются в анкетах («разучатся думать», «бездумное списывание студентами готовых ответов, что приведет к деградации», «отказ от самостоятельного анализа информации», «снижение познавательных способностей детей»), свидетельствуют об обеспокоенности педагогов (72%) тем, что новое поколение не разовьет навыки анализа, проверки информации, формирования собственных выводов и решения нестандартных задач, что является прямым следствием проблемы плагиата. Кроме того, ИИ может генерировать убедительно выглядящую, но ложную или выдуманную информацию, которую обучающиеся могут воспринимать как правду, и учителям придется тратить силы на постоянную перепроверку. Об этом упомянули 58% респондентов.

Значительная часть педагогов видит потенциал ИИ в персонализации обучения («помогает учитывать индивидуальные потребности»). Однако почти такая же группа считает, что ИИ, наоборот, «упрощает подход, игнорируя сложные случаи». Это указывает на то, что текущая реализация через ИИ не идеальна и не удовлетворяет многих практиков.

45% педагогов указали на предвзятость и непрозрачность алгоритмов. Они понимают, что алгоритм может быть запрограммирован с определенными предубеждениями и не сможет учесть творческий подход или нестандартный ход мысли ученика/студента. При использовании онлайн-инструментов возникает вопрос конфиденциальности: 35% преподавателей и учителей беспокоятся о безопасности данных, которые загружаются в различные сервисы.

Важным выводом является наличие метариска: 15% опрошенных выразили беспокойство о профессиональной деградации коллег, которые могут слепо делегировать свои полномочия ИИ, перестанут творчески готовиться к занятиям, критически оценивать материалы и в результате потеряют квалификацию («некомпетентные преподаватели будут скидывать обязанности на ИИ», «потеря интереса к собственным разработкам», «учителя могут потерять бдительность», «очень расслабляет учителей»).

Ключевым результатом является однозначная позиция педагогического сообщества относительно своей роли. На вопрос «Считаете ли вы, что ИИ ограничивает вашу профессиональную автономию?» 83% респондентов ответили: «Нет, это лишь инструмент». Эта установка коррелирует с ответами на вопрос о замене человеческого взаимодействия: 80% считают, что

«технологии лишь дополняют живое общение». Уровень доверия к решениям ИИ можно охарактеризовать как сдержанно-скептический: 72% респондентов выбрали ответ «Частично, но проверяю». Полное доверие («Да, полностью») практически отсутствует (2%), педагоги осознают необходимость человеческого контроля.

Боятся ли педагоги, что ИИ заменит учителя? Подавляющее большинство преподавателей не боятся, что ИИ заменит учителя. Они уверены в обратном. «Нет, ИИ – это всего лишь инструмент» – это самая частая и сильная позиция, которая встречается в десятках ответов. Преподаватели описывают ИИ как «инструмент», «помощник», «ассистент». Они уверены, что суть профессии заключается в том, что нельзя автоматизировать:

- эмоциональный интеллект и эмпатия: поддержка, мотивация, понимание эмоционального состояния ученика;
- живое взаимодействие и диалог: способность вести дискуссию, видеть реакцию в глазах;
- воспитательная функция: формирование ценностей, характера;
- креативность и адаптивность: способность мгновенно менять ход урока в зависимости от ситуации в классе.

Небольшая часть респондентов выражают озабоченность, но не в формате «робот будет вести занятия», а в более сложных аспектах. Цифровизация и автоматизация могут вытеснить ключевой компонент образования – эмоциональную связь, живой диалог между учителем и учеником. Общение учитель – ученик будет вытеснено общением ученик – интерфейс, что приведет к обеднению образовательной среды. Этого опасаются 21% участников опроса («уход от живого общения», «потеря личного контакта», «потеря человеческого взаимодействия»). ИИ обесценит роль учителя. Педагоги опасаются, что если ИИ будет составлять планы, проверять работы и генерировать задания, то администрация и общество могут начать воспринимать учителя как менее значимого оператора системы, что повлияет на статус профессии («уменьшение роли учителя»). И наконец, замена может произойти из-за лени самих педагогов («Преподаватель станет хуже готовиться к занятиям»).

Абсолютное большинство уверено (78,5%), что необходимо не только осваивать функционал ИИ инструментов, но и понимать этические рамки их использования («да, включая этические аспекты»). Это яркий сигнал для системы повышения квалификации – разработать и организовать специальное обучение преподавателей по этическому применению ИИ в образовательном процессе.

Разделились мнения о государственном регулировании ИИ в образовании. Наиболее популярный ответ «Да, чтобы защитить права учащихся и учителей» (59,8%), так как педагогам «не понятны рамки применения» ИИ. Однако есть ответы респондентов («только частично» – 24,4%, «нет, это ограничит инновации» – 15,8%), свидетельствующие о нежелании вмешательства государства. Высказываются опасения о внезапном «запрете ИИ на нормативном уровне», или о повсеместном «техническом сбое программ». В этой

связи государство, выступая гарантом системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и этическим использованием ИИ, должно обратить пристальное внимание и на управление рисками, при этом оставаясь катализатором исследовательской деятельности в области безопасного ИИ и его популяризатором.

Таким образом, этические проблемы использования ИИ в образовании осознаются педагогами, их основная тревога и страх заключается не в том, что ИИ станет учителем, а в том, что учитель перестанет быть учителем – переложит свои функции на ИИ и забудет о своей истинной миссии. Они боятся не замены себя машиной, а девальвации своей профессии из-за неправильного использования технологий.

Заключение

Результаты исследования показали, что этическое применение ИИ в образовании требует не только технических, но и философско-правовых решений, чтобы технологии служили интересам общества, а не подрывали их. Необходимость в разработке и внедрении этического Кодекса применения и определение юридического статуса ИИ в образовании признает весь мир. Остается открытым вопрос о границах возможного применения ИИ в развитии и воспитании, что требует проведения большой просветительской работы среди всех участников образовательного процесса, включая вопросы о безопасном и этически грамотном применении ИИ.

Выводы, сделанные в исследовании, могут служить научно-методическим основанием для разработки рекомендаций по оптимизации процесса внедрения ИИ в

образовательный процесс. Они касаются комплекса мер для педагогов, развивающих актуальные направления педагогической практики в образовательных организациях:

- повышение цифровой грамотности и развитие цифровой компетенции, через интеграцию курса этики ИИ в учебные программы (развитие навыков критического анализа образовательных технологий, информирование о потенциальных рисках (киберугрозах и манипуляциях, мошенничестве) и преимуществах ИИ (адаптивности, персонализированности и др.);
- организация междисциплинарного подхода к этике ИИ с привлечением экспертов из разных сфер деятельности;
- создание прозрачных и подотчетных систем ИИ, ориентированных на справедливость и инклюзивность;
- мониторинг качества этического применения ИИ в образовательном процессе;
- участие в формировании этических норм использования технологий;
- обмен международным опытом в сфере этического применения ИИ;
- сохранение баланса между технологическими инновациями и человеческого интеллектуального участия;
- освоение методов интеграции ИИ-инструментов в учебный процесс;
- разработка отечественных ИИ-продуктов с учетом специфики образования;
- разработка технологий ИИ для работы с детьми с ОВЗ, когда ИИ подстраивается под образовательные потребности ребенка (смена шрифта, фона, голосовой помощник, титры и т.д.).

Список источников

1. Bennett N., Lemoine G.J. What VUCA really means for you // Harvard Business Review. 2014. Vol. 92, № 1/2. P. 10. URL: <https://hbr.org/2014/01/what-vuca-really-means-for-you> (дата обращения: 22.09.2025).
2. Комлев Ю.Ю. Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 113–116.
3. Ribble M., Shaaban A. Digital Citizenship in Schools. URL: https://www.researchgate.net/publication/340468314_Digital_Citizenship_in_Schools_Second_Edition (дата обращения: 22.09.2025).
4. Турбулентность – время неожиданных решений в образовании // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/147881115.html> (дата обращения: 22.09.2025).
5. Новые подходы к формированию перечня специальностей обсудили на XII Международном форуме «Технопром-2025» // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/98423/> (дата обращения: 22.09.2025).
6. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения: 22.09.2025).
7. В МГТУ им. Н.Э. Баумана совместно с МФТИ создали виртуального преподавателя информатики // Habr. URL: <https://habr.com/ru/news/779156/> (дата обращения: 22.09.2025).
8. ИИ в университетах: раскрытие потенциала и преодоление тревог // НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/1061144943.html> (дата обращения: 22.09.2025).
9. Нейросеть создала образы студентов КФУ // Медиа-портал Казанского федерального университета. URL: <https://media.kpfu.ru/news/neiroset-sozdala-obrazy-studentov-kfu> (дата обращения: 22.09.2025).
10. Возможности искусственного образования // Московский педагогический государственный университет. URL: <https://mpgu.su/obrazovanie/dopolnitelnoe-obrazovanie/programmyi-povyisheniya-kvalifikatsii/annotatsii-povyisheniya-kvalifikatsii/matematicheskiy-fakultet/vozmozhnosti-iskusstvennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 22.09.2025).
11. Воронова Д.Ю. Этические аспекты использования искусственного интеллекта в образовательном процессе // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 2. С. 19–27.
12. Мулюкин К.Э. Цифровая этика искусственного интеллекта в образовании // Дневник науки. 2025. № 5. URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/5/pedagogics/Mulyukin2.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
13. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. М., 2024. 24 с. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).
14. Семенова Т.В., Вилкова К., Щеглова И.А. Рынок массовых открытых онлайн-курсов: перспективы для России // Educational Studies Moscow. 2018. № 2. С. 173–197.
15. van der Vorst T., Jelcic N. Artificial Intelligence in Education: Can AI bring the full potential of personalized learning to education? // 30th European Conference of the International Telecommunications Society (ITS): «Towards a Connected and Automated Society», Helsinki, Finland, 16th-19th June, 2019. International Telecommunications Society (ITS), 2019. 15 p. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/205222> (дата обращения: 22.09.2025).

16. Jordan K. Massive open online course completion rates revisited: Assessment, length and attrition // *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 2015. Vol. 16, № 3. P. 341–358. doi: 10.19173/irrodl.v16i3.2112
17. Vernon J. Massive open online courses failing to support less well-off students, says study // *The Guardian*. 2013. 29 April. URL: <https://www.theguardian.com/education/2013/apr/29/massive-open-online-courses> (дата обращения: 22.09.2025).
18. Artificial intelligence in education // University of San Diego. URL: <https://onlinedegrees.sandiego.edu/artificial-intelligence-education/> (дата обращения: 20.09.2024).
19. Филимонова И.В. Этическая сторона использования искусственного интеллекта в образовании // *Вестник Евразийской науки*. 2024. Т. 16, № 1. URL: <https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
20. Wiecek M., Hosseini M., Gordijn B. Unpacking the ethics of using AI in primary and secondary education: a systematic literature review // *AI Ethics*. 2025. Vol. 5. P. 4693–4711.
21. European Commission. Ethics guidelines for trustworthy AI / European Commission. Brussels : European Commission, 2019. 40 p. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 22.09.2025).
22. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris : UNESCO, 2021. 48 p. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethic> (дата обращения: 22.09.2025).

References

1. Bennett, N. & Lemoine, G.J. (2014) What VUCA really means for you. *Harvard Business Review*. 92 (1/2). p. 10. [Online] Available from: <https://hbr.org/2014/01/what-vuca-really-means-for-you> (Accessed: 22.09.2025).
2. Komlev, Y.U. (2022) Sotsial'nyy kontrol' v VUCA-mire i "obshchestve nablyudeniya": sostoyaniye, trendy i eticheskie problemy [Social Control in the VUCA World and the "Surveillance Society": State, Trends and Ethical Issues]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2. pp. 113–116.
3. Ribble, M. & Shaaban, A. (n.d.) *Digital Citizenship in Schools*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/340468314_Digital_Citizenship_in_Schools_Second_Edition (Accessed: 22.09.2025).
4. HSE. (n.d.) *Turbulentnost' – vremya neozhidannykh resheniy v obrazovanii* [Turbulence – A Time of Unexpected Decisions in Education]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/147881115.html> (Accessed: 22.09.2025).
5. RF Ministry of Science and Higher Education. (2025) *Novye podkhody k formirovaniyu perechnya spetsial'nostey obsudili na XII Mezhdunarodnom forume "Tekhnoprom-2025"* [New Approaches to Forming the List of Specialties Were Discussed at the XII International Forum "Technoprom-2025"]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/98423/> (Accessed: 22.09.2025).
6. Russian Federation. (2019) *Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (with amendments and additions)*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/72838946/> (Accessed: 22.09.2025). (In Russian).
7. Habr. (n.d.) *V MGTU im. N.E. Baumanova sovместno s MFTI sozdali virtual'nogo prepodavatelya informatiki* [Bauman Moscow State Technical University Together with MIPT Created a Virtual Computer Science Teacher]. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/news/779156/> (Accessed: 22.09.2025).
8. HSE. (n.d.) *II v universitetakh: raskrytie potentsiala i preodolenie trevog* [AI in Universities: Unlocking Potential and Overcoming Concerns]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/expertise/1061144943.html> (Accessed: 22.09.2025).
9. KPFU. (n.d.) *Neyroset' sozdala obrazy studentov KFU* [Neural Network Created Images of KFU Students]. [Online] Available from: <https://media.kpfu.ru/news/neyroset-sozdala-obrazy-studentov-kfu> (Accessed: 22.09.2025).
10. MPSU. (n.d.) *Vozmozhnosti iskusstvennogo obrazovaniya* [Opportunities of Artificial Education]. [Online] Available from: <https://mpgu.su/obrazovanie/dopolnitelnoe-obrazovanie/programmy-povysheniya-kvalifikatsii/annotatsii-povysheniya-kvalifikatsii/matematiceskii-fakultet/vozmozhnosti-iskusstvennogo-obrazovaniya> (Accessed: 22.09.2025).
11. Voronova, D.Yu. (2025) Eticheskie aspekty ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom protsesse [Ethical Aspects of the Use of Artificial Intelligence in the Educational Process]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 19–27.
12. Mulyukin, K.E. (2025) Tsifrovaya etika iskusstvennogo intellekta v obrazovanii [Digital Ethics of Artificial Intelligence in Education]. *Dnevnik nauki*. 5. [Online] Available from: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2025/5/pedagogy/Mulyukin2.pdf> (Accessed: 22.09.2025).
13. Anon. (2024) *Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta* [Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence]. Moscow: Al'yans v sfere iskusstvennogo intellekta. 24 p. [Online] Available from: <https://ethics.a-ai.ru/> (Accessed: 22.09.2025).
14. Semenova, T.V., Vilkova, K. & Shcheglova, I.A. (2018) Rynok massovykh otkrytykh onlayn-kursov: perspektivy dlya Rossii [The Market for Massive Open Online Courses: Prospects for Russia]. *Educational Studies Moscow*. 2. pp. 173–197.
15. van der Vorst, T. & Jelacic, N. (2019) Artificial Intelligence in Education: Can AI bring the full potential of personalized learning to education? In: *30th European Conference of the International Telecommunications Society (ITS): "Towards a Connected and Automated Society"*. Helsinki, Finland. 16th–19th June, 2019. International Telecommunications Society (ITS). [Online] Available from: <https://www.econstor.eu/handle/10419/205222> (Accessed: 22.09.2025).
16. Jordan, K. (2015) Massive open online course completion rates revisited: Assessment, length and attrition. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 16 (3). pp. 341–358. doi: 10.19173/irrodl.v16i3.2112
17. Vernon, J. (2013) Massive open online courses failing to support less well-off students, says study. *The Guardian*. 29 April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/education/2013/apr/29/massive-open-online-courses> (Accessed: 22.09.2025).
18. University of San Diego. (n.d.) *Artificial intelligence in education*. [Online] Available from: <https://onlinedegrees.sandiego.edu/artificial-intelligence-education/> (Accessed: 20.09.2024).
19. Filimonova, I.V. (2024) Eticheskaya storona ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovanii [The Ethical Side of Using Artificial Intelligence in Education]. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. 16 (s1). [Online] Available from: <https://esj.today/PDF/64FAVN124.pdf> (Accessed: 22.09.2025).
20. Wiecek M., Hosseini, M. & Gordijn, B. (2025) Unpacking the ethics of using AI in primary and secondary education: a systematic literature review. *AI Ethics*. 5. pp. 4693–4711.
21. European Commission. (2019) *Ethics guidelines for trustworthy AI*. Brussels: European Commission. [Online] Available from: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (Accessed: 22.09.2025).
22. UNESCO. (2021) *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. Paris: UNESCO. 48 p. [Online] Available from: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (Accessed: 22.09.2025).

Информация об авторах:

Стрелкова О.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры иноязычного образования Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: OlgaStrel12@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-2967-9868

Маклакова Н.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: natalim16@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3179-0116

Хованская Е.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань Россия). E-mail: katja.khovanskaya@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-8372-8616

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Strelkova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Olgstrel12@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-2967-9868

N.V. Maklakova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: natalim16@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3179-0116

E.S. Khovanskaya, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: katja.khovanskaya@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-8372-8616

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.10.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 18.10.2025;
approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

ПРАВО

Научная статья

УДК 347.1

doi: 10.17223/15617793/520/25

Защита цифровых прав в гражданском праве Российской Федерации: от понятий к механизмам реализации

Амаль Русланович Габдрахманов¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия, gabdrahmanov.amal@yandex.ru

Аннотация. Анализируются цифровые права как новая категория гражданского права. Раскрываются их правовая природа, особенности реализации в цифровой среде, а также проблемы судебной и административной защиты. Предлагаются направления совершенствования механизмов правового регулирования и защиты цифровых прав в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые права, гражданское право, цифровая экономика, цифровые активы, цифровизация, блокчейн

Для цитирования: Габдрахманов А.Р. Защита цифровых прав в гражданском праве Российской Федерации: от понятий к механизмам реализации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 233–239. doi: 10.17223/15617793/520/25

Original article

doi: 10.17223/15617793/520/25

Protection of digital rights in civil law of the Russian Federation: From concepts to implementation mechanisms

Amal R. Gabdrakhmanov¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, gabdrahmanov.amal@yandex.ru

Abstract. The development of digital technologies and the transformation of economic relations have led to the emergence of a fundamentally new object of legal regulation – digital rights. Despite their legislative formalization in Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation in 2019, significant gaps remain in the understanding, classification, and legal protection of digital rights within the Russian civil law framework. The article aims to identify the legal nature of digital rights, analyze existing doctrinal approaches, evaluate judicial practice, and propose directions for improving mechanisms of their civil-law protection. The research is based on the analysis of legislative acts of the Russian Federation, doctrinal sources (monographs, legal commentaries, and academic publications), and judicial acts issued by arbitration and general jurisdiction courts. The author also draws upon comparative legal materials, including foreign legal doctrine on token classification (e.g., utility, security, and governance tokens), and the implementation of blockchain-based transactions. The methodological basis of the research includes formal-legal, comparative-legal, and analytical methods. The formal-legal method is used to examine the structure and content of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation. The comparative-legal approach is employed to analyze analogies with international practice in protecting digital rights and regulating tokenized assets. The analytical method is used to identify doctrinal inconsistencies and develop logical proposals for reform. In the course of the study, the author identifies the contradictions between the civil-law theory and the technological characteristics of digital rights. A key problem is the lack of a unified classification of digital rights and the absence of clear mechanisms for their enforcement. The judicial practice in Russia remains fragmented and often does not rely on the norms of Article 141.1 directly. Instead, courts tend to apply general provisions of civil law, which reduces the efficiency of digital rights protection. The paper concludes that digital rights, while declared as a new type of object in civil law, are not fully integrated into the system of rights and obligations. The author proposes recognizing the diversity of digital rights based on their functional purpose, the creation of legal presumptions regarding ownership and transfer within digital systems, and the adaptation of procedural mechanisms – including the recognition of blockchain records as admissible evidence and the introduction of digital legal expertise. The results of this research may be used to improve national legislation in the field of digital economy and to guide the development of a consistent judicial approach to the qualification and protection of digital rights in civil circulation.

Keywords: digital rights, civil law, digital economy, digital assets, digitalization, blockchain

For citation: Gabdrakhmanov, A.R. (2025) Protection of digital rights in civil law of the Russian Federation: From concepts to implementation mechanisms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 233–239. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/25

Правовая сущность цифровых прав: от юридической конструкции к теоретическому осмыслению

Категория цифровых прав закреплена в российском гражданском законодательстве сравнительно недавно – в 2019 г. с принятием Федерального закона № 34-ФЗ, которым в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации было введено понятие «цифровое право» [1, 2]. Согласно указанной норме, под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются исключительно на основании правил функционирования информационной системы. Этот подход, с одной стороны, позволяет отразить технологическую специфику таких прав, с другой – порождает теоретическую и правоприменительную неопределенность.

В отличие от традиционных объектов гражданских прав цифровые права существуют и реализуются исключительно в цифровой среде – в рамках определенной программно-аппаратной платформы. Это делает невозможным применение к ним привычных юридических конструкций в неизменном виде. Так, если для вещных прав характерно закрепление за конкретным субъектом владения и распоряжения объектом, то в отношении цифровых прав речь идет о правомочиях, подтверждаемых либо кодом доступа, либо записью в распределенном реестре (блокчейне), либо внутренними параметрами информационной платформы.

В научной литературе не существует единого подхода к определению правовой природы цифровых прав. Наиболее распространены три теоретические модели [3; 4. С. 55–65]:

1. Обязательственная модель, согласно которой цифровое право представляет собой право требования к оператору информационной системы или к другому субъекту, реализуемое через платформу.

2. Вещно-правовая концепция, при которой цифровое право трактуется как аналог бездокументарной ценной бумаги или иного цифрового актива, наделяющего носителя правомочием на владение определенной ценностью.

3. Смешанная модель, согласно которой цифровое право – это *sui generis* категория, находящаяся на пересечении вещных и обязательственных конструкций.

Каждая из этих моделей имеет как сторонников, так и критиков. Например, сторонники вещной природы указывают на отчуждаемость цифровых активов, их устойчивую связь с владельцем (через ключ или запись в реестре), а также возможность их оборота вне рамок обязательственных связей. В то же время критики подчеркивают, что такие права не обладают традиционной характеристикой вещных прав – абсолютностью, поскольку реализуются исключительно через платформу, которая может ограничить или изменить параметры доступа.

Дополнительные сложности вызывает то, что ГК РФ фактически не предлагает классификации цифровых прав [1, 2]. В отличие от интеллектуальных прав или бездокументарных ценных бумаг цифровые права не имеют законодательно закрепленного перечня видов. Это означает, что под единым термином могут скрываться принципиально разные по природе правоотношения: от права требования к организатору ICO (Initial Coin Offering) до правомочия владения токеном доступа в экосистеме цифрового сервиса.

В зарубежной практике сформировались более структурированные подходы. Так, в ЕС в рамках Регламента MiCA (Markets in Crypto-Assets) проводится разграничение между:

- Utility Tokens, дающими доступ к функционалу цифровой платформы;
- Asset-Referenced Tokens, обеспеченными активами (например, фиатной валютой);
- E-money Tokens, приравняваемыми к электронным деньгам [5. Р. 150].

В российском законодательстве подобная градация пока отсутствует, что затрудняет правоприменение и влечет правовую неопределенность.

Особо следует отметить проблему обоснования легитимности цифровых прав как объектов гражданских прав. Согласно ст. 128 ГК РФ, к таковым относятся вещи, имущественные права, результаты работ и услуг, интеллектуальная собственность и иные нематериальные блага. При этом цифровые права, хотя и внесены в перечень, по своему характеру не всегда однозначно относятся ни к одной из указанных категорий. Отсюда вытекает множество спорных вопросов – о возможности их наследования, обращения взыскания, передачи в залог и т.д.

Наконец, в научной дискуссии продолжается спор о соотношении цифровых прав и цифровых объектов. Одни исследователи настаивают на том, что цифровое право предполагает наличие цифрового объекта (например, токена, который удостоверяет право участия в платформе), другие же – что право существует независимо от объекта и выражается лишь в параметрах доступа или взаимодействия с системой. Этот спор имеет далеко идущие последствия, в том числе при разрешении споров о восстановлении утраченного доступа к цифровым активам.

Реализация цифровых прав в условиях цифровой среды

Реализация цифровых прав в гражданском обороте осуществляется в совершенно иной среде по сравнению с традиционными правами – это цифровая инфраструктура, включающая информационные платформы, смарт-контракты, блокчейн и иные децентрализованные системы, в которых параметры осуществления права заранее закодированы [6. С. 89–104]. Такая специфика требует переосмысления привычных юридических механизмов реализации прав, в

том числе понятий волеизъявления, совершения сделки, исполнения обязательства.

Центральной особенностью цифрового права является то, что оно реализуется не через прямые действия субъекта (например, подписание договора или передача вещи), а через взаимодействие с информационной системой, в рамках которой субъект осуществляет закрепленные за ним правомочия. Таким образом, субъект цифрового права выступает, по сути, не только участником правоотношения, но и пользователем цифрового интерфейса, который сам по себе оказывает влияние на содержание и условия реализации права.

В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ, содержание и условия осуществления цифрового права определяются исключительно правилами информационной системы. Это означает, что воля субъекта права реализуется не свободным выражением, а путем выполнения действий, предусмотренных архитектурой системы – например, транзакции в блокчейне, использования смарт-контракта, нажатия на кнопку в интерфейсе. В этом контексте традиционное юридическое волеизъявление трансформируется в форму технологически опосредованного действия, юридическая значимость которого определяется «правилами кода», а не исключительно законом или договором [7. Р. 1–15].

Особый интерес вызывает применение смарт-контрактов как механизма автоматизированной реализации цифровых прав. Смарт-контракт – это программа, которая исполняется автоматически при наступлении определенных условий. В гражданском обороте такие контракты используются, например, для передачи токенов, распределения долей участия в проектах, автоматического списания денежных средств при наступлении события. Однако с правовой точки зрения возникает вопрос: можно ли считать такое действие полноценной сделкой? Если воля зафиксирована в коде, а исполнение происходит без участия сторон, как трактовать ошибку алгоритма? В российской практике отсутствует универсальный подход, что создает риск недействительности сделок и невозможности восстановления нарушенных прав.

Рассмотрим пример. Пользователь платформы, владеющий цифровым активом (например, токеном), осуществляет передачу этого актива путем транзакции в блокчейне. Такая передача фиксируется в реестре, однако может не сопровождаться формальным соглашением между сторонами [6. С. 89–104]. С точки зрения традиционного гражданского права передача без договора может рассматриваться как дарение, но если в платформе такой механизм признан оборотоспособным, то он может квалифицироваться как полноценное распоряжение имуществом. Это демонстрирует ключевую правовую проблему: расхождение между технологической и юридической формой сделки, отсутствие нормативной привязки платформенного функционала к юридическим конструкциям.

Кроме того, в цифровой среде может отсутствовать возможность одностороннего отзыва или изменения условия реализации права. Например, если смарт-контракт предусматривает автоматическое исполнение

обязательства при наступлении определенного события (например, перевод токена после оплаты), субъект не может отменить действие – даже при наличии оснований в реальной жизни (ошибка, злоупотребление, форс-мажор). Это ограничивает свободу воли, традиционно являющуюся краеугольным камнем гражданско-правового регулирования.

Также важным элементом реализации цифровых прав является отсутствие единого регистра прав. В отличие от реестра недвижимости или прав на ценные бумаги цифровые права фиксируются в распределенных системах, каждая из которых обладает собственными правилами ведения и верификации данных. Это означает, что субъект, приобретающий цифровое право, должен доверять не государству или третьей стороне, а коду и архитектуре конкретной платформы. Такой «код-закон» (code is law) [7. Р. 1–15] превращает техническую реализацию в основной источник легитимности. При этом отсутствует надлежащий контроль за корректностью исполнения кода, его соответствием закону или интересам сторон.

Необходимо учитывать и такие аспекты, как утрата доступа к цифровому праву (например, из-за потери ключа, логина или сбоя в системе). В традиционных правоотношениях утрата документа не влечет утраты права; напротив, в цифровой среде такая утрата зачастую равнозначна полной утрате самого права [8. С. 95–110]. Восстановление возможных утраченных цифровых прав требует как технологических механизмов (резервное копирование, мультиподписи), так и правового регулирования (например, введения особого порядка восстановления цифрового удостоверения или замещения токена).

Таким образом, реализация цифровых прав выходит за пределы классической логики гражданско-правовых сделок. Она зависит от архитектуры цифровой системы, особенностей взаимодействия с интерфейсом, кода и протоколов. Это требует от правовой системы новой модели регулирования, в которой юридическая форма будет гибко соотноситься с технологическим содержанием, а реализация прав – сопровождаться цифровыми гарантиями, аналогичными традиционным способам удостоверения, учета и контроля [5. Р. 150].

Судебная и административная защита цифровых прав: пробелы и вызовы

Несмотря на закрепление цифровых прав в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, практика их судебной и административной защиты по-прежнему остается крайне фрагментарной и неопределенной. Это обусловлено, прежде всего, новизной самой категории, отсутствием выработанной судебной доктрины, а также техническими особенностями цифровой среды, осложняющими реализацию традиционных правовых механизмов [9. С. 20–33].

Первая и, пожалуй, наиболее очевидная проблема – недостаток судебной практики. Суды редко квалифицируют спорные правоотношения как связанные с цифровыми правами в смысле ст. 141.1 ГК РФ. В большинстве случаев правоприменители используют более

привычные конструкции: обязательственные, корпоративные, интеллектуальные права. Это приводит к тому, что категория цифрового права остается, по сути, декларативной, не наполняясь конкретным содержанием через правоприменение [1].

Примером может служить дело № А40-243233/2021 [10. С. 1–3], рассмотренное в Девятом арбитражном апелляционном суде, в котором затрагивался вопрос о признании цифрового актива имуществом, подлежащим взысканию. Суд пришел к выводу, что, несмотря на отсутствие прямой регламентации в законе, цифровые активы обладают экономической ценностью и поэтому подлежат защите в гражданском обороте. Однако при этом не был сделан вывод о признании спорного объекта цифровым правом в смысле ст. 141.1 ГК РФ. Подобная позиция иллюстрирует проблему: суды не применяют специальную норму, фактически сводя цифровые права к иным категориям.

Вторая существенная трудность заключается в сложности доказывания факта нарушения цифрового права. Нарушение может носить нетрадиционный характер – выражаться в утере доступа к платформе, ошибке алгоритма, несанкционированной транзакции, сбое смарт-контракта. При этом стороны лишены привычных инструментов верификации: нет подписанного документа, отсутствует централизованный регистр, а все данные хранятся в виде цепочек блоков или программных событий. Возникает объективная потребность в технической экспертизе – дорогостоящей, трудоемкой и не урегулированной в процессуальных актах.

Кроме того, вопрос о допустимости доказательств, извлеченных из блокчейна или иных цифровых систем, также вызывает затруднения [11. С. 124]. Российские суды лишь постепенно начинают признавать такие источники, как надлежащие доказательства. При этом не существует единых критериев: признаются ли скриншоты транзакций? Требуется ли заверение блоков нотариусом? Возможно ли проведение цифровой экспертизы в рамках гражданского процесса? На все эти вопросы судебная практика пока не дает однозначного ответа.

Третья группа проблем связана с неопределенностью круга субъектов ответственности. В традиционном праве нарушителем является конкретное физическое или юридическое лицо, совершившее противоправное действие. В цифровой среде ситуация осложняется: если право было «поглощено» некорректно работающим смарт-контрактом или переведено на неизвестный адрес в блокчейне, идентифицировать нарушителя становится невозможно. Таким образом, возникает феномен децентрализованного нарушения, при котором нарушителем де-факто выступает система или код, а де-юре – установить вину невозможно.

Следует также отметить, что действующее процессуальное законодательство не содержит специальных норм, регулирующих защиту цифровых прав. Так, в Арбитражном процессуальном кодексе РФ отсутствуют положения о допущении электронных реестров в качестве доказательств, порядке назначения цифровой экспертизы, правилах иска о

восстановлении доступа к цифровому активу. Это значительно осложняет судебную защиту: стороны вынуждены прибегать к аналогии закона или обходным путям (например, признание за истцом права на имущество требование).

Кроме судебной защиты, цифровые права могли бы защищаться административными средствами, но и здесь существуют проблемы. Например, при утере доступа к цифровому активу или платформе пользователь зачастую не может обратиться к Роскомнадзору, ЦБ РФ или иному надзорному органу, поскольку подобные споры не регулируются административным порядком и не отнесены к компетенции конкретного органа. Более того, многие платформы действуют вне юрисдикции Российской Федерации, что исключает возможность административного вмешательства даже при очевидном нарушении.

Отдельного внимания заслуживает проблема споров с трансграничным элементом. Поскольку цифровые права часто реализуются через международные платформы, спор может возникнуть между субъектами, находящимися в разных юрисдикциях, или в отношении объекта, расположенного в распределенной сети. Это порождает вопросы применимого права, подсудности и признания решений. Российские суды пока не имеют механизмов, позволяющих эффективно рассматривать такие споры.

Таким образом, защита цифровых прав в настоящее время осуществляется на основании общих норм гражданского законодательства, при отсутствии специализированных процессуальных институтов. Это создает ситуацию правовой неопределенности, в которой участники цифрового оборота оказываются без реальных гарантий восстановления нарушенных прав.

Перспективы совершенствования механизмов защиты цифровых прав

В условиях стремительного развития цифровой экономики и внедрения новых информационных технологий правовая система сталкивается с необходимостью адаптации механизмов регулирования и защиты цифровых прав [9. С. 20–33]. Как показал анализ текущего состояния нормативной базы и судебной практики, существующие институты гражданского и процессуального права в значительной степени не учитывают технологическую специфику цифровой среды. Это приводит к правовой неопределенности и снижает эффективность защиты участников цифрового оборота. В связи с этим представляется необходимым формирование комплексного подхода к реформированию регулирования цифровых прав.

Одним из приоритетных направлений является разработка детализированной классификации цифровых прав, включающей критерии отнесения, правовой режим и особенности оборота. В настоящий момент цифровые права охватываются широкой дефиницией, не предусматривающей внутреннего деления. Между тем цифровые права могут выполнять различные функции: удостоверяют имущественные требования (например, utility tokens), обеспечивать участие в управлении

платформой (governance tokens), подтверждать владение активами (security tokens) [5. Р. 150]. Признание этих различий на уровне законодательства позволило бы более точно определять правовую природу отношений и применять соответствующие механизмы защиты.

Вторым направлением является внедрение специальных процессуальных механизмов, направленных на упрощение доказывания и рассмотрения споров, связанных с цифровыми правами. Речь идет, в частности, о следующих мерах:

- законодательное признание данных из блокчейна и других информационных систем в качестве самостоятельного вида доказательств;
- формализация порядка представления цифровых доказательств, включая технические требования, идентификацию подписей, подтверждение авторства;
- внедрение института цифровой судебной экспертизы, позволяющей анализировать код, транзакции, структуру цифрового актива и условия его исполнения;
- адаптация норм о защите прав на объекты без физического воплощения – например, прав на доступ или алгоритмическое управление.

Третьим ключевым направлением может стать создание специализированных составов судов по спорам, связанным с цифровыми правами и цифровыми активами. Такие составы, состоящие из судей, обладающих компетенцией в области ИТ и цифрового регулирования, позволили бы повысить качество правоприменения и сформировать стабильную судебную практику. Аналогичная модель уже применяется, например, в Китае, где функционируют интернет-суды, рассматривающие споры, возникающие в цифровой среде.

Кроме того, перспективным представляется развитие альтернативных способов разрешения цифровых споров, включая онлайн-арбитраж, смарт-арбитраж и децентрализованные системы правосудия (например, Kleros) [7. Р. 1–15]. Хотя подобные механизмы пока не получили легитимации в российском праве, при соответствующем регулировании они могут стать эффективным инструментом защиты прав в среде, где важны скорость, конфиденциальность и технологическая совместимость.

Важной задачей на ближайшую перспективу является введение процедуры восстановления цифровых прав, утраченных вследствие технического сбоя, взлома или утери доступа [12. С. 90–101]. В настоящее время такая утрата зачастую влечет полную невозможность реализации прав, даже если они формально не прекращены. Разработка правового механизма, аналогичного восстановлению документа или признанию права в отсутствие титула, позволила бы устранить значительный правовой вакуум. Возможно, стоит предусмотреть обращение к цифровому нотариату или к специализированным платформам в качестве уполномоченных агентов по восстановлению цифровых прав.

Необходимо также решить вопрос о наделении информационных систем особым правовым статусом. Если цифровое право существует только в рамках конкретной платформы, важно урегулировать правовое

положение такой платформы, ее обязанности по обеспечению надежности данных, сохранности цифровых активов и защите от несанкционированного доступа [8. С. 95–100]. Примером может служить модель регулирования поставщиков криптокошельков или цифровых кастодианов, применяемая в странах ЕС.

На уровне системной правовой политики требуется принятие рамочного закона о цифровых активах и правах, который включал бы принципы оборота, типологию цифровых объектов, гарантии участников, порядок защиты, а также вопросы трансграничного взаимодействия. Данный закон должен опираться не только на нормы гражданского права, но и на принципы информационного, финансового, валютного и международного частного права.

Наконец, особое значение приобретает развитие международного сотрудничества в сфере защиты цифровых прав. В условиях трансграничности платформ и распределенности цифровых систем необходимо стремиться к гармонизации подходов, разработке модельных норм (например, под эгидой ЮНСИТРАЛ или ЕАЭС), а также созданию механизмов признания и исполнения решений по цифровым спорам в иных юрисдикциях. Без этого цифровые права останутся ограниченными в обращении и защите за пределами национальной платформы.

Таким образом, перспективы совершенствования механизмов защиты цифровых прав должны основываться на комплексном подходе, включающем законодательные, судебные, институциональные и международные меры. Без системной модернизации правового инструментария цифровые права останутся неработающей юридической конструкцией, неспособной обеспечить баланс интересов и правовую устойчивость цифрового оборота.

Заключение

Цифровизация общественных и экономических процессов поставила гражданское право перед необходимостью переосмысления фундаментальных категорий, таких как объект права, сделка, волеизъявление, ответственность. Введение в правовую систему Российской Федерации категории цифровых прав, воплощенной в ст. 141.1 ГК РФ [1–3], является первым шагом к формированию современной модели правового регулирования имущественных отношений в цифровой среде. Однако данная норма носит во многом рамочный характер и не обеспечивает полноты и эффективности правовой защиты, к которой стремятся участники цифрового оборота.

Проведенный анализ показал, что цифровые права имеют комплексную правовую природу [4. С. 55–65]. Они одновременно сочетают черты обязательственных, вещных, корпоративных и информационных правоотношений. При этом они не сводимы ни к одной из этих категорий в чистом виде, представляя собой новую юридическую сущность, функционирующую в условиях алгоритмизированных платформ, децентрализованных сетей и смарт-контрактов. Такое положение

ние требует создания правовых моделей, учитывающих не только юридическую природу, но и технологическую архитектуру носителей цифровых прав.

Вопрос реализации цифровых прав выходит за пределы традиционных механизмов. Их осуществление требует не просто совершения юридически значимого действия, но и взаимодействия с цифровой системой, обладающей собственными протоколами, механизмами контроля и исполнения. Это трансформирует классические представления о сделке, обязательстве и передаче имущественного права. Переход к так называемому «праву кода» (code as law) [7. Р. 1–15] требует не отмены юридических подходов, а их адаптации и интеграции в цифровую инфраструктуру.

Одна из главных проблем на текущем этапе – отсутствие эффективной судебной и административной защиты цифровых прав [10. С. 1–3; 13]. Суды крайне редко опираются на положения ст. 141.1 ГК РФ, предпочитая квалифицировать цифровые отношения как обязательственные или корпоративные. Правоприменение пока отстает от реалий цифрового оборота. Кроме того, отсутствуют надлежащие процессуальные механизмы: порядок доказывания, институт цифровой экспертизы, принципы защиты прав в распределенных системах. Без этих инструментов само существование прав в цифровой среде становится формальным.

В перспективе необходима реформа цифрового регулирования, включающая:

– систематизацию понятийного аппарата;

– создание классификации цифровых прав;
– разработку процедур восстановления утраченных цифровых активов;
– введение новых форм процессуальной защиты;
– признание смарт-контрактов как формы реализации цифровых сделок;
– формирование специализированной судебной юрисдикции [14. С. 16–23].

Особое значение в этом процессе приобретает гибкость правового регулирования, его способность адаптироваться к стремительно меняющимся технологическим условиям. Жесткие легалистские подходы, ориентированные на типовые конструкции XIX–XX вв., не способны эффективно охватывать децентрализованные системы, управляемые по алгоритмическим правилам. Вместо этого требуется формирование принципиально новой парадигмы, основанной на сочетании юридической логики и технической архитектуры.

В конечном итоге от качества и гибкости правовой регламентации цифровых прав зависит правовая устойчивость цифровой экономики, уровень доверия участников к цифровым платформам, привлекательность юрисдикции РФ для международных цифровых проектов и сохранение баланса между автономией кода и защитой фундаментальных прав [12. С. 90–101]. Только обеспечив надежную и эффективную правовую защиту цифровых прав, возможно обеспечить их реальную ценность и функциональность в гражданском обороте.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1229.
3. Суханов Е.А. Курс гражданского права : в 4 т. Т. 1: Общая часть. М. : Статут, 2023. 688 с.
4. Шевчук А.Ю. Цифровые права как объект правового регулирования: теоретические проблемы и подходы // Гражданское право. 2022. № 4. С. 55–65.
5. EU Regulation 2023/1114 on Markets in Crypto-Assets (MiCA), 31 May 2023 // Official Journal of the European Union. L150.
6. Мартышкин С.В. Смарт-контракты: правовая природа и пределы юридической силы // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 89–104.
7. Buterin V. A Next-Generation Smart Contract and Decentralized Application Platform: Ethereum White Paper. 2014. URL: <https://ethereum.org/en/whitepaper/> (дата обращения: 06.05.2025).
8. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ. М., 2020. 304 с.
9. Малеин Н.С. Новые вызовы гражданскому праву в эпоху цифровизации // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 20–33.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2022 по делу № А40-243233/2021 // СПС КонсультантПлюс.
11. Харитонов Ю.С. Big Data как объект гражданских прав: проблемы правовой квалификации // Право и цифровая экономика. 2023. № 1. С. 124–135.
12. Лаптев В.А. Цифровая информация как объект гражданского оборота // Государство и право. 2022. № 7. С. 90–101.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
14. Волос А.А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 ГК РФ // Банковское право. 2024. № 3. С. 16–23.

References

1. Russian Federation. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)* ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 01.07.2024) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of 30.11.1994 (as amended on 01.07.2024)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 3301.
2. Russian Federation. (2019) *Federal'nyy zakon ot 18.03.2019 № 34-FZ "O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 34-FZ of 18.03.2019 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 12. Art. 1229.
3. Sukhanov, E.A. (2023) *Kurs grazhdanskogo prava: v 4 t.* [Course of Civil Law: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.
4. Shevchuk, A.Yu. (2022) *Tsifrovyye prava kak ob'ekt pravovogo regulirovaniya: teoreticheskiye problemy i podkhody* [Digital Rights as an Object of Legal Regulation: Theoretical Problems and Approaches]. *Grazhdanskoe pravo*. 4. pp. 55–65.
5. European Union. (2023) Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937. *Official Journal of the European Union*. L150.

6. Martyshev, S.V. (2023) Smart-kontrakty: pravovaya priroda i predely yuridicheskoy sily [Smart Contracts: Legal Nature and Limits of Legal Force]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*. 2. pp. 89–104.
7. Buterin, V. (2014) *A Next-Generation Smart Contract and Decentralized Application Platform: Ethereum White Paper*. [Online] Available from: <https://ethereum.org/en/whitepaper/> (Accessed: 06.05.2025).
8. Sannikova, L.V. & Kharitonova, Yu.S. (2020) *Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz* [Digital Assets: Legal Analysis]. Moscow.
9. Malein, N.S. (2021) Novye vyzovy grazhdanskomu pravu v epokhu tsifrovizatsii [New Challenges to Civil Law in the Digital Age]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 20–33.
10. SPS Konsul'tantPlyus. (2022) *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 18.10.2022 po delu № A40-243233/2021* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 18.10.2022 in Case No. A40-243233/2021].
11. Kharitonova, Yu.S. (2023) Big Data kak ob'ekt grazhdanskikh prav: problemy pravovoy kvalifikatsii [Big Data as an Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*. 1. pp. 124–135.
12. Laptev, V.A. (2022) Tsifrovaya informatsiya kak ob'ekt grazhdanskogo oborota [Digital Information as an Object of Civil Circulation]. *Gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 90–101.
13. Russian Federation. (2002) Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (red. ot 01.07.2024) [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ of 24.07.2002 (as amended on 01.07.2024)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Art. 3012.
14. Volos, A.A. (2024) Tsifrovye prava: nekotorye problemy tolkovaniya pravil stat'i 141.1 GK RF [Digital Rights: Some Problems of Interpreting the Rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Bankovskoe pravo*. 3. pp. 16–23.

Информация об авторе:

Габдрахманов А.Р. – специалист учебно-методического отдела Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия). E-mail: gabdrahmanov.amal@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.R. Gabdrakhmanov, specialist, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: gabdrahmanov.amal@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2025;
одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 08.08.2025;
approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 341.677
doi: 10.17223/15617793/520/26

Нормативная регламентация использования беспилотных летательных аппаратов в военных целях через призму международного права

Алла Николаевна Гуторова¹, Константин Геннадьевич Балашов²

¹ Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, allagutorova@mail.ru

² Адвокатская контора Красноперекоского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия, balashoffkonstantin@yandex.ru

Аннотация. Обосновано, что военное использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) является одной из дискуссионных проблем современного международного права. Проанализировано содержание международных документов по вопросу о понятии и сущности БПЛА, а также рассмотрена практика зарубежных стран по основаниям и порядку их использования. Выявлены преимущества и риски применения беспилотных летательных аппаратов. Намечены некоторые векторы развития международно-правового регулирования их применения.

Ключевые слова: международное право, дрон, беспилотный летательный аппарат, вооруженный конфликт, воздушное судно, интервенция, самооборона

Для цитирования: Гуторова А.Н., Балашов К.Г. Нормативная регламентация использования беспилотных летательных аппаратов в военных целях через призму международного права // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 240–249. doi: 10.17223/15617793/520/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/26

Normative regulation of the use of unmanned aerial vehicles for military purposes through the lens of international law

Alla L. Gutorova¹, Konstantin G. Balashov²

¹ Southwest State University, Kursk, Russian Federation, allagutorova@mail.ru

² Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation, balashoffkonstantin@yandex.ru

Abstract. This article examines the contested issues surrounding the essence and legal status of unmanned aerial vehicles (UAVs) under international law, with a focus on their military application – an area that has gained renewed significance amid growing geopolitical turbulence. The study aims to assess the current state of legal regulation governing the development and use of combat UAVs, identify the most acute conflicts and serious gaps that pose risks to international security, and propose optimal directions for addressing them. The study draws on key international instruments addressing aspects of the issue (primarily the Geneva Conventions and their Additional Protocols), relevant domestic legal documents of the Russian Federation, and the views of authoritative scholars from both Russia and abroad. The methodological framework includes formal and dialectical logic; statistical analysis of civilian casualties resulting from drone strikes based on official data; historical analysis; and comparative-legal and generalizing methods, which enable the identification of the genesis of combat UAV use in a global context and a comparative assessment of Russian and foreign legal approaches to regulating such use. The authors conclude that no unified legal regime for UAVs exists. State approaches range from liberal acceptance of military UAV use (e.g., the United States) to categorical prohibition (e.g., Armenia). Statistical data from reputable human rights organizations such as New America and Reprieve reveal that "targeted killings" are accompanied by large-scale civilian casualties. The article also considers differing perspectives on the nature of combat drones and the feasibility of their lawful proliferation. The authors maintain that the use of UAVs in armed conflicts does not inherently violate international law. At the same time, there is sufficient basis to conclude that a new category of weaponry with radically novel characteristics has emerged. Given these circumstances, the codification of rules governing combat UAVs requires urgent attention. The current state of legal regulation is inadequate, incomplete, and insufficiently aligned with contemporary challenges and threats to international security. The authors acknowledge that a comprehensive ban on UAV use is unlikely at present, owing to their undeniable advantages and the growing trend toward their proliferation. Nevertheless, the development of effective control mechanisms in this sphere is imperative.

Keywords: drone, unmanned aerial vehicle, armed conflict, international law, aircraft, intervention, self-defence

For citation: Gutorova, A.L. & Balashov, K.G. (2025) Normative regulation of the use of unmanned aerial vehicles for military purposes through the lens of international law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 240–249. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/26

За последние годы беспилотные летательные аппараты (далее БПЛА) превратились в один из центральных инструментов прикладной и исследовательской деятельности, успешно интегрировавшись в аэро съемку, дистанционное зондирование, коммерческую доставку, экологический мониторинг и системы предупреждения чрезвычайных ситуаций [1. С. 130].

В международном праве дефиниция БПЛА закреплена в Приложении 2 к Конвенции о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г.: беспилотное воздушное судно определяется как любое воздушное судно, предназначенное для выполнения полета без присутствия пилота на борту [2].

Российское законодательство развивает эту дефиницию и устанавливает двухзвенную систему понятий.

Первое звено регламентировано ст. 2 Федерального закона от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О воздушном пространстве Российской Федерации»: беспилотное воздушное судно (далее БВС) – это воздушное судно, полет которого осуществляется без пилота на борту и которое управляется дистанционно либо выполняет полет автономно. Тем самым российский законодатель дополняет международный критерий указанием на два легитимных режима управления – дистанционный и автономный.

Более узкое понятие было введено ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации. «Беспилотный летательный аппарат» определяется как воздушное судно, управляемое и контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта данного воздушного судна (внешний пилот) [3. С. 102]. В этой норме автономный режим не предусмотрен, следовательно, все БПЛА образуют подкатегорию беспилотных воздушных судов, но не всякое беспилотное воздушное судно является беспилотным летательным аппаратом.

В российской научной литературе также получило широкое распространение англоязычное обозначение БПЛА – «дрон» (drone – трутень). Под этим термином понимается летательный аппарат, конструктивно не предусматривающий наличие экипажа в принципе [4. С. 235]. Указанный термин не закреплён в действующих нормативно-правовых актах и, следовательно, не обладает самостоятельной юридической значимостью, функционируя исключительно в качестве технического либо публицистического обозначения.

В настоящем исследовании используется следующее терминологическое разграничение: словосочетание БВС употребляется как родовое обозначение любой воздушной конструкции, функционирующей без присутствия пилота на борту, тогда как термин БПЛА используется исключительно для квалификации тех беспилотных воздушных судов, управление и контроль полета которых осуществляются дистанционно посредством внешнего пилота.

Сформулировав понятийную основу исследования на базе международных и российских норм, целесообразно перейти к сравнительно-правовому анализу зарубежных подходов правового регулирования военного применения БПЛА. Такая перспектива позволяет, во-первых, выявить степень унификации терминологии, достигнутой в глобальной авиационной отрасли, а

во-вторых, установить, какие конструктивные решения реализованы иностранными юрисдикциями для правового опосредования применения БПЛА. Особого внимания заслуживают правовые режимы государств, обладающих значительным весом в формировании международных стандартов гражданской авиации, прежде всего Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Китая.

Так, в Соединённых Штатах Америки Федеральное управление гражданской авиации определяет беспилотные авиационные системы как «аппараты, способные к полету без непосредственного управления пилотом на борту, управляемые дистанционно или автономно» [5]. В законодательстве Великобритании БПЛА также характеризуются как воздушные суда, способные выполнять полет без присутствия пилота на борту, управляемые с земли или иного места вне самого аппарата [6]. По законодательству Китайской народной республики, БПЛА – это воздушное судно без пилота на борту, которое имеет собственную энергетическую систему [7].

Сопоставительный анализ зарубежных национальных актов позволяет выделить три повторяющихся юридических признака, образующих минимальное ядро конвергенции правовых подходов к статусу БПЛА. Однако это свидетельствует лишь о тенденции к унификации на уровне национальных правовых порядков; говорить о сложившемся международно-правовом консенсусе преждевременно.

1. Конструктивное отсутствие пилота на борту. Во всех рассмотренных актах исходной предпосылкой является физическое исключение пилота из кабины, что отличает соответствующий объект от традиционного пилотируемого воздушного судна и предопределяет особые требования к организации полетных операций.

2. Внешнее (дистанционное либо автономное) управление. Независимо от терминологической разницы – «дистанционное», «автономное», «с земли» и др. – каждое определение фиксирует обязательную возможность управления аппаратом извне, будь то в реальном времени оператором-пилотом или посредством встроенных автоматических алгоритмов.

3. Признание статуса воздушного судна и, как следствие, подчинение нормам авиационного права. Все три государства квалифицируют беспилотный аппарат именно как воздушное судно, что влечет применение к нему общих регулятивных институтов – правил допуска к воздушному пространству, процедур сертификации, требований к обеспечению безопасности полетов и ответственности эксплуатанта.

Однако совпадение указанных характеристик не устраняет глубоких расхождений в правовых режимах применения БПЛА, особенно при выходе за рамки сугубо гражданского оборота и переходе в сферу международной безопасности.

В частности, международное публичное право до настоящего времени не сформировало всеобъемлющих норм, напрямую регламентирующих применение БПЛА в вооруженных конфликтах и их использование негосударственными акторами. Отсутствие такой универсальной регламентации порождает правовые пробелы и интерпретационную неопределенность, что, в

свою очередь, создает пространство для потенциальных злоупотреблений и трансформации БВС и БПЛА в инструменты косвенной агрессии [8]. Подобная ситуация способна подорвать принцип невмешательства, поставить под угрозу суверенитет государств и осложнить функционирование механизма международной безопасности.

Компаративно-правовой анализ нормативных дефиниций БПЛА, содержащихся в российском, американском, британском и китайском законодательствах, позволяет выделить три принципиальных различия, релевантных для квалификации правового статуса данных объектов.

Несмотря на наличие устоявшегося набора базовых признаков – отсутствия пилота на борту, внешнего (дистанционного либо автономного) управления и квалификации в качестве воздушного судна, сопоставительный анализ законодательства по БПЛА выявляет три существенных расхождения, свидетельствующих о неоднородности правовых режимов. Во-первых, различается объем допустимых способов управления: российские нормы (в части БВС) и американское законодательство легитимируют как дистанционный, так и автономный полет, тогда как британское право и та же российская дефиниция БПЛА ограничиваются лишь дистанционным управлением внешним пилотом, а китайская норма автономии вовсе не упоминает. Во-вторых, неодинакова объектная полнота дефиниций: Соединенные Штаты оперируют понятием «беспилотная авиационная система», подводя под правовой режим не только летательный аппарат, но и наземную станцию управления, линию связи и иные компоненты, тогда как Россия, Великобритания и КНР квалифицируют исключительно сам аппарат, адресуя регулирование инфраструктурных элементов смежным нормам. В-третьих, лишь китайский законодатель вводит конструктивный энергетический признак, требующий наличия собственной силовой установки и тем самым исключаящий безмоторные средства (планеры, аэростаты) из объема понятия, в то время как российское, американское и британское право такой признак в исходной дефиниции не закрепляют, оставляя оценку энерговооруженности для подзаконных классификаторов.

Выявленные расхождения в национальных правовых режимах показывают, что наднациональные стандарты, единообразно закрепляющие правовой статус БПЛА, еще не сформированы; их выработка потребует дальнейшей согласовательной работы государств.

Как правило, государства, широко использующие БПЛА, ограничиваются включением соответствующих положений в нормативно-правовые акты, регулирующие эксплуатацию воздушного пространства. Такие положения, как правило, касаются регистрации БПЛА, определения разрешенных зон и высот полета, а также установления требований к их эксплуатации в целях обеспечения безопасности и контроля.

В ряде государств развитие беспилотных технологий переведено в плоскость стратегического планирования. Показательный пример – Дорожная карта бюджетного финансирования беспилотных систем Министерства обороны США на 2014–2038 гг. [9. С. 82].

Данный документ свидетельствует о серьезных намерениях Соединенных Штатов в отношении дальнейшего продвижения и интеграции беспилотных технологий в вооруженные силы, вплоть до формирования отдельной боевой структуры, основанной на использовании БПЛА.

Дорожная карта бюджетного финансирования беспилотных систем Министерства обороны США представляет собой ведомственный программно-плановый акт Министерства обороны США, изданный во исполнение § 113 и § 222 главы 10 Свода законов США. Документ имеет характер руководящего положения обязательного применения для всех видов Вооруженных сил при формировании бюджетных заявок и программ НИОКР в рамках цикла PPBE, что объективно выводит его за пределы декларативных концепций и придает ему статус нормативного ориентира внутриведомственного действия.

Содержательная часть Дорожной карты фиксирует агрегированный план ассигнований по статьям RDT&E, Procurement и O&M общим объемом порядка 29,4 млрд долл. на базовый период 2014–2018 финансовых годов, причем свыше 20 млрд долл. направлено на воздушные платформы (MQ-9, RQ-4, MQ-4C, программы UCLASS и др.). Документ содержит календарно закреплённые контрольные точки: достижение автономии уровня STANAG 4586 Class IV–V к 2025 г., внедрение унифицированной архитектуры управления (UCI) к 2028 г., сертификацию комплексов sense-and-avoid для полетов в общем воздушном пространстве к 2030 г. Кроме того, формализовано создание Unmanned Systems Enterprise во главе с заместителем министра обороны по закупкам и технологиям (USD(AT&L)) и межведомственного сообщества стандартизации, что характеризует документ как акт организационного характера.

Хотя Дорожная карта бюджетного финансирования беспилотных систем Министерства обороны США не обладает силой федерального закона и ее реализация зависит от ежегодных ассигнований Конгресса, наличие детализированных бюджетных строк, закреплённых исполнителей и измеримых технологических индикаторов подтверждает программно-целевой, а не декларативный характер документа. Следовательно, Дорожная карта выступает юридически значимым инструментом долгосрочного развития беспилотных систем в США и свидетельствует о серьезных намерениях по их глубокой интеграции в вооруженные силы вплоть до возможного формирования специализированных боевых контингентов на базе БПЛА.

Но в целом зарубежные страны по-разному относятся к самой возможности использования БПЛА – от абсолютно либеральной практики в данной сфере (США, Исландия и др.) до безапелляционного запрета на любое использование БПЛА (Турция, Армения, Вьетнам и др.). Ситуация осложняется тем, что фактически любой дрон разведывательного характера может быть трансформирован в «боевой аппарат», и подобная дуалистичность не способствует формированию их унифицированного правового режима.

На сегодняшний день наиболее активно военное применение дронов наблюдается в США, Великобритании и Израиле. БПЛА стали фактически незаменимыми при выполнении задач маловысотного бомбометания и нанесения ударов по труднодоступным целям. Первый задокументированный случай боевого применения БПЛА имел место во время Второй мировой войны, когда Германия использовала Fx-1400, известный также как «Фриц» [10].

В ходе военных конфликтов с Ираком Соединённые Штаты получили существенную часть стратегически важной информации благодаря непосредственному использованию БПЛА. В последние годы США активно применяли БПЛА при проведении военных операций на территории Пакистана, Афганистана и других государств, используя преимущественно модели Predator, Sky Warrior и Reaper.

Великобритания начала системно применять БПЛА в боевых действиях с середины 2000-х гг. Наиболее показателен афганский театр (операция Herrick, 2007–2014), где многоцелевые MQ-9 Reaper и арендуемые Hermes 450 суммарно налетали свыше 54 000 часов, обеспечивая разведку, сопровождение конвоев и высокоточные удары; официально зафиксировано 497 применений ракет AGM-114 Hellfire и авиабомб GBU-12. В ходе операции Unified Protector над Ливией (март–октябрь 2011 г.) пять Reaper 39-й эскадрильи Королевских ВВС выполнили 249 боевых вылетов и выпустили 294 боеприпаса по объектам ПВО и бронетехнике сил М. Каддафи.

Израиль выступает одним из пионеров боевого применения БПЛА. Уже в ходе кампании «Мир для Галилеи» 1982 г. разведывательные Scout и Mastiff обеспечили подавление сирийских зенитно-ракетных комплексов в долине Бекаа за счет оперативной передачи данных целеуказания. Во время Второй ливанской войны 2006 г. Hermes 450 и Heron выполняли до 70% тактической разведки, а также наведение высокоточного оружия ВВС и артиллерии по позициям «Хезболлы».

В современных реалиях дроны часто принимают на себя роль «целевых убийц», применяясь для запланированной ликвидации лиц, подозреваемых в террористической деятельности на территории другого государства.

Например, 3 января 2020 г. Соединённые Штаты нанесли ракетный удар по кортежу у международного аэропорта Багдада, в результате которого был ликвидирован командующий силами «Кудс» КСИР Ирана генерал-майор Касем Сулеймани; оперативным средством поражения выступил тяжелый БПЛА MALE-класса MQ-9 Reaper, оснащенный ракетами AGM-114 Hellfire и способный осуществлять непрерывное патрулирование до 20 ч, что обеспечило длительное сопровождение цели и точечное применение вооружения [11].

Также примером служит ликвидация лидера ХАМАС Яхье Синвару. 16 октября 2024 г. в 15:00 LT израильский беспилотный летательный аппарат класса MALE нанес ракетный удар (AGM-114) по Яхье Синвару, идентифицированному как командующий военным крылом «ХАМАС» в секторе Газа [12].

В данном отношении заслуживает внимания позиция Ф. Алстона, эксперта ООН, которым обоснованно было отмечено, что в силу отсутствия визуального контакта между целью беспилотника и его оператором эмоциональная составляющая при уничтожении цели притуплена. Обезличенные «пиксели» на экране создают видимость стандартной видеоигры [13. С. 66].

По мнению многих зарубежных исследователей, такие действия идут вразрез с базовыми постулатами международного права и запрещены как в мирное время, так и в условиях военных конфликтов [14. Р. 59]. Следует отметить, что, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом», «любые меры, направленные на борьбу с терроризмом, включая использование беспилотных летательных аппаратов, должны проводиться в соответствии с международным правом, международным гуманитарным правом и международным правом прав человека» [15]. Данное положение подчеркивает обязательность соблюдения правовых норм при применении БПЛА в контексте антитеррористической деятельности.

В этой связи следует также обратиться к положениям Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. Конвенция однозначно запрещает преднамеренные убийства гражданских лиц, находящихся под властью юрисдикции какой-либо из договаривающихся сторон, и обязывает четко различать военные объекты и гражданское население. Это налагает на государства обязанность принимать все возможные меры для предотвращения причинения вреда гражданским лицам при использовании любых видов вооружений, включая БПЛА. Анализ статистических данных, представленных американской организацией New America, позволяет со всей уверенностью резюмировать, что в действительности «целевые убийства» сопровождаются массовым уничтожением мирного населения. Так, в Пакистане в результате 420 атак беспилотников были убиты 3 985 человек (из них 970 человек являлись гражданским населением, 207 детей) [16. С. 56].

Периодически британская правозащитная организация Reprieve обращается с запросами в Совет по правам человека ООН с требованием оценки фактов совершенных БПЛА атак с позиции ключевых постулатов международного гуманитарного права. Итогом множества резолюций ООН по данному вопросу стало лишь переоснащение БПЛА менее мощными ракетами (Small Smart Weapon/Scorpion), но о какой-либо ответственности государств за инициированные атаки вести речь не пришлось.

В данном отношении необходимо решить комплекс проблем правового характера. В литературе порой отмечается, что по существу практика применения БПЛА в военных целях не вступает в противоречие с международным правом, так как в данном случае отсутствуют существенные отличия между совершаемыми таким образом атаками и военными операциями, производимыми с пилотируемого аппарата [17.

С. 131]. В то же время высказывается и противоположная позиция, которая базируется не столько на самом факте использования беспилотников, сколько на юридических основаниях данных военных кампаний и многочисленных злоупотреблениях в рамках проводимых операций [18. С. 88].

Использование возможностей БПЛА для ударных операций на территории другого государства без его согласия по существу является чистой интервенцией, вступающей в противоречие с параграфом 4 ст. 2 Устава ООН 1945 г.

В соответствии с Циркуляром Международной организации гражданской авиации № 328, БПЛА являются воздушным судами, входящими в юрисдикционную сферу конкретного государства, и их обслуживание, сертификация и т.д. подчинены требованиям национального законодательства. Отсюда действия беспилотного аппарата могут позиционироваться в качестве действий конкретного государства [19. С. 110].

В контексте рассматриваемой ситуации особое значение имеет вопрос оснований, по которым соответствующий беспилотный летательный аппарат появился в территориальных границах того или иного государства. Согласно проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятому Комиссией международного права ООН в 2001 г., к обстоятельствам, исключающим противоправность деяния государства, можно отнести согласие, самооборону и контрмеры. Однако, как верно отметил Специальный докладчик Совета по правам человека ООН К. Хейнс, «государства не могут давать согласие на нарушение своих обязательств по международному гуманитарному праву или международному праву человека. Государство, которое соглашается на деятельность другого государства на своей территории, по-прежнему несет ответственность за выполнение своих обязательств в области прав человека» [20].

Принимая во внимание тот факт, что атака БПЛА и удар со стандартного воздушного судна с пилотом в целом по своей сути аналогичны, потребность в специализированном праве для БПЛА отсутствует, но это не отменяет необходимость следования действующим международно-правовым нормам (в частности, положениям Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., запрещающим «применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания») [21].

Рассуждая над проблемой военного использования БПЛА, хотелось бы согласиться с позицией В. В. Путина, согласно которой идея о полном запрете дронов не совсем рациональна, особенно с учетом их высокого разведывательного потенциала, однако обеспечить должный контроль в данном отношении необходимо [22. С. 56].

Безусловно, полностью выступить альтернативой боевым пилотируемым летательным аппаратам БПЛА не смогут, поскольку, по обоснованному суждению Е.П. Бужинского, пилот может более оперативно реагировать на непредвиденно возникшие угрозы, соответственно, БПЛА более уязвимы в зонах активного

применения средств ПВО [23. С. 123]. Помимо этого, функционирование БПЛА может ощутимо дестабилизироваться вследствие высокотехнологичных передатчиков радиоэлектронных помех.

В то же время, как видится, тенденция популяризации боевых дронов будет лишь усиливаться, что подтверждается планомерным ростом их числа в общемировом измерении. Безусловным лидером в данном отношении является США, в планах которого максимизировать к 2028 г. число легких БПЛА, применяемых в целях наблюдения, до 43 тыс. [24. С. 234].

Вместе с тем их правовое положение в международном праве не отличается определенностью. Спектр поднимаемых при этом проблем достаточно внушителен и включает в себя как вопросы легитимности атак на территории зарубежных юрисдикций, правомерности выступления дронов в качестве оружия в принципе, так и проблематику концептуального пересмотра международного права в свете популяризации БПЛА.

Отмечая проблему правомерности применения БПЛА на территории другого государства, укажем, что международное право изначально базируется на тезисе о недопустимости силового воздействия в международных отношениях, исключая ситуации самообороны. В данном отношении речь идет именно о нелегальном, реальном и неспровоцированном акте агрессии.

С позиции военного и гуманитарного права особо интересен при этом вопрос о том, можно ли трактовать БПЛА как разновидность законного оружия. Некоторые исследователи трактуют данный аспект в противоположной плоскости, отмечая, что нужно вести речь не о разрешении использования боевых дронов, а об их повсеместном и приоритетном применении ввиду их взаимозаменяемости, точности.

Есть также более нейтральная позиция, уже озвученная ранее в процессе настоящего исследования, согласно которой БПЛА ставятся в один ряд с любым другим оружием, применение которого должно быть подчинено общим требованиям международного права [25. С. 88].

В то же время сторонники этой точки зрения не оспаривают проблемы неизбирательных нападений, случайных «гражданских» жертв вследствие атак БПЛА. Но в данном отношении они апеллируют не к какому-то качественно новому феномену, а к грубому нарушению норм международного права вооруженных конфликтов.

Противники распространения практики применения боевых дронов опровергают саму возможность их отнесения к стандартному оружию. Ими отмечается, что в современных условиях речь идет не об эпизодическом и исключительном применении таковых, а о становлении новой концепции силы, приобретающей все большее значение.

Каждая из позиций имеет право на существование, поскольку не лишена рационального начала. В то же время более оптимальным является подход, не трактующий применение БПЛА в вооруженных конфликтах как что-то по умолчанию противоречащее международному праву.

Важно понимать, что целевое предназначение дронов может быть весьма плюралистичным и не ограничено совершением боевых атак. Так, вряд ли целесообразно ставить под запрет их использование в целях наблюдения, доставки гуманитарной и другой помощи в виде поставки лекарственных препаратов, продовольственных товаров, поставки вооружения собственным подразделениям и т.д., освещения местности, разминирования территории и др. [26. С. 120].

Ведя речь о правомерности совершения боевых атак при помощи БПЛА, отметим, что они являются законным оружием, если ориентированы на четко определенные военные объекты при непосредственном соблюдении норм международного гуманитарного права относительно возможности нападения лишь на военные цели, строгой дифференциации мирных граждан и комбатантов, запрета оружия массового уничтожения и т.д. (ведь в теории не исключены риски вооружения БПЛА снарядами с химическим, биологическим и иным оружием). В таком случае проблематика разграничения атак БПЛА и атаки, совершенной, к примеру, с вертолета, лишена какого-либо значения. Отсюда закономерен вывод о том, что вопросы с позиции законности вызывает не сам факт военного применения БПЛА, а способ, которым он применяется.

Несмотря на то, что многие аспекты применения БПЛА могут быть логически и семантически выведены из действующих норм международного права, все-таки глобально есть все основания для умозаключения о появлении нового вида оружия с кардинально новыми перспективами. Ввиду изложенного, оперативного урегулирования требует задача кодификации нормативных положений, касающихся боевых БПЛА.

Актуальная проблема – именно отсутствие отдельного универсального договора, регулирующего передачу и экспорт ударных БПЛА. В качестве модели предлагается использовать Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (далее ДНЯО), к которому по состоянию на 2024 г. присоединилось 191 государство-участник [27. С. 39]. Тем самым речь идет о сопоставлении двух документов: уже действующего ДНЯО, закрепляющего ограничения на владение ядерным оружием, и предполагаемого, еще не разработанного многостороннего соглашения об ограничении (либо запрещении) трансграничной передачи вооруженных дронов. Создание второго правового акта призвано воспроизвести успешную архитектуру ДНЯО – систему обязательств государств, механизмов контроля и верификации, – но применительно к БПЛА, что позволит минимизировать риск их неконтролируемого распространения и применения в нарушение международного гуманитарного права.

Дополнительного регулирования требуют и вопросы неконтролируемой торговли боевыми дронами, поскольку они могут быть использованы как идеальные средства для противоправной деятельности, такой как контрабанда наркотиков, оружия и других запрещенных предметов. Без должного международного контроля такие технологии могут попасть в руки террористических организаций и иных незаконных вооруженных формирований, что представляет серьезную угрозу международной безопасности.

В связи с этим возникает необходимость постановки вопроса о разработке концептуальных основ специализированного международного договора, посвященного военным дронам. Этот договор должен опираться на уже существующие международные акты, такие как Конвенция о некоторых видах обычных вооружений 1980 г., Конвенция по кассетным боеприпасам 2008 г. и др., адаптируя их положения к специфике беспилотных технологий.

Возможными структурными компонентами такого договора могут стать положения:

- предусмотренные ст. 2, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., т.е. включающей как международные, так и немеждународные вооруженные конфликты;

- о ключевых терминах, таких как «военный дрон», «боевая задача», «система идентификации» и др., что позволит обеспечить единообразное толкование и применение положений договора. Обобщая рассмотренные ранее определения и подходы, «военный дрон» можно определить как «воздушное судно, оснащенное собственной двигательной установкой, которое либо полностью дистанционно управляется из удаленного места, либо функционирует в полностью автономном режиме, программно-настроенном на выполнение боевых задач»;

- о разработке требований к поражающим свойствам, управлению и программному обеспечению дрона, при которых нивелируются случайное применение вооружения и потери среди гражданского населения и объектов инфраструктуры, несоизмеримые с получаемыми военными преимуществами;

- о четкой регламентации всех параметров допустимости военного применения БПЛА путем включения соответствующих правовых состояний (состояние военного конфликта, международная контртеррористическая операция и др.). Имеет смысл закрепить возможность дезактивации БПЛА по методу «двух ключей», когда каждая из конфликтующих сторон на основе достигнутого консенсуса была бы в состоянии дезактивировать автономно действующие дроны;

- о международной координации государств-участников (в том числе в мирное время) по вопросам внедрения и соблюдения унифицированных стандартов вооружения и боевого применения дронов, информационного обмена, технического содействия в ликвидации (или дезактивации) БПЛА и др.

Важно понимать, что само международное право в этой связи не является средством превенции пролиферации боевых дронов – в данном случае мы ведем речь лишь о том, чтобы достигнутые решения были облечены в надлежащую правовую форму, а также были конкретизированы соответствующие рычаги контроля и меры ответственности.

Так или иначе, но любые вопросы, имеющие отношение к военному использованию БПЛА, должны быть императивно согласованы с положениями международного гуманитарного права, прав человека.

В то же время однозначная оценка многих вопросов ответственности государств за данные действия затруднительна ввиду содержательной неоднозначности

таких категорий, как «интервенция», «самооборона», «вооруженный конфликт» и иных, имеющих ключевое значение в контексте рассматриваемой проблематики. В настоящее время наблюдаются завуалированные попытки осуществить концептуальный пересмотр международного права за счет изменения трактовки данных понятий в сторону их расширения. Вряд ли такой подход является допустимым, поскольку закономерным следствием станет исход, при котором практика применения боевых БПЛА станет скорее правилом, нежели исключением [28. С. 88].

Помимо разработки правил эксплуатации БПЛА в боевых целях, крайне важно решить проблему ответственности лиц, которые отвечают за функционирование соответствующих программных продуктов, которые интегрированы в систему интеллекта БПЛА. Звучат предложения о целесообразности дополнения международного правового регулирования рычагами внутригосударственной регламентации. В частности, путем разработки составов преступлений за сбой в работе БПЛА, повлекших человеческие потери [29. С. 159].

При отсутствии надлежащего правового регулирования остается нерешенным и дискуссионным вопрос о правовом статусе операторов БПЛА. Исследование международно-правовых документов позволяет однозначно прийти к выводу о невозможности квалифицировать их как комбатантов.

Согласно Женевским конвенциям 1949 г. и Дополнительным протоколам к ним 1977 г., комбатантами признаются лица, которые являются членами вооруженных сил одной из сторон конфликта и имеют право непосредственно принимать участие в военных действиях. В частности, ст. 43 Дополнительного протокола I устанавливает, что вооруженные силы государства состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и единиц, находящихся под командованием, ответственным перед этим государством, и которые подчинены внутренней дисциплине, обеспечивающей соблюдение законов и обычаев войны.

Для того чтобы лицо было признано комбатантом и, соответственно, законным участником вооруженного конфликта, оно должно соответствовать определенным критериям:

1. Принадлежность к вооруженным силам сторон конфликта: операторы боевых БПЛА часто являются штатными военнослужащими и входят в состав вооруженных сил государства. Однако в ряде случаев управление БПЛА может осуществляться гражданскими лицами или персоналом частных военных и охранных компаний (далее ЧВОК), что ставит под сомнение их статус как комбатантов.

2. Наличие четкой командной структуры и подчинение военно-дисциплинарному уставу: комбатанты должны действовать в составе организованных вооруженных сил с четкой иерархией и системой командования. Если операторы БПЛА находятся вне такой структуры, их статус как комбатантов становится неопределенным.

3. Ношение отличительных знаков, видимых на расстоянии: традиционно комбатанты должны носить

форму или отличительные знаки, позволяющие их идентифицировать как членов вооруженных сил. Операторы БПЛА, особенно действующие на удалении и вне зоны боевых действий, не соответствуют этому требованию.

4. Открытое ношение оружия: комбатанты должны открыто носить оружие при участии в военных операциях. Операторы БПЛА, находящиеся в удаленных командных центрах, не носят оружия в традиционном смысле.

5. Соблюдение законов и обычаев войны: комбатанты обязаны придерживаться норм международного гуманитарного права. Операторы БПЛА могут сталкиваться с трудностями в оценке законности целей и пропорциональности при нанесении ударов, что может привести к нарушениям этих норм [30. С. 59].

Кроме того, ст. 51(3) Дополнительного протокола I от 1977 г. гласит, что гражданские лица пользуются защитой, предоставляемой им международным гуманитарным правом, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях. Если операторы БПЛА являются гражданскими лицами или сотрудниками ЧВОК, то их участие в управлении боевыми действиями посредством БПЛА может рассматриваться как непосредственное участие в военных действиях, что на период такого участия лишает их защиты, предоставляемой гражданским лицам. Однако это не делает их комбатантами в юридическом смысле, и в случае захвата они не будут пользоваться привилегиями военнопленных согласно Женевской конвенции о военнопленных 1949 г.

Таким образом, операторы боевых БПЛА, применяющие меры насилия против противника без существенных ограничений, фактически не являются непосредственными участниками боевых действий и обладают иммунитетом от какой-либо ответственности за осуществляемые атаки. Такая ситуация представляется парадоксальной и требует пересмотра в ближайшем будущем.

Для конкретизации правового статуса операторов боевых беспилотных летательных аппаратов следует внести изменения в существующие международные договоры, такие как Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, явно признавая операторов БПЛА членами вооруженных сил стороны в конфликте и квалифицируя их как комбатантов. Это позволит распространить на них все права и обязанности, предусмотренные для комбатантов, включая соблюдение норм международного гуманитарного права и несение ответственности за их нарушения. Таким образом, операторы БПЛА будут подпадать под юрисдикцию международного права вооруженных конфликтов, что устранил правовую неопределенность и обеспечит их подотчетность наравне с другими непосредственными участниками боевых действий.

В научном сообществе высказываются предложения о разработке нормативных документов, устанавливающих правовые основы для делегирования полномочий на автономные действия программному обеспечению робототехнических систем [22. С. 58]. Целью таких мер является минимизация проблемы установления ответственного лица в случаях ошибок или сбоев в функционировании БПЛА.

Однако допустимость подобного делегирования вызывает серьезные споры с правовой и морально-этической точек зрения. Эксперт ООН Кристофер Хейнс выражает скептицизм в отношении возможности «волевых и автономных действий» боевых БПЛА, подчеркивая, что нет достоверных сведений о том, что в условиях вооруженного конфликта такие системы смогут действовать в строгом соответствии с нормами международного гуманитарного права [31].

В отношении делегирования полномочий на автономные действия программному обеспечению робототехнических систем необходимо разработать международно-правовые нормы, устанавливающие четкие ограничения и условия для применения автономных боевых систем. Такие нормы должны предусматривать обязательное сохранение значимого уровня человеческого контроля над решением о применении летальной силы, исключая возможность полностью автономных летальных систем без участия человека. Следует установить международный запрет на разработку и использование автономных боевых систем, не способных обеспечить соблюдение международного гуманитарного права, и ввести ответственность государств и разработчиков за последствия их применения. Это позволит минимизировать риски, связанные с отсутствием ответственного лица при сбоях или ошибках БПЛА, и обеспечит соблюдение морально-этических требований в условиях вооруженных конфликтов.

Таким образом, отсутствие универсального договорно-правового режима, охватывающего разработку, испытания, трансграничную передачу и боевое применение БПЛА, формирует существенный «правовой вакуум», который ставит под угрозу исполнение фундаментальных норм международного гуманитарного права, включая принцип различия (ст. 48 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г.), требование пропорциональности (ст. 51(5)(b) того же Протокола) и обязанность государств прово-

дить юридическую экспертизу новых видов вооружений (ст. 36). Технологическая автономия осложняет атрибуцию противоправных деяний, размывает пределы государственной ответственности, повышает риск непреднамеренной эскалации и затрудняет соблюдение обязанностей сторон конфликта по принятию превентивных мер предосторожности. В указанных обстоятельствах объективно назрела необходимость заключения специализированного многостороннего договора, который, по аналогии с ДНЯО, установил бы обязательные механизмы лицензирования, верификации, информационной отчетности и принудительного обеспечения, тем самым обеспечивая интеграцию БПЛА в *jus in bello* («право» при ведении войны) и укрепляя международную стабильность и безопасность.

Выявленные пробелы и коллизии в нормативной регламентации, особенно в контексте общей интенсификации военных технологий на основе искусственного интеллекта, представляют собой серьезный барьер на пути к обеспечению международного мира и безопасности. Отсутствие четких правовых механизмов, регулирующих автономные боевые системы, создает риски неконтролируемого использования силы и эскалации конфликтов. Это подчеркивает необходимость оперативного урегулирования данных вопросов посредством разработки и внедрения адаптированных и передовых правовых инструментов. Такие инструменты должны учитывать специфические особенности искусственного интеллекта, обеспечивать прозрачность и ответственность в его применении, а также способствовать международному сотрудничеству в области контроля над новыми военными технологиями. Без надлежащего правового регулирования продолжающаяся эволюция военных технологий может подорвать существующую систему международной безопасности и привести к непредсказуемым последствиям для глобальной стабильности.

Список источников

1. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 129–136.
2. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2540490/> (дата обращения: 12.08.2024).
3. Бурукина О.А. Понятие, виды БПЛА и их соответствие международному гуманитарному праву // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 6А. С. 101–110.
4. Полетыкин Д.А. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 234–243.
5. Title 14 of the Code of Federal Regulations (14CFR) // National Archives. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Air Navigation Order 2016. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2016/765/contents/made/> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Временные правила управления полетами беспилотных воздушных судов Китайской народной республики № 761 от 31 мая 2023 года // Китай сегодня. URL: <https://prc.today/pravitelstvo-izdalo-pravila-reguliruyushhie-ispolzovanie-grazhdanskih-dronov-v-kitae/> (дата обращения: 10.05.2025).
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 11.05.2025).
9. Сазанова А.А. Сравнительный анализ российского и зарубежного опыта государственного регулирования беспилотных авиационных систем // Мир новой экономики. 2022. № 16 (4). С. 79–87.
10. Michael N.S. Autonomous Weapon Systems and International Humanitarian Law: A Reply to the Critics // Harvard National Security Journal Feature. 2013. Vol. 4. P. 1–37.
11. Die Welt назвала орудие убийства генерала Сулеймани // Российская газета. 09.01.2020. URL: <https://rg.ru/2020/01/09/die-welt-nazvala-orudie-ubijstva-general-a-sulejmani.html> (дата обращения: 22.05.2025).
12. Убийство Яхьи Синвара // РБК. 02.08.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2024/66abbe229a79471ed3e286f3> (дата обращения: 22.05.2025).
13. Давыдов М.В. Проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в международном праве // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 65–76.
14. Denisov B., Zhmerenetskyi V. Unmanned Aerial Vehicles of German Armed Forces, Part 1 // Foreign Military Review. 2019. № 10. P. 57–62.

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 61/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/74201775/> (дата обращения: 05.09.2024).
16. Саврыга К.П. Целевые убийства: международное гуманитарное право и право прав человека // Правоведение. 2015. № 8. С. 53–64.
17. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 129–136.
18. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: Российский подход и мировая практика // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 87–99.
19. Бурукина О.А. Понятие, виды БПЛА и их соответствие международному гуманитарному праву // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7, № 6А. С. 101–110.
20. Сазонова К.Л., Холиков И.В. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Российские беспилотники. URL: <https://russiandrone.ru/publications/> (дата обращения: 10.09.2024).
21. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) // ГАРАНТ. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/> (дата обращения: 06.09.2024).
22. Громова Е.А. Правовые аспекты регистрации и использования беспилотных летательных аппаратов в России и за рубежом // Право и экономика. 2019. № 7. С. 56–60.
23. Бужинский Е.П. Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике // Индекс безопасности. 2018. № 3 (106). С. 123–132.
24. Кривокапич Б.Д. Проблемы международного права : учебник для магистрантов и аспирантов / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов, науч. ред. д-р юрид. наук, проф. А.В. Юдин. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2022. 576 с.
25. Габов А.В., Хаванова И.А. Автономия боевых роботов и право // Пермский юридический альманах. 2019. № 9. С. 86–98.
26. Петрова Д.А., Мамычев А.Ю. Смертоносные автономные системы: этические, юридические, политические проблемы и перспективы их решения // Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета. 2019. № 14. С. 119–128.
27. Хаминский Я.М. Международный опыт противодействия атакам боевых БПЛА // Advances in Law Studies. 2023. Т. 11, № 2. С. 35–47.
28. Козюлин В.Б., Грант Т., Гребенщиков А.В., Джаика Ж., Ефимов А.Р., Сун С., Уорхэм М. Боевые роботы: угрозы учтенные и непредвиденные // Индекс безопасности. 2016. № 3–4. С. 86–99.
29. Архипов В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.
30. Евсеев С.С. Правовой статус частных военных компаний в международном гуманитарном праве: проблемы и пути их решения // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2025. № 2. С. 58–64.
31. Эксперт ООН обеспокоен применением «беспилотников» силами правопорядка // ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/10/1251741> (дата обращения: 25.05.2025).

References

1. Grishchenko, G.A. (2019) Pravovoe regulirovanie bespilotnykh letatel'nykh apparatov: rossiyskiy podkhod i mirovaya praktika [Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicles: Russian Approach and World Practice]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 12. pp. 129–136.
2. GARANT. (2024) *Konventsia o mezhdunarodnoy grazhdanskoj aviatsii (Chikago, 7 dekabrya 1944 g.)* [Convention on International Civil Aviation (Chicago, December 7, 1944)]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2540490/> (Accessed: 12.08.2024).
3. Burukina, O.A. (2018) Ponyatie, vidy BPLA i ikh sootvetstvie mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu [Concept, Types of UAVs and Their Compliance with International Humanitarian Law]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 7 (6A). pp. 101–110.
4. Poletykin, D.A. (2023) Pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v Rossiyskoy Federatsii: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya [Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles in the Russian Federation: Current State and Development Prospects]. *Yuridicheskaya nauka*. 6. pp. 234–243.
5. United States. (n.d.) *Title 14 of the Code of Federal Regulations (14CFR)*. National Archives. [Online] Available from: <https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I> (Accessed: 10.05.2025).
6. United Kingdom. (2016) *The Air Navigation Order 2016*. [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2016/765/contents/made/> (Accessed: 10.05.2025).
7. PRC Today. (2023) *Vremennye pravila upravleniya poletami bespilotnykh vozdushnykh sudov Kitayskoy narodnoy respubliki № 761 ot 31 maya 2023 goda* [Provisional Rules for Flight Management of Unmanned Aerial Vehicles of the People's Republic of China No. 761 of May 31, 2023]. [Online] Available from: <https://prc.today/pravitelstvo-izdalo-pravila-reguliruyushhie-ispolzovanie-grazhdanskikh-dronov-v-kitae/> (Accessed: 10.05.2025).
8. United Nations. (1974) *Rezolyutsiya General'noy Assamblei ot 14 dekabrya 1974 goda* [Resolution of the General Assembly of December 14, 1974]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (Accessed: 11.05.2025).
9. Sazanova, A.A. (2022) Sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i zarubezhnogo opyta gosudarstvennogo regulirovaniya bespilotnykh aviatsionnykh sistem [Comparative Analysis of Russian and Foreign Experience in State Regulation of Unmanned Aircraft Systems]. *Mir novoy ekonomiki*. 16 (4). pp. 79–87.
10. Schmitt, M.N. (2013) Autonomous Weapon Systems and International Humanitarian Law: A Reply to the Critics. *Harvard National Security Journal Feature*. 4. pp. 1–37.
11. Rossiyskaya gazeta. (2020) Die Welt nazvala orudie ubiystva generala Suleymani [Die Welt Named the Murder Weapon of General Soleimani]. 9 January. [Online] Available from: <https://rg.ru/2020/01/09/die-welt-nazvala-orudie-ubiystva-general-sulejmani.html> (Accessed: 22.05.2025).
12. RBK. (2024) *Ubiystvo Yakh'i Sinvara* [The Assassination of Yahya Sinwar]. 2 August. [Online] Available from: <https://www.rbk.ru/politics/01/08/2024/66abbe229a79471ed3e286f3> (Accessed: 22.05.2025).
13. Davydov, M.V. (2014) Problemy primeneniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v mezhdunarodnom prave [Problems of Using Unmanned Aerial Vehicles in International Law]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 3 (7). pp. 65–76.
14. Denisov, B. & Zhmerenetskiy, V. (2019) Unmanned Aerial Vehicles of German Armed Forces, Part 1. *Foreign Military Review*. 10. pp. 57–62.
15. United Nations. (2013) *Rezolyutsiya General'noy Assamblei OON ot 18 dekabrya 2013 g. № 61/167 "Pravo na neprikosновенность' lichnoy zhizni v tsifrovoy vek"* [UN General Assembly Resolution No. 61/167 of December 18, 2013 "The Right to Privacy in the Digital Age"]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/74201775/> (Accessed: 05.09.2024).
16. Savryga, K.P. (2015) Tselevye ubiystva: mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i pravo prav cheloveka [Targeted Killings: International Humanitarian Law and Human Rights Law]. *Pravovedenie*. 8. pp. 53–64.
17. Grishchenko, G.A. (2019) Pravovoe regulirovanie bespilotnykh letatel'nykh apparatov: rossiyskiy podkhod i mirovaya praktika [Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicles: Russian Approach and World Practice]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 12. pp. 129–136.
18. Grishchenko, G.A. (2019) Pravovoe regulirovanie bespilotnykh letatel'nykh apparatov: Rossiyskiy podkhod i mirovaya praktika [Legal Regulation of Unmanned Aerial Vehicles: Russian Approach and World Practice]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 12. pp. 87–99.
19. Burukina, O.A. (2018) Ponyatie, vidy BPLA i ikh sootvetstvie mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu [Concept, Types of UAVs and Their Compliance with International Humanitarian Law]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 7 (6A). pp. 101–110.

20. Sazonova, K.L. & Kholikov, I.V. (n.d.) *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' v kontekste pravovoy reglamentatsii voennogo ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov* [International Legal Responsibility in the Context of Legal Regulation of Military Use of Unmanned Aerial Vehicles]. [Online] Available from: <https://russiadrone.ru/publications/> (Accessed: 10.09.2024).
21. GARANT. (2024) *Dopolnitel'nyy protokol k Zhenevskim konventsiiam ot 12 avgusta 1949 goda, kasayushchiysya zashchity zhertv mezhdunarodnykh vooruzhennykh konfliktov, ot 8 iyunya 1977 g. (Protokol I)* [Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts, of 8 June 1977 (Protocol I)]. [Online] Available from: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/> (Accessed: 06.09.2024).
22. Gromova, E.A. (2019) Pravovye aspekty registratsii i ispol'zovaniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov v Rossii i za rubezhom [Legal Aspects of Registration and Use of Unmanned Aerial Vehicles in Russia and Abroad]. *Pravo i ekonomika*. 7. pp. 56–60.
23. Buzhinskiy, E.P. (2018) Prioritety razvitiya bespilotnikov: ot voennogo dela k ekonomike [Priorities for the Development of Unmanned Aerial Vehicles: From Military Affairs to the Economy]. *Indeks bezopasnosti*. 3 (106). pp. 123–132.
24. Krivokapich, B.D. (2022) *Problemy mezhdunarodnogo prava* [Problems of International Law]. Ed. by Bezverkhov, A.G., scientific ed. by Yudin, A.V. Samara: SSU.
25. Gabov, A.V. & Khavanova, I.A. (2019) Avtonomiya boevykh robotov i pravo [Autonomy of Combat Robots and the Law]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh*. 9. pp. 86–98.
26. Petrova, D.A. & Mamychev, A.Yu. (2019) Smertonosnye avtonomnye sistemy: eticheskie, yuridicheskie, politicheskie problemy i perspektivy ikh resheniya [Lethal Autonomous Systems: Ethical, Legal, Political Problems and Prospects for Their Solution]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 119–128.
27. Khaminskiy, Ya.M. (2023) Mezhdunarodnyy opyt protivodeystviya atakam boevykh BPLA [International Experience in Countering Attacks by Combat UAVs]. *Advances in Law Studies*. 11 (2). pp. 35–47.
28. Kozyulin, V.B., Grant, T., Grebenshchikov, A.V., Dzhiyaza, Zh., Efimov, A.R., Sun, S. & Workham, M. (2016) Boevye roboty: ugrozy uchennyye i nepredvidennyye [Combat Robots: Foreseen and Unforeseen Threats]. *Indeks bezopasnosti*. 3–4. pp. 86–99.
29. Arkhipov, V.V. (2017) O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti [On Some Issues of the Theoretical Foundations of the Development of Robotics Legislation: Aspects of Will and Legal Personality]. *Zakon*. 5. pp. 157–170.
30. Evsev'ev, S.S. (2025) Pravovoy status chastnykh voennykh kompaniy v mezhdunarodnom gumanitarnom prave: problemy i puti ikh resheniya [The Legal Status of Private Military Companies in International Humanitarian Law: Problems and Solutions]. *Elektronnnoye setevoye izdanie "Mezhdunarodnyy pravovoy kur'er"*. 2. pp. 58–64.
31. UN. (2014) *Ekspert OON obespekoe primeneniem "bespilotnikov" silami pravoporyadka* [UN Expert Concerned about the Use of "Drones" by Law Enforcement]. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2014/10/1251741> (Accessed: 25.05.2025).

Информация об авторах:

Гуторова А.Н. – д-р юрид. наук, доцент кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: allagutorova@mail.ru

Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.L. Gutorova, Dr. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: allagutorova@mail.ru

K.G. Balashov, lawyer's assistant, Law Office of Krasnopereokopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2024;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 22.11.2024;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 342.9
doi: 10.17223/15617793/520/27

Правовые формы публичного управления в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз

Сергей Михайлович Зубарев¹

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, smzubarev@msal.ru*

Аннотация. На основе методологических выводов теории административного права определено место правовых форм публичного управления в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета России. Установлено, что правовые акты управления, административно-правовые договоры являются неотъемлемой частью нормативной подсистемы указанной системы, тогда как юридически значимые действия, совершаемые органами публичной власти, выступают элементом подсистемы правоприменения.

Ключевые слова: правовые формы публичного управления, внутренний государственный суверенитет, правовые акты публичного управления, административно-правовые договоры, юридически значимые действия

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

Для цитирования: Зубарев С.М. Правовые формы публичного управления в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 250–258. doi: 10.17223/15617793/520/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/27

Legal forms of public administration in the system of public law support for the internal state sovereignty of the Russian Federation in the context of new challenges and threats

Sergey M. Zubarev¹

¹ *Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, smzubarev@msal.ru*

Abstract. The article examines the impact of new challenges and threats on the legal forms of public administration and their place in the system of public law support for Russia's internal state sovereignty. The theoretical and methodological basis of the research comprises the works of classics of administrative law, including I.I. Evtikhiev, E. Starostsiak, Yu.M. Kozlov, and others. To achieve the research aim, general scientific methods (analysis and synthesis, deduction, systematic approach) were employed alongside specific scientific methods (formal legal, historical legal, and statistical). The study reveals that the new challenges and threats confronting the Russian state and society after February 2022 have directly affected the legal forms of public administration, which constitute an integral element of the system of public law enforcement of internal state sovereignty. Legal acts of public administration represent the most important part of the regulatory subsystem within this system. Following the onset of the special military operation, the following trends have been observed in the rulemaking activities of executive bodies of public authority: 1. The role and significance of public administration acts in countering unprecedented economic sanctions and other negative impacts on the country have increased dramatically. The prompt adoption of numerous decrees of the President of the Russian Federation and resolutions of the Government of the Russian Federation made it possible to stabilize the situation. 2. The number of adopted strategic public administration acts has grown, and measures have been taken to coordinate them within the framework of a Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036. 3. Numerous public administration acts have been issued aimed at minimizing new threats, including countering extremism. 4. The number of regulatory acts of federal executive authorities containing information constituting state secrets has increased. Both positive and negative aspects of the rulemaking activities of executive bodies of public authority have been identified, and measures to address the latter are proposed. It is established that legal acts, while occupying a dominant place in the system of forms of public administration, are closely related to administrative-legal agreements and the performance of legally significant actions by executive bodies of public authority and their officials. The conclusion is substantiated that, in the face of new challenges and threats, the legal forms of public administration retain their administrative-legal nature but undergo certain transformations under the influence of external factors, changes in internal state policy, and legislative regulation in the sphere of ensuring Russia's internal state sovereignty. Legal acts of public administration and administrative-legal agreements form an integral part of the regulatory subsystem of public law enforcement of this sovereignty, while legally significant actions performed by public authorities and their officials constitute the basis of its enforcement subsystem.

Keywords: legal forms of public administration, internal state sovereignty, legal acts of public administration, administrative and legal agreements, legally significant actions

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00764.

For citation: Zubarev, S.M. (2025) Legal forms of public administration in the system of public law support for the internal State sovereignty of the Russian Federation in the context of new challenges and threats. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 250–258. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/27

События последних трех лет убедительно доказали, что, несмотря на беспрецедентное разностороннее внешнее воздействие недружественных стран, Российское государство в полной мере сохранило свой суверенитет, экономическую стабильность, социальный мир и благополучие. Широкомасштабное санкционное давление в политической, информационной, финансовой, технологической, военной и иных сферах в качестве основных целей предусматривало не только международную изоляцию нашей страны, но и дестабилизацию внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в Российской Федерации, создавая реальную угрозу внутреннему государственному суверенитету. Одним из главенствующих факторов, позволивших его сохранить и упрочить в условиях новых вызовов и опасностей, стало достаточно адекватное и своевременное реагирование на них аппарата публичной власти.

Управленческие решения и действия по организации их исполнения составляют сущность повседневной деятельности органов публичной власти и их должностных лиц, а во всей своей совокупности образуют содержание публичного, и в первую очередь го-сударственного управления. Поэтому оно представляет собой сложную систему разнообразных и многочисленных властных, управленческих действий, которые входят в компетенцию уполномоченных органов, должностных лиц, организаций. В кризисных ситуациях их деятельность приобретает новый характер, прежде всего, ценится умение органов публичной власти и их должностных лиц оперативно решать многочисленные неординарные задачи по управлению делами общества, совершать организационно-распорядительные действия, направленные на минимизацию вредных последствий негативного воздействия, стабилизацию обстановки и достижение социально полезного результата.

Исследование влияния новых вызовов и угроз на содержание публичного управления целесообразно рассмотреть с методологических позиций. Фундаментальные основы категории «формы государственного управления», классификацию этих форм, их взаимодействие с методами управления были разработаны учеными-административистами во второй половине XX в. Во многом это было обусловлено глубоким проникновением науки административного права в теорию управления и, прежде всего, в вопросы государственного управления, что оказало положительное взаимное влияние на развитие обеих этих наук. Общеизвестной стала точка зрения о том, что внешнем выражением содержания управления является его форма. Тем самым содержание управленческой деятельности обретает реальные очертания, законченность в определенных формах управления, а те, в свою очередь, должны соответствовать его содержанию, т.е. для реализации той или иной функции управления в тех или иных условиях необходимо выбирать наиболее целесообразные, оптимальные формы. Так, И.И. Евтихий указывал, что в них «проявляются действия, связанные с процессом управления» [1. С. 5].

Польский ученый Е. Старосцяк, рассматривая виды и сущность функций управления, отмечал: «Каждая из указанных функций должна реализовываться и реализуется в различных правовых формах» [2. С. 11]. Он предложил выделять в качестве форм управленческой деятельности: «а) установление общеобязательных норм; б) издание административных актов; в) заключение договоров; г) осуществление общественно-организационной деятельности; д) совершение материально-технических действий» [2. С. 16].

Большинство отечественных авторов советского периода к видам форм управления относили: издание актов управления, совершение юридически значимых действий, проведение непосредственно-организационных мероприятий и материально-технические операции [3. С. 167–169].

Развивая эти взгляды, Ю.М. Козлов подчеркивал, что «формы управленческой деятельности есть внешнее ее проявление, способ выражения содержания управленческой деятельности в конкретных условиях. Все формы имеют определенный юридический аспект, в чем усматривается их прямая связь с правовыми формами государственной деятельности, т.е. правоустановлением, правоприменением и охраной права» [4. С. 26–27]. Поэтому им была предложена следующая классификация форм управленческой деятельности: «а) установление норм права; б) применение норм права; в) осуществление организационных действий (оперативно-организационная работа); г) осуществление материально-технических операций» [4. С. 31]. Кроме того, автор говорил и о заключении договоров, но ввиду недостаточной изученности этой проблемы в теории и отсутствия практической базы в тот исторический период соответствующей самостоятельной правовой формы управления не выделял. Позднее, уже в постсоветский период, Ю.М. Козлов сформулировал, по сути, ставшее классическим определение формы государственного управления: «внешне выраженное действие исполнительного органа (должностного лица), осуществленное в рамках его компетенции и вызывающее определенные последствия» [5. С. 221].

Таким образом, с советских времен в теории административного права утвердились взгляды на то, что каждая форма управления включает в себя набор определенных действий, которые раскрывают содержание управленческого воздействия со стороны уполномоченного органа власти или должностного лица; все формы государственного управления подразделяются на правовые (издание нормативных актов управления, издание индивидуальных актов управления, заключение административно-правовых договоров, совершение юридически значимых действий) и неправовые (осуществление организационных действий и выполнение материально-технических операций).

Отмеченные суждения носят методологический характер, что позволяет их использовать при анализе форм управления, задействованных в обеспечении го-

сударственного суверенитета Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз. Специалистами в области советского административного права был сделан и важный практический вывод о том, что выбор формы деятельности определяется правовым статусом органа управления, характером выполняемых им задач и функций, но при этом не создается препятствий для свободного выбора самим органом управления той из установленных форм, которая в конкретной ситуации представляется ему наиболее целесообразной и эффективной [6. С. 200–203]. Вместе с тем следует отметить, что на выбор формы управления, безусловно, оказывают влияние не только перечисленные субъективные факторы, но и объективные, среди которых доминирует сам объект управления, а также внешние условия функционирования субъекта и объекта управления. При этом, и здесь нами поддерживается мнение профессора С.В. Запольского, «общепринятой позицией служит авторитарность и принудительность государственного управления, нормируемая в зависимости от политического момента, состояния общества и степени его единства. Либеральные идеи могут существенно повлиять на стиль управления, его правовые формы, но даже при этом власть “должна сохранять порох авторитаризма сухим” и быть готовой к повороту событий» [7. С. 78]. Именно в условиях кризисных ситуаций происходит сокращение самостоятельности объектов управления и возрастает роль государства в делах управления обществом. Своевременность и правильность выбора формы управления может или стабилизировать ситуацию, оказав позитивное воздействие, либо усугубить кризисное состояние. Поэтому исследование трансформации форм публичного, прежде всего, государственного управления в условиях новых вызов и угроз представляет как теоретический, так и практический интерес.

Одним из главных выводов, сделанных административистами советского периода, сохраняющим сегодня свое методологическое значение, является тезис о социально-правовом содержании управленческой деятельности и его правовом внешнем выражении, т.е. о правовых формах управления. Эти формы, как правило, устанавливаются в нормативном порядке (положениях, уставах, инструкциях и т.д.), для их использования конкретные органы публичной власти и должностные лица наделяются компетенцией и соответствующими полномочиями, последствия применения таких форм связаны с возникновением, изменением и прекращением административно-правовых отношений. В процессе управленческой деятельности органы публичной власти реализуют прямые требования закона, самостоятельно устанавливают подзаконные нормы права, организуют применение правовых норм, а в необходимых случаях осуществляют правоохранительные, юрисдикционные полномочия в пределах своей компетенции.

Новые вызовы и угрозы, с которыми столкнулось Российское государство и общество, оказали непосредственное влияние на правовые формы управления, выступающие неотъемлемым элементом системы публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета [8]. Правовые акты управления являются важнейшей

частью нормативной подсистемы данной системы. Издание таких актов в теории административного права бесспорно признается основной правовой формой государственного, а теперь и публичного управления. Несмотря на множество используемых в юридической литературе терминов (административно-правовой акт, правовой акт государственного управления, акт публичного управления, акт реализации исполнительной власти, административный акт и т.д.), традиционно под правовым актом управления понимается принятое в установленных порядке и форме подзаконное, юридически властное и одностороннее волеизъявление (управленческое решение) уполномоченного субъекта исполнительной власти, осуществляемое в рамках его компетенции в целях реализации задач публичного управления [9. С. 178]. Правовой акт управления одновременно выступает и базовым элементом публичного управления в качестве формы управленческого решения, и одним из центральных институтов административного права как управленческого права.

С началом специальной военной операции резко возросли роль и значение таких актов в противодействии экономическим санкциям, широкомасштабному политическому, финансовому, информационному, психологическому и иному негативному воздействию на нашу страну. Это наиболее наглядно проявилось в первые месяцы 2022 г., когда было оперативно принято множество правовых актов управления, позволивших стабилизировать ситуацию. Доминирующее положение здесь занимают акты главы государства. 28 февраля 2022 г. Президентом РФ был подписан Указ № 79, вводивший специальные экономические меры в связи с недружественными действиями Соединённых Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций [10]. В развитие этого акта были изданы Указы Президента РФ от 01.03.2022 № 81, 05.03.2022 № 95, от 08.03.2022 № 100, от 18.03.2022 № 126, от 31.03.2022 № 172, от 04.05.2022 № 254, 27.05.2022 № 322 и другие, которые ввели новый порядок обращения иностранной валюты, акций, осуществления (исполнения) резидентами сделок (операций) с лицами недружественных иностранных государств и т.д. Особенность этих актов в том, что они на время стали системообразующими в правовом регулировании отдельных отраслей государственного управления, а некоторые их предписания даже приостановили действие законодательных и международных норм. Например, пп. «ж») п. 1 Указа Президента РФ от 01 марта 2022 г. № 81 [11] запретил со 2 марта 2022 г. вывоз из Российской Федерации наличной иностранной валюты и (или) денежных инструментов в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долларов США, тем самым «заморозив» применение ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [12], в которой определено, что вывоз из Российской Федерации иностранной валюты осуществляются резидентами и нерезидентами без ограничений при соблюдении требований права ЕАЭС и законодательства Российской Федерации о таможенном регулировании. Другой пример: Указом Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585 приостановлено

действие отдельных положений международных договоров по вопросам налогообложения, заключенных с 38 странами [13]. Надо отметить, что данные запреты действуют до настоящего времени.

Особенностью развития форм государственного управления в области обеспечения внутреннего государственного суверенитета России в рассматриваемый период следует признать увеличение количества принимаемых стратегических актов управления [14]. Среди них выделяются указы Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [15], от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» [16], от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [17], от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [18] и др.

Вместе с тем в настоящее время принимается множество иных документов стратегического планирования – концепций, доктрин, основ государственной политики и др., статус которых не имеет четкого закрепления в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Закон о стратегическом планировании) [19]. Различные документы стратегического планирования могут утверждаться нормативными правовыми актами органов публичной власти, Президентом РФ, Правительством РФ или должностным лицом, ответственным за состояние и развитие соответствующих отраслей или сфер государственного управления в пределах своей компетенции.

Отдельного внимания заслуживают документы стратегического планирования, которые утверждены Правительством РФ. Так, Правительством РФ после 24 февраля 2022 г. (по подсчетам автора в СПС КонсультантПлюс) были приняты более 80 распоряжений, которые утвердили (обновили) стратегии и концепции развития различных отраслей экономики и социальной сферы, направленные прежде всего на упрочение государственного суверенитета страны в условиях новых вызовов и угроз. Следует отметить, что правовая природа правительственных актов определена в ст. 115 Конституции РФ и статутном законе. Согласно ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» акты Правительства Российской Федерации по оперативным и другим текущим вопросам, не имеющие нормативного характера, издаются в форме распоряжений Правительства Российской Федерации [20]. Формально-юридическое толкование данной нормы означает, что распоряжение Правительства РФ – индивидуальный акт, тогда как нормативным правовым актом являются правительственные постановления.

Однако в сложившейся нормотворческой практике зачастую правительственные распоряжения обладают всеми признаками нормативного правового акта, что в полной мере относится к анализируемым в настоящей статье документам стратегического планирования.

К примеру, распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р утверждена Стратегия действий

по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [21].

Данная Стратегия является документом стратегического планирования, определяющим основные направления государственной семейной и демографической политики до 2036 г., и реализуется федеральными органами государственной власти, иными федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными муниципальными органами в пределах установленной компетенции, общественными объединениями, работодателями, а также другими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере семейной и демографической политики, оказывающими влияние на качество жизни семей с детьми. Анализ указанного документа позволяет выделить все его нормативно-правовые признаки: издан уполномоченным органом государственной власти; в документе есть правовые нормы (правила поведения), направленные на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений; обязательность к исполнению для неопределенного круга лиц; неоднократность применения. Тем самым можно констатировать несоответствие формы акта государственного управления его содержанию.

Более того, формирующаяся нормотворческая и правоприменительная практика в сфере стратегического планирования на сегодняшний день развивается по пути выстраивания параллельной системы целеполагания и планирования на уровне подзаконных актов – так называемых «майских» указов Президента РФ, правовой статус которых не установлен Законом о стратегическом планировании. В этой связи первоочередной задачей является интеграция систем документов стратегического планирования, предусмотренных Законом и указами Президента РФ.

В настоящее время для достижения определенных в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [22] семи национальных целей будет задействовано девятнадцать национальных проектов, более сорока государственных программ, а также отраслевые и региональные стратегии, «дорожные карты» [23]. Правительством РФ для координации деятельности органов публичной власти, институтов развития, государственных компаний и корпораций утвержден Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (далее План) [24]. Этот документ, безусловно, можно отнести к стратегическим актам управления, так как он носит межведомственный и межотраслевой характер, определяя стратегические приоритеты по достижению национальных целей и характеризующих их показателей на ближайшие годы и перспективу, вплоть до 2036 г. Однако следует обратить внимание на юридическую форму – План утвержден Правительством РФ в отличие от ранее принятого аналогичного документа, который был утвержден распоряжением Правительства РФ [25].

Данное обстоятельство можно объяснить как минимум двумя причинами: во-первых, сложность современной ситуации требует оперативного реагирования на новые вызовы и риски, и выбранная правовая форма позволяет быстро вносить в План соответствующие изменения; во-вторых, впервые подготовлена цифровая модель управления реализацией намеченных Планом мероприятий, что позволяет проводить ежемесячный комплексный мониторинг их исполнения, выявлять и анализировать причины отклонений от намеченных показателей для принятия необходимых управленческих решений. Тем самым можно отметить влияние цифровых технологий на правовые формы публичного управления, фиксируя повышение гибкости последних. Логично прогнозировать в дальнейшем появление электронных правовых актов управления, которые будут иметь одинаковую юридическую силу с традиционными. Так, 20 ноября 2024 г. Минюст России впервые зарегистрировал нормативный правовой акт, созданный в форме электронного документа [26]. Таким образом, не только реализована практическая возможность подготовки и направления на государственную регистрацию в Минюст России нормативных правовых актов органов публичной власти, созданных в форме электронного документа, но и сделан первый шаг по пути развития электронных форм правовых актов публичного управления.

Подводя итог рассмотрению стратегических актов управления как формы публичного управления, приходится констатировать, что в первую очередь требуется существенная корректировка Закона о стратегическом планировании. Прежде всего речь идет об унификации видов документов стратегического планирования и придания им правовой формы, что позволит создать нормативную основу для принятия и реализации государственных управленческих решений любого уровня в условиях новых вызовов и угроз.

Стратегические акты управления имеют базовый характер, формируя структуру и содержание системы правовых актов управления в различных сферах и отраслях публичного управления. Данные акты являются основополагающими документами стратегического планирования, обладающими обязательной юридической силой. Так, п. 72 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (далее Стратегия) устанавливает, что положения настоящей Стратегии являются основой для разработки и корректировки соответствующих государственных, региональных и ведомственных программ и планов, которые обязательны для выполнения всеми органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления [18]. В качестве примера можно привести государственную программу Санкт-Петербурга «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге», утвержденную постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 4 июня 2014 г. № 452 (в ред. 01.04.2025) [27].

Распространение экстремизма в условиях гибридной войны, которая ведется против России коллективным Западом, является реальной угрозой ее внутреннему государственному суверенитету. Экстремизм, в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

[28], прежде всего означает насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации). Пункт 15 Стратегии к внутренним экстремистским угрозам относит социальные, экономические, культурные, национальные, религиозные проблемы, которые используются националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими, иными организациями и объединениями, а также отдельными лицами в качестве повода для осуществления экстремистской и иной противоправной деятельности.

На противодействие таким угрозам направлены многочисленные правовые акты управления, принятые после начала специальной военной операции. На федеральном уровне изданы правительственные акты, направленные на усиление контроля за возможным финансированием экстремистской деятельности как со стороны организаций [29], так и физических лиц [30], акты Минюста России, утвердившие порядки формирования, ведения и использования единого реестра сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации [31], и банка данных экстремистских материалов [32]. В субъектах Российской Федерации стали приниматься акты, утверждающие региональные планы и программы противодействия экстремистской деятельности. Например, постановлением Правительства Алтайского края от 22 декабря 2023 г. № 510 утверждена государственная программа «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» [33]. Принятые нормативные правовые акты позволили органам публичной власти системно и целенаправленно осуществлять меры по предупреждению, выявлению и пресечению случаев экстремистской деятельности. В 2024 г. было зарегистрировано 1 719 преступлений экстремистской направленности. Это на 28,3% больше по сравнению с предыдущим годом, когда показатель составлял около 1 340 инцидентов. На четверть (до 1 387) увеличилось количество лиц, причастных к таким противоправным деяниям. Рост числа криминальных деяний экстремистского характера установлен в 53 субъектах Российской Федерации [34]. Указанные факты, с одной стороны, свидетельствуют о росте экстремистских настроений у отдельных граждан, но, с другой стороны, позволяют определить наиболее уязвимые, подверженные экстремистскому влиянию категории населения. Так, по словам заместителя секретаря Совета Безопасности РФ Александра Гребенкина, в 2024 г. из 1 387 лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, более трети из них (472 чел.) составляют молодые люди от 14 до 29 лет, в том числе 97 несовершеннолетних от 14 до 17 лет (их число увеличилось почти вдвое).

За совершение таких противоправных деяний осуждены 55 подростков [34]. Поэтому очевидным является увеличение количества и качества правовых актов управления, регулирующих разнообразные меры, направленные на формирование ценностных ориентаций молодого поколения российских граждан, способных обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее социально-экономическое развитие России.

Одним из таких актов стало распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» [35], где одной из задач Стратегии определено предупреждение правонарушений и антиобщественных действий молодежи, повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде, защита молодежи от деструктивного информационно-психологического воздействия, т.е., по сути, противодействие экстремизму. Следует приветствовать не только комплексность решения задачи по противодействию распространению экстремизма в молодежной среде в контексте осуществления общих задач по становлению и развитию молодежи, но и тот факт, что синхронизация действий органов публичной власти по управлению в сфере молодежной политики будет осуществляться в рамках национального проекта «Молодежь и дети», который объединяет в себе все меры поддержки детей и молодежи и приоритетные направления реализации Стратегии, в том числе ее правовое обеспечение на федеральном, региональном и местном уровнях. Главным здесь представляется формирование системы правовых актов управления, характеризующейся единством, иерархичностью, сбалансированностью и взаимосвязанностью входящих в нее элементов.

Современная кризисная ситуация оказала влияние еще на одну разновидность правовых актов управления. Речь идет о нормативных актах федеральных органов исполнительной власти, содержащих сведения, составляющие государственную тайну. Такие акты являются исключением из общего правила, установленного в п. 17 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 [36], согласно которому нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций или имеющие межведомственный характер, подлежат официальному опубликованию. После 24 февраля 2022 г. увеличилось количество актов или отдельных их положений, содержащих сведения ограниченного доступа, в 2024 г. их доля составила уже 21% [37]. Потенциальные риски здесь состоят в том, что гриф «Для служебного пользования» (ДСП) выводит проекты нормативных актов из плоскости публичного обсуждения: оценка регулирующего воздействия и общественная антикоррупционная экспертиза по таким проектам актов практически не проводятся. Более того, подобные нормативные правовые акты не подлежат опубликованию, что создает угрозу нарушения прав и свобод граждан, в том числе права на обжалование неправомерных решений (действий) органов публичной власти и их должностных лиц. К сожалению, советский опыт избыточного присваивания грифа ДСП ведомственным актам негативно сказался на информировании советских людей о полномочиях органов власти, о правах и обязанностях самих граждан, а на практике приводил к существенным нарушениям прав последних. Поэтому, понимая всю необходимость ограничения доступа широких слоев населения к определенным нормативным правовым актам в современных условиях, следует сделать процедуры

«грифования» открытыми для контроля как со стороны вышестоящих органов и органов прокуратуры, так и общественности (например, общественных советов при федеральных органах исполнительной власти).

Безусловно, требует обновления действующий уже более 30 лет основной правовой акт управления, регламентирующий обращение служебной информации ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти. Постановление Правительства РФ, принятое в 1994 г., во многом не соответствует сегодняшним реалиям, распространяет свое действие только на документы в бумажной форме и другие материальные носители, но в последние годы в рамках цифровой трансформации появилось значительное количество документов в электронной форме с пометкой «Для служебного пользования» [38].

Правовые акты управления, занимая доминирующее место в системе форм публичного управления, тесно связаны с иными формами, в частности административно-правовыми договорами и совершением иных юридически значимых действий. Например, в последние годы получила широкое распространение практика утверждения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и высшими органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче полномочий. По данным Минюста России, в период с 2022 по 2024 г. было издано 26 распоряжений Правительства РФ об утверждении подобных соглашений [39]. Большинство из них было заключено между МВД России и высшими исполнительными органами субъектов Российской Федерации о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных региональными кодексами (законами) об административных правонарушениях. Так, распоряжением Правительства РФ от 21 ноября 2024 г. № 3361-р утверждено соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Севастополя о передаче Правительству Севастополя осуществления части полномочий Министерства внутренних дел Российской Федерации по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 4 ст. 12.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подписанное 30 октября 2024 г. [40].

Издание правовых актов управления и заключение административно-правовых договоров относятся к нормотворческой функции органов исполнительной власти, тогда как их правоприменительная функция реализуется прежде всего в юридически значимых действиях должностных лиц.

В условиях проведения специальной военной операции и противодействия беспрецедентным экономическим санкциям меняется характер прежде всего правоохранительной деятельности по обеспечению внутреннего государственного суверенитета страны. Она становится, с одной стороны, более разносторонней, масштабной, осуществляемой по различным направлениям среди населения страны в целом и в отношении отдельных социальных групп, с другой стороны, более предметной, персонифицированной, направленной на профилактику и пресечение противоправных действий со

стороны конкретных граждан. В 2024 г., по данным Агентства правовой информации, было зарегистрировано 111 677 административных правонарушений, посягающих на институты государственной власти, 2 343 649 – на общественный порядок и общественную безопасность, в том числе 6 812 правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ (пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики; возбуждение ненависти либо вражды); 2 221 – ст. 20.3.3 КоАП РФ (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации), 357 – ст. 20.29 (производство и распространение экстремистских материалов), 51 – ст. 20.3.2 и 20.3.4 КоАП РФ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; призывы к введению мер ограничительного характера), 20 – ст. 20.28 КоАП РФ (организация деятельности общественного или

религиозного объединения, в отношении которого действует имеющее законную силу решение о приостановлении его деятельности) [41].

Таким образом, можно констатировать, что в условиях новых вызовов и угроз правовые формы публичного управления сохраняют свою административно-правовую природу, но вместе с тем происходит некоторая их трансформация под влиянием внешних факторов, изменения внутренней государственной политики, законодательного регулирования в сфере обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации. Правовые акты публичного управления, административно-правовые договоры являются неотъемлемой частью нормативной подсистемы публично-правового обеспечения указанного суверенитета, тогда как юридически значимые действия, совершаемые органами публичной власти и их должностными лицами, выступают в качестве основы его подсистемы правоприменения.

Список источников

1. Евтихий И.И. Виды и формы административной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948. 40 с.
2. Старосьяк Е. Правовые формы административной деятельности. М. : Госюриздат, 1959. 330 с.
3. Административное право : учебник для юрид. ин-в и фак. / под ред. проф. д-ра юрид. наук А.Е. Лунева. М. : Юрид. лит., 1970. 596 с.
4. Советское административное право. Методы и формы государственного управления. М. : Юрид. лит., 1977. 336 с.
5. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. М., 1996. 608 с.
6. Советское административное право : учебник / под ред. Ю.М. Козлова. М. : Юрид. лит., 1973. 624 с.
7. Формы и методы государственного управления в современных условиях развития / под общ. ред. профессора, засл. юриста РФ С.В. Запольского. М. : Прометей, 2017. 520 с.
8. Ситник А.А., Поляков М.М. Система и структура публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. № 4. С. 949–963. doi: 10.21638/spbu14.2024.402
9. Административное право Российской Федерации : учебник : в 2 т. / отв. ред. С.М. Зубарев, Л.Л. Попов. М. : Проспект, 2024. Т. 1. 469 с.
10. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022 с изм. 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // СПС КонсультантПлюс.
11. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
12. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // СПС КонсультантПлюс.
13. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // СПС КонсультантПлюс.
14. Зубарев С.М. Стратегические акты управления в области обеспечения национальной безопасности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 1 (11). С. 21–29.
15. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС КонсультантПлюс.
16. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
17. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
18. Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
19. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
20. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
21. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
22. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС КонсультантПлюс.
23. Михаил Мишустин утвердил единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/53927/> (дата обращения: 31.03.2025).
24. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утв. Правительством РФ 09.01.2025 // СПС КонсультантПлюс.
25. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утвержден распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) // СПС КонсультантПлюс.
26. Приказ Минюста России от 15 ноября 2024 № 338 «Об утверждении состава сведений, содержащихся в запросе нотариуса в кредитную организацию, и формы ответа кредитной организации на запрос нотариуса, предусмотренных частью седьмой статьи 59.1 и частью третьей статьи 91.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1» // СПС КонсультантПлюс.
27. Государственная программа Санкт-Петербурга «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге», утвержденная постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 4 июня 2014 г. № 452 (в ред. 01.04.2025). URL: <https://www.gov.spb.ru/law/> (дата обращения: 15.06.2025).
28. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
29. Постановление Правительства РФ от 19.02.2022 № 219 (ред. от 29.05.2025) «Об утверждении Положения о контроле (надзоре) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения» // СПС КонсультантПлюс.

30. Постановление Правительства РФ от 27.05.2025 № 734 «Об установлении размера операций с денежными средствами или иным имуществом, направленных на расходование заработной платы, для физических лиц, включенных в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму» // СПС КонсультантПлюс.
31. Приказ Минюста России от 29.11.2022 № 303 (ред. от 06.09.2024) «Об утверждении Порядка формирования, ведения и использования единого реестра сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации» // СПС КонсультантПлюс.
32. Приказ Минюста России от 19.04.2023 № 69 «Об утверждении порядка формирования, ведения и использования банка данных экстремистских материалов» // СПС КонсультантПлюс.
33. Постановление Правительства Алтайского края от 22.12.2023 № 510 «Об утверждении государственной программы “Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае”» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407018953> (дата обращения: 25.06.2025).
34. Интервью РИА Новости заместителя Секретаря Совета Безопасности РФ Александр Гребенкина 31.03.2025 // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (дата обращения: 25.06.2025).
35. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
36. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС КонсультантПлюс.
37. Цифровизация дошла до грифа // Коммерсантъ. 06.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7562138?from=main> (дата обращения: 15.06.2025).
38. Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1233 (ред. от 09.10.2024) «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности» // СПС КонсультантПлюс.
39. Перечень соглашений между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части своих полномочий, заключенных после 08.07.2003, и актов Правительства Российской Федерации, об утверждении таких соглашений, по состоянию на 01.01.2025 // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (дата обращения: 20.06.2025).
40. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Севастополя о передаче Правительству Севастополя осуществления части полномочий Министерства внутренних дел Российской Федерации по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 4 статьи 12.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, подписанное 30 октября 2024 г., утвержденное распоряжением Правительства РФ от 21.11.2024 № 3361-р // СПС КонсультантПлюс.
41. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 29.06.2025).

References

1. Evtikhiev, I.I. (1948) *Vidy i formy administrativnoy deyatel'nosti* [Types and Forms of Administrative Activity]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Staros'ciak, J. (1959) *Pravovye formy administrativnoy deyatel'nosti* [Legal Forms of Administrative Activity]. Moscow: Gosyurizdat.
3. Lunev, A.E. (ed.) (1970) *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Textbook for Law Institutes and Faculties. Moscow: Yurid. lit.
4. *Sovetskoe administrativnoe pravo. Metody i formy gosudarstvennogo upravleniya* [Soviet Administrative Law. Methods and Forms of Public Administration]. (1977) Moscow: Yurid. lit.
5. Alekhin, A.P., Karmolitskiy, A.A. & Kozlov, Yu.M. (1996) *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]. Moscow.
6. Kozlov, Yu.M. (ed.) (1973) *Sovetskoe administrativnoe pravo* [Soviet Administrative Law]. Textbook. Moscow: Yurid. lit.
7. Zapol'skiy, S.V. (ed.) (2017) *Formy i metody gosudarstvennogo upravleniya v sovremennykh usloviyakh razvitiya* [Forms and Methods of Public Administration in Modern Development Conditions]. Moscow: Prometey.
8. Sitnik, A.A. & Polyakov, M.M. (2024) Sistema i struktura publichno-pravovogo obespecheniya vnutrennego gosudarstvennogo suvereniteta [System and Structure of Public-Legal Support for Internal State Sovereignty]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 4. pp. 949–963. doi: 10.21638/spbu14.2024.402
9. Zubarev, S.M. & Popov, L.L. (eds) (2024) *Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Administrative Law of the Russian Federation]. Textbook: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Prospekt.
10. Russian Federation. (2022) Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of 28.02.2022 (as amended on 09.06.2022 with amendments of 20.05.2024) "On the Application of Special Economic Measures in Connection with the Unfriendly Actions of the United States of America and Foreign States and International Organizations Joining Them". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
11. Russian Federation. (2022) Decree of the President of the Russian Federation No. 81 of 01.03.2022 (with amendments of 20.05.2024) "On Additional Temporary Economic Measures to Ensure the Financial Stability of the Russian Federation". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
12. Russian Federation. (2003) Federal Law No. 173-FZ of 10.12.2003 (as amended on 08.08.2024) "On Currency Regulation and Currency Control". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
13. Russian Federation. (2023) Decree of the President of the Russian Federation No. 585 of 08.08.2023 "On the Suspension by the Russian Federation of the Operation of Certain Provisions of International Treaties of the Russian Federation on Taxation Matters". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
14. Zubarev, S.M. (2022) Strategicheskie akty upravleniya v oblasti obespecheniya natsional'noy bezopasnosti [Strategic Management Acts in the Field of National Security]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 1 (11). pp. 21–29.
15. Russian Federation. (2022) Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
16. Russian Federation. (2023) Decree of the President of the Russian Federation No. 358 of May 17, 2023 "On the Strategy for Comprehensive Safety of Children in the Russian Federation for the Period up to 2030". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
17. Russian Federation. (2024) Decree of the President of the Russian Federation No. 145 of February 28, 2024 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
18. Russian Federation. (2024) Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 of December 28, 2024 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
19. Russian Federation. (2014) Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 (as amended on 13.07.2024) "On Strategic Planning in the Russian Federation". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
20. Russian Federation. (2020) Federal Constitutional Law No. 4-FKZ of 06.11.2020 "On the Government of the Russian Federation". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
21. Russian Federation. (2025) Decree of the Government of the Russian Federation No. 615-r of 15.03.2025 "On Approval of the Strategy of Actions for the Implementation of Family and Demographic Policy, Support for Large Families in the Russian Federation until 2036". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
22. Russian Federation. (2024) Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 07.05.2024 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Period up to 2036". SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).

23. RF Government. (n.d.) *Mikhail Mishustin utverdil edinyy plan po dostizheniyu natsional'nykh tseley razvitiya do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda* [Mikhail Mishustin Approved the Unified Plan for Achieving National Development Goals until 2030 and for the Period until 2036]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/53927/> (Accessed: 31.03.2025).
24. Russian Federation. (2025) *Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 and for the Period until 2036, approved by the Government of the Russian Federation on 09.01.2025*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
25. Russian Federation. (2021) *Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2024 and for the Planning Period up to 2030 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 2765-r of 01.10.2021)*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
26. Russian Federation. (2024) *Order of the Ministry of Justice of Russia No. 338 of November 15, 2024 "On Approval of the Composition of Information Contained in a Notary's Request to a Credit Institution, and the Form of Response of a Credit Institution to a Notary's Request, Provided for by Part Seven of Article 59.1 and Part Three of Article 91.1 of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries of 11.02.1993 No. 4462-1"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
27. Saint Petersburg Government. (2025) *Gosudarstvennaya programma Sankt-Peterburga "Sozdanie usloviy dlya obespecheniya obshchestvennogo soglasiya v Sankt-Peterburge", utverzhennaya postanovleniem Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 4 iyunya 2014 g. № 452 (v red. 01.04.2025)* [State Program of St. Petersburg "Creating Conditions for Ensuring Public Accord in St. Petersburg", approved by Resolution of the Government of St. Petersburg No. 452 of June 4, 2014 (as amended on 01.04.2025)]. [Online] Available from: <https://www.gov.spb.ru/law/> (Accessed: 15.06.2025).
28. Russian Federation. (2002) *Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 "On Countering Extremist Activity"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
29. Russian Federation. (2022) *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 219 of 19.02.2022 (as amended on 29.05.2025) "On Approval of the Regulations on Control (Supervision) in the Sphere of Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime, the Financing of Terrorism, Extremist Activity and the Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
30. Russian Federation. (2025) *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 734 of 27.05.2025 "On Establishing the Amount of Transactions with Funds or Other Property Aimed at Spending Wages for Individuals Included in the List of Organizations and Individuals in Respect of Whom There is Information About Their Involvement in Extremist Activity or Terrorism"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
31. Russian Federation. (2022) *Order of the Ministry of Justice of Russia No. 303 of 29.11.2022 (as amended on 06.09.2024) "On Approval of the Procedure for the Formation, Maintenance and Use of the Unified Register of Information on Persons Involved in the Activities of an Extremist or Terrorist Organization"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
32. Russian Federation. (2023) *Order of the Ministry of Justice of Russia No. 69 of 19.04.2023 "On Approval of the Procedure for the Formation, Maintenance and Use of the Database of Extremist Materials"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
33. Docs.cntd.ru. (2023) *Postanovlenie Pravitel'stva Altayskogo kraya ot 22.12.2023 № 510 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy "Protivodeystvie ekstremizmu i ideologii terrorizma v Altayskom krae""* [Resolution of the Government of Altai Krai No. 510 of 22.12.2023 "On Approval of the State Program 'Countering Extremism and the Ideology of Terrorism in Altai Krai'"]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/407018953> (Accessed: 25.06.2025).
34. RF SC. (2025) *Interv'yu RIA Novosti zamestitelya Sekretarya Soveta Bezopasnosti RF Aleksandr Grebenkina 31.03.2025* [Interview with RIA Novosti of Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation Alexander Grebenkin on 31.03.2025]. [Online] Available from: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/> (Accessed: 25.06.2025).
35. Russian Federation. (2024) *Decree of the Government of the Russian Federation No. 2233-r of 17.08.2024 (as amended on 08.05.2025) "On Approval of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2030"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
36. Russian Federation. (1997) *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1009 of 13.08.1997 (as amended on 15.11.2024) "On Approval of the Rules for the Preparation of Normative Legal Acts of Federal Executive Authorities and Their State Registration"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
37. Kommersant. (2025) *Tsifrovizatsiya doshla do grifa* [Digitalization Has Reached the Classification Label]. 6 March. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7562138?from=main> (Accessed: 15.06.2025).
38. Russian Federation. (1994) *Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1233 of 03.11.1994 (as amended on 09.10.2024) "On Approval of the Regulations on the Procedure for Handling Official Information of Limited Distribution in Federal Executive Authorities, the Authorized Body for the Use of Atomic Energy and the Authorized Body for Space Activities"*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
39. RF Ministry of Justice. (2025) *List of Agreements between Federal Executive Authorities and Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation on the Transfer of the Exercise of Part of Their Powers, Concluded after 08.07.2003, and Acts of the Government of the Russian Federation on Approval of Such Agreements, as of 01.01.2025*. [Online] Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (Accessed: 20.06.2025). (In Russian).
40. RF Government. (2024) *Agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Government of Sevastopol on the Transfer to the Government of Sevastopol of the Exercise of Part of the Powers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to Consider Cases of Administrative Offenses Provided for by Part 4 of Article 12.16 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, Signed on October 30, 2024, Approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 3361-r of 21.11.2024*. SPS Konsul'tantPlyus. (In Russian).
41. RF Court Statistics. (n.d.) *Administrativnye pravonarusheniya. Pokazateli po otdel'nykh pravonarusheniyam* [Administrative Offenses. Indicators for Individual Offenses]. [Online] Available from: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (Accessed: 29.06.2025).

Информация об авторе:

Зубарев С.М. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: smzubarev@msal.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.M. Zubarev, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: smzubarev@msal.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.07.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 29.07.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/520/28

Понятие и функции мотива и мотивации в поведении и личности лица, подвергаемого уголовному преследованию

Дмитрий Анатольевич Мезинов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mez_da@mail.ru*

Аннотация. Исследуются понятие и функции мотива и мотивации применительно к поведению и личности лица, подвергаемого уголовному преследованию. В результате анализа и обобщения соответствующих работ в области психологии и наук уголовно-правового цикла автор проводит разграничение понятий мотива и мотивации, раскрывает функции обозначаемых этими понятиями психических явлений, наиболее значимые для изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе.

Ключевые слова: мотив, мотивация, функции мотива, мотивация лица, подвергаемого уголовному преследованию

Для цитирования: Мезинов Д.А. Понятие и функции мотива и мотивации в поведении и личности лица, подвергаемого уголовному преследованию // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 259–269. doi: 10.17223/15617793/520/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/28

The concept and functions of motive and motivation in shaping the behavior and personality of criminally prosecuted individuals

Dmitriy A. Mezinov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mez_da@mail.ru*

Abstract. This article explores the concepts of motive and motivation and examines their functions in shaping the behavior and personality of a person under criminal prosecution. The subject of the study is the motivation of an individual facing criminal prosecution. The research employed general scientific methods such as analysis, synthesis, and the system-structural method, as well as specialized scientific methods – modeling and expert evaluation. Based on the results obtained, the author draws several conclusions. Motivation represents a more complex (systemic) phenomenon than motive. At the same time, the concept of motive is primary, while the concept of motivation is derived from it. Motive is the fundamental element within the system of motivation; psychology defines motive by indicating the function it performs in human behavior. The functions of the motive are carried out in real behavior by the entire motivational system, with the motive being its principal element. The stimulating function of motive (motivation), often referred to as "stimulation," lies in the fact that this mental phenomenon induces human activity and behavior. The formation of motives as stimuli is based on various needs. The directing function of motive (motivation) is expressed in its interaction with a goal, which determines the direction of a person's energy and behavior toward a specific object. The reflective function of motive (motivation) means that this mental phenomenon, when formed as a stable part of the personality, results from reflecting the factors of the social environment in which behavior and personality development occur. In this reflection, motivation is understood as the motivational sphere of personality – a relatively stable system of motives, a stimulating and guiding subsystem of personality in which some motives dominate and subordinate others, thus forming its "core," which determines the orientation of the personality. In criminal behavior, this reflective function allows motive to be viewed as a subjective reflection of the objective causes of crime. The meaning-making function of motive (motivation) consists in the fact that this mental phenomenon provides personal meaning for an individual – to various manifestations of their behavior as well as to the circumstances in which it occurs. This function is realized through the dominant motives within the motivational sphere of personality, through which the orientation of the personality is manifested. These meaning-making motives are always individual, meaning that any actions, including criminal ones, as well as the circumstances in which they were committed, have not only a "personal meaning" but also an "individual personal meaning."

Keywords: motive, motivation, functions of motive, motivation of person under criminal prosecution

For citation: Mezinov, D.A. (2025) The concept and functions of motive and motivation in shaping the behavior and personality of criminally prosecuted individuals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 259–269. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/28

Область психических явлений, обозначаемая понятиями мотива и мотивации, традиционно признается одним из важных объектов познания таких наук уголовно-правового цикла, как науки уголовного права и уголовного процесса, криминалистика, криминология, а также в известной мере наука уголовно-исполнительного права. В практической уголовно-процессуальной деятельности и в обеспечивающих ее надлежащий уровень перечисленных науках уголовно-правового цикла область психических явлений, обозначаемая понятиями мотивации и мотива, интересует как объект изучения, главным образом применительно к лицам, фактически подвергаемым уголовному преследованию. К таким лицам будут относиться: лица, еще не установленные в качестве предполагаемых преступников (но уже изучаемые в криминалистическом аспекте для их установления, причем, нередко еще до возбуждения уголовного дела) или заподозренные в совершении преступления до придания официального статуса подозреваемого или обвиняемого; лица в статусе подозреваемых и обвиняемых; осужденные лица, виновность которых установлена вступившими в законную силу приговорами (которых уже можно именовать преступниками, как это принято в науках уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права, а также так сложилось в криминалистике). Именно поэтому в данной статье употребляется выражение «лицо, подвергаемое уголовному преследованию», как наиболее удачное, будучи всеохватывающим, включающим в свой логический объем понятия все перечисленные категории лиц, фактически подвергаемых уголовному преследованию.

Внимание ученых – представителей наук уголовно-правового цикла к мотивам и мотивации лиц, подвергаемых уголовному преследованию, связано прежде всего с тем, что мотив преступления рассматривается в качестве существенного психологического обстоятельства, определяющего степень общественной опасности преступления и характеризующего личность преступника. В Уголовном кодексе Российской Федерации [1] (УК РФ) мотив преступления сконструирован как основной или квалифицирующий признак того или иного состава преступления либо как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание. Это и предопределило значительное количество работ представителей науки уголовного права, в той или иной мере посвященных уголовно-правовому значению мотивов преступления.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (УПК РФ) в статье, предусматривающей перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, устанавливает, что в числе других обстоятельств подлежат доказыванию «виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы» (п. 2 ч. 1 ст. 73). Как важное обстоятельство, по общему правилу необходимое для квалификации преступления, в целом определяющее степень общественной опасности преступления и его субъекта, мотив преступления, наряду с иными обстоятельствами, характеризующими личность подозреваемого (а до придания этого статуса – фактически заподозренного),

обвиняемого (в судебных стадиях именуемого подсудимым, затем осужденным), учитывается и при принятии ряда весьма существенных уголовно-процессуальных решений, включая решения, принимаемые в ходе и по результатам проверки сообщения о преступлении, предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, а также производства в провальных судебных стадиях и в стадии исполнения приговора.

Мотивация преступного поведения широко исследуется также в криминологии при изучении причин совершения преступлений и личности преступника. При этом в ряде работ ученых-криминологов, пожалуй, наиболее наглядно отражено существующее реально богатство и сложность мотивирующих факторов преступного поведения.

Не могли оставить без внимания проблемы изучения мотивов преступления и мотивации преступного поведения (так называемой преступной мотивации) и ученые-криминалисты. В той или иной мере эти вопросы затрагивались в работах, посвященных комплексному изучению личности обвиняемого в процессе расследования преступлений, тактике следственных действий, методике расследования отдельных категорий преступлений, в особенности в связи с установлением свойств личности преступника по понимаемым в широком смысле следам преступления.

Таким образом, простое обращение к положениям действующих уголовного и уголовно-процессуального законов, а также к тематикам исследований, проводимых учеными – представителями наук уголовно-правового цикла, приводят к выводу о том, что изучение области психических явлений, обозначаемой понятиями мотива и мотивации, имеет важное уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, криминологическое (а следовательно, и уголовно-исполнительное) и криминалистическое значение.

Между тем обращение к имеющимся работам представителей наук уголовно-правового цикла позволяет выявить и ряд проблем, в том числе пробелов, в изучении обозначенной области психических явлений. Так, в этих работах не всегда адекватно отражается и используется категориальный аппарат психологии, что необходимо делать, учитывая исходную отнесенность объекта познания, обозначаемого понятиями мотивации и мотива, к области психических явлений, т.е. к психике человека. Также присутствует и некоторое игнорирование современных и достаточно признанных в психологии представлений о мотивирующих факторах поведения человека. Еще одной проблемой, в известной мере связанной с обозначенными, является отсутствие единства мнений по основным понятиям, отражающим данный объект познания, – по сути, нет единого понимания собственно терминов «мотив» и «мотивация», а также соотношения данных понятий. Настоящая статья является попыткой внести определенный вклад в решение обозначенных проблем.

Приступая непосредственно к рассмотрению обозначенных определенных психических явления понятий мотива и мотивации, необходимо отметить, что в

психологических словарях эти понятия, по сути, отождествляются [3. С. 219; 4. С. 419–421]. Относительно многих научных работ в области психологии известный отечественный ученый-психолог Е.П. Ильин также отмечает, что в них эти два понятия используются как синонимы [5. С. 67]. При этом как психологи, так и представители наук уголовно-правового цикла обычно уточняют, что мотив – это побуждение, а мотивация – совокупность (система) побуждений, вызывающих активность и поведение, в том числе преступную деятельность субъекта [6. С. 43; 7. С. 14]. Однако в большей степени соответствует реальности и представляется оправданным с учетом запросов психологической и правовых наук, в первую очередь наук уголовно-правового цикла, рассматривать мотивацию как более сложное и многогранное психическое явление, чем мотив. Тем не менее понятие мотива является первичным, понятие мотивации – производным от него. Мотив признается основным элементом системы мотивации, понимание содержания мотивации и ее роли в человеческом поведении, включая поведение лица, подвергнутого уголовному преследованию, необходимо предполагает анализ понятия мотива.

Как отмечается в работе А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, в которой специально рассматривается категориальный аппарат психологии – наряду с понятиями образа, действия, отношения, личности, понятие мотива принадлежит к ряду основных психологических категорий [8. С. 90–93]. Следует сказать, что общепризнанного определения этого понятия нет. Как представители психологии, так и ученые-правоведы, включая в первую очередь представителей наук уголовно-правового цикла, далеки от единого понимания мотива. Большое разнообразие психологических теорий мотивации наблюдается и в зарубежной психологии [9. С. 4]. Известный отечественный психолог А.Н. Леонтьев отмечал, и с тех пор практически ничего не изменилось, что понятием мотив «обозначаются совершенно разные явления» [10. С. 189].

Однако, несмотря на различия в определениях, отметим, что мотив в психологии определяется большей частью через указание на функцию, выполняемую им в человеческом поведении. Причем речь идет о важной функции. С помощью мотива исторически стремились объяснить человеческое поведение и деятельность. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, освещающие проблемы психологии в историческом аспекте, пишут: «Прежде чем войти в разряд психологических категорий и закрепиться в языке науки, представление о мотиве неизменно и повсеместно появлялось (под различными именами) во всех случаях, когда возникал вопрос о причинах человеческого поведения» [8. С. 131]. П.М. Якобсон отмечал, что «мотив является реальным компонентом процесса, приводящего к осуществлению человеком целенаправленного действия, и без понятия мотива нельзя раскрыть психологическую природу человеческих действий» [11. С. 10–11].

В различных определениях мотива, имеющих в литературе, акцентируется внимание на различных функциях и признаках психического явления, именуемого мотивом, обуславливающих его отмеченную

важность для объяснения поступков человека. Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных функций, необходимо отметить, что все функции мотива осуществляются в реальном поведении всей системой мотивации, основным элементом которой он является. То есть при всей специфике термина «мотивация» через рассмотрение функций мотива мы в определенном аспекте раскрываем содержание и данного термина. Это оправдывает употребление в некоторых местах данной статьи терминов «мотив» и «мотивация» как тождественных, особенно при цитировании других авторов.

Подробное перечисление функций, которые принято выделять у мотива и мотивации в психологии, дано в специально посвященной исследованию этих психических явлений монографии Е.П. Ильина. Так, им перечисляются следующие функции мотива: побуждающая (т.е. побудительная), направляющая, стимулирующая (продолжение побуждающей), регулятивная или управляющая, организующая (и близкая к ее пониманию структурирующая), смыслообразующая, отражательная, защитная [5. С. 122–125]. Среди представителей наук уголовно-правового цикла наиболее полный перечень функций у такого явления, как мотивация, выделил В.В. Лунеев. В обширной монографии, специально посвященной мотивации преступного поведения, он говорит об отражательной, побудительной, смыслообразующей, регулятивной и контролирующей функциях мотивации [12. С. 29–30].

В настоящей статье мы остановимся на функциях, традиционно выделяемых у мотива (и мотивации) в психологии, а также в науках уголовно-правового цикла, а именно, будут исследованы побудительная функция, направляющая и связанная с нею отражательная функции, наконец, смыслообразующая функция мотива (и мотивации). Данные функции наиболее важны для раскрытия понятия мотивации лица, подвергнутого уголовному преследованию, с учетом задач и предмета изучения данного объекта познания в уголовном процессе, для подробного определения которых необходимы дополнительные исследования, выходящие за рамки настоящей статьи.

О побудительной функции мотива (мотивации)

Первая функция, признаваемая за мотивом подавляющим большинством авторов, – это побудительная или динамизирующая (энергетизирующая) функция. Само этимологическое значение термина «мотив» непосредственно связано с указанной функцией: от латинского «*move*», «*moveo*» – двигать, двигаю.

Эта функция определяется, например, в нижеследующих суждениях и объяснениях различных авторов. Так, А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский отмечают, что «мотив – это то, что движет живым существом, ради чего оно тратит свою жизненную энергию», значение мотива в психической жизни, «его служба в ней предопределена тем, чтобы придать поведению импульс и направленность к цели, поддерживая энергетическую напряженность поведения на всем пути стремления к ней». Обратно они называют мотив «энергетическим запалом» любых действий и их «горючим материалом» [8. С. 131].

А.Н. Леонтьев называл деятельностью процесс, «побуждаемый и направляемый мотивом» [10. С. 188]. Б.С. Волков замечал: «Мотив – это побуждение, которым руководствовалось лицо, совершая преступление» [13. С. 6]. К.Е. Игошев называл мотивом «...побуждение, которое является внутренней непосредственной причиной преступной деятельности» [14. С. 66]. В.В. Лунеев: «Мотив – побуждение внутреннее, субъективное, идеальное...» [12. С. 48]. Д.П. Котов: «Мотив преступления – это порожденное системой потребностей осознанное и оцененное побуждение, принятое лицом в качестве идеального основания и оправдания своего преступного деяния» [15. С. 11].

Как мы видим, побудительная функция мотива чаще всего обозначается понятием «побуждение», причем оно часто употребляется для обозначения мотива преступления и в уголовном законе, например в ст. 153, 155, 215.2, п. «з» и «и» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, ст. 116 УК РФ. Следует добавить, что в литературе как тождественные данному понятию употребляются также понятия «побуждающая причина», «психологическая причина», «побудитель к действию», «внутренняя сила» и т.д. Понятие «побуждение» и производные от него приведенные понятия традиционно используются для обозначения мотива (и мотивации) преступления (и преступного поведения) в специально посвященных этой проблематике современных диссертационных исследованиях представителей наук уголовно-правового цикла [16. С. 23; 17. С. 10; 18. С. 12; 19. С. 66–67; 20. С. 11].

Итак, для понимания сущности побудительной функции мотива представляется целесообразным выяснить, что принято понимать под отдельным побуждением в отечественной литературе.

А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, исследовавшие историю развития категории «мотив» в психологии, в частности, отмечают: «Будучи непременным “энергетическим запалом” любых действий и их “горючим материалом”, мотив издавна выступал на уровне житейской мудрости в различных представлениях о чувствах (например, удовольствия или неудовольствия), побуждениях, влечениях, стремлениях, желаниях, страстях, силе воли и т.д.» [8. С. 131]. За исключением потребностей, эмоций, интересов, в данном высказывании содержатся все основные детерминанты, которые соответствуют термину «побуждение» в современной психологии. Следует отметить, что в отечественной науке вопрос о том, одинаковую ли по значимости роль играют для детерминации поведения (и деятельности) человека перечисленные побуждения, является дискуссионным.

Суть данной дискуссии, начавшейся еще в 50-х гг. XX в. и именуемой часто «дискуссией о движущих (побудительных) силах человеческого поведения», в следующем. Одна группа авторов считает, что в основе поведения (и деятельности) человека лежат изначально потребности, не отрицая при этом роли других детерминант (влечений, интересов, чувств, идеалов, мировоззрения, эмоций и т.д.). Последние часто именуются у этих авторов модификациями потребностей

или формами осознания их предметов, т.е. им отводится роль промежуточных детерминант [7. С. 13–14; 10; 12; 15; 21]. Другие авторы полагают, что наряду с потребностями человека побуждают к поведению (и деятельности) и интересы, а также чувства, идеалы и разнообразные общественные требования [22. С. 542; 23. С. 102; 24. С. 57]. Наконец, третья группа авторов придает потребностям весьма малую роль в поведении (и деятельности) человека, считая, что они выступают основным фактором только в импульсивных действиях, т.е. в действиях, происходящих вне связи с рассуждением [25. С. 32–33; 26. С. 41].

Нет смысла в данной статье подробно разбирать аргументы оппонентов. Отметим вкратце, что причины разногласий заключаются в разном понимании содержания понятия «потребность». Авторы, придерживающиеся второй и третьей позиции, в основном понимают под потребностями простейшие биологические и материальные потребности. Между тем круг типичных человеческих потребностей, описываемый в психологической литературе, весьма разнообразен. Так, отечественные психологи группируют потребности по меньшей мере как материальные, духовные, социальные [5. С. 41–42]. Среди известных зарубежных психологов весьма широкий круг видов потребностей (иерархию) выделяет А. Маслоу [27. С. 60–68]. В работах отечественных представителей наук уголовно-правового цикла также представлен широкий перечень видов потребностей, могущих быть положенными в основу формирования мотивации преступного поведения [17. С. 37–43].

Достаточно широкое и точное понятие потребностей можно встретить в работах А.Н. Леонтьева. Он различал потребность, во-первых, как внутреннее условие, одно из обязательных предпосылок деятельности, состояние нужды организма, функция которой «ограничивается активацией соответствующих биологических отправлений и общим возбуждением двигательной сферы», и, во-вторых, как то, «что направляет и регулирует конкретную деятельность субъекта в предметной среде». Эту последнюю функцию потребность приобретает лишь в результате ее «встречи» с отвечающим ей предметом и «наполнения» ее содержанием, «которое черпается из окружающего мира» [10. С. 87–88]. Примерно такого же понимания придерживался Д.П. Котов: «Под потребностью следует понимать психическое отражение нужды субъекта... Нужда выражает реальные, объективно существующие отношения между средой и субъектом, потребность же – внутреннее состояние субъекта, отражающее нужду... определенное психическое отношение человека к условиям его жизни, сформировавшееся как на базе нужды, так и на базе имеющихся потребностей... Потребность выступает как источник активности личности по отношению к среде» [15. С. 6–7].

Потребности мотивируют человеческое поведение чаще всего не непосредственно, а опосредованно, а именно через перечисленные выше детерминанты: чувства, желания, интересы, идеалы и т.д. При рассмотрении побудительных факторов применительно к

преступному поведению нельзя не отметить, например, значение эмоций, так как субъективная сторона многих тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, мотивами которых принято считать «недовольство», «ненависть», «озлобленность», «ревность», «обиду», «страх», «трусость» и т.д., носит яркий отрицательно эмоциональный характер. Отечественные ученые отмечают, что эмоции имеют двойную обусловленность: с одной стороны, они имеют своим основанием потребности, а с другой – обстоятельства конкретной ситуации. Согласно такой трактовке эмоция является отражением актуальной потребности и возможности ее удовлетворения в конкретной ситуации. Низкая вероятность удовлетворения потребности ведет к возникновению отрицательной эмоции, интенсивность ее будет определяться не только силой потребности, но и оценкой вероятности ее удовлетворения [28. С. 8; 29]. Как заключает в отношении указанной группы преступлений В.В. Лунеев, «непосредственным мотивом преступного поведения в таких случаях выступает не сама потребность, а та отрицательная эмоция, которая возникла на ее основе в неблагоприятных условиях ее удовлетворения. Поэтому целью таких преступлений, как правило, является не удовлетворение исходной потребности, а эмоциональная и физическая разрядка сама по себе» [12. С. 132].

Отведение потребностям роли источника побудительной активности человека и формирования мотивации преступного поведения, по сути, общепризнанно в специально посвященных этой проблематике современных исследованиях представителей наук уголовно-правового цикла [16. С. 22; 17. С. 34, 45; 20. С. 37, 65; 30. С. 11].

Суммируя сказанное выше относительно дискуссии о движущих силах человеческого поведения, можно констатировать следующее. В качестве непосредственных побудителей поведения человека, актуализируясь в виде мотивов и выполняя их побудительную функцию, выступают различные детерминанты: влечения, интересы, желания, эмоции и т.д., но исходным источником активности человека являются потребности, которые мотивируют человеческое поведение, в том числе преступное, чаще всего опосредованно, через перечисленные детерминанты.

О направляющей и отражательной функциях мотива (мотивации)

Значение мотива, позволяющее объяснить направленность, а в связи с этим в определенной мере и смысл человеческих поступков, заключается не в побудительной функции, определяющей динамические характеристики поведения, а связано с его предметным содержанием. Все отмеченные выше детерминанты, соответствующие термину «побуждение», в психической жизни (исключая некоторые случаи, в основном связанные с психической патологией человека) выступают в направленности на определенный объект, точнее, согласно принятой в психологии терминологии, в предметной направленности. А.Н. Леонтьев точно от-

мечал, что «собственно потребность – это всегда потребность в чем-то» [10. С. 189]. Аналогично можно сказать, что и интерес, влечение, страсть и т.д. – всегда интерес, влечение, страсть к чему-то. Эмоция также всегда имеет предметный характер. В связи с этим в научной литературе выделяют направляющую и отражательную функции мотива (мотивации) [5. С. 122–123; 12. С. 29; 14. С. 59; 31. С. 369–370]. Именно наличие данных функций у мотива (мотивации) позволяет выяснить с его помощью социальное содержание поведения человека, в том числе и то, будет ли оно направлено против охраняемых законом благ, а если содержит признаки состава преступления, выступая в качестве преступного поведения, – оценить степень общественной опасности преступника и определить меры общей и частной превенции [32. С. 206–234]. То есть это имеет важное уголовно-правовое, криминологическое и в известной мере уголовно-исполнительное значение, а, следовательно, в определенной степени также значение уголовно-процессуальное и криминалистическое. Данные аспекты значения изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе подлежат освещению в дополнительных исследованиях, выходящих за рамки темы настоящей статьи.

Здесь же для рассмотрения направляющей, а в дальнейшем и отражательной функций мотива (мотивации) имеет смысл раскрыть содержание такого свойства человеческого поведения, трактуемого в отечественной психологии советского периода в качестве деятельности [3. С. 276], как предметность. В психологической теории А.Н. Леонтьева предметность деятельности означает подчиненность деятельности окружающей действительности («предметной среде»): «Предмет деятельности выступает двояко: первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности и иначе осуществляться не может» [10. С. 88].

Предмет обретает свои подчиняющую и направляющую деятельность функции только тогда, когда он становится «предметом потребности», потребность здесь выступает как побуждающая к активности субъекта сила, первоначально еще выступающая как «ненаправленные поисковые движения». Как пишет далее о трансформации потребности в деятельности А.Н. Леонтьев, «лишь в результате ее “встречи” с отвечающим ей предметом она впервые становится способной направлять и регулировать деятельность». Наконец, в результате такой встречи «потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. становится мотивом» [10. С. 87, 190]. Похожее пояснение дает Е.П. Ильин, отмечая, что направляющая функции мотива определяет направленность энергии на определенный объект, на определенную активность, эту функцию позволяет осуществлять наличие в мотиве цели [5. С. 122–123].

Итак, с помощью понятия «предмет» обозначается направленность деятельности на что-то или направляющая функция мотива – по А.Н. Леонтьеву. Чтобы придать деятельности определенную направленность, предмет, соответствующий определенной потребности, должен стать психическим образом, т.е. отразиться в психике субъекта. Таким образом, в результате психического отражения предметной (объективной) действительности образуются мотивы деятельности. «Предмет деятельности», «предмет потребности», «определенная потребность» – это различные определения, которые дает А.Н. Леонтьев мотиву.

Нетрудно заключить, что направляющая функция мотивов реализуется при их формировании как результат психического субъективного отражения внешних факторов в процессе поведения и деятельности человека. И здесь можно говорить уже об отражательной функции мотивов, если их понимать как устойчивые психические образования (и даже свойства) личности человека: такие мотивы не только побуждают и направляют деятельность, но и сами формируются деятельностью, в которую вовлекается личность в ходе своего развития, отражают факторы социальной среды, в которой осуществлялись деятельность и развитие данной личности. В результате многократных повторений различных видов деятельности и поведения у личности формируется не просто совокупность мотивов, а мотивационная сфера, как относительно устойчивая система мотивов. В этой связи точным представляется суждение В.В. Лунеева о том, что мотивационная сфера является побуждающей и направляющей подсистемой личности [12. С. 108]. При этом, вследствие того, что «в основании личности лежат отношения соподчинения человеческих деятельностей», мотивационная сфера личности характеризуется отношениями иерархии мотивов [10. С. 188, 203]. Некоторые мотивы являются доминирующими, подчиняющими себе другие, образующими как бы «стержень» всей мотивационной сферы [33. С. 313].

Системное понимание личности и выделение в ее структуре мотивационной сферы требует внесения некоторых поправок в понимание процесса реализации функций мотива в поведении человека. Отражательная и иные рассматриваемые в данной статье функции мотива (и мотивации) реализуются в поведении и деятельности не отдельными элементами, а именно *мотивационной сферой, как важной подсистемой личности* или «центром ее внутренней структуры, интегрирующим ее активность как динамического целого» [12. С. 107].

Выше было отмечено, что мотивацию принято и, с позиции задач наук уголовно-правового цикла, оправдано рассматривать как более сложное и многогранное явление, чем мотив или совокупность мотивов. Теперь наступила возможность выяснить то, в чем видится завышенная большая сложность и многогранность психического явления, обозначаемого термином «мотивация». Итак, термин «мотивация» используется именно для обозначения рассмотренной выше мотивационной сферы [5. С. 182–183; 11. С. 12; 14. С. 88], как относительно устойчивой системы мотивов личности, как по-

буждающей, направляющей подсистемы личности, отражающей факторы ее формирования и развития. Составляют мотивационную сферу личности такие ее элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивами (а точнее, мотивационными образованиями [5. С. 143–183, 344]), как потребности, интересы, влечения (желания), увлечения, привычки, ценностные ориентации, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов уже конкретного поведения. Данного смысла термина «мотивация» мы исходно придерживаемся, рассматривая мотивацию лица, подвергаемого уголовному преследованию, в качестве объекта познания в настоящей статье. В то же время термином «мотивация» принято обозначать процесс детерминации мотивационной сферой личности определенного поведения [12. С. 25–26, 31].

Осуществляющееся в ходе деятельности и поведении человека отражение внешней или предметной действительности находит свое итоговое выражение в том, что принято называть направленностью личности. Направленность личности – это, по сути, не что иное, как характеристика системы доминирующих мотивов, образующих «стержень» ее мотивационной сферы или относительно устойчивую конфигурацию главных внутри себя иерархизированных мотивационных линий [10. С. 221]. Направленность справедливо относят к таким образованиям личности, которые создают ее целостность. [34. С. 62].

Направленность личности – одно из ключевых понятий, используемых отечественными криминологами. Не случайно особое внимание отражательной функции мотива (мотивации) преступного поведения уделяется именно в криминологических исследованиях. Наличие у мотива (мотивации) этой функции позволяет считать его формой психического отражения криминогенных влияний среды. «Мотив преступного поведения является, – пишет В.В. Лунеев, – субъективным отражением объективных причин преступления» [12. С. 48].

Особое внимание к отражательной функции мотива (мотивации) преступного поведения связано с доминирующим в отечественной криминологии базовым положением о том, что истоки преступного поведения, его главные и определяющие причины коренятся в социальных условиях жизни и деятельности, так как именно через данную функцию мотива (мотивации) реализуется детерминирующая роль социальной среды в поведении человека. Выделение данной функции у мотива (мотивации) преступного поведения позволяет криминологам «изучать социально-психологический механизм отражения в мотивации причин и условий преступления, причинно связывать криминологические явления и процессы с преступным поведением и анализировать истоки мотивации» [35. С. 23].

Следует подчеркнуть, что влияние субъективных факторов, в первую очередь личностных, на результат психического отражения нельзя не учитывать. При отражении в мотивации объективных факторов действует

выдвинутый еще С.Л. Рубинштейном общий принцип о том, что внешнее действует через внутреннее.

Как видно, рассмотрение отражательной функции мотива связано с обращением к проблеме соотношения внутреннего и внешнего в личности. По существу, данная проблема – более общее выражение проблемы соотношения биологического и социального в личности. В литературе эти проблемы часто отождествляются [10. С. 172; 12. С. 148]. Мы не будем анализировать здесь различные точки зрения (за которыми нередко стоят целые научные направления) на решение столь общих вопросов. Подробное рассмотрение проблемы биологического и социального в личности – в большей мере задача философии, а не наук уголовно-правового цикла. Но некоторые общие суждения в отношении данной проблемы изложить необходимо.

С биологическими потребностями, производными от инстинктов и врожденных особенностей индивида, в отечественной науке общепризнанно связывается динамический потенциал поведения [36. С. 22]. Уже упоминалось, что индивид от рождения наделен потребностями, определяющими его активность, пусть поначалу «ненаправленную». Содержательную же сторону человеческого поведения, в том числе и преступного, принято считать определяемой социальной средой [37. С. 73; 38. С. 165]. Но в некоторых работах отмечается, что, не порождая преступного поведения по существу, некоторые природные особенности в конкретном сочетании с конфликтными и другими сложными криминогенными ситуациями влияют не только на динамику психических процессов у преступника, т.е. на их скорость, темп, длительность, интенсивность, активность, ритм, но косвенно – и на содержание преступного поведения [12. С. 125; 39. С. 64–69]. Отмечается также неодинаковая роль указанных влияний в генезисе разных видов криминальных мотиваций, т.е. корыстной, насильственной, неосторожной [12. С. 125].

Следует согласиться с мнением Б.Ф. Ломова, предположившего, что соотношение социальной и биологической детерминации по-разному складывается в разных условиях жизнедеятельности [33. С. 99]. Как верно указывал названный автор, нельзя упускать из виду и соотношение биологического с психическим (психологическим), которое не может быть сведено к социальному. Биологическое по отношению к психическому может выступать в роли его механизма, предпосылки, содержания отражения, фактора, причины и условия [33. С. 144–145].

Как обобщающую характеристику механизма отражения криминогенных воздействий в мотивации, уместно будет привести основные пункты его описания В.В. Лунеевым. Взяв за основу разработанные в философской литературе признаки человеческого социального отражения, данный автор констатирует, что оно: «а) не моментально, а постепенно и дискретно...; б) не непосредственно, а опосредованно...; в) не полно, а частично и фрагментарно...; г) не пассивно, а активно...; д) не натурально, а модифицированно...; е) не однозначно, а вариативно...; ж) не безлично, а нормативно и оценочно...; з) не поверхностно, а сущ-

ностно...» [12. С. 153–154]. Таковы особенности субъективного отражения криминогенных влияний среды в мотиве (мотивации) преступного поведения.

В заключение рассмотрения отражательной функции мотива (мотивации) отметим, что анализ этой функции мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, интересен прежде всего с позиции криминологии, а в известной мере и наук уголовного и уголовно-исполнительного права, поскольку это позволяет выделить во внешней среде криминогенные факторы и влияния, собственно общие закономерности, объясняющие отличие преступного типа отражения этих влияний от не преступного. В то же время анализ этой функции интересен и с позиции криминалистической задачи установления (идентификации) и розыска преступника, поскольку может помочь выявить более мелкие закономерности отражения этих влияний в мотивации, которые определяют индивидуализирующие преступников черты личности. Для подробного освещения определяемых данными науками уголовно-правового цикла задач изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, необходимы дополнительные исследования, не охватываемые темой настоящей статьи.

О смыслообразующей функции мотива (мотивации)

Следующая функция мотива (мотивации) – смыслообразующая – в отечественной психологии связывается с понятием «личностный смысл», выдвинутым А.Н. Леонтьевым [10. С. 145]. Поэтому проследим, каким образом в его теории деятельности осуществляется переход от понятий «предмет деятельности», «предметная деятельность» к понятию «личностный смысл».

Чтобы подчинить себе, направить поисковую активность субъекта, предмет (как часть окружающей действительности) должен, как уже говорилось, отразиться в его психике. Как утверждал А.Н. Леонтьев, всеобщей формой психического отражения, порождаемой предметной деятельностью субъекта, выступают чувственные образы. В сознании индивида независимое от субъекта, определяемое общественным сознанием «объективное значение» чувственных образов отражаемых предметов «обретает еще одно внутреннее отношение, оно обретает *личностный смысл*». «Это особое внутреннее отношение, – иллюстрирует А.Н. Леонтьев, – проявляет себя в самых простых психологических фактах. Так, например, все учащиеся постарше, конечно, отлично понимают значение экзаменационной отметки и вытекающих из нее следствий. Тем не менее отметка может выступить для сознания каждого из них существенно по-разному: скажем, как шаг (или препятствие) на пути к избранной профессии и как способ утверждения себя в глазах окружающих, или, может быть как-нибудь еще иначе... значение отметки способно приобретать в сознании учащихся разный личностный смысл» [10. С. 144–145].

Аналогично, блага, охраняемые уголовным законом, на которые посягает преступник, цели, средства, способы совершения преступлений имеют для преступника далеко не совпадающий с их объективным значением личностный смысл, этим, в первую очередь, преступник отличается от правопослушного гражданина. Итак, следует различать объективное значение различных проявлений деятельности и то, какой личностный (субъективный) смысл придает им конкретный человек.

Учитывая решающую роль в деятельности и развитии личности ее мотивационной сферы, указанное особое внутреннее отношение «объективных значений» чувственных образов создается именно мотивами. Данную мысль выразил А.Н. Леонтьев: «...их (мотивов. – М.Д.) функция, взятая со стороны сознания состоит в том, что они как бы “оценивают” жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением» [10. С. 150]. Итак, мотивы придают различным проявлениям деятельности и обстоятельствам ее осуществления «личностный смысл» – в этом и заключается их смыслообразующая функция. Сущность этой функции еще точнее выразил В.В. Лунеев, пояснив, что мотивированная активность имеет для субъекта личностное значение [12. С. 29]. О наличии у мотива этой функции и ее значении для исследований в области наук уголовно-правового цикла также уже говорилось автором настоящей статьи [40. С. 64–67] и рядом других представителей данных наук [19. С. 72; 20. С. 65; 41. С. 13–15].

Разумеется, реализуется указанная функция не отдельным мотивом, а мотивационной сферой личности как системой. При этом не все мотивы, составляющие мотивационную сферу личности, могут, побуждая деятельность, вместе с тем, придавать ей личностный смысл. Личностный смысл могут придавать деятельности, по мнению А.Н. Леонтьева, только мотивы, называемые им смыслообразующими. Другие же, сосуществующие с первыми так называемые мотивы-стимулы, выполняя роль побудительных факторов, лишены смыслообразующей функции. Смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место, они составляют систему главных, доминирующих в мотивационной сфере личности, мотивов [10. С. 204, 221]. Поэтому можно заключить, что направленность личности проявляется именно в смыслообразующих мотивах.

Для наук уголовно-правового цикла, а в особенности для криминалистики, имеет значение понимание того, что любые действия, в том числе и преступные, а также обстоятельства, в которых они осуществляются, имеют не просто «личностный смысл», а *индивидуальный личностный смысл* [40. С. 66–67]. Дело в том, что содержание и строение мотивационной сферы личности, в том числе системы ее смыслообразующих мотивов, всегда индивидуальны, как индивидуальны содержание и строение различных видов поведения и деятельности, ее сформировавших. Всегда индивидуальны и предпосылки поведения и деятельности, т.е.

как набор и сочетание биологических, прирожденных свойств человека, так и социальная среда формирования его как личности. Можно заключить, что в любом поведении, в том числе преступном, и обстоятельствах его осуществления всегда выражается индивидуальное содержание системы смыслообразующих мотивов, его детерминировавших. Индивидуальность мотивов в любом преступном поведении свидетельствует об их большом разнообразии. Вот почему трактовка мотивов преступного поведения в ограниченном диапазоне соответствующих формулировкам уголовного закона общепризнанных форм – «корысть», «месть», «ревность» и т.п. – очень мало говорит нам обо всем богатстве мотивирующих компонентов этого поведения и является в большинстве случаев лишь косвенным отражением истинных внутренних причин преступления, искаженной проекцией этих причин.

Более глубоко раскрывать личностный смысл конкретного поведения лица, подвергаемого уголовному преследованию, в первую очередь преступного поведения (соответствующего вменяемому ему преступлению) с обстоятельствами его осуществления, его поведения, предшествовавшего и последующего совершению преступления, а также поведения в ходе производства по уголовному делу, возможно и важно с позиции любой науки уголовно-правового цикла. При этом следует заметить, что истинное понимание направленности личности этого лица может быть достигнуто лишь через изучение ее смыслообразующих мотивов. Нелишне также добавить, что раскрытие индивидуального личностного смысла конкретного преступного поведения и обстоятельств его осуществления имеет особое значение для решения криминалистической задачи установления и розыска преступника, требующей, возможно, более полного знания об индивидуализирующих его личность свойствах [42. С. 12].

Подводя итоги приведенным в статье рассуждениям, попытаемся изложить в обобщенной форме полученные в ней выводы, обеспечивающие раскрытие понятия и функций мотива и мотивации в поведении и личности лица, подвергаемого уголовному преследованию.

1. Несмотря на встречающееся в ряде научных работ отождествление понятий мотива и мотивации, следует считать в большей степени соответствующим реальности и оправданным с учетом запросов как психологии, так и наук уголовно-правового цикла понимание мотивации как более сложного (системного) и многогранного психического явления, чем мотив. В то же время понятие мотива является первичным, понятие мотивации – производным от него, мотив является основным элементом системы мотивации.

2. Мотив в психологии определяется большей частью через указание на функцию, выполняемую им в человеческом поведении. При этом функции мотива осуществляются в реальном поведении всей системой мотивации, основным элементом которой он является.

3. Побудительная, направляющая, отражательная и смыслообразующая функции мотива (мотивации) наиболее важны для раскрытия понятия мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, с учетом задач и предмета изучения данного объекта познания в уголовном процессе.

4. Побудительная функция мотива (мотивации), обозначаемая обычно термином «побуждение», выражается в том, что это психическое явление побуждает, динамизирует (энергетизирует) активность и поведение человека. При этом в основе формирования мотивов как побуждений поведения и деятельности человека лежат разнообразные потребности.

5. Направляющая функция мотива (мотивации), связанная с так называемым предметным содержанием деятельности человека, заключается в том, что это психическое явление во взаимодействии с целью (т.е. психическим отражением предмета определенной потребности) определяет направленность энергии и собственно поведения и деятельности человека на определенный объект.

6. Отражательная функция мотива (мотивации) означает, что это психическое явление при формировании в качестве устойчивого психического образования (и даже свойства) личности человека выступает результатом отражения факторов социальной среды, в которых осуществлялись его поведение, деятельность и развитие личности. Результатом такого отражения выступает мотивация, взятая в статическом понимании, т.е. мотивационная сфера личности как относительно устойчивая система мотивов, побуждающая и направляющая подсистема личности, характеризующаяся отношениями иерархии мотивов, в которой некоторые мотивы являются доминирующими, подчиняющимися себе другие, образующими как бы ее «стержень», определяющий направленность личности.

Составляют мотивационную сферу личности такие ее элементы, являющиеся устойчивыми и носящими личностный смысл мотивами (а точнее, мотивационными образованиями), как потребности, ценностные ориентации, влечения (желания), интересы, увлечения, привычки, мотивационные установки, иные побуждения, которые могут при взаимодействии с определенной ситуацией выступать в качестве мотивов уже конкретного поведения. Наличие у мотива (мотивации) преступного поведения отражательной функции позволяет считать это психическое явление формой психического отражения кримиогенных влияний среды, субъективным отражением объективных причин преступления.

7. Смыслообразующая функция мотива (мотивации) состоит в том, что это психическое явление придает так называемый личностный смысл (не совпадающий с объективным значением) для конкретного человека различным проявлениям его поведения и деятельности, а также обстоятельствам их осуществления. Данная функция обеспечивается не всеми мотивами, входящими в мотивационную сферу личности, а главными, доминирующими в ней мотивами, в которых проявляется направленность личности, и которые можно именовать ее смыслообразующими мотивами. Смыслообразующие мотивы личности всегда индивидуальны, из чего следует, что любые действия, в том числе и преступные, а также обстоятельства, в которых они осуществляются, имеют не просто «личностный смысл», а «индивидуальный личностный смысл».

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 20.08.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 20.08.2025).
3. Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского М. : Политиздат, 1990. 494 с.
4. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2011. 512 с.
6. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М. : Наука, 1988. 191 с.
7. Трухачев В.В. Мотивация как элемент криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. 24 с.
8. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т. 1. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 416 с.
9. Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действиями. М. : Изд-во МГУ, 1991. 144 с.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
11. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М. : Просвещение, 1969. 317 с.
12. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. 383 с.
13. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
14. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький : ВШ МВД СССР, 1974. 168 с.
15. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 152 с.
16. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 45 с.
17. Думанская Е.Г. Мотив преступления как итог мотивационного процесса; его значение при квалификации убийств : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 163 с.
18. Музюкин А.П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 23 с.
19. Рачицкая В.А. Мотивационная типология убийств и вопросы дифференцированного предупреждения этих преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 185 с.
20. Станкевич К.К. Мотивы и цели убийства: доктрина, закон, применение : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 199 с.
21. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л. : ЛГУ, 1970. 173 с.
22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. : Учпедгиз, 1946. 704 с.
23. Ковалев А.Г. Психология личности. М., 1970. 391 с.
24. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. 136 с.
25. Веденев А.В. Личность как предмет психологической науки // Вопросы психологии. 1956. № 1. С. 19–33.
26. Харазисвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси : Цодна, 1963. 288 с.
27. Маслоу А. Мотивация и личность : пер. с англ. 3-е изд. СПб. : Питер, 2019. 400 с.
28. Психология эмоций / под ред. В.К. Виллонаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М. : Изд-во МГУ, 1993. 304 с.
29. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М. : Наука, 1970. 141 с.
30. Соколова О.В. Уголовно-правовой аспект мотивации преступного поведения и проблемы доказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 28 с.
31. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1969. 376 с.

32. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть) : учебное пособие. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2017. 284 с.
33. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 444 с.
34. Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник для вузов. 6-е изд. СПб. : Питер, 2009. 608 с.
35. Криминальная мотивация / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1986. 304 с.
36. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М. : Наука, 1979. 352 с.
37. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М. : Юрид. лит., 1976. 223 с.
38. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М. : Изд-во МГУ, 1984. 204 с.
39. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М. : Юрид. лит., 1968. 176 с.
40. Мезинов Д.А. Преступная мотивация как объект познания в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 188 с.
41. Тазин И.И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 252 с.
42. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 48 с.

References

1. Russian Federation. (1996) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 31.07.2025)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (Accessed: 20.08.2025).
2. Russian Federation. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 31.07.2025)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (Accessed: 20.08.2025).
3. Petrovskiy, A.V. (ed.) (1990) *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Dictionary]. Moscow: Politizdat.
4. Corsini, R. & Auerbach, A. (eds) (2006) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Psychological Encyclopedia]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
5. Il'in, E.P. (2011) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and Motives]. St. Petersburg: Piter.
6. Kovalev, V.I. (1988) *Motivy povedeniya i deyatel'nosti* [Motives of Behavior and Activity]. Moscow: Nauka.
7. Trukhachev, V.V. (1990) *Motivatsiya kak element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy* [Motivation as an Element of the Criminalistic Characteristics of Crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
8. Petrovskiy, A.V. & Yaroshevskiy, M.G. (1996) *Istoriya i teoriya psikhologii* [History and Theory of Psychology]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Feniks.
9. Vasil'ev, I.A. & Magomed-Eminov, M.Sh. (1991) *Motivatsiya i kontrol' za deystviyami* [Motivation and Control over Actions]. Moscow: MSU.
10. Leont'ev, A.N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
11. Yakobson, P.M. (1969) *Psikhologicheskie problemy motivatsii povedeniya cheloveka* [Psychological Problems of Human Behavior Motivation]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Lunev, V.V. (1991) *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Motivation of Criminal Behavior]. Moscow: Nauka.
13. Volkov, B.S. (1982) *Motivy prestupleniy* [Motives of Crimes]. Kazan: Kazan University.
14. Igoshev, K.E. (1974) *Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya* [Typology of the Criminal's Personality and Motivation of Criminal Behavior]. Gorky: VSh MVD SSSR.
15. Kotov, D.P. (1975) *Motivy prestupleniy i ikh dokazyvaniye* [Motives of Crimes and Their Proof]. Voronezh: VSU.
16. Sklyarov, S.V. (2004) *Vina i motivy prestupnogo povedeniya kak osnovaniye differentsiatsii i individualizatsii ugovnoy otvetstvennosti* [Guilt and Motives of Criminal Behavior as the Basis for Differentiation and Individualization of Criminal Liability]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
17. Dumanskaya, E.G. (2005) *Motiv prestupleniya kak itog motivatsionnogo protsessa; ego znachenie pri kvalifikatsii ubiystv* [Motive of Crime as the Result of the Motivational Process; Its Significance in the Qualification of Murders]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
18. Muzyukin, A.P. (2010) *Motiv prestupleniya i ego ugovno-pravovoe znachenie* [Motive of Crime and Its Criminal-Legal Significance]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
19. Rachitskaya, V.A. (2012) *Motivatsionnaya tipologiya ubiystv i voprosy differentsirovannogo preduprezhdeniya etikh prestupleniy* [Motivational Typology of Murders and Issues of Differentiated Prevention of These Crimes]. Law Cand. Diss. Moscow.
20. Stankevich, K.K. (2019) *Motivy i tseli ubiystva: doktrina, zakon, primeneniye* [Motives and Goals of Murder: Doctrine, Law, Application]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
21. Filanovskiy, I.G. (1970) *Sotsial'no-psikhologicheskoe otnosheniye sub"ekta k prestupleniyu* [Socio-Psychological Attitude of the Subject to Crime]. Leningrad: LSU.
22. Rubinshteyn, S.L. (1946) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Uchpedgiz.
23. Kovalev, A.G. (1970) *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of Personality]. Moscow.
24. Volkov, B.S. (1965) *Problema voli i ugovnaya otvetstvennost'* [The Problem of Will and Criminal Liability]. Kazan: Kazan University.
25. Vedenov, A.V. (1956) *Lichnost' kak predmet psikhologicheskoy nauki* [Personality as a Subject of Psychological Science]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 19–33.
26. Kharazishvili, B.V. (1963) *Voprosy motivy povedeniya prestupnika v sovetskom prave* [Issues of the Motive of the Criminal's Behavior in Soviet Law]. Tbilisi: Tsodna.
27. Maslow, A. (2019) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Trans. from English. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
28. Vilyunas, V.K. & Gippenreyter, Yu.B. (eds) (1993) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. Moscow: MSU.
29. Simonov, P.V. (1970) *Teoriya otrazheniya i psikhofiziologiya emotsiy* [Theory of Reflection and Psychophysiology of Emotions]. Moscow: Nauka.
30. Sokolova, O.V. (2003) *Ugovno-pravovoy aspekt motivatsii prestupnogo povedeniya i problemy dokazyvaniya* [Criminal-Legal Aspect of Motivation of Criminal Behavior and Problems of Proof]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
31. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. (1969) Moscow: Nauka.
32. Prozumantov, L.M. & Shepler, A.V. (2017) *Kriminologiya (Obshchaya chast')* [Criminology (General Part)]. Textbook. Tomsk: TSU.
33. Lomov, B.F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow: Nauka. 444 p.
34. Vasil'ev, V.L. (2009) *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal Psychology]. Textbook for Universities. 6th ed. St. Petersburg: Piter.
35. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1986) *Kriminal'naya motivatsiya* [Criminal Motivation]. Moscow: Nauka.
36. Rusalov, V.M. (1979) *Biologicheskie osnovy individual'no-psikhologicheskikh razlichiy* [Biological Foundations of Individual Psychological Differences]. Moscow: Nauka.
37. Karpets, I.I. (1976) *Sovremennyye problemy ugovnogo prava i kriminologii* [Contemporary Problems of Criminal Law and Criminology]. Moscow: Yurid. lit.
38. Kuznetsova, N.F. (1984) *Problemy kriminologicheskoy determinatsii* [Problems of Criminological Determination]. Moscow: MSU.
39. Kudryavtsev, V.N. (1968) *Prichinnost' v kriminologii (O strukture individual'nogo prestupnogo povedeniya)* [Causality in Criminology (On the Structure of Individual Criminal Behavior)]. Moscow: Yurid. lit.
40. Mezinov, D.A. (1999) *Prestupnaya motivatsiya kak ob"ekt poznaniya v kriminalistike* [Criminal Motivation as an Object of Knowledge in Criminalistics]. Law Cand. Diss. Tomsk.

41. Tazin, I.I. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika motivatsionno-smyslovoy sfery lichnosti prestupnika* [Criminalistic Characteristics of the Motivational-Semantic Sphere of the Criminal's Personality]. Law Cand. Diss. Tomsk.
42. Akhmedshin, R.L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Criminalistic Characteristics of the Criminal's Personality]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.

Информация об авторе:

Мезинов Д.А. — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mez_da@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Mezinov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mez_da@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.08.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 30.08.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*

Научная статья
УДК 340
doi: 10.17223/15617793/520/29

Приоритеты и направления международно-правовой политики в сфере обеспечения безопасного использования искусственного интеллекта

Алексей Игоревич Овчинников¹, Евгения Сергеевна Селиванова², Анна Сергеевна Конопий³,
Полина Ивановна Ширинских⁴

^{1, 2, 3, 4} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ k_fp3@mail.ru

² seliv.76@mail.ru

³ konopy-anna@mail.ru

⁴ shirinskikh1999@mail.ru

Аннотация. Проведено сравнительно-правовое исследование, посвященное определению приоритетов и направлений международно-правовой политики в сфере обеспечения безопасного использования искусственного интеллекта. Отмечается, что подход, разработанный государствами Юго-Восточной Азии, во многом отличается от европейского, направленного на глобальную стандартизацию способов и правил регулирования ИИ. Авторы приходят к выводу о регионализации правового регулирования ИИ, а также преимущественно рекомендательном характере принятых к настоящему моменту основных документов по вопросам правового регулирования ИИ. Исключение составляет Регламент или Закон об искусственном интеллекте ЕС, принятый 13 марта 2024 г. Европарламентом, который носит обязательный характер.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, международно-правовая политика, правовое и этическое регулирование искусственного интеллекта, цифровизация права, цифровизация государства

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Для цитирования: Овчинников А.И., Селиванова Е.С., Конопий А.С., Ширинских П.И. Приоритеты и направления международно-правовой политики в сфере обеспечения безопасного использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 270–278. doi: 10.17223/15617793/520/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/29

Priorities and directions of international legal policy in the field of ensuring the safe use of artificial intelligence

Alexey I. Ovchinnikov¹, Evgenia S. Selivanova², Anna S. Konopiy³, Polina I. Shirinskikh⁴

^{1, 2, 3, 4} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ k_fp3@mail.ru

² seliv.76@mail.ru

³ konopy-anna@mail.ru

⁴ shirinskikh1999@mail.ru

Abstract. In the light of emerging polar trends in the field of artificial intelligence regulation, contradictions between states on the formation of a legal framework for the use of artificial intelligence technologies are rapidly increasing. In this regard, the authors of the article conducted a comparative legal study devoted to determining the priorities and directions of international legal policy in the field of ensuring the safe use of artificial intelligence, which is important in determining international standards for the use of artificial intelligence. Since in the process of reaching consensus on many aspects of the legal regulation of the use of artificial intelligence, including in the military sphere, a huge role belongs to intergovernmental and regional associations and organizations such as the Council of Europe, the United Nations (UN), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Commonwealth of Independent States (CIS), The League of Arab States (LAS), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and others, The authors carried out a comparative legal analysis of the main documents on the legal regulation of AI adopted by the above-mentioned associations and organizations. This approach led to the conclusion about the trend towards regionalization of legal regulation of AI, as well as the predominantly recommendatory nature of the documents adopted so far, with the exception of the EU Regulation on Artificial Intelligence, which is mandatory. It is noted that the approach developed by

the states of Southeast Asia differs in many ways from the European one, aimed at global standardization of methods and rules for regulating AI. Unlike the EU, ASEAN calls for taking into account the cultural characteristics of the participants, and also moves away from the need to establish strict criteria for risk categorization in the field of AI. Thus, this concept forms an alternative European model of AI regulation. However, the article also highlights the need to define an international legal framework for the use of artificial intelligence technologies in military conflicts. The authors conclude that since artificial intelligence is not endowed with critical thinking, it is not capable and should not be responsible for decision-making in armed conflicts. Based on this, it seems possible, along with the application of general principles of responsible use of artificial intelligence technologies, to consider the use of only automated weapons within human control acceptable in order to ensure cybersecurity, protect military infrastructure and legitimate defense interests of the state, analyze and process large amounts of data, surveillance, reconnaissance and mine clearance, and determine combat tactics, and simulating the latter in virtual reality.

Keywords: artificial intelligence, international legal policy, legal and ethical regulation of artificial intelligence, digitalization of law, digitalization of state

Financial support: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-00225 "Legal Regulation of the Safe Use of Artificial Intelligence Technologies: Conceptual Models of Safety, Risk Prevention and Responsibility", performed at Southern Federal University.

For citation: Ovchinnikov, A.I., Selivanova, E.S., Konopiy, A.S. & Shirinskikh, P.I. (2025) Priorities and directions of international legal policy in the field of ensuring the safe use of artificial intelligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 270–278. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/29

Введение

Скорость принятия решений – основное и не единственное преимущество технологий больших данных и искусственного интеллекта (ИИ) перед человеческим разумом, достижение которого обеспечивается в том числе за счет частичной или полной автономности передовых технологий. Такой вывод можно сделать, анализируя современные научные гипотезы и рассматривая мировую практику внедрения технологий ИИ в различные сферы. Однако с правовой и этической точек зрения вопрос качества принимаемого решения, его программируемость, прогнозируемость и последствия, имеет более весомое значение перед любыми описываемыми преимуществами. И если раньше, как отмечается, опасности, которые несет в себе искусственный интеллект, были «достоянием произведений исключительно фантастического жанра», то на сегодняшний день они становятся все реальнее [1. С. 13].

Можно сказать, что потенциал технологии ИИ, который помимо созидательного бывает и разрушительным, актуализирует необходимость разработки последовательных и сбалансированных правовых режимов управления ИИ. В настоящий момент создание основ правового регулирования новых общественных отношений, возникающих в связи с развитием ИИ, является одной из ключевых задач РФ в области ИИ [2]. В этой связи свое развитие получает нормативно-правовое регулирование отношений, а также нормативно-техническое и этическое, формирующихся в связи с использованием технологий ИИ. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. к основным принципам развития и использования технологий ИИ в РФ относятся защита прав и свобод человека, безопасность, защищенность, достоверность исходных данных и др. [3]. Однако приоритет общественного блага в развитии ИИ может быть нивелирован стремлением его разработчиков к прибыли, а отдельных государств – к доминированию в данной сфере. Поэтому активную роль в обеспечении баланса интересов общества и бизнеса государств – лидеров

технологического развития и государств, только вступающих на путь цифровизации, должно играть международное сотрудничество, целью которого является достижение консенсуса в подходах к правовому регулированию ИИ, в установлении критериев безопасных, надежных и защищенных систем ИИ. Между тем конкуренция затронула не только сферу разработки ИИ, но и область его правового регулирования с целью обеспечения лидерства не только в области технологического превосходства, но и в сфере установления нормативных, нормативно-технических, этических требований к системам ИИ, а также к их разработчикам, поставщикам и другим лицам, участвующим в производственном цикле ИИ, к особенностям участия ИИ в гражданском обороте. Стремление межправительственных организаций и объединений разработать единые принципы и стандарты использования ИИ, способные реагировать на экзистенциальные угрозы, связанные с развитием ИИ, привело к нарастающему противоречию в данной области между основным центрами силы.

Международно-правовые режимы управления ИИ

Д.П. Васильев [4], исследуя международно-правовые режимы управления ИИ, обращает внимание на то, что разработка правил в сфере регулирования ИИ ведется не только международными организациями, но и специально созданными для этой цели международными учреждениями, например, такими как Глобальное партнерство по ИИ. Последнее было создано решением стран «Большой семерки» исключительно только для обеспечения международного сотрудничества в сфере ИИ и продвижения преимущественно западного подхода к регулированию ИИ. Создание организаций, представляющих интересы ограниченного круга государств, стало уже апробированной методикой, которую используют страны, входящие в так называемый коллективный Запад, для обхода универсальных международных организаций. Д.П. Васильев в своей работе установил тенденцию в регулировании

ИИ, связанную с созданием предпосылок для «формирования нескольких правовых режимов регулирования ИИ и фрагментации глобального регулирования ИИ» [4. С. 74]. Он обращает внимание на то, что «страны Запада пытаются разрабатывать нормы и правила в сфере управления ИИ в рамках не универсальной международной организации (ООН), а в рамках менее инклюзивных международных объединений, таких как ОЭСР, G7 и Партнерство» [4. С. 78].

Между тем для обеспечения целей в области устойчивого развития, для обеспечения устойчивого развития во всех трех его компонентах, а именно экономическом, экологическом и социальном, требуются усилия всего человечества, традиционной площадкой для обсуждения проблем которого являются универсальные международные организации, прежде всего ООН. На сессиях Генеральной Ассамблеи ООН обсуждаются вопросы международного сотрудничества в сфере ИИ, в частности вопросы укрепления международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области ИИ. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил, что «искусственный интеллект не просто меняет наш мир – он его революционизирует». Он также отметил, что «рост технологий опережает нашу способность регулировать их, что вызывает вопросы об ответственности, равенстве, безопасности и сохранении человеческого контроля» [5]. 21 марта 2024 г. была принята Резолюция ООН «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». В средствах массовой информации ее окрестили «первой глобальной резолюцией по ИИ» [6]. Кохтюлина И., Смирнов А. обращают внимание на то, что данная Резолюция была предложена США «не без влияния критики итогов саммита в Блетчли парке» [7] 1–2 ноября 2023 г. По итогам последнего всего 12 государствами – представителями коллективного Запада была подписана Декларация Блетчли, определяющая «правила» глобальной безопасности технологий ИИ. Также в Великобритании был создан Институт безопасности ИИ, который, по замыслу его создателей, должен стать носителем международного стандарта в области безопасности ИИ. В Резолюции ООН подчеркивается актуальность применения потенциала искусственного интеллекта для достижения 17 целей устойчивого развития, обращается внимание на необходимость выработки подходов к управлению ИИ на международном уровне, основанным на международном праве. В Резолюции не рассматриваются вопросы применения ИИ в военной сфере. И. Кохтюлина, А. Смирнов, подводя итоги анализа Резолюции, делают вывод о том, что «на фоне галопирующей гонки ИИ вооружений во многих странах мира данная резолюция явно не отвечает требованиям новых реалий. В силу этого Резолюция не проходит тест Тьюринга» [7]. Российская Федерация нацелена на заключение государствами в рамках ООН не декларативного документа, а юридически обязательного многостороннего международного договора, целями которого должны стать обеспечение мирного использования информационно-коммуника-

ционных технологий, предотвращение и урегулирование межгосударственных конфликтов в глобальном информационном пространстве и др. Данная позиция изложена в концепции Конвенции ООН по международной информационной безопасности [8], разработанной Россией и ее партнерами. К документам ООН, направленным на установление правил в сфере регулирования ИИ и относящимся к источникам «мягкого права», можно также отнести предложенную Китаем и принятую 25 июня 2024 г. на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцию «Об укреплении международного сотрудничества в наращивании потенциала искусственного интеллекта» [9]. В Резолюции декларируется, что развитие искусственного интеллекта должно соответствовать принципам «человекоцентричности», содействовать развитию полезного интеллекта и приносить пользу человечеству. Резолюция направлена, в том числе, и на содействие реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. Важным направлением в развитии системы глобального управления ИИ является создание главой ООН консультативного органа по ИИ. В 2024 г. в итоговом докладе Консультативного органа «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества» [10] изложен план действий по устранению рисков, связанных с ИИ. Обращается внимание на то, что в настоящее время отсутствует единая система управления искусственным интеллектом. Фактически в данной сфере сложилась монополия нескольких транснациональных корпораций, которые могут навязывать большинству населения планеты результаты внедрения ИИ без согласования особенностей такого внедрения и обсуждения судьбоносных для современной цивилизации решений на международном уровне. Особенно этот вопрос актуален в связи с информационным неравенством между странами мира. Управление ИИ должно основываться на уставе ООН и Всеобщей декларации прав человека. Эксперты – члены Консультативного совета ООН высказались о необходимости создания Глобальной сети по развитию потенциала ИИ, а также Глобального фонда ИИ. Последний призван устранить пробелы в потенциале сотрудничества между странами с разным уровнем технологического развития. Эксперты предложили на глобальном уровне наладить научно-техническое сотрудничество, в том числе с целью обеспечения технической совместимости систем ИИ, созданных в разных странах и регионах мира.

Значительную роль в развитии универсальных этических норм в регулировании ИИ играет ЮНЕСКО. Заместитель генерального директора ЮНЕСКО по вопросам социальных и гуманитарных наук Габриэла Рамос обратила внимание на то, что «без этических рамок технологии ИИ могут привести к распространению предубеждений и дискриминации в реальном мире, разжиганию разногласий и угрозе фундаментальным правам и свободам человека» [11].

Следует согласиться с мнением С.В. Никитенко, которое было высказано еще в отношении проекта документа, в том, что «наиболее полным нормативным

актом, претендующим на глобальность и универсальность в области создания и использования ИИ, является Проект рекомендаций ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта» [12. С. 160]. Подготовка проекта велась около двух лет. В разработке документа наряду с представителями пятидесяти пяти стран мира приняли участие также Россия и Китай. В ноябре 2021 г. 193 государства-члена приняли «Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта» [13]. Впервые на международном уровне такое количество стран достигли консенсуса по вопросам этического использования ИИ. Рассматриваемый документ носит рекомендательный характер. Этика искусственного интеллекта в названном документе рассматривается «как систематическое нормативное отражение, основанное на системе взаимосвязанных ценностей, принципов и действий, которые могут направлять общества в ответственном отношении к воздействию технологий искусственного интеллекта на людей, общества, окружающую среду и экосистемы» [14]. К основным областям внедрения этического ИИ Рекомендация относит оценку этического воздействия, этическое руководство, политику в области данных, развитие и международное сотрудничество, окружающую среду и экосистему, гендерную проблематику, культуру, образование и научные исследования, коммуникацию и информацию, экономику и трудовые ресурсы, здравоохранение и социальное благополучие. Данный документ включает 10 принципов в сфере искусственного интеллекта, которыми государства должны руководствоваться при разработке национальных законов и стратегий развития ИИ.

На Саммите будущего 22 сентября 2024 г. государствами – членами ООН был принят Глобальный цифровой договор, который является приложением 1 к Пакту во имя будущего. В Глобальном цифровом договоре излагаются задачи, принципы, обязательства и действия, которые направлены на достижение цели построения инклюзивного, открытого, справедливого, безопасного и устойчивого цифрового будущего для всех в невоенной сфере. Е. Зиновьева, Т. Исаева [15] отмечают, что этот договор продолжил практику глобальных договоров ООН, которые не являются договорами в юридическом смысле данного термина, а представляют собой набор общих принципов, призванных регулировать деятельность различных акторов мировой политики. Авторы акцентируют внимание на том, что «Глобальный договор не удерживает корпорации от нарушения целей устойчивого развития, так как не содержит в себе мер по контролю соблюдения, а является инструментом рекламы для крупных западных транснациональных корпораций».

А.А. Карцхия в своей статье «Правовой формат искусственного интеллекта» [16] приводит мнение Артура Люкманова: «главным изъяном глобального цифрового договора является попытка уравнивать государства с неправительственными организациями в регулировании информационно-коммуникационного пространства, в чем проявляется стремление закрепить доминирование западных IT компаний в ущерб интересам глобального Юга». С ним солидарна Е. Зиновьева, которая считает, что сформулированные в договоре

принципы носят «предвзятый и несбалансированный характер», а «документ завышает роль негосударственных акторов в управлении Интернетом, способствуя размыванию межправительственной природы ООН, акцентирует значимость прав человека в западной трактовке и не учитывает принцип государственного суверенитета» [17].

Следует отметить, что Россия не поддержала Глобальный цифровой договор, поскольку для нашей страны справедливая и инклюзивная система глобального управления в цифровом пространстве имеет приоритетное значение, как и вопросы информационной безопасности и цифрового суверенитета. Е. Зиновьева отмечает, что для Глобального Юга приоритетным является преодоление цифрового разрыва, борьба с цифровым неокOLONиализмом и неокOLONиализмом данных. Применительно управления ИИ в Глобальном цифровом договоре отмечается «необходимость сбалансированного и основанного на оценке рисков подхода к управлению ИИ при равном представительстве всех стран и полноценном участии всех сторон».

Одним из направлений деятельности ООН, в рамках которого между государствами ведутся переговоры, является разработка подходов к правовому регулированию смертоносных автономных систем вооружения (САС) (Lethal Autonomous Weapons Systems, LAWS). Для России эта тема весьма чувствительна, так как она является лидером в создании боевых робототехнических комплексов. Так, 2 декабря 2024 г. Генеральной Ассамблеей ООН подавляющим большинством была принята Резолюция о смертоносных автономных системах оружия, однако Российская Федерация была среди тех стран, которые проголосовали «против» по вопросу повестки. В докладе, представленном Россией в Женеве, отмечено, что Российская Федерация «исходит из того, что работа по выработке рабочего определения и базовых функций во многом должна выстраиваться исходя из конечной цели дискуссии по проблематике САС – изучение возможностей наиболее адекватного использования данного вида оружия в будущем и поддержания над ним должного уровня контроля со стороны человека» [18]. Согласно официальному комментарию представителя делегации Российской Федерации, «площадка КНО является единственно оптимальной для обсуждения всего комплекса вопросов, связанных с проблематикой САС» [19]. Поддерживаем данную позицию и считаем, что создание и обсуждение предлагаемого международного соглашения должно проходить с обязательным участием Российской Федерации, для чего требуется разработать собственные предложения и инициативы в области правового регулирования технологий ИИ, применяемых в вооруженных конфликтах.

При полной автономности искусственного интеллекта прогнозируемость отдельных действий фактически оказывается недостижимой. Подтверждением этого является применение САС, которые давно стали частью вооруженного разрешения межгосударственных и внутригосударственных противоречий, но с внедрением искусственного интеллекта приобрели новое проблемное звучание. При анализе данных технологий, действующих на основе искусственного интеллекта,

подчеркивается существенная разница автоматизированных и автономных систем, что, на наш взгляд, окажется важным в последующем для определения пределов применения таких технологий и круга субъектов, подлежащих юридической ответственности. Так, примечательна позиция французского сообщества, согласно которой «системы, заранее запрограммированные на то, чтобы действовать определенным образом без какой-либо свободы адаптации, изменения или усмотрения, будут рассматриваться как автоматизированные, а не автономные», в свою очередь последними будут признаваться те, которые действуют при полном отсутствии контроля со стороны человека, «что означает абсолютное отсутствие связи (коммуникации или контроля) с военной цепочкой командования» [20]. Именно второй тип технологий, применяемых в военной сфере, представляет сегодня особый научный и практический интерес.

Следует обратить внимание, что из обозначенных выше характеристик очевидны риски при применении технологий искусственного интеллекта в военных конфликтах, выражающиеся в автономности ИИ, включающей опасность бесконтрольности, непредсказуемости, предвзятости систем, действующих на основе данных цифровых технологий. Однако указанные риски не препятствуют различным странам создавать и использовать смертельные технологии, управление которых исключено из ведения человека. Так, официально первый случай применения САС, действующих на основе ИИ, был зафиксирован Советом Безопасности ООН в связи с использованием в марте 2020 г. турецкого беспилотника *Kargu-2* на территории Ливии [21]. Помимо этого, такие автономные устройства, как «Х-47В», «Шарп Клау I», «Иджис» и другие беспилотные системы и беспилотные летательные аппараты (БПЛА), сегодня становятся оружием, применяемым в военных конфликтах современности, что требует нового взгляда на международное гуманитарное право и права человека.

Итак, при разработке и применении ИИ в военных целях однозначно необходимо учитывать гуманитарный аспект. Отметим, что наряду с Женевскими конвенциями 1949 г. и дополнительными протоколами 1977 г., устанавливающими правила ведения войны и защиты гражданских лиц, раненых и военнопленных, следует обратить внимание на такие международные правовые документы, как Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г., Римский статут Международного уголовного суда 1998 г., Рекомендация ООН по этике в области искусственного интеллекта 2021 г. Подчеркнем, что одним из принципов международного гуманитарного права является принцип различия между гражданскими лицами и комбатантами, суть которого в том, что военный конфликт происходит между вооруженными силами государств, а не населением.

Однако возможность соблюдения данного принципа ставится под сомнение при использовании искус-

ственного интеллекта, систем, действующих на его основе. Ученые отмечают, что «использование таких технологий, как ИИ... порождает неопределенность, потенциально увеличивая риск ошибочного или произвольного нападения на гражданских лиц» [22. Р. 417].

Исходя из изложенного, считаем, что системы, действующие на основе ИИ, предназначенные для поражения живой цели, относятся к оружию, которое может иметь неоправданные и непредсказуемые последствия, и в силу принципов, заложенных в международно-правовых документах и международном гуманитарном праве, не должны применяться в вооруженных конфликтах.

Важно отметить, что в настоящий момент противоречия между странами относительно принципов управления глобальным информационным пространством в целом и искусственным интеллектом в частности нарастают. Международный консенсус по многим вопросам правового регулирования искусственного интеллекта в настоящее время не достигнут. Поэтому важную роль в обеспечении определения рамок правового регулирования ИИ играют отдельные объединения государств, например БРИКС, G7, J 20, ОЭСР, Глобальное партнерство по ИИ, а также региональные организации. Так, огромную роль и влияние на международные стандарты правового регулирования ИИ имеет нормотворческая деятельность в данной сфере Европейского Союза. К региональным организациям, участвующим в формировании правового режима ИИ, можно также отнести Совет Европы, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Содружество независимых государств (СНГ), Лигу Арабских государств (ЛАГ), Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В разных регионах мира складывается разный подход к правовому регулированию ИИ. Так, Европейский Союз является представителем так называемого «жесткого права», в отличие от которого большинство региональных объединений придерживается концепции «мягкого права». Регламент или Закон об искусственном интеллекте ЕС [23], принятый 13 марта 2024 г. Европарламентом, представляет собой обязательный к исполнению нормативный правовой акт, в котором устанавливаются требования к размещению, вводу в эксплуатацию, использованию искусственного интеллекта в ЕС, а также меры юридической ответственности за нарушение требований Закона. В данном Законе реализован риск-ориентированный подход, который позволяет несколько ретушировать императивные нормы, четко определяя запреты только в отношении определенной группы систем ИИ – высокорисковых и неприемлемых. Несмотря на то, что Закон об ИИ принят для регулирования сферы ИИ в ЕС, он имеет экстерриториальное действие, поскольку любые поставщики, разработчики, операторы систем ИИ, ориентированные на внедрение систем и моделей ИИ на рынке ЕС, вынуждены принимать во внимание и следовать требованиям, закрепленным в законе ЕС об ИИ. Более того, как отмечается в отечественной литературе, исследование европейского подхода к регулированию ИИ особо актуализируется в связи с подготов-

кой модельного закона СНГ «Об искусственном интеллекте» [24. С. 4–5]. В отличие от подхода, реализованного в большинстве международных и региональных объединениях, где регулирование является фрагментарным, основанным на документах, носящих рекомендательный характер, ЕС последовательно создает комплексную нормативную базу для полноценного регулирования ИИ.

Вместе с тем вопрос разработки этических принципов, рекомендаций и стандартов в сфере искусственного интеллекта также входит в область задач Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Участники межправительственной организации создали «Руководство по управлению и этике искусственного интеллекта (ИИ)» [25], содержащее общие принципы, правила и рекомендации, способствующие ответственному использованию технологий ИИ на пространствах объединения. Подход, разработанный АСЕАН, во многом отличается от европейского, направленного на глобальную стандартизацию способов и правил регулирования ИИ. В отличие от ЕС АСЕАН призывает учитывать культурные особенности участников, а также отходит от необходимости установления строгих критериев категоризации риска в области ИИ. Тем самым такая концепция формирует альтернативную европейской модель регулирования ИИ.

О разработке общего подхода к законодательному регулированию сферы ИИ заявляют и участники таких межгосударственных объединений, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в состав которых входит Российская Федерация. В частности, 4 июля 2024 г. государства – члены ШОС закрепили «готовность совместно работать над предотвращением рисков в целях постоянного повышения безопасности, подотчетности, надежности, доверенности и справедливости технологий искусственного интеллекта во благо всего человечества» в Астанинской декларации объединения [26]. Стремление разработать общее межгосударственное руководство в отношении этического и ответственного использования ИИ подтверждается п. 57 Пекинской декларации, принятой по итогам XIV саммита БРИКС [27]. По ее итогам вопросы по формированию этических стандартов в области ИИ включены в повестку дня заседаний БРИКС.

В целях обеспечения безопасности и этичности использования искусственного интеллекта в РФ в 2021 г. принимается «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» [28], разработанный Альянсом в сфере ИИ. К настоящему моменту среди подписантов Кодекса числятся помимо российских и иностранные участники, что придает российскому институту саморегулирования в сфере ИИ более глобальный характер. Однако, несмотря на присутствие в названии документа слова «кодекс», Ю.Г. Арзамасов не рассматривает его в качестве классического кодифицированного закона, а относит к определенному виду корпоративных соглашений по причине наличия среди подписантов корпорации [29. С. 140].

Заключение

В зависимости от преобладания рекомендательных или обязательных норм выделяют три модели правового регулирования ИИ: модель «мягкого» правового регулирования характеризуется направленностью на развитие декларативных норм рекомендательного характера; вторая модель, называемая «жесткой», отличается наличием императивных методов правового регулирования ИИ; наконец, третья модель, именуемая «смешанной» [29. С. 137] или же «гибридной» [30. С. 148], совмещает рекомендательные и императивные методы. Можно сделать вывод, что формирующиеся полярные тенденции в сфере регулирования ИИ не позволяют прийти к общему знаменателю в вопросе формирования международных стандартов правового регулирования ИИ. Данная позиция подтверждается и наличием противоборствующих подходов, сформированных на уровне отдельных объединений государств и региональных организаций. Так, в ответ на стремление Европейского Союза к установлению глобального стандарта управления искусственным интеллектом государства Юго-Восточной Азии сформировали альтернативную модель регулирования ИИ, учитывающую различие правовых систем государств – членов АСЕАН, а также их культурных особенностей. Вместе с тем столкновение существенно расходящихся и контрастирующих подходов в вопросе правового регулирования ИИ со временем позволит сформировать наиболее эффективные, действенные и универсальные международные стандарты правового регулирования ИИ.

Исследование приоритетов и направлений международно-правовой политики в сфере обеспечения безопасного использования искусственного интеллекта позволило прийти к выводу, что в настоящий период времени в регулировании ИИ на международном уровне превалируют преимущественно документы рекомендательного характера (за исключением Регламента или Закона об искусственном интеллекте ЕС, принятого 13 марта 2024 г. Европарламентом, который носит обязательный характер), наметилась тенденция к регионализации правового регулирования ИИ, а также конкуренция между странами и их объединениями за лидерство не только в технологической сфере, но и в области установления этических, технических стандартов и нормативных требований к ИИ. По многим вопросам правового регулирования ИИ на международном уровне так и не удалось пока достичь консенсуса.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на необходимость определения международных правовых рамок при применении данных технологий в военных конфликтах. На сегодняшний момент научный дискурс, наблюдаемый в работах отечественных ученых в области применения технологий искусственного интеллекта в военных целях, в своем большинстве сосредоточен на описании угроз и рисков использования технологий ИИ в военном управлении, а предлагаемые решения, способы и методы правового регулирования чаще всего сводятся к общим формулировкам: например, «формирование... законодательно-правовой базы и соответствующих

инфраструктур должно происходить на много раньше фактического использования ИИ» [31]. На наш взгляд, ввиду стремительного развития ИИ важное значение имеет разработка более практических рекомендаций. Для этого подчеркнем главное. Искусственный интеллект не наделен критическим мышлением, поэтому не способен и не должен нести ответственность за принятие решений в вооруженных, военных конфликтах. Исходя из чего считаем возможным предложить, наряду с общими принципами ответственного использования технологий искусственного интеллекта, при применении данных технологий в военных конфликтах учитывать в качестве определенных международных правовых рамок следующее:

1. Считать допустимым использование и применение технологий ИИ в военных конфликтах в следующих целях: для обеспечения кибербезопасности, защиты военной инфраструктуры и законных оборонных интересов государства, для аналитики и обработки больших

объемов данных, для наблюдения, разведки и разминирования, для определения тактики ведения боя и моделирования последнего в виртуальной реальности.

2. При использовании в военных конфликтах цифровых передовых технологий, направленных на поражение живой цели, исходя из защиты безопасности населения, считать допустимым применение только автоматизированного оружия, находящегося в пределах человеческого контроля, поскольку искусственный интеллект не может быть наделен функцией и правом принятия решения о применении силы.

Однако ввиду того, что «ведущие страны, участвующие в разработке САС (США, Китай, Россия и др.), не намерены отказываться от них, апеллируя к возможности ограничения применения» [32. С. 29], реализация предложенного подхода в военных конфликтах будет возможна только при заключении многостороннего юридически обязывающего соглашения о запрете использования полностью автономных систем, действующих исключительно на основе ИИ, для поражения живой цели.

Список источников

1. Баринов Э.Э. Модернизация правового пространства России в условиях развития цифровых и информационных технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11, № 3. С. 9–15.
2. Искусственный интеллект Российской Федерации // Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (дата обращения: 15.01.2025).
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (дата обращения: 15.01.2025).
4. Васильев Д.П. Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 74–88.
5. Глава ООН – о будущем ИИ: прогресс и новые вызовы для человечества // Организация объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/12/1459561> (дата обращения: 15.01.2025).
6. World's first global AI resolution unanimously adopted by United Nations. URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2024/03/worlds-first-global-ai-resolution-unanimously-adopted-by-united-nations/> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Коктолина И., Смирнов А. Первая Резолюция Генассамблеи ООН по искусственному интеллекту. Пройдет ли резолюция тест Тьюринга в новых реалиях? // Международная жизнь. 29.03.2024. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/45318> (дата обращения: 17.01.2025).
8. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности // Комитет Государственной Думы по международным делам. URL: <https://interkomitet.ru/blog/2011/09/22/konventsia-ob-obespechenii-mezhdunarodnoj-informatsionnoj-bezopasnosti-kontseptsia/> (дата обращения: 17.01.2025).
9. Укрепление международного сотрудничества в деле наращивания потенциала в области искусственного интеллекта / Enhancing international cooperation on capacity-building of artificial intelligence, Генеральная Ассамблея ООН // Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/mezhdunarodnye-dokumenty-po-razvitiyu-ii/2024_ukreplenie_mezhdunarodnogo_sotrudnichestva_v_dele_narashchivaniya_potenciala_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_enhancing_international_cooperation_on_capacity-building_of_artificial_intelligence_generalnaya_assambleya_oon/ (дата обращения: 18.01.2025).
10. В ООН представили план по управлению искусственным интеллектом // Организация объединенных наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456466> (дата обращения: 18.01.2025).
11. Этические аспекты искусственного интеллекта // ЮНЕСКО. URL: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 20.01.2025).
12. Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 2. С. 151–163.
13. Рекомендация по этическим аспектам искусственного интеллекта // Цифровая библиотека ЮНЕСКО. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 20.01.2025).
14. 2021 Рекомендация об этике искусственного интеллекта // Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2021_rekomendaciya_ob_etike_iskusstvennogo_intellekta_recommendation_on_the_ethics_of_artificial_intelligence_unesco/ (дата обращения: 20.01.2025).
15. Зиновьева Е., Исаева Т. Глобальный цифровой договор ООН: возможна ли прикладная реализация? // Международная жизнь. 28.10.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37601> (дата обращения: 21.01.2025).
16. Карцхия А.А. Правовой формат искусственного интеллекта // Правовая информатика. 2024. № 2. С. 126.
17. Зиновьева Е. Что не так с Глобальным цифровым договором // Российский совет по международным делам. 31.10.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/> (дата обращения: 21.01.2025).
18. О российских подходах к выработке рабочего определения и базовых функций смертоносных автономных систем вооружений в контексте целей и задач Конвенции. Доклад делегации РФ. Женева, 9–13 ноября 2018 г. URL: [https://doc.library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_Group_of_Governmental_Experts_\(2018\)/CCW_GGE.1_2018_WP.6.pdf](https://doc.library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_Group_of_Governmental_Experts_(2018)/CCW_GGE.1_2018_WP.6.pdf) (дата обращения: 21.01.2025).
19. Выступление представителя делегации Российской Федерации с разъяснением позиции по проекту резолюции «Смертоносные автономные системы вооружений» L.77 в Первом комитете 79-й сессии ГА ООН, Нью-Йорк, 6 ноября 2024 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1979940/ (дата обращения: 06.03.2025).
20. The Weaponization of Increasingly Autonomous Technologies: Concerns, Characteristics and Definitional Approaches // UN Institute for Disarmament Research, (UNIDIR). URL: <https://unidir.org/files/publication/pdfs/the-weaponization-of-increasingly-autonomous-technologies-concerns-characteristics-and-definitional-approaches-en-689.pdf> (дата обращения: 04.03.2025).

21. Hernandez J. A Military Drone With A Mind Of Its Own Was Used In Combat, U.N. Says. URL: <https://www.npr.org/2021/06/01/1002196245/a-u-n-report-suggests-libya-saw-the-first-battlefield-killing-by-an-autonomous-d> (дата обращения: 05.03.2025).
22. Yordanova K. Artificial Intelligence and Armed Conflicts // Smuha N.A. (Ed.) The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence. Cambridge Law Handbooks. Cambridge University Press. 2025. P. 411–428.
23. European Artificial Intelligence Act comes into force // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_4123 (дата обращения: 20.01.2025).
24. Мельникова Е.Н. Наднациональное правовое регулирование искусственного интеллекта как инструмент распределения ответственности за причиненный вред (опыт Евросоюза) // Российский юридический журнал. 2024. № 2. doi: 10.34076/207137972024_2_38
25. Руководство по управлению и этике искусственного интеллекта (ИИ) // Association of Southeast Asian Nations. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (дата обращения: 22.01.2025).
26. Астанинская декларация совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectesco.org/20240704/1420683.html> (дата обращения: 22.01.2025).
27. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 22.01.2025).
28. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).
29. Арзамасов Ю.Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148.
30. Кобец П.Н. Анализ международных основ и зарубежного законодательства в сфере правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2 (93). С. 146–150.
31. Казеян Х.А., Арутюнян Г.Э. Проблемы применения искусственного интеллекта в военном управлении // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 34–45.
32. Скуратова А.Ю., Королькова Е.Е. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2019. № 1 (124). С. 22–30.

References

1. Barinov, E.E. (2024) Modernizatsiya pravovogo prostranstva Rossii v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh i informatsionnykh tekhnologiy [Modernization of the Legal Space of Russia in the Context of the Development of Digital and Information Technologies]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 11 (3). pp. 9–15.
2. Ai.gov.ru. (n.d.) *Iskusstvennyy intellekt Rossiyskoy Federatsii* [Artificial Intelligence of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (Accessed: 15.01.2025).
3. President of Russia. (n.d.) *Natsional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda* [National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/1> (Accessed: 15.01.2025).
4. Vasil'ev, D.P. (2023) Formirovaniye mezhhdunarodnykh rezhimov upravleniya iskusstvennym intellektom: klyuchevye tendentsii i osnovnye aktory [Formation of International Artificial Intelligence Governance Regimes: Key Trends and Major Actors]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 8. pp. 74–88.
5. UN. (2024) *Glava OON – o budushchem II: progress i novye vyzovy dlya chelovechestva* [UN Head – on the Future of AI: Progress and New Challenges for Humanity]. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2024/12/1459561> (Accessed: 15.01.2025).
6. Arstechnica.com. (2024) *World's first global AI resolution unanimously adopted by United Nations*. [Online] Available from: <https://arstechnica.com/information-technology/2024/03/worlds-first-global-ai-resolution-unanimously-adopted-by-united-nations/> (Accessed: 15.01.2025).
7. Kokhtyulina, I. & Smirnov, A. (2024) *Pervaya Rezolyutsiya Genassamblei OON po iskusstvennomu intellektu. Proydet li rezolyutsiya test Tyuringa v novykh realiyakh?* [The First UN General Assembly Resolution on Artificial Intelligence. Will the Resolution Pass the Turing Test in the New Realities?]. *Mezhhdunarodnaya zhizn'*. 29 March. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/45318> (Accessed: 17.01.2025).
8. State Duma Committee on International Affairs. (2011) *Konventsia ob obespechenii mezhhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti* [Convention on Ensuring International Information Security]. [Online] Available from: <https://interkomitet.ru/blog/2011/09/22/konventsia-ob-obespechenii-mezhhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti-kontseptsia/> (Accessed: 17.01.2025).
9. United Nations. (2024) *Ukreplenie mezhhdunarodnogo sotrudnichestva v dele narashchivaniya potentsiala v oblasti iskusstvennogo intellekta / Enhancing international cooperation on capacity-building of artificial intelligence*. General Assembly. [Online] Available from: https://ai.gov.ru/knowledgebase/mezhhdunarodnye-dokumenty-po-razvitiyu-ii/2024_ukreplenie_meghdunarodnogo_sotrudnichestva_v_dele_narashchivaniya_potentsiala_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_enhancing_international_cooperation_on_capacity-building_of_artificial_intelligence_generalnaya_assambleya_oon/ (Accessed: 18.01.2025).
10. UN. (2024) *V OON predstavili plan po upravleniyu iskusstvennym intellektom* [UN Presents Plan for Artificial Intelligence Governance]. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1456466> (Accessed: 18.01.2025).
11. UNESCO. (n.d.) *Eticheskie aspekty iskusstvennogo intellekta* [Ethical Aspects of Artificial Intelligence]. [Online] Available from: <https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (Accessed: 20.01.2025).
12. Nikitenko, S.V. (2021) *Mezhhdunarodno-pravovoe regulirovaniye iskusstvennogo intellekta: analiz tekushchego sostoyaniya i perspektivy razvitiya* [International Legal Regulation of Artificial Intelligence: Analysis of Current State and Development Prospects]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*. 1 (2). pp. 151–163.
13. UNESCO. (2021) *Rekomendatsiya po eticheskim aspektam iskusstvennogo intellekta* [Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence]. [Online] Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (Accessed: 20.01.2025).
14. Ai.gov.ru. (2021) *2021 Rekomendatsiya ob etike iskusstvennogo intellekta* [2021 Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence]. [Online] Available from: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-mezhhdunarodnykh-organizatsiy-po-ii/2021_rekomendatsiya_ob_etike_iskusstvennogo_intellekta_recommendation_on_the_ethics_of_artificial_intelligence_unesco/ (Accessed: 20.01.2025).
15. Zinov'eva, E. & Isaeva, T. (2022) *Global'nyy tsifrovoy dogovor OON: vozmozhna li prikladnaya realizatsiya?* [UN Global Digital Compact: Is Applied Implementation Possible?]. *Mezhhdunarodnaya zhizn'*. 28 October. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/37601> (Accessed: 21.01.2025).
16. Kartskhiya, A.A. (2024) *Pravovoy format iskusstvennogo intellekta* [Legal Format of Artificial Intelligence]. *Pravovaya informatika*. 2. p. 126.
17. Zinov'eva, E. (2024) *Chto ne tak s Global'nym tsifrovym dogovorom* [What Is Wrong with the Global Digital Compact]. *Rossiyskiy sovet po mezhhdunarodnym delam*. 31 October. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/> (Accessed: 21.01.2025).
18. Russian Federation. (2018) *O rossiyskikh podkhodakh k vyrabotke rabochego opredeleniya i bazovykh funktsiy smertonosnykh avtonomnykh sistem vooruzheniy v kontekste tseye i zadach Konventsii* [On Russian Approaches to Developing a Working Definition and Basic Functions of Lethal Autonomous Weapons Systems in the Context of the Goals and Objectives of the Convention]. Report of the Delegation of the Russian Federation. Geneva, November 9–13, 2018. [Online] Available from: [https://documents-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_Group_of_Governmental_Experts_\(2018\)/CCW_GGE.1_2018_WP.6.pdf](https://documents-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_Group_of_Governmental_Experts_(2018)/CCW_GGE.1_2018_WP.6.pdf) (Accessed: 21.01.2025).

19. Russian Federation. (2024) *Vystuplenie predstavatelya delegatsii Rossiyskoy Federatsii s raz'yasneniem pozitsii po proektu rezolyutsii "Smertnosnye avtonomnye sistemy vooruzheniy" L.77 v Pervom komitete 79-y sessii GA OON, N'yu-York, 6 noyabrya 2024 goda* [Statement by the Representative of the Delegation of the Russian Federation Explaining the Position on Draft Resolution "Lethal Autonomous Weapons Systems" L.77 in the First Committee of the 79th Session of the UN General Assembly, New York, November 6, 2024]. *Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/press_service/1979940/ (Accessed: 06.03.2025).
20. UN Institute for Disarmament Research (UNIDIR). (n.d.) *The Weaponization of Increasingly Autonomous Technologies: Concerns, Characteristics and Definitional Approaches*. [Online] Available from: <https://unidir.org/files/publication/pdfs/the-weaponization-of-increasingly-autonomous-technologies-concerns-characteristics-and-definitional-approaches-en-689.pdf> (Accessed: 04.03.2025).
21. Hernandez, J. (2021) *A Military Drone With A Mind Of Its Own Was Used In Combat, U.N. Says*. [Online] Available from: <https://www.npr.org/2021/06/01/1002196245/a-u-n-report-suggests-libya-saw-the-first-battlefield-killing-by-an-autonomous-d> (Accessed: 05.03.2025).
22. Yordanova, K. (2025) Artificial Intelligence and Armed Conflicts. In: Smuha, N.A. (ed.) *The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence*. Cambridge Law Handbooks. Cambridge University Press. pp. 411–428.
23. European Commission. (2024) *European Artificial Intelligence Act comes into force*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_4123 (Accessed: 20.01.2025).
24. Mel'nikova, E.N. (2024) *Nadnatsional'noe pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta kak instrument raspredeleniya otvetstvennosti za prichinennyy vred (opyt Evrosoyuz)* [Supranational Legal Regulation of Artificial Intelligence as a Tool for Distributing Liability for Harm Caused (Experience of the European Union)]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2. doi: 10.34076/207137972024_2_38
25. Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). (2024) *Rukovodstvo po upravleniyu i etike iskusstvennogo intellekta (II)* [ASEAN Guide on AI Governance and Ethics]. [Online] Available from: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/02/ASEAN-Guide-on-AI-Governance-and-Ethics_beautified_201223_v2.pdf (Accessed: 22.01.2025).
26. Shanghai Cooperation Organisation (SCO). (2024) *Astanskaya deklaratsiya sovetu glav gosudarstv – chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva* [Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation]. [Online] Available from: <https://rus.sectsc.org/20240704/1420683.html> (Accessed: 22.01.2025).
27. BRICS. (2022) *Pekinskaya deklaratsiya XIV sammita BRIKS* [Beijing Declaration of the XIV BRICS Summit]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (Accessed: 22.01.2025).
28. Ethics.a-ai.ru. (n.d.) *Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta* [Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence]. [Online] Available from: <https://ethics.a-ai.ru/> (Accessed: 20.01.2025).
29. Arzamasov, Yu.G. (2023) *Optimal'naya model' pravovogo regulirovaniya v sfere iskusstvennogo intellekta* [Optimal Model of Legal Regulation in the Sphere of Artificial Intelligence]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2 (53). pp. 133–148.
30. Kobets, P.N. (2024) *Analiz mezhdunarodnykh osnov i zarubezhnogo zakonodatel'stva v sfere pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [Analysis of International Foundations and Foreign Legislation in the Sphere of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence Technologies]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 30 (2). pp. 146–150.
31. Kazeyan, Kh.A. & Arutyunyan, G.E. (2023) *Problemy primeneniya iskusstvennogo intellekta v voennom upravlenii* [Problems of Using Artificial Intelligence in Military Management]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 6. pp. 34–45.
32. Skuratova, A.Yu. & Korol'kova, E.E. (2019) *Smertnosnye avtonomnye sistemy vooruzheniy: problemy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya* [Lethal Autonomous Weapons Systems: Problems of International Legal Regulation]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1 (124). pp. 22–30.

Информация об авторах:

Овчинников А.И. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: k_fp3@mail.ru

Селиванова Е.С. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: seliv.76@mail.ru

Конопий А.С. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: konopy-anna@mail.ru

Ширинских П.И. – ведущий специалист Центра государственной научной аттестации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: shirinskikh1999@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.I. Ovchinnikov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: k_fp3@mail.ru

E.S. Selivanova, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Civil Law, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: seliv.76@mail.ru

A.S. Konopiy, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: konopy-anna@mail.ru

P.I. Shirinskikh, leading specialist, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: shirinskikh1999@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2025;
одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 28.11.2025.*

*The article was submitted 11.03.2025;
approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 28.11.2025.*